МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2020 **№ 66**

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

ISSN 1998-8613
e-ISSN 2311-2387

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета; **Дацышен Владимир Григорьевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США); **Иванова Наталья Анатольевна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва); **Кирюшин Юрий Федорович**, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул); **Красильников Сергей Александрович**, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН; **Мерлин Од**, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии); **Функ Дмитрий Анатольевич**, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва); **Ермекбай Жарас Акишевич**, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

EDITORIAL COUNCIL OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul,** PhD, prof. Colby College (Waterville, USA), **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, head of the Center for the study of strategic issues in northeast Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Ermekbay Zharas A.,** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Федосов Егор Андреевич,** канд. ист. наук, ассистент кафедры российской истории – ответственный секретарь; **Молодин Вячеслав Иванович**, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедры российской истории Томского государственного университета; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета; **Троицкий Евгений Флорентьевич**, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения Томского государственного университета; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета; **Чиндина Людмила Александровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

EDITORIAL BOARD OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Zinoviev Vasiliy P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Fedosov Egor A.**, Executive Editor, PhD (History), lecturer of Department of Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University**;** **Ryndina Olga M.**, Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University; **Troizkiy Eugeniy F.**, Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS**; Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

© Томский государственный университет, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Андреев А.Е. Исследование деятельности губернских и уездных учреждений Министерства внутренних дел перед Февральской революцией 1917 года (на примере Тверской губернии) 5
Безнин М.А., Димони Т.М. К вопросу о подходах в изучении основных этапов социально-экономической трансформации Советской России от аграрного к капитализированному обществу 13
Брумм К.А. К вопросу об адаптации производственных объединений промышленного сектора Алтайского края к рыночной модели экономики в первой половине 1990-х гг. (на примере ОАО «Барнаульский аппаратурно-механический завод») 22
Запарий В.В., Бармин А.В., Тарасов Р.С. Поиски выхода из тупика: металлургия Урала в последней трети XIX в. 30
Ковганов С.Я. Особенности обучения сотрудников в системе НКГБ СССР (на примере Новосибирской межкраевой школы НКГБ СССР) 39
Колева Г.Ю., Колев Ж.М. Советский нефтяной экспорт 1950–1960-х гг. на фоне изменений на международной арене и деятельности СЭВ 44
Тригуб А.П., Вовчук Л.А. Протягивая руку помощи… Американская гуманитарная помощь населению Тираспольского уезда (1922–1923 гг.) 58
Федоров А.Н. Факторы карьерного роста региональных руководителей в 1945–1953 гг. (на примере политической биографии А.Б. Аристова) 65
Якуб А.В. Государство и филателия в Советской России начала 1920-х гг.: нормативно-правовая база 75

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Гарбарт М.И. «Мягкая сила» КНР в Латинской Америке в контексте реализации инициативы «Один пояс, один путь» 79
Дёмин Ю.А. Советская дипломатия и ее участие в республиканской кампании в Иране (1924 г.) 86
Лукинский Н.А., Савкович Е.В. Позиция Китайской Народной Республики в торговой войне с США (2018 г. – настоящее время) 94
Хахалкина Е.В., Мунько А.В. Эволюция антииммиграционных взглядов Э. Пауэлла в контексте процессов деколонизации в 1950–1960-е гг. 100

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

Беляев Л.А., Шокарев С.Ю. Некрополь последних бояр Романовых: сибирские коннотации 107
Бесков А.А. От мифов древности к мифам историографии: проблема древнерусского бога Хорса как симптом болезни науки о мифах 118
Иерусалимский Ю.Ю., Давыдов В.В., Коскина М.М. Актуальные проблемы изучения Русской Америки в современной отечественной исторической литературе 130
Мицук А.А. «Через единоверие к религиозному примирению»: миссионерская практика в интерпретации профессора Казанской духовной академии М.Н. Васильевского 143

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Alexey E. Andreev. Study of the activities of provincial and district institutions of the Ministry of the interior before the February Revolution of 1917 (on the example of the Tver province) 5
Mickhail A. Beznin, Tatiana M. Dimon. On approaches to studying the main stages of the socio-economic transformation of Soviet Russia from an agrarian to a capitalized society 13
Konstantin A. Brumm. The question of adaptation of manufacturing groups belonging to the industrial sector of Altai Krai to the market economy model during the first half of 1990s as exemplified by Barnaul instrument and mechanical plant (*OAO BAMZ*) 22
Vladimir V. Zaparyi, Aleksandr V. Barmin, Roman S. Tarasov. Finding a way out of the impasse: metallurgy of the Urals in the last third of the XIX century 30
Sergey Ya. Kovganov, Special aspects of employee training in the system of the NKGB of the USSR (on the example of the Novosibirsk inter-regional school of the NKGB of the USSR) 39
Galina Yu. Koleva, Jacko M. Kolev. Soviet oil exports in the 1950s and 1960s alongside the changes in the international arena and COMECON activities 44
Alexander P. Trygub, Ludmila A Vovchuk. Lending a helping hand... American humanitarian relief to the population of the Tiraspol district (1922–1923) 58
Aleksey N. Fedorov. The factors of regional leaders's career progress in 1945–1953 (by the example of A.B. Aristov's political biography) 65
Alexey V. Yakub. State and philately in Soviet Russia in the early 1920s: legal framework 75

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Maxim I. Garbart. Chinese soft power in Latin America in context of “one belt, one road” implementation 79
Iurii A. Demin. Soviet diplomacy and its participation in the republican campaign in Iran (1924) 86
Nikolai A. Lukinskiy, Yevgeni V. Savkovich. The position of the People's Republic of China in the trade war with the United States (2018 – present) 94
Elena V. Khakhalkina, Anastasiya V. Munko. The evolution of anti-immigration views of E. Powell in the context of the decolonization in the 1950–1960s 100

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE AND METODOLOGY OF HISTORY

Leonid A. Belyaev, Sergei Yu. Shokarev. The last Romanovs the boyars, their necropolis and its siberian connotations 107
Andrey A. Beskov. From ancient myths to myths of historiography: the problem of the old Russian god Khors as a symptom of the ‘malady’ of mythological studies 118
Yury Yu. Ierusalimskiy, Vyacheslav V. Davydov, Maria M. Koskina. Topical problems of studying Russian America in modern russian historical literature 130
Aleksey A. Mitsuk. “Through edinoverie to the religious reconciliation”: missionary practice in interpretation of the Kazan theological academy professor M.N. Vasilievsky 143

Пиков Г. Г. Формирование исторического подхода к изучению восточноазиатских кочевников в трудах В.П. Васильева (1818–1900) 151
Рогаева И. Е. Отыскать «прошлое как настоящее»: место отцов-пилигримов в памяти американской нации 157

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Воробей И.Е., Хаховская Л.Н., Митько О.А. Дополнительные сведения о комплексах ударной огнедобычи в погребальной практике коряков Северо-эвенского района Магаданской области ……..... 164
Лукина Н.В. Полвека новой жизни (памяти В.Н. Чернецова) ……..... 172
Серегин Н.Н., Чен А. Китайский импорт из памятников тюрок Центральной Азии (VI–XI вв. н.э.): динамика распространения, историко-культурный контекст 181

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Морев В.А. Почтово-телеграфные реформы в Западной Сибири в 1860–1880-е гг. 190

РЕЦЕНЗИИ

Лойко О.Т. Монография И.С. Соловенко «Протестное движение шахтеров России в 1992–1999 гг.» как источник по изучению проблем угольной промышленности России в постсоветский период 196

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 199

Gennady G. Pikov. Formation of a historical approach to the study of East Asian nomads in the works of V.P. Vasiliev (1818–1900) 151
Irina A. Rogaeva. Find “The past as the present”: the place of the pilgrim fathers in the memory of the American nation 157

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Igor E. Vorobey, Lydmila N. Khakhovskaya, Oleg A Mitko. A new information about fire-making apparatus in the funeral practice of Koryaks of North-even district, Magadan region 164
Nadeshda V. Lukina. Half a century of new life (in memory of V.N. Chernetsov) 172
Nikolai N. Seregin, Annie Chan. Cinese imports from the sites of Central Aian Turks (VI–XI centuries ad): dynamics of distribution, historical and cultural context 181

PROBLEMS OF HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Vladimir A. Morev. Postal-telegraphic reforms in Western Siberia in 1860–1880s 190

REVIEW

Olga T. Loiko. I.S. Solovenko's monograph “The protest movement of Russian miners in 1992–1999” as a source for studying the problems of the Russian coal industry in the post-soviet period 196

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS..... 199

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 35(091)
DOI: 10.17223/19988613/66/1

А.Е. Андреев

ИССЛЕДОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГУБЕРНСКИХ И УЕЗДНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПЕРЕД ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ 1917 ГОДА (НА ПРИМЕРЕ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Рассматривается работа губернских и уездных учреждений МВД в Тверской губернии перед Февральской революцией 1917 года. В процессе исследования изучены документы Российского государственного исторического архива и Государственного архива Тверской области. После краткой характеристики территории рассмотрено административно-территориальное деление губернии как фактор, оказавший влияние на работу местных учреждений. В качестве иных факторов, влиявших на работу учреждений МВД, изучены проблемы, связанные с отхожими промыслами и ссылкой в Тверскую губернию политических поднадзорных лиц.
Ключевые слова: Февральская революция; Министерство внутренних дел; административно-территориальное деление; уезды; урядники; земские начальники; земство.

Одной из проблем, оказывавших влияние на работу учреждений Министерства внутренних дел в России, была численность населения в административно-территориальных единицах. Тверская губерния, согласно данным обзора 1909 г., делилась на 4 042 сельских общества [1. С. 12]. Несколько смежных сельских обществ соединялись в волость. По «Общему положению о крестьянах» на территории одной волости могли проживать от 300 до 2 000 ревизских душ мужского пола [2. С. 147]. Однако разверстка волостей проводилась со значительными отклонениями от установленных в законе норм. Из 244 волостей Тверской губернии 166 (более 68%) изначально имели более 2 000 душ мужского пола. В нескольких волостях Тверского (2 волости), Калязинского (5 волостей), Старицкого (1 волость) уездов норма была превышена более чем в два раза. В среднем на одну волость уже в начале 1860-х гг. приходилось 2 457 душ мужского пола [3. С. 20]. К 1895 г. средняя численность населения волости Тверской губернии составляла 3 821 [4. С. 186], а к 1915 г. – 4 360 душ мужского пола [5. С. 323].

При этом до 1917 г. число волостей практически не изменялось. К 1915 г. были утверждены лишь три новые волости (в Тверском, Калязинском и Кашинском уездах), хотя численность крестьянского населения с середины до конца XIX в. возросла на 29,5% [6. С. 8].

Можно предположить, что руководство губернии сохраняло крупные волости, не желая увеличивать число административных единиц и, соответственно, количество служащих.

Другой проблемой в работе учреждений МВД можно считать высокий уровень трудовой миграции в Санкт-Петербург и Москву. Расположение губернии в непосредственной близости от крупнейших городов Российской империи, географическое расположение в зоне рискованного земледелия, значительное увеличение численности населения к началу XX в. (на 30% с 1881 по 1903 г. [7. С. 12; 8. С. 24]), вследствие чего уменьшились земельные наделы, способствовали оттоку населения на «отхожие промыслы». Около 50 тыс. человек ежегодно получали виды на отлучку [9. С. 5–43], но, согласно отчету тверского губернатора за 1886 г., отхожие промыслы «…отвлекали более 240 тыс. взрослых людей от домашнего очага, и из них весьма значительное число далеко за пределы губернии», «…вносили большое расстройство в жизнь многих семейств».

В существовавших экономических условиях, при малой производительности земли и относительно слабом развитии кустарной промышленности, отхожие промыслы были необходимостью. Население зарабатывало на них от 6 до 7 млн руб. в год (без учета в этой сумме содержания уходивших). Получая доходы от такого вида заработка, губерния смогла пережить два неурожайных года (1884 и 1885 гг.) [10. Л. 3 об.]. В 1892 г. на отхожие промыслы уходили уже 280 тыс. человек (все население губернии составляло 1 904 295 человек, мужское – 908 814) [11. Л. 2 об].

Всеподданнейший отчет за 1894 г. содержит следующее мнение губернатора П.Д. Ахлестышева: «Без сомнения, отхожие промыслы являются крайне нежелательными: материальная выгода, которую уходящие доставляют своим семьям, чрезвычайно незначительна, и огромный вред приносят разложением семьи и нравственной испорченностью. Между тем с каждым годом число уходящих на заработки увеличивается». На полях напротив этих слов император написал «Действительно жаль…» [12. Л. 3].

В 1907 г. из 2 211 433 жителей губернии на заработках, преимущественно в столичных городах, было 408 100 человек (из них треть женщин; соответственно, на заработках были до 30% от всех мужчин).

В 1914 г. было выдано 445 018 годовых видов на отлучку, из них 318 373 мужчинам и 126 645 женщинам (при населении губернии в 2 376 600 человек) [13. С. 338]. Многие возвращались «…политически испорченными и в нравственном отношении развращенными, влияя, в свою очередь, растлевающим образом на своих однодеревенцев» [14. Л. 2].

Третьей проблемой для губернских учреждений было направление политических преступников в Тверскую губернию. Следует отметить, что губернатор А.А. Ширинский-Шихматов в конце 1904 г. просил министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирского о высылке из губернии значительного количества неблагонадежных лиц. Министр не поддержал предлагаемые меры, и губернатор подал в отставку [15. С. 43].

Начальник Тверского губернского жандармского управления полковник Александров 4 февраля 1906 г. предложил губернатору П.А. Слепцову поддержать ходатайство перед Департаментом полиции МВД о том, чтобы в Тверской губернии не позволялось жить политическим поднадзорным. Просьба обосновывалась «успехами революционной партии», которая, по словам начальника ГЖУ, «…коснулась крестьянского сословия, фабричных и заводских рабочих местного района, а также выходящих на отхожие промыслы в столицы. Эта социальная прослойка достаточно успела попасть под влияние пропаганды, а некоторое малоземелье, произошедшее от густоты населения, способствовало поддержке революционной пропаганды. Из разных уездов были получены слухи о предполагаемых беспорядках по наступлении весны». Начальник жандармского управления предлагал не допускать в крестьянскую среду тех агитаторов, которые определены были по дознаниям в других пунктах или установлены на месте [16. Л. 1].

Инициативу полковника Александрова губернатор поддержал, дополнительно направив 8 февраля 1906 г. собственное ходатайство в Департамент полиции МВД, в котором уточнил, что «…Тверская губерния по положению своему между столицами, составу земства, значению революционных руководителей всегда имела весьма серьезное значение, тем более что некоторые уезды представляют значительные фабричные районы» [Там же. Л. 2].

Департамент полиции отвечал 4 марта 1906 г., что «…лица, высылаемые… под гласный надзор полиции в порядке “Положения о государственной охране”, почти все направлялись в отдаленные северные и сибирские губернии, и в Тверскую губернию могли попасть под надзор полиции лишь лица, подчиненные этому закону в избранном месте жительства». Наличие в губернии лиц данной категории, по мнению начальника департамента, «…было крайне незначительно, к тому же приведенная мера административного взыскания применялась лишь в случае сравнительно несерьезной виновности». Губернатору предложили направлять в МВД представления об административной высылке подозрительных лиц из пределов Тверской губернии [Там же. Л. 4]. Показательно, что через три недели, 25 марта 1906 г., губернатор П.А. Слепцов был убит неизвестным революционером.

В мае–июле 1907 г. губернатор Н.Г. Бюнтинг направлял в Министерство внутренних дел ходатайства о прекращении или сокращении переселения в Тверскую губернию административно-высланных в связи с увеличением их количества (например, в Вышний Волочек за первую половину 1907 г. направили из Санкт-Петербурга свыше 600 человек). Ходатайства не были удовлетворены [17. С. 75].

Таким образом, можно выделить три значительных фактора, оказывавших влияние на работу учреждений системы МВД перед Февральской революцией 1917 г.: перенаселенность административно-территориальных единиц, вследствие которой учреждения и должностные лица были перегружены; участие до трети всего населения губернии в отхожих промыслах, где они подвергались пропаганде и, по признанию современников, «возвращались политически испорченными и в нравственном отношении развращенными»; выселение в Тверскую губернию политических поднадзорных, организовывавших противоправительственную деятельность, в результате которой совершались преступления и велась революционная пропаганда.

Рассмотрев некоторые факторы, оказывавшие влияние на функционирование учреждений МВД, перейдем к изучению структуры ведомства в Тверской губернии.

Высшим должностным лицом губернии, руководившим структурой МВД и имевшим право надзора в Тверской губернии за учреждениями других министерств на протяжении всего рассматриваемого периода, был губернатор.

Полиция была единственной структурой уездного уровня, полностью подконтрольной губернатору через губернское правление. В ведении этого учреждения находилось делопроизводство о назначении, перемещении и увольнении полицейских чиновников, представлении их к чинам и наградам, а также другие вопросы.

Вся территория губернии делилась на 12 уездов с полицейскими управлениями. Уезды, в свою очередь, делились на станы, которые объединяли от 5 (2-й стан Калязинского уезда) до 12 (1-й стан Осташковского уезда) волостей. С 1874 г. по линии МВД волости контролировались губернским по крестьянским делам присутствием (через уездные по крестьянским делам присутствия), а с 1889 г. – губернским присутствием (через земских начальников).

В конце XIX в. в Тверской губернии было 29 станов в 12 уездах, по три стана включали Вышневолоцкий, Бежецкий, Весьегонский и Осташковский уезды (наиболее крупные по площади или численности населения), а также экономически развитый Ржевский.

В среднем по губернии в стан входило 8 волостей. Становые квартиры часто были значительно удалены от полицейских управлений, например в Весьегонском уезде, где центр 3-го стана располагался в 135 верстах от уездного города. В среднем это расстояние составляло около 45 верст [4. С. 84]. Значительная удаленность и низкое качество путей сообщения отрицательно сказывались на работе уездной полиции. Вероятно, в связи с этим с 9 июня 1878 г. в каждом стане ввели должность полицейского урядника [18. С. 398].

С учреждением этой должности станы Тверской губернии были разделены на 3–5 урядническихучастков, состоявших из 1–4 волостей. Число жителей участка составляло от 4 630 (10-й участок 3-го стана Осташковского уезда) до 28 930 (11-й участок 3-го стана Бежецкого уезда), в среднем – 13 385 человек [3. С. 31].

Впервые вопрос изменения административно-территориального деления в рассматриваемый период был поднят МВД в 1888 г. Для сбора информации о необходимых преобразованиях Департамент полиции направил губернатору отношение от 20 ноября 1888 г. за № 3119, в котором предписывалось «…доставить соображения о размерах увеличения количества становых приставов и урядников для устройства правильной и вполне обеспеченной полицейской охраны в уездах» [19. Л. 1].

Губернатор, основываясь на мнениях уездных полицейских исправников, вместо имевшихся в губернии 29 станов предложил образовать 48, т.е. увеличить количество станов на 65%, довести в среднем до 30 000 человек численность населения станов (в каждом из них проживали от 24 900 до 80 700 человек), установить расстояние между границами стана в 55 верст (вместо существовавшего среднего расстояния в 85 верст), уменьшить количество волостей в стане до 5 (вместо имевшихся 7–8). Количество урядников в связи с увеличением количества станов и, соответственно, урядническихучастков со 120 предлагалось увеличить до 157 человек [Там же. Л. 87–92].

Некоторые исправники характеризовали систему местной полиции в 1888 г. как неустроенный и не справляющийся со своими задачами институт. Например, от Калязинского полицейского управления получено сообщение, что «…числовые данные населения и расстояния станов не дают для приставов быстроты, какая часто в делах полицейских требуется. Точно так же и комплектность урядников по числу населения и пространству участка не достигает своего назначения» [Там же. Л. 11]. Осташковское уездное полицейское управление докладывало следующее: «…некоторые селения стана находятся от становой квартиры на 100 и 115 верст, и чтобы явиться в селение на случившееся происшествие, пристав должен пробыть в пути целые сутки, а сотский, на обязанности которого лежит донести о случившемся уряднику и становому приставу, может явиться только через суток 3–4. Таких селений не одно и не два, а целые волости, как, например, Заевская и Новинская, отстоящие от становой квартиры на 70 верст» [Там же. Л. 46].

Тверское уездное полицейское управление информировало, что «…настоящие средства полиции, считавшиеся достаточными при ее учреждении и временных преобразованиях в 1863 г., теперь более чем недостаточны, так как с того времени произведены значительные государственные переустройства и нововведения, к которым полиция со своими непосильными средствами поставлена в зависимое положение. Поэтому исполнение своих обязанностей полиция делает поверхностными, или делает одно, упуская совершенно другое» [Там же. Л. 73].

Несмотря на подобные отзывы об устройстве полиции и явных недостатках административно-территориального деления учреждений МВД уездного уровня, реформа не была проведена. Исключением стало удовлетворенное ходатайство об изменении границ станов осташковского уездного исправника в 1897 г., обоснованное тем, что «…3-й стан занимает площадь более половины всего Осташковского уезда, а потому при каждой поездке, особенно в отдаленные волости, приставу приходится почти всегда проезжать по 80, 90 и 100 верст в один конец, причем из трех дней два дня уходят на переезды в тот и другой путь, а один день на производство дознания. Самые дальние пункты от становой квартиры отстоят от 70 и до 100 с лишком верст» [20. Л. 1–2], тогда как первый и второй станы занимали по 1/4 территории уезда [Там же. Л. 11].

Ухудшило качество административно-территориального деления в губернии учреждение участков земских начальников, проведенное без учета мнения полицейских исправников. Так, в соответствии с «Положением о земских участковых начальниках» от 12 июля 1889 г. в июле 1891 г. в Тверской губернии был введен институт земских начальников – должностных лиц, получивших административно-судебные полномочия по утверждению решений крестьянских волостных и сельских сословных учреждений, назначению и смещению должностных лиц в них, наказанию крестьян. Земские начальники назначались министром внутренних дел по представлению губернатора.

Следует отметить, что участки земских начальников отличались в плане территориального деления от полицейских единиц (станов), следственных участков, волостей. Тверской, Весьегонский, Новоторжский, Ржевский и Старицкий уезды делились на 5 земских участков каждый. В Корчевском, Кашинском, Калязинском и Зубцовском уездах было по 4 участка, в Бежецком – 9, Вышневолоцком – 7, Осташковском – 6 участков [4. С. 76–80].

Тверское губернское правление перед назначением земских начальников спрашивало уездных исправников о возможности изменения границ урядническихучастков, «…чтобы один и тот же урядник не состоял в участках, подчиненных двум разным земским начальникам… и урядники, находясь на участке одного земского начальника, были по возможности в подчинении у одного и того же станового пристава» [21. Л. 1].

Например, осташковский уездный исправник писал о необходимости изменения границ станов, поскольку «…при настоящем распределении уезда на земские участки оказалось, что в 1-м участке находятся 5 урядников: 1 из первого стана, один из 3-го и 3 из 2-го, и притом все они состоят в таких урядническихучастках, которые подчинены разным земским начальникам. Например, 3-й урядническийучасток находится в 6-м и 7-м земских участках, 4-й урядническийучасток – в 1-м, 6-м и 7-м земских участках, 6-й и 5-й урядническиеучастки – в 1-м и 2-м земских, 7-й урядническийучасток – в 1-м и 3-м земских, 8-й – в 1-м и 4-м и т.д.» [21. Л. 2].

Губернское правление предписало исправнику представить проект изменения границ урядническихучастков

участков [21. Л. 4], который осташковский уездный исправник предоставил к 17 августа 1891 г. с приложением сведений от приставов 1-го, 2-го и 3-го станов Осташковского уезда [Там же. Л. 5–19].

В переписке не обнаружено причин дифференцированного отношения к уездам, но 27 февраля 1892 г. последовал указ Е.И.В. из Тверского губернского правления, по которому приказано: «Калязинскому, Бежецкому, Весьегонскому, Корчевскому уездным исправникам, предоставившим проекты нового распределения урядническихъ участков, составленные по совещании с земскими начальниками и по совещании с уездным съездом, дать знать, что со стороны губернского начальства не встречается препятствий к распределению урядническихъ участков согласно предоставленным ими ведомостям, предписав им по приведении в исполнение проекта распределения участков представить по форме сведения. А так как Вышневолоцкое, Зубцовское, Кашинское, Новоторжское, Осташковское, Ржевское. Старицкое и Тверское полицейские управления признали вполне удобным существующее распределение урядническихъ участков, то дать знать этим полицейским управлениям, что губернское начальство также не встречает препятствий к оставлению без изменений существующего распределения урядническихъ участков» [Там же. Л. 21–21 об].

Возвращаясь к рассмотрению количества станов в уездах, отметим, что иногда новые административные единицы появлялись по инициативе вышестоящих учреждений. Так, по циркуляру Департамента полиции от 10 декабря 1905 г. для удобства работы аппарата МВД в Тверской губернии были образованы 6 новых станов. Губернатору было предложено доложить, в каких уездах необходимы новые станы, и он, без запроса мнений уездных исправников, принял решение образовать по новому стану в Новоторжском, Старицком, Бежецком, Весьегонском, Вышневолоцком и Осташковском уездах (в первых двух уездах по третьему, а в последних – по четвертому стану). На основании Высочайше утвержденных 19 апреля 1904 г. и 16 января 1906 г. мнений Государственного Совета новые станы были образованы, становые квартиры перемещены и уезды разделены территориально уже в соответствии с пожеланиями уездных полицейских исправников, о чем 30 мая 1906 г. доложили министру внутренних дел [22. Л. 1–9].

Последняя в Российской империи попытка изменения административно-территориального деления системы МВД связана с реализацией закона 23 октября 1916 г. [23. С. 488–495], в соответствии с которым должно было увеличиться до 54 (вместо существовавших на 1916 г. 35 станов, т.е. на 65%) количество станов в уездах Тверской губернии. До 23 февраля 1917 г. Тверское губернское правление вело переписку с уездными исправниками о будущем местонахождении становых квартир и кадровом обеспечении должностей становых приставов [24. Л. 1–33]. Например, вышневолоцкий уездный исправник 10 декабря 1916 г. уведомлялся Тверским губернским присутствием о делении Вышневолоцкого уезда на 6 станов (вместо 4 существовавших) [25. Л. 34]. Вследствие событий февраля 1917 г. реформа не была осуществлена.

Важно добавить, что одним из препятствий реализации данной реформы стала бы проблема кадров, ставшая следствием начала Первой мировой войны. Уездные исправники докладывали, что «…заведование одним приставом двумя станами в настоящее время нежелательно, так как от этого будет сильно страдать как канцелярское дело, так равно и дело по взысканию разных недоимок» [24. Л. 47].

Как следствие, существовал ряд недостатков в работе полиции, зафиксированный в документах губернских учреждений. В циркуляре от 15 апреля 1882 г. тверской губернатор обращал внимание уездных исправников на небрежное содержание арестантских при становых квартирах, в результате чего арестанты легко могли совершить побег. Из сообщения следует, что уездные исправники при ревизиях не обращали на это внимания и зачастую даже не знали о местонахождении арестантских при становых квартирах [26. Л. 50].

Циркуляром от 15 июля 1882 г. губернатор указывал на невнимательность уездных исправников в деле контроля над строительством, переустройством и расширением фабрик и заводов [Там же. Л. 80]. Уездные исправники были предупреждены об увольнении со службы ответственных чинов полиции в случае отступления от существовавших правил при постройке и переустройстве заводов.

В 1886 г. тверской губернатор напоминал уездным исправникам о необходимости исполнения в семидневный срок запросов от охранных отделений по поверке видов лиц, прибывающих в столицы. Градоначальники Санкт-Петербурга и Москвы сообщали губернатору, что «…некоторые из исправников Тверской губернии доставляют ответы на запросы вверенных им охранных отделений со значительными промедлениями, иногда через несколько месяцев» [27. Л. 28].

Не доставлялись своевременно и иные необходимые сведения. Например, в соответствии с циркуляром от 30 декабря 1906 г. № 6141 уездные полицейские исправники и тверской полицмейстер были обязаны ежегодно до 1 февраля предоставлять сведения об аттестации классных полицейских чиновников и начальника местной тюрьмы. Фактически эти сведения предоставлялись в разное время с большим опозданием (зачастую к концу апреля), и губернатор в декабре 1912 г. требовал точного исполнения циркуляра 1906 г. [28. Л. 39].

Циркуляр от 8 октября 1908 г. содержал информацию, что «...некоторые начальники полиции о выдающихся событиях… нападениях с целью ограбления на казенные винные лавки, почтовые учреждения, почту в пути, доносят… по прошествии значительного времени, вследствие чего доставляемые при таких условиях сведения о событиях утрачивают всякое значение оценочного материала» [29. Л. 90]. Вследствие этого предписывалось срочно доносить губернатору о таких событиях по телеграфу, предоставляя дополнительные сведения почтой [Там же].

Циркуляром от 10 сентября 1910 г. № 6234 губернатор вновь уведомлял исправников о необходимости сообщения обо всех событиях местной общественной жизни, заслуживающих особого внимания [28. Л. 12].

Однако нельзя сказать, что работа полиции была полностью неэффективной. Например, деятельность полицейских урядников была в Тверской губернии настолько активна, что предпринимались попытки ликвидации этой должности со стороны противоправительственных сил. Так, в 1884 г. Тверская губернская земская управа просила губернатора ходатайствовать перед министром внутренних дел об упразднении института урядников, объясняя это сохранением количества преступлений на прежнем уровне. Земцы утверждали, что «…безопасность населения не выиграла от урядников… кражи и другие преступления часто остаются неоткрытыми… урядники производят произвол и поборы, от которых страдают обыватели… урядники запрещали праздновать свадьбы, разгоняли хороводы, преследовали за песни, вообще вторгались тем или другим способом в такие отношения, где появление полицейской власти по меньшей мере неуместно». По их мнению, «…само название “урядник” вызвало бы недоверие к этому учреждению даже в случае изменения характера его деятельности» [30. Л. 1–4].

Губернатор перенаправил обращение в МВД, откуда прислали запрос о числе преступлений и проступков в 1877 и 1880 гг., количестве выявленных виновных по преступлениям в эти же годы, количестве допущенных урядниками нарушений. Губернский статистический комитет отвечал, что в 1877 и 1880 гг. уголовных преступлений было 640 и 644 соответственно, осужденных преступников – 568 и 570; общее число подсудимых – 13 942 и 17 450, обвиняемых – 6 052 и 8 043, подсудимых за оскорбления полицейских и других стражей порядка управления – 1 485 и 3 731 (число осужденных за такие преступления в 1876 г. было 735, в 1880 г. – 2024). Выговоры получили 76 и были уволены 47 урядников [Там же. Л. 74–75, 84]. Выдержка из статистической справки, полученной губернатором, содержит выводы: «Из всего этого видно: а) при существовании урядников число преступлений и проступков увеличилось, и наибольшее увеличение заметно в числе оскорблений низшей полицейской власти (между прочим, и самих урядников); б) процент раскрытых преступлений и проступков при урядниках остается почти как и прежде, и неизвестно, им или суду губерния обязана небольшим повышением процента раскрытых преступлений и проступков с 43 до 46% (всего числа подсудимых)» [Там же. Л. 75 об]. Ответ подписан секретарем губернского статистического комитета В.И. Покровским, находившимся под негласным надзором полиции как неблагонадежный в политическом отношении.

Критичный по отношению к урядникам ответ был дан из-за пресечения последними противоправительственной работы, проводившейся в губернии революционными силами, что подтверждается ответами уездных полицейских исправников, которым был направлен запрос губернатора о нарушениях, производимых урядниками.

Например, ржевский уездный исправник сообщал следующее: «…уничтожение урядников, по моему разумению, будет полезно только тем исправникам, которые не хотят наблюдать за ними, а затем разным проходимцам, нигилистам и социалистам, лишенным возможности при наблюдении урядников ходить в народ с пропагандой. Конечно, воры вообще и конокрады в особенности с уничтожением урядников воспрянут и вновь возьмутся за свое ремесло, брошенное многими по неудобству производства при урядниках» [Там же. Л. 14].

Из анализа ответов уездных полицейских исправников следует, что за 4 года действия института урядников за различные проступки им назначено 76 взысканий и по разным причинам уволены 46 человек. Сообщения уездных исправников содержат подробную информацию о нарушениях, допущенных урядниками. Следует отметить, что 56 из 76 нарушений было допущено в Бежецком уезде, из них 47 – по неисполнению служебных обязанностей и нерадивость, которые повлекли 22 денежных вычета от 1 до 5 руб., 11 выговоров, 9 замечаний, 1 арест и 4 увольнения.

Всего в губернии 25 раз урядников наказывали за пьянство (20 урядников были уволены), 77 – за неисполнение обязанностей и нерадивость (11 уволены), 9 человек уволили в связи с неспособностью исполнять обязанности, один уволен за лихоимство, двое наказаны за оскорбление частных лиц при исполнении обязанностей, один наказан за получение от крестьян в благодарность денег, один уволен за сбор с десятских денег для найма при становой квартире дежурных, один уволен и двое наказаны за неуместное вмешательство в общественные дела, один наказан за приостановление крестьянских увеселений во время праздника, один уволен за ослушание, двое уволены по неблагонадежности [Там же. Л. 84–85].

Внимательное сравнение данных записки секретаря губернского статистического комитета, объявившего в числе наказанных и уволенных общим числом 123 урядников, информации, полученной от уездных полицейских исправников, докладывавших об увольнении в связи с неспособностью исполнять обязанности 9 урядников, за пьянство – 20, а по причинам, которые губернская земская управа указала как повсеместные (вмешательство в общественные дела, поборы, вызывающее поведение) – всего 4 увольнения и 6 взысканий за 4 года, и фактов наложения нескольких взысканий на одного урядника (так, в Бежецком уезде 5 урядников совершили общим числом 23 нарушения [Там же. Л. 58–63]) позволяет сделать вывод о значительном преувеличении статистиками количества нарушений урядниками законодательства, вызванном желанием упразднения этого института со стороны противоправительственных сил.

Кроме того, в 1876 и 1880 гг. количество подсудимых за оскорбления полицейских и других стражей порядка управления было не 1 485 и 3 731 соответственно (как указывал секретарь статистического комитета), а 343 и 516. Занимаясь явной подтасовкой, В.И. Покровский прибавил к числу подсудимых за оскорбления стражей порядка всех подсудимых «по прочим проступкам против порядка управления». Не были отмечены в записке увеличение с 1 298 до 2 736 количества подсудимых за преступления «против общественного благоустройства, народного здравия и личной безопасности», увеличение с 385 до 712 количества подсудимых «по нарушениям уставов казенных управлений»,

а также значительное снижение числа подсудимых «по оскорблениям чести, угрозам, насилиям» – с 4 465 до 3 347 в 1876 и 1880 гг. соответственно [30. Л. 80].

Логично, что обращение губернского земства и подтасовка статистических сведений подтверждали эффективность работы урядников, пресекавших распространение противоправительственных настроений. Дальнейшая переписка по этому вопросу была прекращена со стороны МВД.

Необходимо отметить, что тверской губернатор в ежегодных отчетах за 1874, 1878, 1880, 1884 и 1886 гг. оповещал императора и министра внутренних дел о необходимости реформ: «…полиция зависит почти от всех других учреждений: от одних в служебном, от других в материальном отношении, не имея самостоятельности, и среди других учреждений, теряя свое значение, она преимущественно исполняет требования посторонних ведомств, обращаемые к ней нередко по таким делам, которые могли бы быть исполнены без ее содействия» [31. Л. 4 об].

Выводы

Административно территориальное деление Тверской губернии в начале XX в. необходимо было реформировать, поскольку численность населения в волостях превышала установленную законодательно более чем в два раза. Возможно, именно поэтому отхожие промыслы отвлекали из губернии к 1914 г. уже 445 000 человек, что составляло до 20% населения губернии. Многие возвращались в губернию «политически испорченными и в нравственном отношении развращенными», и оказывали соответствующее влияние на своих односельчан. Создавали дополнительную нагрузку учреждениям МВД и сосланные в губернию политические поднадзорные лица. Ходатайства тверских губернаторов прекратить высылку в губернию указанной категории лиц не были удовлетворены.

Вследствие огромных расстояний между становыми квартирами и населенными пунктами, неудовлетворительного состояния провинциальных дорог, превышения численности населения в административно-территориальных единицах необходимо было менять структуру административно-территориального деления учреждений МВД уездного уровня, о чем уездные полицейские исправники через губернатора докладывали министру внутренних дел. Однако правительство попыталось сделать это только в октябре 1916 г. За более чем 50 лет в губернии было образовано лишь 7 новых станов к 29 имевшимся, хотя еще в 1888 г. указывалось на необходимость деления губернии на 48 станов. Последнее изменение для некоторых уездов губернии было утверждено Тверским губернским правлением в декабре 1916 г. в соответствии с законом от 23 октября 1916 г., например предполагалось увеличить с 4 до 6 количество станов Вышневолоцкого уезда.

При введении в губернии института земских начальников Тверское губернское правление имело намерение изменить границы урядническихучастков для подчинения урядников только одному земскому начальнику и только одному становому приставу. Осташковским уездным исправником были своевременно предоставлены предложения по изменению границ урядническихучастков с приложением мнений становых приставов и карты-схемы. Однако Осташковский оказался в числе восьми уездов (из 12 существовавших, или 66%), административное деление системы учреждений МВД в которых не было изменено, вследствие чего урядники оказались в подчинении нескольких земских начальников.

Как следствие, существовала проблема низкого качества работы полиции. Тверские губернаторы неоднократно направляли уездным полицейским исправникам циркуляры с напоминанием о необходимости своевременного предоставления отчетов, информирования начальства о преступлениях, проявления усердия при дознаниях и ответов на запросы вышестоящих учреждений МВД, что зачастую не исполнялось тверским полицейским аппаратом.

Вместе с тем показателем эффективной работы полицейских урядников можно считать попытку тверского земства в начале 1880-х гг. упразднить эту должность. С такими же ходатайствами выступали некоторые уездные полицейские исправники в 1888 г., но Министерство внутренних дел не удовлетворяло просьбу, поскольку прошения были вызваны желанием тверского земства избавиться от присутствия правительственных сил в лице урядников в сельской местности. Полицейские исправники предлагали упразднить урядников из-за нежелания производить надзор и нести ответственность за их работу.

В ежегодных отчетах за 1874, 1880 и 1884 и 1886 гг. тверской губернатор оповещал центральную власть о необходимости преобразования полиции, сообщал о зависимости полиции практически от всех других учреждений в служебном и материальном отношениях, отсутствии самостоятельности и потере авторитета среди других учреждений. Указанные доводы не принимались во внимание.

Можно сделать вывод, что были сохранены учреждения с устаревшими функциями и структурой. Данная проблема в Тверской губернии усугублялась превышением численности населения в административно-территориальных единицах, наличием значительного количества политических поднадзорных и оттоком населения на отхожие промыслы. Предположительно, именно реформа местных учреждений и изменение административно-территориального деления, а также удовлетворение ходатайств местных учреждений и должностных лиц со стороны центральной и губернской власти могли создать предпосылки для прекращения волнений и конфликтов, которые привели к событиям февраля 1917 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Обзор Тверской губернии. Тверь : Тип. губернского правления, 1909. 109 с.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1868. Т. 36 (1861), ч. 1. 1059 с.

3. Любина Т.И., Смирнов С.Н. Чиновничество в системе местного управления Тверской губернии в конце XIX – начале XX века: правовой статус и социокультурная характеристика / ред. Н.В. Михайлова. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2008. 248 с.
4. Адрес-календарь и памятная книжка Тверской губернии на 1895 год. Тверь : Тип. губернского правления, 1896. 192 с.
5. Адрес-календарь Тверской губернии на 1913 год. Тверь : Тип. губернского правления, 1914. 72 с.
6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб. : Центральный стат. комитет МВД, 1904. Т. XLIII. 286 с.
7. Обзор Тверской губернии за 1881 год. Тверь : [б. и.], 1882. 152 с.
8. Обзор Тверской губернии за 1903 год. Тверь : [б. и.], 1904. 71 с.
9. Статистический ежегодник Тверской губернии за 1903–1904 гг. Тверь : Тип. губернского земства, 1904. 251 с.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 223. Д. 78.
11. РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 163.
12. РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 129.
13. Адрес-календарь Тверской губернии на 1914 год. Тверь : Тип. губернского правления, 1914. 84 с.
14. РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 96.
15. Дмитриева Г.Н., Середа В.Н. Тверские губернаторы. Тверь : Обл. кн.-журн. изд-во, 1996. 80 с.
16. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 56. Оп. 1. Д. 12670.
17. Тверской край в XX веке : документы и материалы. Тверь : Тверское обл. кн.-журн. изд-во, 1995. 1907 – февраль 1917 г. 144 с.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1880. Т. 53 (1878), ч. 1. 464 С.
19. ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 5208.
20. ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 6671.
21. ГАТО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 224.
22. ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 7139.
23. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. М. : РОССПЭН, 2008. 1916 год. 759 с.
24. ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 8059.
25. ГАТО. Ф. 880. Оп. 1. Д. 4.
26. ГАТО. Ф. 558. Оп. 1. Д. 38.
27. ГАТО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 172.
28. ГАТО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 12.
29. ГАТО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 277.
30. ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 8767.
31. РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 73.

Alexey E. Andreev, Belgorod State University (Belgorod, Russian Federation). E-mail: aae@list.ru

STUDY OF THE ACTIVITIES OF PROVINCIAL AND DISTRICT INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR BEFORE THE FEBRUARY REVOLUTION OF 1917 (ON THE EXAMPLE OF THE TVER PROVINCE)

Keywords: February Revolution, Ministry of the Interior, administrative-territorial division, counties, officers, Zemsky chiefs, Zemstvo.

The purpose of the article is to study the work of provincial and district institutions of the Ministry of Internal Affairs in the Tver province before the February Revolution of 1917.

The resource base of this study may be divided into two groups. The first group includes published sources, which contain of the provincial Memorial Books and Address Calendars. The published province reviews are annexes to the governor's reports and contain statistical information about the province.

The second group are sources from the funds of the Russian State Historical Archive unpublished earlier and not entered scientific circulation. The most significant are the reports of the governors from the fund of the Office of the Minister of the Interior, the opinions of the governors on the draft of administrative reform, the opinion of the Tver Extraordinary Provincial Zemstvo Assembly on the need for reform of local institutions.

Archival material of the provincial level was studied in the State Archive of the Tver Region (SATR). A significant part of the documents is introduced into scientific circulation for the first time, among them correspondence for the central government and information on the activities of the provincial administration during the First World War. Documents of the funds of the Office of the Governor and the Tver Provincial Government; funds of the district police officers were also studied.

The methodological basis of the study is the principle of historicism in a comprehensive study of the local administrative institutions of the Tver province, the principles of objectivity and scientificity in the study of documents, as well as historical determinism, the result of which is the establishment of a sequence of development of cause-effect relationships of events.

The article considers the administrative-territorial division of the province as a factor that influenced the work of local institutions. As other factors that influenced the work of the institutions of the Ministry of Internal Affairs, the problems associated with seasonal work and the exile of political supervised persons to the Tver province were studied. It analyzes the actual changes in the structure of the Ministry of Internal Affairs at the county level, reviews of them by the local authorities, as well as proposals for further reform. An attempt was revealed by Tver Zemstvo to abolish the institution of police officers by contacting the governor and juggling the facts, which was proved in this article. Based on previously unpublished sources, the problem of poor division of counties into sections of zemstvo chiefs and the fact of incorrect decision-making by the provincial government is considered.

Presumably, it was the reform of local institutions and the change in the administrative-territorial division, as well as the satisfaction of the petitions of local institutions and officials by the central and provincial authorities, that could create the prerequisites for ending the unrest and conflict that led to the events of February 1917.

REFERENCES

1. Tver Provincial Government. (1909) *Obzor Tverskoy gubernii* [Overview of Tver province]. Tver: Tver Provincial Government.
2. Russia. (1868) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2]. Vol. 36(1). St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
3. Lyubina, T.I. & Smirnov, S.N. (2008) *Chinovnichestvo v sisteme mestnogo upravleniya Tverskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX veka: pravovoy status i sotsiokul'turnaya kharakteristika* [Officialdom in the system of local government of the Tver province in the late 19th – early 20th centuries: legal status and sociocultural characteristics]. Moscow YuNITI-DANA: Zakon i pravo.
4. Tver Provincial Government. (1896) *Adres-kalendar' i pamyatnaya knizhka Tverskoy gubernii na 1895 god* [Official Directory and Memorable Book of Tver Province for 1895]. Tver: Tver Provincial Government.

5. Tver Provincial Government. (1914) *Adres-kalendar' Tverskoy gubernii na 1913 god* [Official Directory and Memorable Book of Tver Province for 1913]. Tver: Tver Provincial Government.
6. Central Statictics Committee of the Russian Ministry of Internal Affairs. (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897]. Vol. XLIII. St. Petersburg: Central Statictics Committee of the Russian Ministry of Internal Affairs.
7. Tver Provincial Government. (1882) *Obzor Tverskoy gubernii za 1881 god* [Overview of Tver province for 1881]. Tver: [s.n.].
8. Tver Provincial Government. (1904) *Obzor Tverskoy gubernii za 1903 god* [Overview of Tver province for 1903]. Tver: [s.n.].
9. Tver Provincial Zemstvo. (1904) *Statisticheskiy ezhegodnik Tverskoy gubernii za 1903–1904 gg.* [Statistical yearbook of Tver province for 1903–1904]. Tver: Tver Provincial Zemstvo.
10. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 1284. List 223. File 78.
11. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 1284. List 223. File 163.
12. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 1284. List 223. File 129.
13. Tver Provincial Government. (1914) *Adres-kalendar' Tverskoy gubernii na 1914 god* [Official Directory of Tver Province for 1914]. Tver: Tver Provincial Government.
14. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 1284. List 194. File 96.
15. Dmitrieva, G.N. & Sereda, V.N. (1996) *Tverskie gubernatory* [Tver governors]. Tver: Obl. kn.-zhurn. izd-vo.
16. The State Archives of Tver Region (GATO). Fund 56. List 1. File 12670.
17. Borisov, E. (1995) *Tverskoy kray v XX veke: dokumenty i materialy* [Tver region in the 20th century: documents and materials]. Tver: Tverskoe obl. kn.-zhurn. izd-vo.
18. Russia. (1880) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2]. Vol. 53(1). St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
19. The State Archives of Tver Region (GATO). Fund 466. List 1. File 5208.
20. The State Archives of Tver Region (GATO). Fund 466. List 1. File 6671.
21. The State Archives of Tver Region (GATO). Fund 41. List 1. File 224.
22. The State Archives of Tver Region (GATO). Fund 466. List 1. File 7139.
23. Galperina, B.D. (ed.) (2008) *Osobye zhurnaly Soveta ministrov Rossiyskoy imperii. 1909–1917 gg. 1916* [Special journals of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1909–1917. 1916]. Moscow: ROSSPEN.
24. The State Archives of Tver Region (GATO). Fund 466. List 1. File 8059.
25. The State Archives of Tver Region (GATO). Fund 880. List 1. File 4.
26. The State Archives of Tver Region (GATO). Fund 558. List 1. File 38.
27. The State Archives of Tver Region (GATO). Fund 39. List 1. File 172.
28. The State Archives of Tver Region (GATO). Fund 43. List 1. File 12.
29. The State Archives of Tver Region (GATO). Fund 42. List 1. File 277.
30. The State Archives of Tver Region (GATO). Fund 56. List 1. File 8767.
31. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 1284. List 223. File 73.

УДК 93/94
DOI: 10.17223/19988613/66/2

М.А. Безнин, Т.М. Димони

К ВОПРОСУ О ПОДХОДАХ В ИЗУЧЕНИИ ОСНОВНЫХ ЭТАПОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ ОТ АГРАРНОГО К КАПИТАЛИЗИРОВАННОМУ ОБЩЕСТВУ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 19-18-00269.

Поставлен вопрос о новых подходах к изучению истории советского общества, в котором происходила масштабная социально-экономическая трансформация. Предложены критерии анализа происходящих процессов, градация этапов социально-экономической трансформации. Одним из важных подходов, по мнению авторов, является теория первоначального накопления капитала. В основу предложенных подходов также положены некоторые идеи Б.Г. Могильницкого. Отмечается, что решающий этап первоначального накопления охватывал период конца 1920-х – 1950-е гг., после чего общество становится капитализированным, а решение вопросов первоначального накопления переходит в заключительную фазу

Ключевые слова: аграрное общество; капитализированное общество; Россия; XX век.

Современный кризис в изучении советского общества во многом связан с недостатком новых идей в его осмыслении, определенной скудностью имеющегося представления о возможности привлечения источников, отчасти невосприимчивостью историков к подходам, выработанным в других отраслях гуманитарного знания. Во многом по-прежнему, как это было предложено западной наукой в середине XX в., в российской историографии звучат оценки советского общества как тоталитарного, сталинисткого, волюнтаристского, экономики как неэффективной, огосударствленной, системы управления как административно-командной и т.д. Этот набор исторических штампов можно довольно долго продолжать.

Томский историк Б.Г. Могильницкий оказался одним из немногих исследователей, кто на закате «перестройки» в статье «Альтернативность в истории советского общества» высказался против грубого и схоластического подхода к истории России этого времени [1]. Выступая о проблемах изучения альтернатив ее развития, профессор Б.Г. Могильницкий обратил внимание на необходимость комплексного подхода к изучению истории Советской России, в том числе с использованием неангажированной марксистской методологии, психоистории, веберианства и т.д. В упоминаемой статье видно глубокое знание историографических достижений, выводов о разных этапах истории, в том числе «феодальном» (что и было основной специализацией Б.Г. Могильницкого), владение разнообразными методиками изучения общества. Статья была опубликована в ведущем академическом журнале «Вопросы истории» на первых страницах издания, что свидетельствовало о важности высказанных идей для исторического сообщества. К сожалению, размышления Б.Г. Могильницкого в тот период времени оказались мало воспринятыми историками, возобладало мнение о приоритетности описания «трагических страниц истории сталинизма», «тиранической диктатуры», «агрогулага» в России. Однако упрощенные трактовки истории страны при современных накопленных знаниях о советском периоде становятся совсем неуместными на фоне развития мировой гуманитарной мысли.

XX век был периодом, когда в России произошла масштабная трансформация, связанная с коренным изменением типа экономического, социального устройства общества, его психологических и ментальных характеристик. По сути дела, изменились все параметры устройства, отличающие аграрное общество от капитализированного, – натуральная по преимуществу экономика была заменена товарной (существовавшей при советской власти в специфической форме), важнейшим фактором производства стал капитал, основная часть валового производства продукции стала производиться в промышленном секторе и сфере услуг, крестьянский двор как основная производственная единица уступил место профессиональному коллективу и т.д.

Важнейшим вопросом выделения основных этапов истории советского общества являются поиск методологических подходов к сложным процессам трансформации, определение критериев анализа, выявления этапов происходящих процессов. По мнению Б.Г. Могильницкого, одним из таких методологических подходов вполне может быть марксова теория первоначального накопления капитала. Авторы статьи также считают, что такой подход является одним из важнейших в понимании процессов социально-экономической трансформации России в советской период. Под первоначальным накоплением авторы статьи понимают процесс перехода к капитализированной товарной модели экономического устройства.

Нельзя сказать, что обсуждение первоначального накопления в России не привлекало внимания ученых. В 1920–1990-е гг. экономисты, историки, обществове-

ды неоднократно обращались к обсуждению первоначального накопления капитала как экономического, социального и исторического процесса. Первое серьезное обсуждение этого вопроса было связано с поисками путей экономического рывка в 1920-е гг. Свой взгляд на проблему первоначального накопления тогда высказал известный экономист Е.А. Преображенский. Он изложил свои аргументы в статье «Основной закон социалистического накопления» (1924) [2], но был жестко раскритикован политической элитой. С этого времени в советской политической экономии был введен термин «социалистическое накопление». Это явление, однако, не имело исторического содержания, а обозначало экономический процесс «расширения материальной основы производства» «путем планомерного использования части национального дохода, идущей в фонд накопления».

Еще один период обсуждения истории первоначального накопления в России последовал в 1950-е гг., когда, в частности, в Институте истории АН СССР (1955) были сделаны доклады Б.Б. Кафенгауза и Н.И. Павленко. В докладе Б.Б. Кафенгауза «О первоначальном накоплении в России» [3] процесс характеризовался как в первую очередь насильственные меры, резко ускоряющие накопление. В докладе Н.И. Павленко было отмечено, что явления первоначального накопления прослеживаются в России с XVII в., когда накопление капиталов производилось посредством товарообмена. На последующих этапах в первоначальном накоплении играли большую роль меркантилизм и возросшие феодальные повинности на крестьян [4]. В целом дискуссия показала необходимость более четкого определения понятия «первоначальное накопление». Большинство участников дискуссии понимали под этим термином процесс отделения непосредственных производителей от средств производства, меньшинство – накопление капиталов.

В 1950–1960-е гг. был сделан целый ряд работ по политэкономическому исследованию процессов накопления в советский период. Экономисты рассматривали это явление в рамках понятия «социалистическое накопление» и подчеркивали его коренное отличие от процессов первоначального накопления [5–7].

Следует отметить, что вопрос о процессах накопления в России рассматривался и эмигрантской экономической наукой. В частности, об этих процессах писали С.Н. Прокопович, С.С. Маслов, Н. Ясный, С. Кузнец. В то же время их работы не касались оценок экономического развития России в контексте первоначального накопления.

Новый этап возвращения к проблеме первоначального накопления капитала в России относится к началу XXI в. Исследователи довольно единодушно относят к этому периоду 1990-е гг., когда происходит масштабный передел собственности. Однако практически все выводят из-под характеристики этого явления советское время [8–9].

В целом подход к истории советского общества с позиции методологии первоначального накопления представляется довольно многообещающим. Дело в том, что данная парадигма как раз и применима к обществам, находящимся в состоянии модернизации, перехода от аграрного общества к капитализированному. В этом смысле определение границ периода наиболее активного первоначального накопления как раз и будет служить границей между «исходным» состоянием общества и его трансформированным обликом.

Задача определения границ периода первоначального накопления в России до сих пор остается нерешенной. Однако все становится на свои места, если обратиться к крупным изменениям в экономике России в советский период. Именно в это время прошли масштабная и быстрая экспроприация мелких производителей, аккумулирование средств в рамках первоначального накопления в руках государства, действовавшего через атомизированный слой государственной протобуржуазии (партийной, советской, хозяйственной, финансовой верхушки) [10]. В историографии данный процесс называется индустриализацией и коллективизацией, повторяя догмы «Краткого курса истории ВКП(б)».

В процессах первоначального накопления капитала в СССР решающую роль сыграл период конца 1920–начала 1950-х гг. В конце 1920-х гг. произошел перелом в процессах форсированного первоначального накопления: в ходе менее чем одного десятилетия было осуществлено изъятие средств производства у индивидуальных производителей (сельское хозяйство, мелкая промышленность, торговля, общественное питание, транспортная сфера и др.). Наиболее масштабно этот процесс происходил в деревне. У крестьянских хозяйств были изъяты земельные фонды и перераспределены в пользу «общественного» хозяйства (колхозов и госхозов). Крестьянские хозяйства СССР за период 1928–1937 гг. лишились 72% (2/3) основных капиталов, причем это были наиболее «продвинутые» виды капиталов – сельхозмашины и орудия, рабочий и продуктивный скот. Наиболее быстрая потеря капиталов крестьянских хозяйств произошла в период 1931–1934 гг. [11]. Лишались средств производства и другие мелкие производители. В частности, к 1930 г. в основном было ликвидировано мелкотоварное промышленное производство. В основном оно располагалось в сельской местности и было тесно связано с сельским хозяйством: в 1928 г. в сельской местности СССР проживали 76% всех занятых в кустарной промышленности лиц. Только в 1929 г. в систему промысловой кооперации в СССР были вовлечены 400 тыс. сельских кустарей, с 1930 г. организовывались промколхозы. Всего к концу первой пятилетки было кооперировано 3/4 всех кустарей в СССР [12. С. 284–295]. К 1931 г. в СССР окончательно была ликвидирована розничная частная торговая сеть; в основном этот процесс произошел в 1928–1930 гг. Если в 1926–1927 гг. в СССР существовало 410 тыс. предприятий частной розничной торговли, то в 1928 г. – 153 тыс., в 1930 г. – около 12 тыс. [13. С. 36]. Те же процессы происходили и в сфере частного общественного питания: в 1926–1927 гг. таких предприятий в СССР было около 28 тыс., в 1930 г. – около 2 тыс., а в 1931 г. эта сеть была полностью ликвидирована [Там же]. В сфере транспортного обслуживания к 1930 г. были масштабно вытес-

нены частные грузовые и пассажирские перевозки, остававшиеся особенно масштабными на флоте. В 1930 г. была проведена безвозмездная национализация частновладельческих судов, а также судов отдельных предприятий и кооперативных организаций, государственным речным пароходствам [14. С. 417].

Меры по «обезземеливанию» и экспроприации ресурсов создавали предпосылки для массового оттока населения из деревни. Число сельских жителей России сократилось с 76 млн чел. в 1926 г. до 55,9 млн в 1959 г., т.е. почти на 20 млн человек [14. С. 5; 15. С. 5]. В результате отделения производителей от средств производства был создан рынок рабочих рук для работы по найму на государственных предприятиях, в том числе и в сельском хозяйстве. Однако рынок рабочей силы в период первоначального накопления обладал спецификой: фактически из него были исключены колхозники. Лишение колхозной деревни паспортов (а значит, и права свободного передвижения) по паспортной системе 1932 г., оставление реликта крестьянского хозяйства в виде приусадебного участка по Уставу сельхозартели 1935 г. [16], отсутствие института заработной платы (оплата трудоднями, введенная в 1930 г.) позволили «внетоварно» эксплуатировать трудовые ресурсы колхозов практически до конца 1950-х – начала 1960-х гг.

Ликвидация остатков мелкой частной собственности позволила решить проблему формирования источников накоплений – теперь практически всеми ими могло оперировать государство. Формирование у советского государства полных преференций в формировании и использовании национального дохода, в том числе важнейшего его компонента – фонда производственного накопления, было важнейшей составляющей процесса первоначального накопления в СССР. Для этого был задействован широчайший комплекс институтов, многие из которых являлись исторически абсолютно оригинальными: особое правовое регулирование, в том числе отношений собственности (формирование права «разделенной» собственности и класса протобуржуазии, его реализующего); плановая экономическая система; внетоварная система перераспределения; особая роль денег, кредита и финансовых институтов, способствующих аккумуляции ресурсов в государственном бюджете, который, в свою очередь, являлся отражением почти полной экономической монополии государства.

Важнейшим индикатором начала периода первоначального накопления в экономических исследованиях считается показатель резкого возрастания фонда накопления в национальном доходе (т.е. той его части, которая используется на капиталовложения, инвестиции, создание запасов). Методика расчета, предложенная экономистом А.Л. Вайнштейном, применительно к данным баланса народного хозяйства СССР за 1923–1924 гг. показывает величину накопления в народном хозяйстве 6,8% от национального дохода [17. С. 92]. Данный параметр нормы накопления фиксирует, по сути дела, состояние стагнации в экономическом развитии общества. Материалы по балансу народного хозяйства за 1928, 1929, 1930, 1931 гг. дали А.Л. Вайнштейну возможность рассчитать удельный вес реального накопления (прирост запасов и фондов) за этот период (табл. 1).

Как видно из табл. 1, фонд накопления возрастал с 1928 по 1931 г. и в абсолютных, и в относительных значениях. В ценах соответствующих лет он вырос с 17% от национального дохода в 1928 г. до 27% в 1931 г. В ценах 1928 г. рост был еще выше – с 14% в 1928 г. до 36% в 1931 г. В годы первой и второй пятилеток норма накопления в СССР колебалась в пределах 26–29% национального дохода, т.е. постоянно поддерживалась на высоком уровне [14. С. 101]. В послевоенный период, по расчетам А.Л. Вайнштейна, норма накопления оставалась высокой. В 1950–1955 гг. она составляла (вместе с «прочими расходами») 23–26% [17. С. 110]. С 1964 г. данные о национальном доходе и накоплении в СССР начинают публиковаться в статистических сборниках, что позволяет вычислить норму накопления (табл. 2).

Таблица 1

Народный доход СССР и фонд реального накопления за 1928–1931 гг., млн руб., без акциза

Показатели	В ценах 1928 г.			
	1928	1929	1930	1931
Народный доход произведенный	26 187	29 045	34 637	39 621
Реальное накопление (прирост запасов и фондов)	3 697	4 801	9 230	13 669
Доля реального накопления	14,4	16,9	27,3	36,0

Примечание. Сост. по: Вайнштейн А.Л. Народный доход России и СССР : история, методология исчисления, динамика. М., 1969. С. 98.

Таблица 2

Национальный доход СССР и фонд накопления в 1958–1979 гг., млрд руб., в действующих ценах

Годы	Национальный доход, использованный на потребление и накопление	Накопление					
		Всего		В том числе			
				Основные производственные фонды		Материальные оборотные средства и резервы	
		Сумма	% к национальному доходу	Сумма	% к национальному доходу	Сумма	% к национальному доходу
1958	126,7	34,6	27,3	13,5	10,6	12,2	9,6
1961	151,0	42,9	28,4	15,6	10,3	17,6	11,6
1964	179,7	49,3	27,5	19,2	10,7	20,4	11,3
1967	221,5	59,4	26,8	19,4	8,7	27,6	12,4
1970	235,5	84,2	29,5	32,1	11,2	33,1	11,6
1975	363,0	95,0	26,0	38,8	10,7	34,6	9,5
1979	430,9	107,6	24,9	40,2	9,4	45,3	10,6

Примечание. Сост. по: Статистические материалы для расчета экономической эффективности общественного производства. М., 1981. С. 36–37.

Как видно из табл. 2, удельный вес фонда накопления в 1960–1970-е гг. составлял 26–29% к национальному доходу, но норма производственного накопления (накопление в основных производственных капиталах, материальных оборотных средствах и резервах) была ниже – около 20%. Такой же уровень производственного накопления в 1960–1970 гг. был рассчитан, например, Институтом экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР. Руководил этой работой член-корреспондент АН СССР А.Г. Аганбегян. Расчеты опирались на результаты работ, проводившихся отделом темпов и пропорций общественного производства и сектором анализа межотраслевых связей и динамики народного хозяйства в сотрудничестве со сводным отделом перспективных народнохозяйственных планов Госплана СССР. Уровень нормы производственного накопления в СССР в этих расчетах составлял на 1960 г. 20,1%, на 1965 г. – 20,9%, на 1970 г. – 23,1% [18]. При всех неясностях динамики процесса производственного накопления (из-за методики подсчета показателей национального дохода, его компонентов), тем не менее можно выявить тенденцию снижения нормы накопления к концу 1950-х гг. по сравнению с 1930-ми гг. и сохранения этого уровня в 1960–1970-е гг.

Таким образом, мы видим несколько качественно разных периодов в процессе накопления: низкий его уровень в 1920-е гг., резкий рост в конце 1920 – начале 1930-х гг., некоторое снижение нормы накопления к середине 1950-х гг. и «замирание» на обычной для индустриального общества норме накопления в 1960–1970-е гг.

Важной частью определения этапов развития советского общества являются используемые государством механизмы накопления. Систему мер, применяемых государством в процессе накопления, дает возможность представить государственный бюджет. Его основные составляющие в доходной части состояли из налога с оборота, платежей государственных предприятий и организаций из прибыли, подоходного налога с кооперации, колхозов, предприятий и общественных организаций, а также налогов и сборов с населения, государственных займов, реализуемых среди населения, таможенных доходов. В 1940 г. в структуре государственного бюджета РСФСР доходы от экономической деятельности предприятий составляли 47% госбюджета, а доходы «налогового» характера, собираемые с населения (налоги с населения, госзаймы) – 31%. При этом необходимо учесть, что налог с оборота взимался на стадии превращения продукции в товар, т.е. являлся косвенной формой налогообложения населения. Соотношение доходов госбюджета от экономической деятельности и налогового характера характеризует большую роль в источниках накопления внеэкономических рычагов. В 1950 г. соотношение было еще более выраженным: 42,7% к 35%. Только к 1958 г. доходы от экономической деятельности предприятий составили основную часть доходных поступлений в бюджет (62%), а изъятия у населения резко сократились – до 10% от всех доходных статей бюджета. Это соотношение в формировании бюджета сохранялось весь последующий период существования СССР (в 1985 г., например, доходы от экономической деятельности предприятий составляли почти 64% госбюджета, а доходы от налогов с населения – около 10%) [19. С. 556; 20. С. 495; 21. С. 379]. Значимая роль изъятий у населения в формировании бюджета государства также является важным признаком периода первоначального накопления, уменьшение же роли данного показателя говорит о завершении в основном первоначального накопления. Как видно из приведенных данных, этот механизм формирования госбюджета утратил свое ведущее значение к концу 1950-х гг.

Важной частью механизма накопления была ценовая политика государства, которая обладала яркой спецификой в 1930–1940-е гг. Идеологически это положение подкреплялось высказанным в 1920-е гг. мнением о своеобразии «закона стоимости» (применение принципа эквивалентности при обмене), который в социалистическом обществе не действует (по крайней мере в «государственном секторе»). В 1930-х – начале 1950-х гг. государство предприняло колоссальные усилия по законодательному оформлению и реализации системы изъятия средств из сельского хозяйства [22, 23], гарантирующих перераспределение ресурсов в пользу промышленной составляющей. С начала 1930-х гг. вплоть до 1953 г. колхозы продавали свою продукцию государству по ценам, предусматривавшим два вида тарифов: обязательные поставки сельхозпродукции (оплачивались по очень низкому тарифу) и государственные заготовки (оплачивались по более высоким ценам, но не достигавшим действительной стоимости продаваемых продуктов). По сути дела, колхозы осуществляли простую передачу продуктов с формальным применением цен для взаимных расчетов. Часть изъятий у колхозов осуществлялась в натуральной форме – так называемая «натуроплата МТС». Колхозные дворы с 1930 г. по конец 1950-х – начало 1960-х гг. были охвачены системой повинностей, включавших отработочную, натурально-продуктовую и денежную формы [22]. Масштабы изъятия ресурсов из сельского хозяйства позволяют представить данные баланса народного хозяйства СССР, согласно которым, например, в 1935 г. всего накоплений в экономике СССР было 40 млрд руб., из них в промышленности – 21,4 млрд руб., что составляло более 50% накоплений, в сельском хозяйстве – 3,9 млрд руб. (только 1/10 часть всех накоплений) [24]. За период 1946–1953 гг. из сельского хозяйства был изъят продукт стоимостью 298 млрд руб., а перемещен туда продукт из других сфер народного хозяйства на 193 млрд руб. [25]. Показательными являются также данные о соотношении капиталовложений в разные отрасли экономики. За 1918–1964 гг. из общей суммы государственных капиталовложений в СССР, равной 423,6 млрд руб., в сельское хозяйство было направлено только 45,1 млрд руб. (10,7%) [26].

В начале 1950-х гг. возможности донорства сельского хозяйства в ресурсах накопления были уже значительно подорваны, и в то же время задачи создания индустриальной части экономики (в виде промышленных предприятий и их инфраструктуры) в целом ре-

шены. Совокупность этих событий влекла за собой коренную трансформацию экономической системы, что отразилось, в частности, в свертывании повинностной системы (она поэтапно была ликвидирована с 1958 г., когда отменялись обязательные поставки сельхозпродукции, по 1966 г., когда была введена заработная плата для колхозников), окончательном завершении создания рынка рабочей силы (паспортизация колхозной деревни с 1974 г.), отмирании внеэкономических и «включении» экономических рычагов хозяйствования.

С начала 1950-х гг. в советской экономической науке начались бурные дискуссии по поводу методов ценообразования, о взаимоотношениях между ценой и стоимостью и о роли цен в экономической системе. Результатом этих дискуссий стало постепенное свертывание действия системы неэквивалентного изъятия средств из сельского хозяйства и повышение закупочных цен в данной отрасли. В 1960–1970-е гг. было предпринято неоднократное упорядочивание цен, ставился вопрос о ценах, ориентированных на меновую и потребительскую стоимость. Однако и следы аграрного общества продолжали сохраняться. Перекачка средств из сельского хозяйства в более поздние годы шла в меньших пропорциях, в основном через механизм отклонения цен на сельхозпродукцию от стоимости. По расчетам отдела цен Всесоюзного научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства, в 1964 г. созданный в сельском хозяйстве СССР национальный доход составлял в текущих ценах 21,2 млрд руб., а в ценах стоимостного уровня (т.е. по себестоимости) – 46,9 млрд руб., в 1968 г. соответственно 31,8 и 58,6 млрд руб. [24]. Таким образом, в 1960-е гг. масса реального созданного в сельском хозяйстве национального дохода превышала официальные данные статистики на 25–27 млрд руб. Примерно такая же ситуация сохранялась до конца советского периода. Так, в среднем за 1986–1988 гг. в СССР из сельского хозяйства было передано косвенно, через цены, в другие отрасли 52,3 млрд руб., а поступило в сельское хозяйство из других отраслей 36,3 млрд руб. [27. С. 16]

Коренную трансформацию в период перехода от аграрного к капитализированному обществу пережили важнейшие финансовые институты советского общества. В 1930 – первой половине 1960-х гг. роль кредита в экономической системе СССР была крайне ограниченной. Его могли выдавать только государственные банки, при этом краткосрочный кредит был сосредоточен в Государственном банке СССР, а для долгосрочного кредита были созданы специальные госбанки (Промбанк, Сельхозбанк, Торгбанк и Цекомбанк), они выдавали долгосрочные кредиты до 1959 г., после чего данная роль также была передана Госбанку СССР. Основная часть кредита обслуживала сферу обращения, особенно заготовки и торговлю. Роль кредита рассматривалась в основном как определенный вид государственного финансирования, он использовался при недостатке средств на предприятиях.

Характеризуя сложившиеся в СССР кредитные отношения, доктор экономических наук Г.А. Козлов на совещании «Закон стоимости и его использование в народном хозяйстве СССР» (совещание проходило в Институте экономики СССР в 1957 г.) отметил, что «многолетнее отрицание товарной природы средств производства при социализме проявлялось в том, что в обороте средств производства не признавалась роль кредита… В отношениях, связанных с капиталовложениями в государственном секторе, теории кредита не находилось места» [28. С. 33]. Соотношение видов кредитования (долгосрочного и краткосрочного) отражено в статистических сборниках советского времени.

Как видно из табл. 3, несмотря на абсолютный рост кредитования, размеры долгосрочных кредитов были ниже краткосрочного кредитования в 1950–1960-е гг. примерно в 10 раз. В 1970-е гг. доля долгосрочного кредитования постепенно росла, но все-таки отставала от размеров краткосрочного кредита в 3–4 раза. Ограниченность кредитования, его краткосрочность, нацеленность на «латание прорех» в хозяйственном механизме сдерживали превращение кредита в полноценные инвестиции и отражались на нарастании роли капитала в жизни общества.

Таблица 3

Кредитные вложения банков в народное хозяйство РСФСР в 1952–1985 гг., остатки задолженности на конец года, млрд руб.

Кредиты	1952	1959	1965	1970	1975	1980	1985
Всего:	14,8	22,6	42,7	71,8	118,2	202,3	300,7
в том числе: долгосрочные	1,3	2,5	3,5	10,7	27,3	52,8	63,7
краткосрочные	13,5	20,1	39,2	61,1	90,9	149,5	237,0

Примечание. Сост. по: Народное хозяйство РСФСР в 1962 г. : стат. ежегодник. М., 1963. С. 585; Народное хозяйство РСФСР в 1967 г. : стат. ежегодник. М., 1968. С. 566; Народное хозяйство РСФСР в 1980 : стат. ежегодник. М., 1981. С. 391; Народное хозяйство РСФСР в 1985 : стат. ежегодник. М., 1986. С. 381.

Таблица 4

Среднегодовые темпы прироста производительности капитала, труда и капиталовооруженности в 1950–1970 гг.

Страна	Производительность труда*	Производительность капитала**	Общая производительность***	Капиталовооруженность труда****
СССР (1950–1970)	3,5	–2,6	1,6	6,4
Япония (1955–1968)	8,0	–2,4	5,5	8,4
Страны Северо-Западной Европы (1950–1962)	3,7	0,3	3,0	3,4
США (1950–1962)	1,9	–0,3	1,4	2,1

Примечания. Сост. по: Материалы к докладу экспертов объединенной экономической комиссии Конгресса США «Советская экономика в новой перспективе» (октябрь 1976). М., 1977.

* Производительность труда – темпы роста национального дохода, деленные на темпы прироста занятости; ** Производительность капитала – темпы прироста национального дохода, деленные на темпы прироста капитальных вложений; *** Общая производительность – темпы прироста национального дохода, деленные на темпы прироста совокупных затрат труда и капитала; **** Капиталовооруженность труда – темпы прироста капитальных вложений, деленные на темпы прироста затрат труда.

Как видно из табл. 4, темпы прироста капитала в СССР (темпы прироста производительности капитала) в 1950–1970-х гг., по расчетам американских экономистов, имели отрицательную величину, однако очень высокими были темпы прироста производительности труда (связанные с темпами прироста занятости). Схожая динамика наблюдалась и в Японии – стране, также совершавшей рывок от аграрного к капитализированному обществу.

Границу завершения процессов основного этапа первоначально накопления можно определить по целому ряду важнейших индикаторов. Прежде всего это уход господства аграрной составляющей из жизни общества как в экономической, так и в социальной, духовной сферах, превалирование среди факторов производства капитала, превышение его доли над живым трудом, рост качества и уровня жизни населения, снижение тяжести налогов и пр.

И.В. Сталин считал переломным в превращении страны из аграрной в индустриальную 1929 г. (в этом году, по его утверждению, удельный вес промышленности в формировании национального дохода впервые превысил показатели доли сельского хозяйства: 55% составляла доля промышленности, 45% – доля сельского хозяйства) [29. С. 310]. Однако расчеты экономистов показывают более медленную динамику изменения соотношения отраслей в формировании национального дохода, учитывая низкие фактические цены на продукцию сельского хозяйства. Тем не менее во второй половине XX в. основную долю национального дохода страны формировала промышленность. Доля же сельского хозяйства в национальном доходе, например, во второй половине 1960-х гг. не превышала пятой части национального дохода СССР по расчетам в фактических ценах и трети – по ценам стоимостного уровня [30. С. 22].

Важнейшим индикатором победы капитализированного общества является изменение роли основных факторов производства (живого труда, земли и капитала). Нужно иметь в виду, что в СССР земля была национализирована и, следовательно, исключена из расчетов себестоимости. Поэтому эволюцию факторов производства дает возможность представить такой экономический показатель, как себестоимость продукта, где видно соотношение долей капитала (материальных затрат) и «живого» труда (затрат на оплату труда). Когда роль первого становится ведущей, можно считать, что грань, отделяющая аграрное общество от капитализированного, пройдена. Трудность состоит в том, что для расчетов себестоимости продукции в СССР существовали как идеологические, так и экономические препятствия. Основные проблемы при этом испытала отрасль сельского хозяйства, где исчислять себестоимость с начала 1930-х до середины 1950-х гг. считалось «вредным», да и мало возможным, в связи с оплатой колхозников трудоднями. Только в середине 1950-х гг. в исчислении себестоимости сельхозпродукции РСФСР были сделаны экспериментальные расчеты, которые показали довольно высокие затраты живого труда: в производстве овощей затраты на оплату труда составляли 70% всех затрат, молока – 40–45%, зерна, картофеля, мяса – 35–40% [Там же. С. 91]. Таким образом, роль живого труда как фактора производства в сельском хозяйстве была довольно весомой и в середине 1950-х гг.

Более полные расчеты соотношения факторов производства позволяют представить межотраслевые балансы. Первый межотраслевой баланс был составлен ЦСУ СССР в 1959 г., второй – в 1966 г. Межотраслевой баланс 1966 г. показал, что стоимостная структура продукции основных отраслей материального производства значительно различалась. Если доля материальных производственных затрат во всем совокупном продукте СССР составляла 54,4%, то в промышленной продукции – 63,7%, в продукции строительства – 56%, а в продукции сельского хозяйства – 36,9% [31]. В целом данные показатели позволяют предположить, что роль капитала в экономике СССР в середине 1960-х гг. была настолько велика, что он становился основным фактором производства. В то же время важнейшая подсистема общества – сельское хозяйство – находилась в довольно рутинном состоянии, следовательно, процесс капитализации нельзя считать абсолютно завершенным. Расчеты удельного веса живого и овеществленного труда в совокупных затратах труда (по данным межотраслевого баланса затрат труда СССР, составленного в 1970–1980-е гг.) свидетельствуют, что в 1975–1985 гг. они соотносились как 60:40 в пользу живого труда, что показывает ресурсы капитализации, еще не освоенные советской экономикой [32. С. 244].

Период, последовавший за основным этапом первоначального накопления, характеризуется завершением многих процессов, позволявших промышленной части экономики аккумулировать основную часть ресурсов. Прежде всего снижается налогово-повинностная нагрузка на сельское хозяйство, коренным образом изменился феномен товарности. Важнейшим индикатором завершения процессов первоначального накопления является пролетаризация населения, переход к зарплате как основному источнику средств существования. В этом плане особенно важны показатели построения бюджетов колхозников, дольше всего сохранявших черты, свойственные социуму аграрного общества. Доля дохода от личного хозяйства начинает стремительно сокращаться в них с конца 1950-х гг. В 1960 г. доля личного хозяйства в совокупном доходе семьи колхозников России составляла 42%, в 1970 г. – 33%, в 1980 г. – 25% [33; 34. С. 95]. В конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. вместе с реорганизацией МТС, отменой обязательных поставок сельхозпродукции, а затем введением заработной платы колхозникам идет становление аграрного рынка на продукты сельского хозяйства, средства труда, рабочие руки. Это период, когда основные сферы экономики уже были высококапитализированными производствами, в стране достаточно полномасштабно функционировал рынок, важнейшей частью которого стало «освобождение» колхозников, действовала современная финансово-кредитная система и др.

Таким образом, высказанная профессором Б.Г. Могильницким догадка о важности применения теории первоначального накопления к истории Советской

России даже сейчас выглядит весьма смелым и своевременным подходом. Именно этот подход позволяет выявить крупные этапы в социально-экономическом развитии страны в XX в. Классическое аграрное общество в России сохранялось с очень малой динамикой изменений до конца 1920-х гг. Основной этап перелома в социально-экономической системе приходится на 1930–1950-е гг., в основном это время и было периодом первоначального накопления капитала, что подтверждают такие важнейшие показатели, как перераспределение собственности, тотальное изъятие у мелких производителей средств производства, повышение нормы накопления, широкое действие внеэкономических механизмов и пр. Особенностью первоначального накопления в России была центральная роль государства в процессе перехода к капитализированному обществу. Завершение основного этапа первоначального накопления приходится на рубеж 1950–1960-х гг. Основным индикатором этого процесса является устойчивое превалирование роли капитала над другим важнейшим фактором производства – живым трудом. В 1960–1980-е гг. происходит усиление действия денежных механизмов, товарность постепенно становится рыночной, экономические рычаги превалируют во всех сферах жизни общества. Однако проблемы незавершенности капитализации сказывались, что отражалось на сохранении перераспределения средств из аграрной в индустриальную сферу, социальных проблемах, в том числе новом классообразовании [35].

ЛИТЕРАТУРА

1. Могильницкий Б.Г. Альтернативность в истории советского общества // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 3–16.
2. Преображенский Е.А. Основной закон социалистического накопления // Вестник Коммунистической академии. 1924. № 8. С. 47–116.
3. Павленко Н.И. О некоторых сторонах первоначального накопления в России (материалы к обсуждению) // Материалы к заседанию ученого совета Института истории АН СССР от 4 июля 1955 г. М., 1955. С. 1–2.
4. Павленко Н.И. О некоторых сторонах первоначального накопления в России : (по материалам XVII–XVIII вв.) Материалы к заседанию ученого совета Института истории АН СССР от 4 июля 1955 г. М., 1955. С. 3–51.
5. Козловский Е.С. Первоначальное накопление капитала и его особенности в России. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1956. 56 с.
6. Брегель И.Я. Первоначальное накопление капитала. М., 1961. 40 с.
7. Рябов Н. Социалистическое накопление и его источники в первой и второй пятилетках. М. : Госполитиздат, 1951. 248 с.
8. Красникова Е.В. Развитие капитализма в России век спустя. М. : Теис, 2003. 167 с.
9. Прозоровская К.А. Девиантное экономическое поведение в России : историческая ретроспектива и факторы институционализации в эпоху «первоначального накопления капитала». СПб. : Инфо-да, 2014. 164 с.
10. Безнин М.А., Димони Т.М. Советская протобуржуазия: генезис высшего класса российского общества // Новейшая история России. 2019. № 2 (9). С. 437–453.
11. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 80. Д. 63(а). Л. 50, 52, 54, 56, 63.
12. История социалистической экономики СССР. М. : Наука, 1977. Т. 3. 536 с.
13. Советская торговля : стат. сб. М. : ЦСУ СССР, 1964. 503 с.
14. Народное хозяйство РСФСР : стат. сб. М. : Госстатиздат, 1957. 372 с.
15. Народное хозяйство РСФСР за 60 лет : стат. ежегодник. М. : Статистика, 1977. 366 с.
16. Безнин М.А., Димони Т.М. Личное приусадебное хозяйство как индикатор отмирания аграрного общества в России // Вопросы истории. 2019. Т. 1. № 12 (1). С. 84–96.
17. Вайнштейн А.Л. Народный доход России и СССР : история, методология исчисления, динамика. М. : Наука, 1969. 168 с.
18. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 67. Д. 380. Л. 6.
19. Народное хозяйство РСФСР в 1965 г. : стат. ежегодник. М. : Статистика, 1966. 910 с.
20. Народное хозяйство РСФСР в 1975 г. : стат. ежегодник. М. : Статистика, 1976. 519 с.
21. Народное хозяйство РСФСР в 1985 г. : стат. ежегодник. М. : Финансы и статистика, 1986. 655 с.
22. Безнин М.А., Димони Т.М. Повинности российских колхозников в 1930–1960-е годы // Отечественная история. 2002. № 2. С. 96–111.
23. Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России в 1930–1980-е годы. М. : Ленанд, 2019. 608 с.
24. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 317. Л. 48.
25. Правда. 1989. 16 марта.
26. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 488. Л. 132.
27. Чистая продукция сельского хозяйства и ее распределение и использование. М., 1989. 23 с.
28. По страницам архивных фондов Центрального Банка Российской Федерации. М. : Центральный банк РФ, 2011. Вып. 11: Кредитования и расчеты в 1952– 991 годах (ведомственные материалы). 183 с.
29. Сталин И.В. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б), 26 января 1934 г. // Сталин И. Сочинения. М. : Госполитиздат, 1951. Т. 13. С. 282–379.
30. Пропорции воспроизводства национального дохода в сельском хозяйстве. М. : М-во сельского хозяйства СССР, 1970. 72 с.
31. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 225. Л. 92.
32. Beznin M.A., Dimoni T.M. Revisiting the type of economic system in the USSR // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2016. № 5. P. 238–250.
33. Совокупный доход семей колхозников и его распределение : стат. материалы : приложение к бюллетеню ЦСУ РСФСР № 1 (189). М., 1962. 18 с.
34. Бюджеты рабочих, служащих и колхозников за 1970, 1975, 1980–1984 гг. М., 1985. 108 с.
35. Гулин К.А. К вопросу о «первоначальном накоплении капитала» в постсоветской России // Экономические и социальные проблемы: факты, тенденции, прогноз. 2019. № 6 (12). С. 276–291.

Mickhail A. Beznin, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: beznin@uni-vologda.ac.ru
Tatiana M. Dimoni, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: dimonitm@yandex.ru

ON APPROACHES TO STUDYING THE MAIN STAGES OF THE SOCIO-ECONOMIC TRANSFORMATION OF SOVIET RUSSIA FROM AN AGRARIAN TO A CAPITALIZED SOCIETY

Keywords: agricultural society, capitalized society, Russia, XX century.

The purpose of the article is to consider possible approaches to the study of the largest transformation of Soviet society – its transition from the agrarian to the capitalized stage. The authors review such an important issue as the application of ideas about primitive accu-

mulation to the history of Russia. In the course of the historiographic review, they note that the works of E. A. Preobrazhensky, N. I. Pavlenko, B. B. Kafengauz and other researchers considered the issue, but its application to the history of Soviet society was generally rejected. Historian B. G. Mogilnitsky suggested using the ideas of primitive accumulation in the study of the history of Soviet society, which was supported by the authors of the article. The authors draw on sources that characterize the key moments of socio-economic development of Russia during the Soviet period: calculations of inter-industry balance sheets, statistics of national income, calculation of accumulation rates by economists in the Soviet economy, indicators of financial and credit development, etc. Some of the sources are extracted from statistical collections, and some are from materials stored in the Russian State Archive of Economics and the Russian State Archive of Modern History. The article considers the implementation of the main elements of the primitive accumulation in the late 1920s and 1950s: the withdrawal of means of production from small producers (peasants, artisans, private traders, etc.), the creation of a labor market due to the outflow of population from the village to the city. The sources of accumulation were formed at the expense of state policy that implements a high rate of capital accumulation (up to a third of the national income in some years). The axis of strict state policy was the transfer of funds from agriculture to the industrial sector and high taxation of the population. The article considers the transformation of the most important economic institutions of the Soviet society – financial, price, and monetary. The authors propose to consider a radical change in the ratio of factors of production as an indicator of leaving the agricultural society. When capital begins to play a major role in the production of products, we can assume that the transition to a capitalized society has been overcome. The period of this transition, according to the authors, refers to the late 1950s or early 1960s, In 1960-1980s ended the process of formation capitalised economy was reduced the tax burden on the population, the prices are approaching the cost of production, acted as a modern financial and credit system, there is a proletarianization of the population. However, problems of incomplete capitalization also existed, which brought another round of primitive accumulation that occurred in the 1990s.

REFERENCES

1. Mogilnitsky, B.G. (1989) Al'ternativnost' v istorii sovetskogo obshchestva [Optionality in the history of the Soviet society]. *Voprosy istorii*. 11. pp. 3–16.
2. Preobrazhensky, E.A. (1924) Osnovnoy zakon sotsialisticheskogo nakopleniya [The basic law of socialist accumulation]. *Vestnik Kommunisticheskoy akademii*. 8. pp. 47–116.
3. Pavlenko, N.I. (1955a) O nekotorykh storonakh pervonachal'nogo nakopleniya v Rossii (materialy k obsuzhdeniyu) [On some aspects of primary accumulation in Russia (materials for discussion)]. In: *Materialy k zasedaniyu uchenogo soveta Instituta istorii AN SSSR ot 4 iyulya 1955 g.* [Materials for the meeting of the Academic Council of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences of July 4, 1955]. Moscow: Institute of History of the USSR Academy of Sciences. pp. 1–2.
4. Pavlenko, N.I. (1955b) O nekotorykh storonakh pervonachal'nogo nakopleniya v Rossii: (po materialam XVII–XVIII vv.) [On some aspects of primary accumulation in Russia: (based on materials of the 17th – 18th centuries)]. *Materialy k zasedaniyu uchenogo soveta Instituta istorii AN SSSR ot 4 iyulya 1955 g.* [Materials for the meeting of the Academic Council of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences of July 4, 1955]. Moscow: Institute of History of the USSR Academy of Sciences. pp. 3–51.
5. Kozlovsky, E.S. (1956) *Pervonachal'noe nakoplenie kapitala i ego osobennosti v Rossii* [Primary capital accumulation and its features in Russia]. Leningrad: Leningrad State University.
6. Bregel, E.Ya. (1961) *Pervonachal'noe nakoplenie kapitala* [Primary Capital Accumulation]. Moscow: Institute of International Relations.
7. Ryabov, N. (1951) *Sotsialisticheskoe nakoplenie i ego istochniki v pervoy i vtoroy pyatiletkakh* [Socialist accumulation and its sources in the first and second five-year plans]. Moscow: Gospolitizdat.
8. Krasnikova, E.V. (2003) *Razvitie kapitalizma v Rossii vek spustya* [The development of capitalism in Russia a century later]. Moscow: Teis.
9. Prozorovskaya, K.A. (2014) *Deviantnoe ekonomicheskoe povedenie v Rossii: istoricheskaya retrospektiva i faktory institutsionalizatsii v epokhu "pervonachal'nogo nakopleniya kapitala*" [Deviant Economic Behavior in Russia: Historical Retrospective and Institutionalization Factors in the Era of "Primary Capital Accumulation"]. St. Petersburg: Info-da.
10. Beznin, M.A. & Dimoni, T.M. (2019) A soviet proto-bourgeoisie: genesis of the upper class of Russian society. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 2(9). pp. 437–453. (In Russian).
11. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 1562. List 80. File 63(a). pp. 50, 52, 54, 56, 63.
12. Vinogradov, V.A. (ed.) (1977) *Istoriya sotsialisticheskoy ekonomiki SSSR* [History of the USSR Socialist Economy]. Vol. 3. Moscow: Nauka.
13. Makarova, O.K. (1964) *Sovetskaya torgovlya* [Soviet Trade]. Moscow: TsSU SSSR.
14. USSR. (1957) *Narodnoe khozyaystvo RSFSR* [National Economy of the RSFSR]. Moscow: Gosstatizdat.
15. USSR. (1977) *Narodnoe khozyaystvo RSFSR za 60 let* [The national economy of the RSFSR for 60 years]. Moscow: Statistika.
16. Beznin, M.A. & Dimoni, T.M. (2019) Farmstead economy of the population as an indicator of dying off of agrarian society in Russia. *Voprosy istorii – Issues of History*. 12(1). pp. 84–96. (In Russian). DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201912Statyi06
17. Vainshtein, A.L. (1969) *Narodnyy dokhod Rossii i SSSR: istoriya, metodologiya ischisleniya, dinamika* [National income of Russia and the USSR: history, calculation methodology, dynamics]. Moscow: Nauka.
18. The Russian State Archives of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 67. File 380. pp. 6.
19. USSR. (1966) *Narodnoe khozyaystvo RSFSR v 1965 g.* [The National Economy of the RSFSR in 1965]. Moscow: Statistika.
20. USSR. (1976) *Narodnoe khozyaystvo RSFSR v 1975 g.* [The National Economy of the RSFSR in 1975]. Moscow: Statistika.
21. USSR. (1986) *Narodnoe khozyaystvo RSFSR v 1985 g*. [The National Economy of the RSFSR in 1985]. Moscow: Finansy i statistika.
22. Beznin, M.A. & Dimoni, T.M. (2002) Povinnosti rossiyskikh kolkhoznikov v 1930–1960-e gody [Obligations of Russian collective farmers in the 1930s – 1960s]. *Otechestvennaya istoriya*. 2. pp. 96–111.
23. Beznin, M.A. & Dimoni, T.M. (2019) *Agrarnyy stroy Rossii v 1930–1980-e gody* [The agrarian system of Russia in the 1930–1980s]. Moscow: Lenand.
24. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 1562. List 3. File 317. p. 48.
25. *Pravda*. (1989). 16th March.
26. The Russian State Archives of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 30. File 488. p. 132.
27. Anon. (1989) *Chistaya produktsiya sel'skogo khozyaystva i ee raspredelenie i ispol'zovanie* [Pure agricultural products and their distribution and use]. Moscow: [s.n.].
28. Kashin, Yu.I. (2011) *Po stranitsam arkhivnykh fondov Tsentral'nogo Banka Rossiyskoy Federatsii* [Through the pages of the archival funds of the Central Bank of the Russian Federation]. Issue 11. Moscow: The Central Bank of the Russian Federation.
29. Stalin, I.V. (1951) *Sochineniya* [Works]. Vol. 13. Moscow: Gospolitizdat. pp. 282–379.
30. Ministry of Agriculture of the USSR. (1970) *Proportsii vosproizvodstva natsional'nogo dokhoda v sel'skom khozyaystve* [Proportions of reproduction of national income in agriculture]. Moscow: Ministry of Agriculture of the USSR.
31. The Russian State Archives of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 60. File 225. p. 92.

32. Beznin, M.A. & Dimoni, T.M. (2016) Revisiting the type of economic system in the USSR. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 5. pp. 238–250. DOI: 10.15838/. esc/2016.5.47.13
33. USSR. (1962) Sovokupnyy dokhod semey kolkhoznikov i ego raspredelenie [The total income of the families of collective farmers and its distribution]. *Prilozhenie k byulletenyu TsSU RSFSR*. 1(189).
34. USSR. (1985) *Byudzhety rabochikh, sluzhashchikh i kolkhoznikov za 1970, 1975, 1980–1984 gg.* [The budgets of workers, employees and collective farmers for 1970, 1975, 1980–1984]. Moscow: [s.n.].
35. Gulin, K.A. (2019) Revisiting the issue of the “initial accumulation of capital” in post-Soviet Russia. *Ekonomicheskie i sotsial'nye problemy: fakty, tendentsii, prognoz – Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 6(12). pp. 276–291. (In Russian). DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.16

УДК 94 (571.15)
DOI: 10.17223/19988613/66/3

К.А. Брумм

К ВОПРОСУ ОБ АДАПТАЦИИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ПРОМЫШЛЕННОГО СЕКТОРА АЛТАЙСКОГО КРАЯ К РЫНОЧНОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-х гг. (НА ПРИМЕРЕ ОАО «БАРНАУЛЬСКИЙ АППАРАТУРНО-МЕХАНИЧЕСКИЙ ЗАВОД»)

Предпринята попытка рассмотреть проблемные аспекты процесса трансформации командно-административной экономической модели в промышленном секторе Алтайского края на примере крупнейшего в регионе предприятия по производству газосварочной продукции ОАО «БАМЗ». Также уделяется внимание особенностям адаптации предприятия, созданного на основе плановых принципов организации финансовой деятельности, к рыночной экономике в условиях становления федеративной системы государственного управления.
Ключевые слова: реформирование промышленности; приватизация; история Алтайского края; газосварочное оборудование.

Экономические реформы первой половины 1990-х гг. привели к изменению финансовой модели Алтайского края. Перед руководством региональных заводов была поставлена задача по организации финансовой деятельности в условиях свободной конкуренции. Предприятиям промышленного сектора края предстояло переориентировать весь производственный процесс. Реализацию данной задачи осложняли разрыв прежних производственных связей, потеря позиций на международных рынках, низкая покупательная способность потребителей, гиперинфляция и др.

Промышленность Алтайского края была ориентирована на потребительский рынок всего Советского Союза и государств-партнеров. Заводы обеспечивали работу объектов социально-культурного назначения, а часть производственных объединений имела статус градообразующих. Барнаульский аппаратурно-механический завод входил в число крупнейших предприятий СССР по производству газосварочного оборудования, арматуры и других изделий. Его продукция использовалась в авиастроительной, химической и строительной отраслях.

Завод был основан в 1942 г. на базе эвакуированных московского завода «Арматура» и ленинградского завода им. Матвеева [1. С. 52]. На протяжении второй половины XX в. структура завода менялась. В 1956 г. она включала в себя 11 отделов, среди которых 6 цехов, энергетический комплекс, конструкторская служба, лаборатории, вычислительный центр [2]. В 1992 г. завод был приватизирован и преобразован в ОАО «БАЗМ». В 2013 г. ОАО «БАЗМ» было ликвидировано, а основные производственные фонды переведены на баланс ООО «Барнаульский аппаратурно-механический завод». Основным видом деятельности ООО «Барнаульский аппаратурно-механический завод» стала сдача внаем собственного нежилого недвижимого имущества [3]. Производством газосварочной продукции и изготовлением арматуры данная компания не занималась.

Изучение процесса становления рыночных механизмов на предприятиях промышленного сектора Алтайского края представляет научный интерес ввиду слабого освещения данного вопроса. В научной литературе вопросу реформирования промышленного сектора Алтайского края в первой половине 1990-х гг. посвящены исследования, в которых ученые рассматривали общие вопросы экономического, юридического, управленческого характера. При этом исторические аспекты преобразования отдельных промышленных предприятий представлены слабо.

Экономист И.А. Голощапова, анализируя особенности развития промышленного комплекса в Алтайском крае, пришла к выводу, что в результате интенсивного промышленного развития уже к началу 1970-х гг. в регионе были сформированы крупные отраслевые промышленные комплексы: тракторное и сельскохозяйственное машиностроение, дизелестроение, энергетическое машиностроение, станкостроение, радиоэлектроника и приборостроение, производство химических и синтетических волокон и нитей, резинотехнических и асбестотехнических изделий, автомобильных и авиационных шин, военно-технической продукции [4. С. 7–8].

Изучением проблемных аспектов реформирования промышленного сектора Алтайского края в 1990–2000-е гг. занималась Л.В. Родионова. Исследователь отмечала, что в 1990-е гг. особенностью социально-экономического развития края являлось хроническое отставание непроизводственной сферы от уровней, достигнутых Россией, Западной Сибирью и соседними регионами [5].

В монографии В.А. Бородина выделены и исследованы основные периоды становления, развития и последовавшего в 1990-е гг. глубокого кризиса алтайской промышленности. На базе обширного фактологического материала им проанализированы важнейшие тенденции, определявшие трансформационные изменения в промышленности края, выявлены основ-

ные факторы, влиявшие на их темпы и эффективность. В работе дана оценка состояния ресурсного потенциала промышленных предприятий, уровня их конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках, представлены прогнозы развития ситуации в промышленном комплексе Алтая на среднесрочную перспективу, а также предложены основные направления промышленной политики [6].

Исследователи А.Я. Троцковский и Н.А. Чертов провели мониторинг финансового состояния промышленного сектора Алтайского края в конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. и выявили ряд ключевых факторов, отрицательно повлиявших на реформирование экономической модели в регионе [7]. Оценивая результаты «чековой» приватизации в Алтайском крае, авторы отмечали, что в большинстве случаев акции предприятий не продавались, а фактически распределялись как атрибут экономической власти, при этом вложения населения в экономический капитал носили вынужденный характер [Там же. С. 34].

Экономист С.Г. Потапов в своем докладе на конференции «Проблемы рыночной адаптации приватизированных предприятий» уделил внимание вопросу адаптации приватизированных предприятий к условиям рыночной экономики. По мнению автора, для организации успешной финансовой деятельности руководству акционерных обществ следовало уделить внимание работе подразделений по сбыту продукции и формированию маркетинговой стратегии компаний [8. С. 46–51].

Источниковую базу данной статьи составили материалы периодической печати, статистические отчеты органов исполнительной власти Алтайского края и отчеты структурных подразделений Барнаульского аппаратурно-механического завода. Впервые введены в научный оборот данные фонда Р-757 Государственного архива Алтайского края за 1989–1992 гг., текущих архивов Фонда имущества Алтайского края за 1993–1994 гг. и Управления Алтайского края по промышленности и энергетике за 1995 г.

В период с 1989 по 1991 г. в промышленном секторе Алтайского края начался процесс перехода от системы управления народным хозяйством, основанной на государственном планировании и жестком регулировании народнохозяйственных связей, к управлению экономикой с использованием рыночных механизмов [6. С. 24].

Созданные во второй половине XX в. предприятия промышленного сектора Алтайского края способствовали изменению экономической специализации региона.

К концу 1980-х – первой половине 1990-х гг. Алтайский край представлял собой крупнейший индустриально-аграрный регион России. По площади он занимал 18-е место (с учетом вхождения в его состав Горно-Алтайской автономной области), а по численности населения – 14-е место среди 74 регионов страны.

Регион имел определенные позиции в общесоюзном разделении труда, что позволяло ему играть заметную роль в экономике России. По данным Агентства деловой информации, в 1990 г. по совокупному общественному продукту край занимал 22-е место из 74, по произведенному национальному доходу – 25-е, по национальному доходу, использованному на потребление и накопление, – 18-е, по продукции промышленности – 24-е, по валовой продукции сельского хозяйства – 4-е, по капитальным вложениям (1986–1990) – 23-е, по рыночному обороту – 21-е место.

Существенной была роль края в производстве сельскохозяйственной и промышленной продукции. Так, здесь выпускалось 12,5% химических волокон и нитей, 5,8% шин, 22% грузовых вагонов, 11,3% тракторов и т.д. [7]. Производство газосварочного оборудования также являлось важной составляющей в линейке промышленных товаров региона.

На протяжении 1980–1990-х гг. промышленность являлась неотъемлемой составляющей экономической системы Алтайского края. Помимо выполнения общесоюзных плановых показателей по выпуску продукции, заводы обеспечивали работу большинства социальных и культурно-бытовых учреждений в регионе. На производственных объединениях промышленного сектора действовали специальные программы по материальной поддержке сотрудников и финансированию социально-культурных учреждений. На балансе ПО «БАМЗ» состояли детский сад-ясли, ЖКХ, магазин, клуб, школа и больница [9. С. 4].

С 1989 по 1990 г. на Барнаульском аппаратурно-механическом заводе наблюдалась положительная динамика показателей финансово-хозяйственной деятельности. Производство продукции выросло на 9%, затраты на производство снизились на 10%, незначительно увеличилась прибыль (табл. 1) [10. Л. 44].

В 1990 г. заводом были изготовлены товары на сумму 39 264 тыс. руб., 97% из них было реализовано в текущем году. Показатель «Продукция, освоенная в СССР», впервые составил 6% (2 367 тыс. руб.). Прибыль предприятия достигла 9,5 млн руб. На отчетный период на производственном объединении работали 1 874 чел. [Там же].

Таблица 1

Технико-экономические показатели Барнаульского аппаратурно-механического завода, 1989–1992 гг.

Наименования показателей	1989	1990	1991	1992
Производство товарной продукции в действующих ценах, млн руб.	35,8	39,2	1 279,5	1 093,2
Затраты на рубль товарной продукции, коп.	65	59	81	76
Прибыль, млн руб.	9,57	9,58	10,53	330,35
Среднесписочная численность производственных рабочих, чел.	1 877	1 874	1 900	2 110
Объемы реализации продукции, млн руб.	–	–	61,7	920,8
Средняя зарплата на одного работника, руб.	–	–	358,5	7 176,3

Руководство «Барнаульского аппаратурно-механического завода» придавало большое значение выполнению плановых показателей. В период с 1985 по 1990 г. на ПО «БАМЗ» полностью выполнили государственное задание по производству основной продукции и изготовили товаров народного потребления на сумму

14 105 тыс. руб. при плане 12 050 тыс. руб., производительность труда рабочих составила 164% при плане 150% [10. Л. 44].

Помимо основной продукции завод произвел товары народного потребления на сумму 4 035 тыс. руб. и оказал платных услуг населению на 247 тыс. руб. [Там же]. Показатель рентабельности по «чистой продукции» был высоким – 57 коп. Подобные результаты были достигнуты благодаря работе по повышению эффективности производства. В 1990 г. по данному направлению было проведено 21 мероприятие, экономический эффект от которых позволил увеличить прибыль на 80,4 тыс. руб. [Там же. Л. 45]. Основной целью данной работы стали улучшение конструкции изделий, снижение металлоемкости и трудоемкости [Там же. Л. 46]. Большое внимание уделялось механизации ручного труда. К 1990 г. на производственном объединении «Барнаульский аппаратурно-механический завод» удельный вес рабочих, занятых ручным трудом, составил 46,8% [Там же. Л. 48].

В 1990 г. сотрудники завода успешно справились с выполнением государственного плана по темпам производительности. С 1989 по 1990 г. в показателях производительности труда на заводе отмечалась положительная динамика. Фактическая выработка нормативно-чистой продукции на одного работника увеличилась с 1989 г. на 8%, производительность труда на 10,5%, средняя заработная плата на 7,3% [Там же. Л. 55].

На предприятии значительное внимание уделялось вопросам поощрения труда и социальному развитию. Отчисления в фонд материального поощрения в 1990 г. составили 975 тыс. руб. (16% от общего фонда заработной платы). В фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства было перечислено 754 тыс. руб. при запанированных 728 тыс. руб. [Там же. Л. 56]

На балансе производственного объединения числился детский сад на 150 мест и пионерский лагерь на 170 мест. Для поддержания здоровья сотрудников функционировали здравпункт, стоматологический, наркологический и физиотерапевтический кабинеты. Ежегодно проводилась диспансеризация [Там же. Л. 62]. Работникам предоставлялись путевки в санатории и пансионаты. За 1990 г. из средств завода было приобретено 99 путевок.

Система общественного питания была представлена двумя столовыми, двумя буфетами, кафетерием, пунктом раздачи молочной продукции, магазинами «Кулинария» и «Продовольственные товары».

В 1990 г. на производственном объединении «Барнаульский аппаратурно-механический завод» фонды черного и цветного металла реализовали на 100%. Осложняли финансовую деятельность низкая потребность в металлических профилях на 200–300 кг, выпускаемых заводом, отсутствие механизации в ряде цехов, а также отсутствие постоянного поставщика алюминиевого сырья и кабельной продукции [Там же. Л. 64].

Проблемным местом в производстве оставалось плохое взаимодействие между основными цехами и вспомогательными службами. Основными факторами, снижающими производственную мощность, стали перебои в материально-техническом снабжении, слабое ведение учета движения деталей в основных цехах производства, некомплект рабочих основных профессий – токарей-автоматчиков и агрегатчиков, слабая материальная база по обслуживанию и ремонту оборудования, отсутствие подготовки кадров по ремонту и обслуживанию высокопроизводительного оборудования [Там же. Л. 55].

Модернизация производственного процесса и разработка образцов новых изделий в промышленном секторе Алтайского края осуществлялась через ведомства Государственного комитета Совета министров СССР по делам изобретений и открытий. В 1990 г. сотрудники ПО «БАМЗ» получили 5 положительных решений по поданным заявкам новых образцов. Экономический эффект от внедрения изобретений в 1990 г. составил 267,4 тыс. руб. [11. Л. 1]. Призеров соревнований и участников, подавших заявки на предполагаемые изобретения, награждали денежными премиями из фондов материального поощрения завода.

Комплексная работа руководства предприятия, направленная на улучшение условий труда, социальную поддержку сотрудников и совершенствование производственной линейки продукции, позволила заводу сохранить высокие темпы производства при том, что с конца 1990 г. на большинстве заводов Алтайского края отмечался спад основных показателей финансово-хозяйственной деятельности [6. С. 25].

К 1992 г. отраслевая структура промышленного производства оказалась весьма уязвимой в условиях рыночной трансформации, поскольку монополизм крупного товарного промышленного производства, сформированный в результате ликвидации мелкотоварной промышленности в начале 1940-х гг., снизил практически до нуля устойчивость экономики Алтайского края в целом к влиянию неблагоприятных внешних факторов. Промышленность, по существу, была выключена из системы естественных внутрихозяйственных связей на территории Алтайского края и близлежащих регионов и ориентирована на народнохозяйственные связи в масштабах страны [Там же].

Внедрение рыночных механизмов в экономическую систему Алтайского края вызвало негативные последствия на ранних этапах своего становления. На протяжении второй половины XX в. производственные объединения промышленного сектора региона были ориентированы на постоянный спрос по основным направлениям производства. Успешность же функционирования производственных объединений в конкурентной среде во многом определялась интересом потребителей к отдельным видам товаров и услуг. В период с 1991 по 1992 г. руководству Барнаульского аппаратурно-механического завода предстояло оперативно определить перспективные направления работы предприятия. К 1991 г. показатель «рентабельность производства» на заводе снизился на 28% по сравнению с предыдущим годом (см. табл. 1). В 1991 г. ПО «БАЗМ» выпустило большой объем изделий, которые не пользовались спросом на рынке (на заводе произвели изделий на сумму 1 279,5 млн руб., а реализовали

всего на 61,7 млн руб.) Непроданная продукция складировалась. Заводу удалось завершить финансовый год с прибылью 10,53 млн руб., однако подобная ситуация требовала внесения серьезных корректив в работу производственного объединения [12. Л. 72].

Высокий уровень роста цен в конце 1991 г. привел к тому, что у предприятий и организаций региона не было средств для оплаты изделий ПО «БАМЗ». К 1992 г. на складе сбыта и в цехах основного производства скопилось большое количество продукции. 1 сентября на заводе было принято решение о приостановке выпуска ряда изделий (базы вентилей и базы редукторов), а также товаров широкого потребления (за исключением вентилей запорных ДУ-15 и ДУ-20) [9. Л. 71]. С сентября по ноябрь 1992 г. общий спад производительности труда промышленно-производственного персонала Барнаульского аппаратурно-механического завода составил 14% [12. Л. 72]. В ноябре 1992 г. значительно вырос спрос на комплекты резаков и газовых горелок. Руководством технологического отдела было принято решение о переоборудовании становочного парка цеха № 3 на механическую обработку деталей для резаков и горелок. Уже к концу 1992 г. рабочими завода было произведено 48 тыс. горелок (в 1991 г. произвели 7 тыс. шт.) и 65 тыс. резаков (1991 г. – 1,9 тыс. шт.). [Там же. Л. 73].

Быстрая переориентация производственного процесса на выпуск востребованной продукции позволила обеспечить занятость сотрудников на приостановленных направлениях производства и увеличить среднесписочную численность персонала до 2 110 человек (см. табл. 1) за счет приобретения в собственность совхоза «Юбилейный» в Калманском районе Алтайского края.

Большая работа была проделана отделом по сбыту продукции. Уровень реализации основной продукции вырос на 77,3% [Там же]. За год работы заводу удалось повысить рентабельность основных изделий на 25%, а рентабельность по всей группе товаров на 9% [Там же. Л. 62]. Прибыль предприятия составила 330,35 млн руб. (с учетом коэффициента инфляции на 1992 г.). Расширение рынков сбыта в условиях снижения покупательной способности на отечественном рынке позволило частично решить проблему наполненности складских помещений готовой продукцией.

Для оптимизации линейки производимой продукции руководством ПО «БАМЗ» было принято решение ориентироваться на данные отдела сбыта продукции при формировании объемов производства [Там же. Л. 80]. Для сокращения сроков внедрения в производство товаров народного потребления были внесены изменения в процедуру их утверждения. Кроме того, устанавливались меры материального поощрения работников, изготавливающих опытные образцы продукции, в размере 5–15% от суммы, полученной при реализации. Для автора изделия с повышенным спросом полагалась разовая выплата в размере 5–15% от реализации первой партии [13. Л. 45]. Подобные нововведения в большей степени отвечали рыночной стратегии управления. Акцент на реальный спрос и стимулирование разработчиков товаров народного потребления, с одной стороны, повышали конкурентоспособность ряда изделий, а с другой – увеличивали заинтересованность промышленно-производственного персонала в результатах трудовой деятельности.

Традиционным направлением в работе предприятия в 1992 г. стали внедрение новых образцов продукции и механизация ручного труда. Руководством был взят курс на создание автоматизированных рабочих мест с использованием систем персональных ЭВМ типа IBM PC. Также осуществлялись работы по созданию программного обеспечения для бухгалтерии и отделов реализации [12. Л. 69].

Переход на оплату продукции свободно конвертируемой валютой негативно отразился на внешнеэкономических связях ПО «БАМЗ». В 1992 г. на заводе сократились экспортные поставки. Так, в начале года продукция прославлялась в 19 стран, однако уже к концу года число импортеров сократилось до 6 [9. Л. 80]. Для частичного восстановления торговых позиций на постсоветском пространстве и обеспечения потребителей Республики Казахстан продукцией ПО «БАМЗ», а также улучшения ее сервисного обслуживания в октябре 1992 г. директором завода В.А. Рахмановым были даны распоряжения о проработке вопроса по созданию совместного российско-казахстанского предприятия с уставным фондом 2 млн руб. Каждая из сторон выделяла на реализацию данного проекта по 1 млн руб. [13. Л. 45].

Реформирование экономической модели в первой половине 1990-х гг. привело к изменению основных производственных процессов в промышленном секторе Алтайского края. Экономист В.А. Бородин отмечал положительную роль рыночных реформ в создании механизмов для самосовершенствования и саморазвития промышленного производства региона. Для успешной адаптации производственных объединений к функционированию в условиях свободной конкуренции был необходим длительный переходный период протяженностью 5–7 лет, в течение которого должны были произойти «встраивание» субъектов промышленности в механизмы рыночного хозяйствования и рождение новой парадигмы экономического роста, основанной на эффективном хозяйствовании, исходя из рыночных потребностей.

На первом этапе приватизации (март 1992 – июль 1994) в Алтайском крае форму собственности сменили 69% госпредприятий [14. С. 10]. Величина уставного капитала определялась на основании данных баланса на 1992 г. [Там же].

Накануне приватизации на предприятии работали 2 138 человек (среднесписочная численность). Прибыль в июле 1992 г. после налогообложения составила 95,5 млн руб. [9. С. 10].

Производственное объединение «БАЗМ» подлежало разгосударствлению в декабре 1992 г. Оно выпустило 181 460 акций номинальной стоимостью 300 руб. Привилегированные акции типов А и Б составили 70% от общего числа [15. С. 2].

Доля привилегированных акций типа А насчитывала 25% (45 367 шт.) Их владельцы имели право голоса на общем собрании акционеров в случаях изменения

устава и изменения дивиденда по данным ценным бумагам, который составлял 10% от чистой прибыли акционерного общества по итогам финансового года, деленный на число акций [15. С. 3]. Привилегированные акции типа А были распределены среди членов трудового коллектива на безвозмездной основе в зависимости от трудового стажа.

Привилегированные акции типа Б – 45% (81 653 шт.) – передавалась Фонду имущества Алтайского края бесплатно для дальнейшей реализации среди физических и юридических лиц [16]. Доходы от их продажи направлялись в бюджетную систему Алтайского края. ОАО «БАЗМ» брало на себя обязательство выплачивать дивиденды по привилегированным акциям, не получив при этом средств за их продажу.

Завод выпустил 54 440 обыкновенных акций типа А. С февраля по март 1993 г. началась закрытая подписка на приобретение ценных бумаг завода, к которой допускались члены трудового коллектива. Номинальная стоимость одной акции составила 300 руб., а фактическая – 210 руб. К закрытой подписке было выпущено 18 147 акций. Общий спрос на ценные бумаги аппаратурно-механического завода намного превышал предложение. 1 марта 1993 г. рабочая комиссия по приватизации зафиксировала 2 479 заявок на покупку акций общей численностью 29 989 штук. Средняя величина пакета варьировала от 3 до 20 акций [17]. Общий доход от продажи составил 3,6 млн руб. Пакет размером 36 293 обыкновенных акций типа А подлежал свободной продаже потенциальным инвесторам номинальной стоимостью 300 руб. за единицу [9. С. 11]. Таким образом, при продаже всего объема ценных бумаг на счета ОАО «БАМЗ» должно было поступить 14,6 млн руб.

Подобное распределение акций стало возможным благодаря тому, что трудовой коллектив ПО «БАМЗ» отклонил второй и третий варианты льготной продажи ценных бумаг [Там же. С. 10]. В подобных случаях, в соответствии с Методическими рекомендациями для государственных предприятий, преобразующихся в акционерные общества [18], Фонд имущества Алтайского края назначал первый вариант льгот для сотрудников завода. Первый вариант был выгоден прежде всего членам трудового коллектива ОАО «БАМЗ», поскольку 25% привилегированных акций типа А было передано им бесплатно, также они получили скидку на обыкновенные акции. Руководство завода сохранило свои позиции в управлении предприятием. Продажа акций по номинальной стоимости позволила оперативно их реализовать, но при этом предприятие получило минимальную сумму инвестиций.

Успешность трансформации производственной модели предприятия с командно-административной на рыночную во многом зависела от качества производимых изделий. Многим предприятиям промышленного сектора Алтайского края требовались средства на капитальное обновление основных производственных фондов. Установление минимальной стоимости акций в первую очередь отвечало интересам мелких вкладчиков и не способствовало крупным инвестициям.

Большинство промышленных предприятий Алтайского края было расположено в крупных городах. Так, доля акционерных компаний, созданных в Барнауле, в данный период составила 61% от всего количества по краю [14. С. 162]. В покупке акций принимали участие преимущественно физические лица, как правило, трудовые коллективы. Из 531 предприятия края доля юридических лиц, купивших ценные бумаги, составила всего 38% [Там же. С. 163]. Следовательно, уровень материального благосостояния жителей города существенно влиял на спрос ценных бумаг, в том числе и в промышленном секторе.

Высокие темпы инфляции в первой половине 1990-х гг. обесценили денежные доходы населения и финансовые ресурсы предприятий, а также явились одной из причин сильного инвестиционного кризиса и низкого уровня жизни населения Алтайского края. Снижение деловой и инвестиционной активности предопределило нарастание масштабов бедности населения края. После резкого падения в 1992 г. уровень жизни основной массы жителей продолжал оставаться на крайне низком уровне. Реальные денежные доходы населения к уровню 1991 г. снизились на 75%, среднемесячный доход одного работника увеличился к 1991 г. в 663 раза, тогда как уровень инфляции за этот же период возрос в 2 862 раза. Согласно данным официальной статистики на конец 1993 г. среднедушевой доход ниже величины прожиточного минимума имели 23% жителей региона [19].

Приватизация промышленного сектора Алтайского края имела высокие темпы реализации, притом что нормативное обеспечение процесса на федеральном и региональном уровнях было весьма ограничено [14. С. 20]. Разгосударствление в большей степени регламентировалось локальными нормативными актами предприятий и Фонда имущества Алтайского края. Как правило, заводские комиссии по приватизации формировались из сотрудников предприятий, которые не имели опыта по проведению мероприятий подобного характера, и многие аспекты приватизации регламентировались типовыми положениями, в которых не были учтены реальные особенности производственных объединений.

После приватизации перед руководством «Барнаульского аппаратурно-механического завода» была поставлена задача – избежать банкротства предприятия и организовать финансовую деятельность в условиях формирования рыночной инфраструктуры.

Глава Администрации Алтайского края, работавший в данной должности в 1994–1996 гг., Л.Н. Коршунов высказал мнение о том, что в период «чековой» приватизации в промышленном секторе Алтайского края были установлены рыночные механизмы, управление которыми осуществлялось командно-административными методами. Это стало одной из главных причин падения темпов производства [8. С. 4–5].

Первый год работы в статусе акционерного общества трудовой коллектив Барнаульского аппаратурно-механического завода завершил с прибылью 2 968,4 млн руб. Рентабельность производства повысилась на 29% по сравнению с предыдущим годом, в том числе и за счет сокращения численности сотрудников на 187 человек (табл. 2) [20. С. 1].

Таблица 2

Технико-экономические показатели Барнаульского аппаратурно-механического завода, 1993–1995 гг.

Наименования показателей	1993	1994	1995
Производство товарной продукции в действующих ценах, млн руб.	2 968,4	4 678,2	32 063
Затраты на рубль товарной продукции, коп.	54	74	98
Прибыль, млн руб.	1 211,01	497,1	1 554,3
Среднесписочная численность производственных рабочих, чел.	1 923	2 027	1 951
Себестоимость товарной продукции, млн руб.	1 584,8	3 480,5	31 040
Средняя зарплата на одного работника, руб.	1 334 778	29 126	–

В период с 1993 по 1994 г. ОАО «БАМЗ» увеличило объемы производства продукции с 2,9 до 4,6 млрд руб. Штат сотрудников был пополнен на 104 человека [20. С. 1]. Экономический кризис негативно отразился на финансовом положении потребителей продукции завода, которые не имели возможности своевременно оплатить приобретенные изделия. Задержки по выплатам за купленные товары привели к временному прекращению оплаты труда работникам. Рентабельность производства снизилась на 28% и почти достигла показателей 1992 г. К концу финансового года часть должников ОАО «БАЗМ» выполнила свои финансовые обязательства, что позволило закончить отчетный период с прибылью [21]. По мнению директора ОАО «БАМЗ» В. Рахманова, в период с 1993 по 1994 г. на заводе произошел спад производства. К 1995 г. предприятию удалось частично стабилизировать финансовое положение. Реализация готовой продукции увеличилась в два с половиной раза по сравнению с 1994 г., а прибыль выросла втрое. Высокие количественные показатели нивелировались уровнем инфляции. Производственные мощности завода были загружены на 80%. Причинами ухудшения экономического положения В. Рахманов назвал высокую налоговую нагрузку и неплатежеспособный спрос покупателей. Компания находилась в сложном положении, задолженность по налоговым отчислениям составляла 4,5 млрд руб. Для экономии собственных средств многие сотрудники были вынуждены отказаться от питания в столовой [22]. Повышения прибыли в 1995 г. удалось достичь во многом за счет реализации изделий, выпущенных в 1994 г. Задолженности по налогам и снижение рентабельности производства до уровня 98 коп. на 1 руб. товарной продукции свидетельствовали о сложном финансовом положении завода. Тем не менее к концу первой половины 1990-х гг. руководству предприятия удалось избежать банкротства и сохранить большую часть промышленно-производственного персонала.

Таким образом, в конце 1980-х гг. промышленное производство являлось базовой составляющей финансовой системы Алтайского края. Предприятия обеспечивали потребности общесоюзного рынка. Высокая доля промышленной продукции отправлялась на экспорт. Производственные объединения промышленного сектора осуществляли финансовое обеспечение объектов социальной сферы и культурно-бытового назначения. В 1989–1991 гг. на заводах края были отмечены высокие темпы производства. В этот период особое внимание уделялось вопросам механизации ручного труда, социальному обеспечению трудового коллектива, повышению эффективности работы отделов по сбыту изделий, разработке новых образцов изделий и улучшению условий труда.

Большинство предприятий промышленного сектора края изменило форму собственности в период «чековой приватизации». Нормативное обеспечение процесса не отличалось детальной регламентацией. Порядок распределения ценных бумаг был в большей степени ориентирован на наполнение бюджета региона и на улучшение материального положения трудового коллектива. Продажа акций по номинальной стоимости значительно сократила объемы инвестиционных вложений, необходимых для переориентации производства на выпуск конкурентной продукции. Короткие сроки реализации ценных бумаг промышленных компаний региона создали ситуацию, в которой предложение на фондовой бирже значительно превышало спрос на акции среди потенциальных инвесторов.

Становление рыночных механизмов отрицательно сказалось на сбыте для промышленных предприятий региона. Изменение системы расчетов за продукцию с зарубежными партнерами негативно отразилось на внешнеэкономических связях большинства заводов Алтайского края. Отказ государства от участия в процессе ценообразования на товары и услуги спровоцировал гиперинфляцию. Организация финансовой деятельности предприятий промышленного сектора в период экономического кризиса осложнялась отсутствием у директоров опыта работы в подобных условиях. Нарушение сроков оплаты за поставленную продукцию было распространенным явлением во взаимодействии между покупателями и продавцами промышленных товаров. Переориентация промышленного производства на рыночные механизмы в условиях экономического кризиса сопровождалась снижением основных показателей финансово-хозяйственной деятельности. Многие заводы края были вынуждены сократить объемы выпуска продукции.

Становление рыночных механизмов в производственном процессе Барнаульского аппаратурно-механического завода сопровождалось ухудшением уровня материального благосостояния сотрудников, сокращением зарубежных рынков сбыта продукции и снижением общих объемов производства. Работа в условиях рыночной конкуренции привела к оптимизации линейки производимых товаров, в результате этого сборка ряда единиц техники была прекращена. С 1991 г. руководство предприятия провело большую работу по совершенствованию механизмов внедрения новых образцов изделий в производственный процесс. Акцент ставился на выпуске товаров, которые пользовались спросом. Внимание уделялось расширению рынков сбыта «нормативно чистой» продукции и товаров народного потребления. В период с 1992 по 1995 г. одной из ключевых задач для предприятия стало со-

хранение промышленно-производственного персонала, которое обеспечивалось за счет мер материальной поддержки. Достижение положительных показателей по прибыли и рентабельности производства в период экономического кризиса свидетельствовало о частичной адаптации производства к условиям работы в рыночной среде. При этом понижение рентабельности ОАО «БАМЗ» в 1995 г. и рост задолженности по налоговым отчислениям в значительной степени осложняло его дальнейшее функционирование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энциклопедия Алтайского края : в 2 т. / редкол.: В.Т. Мищенко (гл. ред.) и др. Барнаул : Пикет, 1997. Т. 2. 488 с.
2. Барнаульский аппаратурно-механический завод управления Главкислородмаш министерства химического и нефтяного машиностроения СССР // Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-757. Предисловие к оп. № 4. Л. 2.
3. Открытое акционерное общество «Барнаульский аппаратурно-механический завод» // Сведения о государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, крестьянских (фермерских) хозяйств / Федеральная налоговая служба. URL: https://egrul.nalog.ru/download/3E7F36150670A7FB56A054477397996D607424C3103882C1A7DB93C970A96114A7C01FDBD50B9C9767690B3AA406FCD672589112464D177181C64BE446170D43 (дата обращения: 01.03.2018).
4. Голощапова И.А. Промышленная политика агропромышленного региона // Вестник алтайской науки. 2012. № 2. С. 6–14.
5. Родионова Л.В. Социально-экономические аспекты реформирования в Алтайском крае в 90-е годы / под ред. А.Я. Троцковского. Новосибирск : ИЭиОПП СО РАН, 2001. 248 с.
6. Бородин В.А. Промышленность Алтая. XX век. Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2001. 159 с.
7. Троцковский А.Я., Чертов Н.А. Стартовое положение экономики край накануне реформ 1990-х гг. // Образование и социальное развитие региона. 2001. № 1-2. С. 34–38.
8. Проблемы рыночной адаптации приватизированных предприятий : тез. и докл. Рос. науч.-практ. конф. / редкол.: М.А. Черных, С.Г. Потапов, Т.В. Бобровская и др. Барнаул : Алтай, 1995. 239 с.
9. План приватизации Барнаульского аппаратурно-механического завода // Текущий архив Фонда имущества. Папка Барнаульского аппаратурно-механического завода.
10. Пояснительная записка к годовому отчету за 1990 год по Барнаульскому аппаратурно–механическому заводу // ГААК. Ф. Р-757. Оп. 6. Д. 1399.
11. Приказы директора завода по производственным вопросам 8 января – 16 мая 1990 года // ГААК. Ф. Р-757. Оп. 6. Д. 1409.
12. Годовой баланс завода по основной деятельности и пояснительная записка к нему за 1992 год // ГААК. Ф. Р-757. Оп. 6. Д. 1455.
13. Приказы директора завода по производственным вопросам 4 января – 11 декабря 1990 года // ГААК. Ф. Р-757. Оп. 6. Д. 1436.
14. Приватизация в Алтайском крае: состояние и социально-экономические последствия / Администрация Алт. края, Ин-т экономики и ОПП СО РАН, Алт. краев. ком. гос. статистики; науч. ред. А.Я. Троцковский, Н.А. Чертов. Барнаул : Изд-во АГУ, 1997. 210 с.
15. Устав АО «БАМЗ» // Текущий архив Фонда имущества. Папка Барнаульского аппаратурно-механического завода.
16. О введении в действие Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 год : постановление Верховного Совета Российской Федерации от 11.06.1992 № 2980-1. URL: https://base.garant.ru/10104902/ (дата обращения: 01.03.2018).
17. Протокол о результатах закрытой подписки на акции АО «Барнаульский аппаратурно-механический завод» // Текущий архив Фонда имущества. Папка № 3: Протокол о единовременном размещении привилегированных акций типа «А» Барнаульского аппаратурно-механического завода.
18. Методические рекомендации для государственных предприятий, преобразующихся в акционерные общества : рекомендации Госкомимущества РФ от 04.01.1992. URL: https://bazanpa.ru/goskomimushchestvo-rossii-rekomendatsii-ot01011992-h186147/ (дата обращения: 01.03.2018).
19. Об утверждении Плана социально-экономического развития Алтайского края на 1998–2000 годы и на период до 2005 года : постановление Алтайского краевого Законодательного Собрания от 01.04.1998 г. № 116. URL: http://docs.cntd.ru/document/940705579 (дата обращения: 01.03.2018).
20. Промышленность. Основные итоги по приватизированным промышленным предприятиям Алтайского края за 9 месяцев 1993 года. Барнаул, 1994. 12 с.
21. Технико-экономические показатели по ОАО «БАМЗ» // Текущий архив Управления Алтайского края по промышленности и энергетике. Папка 1995 г.
22. Рахманов В. Зарплату получаю последним // Молодежь Алтая. 1995. 15 сент. № 38. С. 5.

Konstantin A. Brumm, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: kas-1294@yandex.ru

THE QUESTION OF ADAPTATION OF MANUFACTURING GROUPS BELONGING TO THE INDUSTRIAL SECTOR OF ALTAI KRAI TO THE MARKET ECONOMY MODEL DURING THE FIRST HALF OF 1990S AS EXEMPLIFIED BY BARNAUL INSTRUMENT AND MECHANICAL PLANT (*OAO BAMZ*)

Keywords: industrial reforms, privatization, history of Altai Krai, gas welding equipment.

The article investigates reforms of industrial sector enterprises of Altai Krai during the first half of 1990s as exemplified by the largest gas welding equipment factory.

The aim of this research is the analysis of the reforming process in manufacturing groups of Altai Krai as exemplified by Barnaul Instrument and Mechanical Plant. The author studies the financial condition of the Manufacturing Group *BAMZ* on the verge of the reforms, implementation of the privatization program of the instrument and mechanical plant, strives to uncover the main reasons behind the decrease in key indicators of *OAO BAMZ* financial activity in 1993–1994. This article is based on printed media reporting and statistical reports of the Altai Krai executive authorities. Data from fund R-757 of the State Archive of Altai Krai (years 1989–1992) and from current archive of the Property Fund of Altai Krai (years 1993–1994) are introduced into scientific usage.

In the course of the investigation the author concluded that on the verge of market-type reforms manufacturing enterprises of Altai Krai took up leading positions in regional economic system. Starting with years 1990-1992 Barnaul Instrument and Mechanical Plant successfully fulfilled the state quota. Strategic goals of the enterprise during that period were the increase in production rate, enhanced production quality, modernization of the production process, working on improvement of working conditions and social and cultural benefits for the staff members.

Reforms of the economy model in Altai Krai led to decrease in manufacturing rate of industrial products. Many factories were forced to interrupt their manufacturing activities and reduce the number of production personnel. Privatization of *OAO BAMZ* was carried out under conditions of economic crisis. Hyperinflation affected negatively the purchasing power of small investors. Securities of Barnaul Instrument and Mechanical Plant were allotted between the personnel and the Property Fund of Altai Krai. Shares were sold at nominal

price, corporate employees were granted additional preferences. The amount of finance resulting from the sale of common shares was negligible and the plant's debt in dividend payout increased. The company was in a difficult financial situation. Firm customers of the main products were short of funds for payment for the goods. During the crisis, the plant's administration provided material support for its employees. Constant work was conducted to improve the production quality and the sales of products on the domestic and foreign markets. The enterprise was able to elude bankruptcy and partially stabilize the financial situation by the end of 1994, increasing the overall production in 1995. However, decrease in profitability of Barnaul Instrument and Mechanical Plant during 1995 alongside with increasing tax liabilities severely complicated further operation of the plant.

REFERENCES

1. Mishchenko, V.T. et al. (eds) (1997) *Entsiklopediya Altayskogo kraya: v 2 t.* [Encyclopedia of Altai Territory: In 2 volumes]. Vol. 2. Barnaul: Piket.
2. Anon. (n.d.) *Barnaul'skiy apparaturno-mekhanicheskiy zavod upravleniya Glavkislorodmash ministerstva khimicheskogo i neftyanogo mashinostroeniya SSSR* [Barnaul Glavkislorodmash Instrument and Mechanical Plant of the USSR Ministry of Chemical and Oil Engineering]. The State Archives of Altai Krai (GAAK). Fund R-757. Preface to List № 4. p. 2.
3. Federal Tax Service of Russia. (n.d.) Otkrytoe aktsionernoe obshchestvo "Barnaul'skiy apparaturno-mekhanicheskiy zavod" [Open Joint Stock Company "Barnaul Instrument and Mechanical Plant"]. In: *Svedeniya o gosudarstvennoy registratsii yuridicheskikh lits, individual'nykh predprinimateley, krest'yanskikh (fermerskikh) khozyaystv* [Information on state registration of legal entities, individual entrepreneurs, peasant (farmer) households]. [Online] Available from: https://egrul.nalog.ru/download/3E7F36150670A7FB56A054477397996D607424C3103882C1A7DB93C970A96114A7C01FDBD50B9C9767690B3AA406FCD672589112464D177181C64BE446170D43 (Accessed: 1st March 2018).
4. Goloshchapova, I.A. (2012) Promyshlennaya politika agropromyshlennogo regiona [Industrial policy of the agro-industrial region]. *Vestnik altayskoy nauki*. 2. pp. 6–14.
5. Rodionova, L.V. (2001) *Sotsial'no-ekonomicheskie aspekty reformirovaniya v Altayskom krae v 90-e gody* [Socio-economic aspects of reforming in the Altai Territory in the 1990s]. Novosibirsk: SB RAS.
6. Borodin, V.A. (2001) *Promyshlennost' Altaya. XX vek* [Altai industry. The 20th century]. Barnaul: Altai State University.
7. Trotskovsky, A.Ya. & Chertov, N.A. (2001) Startovoe polozhenie ekonomiki kray nakanune reform 1990-kh gg. [The starting position of the region's economy on the eve of the reforms of the 1990s]. *Obrazovanie i sotsial'noe razvitie regiona*. 1-2. pp. 34–38.
8. Chernykh, M.A., Potapov, S.G., Bobrovskaya, T.V. et al. (eds) (1995) *Problemy rynochnoy adaptatsii privatizirovannykh predpriyatiy* [Problems of Market Adaptation of Privatized Enterprises]. Barnaul: Altay.
9. The Property Fund. (n.d.) *Plan privatizatsii Barnaul'skogo apparaturno-mekhanicheskogo zavoda* [The plan of privatization of the Barnaul Instrument and Mechanical Plant]. The Current Archive of the Property Fund. The Folder of the Barnaul Instrument and Mechanical Plant.
10. Anon. (n.d.) *Poyasnitel'naya zapiska k godovomu otchetu za 1990 god po Barnaul'skomu apparaturno–mekhanicheskomu zavodu* [Explanatory note to the annual report for 1990 for the Barnaul Instrument and Mechanical Plant]. The State Archive of Altai Territory. Fund R-757. List 6. File 1399.
11. Anon. (1990) *Prikazy direktora zavoda po proizvodstvennym voprosam 8 yanvarya – 16 maya 1990 goda* [Orders of the director of the plant on production issues January 8 – May 16, 1990]. The State Archive of the Altai Territory. Fund R-757. List 6. File 1409.
12. Anon. (1992) *Godovoy balans zavoda po osnovnoy deyatel'nosti i poyasnitel'naya zapiska k nemu za 1992 god* [The annual balance sheet of the plant for the main activity and its explanatory note for 1992]. The State Archive of the Altai Territory. Fund R-757. List 6. File 1455.
13. Anon. (1990) *Prikazy direktora zavoda po proizvodstvennym voprosam 4 yanvarya – 11 dekabrya 1990 goda* [Orders of the plant director on production issues January 4 – December 11, 1990]. The State Archive of the Altai Territory. Fund R-757. List 6. File 1436.
14. Trotskovsky, A.Ya. & Chertov, N.A. (eds) (1997) *Privatizatsiya v Altayskom krae: sostoyanie i sotsial'no-ekonomicheskie posledstviya* [Privatization in the Altai Territory: State and Socio-Economic Consequences]. Barnaul: Altai State University.
15. The Barnaul Hardware and Mechanical Plant. (n.d.) *Ustav AO "BAMZ"* [The Charter of the Barnaul Instrument and Mechanical Plant]. The Current Archive of the Property Fund. The Folder of the Barnaul Hardware and Mechanical Plant.
16. The Supreme Council of the Russian Federation. (1992) *O vvedenii v deystvie Gosudarstvennoy programmy privatizatsii gosudarstvennykh i munitsipal'nykh predpriyatiy v Rossiyskoy Federatsii na 1992 god: postanovlenie Verkhovnogo Soveta Rossiyskoy Federatsii ot 11.06.1992 № 2980-1* [On the implementation of the State Program of Privatization of State and Municipal Enterprises in the Russian Federation for 1992: Resolution No. 2980-1 of the Supreme Council of the Russian Federation of June 11, 1992]. [Online] Available from: https://base.garant.ru/10104902/ (Accessed: 1st March 2018).
17. The Barnaul Instrument and Mechanical Plant. (n.d.) *Protokol o rezul'tatakh zakrytoy podpiski na aktsii AO "Barnaul'skiy apparaturno-mekhanicheskiy zavod"* [Protocol on the results of a closed subscription to shares of JSC Barnaul Instrument and Mechanical Plant]. The Current Archive of the Property Fund. Folder № 3: Protocol on a one-time placement of type A preferred shares of the Barnaul Hardware and Mechanical Plant.
18. The State Property Committee of the Russian Federation. (1992) *Metodicheskie rekomendatsii dlya gosudarstvennykh predpriyatiy, preobrazuyushchikhsya v aktsionernye obshchestva: rekomendatsii Goskomimushchestva RF ot 04.01.1992* [Guidelines for state-owned enterprises transforming into joint-stock companies: recommendations of the State Property Committee of the Russian Federation dated January 4, 1992]. [Online] Available from: https://bazanpa.ru/goskomimushchestvo-rossii-rekomendatsii-ot01011992-h186147/ (Accessed: 1st March 2018).
19. The Altai Territory Legislative Assembly. (1998) *Ob utverzhdenii Plana sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Altayskogo kraya na 1998–2000 gody i na period do 2005 goda: postanovlenie Altayskogo kraevogo Zakonodatel'nogo Sobraniya ot 01.04.1998 g. № 116* [On approval of the Plan of socio-economic development of the Altai Territory for 1998–2000 and up to 2005: Resolution No. 116 of the Altai Territory Legislative Assembly dated April 1, 1998]. [Online] Available from: http://docs.cntd.ru/document/940705579 (Accessed: 1st March 2018).
20. Anon. (1994) *Promyshlennost'. Osnovnye itogi po privatizirovannym promyshlennym predpriyatiyam Altayskogo kraya za 9 mesyatsev 1993 goda* [Industry. The main results of the privatized industrial enterprises of the Altai Territory for 9 months of 1993]. Barnaul, 1994. 12 s.
21. The Barnaul Instrument and Mechanical Plant. (1995) *Tekhniko-ekonomicheskie pokazateli po OAO "BAMZ"* [Technical and economic indicators for OAO BAMZ]. The Current Archive of the Altai Territory Administration for Industry and Energy. Folder 1995.
22. Rakhmanov, V. (1995) Zarplatu poluchayu poslednim [I am the last to get my salary]. *Molodezh' Altaya*. 15th September.

УДК 93(332)
DOI: 10.17223/19988613/66/4

В.В. Запарий, А.В. Бармин, Р.С. Тарасов

ПОИСКИ ВЫХОДА ИЗ ТУПИКА: МЕТАЛЛУРГИЯ УРАЛА В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX в.

Проанализированы кардинальные изменения, которые произошли в металлургическом комплексе Урала после отмены крепостного права. Во второй половине XIX в. на Урале вследствие модернизационных процессов выделилось четыре основных производственных специализации: доменная, железоделательная, сталелитейная и медеплавильная. Капиталистическая модернизация определяла формирование новой экономической структуры производственных отношений и опиралась на хорошие природно-географические условия региона, общую благоприятную рыночную конъюнктуру.

Ключевые слова: черная металлургия; Россия; Урал; отмена крепостного права; модернизация; промышленность; XIX в.

В середине XIX в. Урал оставался основным центром черной металлургии России. По существующему тогда административному делению территория края включала в себя Вятскую, Пермскую и Оренбургскую губернии (последняя была в 1865 г. разделена на Оренбургскую и Уфимскую). Решающую роль в экономическом управлении регионом играла горная администрация, возглавляемая Уральским горным правлением и Главным начальником горных заводов. Эти власти в своей деятельности не ограничивались вопросами металлургического производства, а выполняли и многие административные функции. Они имели свою полицию, почту, горный суд, школы, больницы. Все это создавало дублирование в работе гражданских, горных и военных властей и приводило к регулярным взаимным обвинениям и трениям.

Ведущее место среди всех уральских губерний занимала Пермская. Отдельные ее уезды по размерам превосходили многие губернии Европейской части России. На ее территории была сосредоточена основная часть уральских горных заводов. Всего в 1870 г. на Урале было 6 казенных горных округов, в состав которых входили чугуноплавильные, железоделательные и медеплавильные заводы, монетный двор, механическая фабрика, рудники и другие промыслы. Частная горная промышленность была представлена посессионными и вотчинными округами. Среди них были такие мощные хозяйственные комплексы, как Верхисетские заводы Яковлева, Нижнетагильские – Демидовых, заводы Строгановых и др., а также мелкие и слабые округа, которые разорялись, несмотря на помощь, которую оказывало им государство.

Во второй половине XIX в. общее число металлургических заводов, и казенных, и частных, на Урале сокращалось за счет закрытия наиболее убыточных горнозаводских производств, с одной стороны, и укрупнения конкурентоспособных по ресурсам и выпускаемой продукции, а также способных к модернизации предприятий – с другой. Тенденцию сокращения уральских частных горных заводов по губерниям края иллюстрирует таблица [1. С. 105].

Процесс сокращения проявился уже в первые три года после реформы 1861 г. во всех уральских губерниях, кроме Уфимской. К началу XX в. количество горных заводов частных владельцев в Вятской губернии уменьшилось почти вдвое (8 заводов), в Пермской – на 13, в Уфимской – на 2, в Оренбургской губернии было показано столько же заводов, как и в 1862 г. В казенном секторе тоже наблюдался процесс сокращения горных заводов: в 1862 и 1864 гг. на Урале было 20 заводов, а в 1901 г. осталось 14 казенных металлургических заводов. Сокращение уральских заводов объяснялось тем, что регион был промышленно освоен в количественном отношении и начались процессы становления качественно нового индустриального производства [Там же].

Количество уральских заводов во второй половине XIX в.

Годы	Вятская губерния	Пермская губерния	Оренбургская губерния	Уфимская губерния	Всего
1862	15	85	8	14	122
1901	8	72	8	12	100

Удельный вес уральских заводов в производстве черных металлов продолжал оставаться весьма значительным, но регулярно сокращался. В 1860 г. доля уральского чугуна к общероссийскому составляла 70,7%, а в 1900 г. она снизилась до 27%. По железу и стали производство уменьшилось соответственно с 78,5 до 27% [2. С. 218].

В регионе продолжалась разработка известных ранее месторождений железа. Однако система и способы ведения хозяйства носили потребительский характер. Работы, связанные с полной разведкой рудников, считались дорогими и ненужными. Многие рудники забрасывались в самом начале работ из-за обилия почвенных вод. Добыча велась самым примитивным

способом. Уральская металлургия была технически отсталой, паровые машины внедрялись медленно [3. С. 26].

Реформа 1861 г. положила начало становлению новой буржуазной России. После отмены крепостного права страна вышла на путь стремительного промышленного развития. Стала развиваться и металлургия. За период с 1867 по 1887 г. выплавка чугуна удвоилась – с 17,0 до 37,4 млн пуд., а в 1890-е гг. – более чем утроилась и в 1897 г. составила 114,8 млн пуд. Однако такой рост стал возможным не благодаря росту уральской металлургии, а в результате интенсивного строительства металлургических заводов в основном на юге страны. Этому способствовали общий промышленный подъем, наличие богатых залежей угля в Донбассе, железной руды в Кривом Роге и дешевой рабочей силы. Спрос на металл необычайно возрос, особенно в связи с массовым строительством железных дорог [4. С. 155].

Отличительной особенностью металлургической промышленности России того периода стала большая доля участия иностранного капитала. Ему принадлежало 60% акций всей русской черной металлургии и 90% металлургии юга страны. Ряд крупных современных заводов был построен на средства иностранных фирм [5. С. 12].

В главной отрасли экономики Урала – горнозаводской промышленности – с осуществлением реформ начался мощный процесс капиталистической перестройки. Его результатом стали завершение промышленного переворота, активное формирование рабочего класса, переход от мануфактурного к индустриальному производству. Однако темпы капиталистической индустриализации уральского горнозаводского хозяйства не соответствовали общероссийским показателям развития тяжелой промышленности. Если к началу реформы Урал был главным центром горной промышленности, то к середине 1890-х гг. он потерял лидирующее положение и стал вторым по производству металла после юга России.

Причина значительного отставания Урала была в сохранении пережиточных явлений в социально-экономическом строе уральской промышленности. Реформа 1861 г. сохранила основу этих явлений – крупное горнозаводское землевладение, которое было специфической формой земельной собственности. Так, до 1917 г. действовали статьи Горного устава, юридически закреплявшие нераздельность заводов и отведенной к ним земельной территории с лесами и полезными ископаемыми, что затрудняло мобилизацию капитала и перевод его в акционерную собственность. Не отменены были и посессионные ограничения, препятствовавшие концентрации производства. Сохранялась окружная система – устаревшая производственная организация горного хозяйства.

Значительным в составе горнозаводского хозяйства был казенный сектор. Его экономическое развитие определялось государственным финансированием, которое не регулировалось рыночной конъюнктурой, а определялось в основном военными потребностями государства. Однако кредиты и средства на развитие производства строго регламентировались правительством, что также сдерживало его развитие.

В пользу сохранения уральских казенных заводов приводилась «дешевизна», которая проистекала не только от того, что заводы имели «бесплатные» топливо и металл, но и из особого положения их рабочих. Еще при возникновении уральской промышленности к горным округам приписывались крепостные, которым за счет казны разрешалось строить жилье, иметь на государственной земле огороды, выпасы, пользоваться казенным лесом и т.д., и при отмене крепостного права эти «привилегии» остались, что крепко привязало рабочих к заводам и позволяло администрации платить зарплату ниже прожиточного уровня [6. С. 42].

В результате особого характера реформы на горных заводах рабочая сила оказалась привязанной к ним. Между заводовладельцами и горнозаводским населением сохранялись так называемые «обязательные» отношения. В случае закрытия предприятия или сокращения производства законодательство предусматривало наделение оставшегося без работы горнозаводского населения землей. На многих заводах для того, чтобы не наделять рабочих земельными наделами, сохранить за собой горнозаводские земли, богатые рудами и лесами, предприниматели поддерживали производство на минимальном уровне, стремились предоставить работу возможно большему числу рабочих. Это препятствовало концентрации производства и вело к искусственному сохранению нерентабельных заводов. Отрицательное влияние на развитие уральской промышленности оказало и отсутствие в регионе месторождений коксующихся углей, что мешало переводу металлургии с древесноугольной на коксовую. До конца века Урал не был связан с центром и востоком страны железной дорогой.

Развитие черной металлургии Урала в 1870–1900 гг. определялось столкновением двух тенденций: ведущей – капиталистической, и остаточной – крепостнической. При этом развитие капиталистических отношений не только тормозилось крепостническими пережитками, но широко использовалось капитализмом. Это проявилось в применении докапиталистических форм эксплуатации и извлечения дополнительной прибыли, что влияло на пережиточные явления, вело их к эволюции. Таким образом, крупное горнозаводское землевладение претерпело определенные изменения. Происходила концентрация производства и капитала, что привело к движению всей горнозаводской собственности.

В целом отмена крепостного права сильно сказалась на работе уральской металлургии. В 1861–1862 гг. произошел значительный отлив рабочих с заводов. На многих предприятиях вспыхнули стихийные волнения рабочих. Вследствие этого большинство заводов снизило свою производительность, а некоторые временно прекратили работу и восстановили ее только через многие годы. Особенно это коснулось большинства южноуральских заводов и в менее резкой форме проявилось на предприятиях Северного и Среднего Урала.

В второй половине XIX в. на Урале вследствие модернизационных процессов выделилось четыре основных производственных специализации: доменная, железоделательная, сталелитейная и медеплавильная.

Однако деятельность заводов не ограничивалась лишь этими специализациями. В отчетах горных начальников, экспедиционных отчетах, собраниях статистических сведений и других источниках упоминались и другие производственные направления: литейное, инструментальное, механическое, судостроительное, орудийное (пушечное), оружейное и т.д.

Анализ динамики численности уральских металлургических заводов по производственным специализациям свидетельствует о получивших место приоритетах в промышленном развитии и промышленной политике государства. Среди казенных и частных заводов больше внимания уделялось развитию доменного (в 1861 г. казенных – 7, частных – 52; в 1900 г. казенных – 9, частных – 66), литейного (в 1861 г. казенных – 10, частных – 41; в 1900 г. казенных – 11, частных – 35) и сталелитейного (в 1861 г. казенных – 5, частных – 9; в 1900 г. казенных – 6, частных – 14) производств [7. С. 106]

После реформы уральская горнозаводская промышленность развивалась в сложных условиях. Переход с принудительного труда на новые капиталистические условия затянулся. Кризисное состояние уральской промышленности продолжалось до середины 1880-х гг. Позже, когда промышленность стала набирать темпы по выпуску основных видов продукции, на прочную основу встали заводы юга России, создав уральским серьезную конкуренцию. Южная металлургия стремительно развивалась и в середине 1890-х гг. сравнялась по объему с уральскими заводами. Она не знала ни традиций, ни сословности, ни национальности, ни замкнутости населения. Если металлургия чугуна на Урале по-прежнему работала на древесном угле, холодном или слабо нагретом дутье, то на юге она развивалась как коксовая, с постройкой больших печей и нагретым дутьем.

В области передела чугуна в сталь для южной металлургии было характерно внедрение мартеновских печей и бессемеровских конвертеров.

На Урале исторически сложилась специализация горнозаводского производства. Во многом это зависело от расположения вблизи заводов полезных ископаемых и речных артерий. Наличие железорудных месторождений во владельческих дачах позволяло устраивать предприятия с доменным (чугуноплавильным), литейным (чугунолитейным) и железоделательным производствами. При меднорудных месторождениях открывались медеплавильные заводы. В первой половине XIX в. на уральских заводах начали производить сталь, но как часть железоделательного производства (цементация, пробное литье и т.д.). В пореформенный период, и особенно в 80–90-е гг. XIX в., в металлургической промышленности региона все большую роль стало играть сталелитейное производство [6. С. 80]

Вести о полном перевороте в металлургии железа и стали, совершенном Генри Бессемером, пришли на Урал сразу после его выступления на заседании Британского общества преуспевания наук 11 августа 1856 г. Идея о возможности получения железа и стали простой продувкой воздуха сквозь расплавленный чугун показалась очень заманчивой. Уже в конце 1856 г. первые опыты бессемерования были проведены на целом ряде уральских заводов: Кушвинском, Нижнеисетском, Сысертском, Всеволодовильвенском. Результаты опытов оказались не слишком хорошими, потому что единственным пособием было несколько брошюр. Вновь, как и с пудлингованием, проведение дорогостоящих опытов и отладка новой технологии были предоставлены казенным заводам. В 1859 г. несколько плавок в бессемеровской реторте прошли на Златоустовском заводе. Однако угар чугуна доходил до 43%, и его не удавалось снизить. Тогда же провели испытание и на Нижнетагильском заводе.

Широкомасштабные опыты по бессемерованию начались в 1860-е гг. уже одновременно на казенных заводах Верхнетуринском, Воткинском и частном Нижнетагильском. На Верхнетуринский завод были переброшены машины со Златоустовского завода, и в 1862 г. начались плавки бессемеровского металла под руководством горного инженера капитана Грасгофа, который ранее посещал завод Бессемера в Шеффилде. Угар был менее 15%. Однако в 1864 г. конвертор был остановлен, потому что металлу не было найдено применения. Производство на Нижнетагильском и Камско-Воткинском заводах также было остановлено из-за отсутствия рынка сбыта для бессемеровского металла.

Однако с началом железнодорожного строительства и возникновением потребности в рельсах бессемеровский метод стал активно внедряться в 1875 г. на Нижнесалдинском заводе. Второй бессемеровский и сталерельсовый завод на Урале был построен в 1878 г. на базе Катавивановского завода, который вступил в действие в 1879 г. Однако других последователей не нашлось. Подавляющее число уральских заводчиков при модернизации своих предприятий предпочли вводить не бессемеровские конверторы, а мартеновские печи, поэтому бессемеровская технология, в отличие от пудлингования, оказала на развитие уральской металлургии существенно меньшее влияние [8. С. 19–20].

Таким образом, внедрение мартенирования и бессемерования совершалось весьма медленно, хотя и началось на Урале сравнительно рано. Даже в начале XX в. на многих заводах Урала оставался еще пудлинговый и даже кричный передел чугуна на железо, хотя к тому времени эти виды переделов в других странах были уже почти полностью забыты. На сравнительно передовом Нижнетагильском заводе в 1896 г. вместе с тремя мартеновскими печами работали 6 кричных горнов [9. С. 35]. Кричный передел, наиболее нерентабельный из всех, удерживался на многих заводах Урала еще долго. Переход на пудлингование на Белорецком заводе завершился только в 1894 г., когда уже строился гигантский по тем временам мартеновский цех Надеждинского (Серовского) завода с его пятью 20–30-тонными печами. Интересно отметить, что на многих предприятиях уживались все три способа производства стали из чугуна. Так, в 1894 г. на Белорецком заводе, когда пускали мартены, существовали и кричные горны, и мартеновские печи.

Первая мартеновская печь, пущенная на Урале на Воткинском заводе, была задута в 1871 г. с садкой

в 1,5 т. Она начала свою работу всего на два года позже, чем первая в России мартеновская печь, пущенная Износковым в 1869 г. на Сормовском заводе (через пять лет после пуска французом П. Мартеном первой печи этого типа на заводе Сирейль в 1866 г.). Кстати, российское правительство не выдало патент на изобретенную П. Мартеном печь, так как случаи плавки стали на поду пламенных печей в России были уже хорошо известны, в том числе и на Урале.

Большую роль в организации мартеновского производства на Урале сыграл русский инженер К.К. Фрейлих. Изготовленные по его технологии из местного материала кирпичи были значительно лучше, чем иностранные, и стоили 1,5 коп., тогда как английские обходились в 30 коп. и были низкого качества. Существенный вклад в развитие новых методов производства стали внес В.Н. Липин (впоследствии профессор Петербургского горного института). В Нижнем Тагиле в 1883–1884 гг. он добился продолжительности кампании мартеновских печей в 300–400 плавок. В 1895 г. в Тагиле впервые был осуществлен рудный процесс ведения мартеновской плавки, что раньше безуспешно пытался сделать Сименс [4. С. 160–161].

Первые бессемеровские цехи, состоящие из двух конверторов по 5 т, были пущены на Нижне-Салдинском заводе в 1872 г. и на Катав-Ивановском в 1880 г. Однако значительно раньше, почти одновременно с Бессемером, в 1856–1857 гг. были проведены предварительные опыты на уральских заводах – Кушвинском, Нижнеисетском, Сысертском, Всеволодо-Вильвенском – с продувкой чугуна воздухом. Инженер К.П. Поленов на Нижнесалдинском заводе разработал теоретически и осуществил практически так называемый «русский» метод бессемерования, заключавшийся в сильном перегреве бессемеровского чугуна на поду пламенной (отражательной) печи.

Прокатные станы на большинстве заводов вводились с большим опозданием. Вместо них работали малопроизводительные молоты для проковки листа и полосового железа. Так, Нижнетагильский завод имел молотовые фабрики вместо прокатных станов вплоть до 1908 г. На многих заводах наблюдалось странное сосуществование таких передовых методов производства, как мартеновское и прокатное, с отсталым и неэкономичным, как кричное и молотовые фабрики. В связи с переходом сначала на пудлингование, а потом и на мартеновский и бессемеровский процессы, прокатные станы получили на Урале большее распространение. На Лысьвенском заводе впервые на Урале было пущено два сортопрокатных стана для раскатки пудлинговых болванок и прокатки шинного железа. В силу малой заинтересованности в переходе с листового проката, которым в основном и занимались уральские заводы, на сортовой, сортопрокатное производство в крае мало развивалось. В это время цена на листовое железо была в два раза выше, чем на сортовое.

Строительство металлургических заводов на Урале в этот период существенно сократилось. Лишь отдельные заводы, имевшие целевое назначение, строились уже на сравнительно новой технологической базе, с большими доменными древесноугольными печами объемом 100–180 куб. м, с мартеновским переделом и сортопрокатными станами. Так, в 1880 г. был основан Чусовской завод, первый завод на Урале без пруда и гидротехнических сооружений, ибо он строился в период, когда пар уже прочно завоевал свои позиции на металлургических предприятиях. Этот завод характерен еще и тем, что его строители уже при постройке предприятия рассчитывали работать там силами не местных, а пришлых рабочих. С этой целью одновременно с заводом строился заводской поселок на 1,5 тыс. чел. [Там же. С. 162]

Завод, построенный на судоходной части р. Чусовой, должен был снабжать район Прикамья и Поволжья качественным мелкосортным прокатом и проволокой. В 1894–1896 гг. был построен Надеждинский завод, главным образом для прокатки рельсов для строящейся Транссибирской железной дороги. В 1899 г. было начато строительство самого молодого завода дореволюционной России – Златоустовского металлургического, с целью выпуска большого количества металла на базе древесноугольного топлива из чистых по сере и фосфору бакальских руд. Однако достроен он был уже в советское время.

1890-е годы характеризуются возрастанием темпов выплавки чугуна. В 1900 г. производство чугуна на Урале по сравнению с 1890 г. возросло более чем в 1,5 раза. Тем не менее и в 1890-е гг. темпы роста выплавки чугуна значительно уступали общероссийским и особенно отставали от темпов роста выплавки на южных заводах. В итоге выплавка чугуна в стране за 1860–1900 гг. увеличилась почти в 9 раз, а на Урале только в 3,5 раза [10. С. 73].

На уральских заводах в 1890-х гг. резко возросло производство литой стали. Такой прирост – свидетельство качественных изменений в металлургическом производстве. По темпам производства стали край превзошел общероссийский прирост (за 10 лет в 7 раз). Динамика выплавки металла тесно связана с развитием процессов концентрации производства. Это прослеживается на развитии доменного производства. В 1861 г. в крае имелось 54 доменных завода и 88 домен, в 1900 г. уже 65 заводов и 120 домен (рост 120 и 136,4% соответственно). Рост числа доменных печей на старых заводах, перестройка некоторых передельных заводов в доменные и строительство самих домен началось еще с середины 1880-х гг., но особенно характерны эти процессы именно для середины 1890-х гг. [4. С. 163]

Совершенствовались техника и технология производства. С 1859 по 1879 г. число пудлинговых печей на уральских заводах возросло с 188 до 262 (на 39,4%), а кричных горнов сократилось с 1 051 до 541 (на 48,5%). Производительность пудлинговой печи в пять раз превышала показатели кричного горна. Число прокатных станов увеличилось с 13 в 1859 г. до 221 в 1882 г., т.е. в 16 раз. Удельный вес паровых двигателей в 1876 г. составил 20%. Если в 1859 г. на Урале не было ни одного парового молота, то в 1882 г. их насчитывалось 166. Однако в том же году на заводах Урала имелось еще 411 вододействующих молотов. Технические достижения первых 20–25 лет после отмены крепостного права были не столь велики, как ожидалось [2. С. 284].

Таким образом, в течение 1887–1897 гг. на Урале рост выпуска продукции происходил в основном за счет технических изменений: вводились новые методы производства литого металла и строились новые заводы. В 1880-е гг. здесь было построено четыре новых завода: Чусовской (1879–1880), Сосьвенский, Теплогорский (1884) и Инзерский (1885). А в 1890–1901 гг. – еще десять: Кутимский, Лемезинский, Зигазинский (1890), Лукьяновский (1891), Лапыштинский (1896), Никольский (1897–1899), Ашинско-Балашевский (1899), Надеждинский (1895), Вижаихинский (1900) и Велсовский (1901). В то же время перестраивались и оснащались новым оборудованием такие старые заводы, как Нижнетагильский, Нижнесалдинский, Кизеловский, Полазненский, Очерский, Добрянский, Лысьвенский, Нытвенский и др.

Технический прогресс внес значительные изменения в производство черного металла. В период с 1863 по 1900 г. было построено 18 металлургических заводов. В первое десятилетие – 2, в 1880-е гг. – 6, в 1890-е гг. – 10. Восемь заводов было построено на Северном, 6 на Южном и 4 на Среднем Урале [4. С. 163]. Большинство новых заводов было расположено в неосвоенных прежде горнозаводчиками северных и южных районах края – в Пермской и Уфимской губерниях. Среди вновь отстроенных заводов выделялись Надеждинский и Чусовской, расположенный на стыке железных дорог Пермь–Тюмень и Чусовая–Березняки. Они были предприятиями полного металлургического цикла.

Крупным предприятием был и Надеждинский завод, построенный Богословским акционерным обществом в глухой тайге на севере края. Поразительны темпы его строительства. Закладка была осуществлена в мае 1894 г., а первая домна была задута уже через два года, еще через несколько месяцев он стал выпускать рельсы. Главная задача завода была в снабжении рельсами строительства Великой Сибирской магистрали. Новые заводы строились без традиционных прудов, использовали паровые машины. Вокруг предприятия возводились заводские поселки.

В результате в металлургическом производстве края произошли большие сдвиги. К началу XX в. горячее дутье вытеснило холодное на подавляющем большинстве домен. Число кричных горнов уменьшилось до 217. Количество пудлинговых печей в 1885–1890 гг. возросло только на 32, а с 1895 г. стало сокращаться. Число заводов, применявших бессемеровский способ производства стали, также уменьшилось. В производстве литого металла наиболее экономичным для того времени оказался мартеновский способ, который стал ведущим.

Все это свидетельствует, что промышленный переворот в горнозаводской промышленности Урала завершился лишь к концу XIX в. Он ознаменовался в доменном производстве вытеснением холодного дутья горячим, в железоделательном производстве – кричного способа пудлинговым, а затем и мартеновским, началом применения минерального топлива и значительным усилением паросилового хозяйства заводов. Кроме того, он выразился в увеличении объемов и высоты доменных печей, расширении площади горнов, более широком применении паровых машин. В период с 1860-х до середины 1880-х гг. он осуществлялся очень медленно, а в 1880–1890-е гг. – широко и основательно. На строящихся заводах устанавливались печи новых конструкций с облегченной кладкой. Были построены эллиптические печи, значительно возросло число доменных печей с высокими корпусами (до 18 м). Полезный объем печей увеличился до 150 куб. м. Однако на предприятиях все еще преобладали домны с массивным корпусом, необходимые для древесноугольного способа выплавки чугуна, широко распространенного на уральских заводах.

Существенные перемены произошли в железоделательном и сталелитейном производствах. Уральские заводы в пореформенный период в основном специализировались на производстве рыночных сортов металла, занимая ведущее место в производстве сварочного металла. До начала 1890-х гг. производство литого металла было незначительным. В производстве черных металлов кричный и пудлинговый способы занимали до реформы равное положение. Весь пореформенный период шло вытеснение кричного метода пудлинговым. Однако уже в 1890-е гг. данный метод обнаружил тенденцию к свертыванию. За это время на уральских заводах были сокращены 53 пудлинговые печи. Одновременно происходил рост числа мартеновских печей и производства литого металла, почти сравнявшийся по выпуску к 1900 г. со сварочным. Этот подъем производства сопровождался качественными переменами в технологии.

Модернизация горнозаводского хозяйства проявлялась также в изменении мощности и конструкции гидроэнергетических установок на заводах и широком внедрении паровых машин. В их внедрении в уральскую промышленность можно выделить два периода, которые отличаются как по темпам введения паровых машин, так и по уровню развития гидротехники. В первом периоде (1860-е – середина 1880-х гг.) паровая машина занимала на уральских предприятиях весьма скромное место, происходил процесс замены водяных колес старого типа гидротурбинами. Во второй половине 1880-х – 1890-е гг. паровые машины стали применяться шире. В общей мощности энергетических двигателей паровые машины в 1900 г. занимали 50%, что свидетельствовало о значительных успехах промышленного переворота. При более широком внедрении паровых машин заводы меньше зависели от наличия водной энергии. В силу этого новые заводы строились уже с учетом более выгодного расположения по отношению к источникам сырья.

При этом процесс концентрации производства четко проявлялся не только в отборе экономически рентабельных окружных хозяйств, но и во внутриокружном сосредоточении производства на более крупных заводах, в сокращении числа передельных заводов, ранее привязанных к источникам гидроэнергии.

Это привело к тому, что в 1861–1900 гг. было закрыто около 50 заводов всех категорий, из которых около 30 были передельными. В итоге к 1900 г. на Урале насчитывалось 98 предприятий черной металлургии [10. С. 77].

В 1887 г. из общей суммы потребленного топлива во всей металлопромышленности России 68,2% приходилось на дрова и древесный уголь, а доля каменного угля составляла 30,3%. Преобладающее потребление древесного топлива соответствовало размещению большей части старой металлургической промышленности в лесных районах Уральского, Северо-Восточного и Центрального районов страны. В 1900 г. картина разительно поменялась – 53,8% всего потребляемого топлива приходилось на каменный и 36,5% на древесный уголь [10. С. 31].

Главным фактором развития металлургии в конце века явилось широкое железнодорожное строительство и связанное с ним производство транспортных средств. Те же отрасли, которые не были связаны с железнодорожным строительством, развивались сравнительно медленно.

Транспорт Урала в XIX в. был для горнозаводской промышленности серьезной проблемой. Поскольку каждый горнозаводской округ представлял собой многоотраслевой, самостоятельный, замкнутый промышленный комплекс, не связанный с другими горнозаводскими хозяйствами, Урал экономически выглядел в то время как пестрая мозаика, конгломерат обособленных горнозаводских имений-латифундий, не связанных между собой транспортными системами. Коренные перемены на транспорте произошли в связи с успехами промышленной революции XIX в., промышленным переворотом в транспортных средствах, возникновением на Урале пароходного движения и железных дорог.

В 1817 г. на Каме появился первый пароход, построенный на Пожевском заводе, а с 1848 г. по этой реке началось постоянное пароходное сообщение. В 1858 г. пароходы по р. Белой дошли до Уфы, а с 1870 г. было открыто регулярное пароходное сообщение. И хотя количество пароходов росло стремительно (в 1852 г. их было 11, в 1860 г. – 43, в 1869 г. – 142, а в 1890 г. – уже 310), большая часть грузов по-прежнему отправлялось сплавом до устья Камы, и только после этого вверх по Волге буксировалась пароходами до Нижнего Новгорода, Ярославля и Рыбинска, затем по Мариинской и Тихвинской системам – до Петербурга.

После падения крепостного права стало очевидным, что примитивный транспорт не соответствует потребностям горнозаводской промышленности. Известный горный деятель В.К. Рашет в 1861 г. писал, что существовавший способ доставки заводских произведений к местам их назначения не современен и обременителен для заводов и составляет главнейшее препятствие к развитию горного промысла на Урале.

Как известно, железнодорожный транспорт на Урале имеет продолжительную историю. Она начинается со строительства первой рельсовой дороги с паровой тягой на Нижнетагильском металлургическом заводе Демидовых в 1834 г., которой уральцы обязаны талантливым крепостным мастерам-умельцам Ефиму Александровичу Черепанову и его сыну Мирону. Эта первая русская железная дорога называлась Тагильской железной дорогой, и ее длина составляла 854 м. Однако труды Черепановых не были по достоинству оценены, и железнодорожного строительства не велось до 1870-х гг.

В 1860-е гг. было разработано несколько проектов сооружения первой на Урале железной дороги. Из них выделилось два основных: выдвинутый В.К. Решетом и поддерживаемый Горным департаментом предлагал провести дорогу по маршруту Пермь–Екатеринбург–Тюмень; второй, защищаемый хлеботорговцами и екатеринбургским купечеством, должен был пройти в направлении Сарапул–Оса–Екатеринбург–Тюмень.

В 1870 г. межведомственная комиссия Министерства путей сообщения и Горный департамент утвердили трассу дороги, названной горнозаводской, от Перми через Кушву и Нижний Тагил до Екатеринбурга, с ответвлением к Луневским каменноугольным копям. В 1878 г. Горнозаводская железная дорога протяженностью 670 верст вступила в строй. Однако она не оправдала своего названия и возлагавшихся на нее надежд. Дорога имела малую пропускную способность и соединила между собой небольшое число заводов. Главным ее недостатком было то, что она не была связана с общероссийской железнодорожной сетью и поэтому не оказала заметного влияния на уральскую горнозаводскую промышленность.

Правда, экономическое значение дороги возросло после ввода в эксплуатацию в 1885 г. линии Екатеринбург–Тюмень, соединившей Волжско-Камский и Обь-Иртышский бассейны, после чего она была переименована в Уральскую, а позднее стала называться Пермской железной дорогой. В 1876 г. была построена Самаро-Оренбургская железная дорога, связавшая Южный Урал со Средним Поволжьем и Центральной Россией. С 1885 г. велось строительство Самаро-Златоустовской железной дороги, которая была доведена в 1888 г. до Уфы, в 1890 г. до Златоуста, в 1892 г. – до Челябинска.

К началу 1890-х гг. Урал оказался пересеченным тремя параллельными, но не связанными друг с другом железнодорожными магистралями широтного направления, причем основная дорога горнозаводского района – Пермская – осталась не присоединенной к общероссийской железнодорожной сети. Только в 1896 г. линия Челябинск–Екатеринбург связала Пермскую железную дорогу с Транссибирской магистралью и общероссийской железнодорожной сетью. Однако и после этого, вплоть до 1906 г., когда была пущена линия Пермь–Вятка–Вологда, железнодорожное сообщение Среднего Урала и Прикамья с центром осуществлялось кружным путем, через Пермь–Нижний Тагил–Екатеринбург–Челябинск–Самару. В результате связь с центром страны получили заводы не только Южного, но и Среднего Урала [4. С. 167–168]. Но так как железнодорожные тарифы были высокими, то даже в конце 1890-х гг. значительная часть грузов со Среднего Урала, например в 1893 г. более 2 млн пуд., по-прежнему направлялась сплавом по р. Чусовой.

Таким образом, к началу XX в. оторванность Урала от рынков сбыта была в значительной степени преодолена. Заводы, обеспечившие себя подъездными путями, могли реализовывать готовую продукцию круглый год. Однако сеть и пропускная способность дорог,

обычно одноколейных, были явно недостаточными. На их долю приходилось не более 20% перевозимых горнозаводских грузов. Сохранили свое значение архаичный и дорогостоящий сплав караванов, гужевой транспорт, с помощью которого грузы подвозились к железнодорожным станциям и речным пристаням.

Господство на Урале древесноугольной технологии производства металла сдерживало развитие производительных сил. К концу XIX в. вопрос о переводе уральской металлургии на коксовый метод производства широко обсуждался в прессе, ставился на съезде горнозаводчиков. Были разработаны конкретные планы, предусматривавшие проведение железных дорог, которые соединили бы Урал с каменноугольными месторождениями Кузбасса и Казахстана. Однако осуществление проектов, связанных с крупными капиталовложениями, было отодвинуто на более позднее время начавшимся экономическим кризисом.

Сложным было положение рабочих. Их средняя зарплата составляла треть получаемой рабочими на южных металлургических заводах. В 1870-е гг. на Урале средняя месячная зарплата доменщика составляла 15 руб., мастера – 25 руб. В кричных цехах она составляла от 11 руб. 40 коп. у рабочего, до 23 руб. у мастера. В 1890-е гг. зарплата увеличилась и достигла 33 руб. в месяц у квалифицированных и от 8 до 16 руб. у неквалифицированных рабочих. Женщины и подростки, занятые на подсобных работах, получали еще меньше [2. С. 308]. Главная причина, обусловливавшая более низкую зарплату уральских рабочих, состояла в том, что у горнозаводского населения имелись свои усадьбы и земельные участки. Вследствие технической отсталости труд уральских металлургов был малопроизводительным. Продолжительность рабочего дня составляла от 8 до 12 часов и более [11].

В период капитализма в отличие от дореформенного времени большинство предприятий обрабатывающей промышленности возникало преимущественно в городах и промышленных районах, а их производственный профиль определялся нуждами горных заводов и транспорта. В губернских центрах и Екатеринбурге успешно развивалось специализированное машиностроение: производство горного и металлургического оборудования и запасных частей, судостроение и изготовление паровых двигателей. Наиболее крупными были заводы Ятеса, братьев Береновых в Екатеринбурге.

Ведущая капиталистическая тенденция определяла формирование новой экономической структуры производственных отношений и опиралась на природно-географические условия региона, общую благоприятную рыночную конъюнктуру. Срединное положение Урала между европейским и азиатским экономическими районами страны, наличие целинных земель на юго-востоке и юге региона, необычная концентрация природных богатств в регионе способствовали развитию экономики. Цены на металл в этот период были высокими, за исключением периодов промышленного кризиса. Однако были и неблагоприятные факторы: Урал отдален от центральных районов страны, здесь нет крупных месторождений коксующихся углей, необходимых для развития коксовой металлургии.

В конце XIX в. производительность основной группы уральских заводов возросла, но в гораздо меньшей степени, чем на юге страны. Подъем промышленного производства происходил в связи с интенсивным железнодорожным строительством, а также повышением покупательной способности крестьянских масс после нескольких урожайных лет и ростом крестьянского рынка в Сибири. Большое значение имело и увеличение потребления металла самой горнозаводской промышленностью, где в это время интенсивно происходило техническое перевооружение. Увеличился спрос и со стороны предприятий судостроения, машиностроения. На Урале особенно быстро наращивалось производство стали. Благотворно сказалась на промышленности в это время и таможенная политика правительства. Горнозаводчикам Урала удалось добиться в 1880 г. отмены беспошлинного ввоза из Германии чугуна и железа и введения пошлины на ввозимый металл.

Черная металлургия Урала в конце XIX в. стала приспосабливаться к требованиям рынка. Этим объясняется то, что в 1890-х гг. особенное оживление промышленности наблюдалось на Южном Урале, где выпускалось больше металлоизделий. Здесь возник ряд новых заводов, а старые намного увеличили свою производительность.

В конце XIX в. имела место концентрация капитала в горнозаводской промышленности Урала, что нашло свое отражение в форме акционирования горнозаводских хозяйств. Особенностью уральской металлургии в пореформенный период являются ее ранние связи с банковским капиталом. Значительное влияние на развитие отрасли имел Государственный банк, кредитовавший многие предприятия под залог металла. Значительным было участие в этом процессе коммерческих банков, как русских, так и зарубежных. Первые контакты банковского капитала с уральской промышленностью относятся к 1860-м гг. В 1880-е гг. Русско-Французский банк участвовал в Сергинско-Уфалейском товариществе. В 1890-е гг. русский и иностранный банковский капитал принял участие в четырех из семи образовавшихся акционерных компаний. Концентрация капитала в горнозаводской промышленности Урала, выразившаяся в форме акционирования горнозаводских хозяйств, сопровождалась прямым участием финансового капитала, установившего уже в 1890 гг. контроль над рядом уральских предприятий [10. С. 81].

Характерным отличием заводского строительства в XIX в. является ничтожное количество основанных в этот период доменных заводов при значительном количестве передельных, возникших в уже существующих горнозаводских округах. Так, в 1850-е гг. было построено всего пять новых заводов, причем только два из них были чугуноплавильные, остальные играли роль вспомогательных по отношению к действующим ранее.

В целом состав уральской металлургии сложился еще в XVIII в. Тогда же определилось и то географическое размещение, которое сохранилось в течение всего XIX и в начале XX в. Всего в течение XVIII в. было создано 70% всех железоделательных заводов, возникших на Урале за период существования здесь

горнозаводской промышленности. Из 116 заводов, существовавших на Урале к началу XX в., 84 было основано в XVIII в. Всего в начале века в уральской металлургической промышленности было 7 казенных и 30 частных горных округов [7. С. 32, 33, 37–39].

В связи с увеличением производства металлургических заводов и истощением лесов в ряде заводских округов в XIX в. наблюдалось перенесение передельных процессов на новые предприятия, расположенные в неистощенных на лесные угодья частях заводских дач, т.е. происходило территориальное дробление полного цикла заводского производства в связи с топливным кризисом. В это время создавались заводы, расположенные на той же реке, в нескольких верстах от прежнего места, где строилась вторая плотина, что позволяло увеличить общую мощность гидравлических устройств предприятия.

При основании в конце XIX в. новых заводов речь шла, как правило, не о создании новых округов и вовлечении в эксплуатацию новых территорий, а о постройке новых заводских единиц на территории ранее созданных заводских округов [12. С. 18].

Наряду с проблемой снабжения страны минеральным топливом перед народным хозяйством в 70–80-е гг. XIX в. стояла сложно решаемая проблема снабжения страны металлами. Старая уральская металлургия, основанная на древесноугольной выплавке чугуна, имела весьма ограниченные возможности развития и поэтому не могла доставить количество металла, которого требовало строительство железных дорог в 1870–1880-е гг. Вследствие этого промышленное и транспортное строительство было в большей степени основано на иностранном металле. В 1870 г. его доля составила 64,6% потребности, в 1885 г. снизилась до 41,5% и лишь в 1900 г. уменьшилась до 14% [1. С. 41].

В конце 1880-х гг. прирост выплавки чугуна составил 23,9%, в первой половине 1890-х гг. 59,4%, в конце 1890-х гг. 110,3% [10. С. 33]. Этот исключительный по темпам рост выплавки черных металлов сопровождался техническим переворотом в этой области. Больше всего выплавка возросла на южных доменных заводах, основанных на новой технике. На Урале также были построены агрегаты большой мощности с целым рядом усовершенствований, насколько это допускала древесноугольная металлургия.

В конце XIX в. политика властей по отношению к Уралу была непоследовательной и противоречивой. Сохранив за горнозаводчиками монопольное право на землю, правительство исходило из общих принципов защиты интересов слоя помещиков. Но эта же позиция заставила его в 1860-е гг. снять запретительные тарифные ограничения на ввоз в Россию иностранного металла, в результате чего нарушилась монополия уральских горнозаводчиков на рынке металла. Вновь запретительные тарифы ввели в середине 1880-х гг. Такая мера была вызвана потребностью страны в металле в связи с развернувшимся железнодорожным строительством.

За 100 лет (1767–1867) выплавка чугуна в России увеличилась на 84%, т.е. возрастала в среднем за год менее чем на 1%. В результате к 1870 г. страна по производству черных металлов была оттеснена на седьмое место, оказавшись позади крохотной Бельгии и Австро-Венгрии. Удельный вес Урала по выплавке чугуна в России был по-прежнему высок и в 1861 г. составлял 82%, хотя по отношению к мировой выплавке он катастрофически упал с 20% мирового производства в 1800 г. до 2% в 1870 г. В 1885 г. доля России в производстве чугуна составила лишь 2,7%. Не обеспечивались даже потребности внутреннего рынка. В 1870–1880-х гг. около около трети необходимого металла ввозилось из-за границы [7. С. 30].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гливиц И. Железная промышленность России : экон.-стат. очерк. СПб. : тип. т-ва п./ф. «Электро-тип. Н.Я. Стойковой», 1911. X, 148, 104 с.
2. Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть X1X в. – 30-е годы XX в. М. : Эпифания, 1994. 849 с. (Памятники экономической мысли).
3. Тарасов Р.С. Инновационные мероприятия таможенной политики как средство развития металлургической промышленности России середины XIX века // Экономическая история. 2012. № 2 (17). С. 26– 31.
4. Запарий В.В. Черная металлургия Урала. XVIII–XX века. Екатеринбург : УрО РАН, 2011. 496 с.
5. Бармин А.В. Модернизация и индустриализация // Урал индустриальный : Бакунинские чтения : материалы VIII Всерос. науч. конф., 27–28 апреля 2007 г. : в 2 т. Екатеринбург : АМБ, 2007. Т. 1. С. 102– 106.
6. Шацилло К. Казенная промышленность царской России // Свободная мысль. 1992. № 2. С. 36–47.
7. Горшков А.А. Основные этапы в развитии уральской черной металлургии за два с половиной века ее существования // Из истории черной металлургии Урала. Свердловск, 1957. (Труды уральского политехнического института им. С.М. Кирова; сб. 40).
8. Черная металлургия СССР. 1917–1967 / А.С. Балакин, П.И. Барбаринский, Т.Т. Бердышева и др. М. : Металлургия, 1967. 260 с. (50 лет Великого Октября).
9. Бармин А.В. Промышленное освоение Урала // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв. : материалы Междунар. науч. конф., посвященной 350-летию Н.Д. Антуфьева-Демидова. Екатеринбург : Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2006. С. 79–81.
10. История Урала : в 2 т. / под общ. ред. Ф.С. Горового. Пермь : Кн. изд-во, 1963. Т. 1: Первобытный строй. Период феодализма. Период капитализма. 500 с.
11. Сигов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск : Свердлгиз, 1936. 296 с.
12. Устьянцев С.В., Логунов Е.В. Английский технологический опыт и уральские горные заводы XIX века. Екатеринбург, 1992. 128 с.

Vladimir V. Zaparyi, The first President of Russia B.N. Yeltsin Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: vvzap@mail.ru
Aleksandr V. Barmin, The first President of Russia B.N. Yeltsin Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: allo-barmin@mail.ru
Roman S. Tarasov, Ogarev Mordovian state University (Saransk, Russian Federation). E-mail: 9023060@mail.ru

FINDING A WAY OUT OF THE IMPASSE: METALLURGY OF THE URALS IN THE LAST THIRD OF THE XIX CENTURY

Keywords: ferrous metallurgy, Russia, Ural, abolition of serfdom, modernization, industry, XIX century.

In the article the authors analyze the fundamental changes that occurred in the metallurgical complex of the Urals after the abolition of serfdom and caused its large-scale crisis. We study the modernization processes in the industry, which later caused the capitalist modernization, which continued at the beginning of the next century. Both technical and technological and social issues are considered. The authors focus on the actions of the government and industrialists in the last decades of the 19 century aimed at speeding up the work of the metallurgical complex. As a result of these measures, a powerful process of capitalist restructuring has begun. Its result was the completion of the industrial revolution, the active formation of the working class, the transition from the factory to industrial production. However, the pace of capitalist industrialization of the Ural mining economy did not correspond to the all-Russian indicators of heavy industry. The reasons for the significant backlog of the Urals was in the preservation of survivable phenomena in the socio-economic structure of the Ural industry. Reform of 1861 was the basis of these phenomena – a large mining and metallurgical land ownership, which was a specific form of land ownership. The authors note that a significant part of the mining economy was the state sector. Its economic development was determined by state financing, which was not regulated by market conditions, but was determined mainly by the military needs of the state. However, loans and funds for the development of production were strictly regulated by the government, which also hampered its development. In the second half of 19 century in the Urals, as a result of modernization processes, there were four main production specializations: blast furnace, iron, steel and copper.

Due to the increased production of metallurgical plants and depletion of forests in a number of factory districts in the 19 century the transfer of the conversion processes to new enterprises, located in the parts of the factory cottages that were not exhausted on forest land, was observed. At the end of the 19 century. The authors consider, that the authorities' policy toward the Urals was inconsistent and controversial. Having retained the monopoly right to land for the mine producers, the government proceeded from the general principles of protecting the interests of the landlord stratum. But the same position forced him in the 1860s to remove prohibitive tariff restrictions on the import of foreign metal into Russia, as a result of which the monopoly of the Ural mining companies in the metal market has been violated. Again, prohibitive tariffs were introduced in the mid-1880s. Such measure was caused by the country's need for metal in connection with the unfolding railway construction.

REFERENCES

1. Glivits, I. (1911) *Zheleznaya promyshlennost' Rossii* [Iron industry of Russia]. St. Petersburg: Tip. t-va p./f. "Elektro-tip. N.Ya. Stoykovoy".
2. Kafengauz, L.B. (1994) *Evolyutsiya promyshlennogo proizvodstva Rossii (poslednyaya tret' XIX v. – 30-e gody XX v.)* [The evolution of industrial production in Russia (the last third of the 19th century –1930s)]. Moscow: Epifaniya.
3. Tarasov, R.S. (2012) Innovative activities of customs policy as a means of Russian metallurgical industry development in the middle of the 19th century. *Ekonomicheskaya istoriya – Russian Journal of Economic History*. 2(17). pp. 26–31. (In Russian).
4. Zapary, V.V. (2011) *Chernaya metallurgiya Urala. XVIII–XX veka* [Ferrous metallurgy of the Urals. The 18th – 20th centuries]. Ekaterinburg: UB RAS.
5. Barmin, A.V. (2007) [Modernization and industrialization]. *Ural industrial'nyy: Bakuninskie chteniya* [Industrial Ural: The Bakunin Readings]. Proc. of the Eighth Conference. April 27–28, 2007. Vol. 1. Ekaterinburg: AMB. pp. 102–106. (In Russian).
6. Shatsillo, K. (1992) Kazennaya promyshlennost' tsarskoy Rossii [State industry of tsarist Russia]. *Svobodnaya mysl'*. 2. pp. 36–47.
7. Gorshkov, A.A. (1957) Osnovnye etapy v razvitii ural'skoy chernoy metallurgii za dva s polovinoy veka ee sushchestvovaniya [The main stages in the development of the Ural ferrous metallurgy over two and a half centuries of its existence]. In: Groshkov, A.A. (ed.) *Iz istorii chernoy metallurgii Urala* [From the history of the Ural ferrous metallurgy]. Sverdlovsk: Knizhnoe izd-vo.
8. Balakin, A.S., Barbarinsky, P.I., Berdysheva, T.T. et al. (eds) (1967) *Chernaya metallurgiya SSSR. 1917–1967* [Ferrous metallurgy of the USSR. 1917–1967]. Moscow: Metallurgiya.
9. Barmin, A.V. (2006) [Industrial development of the Urals]. *Promyshlennaya politika v strategii rossiyskikh modernizatsiy XVIII–XXI vv.* [Industrial policy in the strategy of Russian modernization of the 18th – 21st centuries]. Proc. of the International Conference. Ekaterinburg: UB RAS. pp. 79–81. (In Russian).
10. Gorovoy, F.S. (ed.) (1963) *Istoriya Urala: v 2 t.* [History of the Urals: In 2 volumes]. Vol. 1. Perm: Kn. izd-vo.
11. Sigov, S.P. (1936) *Ocherki po istorii gornozavodskoy promyshlennosti Urala* [Essays on the History of the Mining Industry in the Urals]. Sverdlovsk: Sverdlgiz.
12. Ustyantsev, S.V. & Logunov, E.V. (1992) *Angliyskiy tekhnologicheskiy opyt i ural'skie gornye zavody XIX veka* [English Technological Experience and the Ural Mining Plants of the 19th Century]. Ekaterinburg: [s.n.].

УДК 94
DOI: 10.17223/19988613/66/5

С.Я. Ковганов

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ СОТРУДНИКОВ В СИСТЕМЕ НКГБ СССР (НА ПРИМЕРЕ НОВОСИБИРСКОЙ МЕЖКРАЕВОЙ ШКОЛЫ НКГБ СССР)

Раскрываются особенности комплектования, организации учебного процесса и воспитательной работы с курсантами школы НКГБ СССР в Новосибирске. Руководству и преподавателям школы удалось решить сложную задачу по подготовке сотрудников отечественных органов безопасности для работы в сложных послевоенных условиях.

Ключевые слова: органы безопасности; подготовка кадров; межкраевые школы НКГБ СССР.

Народный комиссариат государственной безопасности Союза ССР, образованный в годы Великой Отечественной войны, являлся, по существу, первым самостоятельным отечественным органом государственной безопасности, представлявшим собой отдельный наркомат со сложной структурой, обеспечивающей решение возлагаемых на него задач. По большому счету последующие органы государственной безопасности СССР и Российской Федерации во многом являются наследниками НКГБ СССР.

Исследование опыта обучения сотрудников отечественных органов безопасности в сложный исторический период дает возможность использовать его сегодня в совершенствовании подбора кандидатов на учебу, устранении возможных проблем в общеобразовательной подготовке отдельных слушателей и организации системы интенсивного обучения.

Цель данной статьи – обратить внимание на особенности подготовки сотрудников НКГБ СССР на заключительном этапе Великой Отечественной войны и в послевоенный период на примере Новосибирской межкраевой школы НКГБ СССР

В 1943 г., в условиях изменения военно-политической обстановки в пользу СССР, начался процесс определенных реорганизаций как в системе Вооруженных Сил, так и в системе отечественных органов безопасности. В апреле 1943 г. Постановлением ЦК ВКП(б) создается Народный комиссариат государственной безопасности СССР для решения разведывательных и контрразведывательных задач по обеспечению государственной безопасности в составе центрального аппарата и территориальных органов на местах. В 1944 г. в НКГБ СССР остро встал вопрос комплектования его подразделений подготовленными оперативными сотрудниками, что было обусловлено целым рядом обстоятельств.

С началом Великой Отечественной войны значительное число сотрудников территориальных органов НКВД было направлено в органы военной контрразведки, прежде всего в особые отделы НКВД вновь формируемых соединений и объединений. Часть оперативных сотрудников территориальных органов находилась в составе диверсионно-разведывательных отрядов НКВД за линией фронта. В их числе были работники органов НКВД оккупированных противником областей Советского Союза.

В ходе боевых действий органы безопасности несли значительные потери. Так, например, на 1 марта 1944 г. погибли 3 725, пропали без вести – 3 092, были ранены и находились в госпиталях – 3 520, вернулись из плена и вышли из окружения – 609 военных чекистов [1. С. 551].

В 1943–1944 гг. в РСФСР было образовано несколько новых областей для формирования управлений НКВД, которым также были необходимы кадры оперативных работников. Во вновь образованные управления НКВД направлялись сотрудники из других регионов и даже из органов военной контрразведки. Так, например, М.М. Грибовский, окончивший курсы военных контрразведчиков в Новосибирске в 1943 г., был направлен в распоряжение Управления НКВД СССР по Кемеровской области, где зарекомендовал себя положительной стороны: «Оперативно обслуживая шахты треста “Куйбышевуголь”, он предотвратил несколько аварий» [2. С. 256].

С началом освобождения от противника в 1942–1943 гг. ранее оккупированных им территорий, потребовались кадры для вновь формируемых управлений НКВД СССР в этих регионах. Особенно остро встал этот вопрос в 1944 г., когда почти вся территория СССР была освобождена. Необходимость скорейшего решения данного вопроса диктовалась крайне сложной оперативной обстановкой в освобожденных регионах.

Уже в начале 1943 г. в записке заместителя наркома внутренних дел В.Н. Меркулова И.В. Сталину «О выявлении и ликвидации шпионов, диверсантов, немецких пособников и банд в городах и районах, освобожденных Красной Армией от противника» от 18 марта 1943 г. говорилось: «В городах и районах, освобожденных Красной Армией от войск противника, местными органами и оперативными группами НКВД на 10 марта 1943 г. арестовано 30 750 чел.» [3].

Сложная оперативная обстановка складывалась и в западных областях Украинской ССР. Так, к августу 1944 г. только «на территории Станиславской, Дрогобычской и частично Тернопольской областей в разных

населенных пунктах выявлено свыше 150 оуновских групп и банд УПА с общим количеством свыше 6 000 человек их участников» [4]. Особенно сложной была оперативная обстановка в республиках Советской Прибалтики. Например, только силами органов «Смерш» 3-го Прибалтийского фронта к концу октября 1944 г. «установлены и частично ликвидированы 33 волостных организации “Айзсарги”, а также 10 шпионских и диверсионных групп из числа членов этой антисоветской организации… выявлено дополнительно к уже ликвидированным еще 14 волостных организаций “Айзсарги” с наличием значительного числа их участников» [5]. Со второй половины 1945 г. националистическое подполье в западных областях Украины, Белоруссии и республиках Прибалтики активно поддерживалось спецслужбами Великобритании и США [6. С. 5].

В этих условиях руководство НКГБ СССР приняло решение о восстановлении работы или перепрофилирования некоторых учебных заведений ведомства. Приказом НКГБ Союза ССР «Об организации Ленинградской и Новосибирской межкраевых школ» № 00337 от 1 сентября 1944 г. предписывалось: «На базе Ленинградского филиала Высшей школы НКГБ организовать работу Ленинградской межкраевой школы НКГБ… возобновить работу Новосибирской межкраевой школы НКГБ с численностью переменного состава в 350 человек» [7]. Этим же приказом предписывалось заместителю наркома по кадрам к 10 сентября 1944 г. разработать штат данных школ и подобрать кандидатов на должности начальников школ. Начальнику управления НКВД по Новосибирской области предписывалось не позднее 1 октября 1944 г. подобрать для Новосибирской межкраевой школы НКВД начальствующий и преподавательский состав, а до 20 октября 1944 г. провести необходимый ремонт здания школы и обеспечить ее оборудованием. Срок обучения курсантов устанавливался в один год, они обеспечивались стипендией в размере 400 руб. и бесплатным питанием [Там же].

Определенную проблему представлял вопрос комплектования школ курсантами. Вышеупомянутый приказ предъявлял довольно высокие требования к кандидатам на учебу: это должны были быть мужчины, члены или кандидаты в члены ВКП(б), члены ВЛКСМ, с образованием не ниже семи классов, хорошо владеющие русским языком, годные по состоянию здоровья к службе в органах НКГБ. В отдельном пункте приказа было предписано не направлять в школы малограмотных и больных. В условиях войны в 1944 г. подобрать в тылу определенное приказом число кандидатов на учебу, отвечающих предъявляемым требованиям, было довольно сложной задачей. В этом отношении органы военной контрразведки были в лучшем положении, имея возможность комплектовать кадровый резерв из числа армейских офицеров с боевым опытом.

В качестве приложения к приказу НКГБ № 00337 была разослана разверстка на комплектование Ленинградской и Новосибирской межкраевых школ, где предписывалось органам НКГБ на местах через партийные органы отобрать конкретное число кандидатов для обучения. Так, для Новосибирской школы должны были подобрать кандидатов на учебу управления НКГБ СССР следующих краев и областей: Бурят-Монгольской АССР – 10; Алтайского края – 40; Красноярского – 45; Приморского – 25; Хабаровского – 45; Иркутской области – 30; Кемеровской – 65; Новосибирской – 70; Омской – 50; Читинской – 15. Количество кандидатов на учебу от каждого из регионов определялось, очевидно, их мобилизационным ресурсом. Определенную возможность выполнить достаточно высокие требования к кандидатам на учебу в условиях военного времени давал их возрастной ценз, оговоренный приказом: от 20 до 35 лет [Там же].

Осенью 1944 г. в Новосибирске началась подготовка к открытию Межкраевой школы НКГБ СССР, начальником которой был назначен подполковник Демьян Федорович Каминский, имевший к тому времени более чем двадцатилетний стаж работы в органах государственной безопасности. Он работал в оперативных и кадровых подразделениях НКВД СССР, был преподавателем и начальником учебного отдела Новосибирской и Алма-Атинской межкраевых школ НКВД СССР [8. С. 57]. Начальником учебного отдела был назначен И.П. Дюпинский, а его заместителем В.В. Твердых. На должность начальника цикла специальных дисциплин прибыл Н.И. Смирнов, до этого работавший заместителем начальника отдела УНКГБ по Хакасской автономной области Красноярского края [Там же].

Согласно приказу наркома госбезопасности Союза ССР школу было намечено разместить в ее старом здании на Красном проспекте. В течение четырех месяцев руководство и постоянный состав школы занимались подготовкой к учебному году. В это время шел ремонт здания, комплектовалось оборудование учебных классов, столовой и библиотеки. Учебный отдел и преподаватели циклов занимались разработкой учебно-методических планов, подготовкой учебных пособий, приобретением необходимой литературы.

В декабре 1944 г. было сформировано 12 учебных групп. Одной из особенностей будущих курсантов школы была значительная разница в возрасте и образовании, что сказалось в последующем на особенностях их обучения и поведения. Младшие офицеры, старшины и сержанты со средним образованием обучались по программам, отличавшимся от программ подготовки специалистов из числа рядовых и вовсе не служивших в армии, а также не имевших среднего образования курсантов. Семиклассное образование в наборе 1944 г. было у 158 человек, т.е. более чем у половины [9. Д. 18. Л. 46].

В январе 1945 г. начались занятия по основам марксизма-ленинизма, общеобразовательной и военной подготовке, в марте – по специальным дисциплинам, а также по уголовному праву, уголовному процессу и криминалистике.

Одной из особенностей обучения вновь набранного потока 1944 г. была ликвидация пробелов в общеобразовательной подготовке у определенной части курсантов, что надо было сделать без ущерба для основного курса обучения. Многие курсанты имели недостаточный уровень общего развития, что не соответствовало

требованиям их будущей профессии. У некоторых были проблемы с правописанием по русскому языку. Все это можно объяснить сложностью подбора кандидатов на учебу. Во-первых, вместо 350 человек, предусмотренных разверсткой на комплектование, к учебе приступили только 322 курсанта [9. Д. 18. Л. 46]. Во-вторых, в начале для некоторых курсантов обучение представляло определенную трудность: преподаватели отмечали неумение организовать себя в этом процессе, неумение конспектировать лекции, нежелание самостоятельно заниматься, а у некоторых даже леность. В-третьих, как ни странно, в первые месяцы обучения достаточно остро встал вопрос соблюдения воинской дисциплины. Следует заметить, что большей частью эти проблемы касались тех учебных групп, где обучались курсанты из числа рядовых, вовсе не служивших в армии или не имевших среднего образования.

Вопросы успеваемости, воинской дисциплины, организации обучения и повседневной жизни курсантов стали главной темой обсуждения на открытых партийных собраниях и заседаниях партийного бюро школы. Так, 7 марта 1945 г. состоялось открытое партийное собрание школы с повесткой дня «Результаты учебы за январь, февраль 1945 г. и задачи на последующий период». С докладом выступил заместитель начальника учебного отдела В.В. Твердых. Выступающие в прениях коммунисты-курсанты обратили внимание на лень в учебе некоторых коммунистов и комсомольцев: «…курсанты еще не умеют составлять конспекты, имеются случаи ответов по чужим тетрадям. Недооцениваем русский язык. Мало читаем художественной литературы» [Там же. Л. 6]. Начальник цикла специальных дисциплин Н.И. Смирнов обратил внимание на необходимость жесткого контроля за отстающими и оказание им помощи: «…необходимо дополнить учебу другими мероприятиями, помогающими развитию будущего оперативного работника» [Там же. Л. 7]. Начальник школы Д.Ф. Каминский в своем выступлении подчеркнул: «Нам необходимо подготовить культурного всесторонне грамотного оперативного работника. Учебе мешают долгая раскачка, шум в классах, хождение во время занятий. Средний балл снизился до 3,9, что недопустимо. Нарушители дисциплины будут наказываться, вплоть до 10 суток строгого ареста. Преподавателям необходимо оказать помощь отстающим, мобилизовать общественное мнение на осуждение нарушителей воинской дисциплины» [Там же].

Большое внимание уделялось ликвидации у довольно значительного числа курсантов пробелов в знаниях по русскому языку. О ходе подготовки зачетов по русскому языку на заседании партийного бюро школы 27 мая 1945 г. заслушивались преподаватели П.И. Пальшина и В.И. Бурмистрова [Там же. Л. 45]. Такой подход привел к положительным результатам: в мае-июне 1945 г. качество учебы значительно выросло.

Уже в начале обучения были разработаны учебные программы по специальным дисциплинам, в основу которых был положен опыт противодействия советских органов безопасности разведывательно-диверсионной деятельности спецслужб Германии и прежде всего абвера. Существенную помощь в составлении учебно-методических документов для проведения занятий по специальным дисциплинам оказали сотрудники Управления НКГБ по Новосибирской области, имеющие педагогическое образование, – Е.Н. Шлыков и М.В. Поварич [Там же. Д. 17. Л. 3]. В 1945 г. они перешли на работу в школу на должность преподавателей. Лекции по специальным дисциплинам читали сотрудники местных органов госбезопасности, а также начальники школы, учебного отдела и цикла специальных дисциплин. По уголовному праву и процессу занятия вели преподаватели Новосибирского филиала Всесоюзного заочного юридического института. Семинарские и практические занятия проводили Н.И. Смирнов, В.И. Панкратов, В.В. Твердых. Оперативной подготовке курсантов уделялось особое внимание. Циклу специальных дисциплин помогали начальник школы Д.Ф. Каминский и начальник учебного отдела И.П. Дюпинский. Они сами читали лекции и оказывали помощь молодым преподавателям, пришедшим с оперативной работы, в овладении методикой проведения занятий и чтения лекций [8. С. 58].

К концу учебного года на цикле специальных дисциплин улучшилась методическая работа, стало правилом регулярное обсуждение планов проведения занятий, составлялись методические разработки по основным темам курса. Началась работа по созданию учебных пособий, лекций и задач по специальным дисциплинам. Все пособия тщательно обсуждались на методической комиссии, которую возглавлял заместитель начальника Управления НКГБ по Новосибирской области.

Занятия в школе продолжались по 10–12 часов в сутки. Столько же работали и преподаватели. Для промежуточного контроля знаний активно применялись «внезапные зачеты» – письменные ответы курсантов на вопросы по пройденному материалу, которые преподаватель мог неожиданно объявить в начале семинарского занятия [9. Д. 18. Л. 6].

Во второй половине обучения заметно выросли успеваемость и число отличников. В течение всего учебного года на отлично учились курсанты Арбузов, Веселов, Ворошин, Ефремов, Кузмич, Щеглов и др. Вот что писал в своих воспоминаниях полковник Иван Васильевич Арбузов, обучавшийся в то время в школе: «Распорядок рабочего дня был довольно напряженным: до обеда по шесть часов нам читали лекции, после обеда проводились семинарские и практические занятия, а вечером, после ужина, мы работали самостоятельно, ходили на консультации. Многие выпускники тех лет с большой теплотой вспоминают преподавателей: Н.И Смирнова, В.В. Твердых, В.К. Иващенко и преподавателя русского языка П.И. Пальшину» [10. Д. 1. Л. 4].

Большое значение для формирования кругозора будущих оперативных работников имела культурно-массовая работа, организованная в школе в 1944–1945 гг. Помимо просмотров кинофильмов, лекций общеобразовательного характера осуществлялись выходы в театры Новосибирска: Музыкальной комедии, «Красный факел», «Старый дом». В школе работали кружки:

драматический, вокально-танцевальный, художественного слова. В воскресенье для желающих курсантов давались уроки западноевропейских танцев. По субботам и воскресеньям проводились литературные вечера, посвященные творчеству русских писателей, работал буфет, организовывались танцы. Такие мероприятия начинались в 19–20 часов и заканчивались заполночь. На эти вечера приглашались девушки. Видимо, тогда и родилась традиция называть школу на Красном проспекте Новосибирска «Домом женихов». «В воскресные дни начальник клуба организовывал коллективные выходы на городские зрелищные мероприятия, а физорги курсов проводили лыжные походы» [9. Д. 17. Л. 19–20].

Отражением атмосферы гражданской жизни последнего года войны стала организация быта сотрудников школы. Так, на заседании партийного бюро школы 13 апреля 1945 г. рассматривался вопрос о подготовке посева индивидуальных огородов. Член партийного бюро школы И.П. Кусков докладывал: «Потребность земельного участка площадью 2 гектара для огородов постоянного состава обеспечена полностью. Часть семян картофеля, имеющихся в нашем распоряжении, будет передана семьям фронтовиков, заготовлен и инвентарь» [Там же. Л. 23].

В апреле 1945 г. по указанию НКВД СССР курсы военных контрразведчиков, работавшие в Новосибирске, упразднялись, а все имущество и библиотечный фонд передавались школе НКГБ. Многие преподаватели также были переведены в межкраевую школу на Красном проспекте.

В конце декабря 1945 г. состоялся первый послевоенный выпуск молодых чекистов Новосибирской межкраевой школы НКГБ, в которых очень нуждались городские и районные отделы госбезопасности. Некоторые выпускники были направлены в органы военной контрразведки, в том числе в Группу Советских оккупационных войск в Германии. Из числа выпускников Новосибирской межкраевой школы НКГБ СССР тех лет выросли руководители крупных чекистских коллективов. Среди них генерал-майоры И.А. Ирлицин, Ф.П. Шевченко, В.И. Сафронов, полковники И.В. Арбузов, Ю.А. Базарнов, Ш.Н. Рагимов, капитан 1-го ранга С.Г. Приходько [8. С. 61].

Курсантом набора 1944 г. был Тихон Корнилович Казанцев, майор в отставке, кавалер двух орденов Отечественной войны первой степени и ордена Красной Звезды. Он принимал участие в защите Одессы, Сталинграда и Новороссийска. Был трижды ранен. После очередного тяжелого ранения в феврале 1943 г. он был демобилизован, а в 1944 г. направлен в Новосибирскую межкраевую школу НКГБ СССР. Опытного армейского разведчика, не раз ходившего за линию фронта, несмотря на тяжелое ранение, приняли безоговорочно.

В своих воспоминаниях Т.К. Казанцев пишет, что в числе курсантов оказались не только офицеры и сержанты, но и рабочие оборонных заводов, у которых была «бронь». «В школе контрразведки учили поиску и обезвреживанию диверсантов, агентов абвера. В основном готовили специалистов для работы на освобожденных от фашистов территориях Советского Союза. Здесь, в Новосибирске, пришло долгожданное известие о победе. 9 мая 1945 г. курсанту Казанцеву запомнилось навсегда. Был яркий солнечный день. Будущие контрразведчики стояли в оцеплении возле оперного театра и внимательно прислушивались к поздравительной речи министра иностранных дел В.М. Молотова. Центральная площадь Новосибирска была переполнена народом. Незнакомые друг другу люди обнимались, целовались, плакали от счастья» [10. Д. 1. Л. 21–22]. По окончании школы в декабре 1945 г. Т.К. Казанцеву было присвоено звание младшего лейтенанта, и он был отправлен для дальнейшего прохождения службы на Украину.

Интересна судьба Владимира Ивановича Сафронова. Он родился в 1927 г. в Новосибирске. После окончания Новосибирской МКШ МГБ СССР с ноября 1947 г. работал на должностях оперативного состава в Прокопьевском городском отделе УМГБ по Кемеровской области. В августе 1951 г. переведен в областной аппарат УМГБ по Кемеровской области, где работал старшим оперуполномоченным. В мае 1963 г. назначен заместителем начальника отделения 1-го отдела УМВД Кемеровской области, с марта 1955 г. служил уполномоченным аппарата УКГБ при СМ СССР по Кемеровской области в г. Белово. В марте 1959 г. переведен на работу в областной аппарат, работал начальником отделения во 2-м отделе УКГБ, с апреля 1962 г. заместителем начальника 2-го отдела, а с апреля 1963 г. начальником 2-го отдела УКГБ при СМ СССР по Кемеровской области. С июля 1963 г. работал на руководящих должностях в УКГБ при СМ СССР по Новосибирской области, в УКГБ при СМ СССР по Приморскому краю и КГБ Казахской ССР. В 1979–1988 гг. возглавлял Управление КГБ СССР по Читинской области. В.И. Сафронов награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды [Там же. Л. 48].

Анализ деятельности Новосибирской межкраевой школы НКГБ СССР по подготовке сотрудников органов безопасности на заключительном этапе Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы позволяет дать высокую оценку работе сотрудников школы, что подтверждает добрая память о ветеранах этого учебного заведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственная безопасность России: история и современность / под общ. ред. Р.Н. Байгузина. М. : РОССПЭН, 2004. 814 с.
2. Чекисты Кузбасса. 1943 г. – 2003 г. : страницы истории / авт.-сост. В.В. Онищенко; А.В. Добрынин; под ред. Т.И. Махалова. Кемерово : Летопись, 2003. 558 с.
3. Следствие продолжается // Родина. 2008. № 12. С. 72–78.
4. Справка УКР «Смерш» 4-го Украинского фронта о деятельности бандитских групп в армейских тылах фронта. 8 августа 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Москва : Кучково поле, 2007. Т. V, кн. 2: Границы **СССР** восстановлены (1 июля – 31 декабря 1944 г.). С. 115.

5. Докладная записка УКР «Смерш» 3-го Прибалтийского фронта в ГУКР «Смерш» НКО СССР о борьбе с профашистскими националистическими формированиями в освобожденных районах Эстонской и Латвийской ССР. 13 сентября 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Москва : Кучково поле, 2007. Т. V, кн. 2: Границы **СССР** восстановлены (1 июля – 31 декабря 1944 г.). С. 315.
6. Дундуков М.Ю. Разведка в государственном механизме США. М. : Кучково поле, 2008. 448 с.
7. Коллекция экспозиционных материалов Комнаты истории в/ч 44261.
8. Новосибирская школа контрразведки / под ред. В.А. Новикова. М. : Русь, 2005. 343 с.
9. Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-494. Оп. 1.
10. Материалы воспоминаний выпускников Новосибирской межкраевой школы НКГБ (МГБ) СССР 1945 – 1953 гг. // Коллекция экспозиционных материалов Комнаты истории в/ч 44261.

Sergey Ya. Kovganov, в/ч 44261 (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kovsy@yandex.ru

SPECIAL ASPECTS OF EMPLOYEE TRAINING IN THE SYSTEM OF THE NKGB OF THE USSR (ON THE EXAMPLE OF THE NOVOSIBIRSK INTER-REGIONAL SCHOOL OF THE NKGB OF THE USSR)

Keywords: security agencies, training, inter-regional schools of the NKGB of the USSR

The purpose of this article is to analyze special aspects of training employees of the NKGB of the USSR at the final stage of and after the Great Patriotic War.

The purpose of this article is to analyze special aspects of training employees of the NKGB of the USSR at the final stage of and after the Great Patriotic War.

As sources for our research the following works dedicated to activities of domestic security agencies were used: The Kuzbass Chekists in 1943. – 2003. Pages of history / Compiled by V.V.Onischenko. Kemerovo. 2003.; State security of Russia: history and modern times / monograph / under general editorship of R.N.Baiguzin. M., 2004.; The Novosibirsk school of counterintelligence / under the editorship of V.A.Novikov. M., 2005.; Materials of the state archive of the Novosibirsk Region. F. P-494. Op. 1; Security agencies of the USSR during the Great Patriotic war. Collection of documents. T. V. Vol. 2. M., 2014.

The People's Commissariat for State Security (NKGB) of the USSR, formed during the Great Patriotic War, was in fact the first independent national body of state security as a separate People's Commissariat body, providing solutions to the tasks assigned to it.

In 1944 the NKGB of the USSR faced the acute issue of staffing security agencies with trained operatives, which served as the basis for the creation of a system of schools for training would-be counter-intelligence officers. One of the established in 1944 educational institutions of the newly created People's Commissariat was the Novosibirsk inter-regional school. In the autumn of 1944, preparations began in Novosibirsk for the opening of the inter-Regional school of the NKGB of the USSR. Classes began in December 1944. Lieutenant Colonel Demyan Fedorovich Kaminsky was appointed the head of the school. I.P.Dupinsky was appointed head of the training Department. An important problem of the first admitted cadets was the low level of education of most of the candidates for study, which made it difficult for them to master the course curriculum, especially in Russian. This problem was solved by optimally organizing additional classes and strictly monitoring this process on the parts of the command and the public.

In the conditions of wartime the staff of the school was able in a short time to establish high-quality training of would-be counter-intelligence officers.

Many graduates of 1945 proved to become capable officers and good organizers in the field of operational work. Some of them became heads of major state security agencies.

Thus, the NKGB of the USSR in 1944-1945 managed to create a system of short-term training system for employees, allowing solving the personnel problem of domestic security agencies on the eve of the Cold War.

REFERENCES

1. Bayguzin, R.N. (2004) *Gosudarstvennaya bezopasnost' Rossii: istoriya i sovremennost'* [State Security of Russia: History and Modernity]. Moscow: ROSSPEN.
2. Onishchenko, V.V. & Dobrynin, A.V. (2003) *Chekisty Kuzbassa. 1943 g. – 2003 g.: stranitsy istorii* [Chekists of Kuzbass. 1943 – 2003: pages of history]. Kemerovo: Letopis'.
3. Anon. (2008) Sledstvie prodolzhaetsya [The investigation continues]. *Rodina*. 12. pp. 72–78.
4. Anon. (2007a) Spravka UKR "Smersh" 4-go Ukrainskogo fronta o deyatel'nosti banditskikh grupp v armeyskikh tylakh fronta. 8 avgusta 1944 goda [Report of the SMERSH Counter-Intelligence Agency of the 4th Ukrainian Front on the activities of bandit groups in the army rear. August 8, 1944]. In: Yampolsky, V.P. et al. *Organy gosudarstvennoy bezopasnosti SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne* [State Security Bodies of the USSR in the Great Patriotic War]. Vol. 5 (2). Moskva: Kuchkovo pole. p. 115.
5. Anon. (2007b) Dokladnaya zapiska UKR "Smersh" 3-go Pribaltiyskogo fronta v GUKR "Smersh" NKO SSSR o bor'be s profashistskimi natsionalisticheskimi formirovaniyami v osvobozhdennykh rayonakh Estonskoy i Latviyskoy SSR. 13 sentyabrya 1944 goda [Staff report of the the SMERSH Counter-Intelligence Agency of the 3rd Baltic Front to the USSR SMERSH Central Administration about on the fight against pro-fascist nationalist formations in the liberated regions of the Estonian and Latvian SSR. September 13, 1944]. In: Yampolsky, V.P. et al. *Organy gosudarstvennoy bezopasnosti SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne* [State Security Bodies of the USSR in the Great Patriotic War]. Vol. 5 (2). Moskva: Kuchkovo pole. p. 315.
6. Dundukov, M.Yu. (2008) *Razvedka v gosudarstvennom mekhanizme SShA* [Intelligence Service in the US government mechanism]. Moscow: Kuchkovo pole.
7. Collection of Exhibited Materials in the History Room of Military Unit 44261.
8. Novikov, V.A. (ed.) (2005) *Novosibirskaya shkola kontrrazvedki* [Novosibirsk School of Counterintelligence]. Moscow: Rus'.
9. The State Archives of the Novosibirsk Region. Fund P-494. List 1.
10. Anon. (n.d.) *Materialy vospominaniy vypusknikov Novosibirskoy mezhkraevoy shkoly NKGB (MGB) SSSR 1945 – 1953 gg.* [Memoirs of graduates of the Novosibirsk inter-regional school of the USSR MGB, 1945–1953.]. Collection of Exhibited Materials in the History Room of Military Unit 44261.

УДК 622.32(09):94(4)
DOI: 10.17223/19988613/66/6

Г.Ю. Колева, Ж.М. Колев

СОВЕТСКИЙ НЕФТЯНОЙ ЭКСПОРТ 1950–1960-х гг. НА ФОНЕ ИЗМЕНЕНИЙ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЭВ

Рассматривается процесс развития советского нефтяного экспорта в 1950–1960-е гг. Отмечается переход от экспорта нефтепродуктов к экспорту сырой нефти. Указывается на значительное влияние стран социалистического блока с нерешенной топливной проблемой на увеличение добычи нефти и расширение вывоза нефти из СССР. Статья опирается на рассекреченные документы отделов внешней торговли и тяжелой промышленности Госплана СССР, материалы Постоянной Комиссии СЭВ по нефтяной и газовой промышленности, Канцелярии СЭВ, впервые вводимых в научный оборот.

Ключевые слова: нефть; нефтепродукты; экспорт; СССР; СЭВ; нефтепроводы.

Нефть в современной цивилизации – уникальное явление. Ей принадлежит ведущее место в мировом топливно-энергетическом балансе. Она выступает самым торгуемым товаром на мировом рынке [1]. Через продукты переработки нефть «внедрилась в наши повседневные дела», стала определять «где мы живем, как мы живем, как мы работаем, как мы путешествуем» [2. С. 21]. Нефть вошла в национальные стратегии государств, в базовую часть мировой политики и власти [Там же. С. 20], определяя «глобальную борьбу за политическое и экономическое превосходство» [Там же. С. 847]. Все это в совокупности актуализирует изучение нефтяной проблематики не только как явления современности, но и в ее историческом движении.

На пути возрастания роли нефти в существующей цивилизации прослеживается и особое место в этом процессе России, которая являлась и является одним из лидеров нефтедобычи и экспорта энергоресурсов [3]. Из объема нефти, добытой в 2019 г. (560,2 млн т) экспорт составил 47,5% [4]. В российском бюджете по обеспечиваемым доходам этот энергоресурс занимает первое место, второе место приходится на нефтепродукты [Там же]. Вывоз «нефти» из России начался еще в дореволюционный период, первоначально как экспорт керосина, затем спектр вывозимых продуктов переработки стал расширяться. В начале советской эпохи нефти определили «почетное место» [5. С. 53]. В 1920-е гг. она, лидируя в структуре советского экспорта, стала важным инструментом внешней политики, обеспечила прорыв экономической и, как следствие, политической блокады. С началом следующего десятилетия «нефть» отошла на третье место, уступив «хлебу» и «лесу». Восстановление позиций началось в 1950-е гг., что обусловливалось не только внутренними процессами в стране, но и глобальными изменениями на мировой арене.

Историография исследуемой проблемы опирается на публикации по государственной политике в нефтяной сфере. Среди них обстоятельные научные труды Е.В. Бодровой, В.В. Калинова и соавт. [6], работы Р.Н. Бахтизина, А.С. Верещагина, М.Ю. Кийко [7], научные публикации по проблемам довоенного советского нефтяного экспорта А.А. Иголкина [8, 9]. Важны исследования по геополитике, изменению ситуации в мировой нефтедобыче, утверждению нефти в качестве важнейшего топливно-энергетического ресурса. Работа А.А. Манукян и К.Н. Козарез [10] представляет картину нефтяного рынка от первой мировой войны до 1960-х гг., раскрывает наступление американских компаний, «захват ими мирового рынка нефти». Аналогичные проблемы, но на более длительном временном промежутке, рассматривал У.Ф. Эндгаль [11. С. 110]. Основополагающим трудом по изучению проблем нефтедобычи в разных проявлениях является монография Д. Ергина [2].

Источниковую базу данного исследования, дополнившую общую картину, составили рассекреченные документы Совета экономической взаимопомощи и Госплана СССР, впервые вводимые авторами в научный оборот. Цель работы состоит в том, чтобы выявить причины роста советского нефтяного экспорта, роль в этом процессе внешнеполитических обстоятельств.

Родившаяся в середине XIX в. фактически одновременно в двух странах – России и США – нефтяная индустрия породила в их лице основных конкурентов в сфере мировой нефтедобычи. Наша страна, обладавшая уже в дореволюционный период существенными запасами высококачественной нефти, расширявшая включение в добычу все новых регионов, внесла весомый вклад и в нефтепереработку. Братья Дубинины, В.Г. Шухов, Д.И. Менделеев, А.А. Летний на протяжении XIX в. раскрывали все новые свойства нефти, создавали условия для широкого ее использования как средства освещения, затем топлива, смазочных масел и т.д. При этом Россия превращалась в значимого экспортера нефтепродуктов [8. С. 88]. В 1913 г. в вывозе лидировал керосин с долей в 46,4%, далее шли смазочные масла – 25,3%, бензин – 16,3 %, мазут – 6,8 %, сырая нефть – 0,05%. Конкурентная борьба компаний Бранобель и Standard Oil во многом обусловила рождение геополитики. Вступив в борьбу за рын-

ки реализации нефтепродуктов, Россия вскоре сама стала ареной притязаний западных держав.

После Гражданской войны и иностранной интервенции позиции России оказались ослабленными, в нефтяной сфере в том числе. Однако План ГОЭЛРО определил нефть базовым экспортным ресурсом в деле «получения валюты» для приобретения «из-за границы необходимого для нас оборудования» [5. С. 50, 53]. «Советская нефтяная промышленность, практически мертвая с 1920 г. по 1923 г., была быстро восстановлена… СССР… вышел на мировой рынок…», – писал Д. Ергин [2. С. 264, 267]. Сохраняя экспортную ориентацию, нефтяная отрасль позволяла получать валютные доходы. Построенные в 1930-е гг. трубопроводы Баку–Батум, Грозный–Туапсе протянулись к черноморским портам, в их начальной и конечной точках расположились перерабатывающие заводы. Большое место отводилось производству бензина, потребление которого на мировом рынке росло. Нефть позволила преодолеть экономическую изоляцию СССР, содействовала укреплению политических позиций. Удельный вес советского нефтяного экспорта стал снижаться, начиная со второй пятилетки (табл. 1). Эта тенденция сохранялась на протяжении 1930–1940-х гг.

Однако главным топливным энергоресурсом мировой экономики в первой половине XX в. оставался уголь. Мировая экономика была угольной. Нефть лишь наращивала свой потенциал (табл. 2).

Таблица 1

Экспорт нефти и нефтепродуктов в 1913–939 гг.

Вид продукции	1913	1928	1930	1932	1933	1934	1935	1937	1939
Твердое топливо, тыс. т	229,1	1 396,4	1 920,4	1 800,0	1 818,0	2 210,7	2 251,2	1 319,7	181,8
Нефть, тыс. т	0,739	248,4	293,6	525,9	525,5	450,5	206,6	68,7	0,244
Нефтепродукты, тыс. т	951,8	753,6	4 419,3	5 591,7	4 404,6	3 856,7	3 161,9	1 860,4	473,9
бензин	152,1	760,3	1 453,5	2 015,5	1 295,9	1 119,9	658,2	415,4	117,2
мазут	64,9	647,5	1 447,9	1 870,1	1 533,8	1 300,8	1 133,6	576,0	201,7
керосин	439,1	204,8	781,1	828,7	570,3	435,5	416,2	243,5	53,9
Зерно	9 181,7	178,1	4 764,3	1 727,4	1 683,9	768,8	1 558,0	1 276,7	277,3
Лесоматериалы	7 488,4	2 979,9	7 363,0	5 686,3	6 284,4	6 486,3	6 774,1	5 105,5	1 723,5

Примечание. Сост. по: [12. С. 45, 59, 67, 94; 13. С. 721].

Таблица 2

Удельный вес основных энергоресурсов в мировом энергетическом балансе в первой половине XX в., %

Год	Уголь	Нефть	Газ	Водная энергия
1913	89,8	5,6	1,8	2,8
1920	83,5	11,6	2,7	2,2
1929	76,3	14,1	4,2	5,4
1937	70,2	17,8	5,7	6,3
1949	59,3	24,2	9,4	7,1
1950	57,8	24,9	10,0	7,3

Примечание. Сост. по: [10. С. 9].

Укрепление значения нефти на мировой арене сопровождалось борьбой за ее ресурсы. Стремление к нефтяному господству явно проявляла Англия. Она продвинулась в Персидский залив, обеспечила себе доступ к нефти Месопотамии, вскоре получившей название «Ирак» [11. С. 78, 80]. Вскоре в борьбу за лидерство вступили американские компании. «Нефтяные войны, – пишет У. Эндгаль, – сотрясающие мир… закончились “перемирием”, результатом стало создание… англо-американского нефтяного картеля “Семь сестер”» [Там же. С. 97]. Раздел рынка нефти на правительственном уровне этих стран дополнился «Соглашением о красной линии». Однако американские компании продолжили проникновение в страны Ближнего и Среднего Востока. В 1928–1935 гг. они получили доступ к нефти Ирака, о. Бахрейн, Саудовской Аравии, Кувейта [2. С. 36–44].

В годы Второй мировой войны, когда Советский союз вынужден был вести борьбу за выживание, США на государственном уровне формировали новую стратегию по отношению к нефти, основными положениями которой были следующие:

1. Нефть – основной стратегический продукт во время войны и определяющий для национальной мощи и международного влияния в мирное время.

2. Необходимы контроль и начало разработки экстерриториальных (зарубежных) нефтяных запасов.

3. Основной район интересов США - Ближний Восток.

4. Нефтяные ресурсы Ближнего Востока должны быть разделены между США и Англией: Англии – персидская нефть; США – нефть Саудовской Аравии; нефть Ирака и Кувейта подлежала совместному владению.

5. Нужно осуществить строительство нефтепроводов в Европу для транспортировки саудовской и кувейтской нефти [Там же. С. 427, 428, 431, 433].

При президенте Г. Трумэне, пришедшем к власти после смерти 12 апреля 1945 г. Ф. Рузвельта, эта концепция нашла новых идеологов, была дополнена, в ней появилась отсылка к Советскому Союзу. Министр военно-морских сил США Дж. Форрестол, озаботившийся «обеспечением безопасности США в послевоенном мире» при «долговременной конфронтации с Советским Союзом», связал «престиж… и влияние Соединенных Штатов» с «богатством нефтяными ресурсами, как зарубежными, так и внутренними». Он считал, что «самые крупные нефтяные резервы США находятся в Персидском заливе» [Там же. С. 439]. Идея Форрестола объединила представление об обладании Соединенными Штатами нефтью на мировой арене с противостоянием США и СССР. Вскоре этот концепт был дополнен «обеспокоенностью» США «послевоенным восстановлением разоренной Европы» [Там же. С. 455]

и отражен в «плане Маршалла». План был представлен в июне 1947 г. Государственным секретарем США Дж. Маршаллом в Гарвард-Ярде, в Кембридже, штат Массачусетс, как широкомасштабная программа иностранной помощи по возрождению и перестройке экономики Западной Европы. В программе были воедино сведены намерения: сдерживания советской мощи; ослабления позиций коммунистов, которых усмотрели, прежде всего, «в горняцких профсоюзах»; преодоления европейского энергетического кризиса; замены угля нефтью; импорта нефти Европой «от американских компаний» при оплате долларами; восстановления статуса доллара в Европе. Глобальными следствиями этого курса стали переход экономики, основанной на угле, к экономике, базирующейся на нефти, выход американских компаний с нефтью на европейский рынок, введение в мировую экономику нефти Ближнего Востока. В 1947 г. от Персидского залива до восточных портов Средиземного моря началось сооружение трансаравийского нефтепровода. Строительство завершилось в 1950 г. Нефтепроводы как вид транспорта нефти стали превращаться в «наиболее эффективное средство борьбы… за повышение конкурентоспособности реализуемой нефти и за захват рынков сбыта», «установление контроля над европейским рынком нефти» [10. С. 89].

Удельный вес нефти в мировом топливно-энергетическом балансе к 1950 г. вырос до 25,4%, ее потребление по сравнению с концом 1920-х гг. увеличилось в 2,5 раза. Экспорт главных энергоресурсов мировой экономики стал кардинально меняться в сторону растущего значения нефти. США являлись крупнейшим нефтедобытчиком в мире с долей почти в 50% [14. Д. 27. Л. 42]. Мировая добыча нефти в 1950 г. составила 524,8 млн т [Там же. 17].

Перед всеми этими вызовами и был поставлен СССР, вышедший победителем из Второй мировой войны, но имевший сложнейшую совокупность экономических и социальных проблем, которые требовалось решать. Среди новых внешнеполитических проблем, вставших перед ним, – необходимость поддержки мирового коммунистического движения, стран, выходивших из колониальной зависимости, союзников по социалистическому блоку. В 1950 г. Советский Союз по нефтедобыче занимал третью позицию в мире после США и Венесуэлы, имея долю в 9,7% [Там же. Л. 12]. Нефть к этому времени уже была поставлена в центр геополитического противостояния. Все эти вызовы СССР не мог не учитывать, как не мог, скорее всего, смириться с третьеразрядной ролью в мировой нефтяной сфере. Американская идея «Нефть – основной стратегический продукт во время войны и определяющий для национальной мощи и международного влияния в мирное время» во многом напоминала высказывание И. Сталина на XIV съезде партии 18 декабря 1925 г. о том, что «одним из основных вопросов для мировых держав является… вопрос о нефти… ибо вопрос о нефти есть жизненный вопрос… от того, у кого больше будет нефти, зависит, кто будет командовать в будущей войне… кто будет командовать мировой промышленностью и торговлей. Нефть… является жизненным нервом борьбы мировых государств за преобладание как во время мира, так и во время войны» [15].

Экспорт нефти в мире в послевоенный период стал активно расти, обогнав по темпам прироста господствовавший длительное время уголь (табл. 3).

Таблица 3

Экспорт нефти и угля в мире в 1929–1950 гг., млн т

Показатель	1929	1937	1950
Нефть	47	70	168
Уголь	137	120	103

Примечание. Сост. по: [10. С. 91].

Возвращение Советского Союза после окончания Второй мировой войны в нефтяную сферу мира происходило в условиях, для него чрезвычайно сложных. За годы Великой Отечественной войны нефтедобыча в стране снизилась с 31 до 19 млн т, основному добывающему району – Азербайджанско-Грозненскому – был нанесен существенный урон. Однако были сохранены кадры отрасли, росли объемы добычи в Урало-Волжском регионе, ресурсная база пополнилась открытием месторождений в девонских отложениях Татарии, и, что немаловажно для последующего развития событий, был приобретен опыт ускорения темпов трубопроводного строительства. Уже к 1950 г. добыча нефти в стране увеличилась к уровню 1945 г. почти в два раза, составив 37 млн т. Стал возрождаться нефтяной экспорт, остававшийся преимущественно экспортом нефтепродуктов, но включивший и сырую нефть.

Данные официальной статистики о начале вывоза в послевоенный период сырой нефти из СССР противоречивы. Так, в одном и том же статистическом сборнике – «Внешняя торговля СССР. 1918–1966 гг.» – содержится разная информация: на с. 80 приведены данные о том, что в 1946–1948 гг. сырая нефть не вывозилась, но далее, на с. 126–127, указывается, что в 1946 г. из Советского Союза в ГДР было вывезено 26,4 тыс. т сырой нефти, в 1947 г. – 37,6 тыс. т [16]. Конечно, в тот период ГДР еще не было. Вывоз был в Восточную Германию, возможно, для нужд советских сил, там размещенных. Это может объяснять двоякую трактовку данных по вывозу нефти в 1946–1947 гг. В последующие два года – 1948, 1949 гг. – вывоз в Германию был прекращен. Он возобновился в 1950 г. в значительно возросшем объеме – 132,6 тыс. т. С 1949 г. начался вывоз сырой нефти в Чехословакию (55,5 тыс. т), с 1950 г. – в Польшу (53, 5 тыс. т). В 1951 г. 198,8 тыс. т нефти было поставлено уже и в Венгрию. С этого же года начались поставки сырой нефти в Италию. Италия стала первой страной капиталистического блока, в которую Советский Союз после Второй мировой войны стал регулярно отправлять нефть. С 1951 по 1955 г. сырая нефть из СССР вывозилась в 5 стран: 4 страны социалистической ориентации – ГДР, ЧССР, ВНР, ПНР, и капиталистическую Италию. В 1956 г. нефть стали экспортировать в Объединенную Арабскую Республику [Там же. С. 80, 126–127]. География экспорта будет расширяться с 1957 г., включая и капиталистические страны.

Новый послевоенный миропорядок поставил СССР перед задачей активного возвращения в нефтяную

сферу. Однако советский нефтяной экспорт возрождался первоначально медленными темпами. «В нефтяной отрасли, – говорил ее министр В.Д. Шашин, – при всей значимости достижений советских нефтяников… показатели… были…более чем скромными» [17. С. 150]. Для успешной конкуренции на мировом рынке нужно было наращивать добычу в стране, совершенствовать технологии, выходить на новые перспективные нефтеносные площади.

В определении причин дальнейшего развития нефтяной промышленности и экспорта нефти нельзя снимать со счетов идею, родившуюся еще в первые годы революционных преобразований. Принадлежала она В.И. Ленину и наиболее ярко высказана в работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться». Сводилась она к формуле: «Догнать передовые страны и перегнать их экономически» [18. С. 198]. Л.Д. Троцкий в книге «Преданная революция», в первой главе «Что достигнуто? Важнейшие показатели промышленного роста», писал: «Формулированный Лениным вопрос: кто кого? есть вопрос о соотношении сил между СССР… и мировым капиталом… Вопрос: кто кого… как экономический стоит перед СССР в мировом масштабе» [19]. Не была чужда эта идея и И.В. Сталину, который 19 ноября 1928 г. в докладе на пленуме ЦК партии «Об индустриализации страны и правом уклоне в ВКП (б)» говорил: «Мы догнали и перегнали передовые капиталистические страны в смысле установления нового политического строя… Это хорошо. Но этого мало. Для… окончательной победы социализма в нашей стране нужно еще догнать и перегнать эти страны также в технико-экономическом отношении» [20]. В период правления Н.С. Хрущева, когда курс на полную и окончательную победу социализма актуализировался, задача «догнать и перегнать западные страны в экономическом отношении» приобрела особую значимость, и она не могла не затрагивать нефть и ее экспорт.

Важным стимулирующим фактором для ускоренного развития нефтедобычи в СССР, расширения советского нефтеэкспорта во многом явилась сложная внешнеполитическая проблема, продиктованная социалистическим блоком Европы. В 1950-е гг. страны Восточной Европы на разного уровня совещаниях, заседаниях, рабочих группах Совета экономической взаимопомощи, созданного в 1949 г., постоянно заявляли о проблеме нехватки топлива, основным ресурсом которого выступал каменный уголь [21. Д. 20. Л. 14]. Нерешенность угольной проблемы приводила к нарастающим противоречиям. Советский Союз не мог в должных количествах поставлять уголь для своих союзников в силу недостаточности его ресурсов, хотя и существенно увеличил его экспорт. Первое место среди социалистических стран по объемам вывозимого из СССР угля занимала ГДР – 2 544,4 тыс. т [22. С. 58–59, 95, 96, 106]. Широко уголь из СССР поставлялся и в страны, не являющиеся участниками социалистического блока [Там же. С. 86, 89, 103, 147]. Проблему нехватки угольного топлива в рамках СЭВ попытались решать через использование угля, добываемого самими странами СЭВ, в частности через поставки из Германии (первое место по добыче) и Чехословакии (третье место). ГДР в середине 1950-х гг. добывала 226,7 тыс. т, Польша – 105,6 тыс. т, Чехословакия – 70,6 тыс. т угля [21. Д. 23. Л. 121]. Однако Германия и Чехословакия ответили отказом, сославшись на внутренние проблемы. Тогда был поставлен вопрос об использовании угля Польши, который был вынесен на заседание СЭВ 18–25 мая 1956 г. [Там же. Л. 18]. Обсуждалась задача увеличения добычи угля в странах – членах СЭВ. Планировалась реконструкция старых и закладка новых шахт в Албании, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше, Румынии, Чехословакии. До выполнения этих намерений основные планы в обеспечении поставок угля увязывались с Польшей, которая выступила с заявлением, «что должна прибегнуть к уменьшению экспорта угля»», пососкльку «не может гарантировать увеличение добычи». В ходе совещания Польша все-таки выразила согласие на увеличение добычи угля при условии «долевого участия стран СЭВ, заинтересованных в поставках угля, в финансировании развития ее угольной промышленности», определив сумму в 1 млрд инвалютных рублей. Участие каждой страны в финансировании должно было определяться долей импорта угля. Указанные средства Польша намерена была получать уже в 1956 г. [Там же. Д. 20. Л. 20–21]. Данный подход к решению угольной проблемы вызвал возражения, а последовавшее обсуждение обозначило существенные противоречия между участниками совещания. Против выступила Болгария. Венгрия предложила взнос по долевому участию осуществлять в виде поставок оборудования и «других товаров». ГДР заявила об отсутствии средств для долевого участия и также предложила направить Польше «необходимое оборудование и другие товары». Решение не было принято. Вопрос отложили [Там же. Д. 26. Л. 21]. Вскоре Польша заявила, что «не согласна на поставки угля» [Там же].

Все чаще в 1950-е гг. страны СЭВ указывали на нехватку дизельных топлив, авто- и авиабензина, керосина, основных смазочных масел, топочного мазута, нефтяного битума [Там же. Д. 27. Л. 24]. Поставки нефтепродуктов странам Восточной Европы из СССР начались на второй год после окончания Второй мировой войны – с 1946 г. С этого же года нефтепродукты стали экспортировать в Китай и Северную Корею, а также в капиталистическую страну Финляндию. В середине 1950-х гг. нефтепродукты вывозились уже в 10 стран социалистического блока: Монголию, Чехословакию, Югославию, Китай, КНДР, Албанию, Болгарию, Венгрию, ГДР, Польшу (из них только 6 были членами СЭВ), и в 9 капиталистических стран: Финляндию, Францию, Швецию, Грецию, Италию, Норвегию, Египет, ФРГ, Исландию [22. С. 89, 93, 96, 103, 120, 124, 132, 139, 147]. В советском экспорте нефтепродуктов в страны Восточной Европы первое место занимало дизельное топливо (44%), второе – автомобильный бензин (39,5%). Эти нефтепродукты закупали практически все страны – члены СЭВ. Авиационный бензин шел в Албанию, Болгарию, Польшу, Венгрию, керосин осветительный – в Болгарию, Венгрию, ГДР, Польшу, Румынию, Чехословакию [21. Д. 23. Л. 149].

В то же время СССР импортировал 3 436,8 тыс. т нефтепродуктов из Румынии [22. С. 85]. Нефтепродукты СССР закупал и в Иране.

Добыча нового энергоресурса для европейской экономики – нефти – в 1956 г. в странах СЭВ (без СССР) составляла 13,6 млн т. Она велась в Албании, Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, Чехословакии. На Румынию из общего объема приходилось 11,2 млн т. Часть стран Восточной Европы импортировала нефть из Австрии: Венгрия – 250 тыс. т, ГДР – 340 тыс. т, Чехословакия – 250 тыс. т [21. Д. 23. Л. 149, 153]. Австрийскую нефть закупал и Советский Союз: в 1955 г. – 467,1 тыс. т, в 1956 г. – 1 376,3 тыс. т [22. С. 37]. СССР импортировал нефть и из Албании в объеме 64,1 тыс. т [Там же. С. 41].

На совещании СЭВ 18–25 мая 1956 г. при остром обсуждении ситуации по обеспечению стран СЭВ углем обозначился вопрос о ввозе в страны СЭВ сырой нефти из СССР. Как уже было сказано, ее поставки союзникам велись с середины 1940-х гг. По данным официальной статистики, Советский Союз в 1956 г. экспортировал нефть в следующие страны Восточной Европы: в Чехословакию – 676,8 тыс. т, Венгрию – 304,7 тыс. т, ГДР – 745,5 тыс. т, Польшу – 489,2 тыс. т [16. С. 52, 59, 75, 95]. В Болгарию нефть завозилась из Албании. Исходя из этого, вопрос стоял не о начале поставок нефти, а об их увеличении. В протоколе VIII заседания СЭВ в Варшаве 18–22 июня 1957 г. записано: «Принять к сведению заявление советской делегации, что Советский Союз принимает меры к выполнению всех рекомендаций Берлинской сессии Совета по поставкам важнейших товаров странам – участникам Совета и считает возможным положительно рассмотреть вопрос о некотором увеличении поставок отдельных видов продукции, по которым имеется дефицит» [21. Д. 25. Л. 11]. В материалах СЭВ наличие поставок нефти из СССР в страны Восточной Европы в предшествующий период не нашло отражения. В числе стран социалистического блока, получавших сырую нефть из СССР, также были Китай (397,3 тыс. т), Югославия – 309, 4 тыс. т [16. С. 106, 124]. Принадлежность инициативы об экспорте нефти из СССР на совещании 18–25 мая 1956 г. в документах оказалась не зафиксирована. Записано: «…ставится вопрос о поставках сырой нефти из СССР» [21. Д. 23. Л. 33]. Табл. 4) показывает существенный рост экспорта нефти из СССР с 1950 г.

Таблица 4

Динамика экспорта нефти, нефтепродуктов, угля, тыс. т

Вид продукции	1913	1928	1938	1950	1955	1956	1957	1958
Уголь	97	563	424	121	4 313	5 673	8 772	9 951
Нефть сырая	0,7	248	168	303	2 906	3 897	5 923	9 093
Нефтепродукты	952	2 534	1 221	778	5 090	6 170	7 757	9 045

Примечание. Сост. по: [23. С. 200–213, 800, 802]

Нефтеэкспорт стал увеличиваться, но проблема дефицита топливных ресурсов внутри СЭВ перешла в своей неразрешенности в 1957 г. Она присутствовала в повестках заседаний СЭВ разного уровня: 25–27 сентября, 24 октября, 1–2 ноября, 13 ноября, 15 ноября, 29 ноября 1957 г. Большая часть этих заседаний проводилась в Москве, что свидетельствовало о сложности и важности решаемых вопросов [21. Д. 27. Л. 84, 87, 90, 96, 97]. В повестке заседания СЭВ 29 ноября 1957 г. отражен вопрос: «Предложение секретариата Совета о порядке согласования планов развития ТЭБ стран участниц СЭВ» [Там же. Л. 101]. Длительный процесс обсуждения привел к согласованию позиций. Был принят документ «Согласованные взаимные товарные поставки между странами – участниками СЭВ на 1957–1960 гг.». Согласно этому документу Венгрия сохраняла намерение ввозить нефть из Австрии, как и ГДР и Чехословакия, но все они проявили большую заинтересованность в поставках нефти из СССР. На 1957–1960 гг., согласно этому документу, ГДР, ЧССР, Венгрия, Польша запланировали получение нефти из СССР [Там же. Д. 23. Л. 153–156].

Вопрос о согласовании объемов поставок нефти из Советского Союза – лишь одна составляющая решаемой проблемы. Вторая, как представляется, более сложная, связана с транспортировкой нефти. Уже в 1956 г. встал вопрос «о сооружении нефтепроводов, организации перевалочных баз и нефтехранилищ» [Там же. Л. 32]. То есть следует полагать, что в условиях нехватки угля, сложной позиции Польши, ГДР, Чехословакии по его поставкам, нарастающих противоречий по вопросам долевого участия в финансировании угольной промышленности Польши, как и в целом кризисных явлений внутри социалистического блока, СССР пошел на то, чтобы начать обсуждать вопрос о новых объемах экспорта нефти из СССР и новых способах ее транспортировки. При этом добыча нефти в 1956 г. составляла в СССР лишь 84 млн т, основной базой являлась Башкирия, подступ к эксплуатации месторождений Татарии еще только обозначился.

Обилие заседаний со строго завуалированным содержанием на протяжении 1957 г., судя по всему, нужно рассматривать как обсуждение именно проблем транспортировки советской нефти. На VIII сессии СЭВ в Варшаве 13–21 августа 1957 г. в повестке заседания рабочей группы «О транспорте» отражена задача «подготовки соображений... по обеспечению международных перевозок на перспективу 10–15 лет». В итоге «было решено обратиться в Секретариат СЭВ для доведения до сведения членов Совещания, председателей госпланов стран – участниц СЭВ вопроса о включении транспорта в число важнейших взаимосвязанных отраслей народного хозяйства», а также «предусмотреть подготовку материалов о перспективных объемах перевозок экспортных и импортных грузов». Важно увидеть в документе то, о перевозке каких грузов шла речь: «…угля… нефти, нефтепродуктов» [24. Д. 27. Л. 46]. К осени 1957 г. вопрос о транспортировке нефти из СССР в Восточную Европу в основном был решен. В мировой нефтяной сфере на повестку выходил еще один нефтепровод – из СССР в страны Восточной Европы, которому дали название «Дружба».

В то время когда шла выработка решений по транспортировке советской нефти в Европу, Советским Союзом обстоятельно анализировалась мировая

ситуация потребления и импорта нефти. Анализ показал: почти весь рост мирового потребления энергии в первой половине XX в. был покрыт увеличением потребления нефти и газа; основным поставщиком нефти в Европу с 1950 г. стал Средний Восток; Средний Восток сосредоточивал 68,8% запасов нефти капиталистических стран, добывал 27,1% нефти, потреблял 2,1%; переработка нефти и потребление нефтепродуктов смещались в Западную Европу; Западная Европа становилась главным импортером нефти; США оставались лидером нефтедобычи (с долей более 40%) и центром мировой нефтепереработки (49,8% мировых мощностей НПЗ и 48,1% производства нефтепродуктов) [14. Д. 27. Л. 5–7, 9]. Отмечалось, что с 1938 по 1958 г. США почти в 10 раз увеличили импорт нефти, но сократили ее экспорт с 9,2 до 0,7 млн т. Данный анализ позволял видеть следующие новые тенденции мировой экономики: увеличение потребности в энергии стран Западной Европы; сокращение потребления каменного угля; рост значения нефти, природного газа; увеличение потребления нефти в Европе при низком уровне добычи этого ресурса на ее территории [Там же. Л. 5–51]. США начали процесс превращения угольной экономики Европы в нефтяную. В рамках реализации плана Маршалла были существенно увеличены мощности нефтеперерабатывающих предприятий Западной Европы. Основная доля этих мощностей оказалась под контролем американского и английского капитала [10. С. 78].

Пока совершенно незамеченным оставалось такое новое явление, проявившееся с середины 1940-х гг., как начало поставок природного газа в Европу из СССР. Советский Союз с 1946 г. приступил и к экспорту нефти на территорию Восточной Европы. В середине 1950-х гг. союзниками по социалистическому блоку СССР был поставлен перед проблемой поставки нефти в увеличенных объемах. По достигнутым договоренностям должна была поставляться краснодарская, саратовская, туймазинская (из Башкирии) нефть при существенном увеличении в 1959–1960 гг. туймазинской (башкирской) и мухановской (из Самарской области). Не нашла отражения в планах нефть Татарии.

11–13 декабря 1958 г. в Праге на заседании СЭВ уже открыто обсуждался вопрос о строительстве «магистральных нефтепроводов» для перекачки нефти из СССР в Венгрию, Германию, Польшу и Чехословакию. Доклад по этому вопросу делал председатель комиссии стран – членов СЭВ по экономическому и научно-техническому сотрудничеству в области нефтяной и газовой промышленности Флореску. Центральное место в докладе занимала проблема сооружения магистрального нефтепровода [21. Д. 29. Л. 5]. В резюмирующей части заседания в Праге было записано: «Учитывая заинтересованность Венгрии, Германии, Чехословакии, Польши в обеспечении транспорта нефти из СССР в больших количествах, СЭВ постановил признать правильными намечаемые направления нефтепроводов от нефтеносных районов Волги до г. Мозырь как общей магистрали для перекачки нефти в Венгрию, ГДР, Польшу, Чехословакию». Далее уточнялось разветвление маршрутов. Первая ветка, от г. Мозырь до г. Шведт, была ориентирована на поставки нефти в Польшу и ГДР (при этом в ГДР нефть должна была пройти через Польшу). Вторая ветка – от Мозыря через Ужгород до Братиславы и до г. Гневице – рассматривалась как магистраль передачи нефти в Венгрию и Чехословакию [Там же. Л. 22]. Вопрос о строительстве нефтепровода ставился в увязке со строительством в странах СЭВ новых мощностей НПЗ. То есть изначально, по складывающейся стратегии сотрудничества, Советский Союз превращался в поставщика сырой нефти при создании базы нефтепереработки в странах СЭВ. Это во многом напоминало линию поведения США на нефтяном рынке Европы, с одной лишь разницей: на своей территории США имели мощнейшую базу нефтепереработки.

Строительство магистрального нефтепровода до Чехословакии планировалось завершить в 1961 г., до Польши и Германии – в 1963 г., участок до Будапешта – в 1964 г. На территории СССР нефтепровод начинался в Урало-Волжской нефтяной провинции и шел до г. Мозырь. Его протяженность по территории СССР должна была составить 3 031 км [14. Д. 42. Л. 16]. Трубы нефтепровода «Дружба–1» планировались под диаметр 1 020 мм. Трубопровод становился самым крупным в мире магистральным нефтепроводом. Сооружение этой транспортной артерии было запланировано от самого богатого по запасам из числа открытых в СССР месторождений – Ромашкинского, расположенного на территории Татарии. Начальной точкой был г. Альметьевск, центр расположения управления «Татнефти». От Альметьевска трубопровод должен был пройти до Куйбышева, далее – до Мозыря, с разветвлением на два направления: северное – до пересечения с границей Польши в районе Бреста, и южное – до пересечения границы Чехословакии в районе Ужгорода. Окончание строительства нефтепровода на территории СССР намечалось на четвертый квартал 1963 г. Было запланировано сооружение 6 НПС. Нефтепровод на территории СССР проектировался, финансировался, строился советской стороной, его продолжение на территории стран Восточной Европы – соответствующей страной. СССР принимал участие в проектировании наиболее сложных участков трубопровода, например переходов через канал Го-Фри-Ва и р. Одер [Там же. Л. 13]. Также Советский Союз разрабатывал Генеральную схему нефтепровода, она должна была осуществить увязку проектов на территориях отдельных стран. СССР дал согласие на оказание технической помощи заинтересованным странам и взял на себя обязательство предоставления специальных строительных механизмов на арендных началах [21. Д. 29. Л. 23]. На приграничные участки нефтепровода на территории СССР были запланированы поставки труб членами СЭВ. Так, для нефтепровода Мозырь–Брест трубы для протяженности 447 км поставлялись из ГДР и ПНР, для участка Мозырь–Ужгород – 775 км – из ВНР и ЧССР. Сооружение нефтепровода было результатом кооперирования усилий стран – членов СЭВ.

Совещания по вопросам строительства стали проводиться регулярно: 11–14 августа 1959 г., 21–26 января 1960 г., 2–6 августа 1960 г., 18–24 апреля 1961 г.,

15–20 ноября 1961 г. [14. Д. 42. Л. 14]. Курировала вопрос Постоянная комиссия по нефтяной и газовой промышленности, созданная в структуре СЭВ в 1957 г. В составе Комиссии была создана специальная постоянная рабочая группа. Обсуждения касались выполнения проектно-изыскательских работ, собственно строительства нефтепровода, поставок оборудования и материалов.

Сооружение нефтепроводной системы «Дружба», согласно документам СЭВ, следует отсчитывать от 23 сентября 1959 г., с начала работ на территории Чехословакии. Советский Союз приступил к процессу строительства в январе 1960 г., ВНР – 1 июня 1961 г. ПНР – в 1960 г. (число и месяц не указываются), ГДР – 25 октября 1961 г. [Там же. Л. 14–27], Болгария в строительстве не участвовала, так как получала в тот период нефть Албании [Там же. Д. 66. Л. 13]. Румыния располагала собственными ресурсами. Ввод участков трубопровода стал осуществляться со значительным опережением запланированных сроков. В конце 1961 г. на территории ЧССР введена в эксплуатацию первая очередь нефтепровода Броды–чехословацко-советская граница–Будковце–Братислава, протяженностью 725 км. В феврале 1962 г. на этом участке приступили к подаче нефти. Венгерский участок трубопровода был введен в эксплуатацию 1 июля 1962 г. Работы на территории ГДР, начатые на самом сложном участке – переход через реку Одер–германо-польская граница–Шведт, завершились в мае 1962 г. Затем приступили к соединению немецкого участка с польским. Работы на нем закончили 15 октября 1963 г. [Там же. Л. 14–27]

Первым с февраля 1962 г. стал эксплуатироваться участок чехословацкого нефтепровода. Однако поставки нефти в Чехословакию временно осуществлялись на станцию нефтепровода в Бродах цистернами, период движения которых от станции налива составлял 7 дней. Возникали сложности: чехословацкая сторона не давала своевременно информацию о периодической остановке станции в Будковцах (территория ЧССР). В связи с этим в Бродах (город на северо-востоке Львовской области) накапливалось до 3 000 цистерн. В сентябре 1962 г. нефть стала подаваться в Венгрию, в конце 1963 г. – в Польшу и ГДР. Практически во всех странах ввод участков нефтепровода был привязан к вводу и расширению мощностей нефтехимических предприятий: в Венгрии нефть пошла на НПЗ «Сень», а также была ориентирована на обеспечение сырьем строящегося нефтехимического завода в деревне Сасхаломбатта [Там же. Д. 48. Л.78], в ПНР – на строящийся завод в г. Плоцк [Там же. Д. 66. Л. 13].

Строительство нефтепровода велось усилиями пяти стран – членов СЭВ, на участке, проходящем по территории той или иной страны, осуществлялось каждой страной самостоятельно [21. Д. 29. Л. 23]. В процессе работ возникло немало проблем. Одна из них – задержка поставок труб на участок ПНР со стороны организаций ГДР. ГДР задерживала поставки труб и для СССР, но ссылалась на несвоевременность поставок стали из СССР. Особенно сказались недопоставки труб Германией на строительство участка Мозырь–Брест. ЧССР поставляла задвижки и обратные клапаны, однако в задвижках были обнаружены дефекты, оборудование потребовалось вернуть. В процессе начавшейся эксплуатации трубопровода стало ясно, что чехословацкая сторона уложила на участке государственная граница–Будковец трубы недостаточной прочности, СССР вынужден был в трех точках ставить специальные напоропонижающие станции. Не везде были введены линии связи. В процессе эксплуатации нефтепровода проявились утечки нефти из нефтепроводов и резервуаров, имелись ошибки в работе с задвижками.

Несомненно, в строительстве нефтепровода СССР взял на себя основную нагрузку [14. Д. 42. Л. 22]. Однако, несмотря на все трудности, 15 октября 1964 г. трубопровод был официально принят в эксплуатацию. 26–28 ноября 1964 г. в Бухаресте на заседании Постоянной Комиссии по нефтяной и газовой промышленности СЭВ были рассмотрены итоги строительства нефтепровода «Дружба», а также предложения по перспективам его дальнейшего использования. Было отмечено, что этот нефтепровод стал самым крупным в мире, его протяженность составила 4 263 км, на нем возведено 8 комплексов нефтеперекачивающих станций. Его пропускная мощность на 1965 г. определялась в 15 млн т нефти. Подчеркивалось, что строительство было осуществлено в короткие сроки. Название, даваемое трубопроводу в документах этого совещания: «трансевропейская нефтепроводная система “Дружба”». Среди приводимых оценок: «имеет важное значение для народного хозяйства стран СЭВ», «создает сырьевую базы для народнохозяйственных процессов», «улучшает топливно-энергетический баланс во всех звеньях промышленного производства, сельского хозяйства, транспорта», «позволяет обеспечить развитие в ГДР, ПНР, ВНР, ЧССР прогрессивных отраслей промышленности, прежде всего химических производств», а также «способствует качественному улучшению ТЭБ социалистических стран» [Там же. Д. 59. Л. 3, 9, 29, 31].

На 1960 г. во всех странах СЭВ по результатам анализа, проведенного Госпланом СССР, основным топливно-энергетическим ресурсом еще по-прежнему являлся уголь. В Болгарии на его долю приходилось 76,1% ТЭР, в Венгрии – 82,1%, в ГДР – 99,4%, в ПНР – 96%, в ЧССР – 92,4% и только в Румынии – 10%. Но уже к 1970 г. было запланировано снижение доли угля в топливно-энергетическом балансе стран СЭВ [25. Д. 334. Т. 2. Л. 71]. При этом Советский Союз во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. многократно нарастил поставки каменного угля в Венгрию, ГДР, Польшу, Чехословакию. Из 17 стран мира, в которые поставлялся уголь из СССР, на первом месте стояла ГДР. С 1955 по 1963 г. вывоз угля в ГДР вырос 2,5 раза. За это же время экспорт угля из СССР в Польшу вырос в 55 раз, в ЧССР – в 53 раза [26. С. 88–89, 102–103].

Реализации запланированного курса по сокращению удельного веса каменного угля в ТЭБ стран Восточной Европы должны были содействовать поставки нефти из СССР, которые стали постоянно увеличиваться, прежде всего по настойчивым требованиям руководства этих стран. Все это ставило перед СССР задачу наращивания добычи нефти. Президиум Совета мини-

стров СССР дал поручение Госплану СССР, Комитету по топливной промышленности в его составе представить к 1 июля 1963 г. план мероприятий по развитию нефтяной промышленности СССР. Определялся период с 1963 по 1970 г. [27. Д. 147. Л. 339]. Отсчет от 1963 г. обусловливался тем, что в этом году была введена основная часть нефтепровода «Дружба».

С конца 1950-х гг. СССР вышел на второе место в мире по добыче нефти после США, обогнав Венесуэлу. Потребление топливно-энергетических ресурсов существенно возросло и внутри страны. Госплан СССР спрогнозировал дальнейшее снижение в топливе доли угля (на 20%), рост удельного веса нефти (с 30 до 41%) и природного газа (с 7,9% до 22,4%) [Там же. Д. 150. Л. 20–21]. Однако, как отмечалось, расчеты наличного уровня добычи нефти не покрывали внутренние потребности страны и особенно потребности в экспорте нефти [Там же. Л. 21]. Беспокойство вызывала необходимость поставок нефти в Италию и Кубу, с оговоркой в одном из документов Госплана, что «по-видимому, значительную часть этих требований придется удовлетворить» [Там же. Л. 25]. Куба пережила революцию, встала на путь социалистического строительства, ее отношения с США кардинально изменились, а оставшиеся НПЗ, ориентированные в предшествующий период на поставку нефти из США, нуждались в сырье. Италия получала советскую нефть с 1951 г, стремилась расширить ее импорт. СССР, по данным официальной статистики, поставил в Италию в 1956 г. 219,2 тыс. т сырой нефти [16. С. 72]. Наряду с Италией поставки сырой нефти из СССР осуществлялись во Францию (262,0 тыс. т) и Египет (295,4 тыс. т) [Там же. С. 93, 149].

На стадии завершения строительства нефтепровода «Дружба» интерес стран – членов СЭВ к получению советской нефти, если судить по документам Госплана СССР, все возрастал. Росла и активность давления на руководство СССР по увеличению запрашиваемых объемов. Среди выдвигаемых аргументов воздействия на руководство СССР самыми распространенными были: «положение с сырьем остается очень напряженным», «имеется недостаток валюты», «невозможность закупать сырье в капиталистических странах» [24. Д. 377. Л. 51]. В немалой степени и поэтому планы по наращиванию добычи нефти в стране стали меняться в сторону повышения показателей. В 1970 г. планировалось добывать 350–390 млн т, экспорт должен был составить 50 млн т нефти, 37 млн т нефтепродуктов. При этом, согласно документу ВСНХ СССР от 12 ноября 1963 г. за № 2092, в соцстраны намечалось отправлять 58,7% от общего объема нефтяного экспорта, западным странам – 40,6% [27. Д. 233. Л. 118]. Совет министров СССР 22 декабря 1962 г. дал поручение Институту геологии и разработки горючих ископаемых подготовить доклад «О направлениях использования нефтетоплива в СССР» [24. Д. 696. Л. 205–287].

Представленный под грифом «Секретно» доклад показал динамику прироста добычи углеводородного сырья в СССР (табл. 5).

Так же были выявлены базовые тенденции в топливно-энергетическом балансе страны:

1. С 1954 по 1963 г. советская экономика от угля, преобладавшего в 1934–1953 гг., перешла на нефть и газ.
2. Нефть и газ отличала более высокая теплотворность, более низкая себестоимость добычи.
3. После 1956 г. добыча нефти выросла в СССР на 136 млн т, газа – на 81 млрд куб. м.
4. Наметилось сокращение отставания СССР от США по объемам добычи нефти и газа и по их годовым приростам.
5. Разведанные ресурсы нефти после окончания войны увеличились в 10 раз.
6. По выявленным запасам нефти на первое место вышла Волго-Уральская нефтяная провинция, по прогнозным – Западная Сибирь, которая могла обеспечить добычу в 150–200 млн т.

Делался общий вывод: «СССР располагает крупнейшими в мире предпосылками для развития нефтяной и газовой промышленности». Прогноз Института геологии и разработки горючих ископаемых был достаточно оптимистичным, опирался на выявленные запасы Волго-Уральской нефтяной провинции и прогнозные запасы Западной Сибири [24. Д. 696. Л. 201–293].

Таблица 5

Приросты добычи углеводородных ресурсов в СССР в 1920-1960-е гг.

Годы	Нефть, млн т	Природный газ, млрд куб. м	Уголь, млн т
1921–1930	1,46	0,27	3,8
1931–1940	1,26	0,25	11,8
1941–1950	0,67	0,37	9,5
1951–1953	5,0	8,8	19,7
1954–1960	14,7	8,8	21,7
1961–1963	20,0	15,0	9,0

Примечание. Сост. по: [Там же. Л. 214].

Немаловажно и то, что в докладе большое внимание было уделено сравнению показателей СССР и США по объемам и темпам прироста добычи нефти и газа, производства продукции нефтехимии и нефтепереработки. Указывалось, что протяженность трубопроводного транспорта в США составляла 199 тыс. км, в СССР – 25,5 тыс. км, в том числе нефтепроводный транспорт США достиг 113 тыс. км, тогда как в СССР только 19,9 тыс. км [22. Д. 697. Л. 102, 104]. Эти моменты в докладе как бы намечали направления дальнейших действий.

Несмотря на то, что вышеприведенная информация носила закрытый характер, страны – члены СЭВ, как показывают документы начала 1960-х гг., достаточно согласованно проводили политику наступления на советское руководство по вопросам отказа от угольного топлива, с заявлениями об увеличении поставок нефти и начале экспорта газа. Так, Венгрия в плановые документы от 1963 г., рассчитанные на период до 1980 г., включила увеличение импорта нефти до 11,0 млн т. Было запланировано также ежегодное получение в 1960–1970-х гг. 200 куб. м природного газа из СССР. При обращениях к советскому руководству Венгрия, судя по всему для усиления давления, использовала такие аргументы: «сырье в странах СЭВ является дефицитным»; «мы должны будем обеспечить его из несоциалистических стран» [24. Д. 384. Л. 20, 182, 184].

Очень активную позицию по вопросу получения все новых дополнительных объемов «помощи», в том числе и нефтью, заняла Чехословакия. В декабре 1961 г. СССР в соответствии с распоряжением Совета министров СССР депонировал (т.е. передал) ЧССР 10 т золота, в рублевом эквиваленте – 10 млн руб. [24. Д. 378. Л. 177]. В следующем году чехословацкая сторона обратилась с просьбой об отсрочке оплаты кредита, о вышеназванном кредите шла речь или о каком-то ином – неясно. При этом чехословацкая сторона указывала, что не имеет возможности поставить машиностроительное оборудование в СССР. При этом просила сохранить советские поставки продовольствия, сырья, хлопка, газовых углей, нефти в объеме 8 млн т, каменного угля – 5,9 млн т, природного газа – 1 млрд куб. м [Там же. Л. 177–178]. 20 ноября 1962 г. советская делегация во главе с С.М. Тихомировым была приглашена на прием в ЦК КПЧ, к А. Новотному. На встрече советскую сторону информировали «об ухудшении расчетов с капиталистическими странами, сокращении объемов торговли, трудностях, возникших в связи с прекращением торговли с Китаем, отсутствии возможности закупать сырье в капиталистических странах при отсутствии валюты» [Там же. Д. 377. Л. 37, 43, 59]. 19 декабря 1962 г. чрезвычайный и полномочный посол ЧССР в СССР Рихард Дворжак посетил Госплан СССР. Были переданы два письма от Председателя Госплана ЧССР А. Индры. В них выражалась просьба о замене 200 тыс. т угля (плановые поставки 1963 г. из СССР в Чехословакию) другим видом топлива. Высказывалось пожелание «проверить возможность увеличения объемов поставок сырой нефти» [Там же. Л. 62, 70]. Указывалось, что к 1970 г. ЧССР требовалось 10 млн т нефти. В Госплане СССР по первому вопросу о поставках угля была наложена резолюция – «Поставка донецких углей», по вопросу о нефти – «Отложить». То есть Советский Союз старался отодвинуть решение проблемы по дополнительным поставкам нефти, требуемым союзниками. Все это могло свидетельствовать, что СССР не был уверен в достаточной ресурсной базе нефти, поэтому вопрос о поставках сырой нефти в ЧССР откладывался. После этого президент ЧССР, первый секретарь ЦК КПЧ А. Новотный в январе 1963 г. вновь обратился в Госплан СССР с просьбой по поставкам сырья из СССР – зерна, черных металлов, тонколистной стали, крупносортной стали. Особое место в письмах занимали топливно-энергетические ресурсы: уголь, нефть, нефтепродукты [Там же. Д. 378. Л. 178–181]. На не устроивший ответ из Госплана, подписанный В. Новиковым, чехословацкая сторона 17 июня 1963 г. адресовала новые послания в ЦК КПСС. Речь по-прежнему шла об увеличении поставок сырья – природного газа, сырой нефти, зерна. ЦК КПСС запросил от Госплана СССР предложения [Там же. Д. 377. Л. 59–62].

Длительное хождение обращений по разным инстанциям постепенно набирало сторонников положительного решения вопроса. А. Косыгин, П. Ломако, Т. Ясечко, Н. Патоличев, Б. Мирошниченко, И. Архипов поддержали просьбу о поставках угля, нефти, газа, электричества в ЧССР, только по зерну и хлебу было принято решение отказать. Ответ на имя А. Новотного подписал Н.С. Хрущев. Было дано согласие на отложенную оплату по кредиту, на увеличение поставок нефти и угля, начало экспорта природного газа [Там же. Д. 378. Л. 182, 194, 199–200].

Не менее активно действовала ГДР. Вопрос о поставках советской нефти ГДР ставила постоянно. В ответ на обращение в мае 1961 г. ЦК КПСС в сентябре 1961 г. направил в ГДР делегацию в составе 15 человек. Перед делегацией ставилась задача проведения консультаций по основным направлениям развития народного хозяйства и экономических связей с ГДР до 1980 г. После этого визита немецкая сторона представила в феврале 1962 г. материалы, содержавшие «предварительные проектировки по развитию экономики ГДР до 1980 г.». Из этого документа ясно, что в него вносились изменения. Они были связаны с рекомендациями советской стороны. Суть рекомендаций – «ориентироваться на более полное использование внутренних ресурсов ГДР, в частности для расширения сырьевой базы ГДР» [Там же. Д. 377. Л. 171]. Но это-то как раз и не устраивало немецкую сторону. Советская делегация по итогам визита в ГДР отмечала, что самой сложной проблемой, выявившейся в процессе консультаций, стала проблема поставок угля и нефти из СССР. Немецкая сторона не собиралась ориентироваться на собственные ресурсы, как это предлагалось советской стороной. Обсуждения продолжились в мае 1962 г., октябре 1962 г. В начале 1963 г. на заседание ЦК КПСС была приглашена группа представителей Госплана СССР, до этого находившаяся с визитом в ГДР. Обсуждался вопрос о поставках в ГДР «важнейших товаров», среди которых особое место занимали топливно-энергетические ресурсы, им было уделено особое внимание в силу «тяжелого положения». Работники Госплана сообщили на заседании ЦК КПСС с участием Н.С. Хрущева, что «ГДР обратилась с просьбой… изучения возможностей покрытия дефицита топливно-энергетических ресурсов». Было доложено, что перед отъездом из ГДР «советская делегация была приглашена к руководителю ГДР В. Ульбрихту». Встреча продолжалась 5 часов. Сообщалось, что на встрече согласовывался вопрос «помощи по расширению в ГДР геологоразведочных работ и организации добычи нефти и газа». То есть советская сторона на протяжении 1961–1963 гг. упорно проводила идеи по развитию в ГДР ее собственной ресурсной базы и выражала готовность оказания помощи в этом. Но ГДР выдвигала аргументы, показывающие ее трудное положение, в том числе указывала, что правительство ФРГ «усилило деятельность по изоляции ГДР», угрожало мерами по отношению к странам, которые будут торговать с ГДР или участвовать в Лейпцигской ярмарке [Там же. Д. 378. Л. 47, 48, 49]. Несомненно, центральным вопросом в беседе советской делегации с В. Ульбрихтом был вопрос о поставках нефти. Это доказывает содержание письма заместителя председателя Госплана СССР Н. Тихонова от 9 августа 1963 г. за № 552с в ЦК КПСС на имя Н.С. Хрущева. До этого имело место письмо В. Ульбрихта от 21 июня 1963 г. Н. Тихонов писал Н.С. Хрущеву, что «Госплан считает

возможным полностью удовлетворить просьбу ГДР о поставках нефти [24. Д. 378. Л. 164]. Но требуемые объемы все возрастали. 21 июня 1963 г. немецкая сторона обратилась с письмом на имя Н.С. Хрущева. В нем излагалась просьба о поставках нефти из СССР в ГДР в объеме 13,3 млн т [Там же. Д. 379. Л. 107]. Следует обратить внимание и на то, что по предоставленным в 1962 г. Советским Союзом кредитам ГДР находилась на третьем месте после КНР и ПНР, их объем равнялся 13% от суммы кредитов социалистическим странам [Там же. Д. 411. Л. 157].

С 15 по 19 июля 1963 г. в Москве состоялись переговоры между делегациями Госпланов ГДР и СССР по вопросам дальнейшего развития экономического сотрудничества на период до 1970 г. Немецкая сторона вновь выдвинула просьбу об увеличении объемов нефти (речь шла о дополнительных поставках). Она заявила, что намерена снизить собственную добычу, просила увеличить поставки нефти с 6,15 до 13,3 млн т. То есть то, о чем, казалось бы, договорилась советская делегация на многочасовой встрече с В. Ульбрихтом по организации добычи нефти в ГДР, не устроило ГДР. Советская сторона в лице руководителя делегации председателя Госплана СССР П.Ф. Ломако сообщила о том, что «удовлетворить такой объем не представляется возможным». СССР соглашался на увеличение поставок с 6 млн т в 1966 г. до 7,5 млн т в 1970 г. Однако немецкая сторона не приняла это предложение и продолжала заявлять об имеющемся в ГДР дефиците сырья [Там же. Д. 378. Л. 267–268]. Вскоре ГДР выставила цифру потребности в советской нефти в 14 млн т, но просьба была отклонена. В мае 1963 г. немецкая сторона потребность в нефти определяла уже в 18 млн т, обосновывая это тем, что такой объем был необходим для получения определенных объемов бензина, масел. В ответ на это советская сторона представила рекомендации «по совершенствованию процесса переработки нефти, осуществления ее более глубокой переработки». На что немецкая сторона ответила, что для более глубокого расщепления нефти нужно будет осуществить «капитальные затраты, связанные с высоким потреблением стали, прежде всего за счет импорта из капиталистических стран». После всей этой аргументации следовала настойчивая просьба (скорее, требование) об увеличении поставок нефти из СССР. В выставленных аргументах указывалось на то, что «пропускная способность портов в ГДР используется незначительно» и «глубокое расщепление нефти не находит применениях в других странах» [Там же. Л. 305–308]. Все это сводилось к одному и тому же: «нужно увеличить количество нефти в год, поставляемой на комбинат г. Шведт, ввоз нефти должен вырасти». Под таким прессингом советская сторона дала согласие увеличить поставки нефти в ГДР, правда, только на 0,8 млн т, в общем объеме – 7,5 млн т [22. Д. 378. Л. 309].

Руководство СССР не было наивным. Причины такого поведения ГДР анализировались. В сентябре 1963 г. Госплан СССР провел анализ состояния химической промышленности ГДР. Он показал, что эта отрасль являлась одной из ведущих отраслей промышленности в стране, занимающей второе место в мире [24. Д. 334. Т. 2. Л. 21]. Производилась продукция широкого спектра: химикаты, минеральные удобрения, красители, фармацевтическая продукция, пластмассы, синтетический каучук, искусственные волокна, товары народного потребления – лаки, красители, моющие средства, косметика. По отдельным видам производимой продукции ГДР превосходила ФРГ. Продукция нефтехимии широко экспортировалась. В середине 1960-х гг. ГДР планировала ввод ряда новых нефтехимических предприятий: в г. Шведт на р. Одер – на 2 млн т перерабатываемой нефти (апрель 1964 г.); в г. Губен; расширение мощностей завода в г. Лютцкендорф [Там же. Л. 30]. В «Справке о некоторых основных вопросах экономического развития ГДР» от 1963 г., направленной Госпланом СССР в Совет министров СССР, отмечалось, что ГДР получала уголь из СССР, но указывалось, что «поставки должны быть снижены». В то же время обращалось внимание, что в ГДР «темпы роста промышленного производства самые низкие в социалистическом лагере». Приводилось сравнение с Польшей и ЧССР, где темпы роста промышленного производства составляли соответственно 10,8 и 10,6%, тогда как в ГДР – 6,4%. Это ставило проблему дальнейшего обеспечения экономики ГДР ТЭР для повышения темпов экономического развития.

Таким образом, сырье выступало важнейшим элементом всех деловых встреч, переговоров советской стороны со странами народной демократии [Там же. Д. 377. Л. 607]. Среди методов воздействия на СССР широко использовался метод настойчивого давления. В целом страны СЭВ, такие как Болгария, Венгрия, Германия, Польша, Румыния и Чехословакия, постоянно выдвигали перед советским руководством проблему «существования напряженности с удовлетворением потребностей в ТЭР». Госплан СССР вынужден был вносить коррективы в планируемые объемы экспорта нефти: 1970 г. – 67–99 млн т, 1980 г. – 131–206 млн т. [Там же. Д. 334. Т. 2. Л. 76]. В аргументации требований стран СЭВ с одной проблемой соединяли несколько: нет сырья, нет валюты, хотим, но не можем торговать с капиталистическими странами. Складывалась ситуация, когда страны так называемой «народной демократии» встали на путь упорного подталкивания СССР к функции поставщика сырья для их экономик, и нефть занимала в этих видах сырья ведущее место. Проблемы поставок нефти и их увеличения ставились не только в связи с обсуждением стратегических задач – планов долговременного экономического развития, но и для решения текущих проблем через записки, обращения. Получая такие обращения, Советский Союз зачастую стремился отодвинуть проблему, найти иные пути ее решения, но следовала бомбардировка обращениями, стремление выйти на уровень высшего руководства страны.

С 1955 по 1960 г. экспорт нефти в социалистические страны вырос в 3 раза, с 1959 г. проявилось преобладание сырой нефти над экспортом нефтепродуктов. Страны Восточной Европы явились мощным стимулятором наращивания в СССР добычи нефти и ее экспорта.

В то же время нельзя не отметить, что в целом вторая половина 1950-х гг. стала временем существенного расширения советского нефтяного экспорта. Советский Союз с 1957 г. стал поставлять нефть в Финляндию и ФРГ, с 1958 г. – в Австрию, Монголию, Марокко, Уругвай, Японию, с 1959 г. – в Бразилию, Грецию, с 1960 г. – на Кубу. Постоянным был вывоз нефти в страны долларовой зоны – Италию, Францию, из социалистических стран с неустоявшимся статусом в СЭВ – в Югославию, и в страны – члены СЭВ – Польшу, Чехословакию, Венгрию, ГДР. До 1960 г. нефть вывозилась в Китай. Очень высокими темпами росли поставки нефти в такие страны, как ФРГ (с 1957 по 1963 г. увеличение в 43 раза), Япония (с 1958 по 1963 г. рост поставок в 184 раза), Австрия (с 1958 по 1963 г. увеличение с 0,1 тыс. т. до 482,0 тыс. т) [26. С. 102–103]. В Венгрию экспорт нефти вырос в 7,4 раза, в ГДР – в 4,6 раза. Поставки в соцстраны отличались большими объемами. В планы расширения советского нефтяного экспорта входило строительство в 1966–1970 гг. нефтепровода Иркутск–Находка с целью увеличения экспорта нефти в Японию, КНДР, КНР [24. Д. 412. Л. 67–70]. Первоначальная протяженность нефтепровода должна была составить 3 960 км, определяемая сумма капиталовложений – 315 млн руб. В последующем с увеличением планируемой протяженности до 10 812 км сумма затрат определялась в 1 036 млн руб. [22. Д. 412. Л. 68–69]. В эту систему нефтепроводов включались бы и нефтепроводы от месторождений Тюменской области: Шаим–Омск, Мегион–Красноярск. Но японская сторона стала затягивать рассмотрение вопроса о сооружении нефтепровода и в последующем отказалась от этого проекта. В целом за период с 1956 по 1961 г. от экспортных операций СССР был получен доход в сумме 6,1 млрд руб. [Там же. Д. 411. Л. 11].

Албания, поставлявшая нефть в ряд социалистических стран, в частности в Болгарию, выступала с предложением о строительства нефтепровода с ее территории [21. Д. 28. Л. 9]. Этот вопрос она ставила с 1958 г. Однако ситуация стала складываться так, что Албанию не устраивало отношение к этой проблеме. На X заседании Комиссии по нефтяной и газовой промышленности в Бухаресте 15–20 октября 1961 г. была зачитана телеграмма об отказе делегации НРА участвовать в работе Комиссии [14. Д. 34. Л. 4]. Вскоре эта страна прекратила свое членство в СЭВ.

Представляет интерес вопрос о ценах на продукцию в торговых операциях стран – членов СЭВ. Цены за нефть, как и в целом цены на товары внешней торговли членов СЭВ, обсуждались коллегиально, в частности 26–30 июня 1958 г. на IX заседании СЭВ в Бухаресте. Решался вопрос «Об установлении цен во внешней торговле между социалистическими странами». Основными принципами были определены: стабильность цен, взаимовыгодность, единство цен при равных условиях на равные товары. Было принято решение исходить из цен, сложившихся в торговле между социалистическими странами на протяжении ряда лет, при этом указывалось – «на базе мировых цен». Однако было намечено провести работы по совершенствованию цен. Цены были установлены на короткий период – до 1960 г., как «ныне действующие договорные цены». Указывалось, что в дальнейшем цены будут устанавливаться на срок действия долгосрочных торговых соглашений. Далее (секретно) приводилась «Методика определения мировых цен». В нее включался учет цен мирового товарного рынка, который «в географическом и экономическом отношении тяготел к странам социалистического лагеря». Подчеркивалось, что «цена должна определяться посредством сравнения с ценой подобных изделий на мировом товарном рынке» [Там же. Д. 28. Л. 8, 14–29]. Вопрос о ценах во внешней торговле стран СЭВ рассматривался на X заседании ИК СЭВ 17–21 декабря 1963 г. в Бухаресте, где был осуществлен обмен мнениями по срокам корректировки действующих контрактных цен на товары в торговле между странами СЭВ. Ряд стран – ГДР, ПНР, РНР, СССР, ЧССР – согласились внести коррективы в действующие контрактные цены с 1 января 1965 г., однако представители трех стран – НРБ, ВНР, МНР – высказались за ввод новых цен с 1 января 1966 г. Принятое решение гласило: «Принять в качестве базы для корректировки действующих контрактных цен средние мировые цены за 1960–1964 гг., исчисленные в соответствии с принципами и методикой определения мировых цен». До этого действовали цены, учитывающие мировые цены 1957–1961 гг. [21. Д. 66. Л. 17]. В то же время в конце заседания было отмечено, что вопрос о контрактных ценах выносится в повестку следующего заседания [Там же. Л. 285], судя по всему, из-за неполной согласованности позиций. 2–3 декабря 1964 г. на XV Внеочередном заседании Исполнительного Комитета СЭВ вновь обсуждался вопрос о контрактных ценах. Было принято решение, что сохраняются ранее достигнутые договоренности в действии контрактных цен. Рекомендовалось «продолжить работу по конкретизации отдельных вопросов установления цен во внешней торговле социалистических стран» в 1966–1970 гг. [Там же. Д. 71. Л. 226]. Таким образом, вопрос по ценовой политике во внешней торговле стран СЭВ постоянно обсуждался. Мировые цены на нефть в тот период, до 1974 г., были очень низкими. Цена на советскую нефть определялась как среднемировая за последние ряд лет.

Экспорт нефти и нефтепродуктов из СССР продолжал увеличиваться как в абсолютных показателях, так и по своему удельному весу в советском экспорте (табл. 6). Этому содействовало дальнейшее развитие трубопроводной сети.

Таблица 6

Вывоз сырой нефти и нефтепродуктов из СССР в 1955–1963 гг.

Показатель	1946	1955	1958	1960	1963
Нефть, сырая, тыс. т	26, 4	2 916,1	9 032,2	1 7485,1	3 0242,9
Уд. вес в экспорте, %	0,1	1,8	3,7	4,1	5,9
Нефтепродукты, тыс. т	20,7	5 089,8	9 045,3	17 829,7	21 139,1
Уд. вес в экспорте, %	3,5	4,8	6,0	7,3	6,6

Примечание. Сост. по: [21. С. 26–27, 73, 102–105].

Сразу после завершения строительства нефтепровода встал вопрос об увеличении его пропускной способности. На XVIII заседании Постоянной Комиссии СЭВ по нефтяной и газовой промышленности 29 января – 2 февраля 1965 г. этот вопрос был увязан с увеличением объемов поставки нефти. Представители СССР заявили, что обсуждение нужно отложить до 1967–1968 гг. Несмотря на позицию Советского Союза, в итоговом документе было записано: в 1966 г. на Бюро ИК СЭВ «представить и обсудить предложения потребностей стран СЭВ в топливе и энергии на 1966–1970 гг.» [21. Д. 73. Л. 11, 12, 62].

В условиях роста потребностей в нефтяных ресурсах требовалось наращивать объемы добычи. СССР в отличие от США должен был опираться на свои внутренние ресурсы. На уровне высших органов управления СССР рассматривались наиболее перспективные регионы добычи: Урало-Волжский регион, Казахская ССР, Западная Сибирь. Отношение к Западной Сибири менялось достаточно сложно [27. Д. 147, Л. 82–83, 333–342; Д. 148. Л. 67–144, 144–150]. Активность руководства Тюменской области, и прежде всего первого секретаря промышленного обкома партии А.К. Протозанова, очень соответствовавшая запросам времени, постепенно давала свои плоды. Число сторонников развертывания добычи в Западной Сибири стало расти: в Госплане СССР, Совете министров СССР, в ЦК партии [Там же. Д. 148. Д. 151–173]. Проект постановления Совета министров СССР, подготовленный в Тюмени в начале 1963 г. под названием «По вопросу об организации и развитию нефтегазодобывающей промышленности в Тюменской области и дальнейшему расширению геологоразведочных работа на нефть и газ» [Там же. Д. 184–189], 4 декабря 1963 г. был подписан Н.С. Хрущевым как постановление «Об организации подготовительных работ по промышленному освоению нефтяных и газовых месторождений и о дальнейшем развитии геологоразведочных работ в Тюменской области» [Там же. Д. 150. Л. 113–130]. Весной 1964 г. в Тюменской области началась пробная эксплуатация нефтяных месторождений, в декабре 1965 г. – их промышленная эксплуатация, а в 1966 г. приступили к промышленной добыче газа [28. С. 65–67, 69, 73, 75, 84–87].

Благодаря этому региону темпы нефтегазодобычи в СССР значительно возросли (табл. 7). В 1974 г. СССР вышел на первую позицию в мире по добыче нефти. Западная Сибирь внесла в это достижение решающий вклад и позволила успешно решать вопросы не только нефтяного, но и газового экспорта (табл. 8).

Таблица 7

Добыча нефти в СССР и Западной Сибири в 1964–1990 гг.

Территория	1964	1966	1970	1977	1980	1985	1988	1989	1990
СССР, млн т	224,0	265,0	352,6	546,0	603,2	582,9	624,3	624,0	552,5
Западная Сибирь, млн т	0,208	2,8	28,5	211,8	313,7	365,8	409,0	387,9	367,9
Удельный вес, %	0,09	1,05	8,08	38,6	52,0	61,4	65,6	62,1	66,5

Примечание. Сост. по: [29. С. 46].

Таблица 8

Экспорт нефти из СССР в 1960–1990 гг.

Показатели	1960	1965	1970	1980	1985	1988	1989	1990
Нефть сырая, млн т	17,0	43,4	66,8	119	117	144	127,3	108,5
Удельный вес,%	11,4	17,8	18,9	19,7	19,7	32,1	20,3	19,6

Примечание. Сост. по: [Там же. С. 44].

Таким образом, после Второй мировой войны значение нефти в судьбе человечества существенно возросло, что обусловливалось проявившейся ролью нефти в ведении войны, обеспечении функционирования военных технологий, а также включением нефти в государственную стратегию США, в том числе и для реализации целей обеспечения превосходства над СССР. Устремление США в Европу оказалось связано с завоеванием нефтяного европейского рынка через сооружение трансаравийского нефтепровода с Ближнего Востока. Советский Союз, получивший союзников из числа стран Европы, освобожденных от фашизма, был поставлен перед сложными социально-экономическими проблемами этих стран, которые требовалось решать. Одной из острейших проблем была топливная, а основным видом топлива был уголь. Американцы нефтью Ближнего Востока перевели часть стран Европы на нефтяное топливо. Однако и Советский Союз уже с 1946 г. начал поставки нефти странам Восточной Европы. В этот же период были сделаны первые шаги по развитию советского газового экспорта. Однако значительный период времени СССР затягивал решение задачи расширения поставок углеводородов союзникам. Сохранявшийся дефицит топливных ресурсов, первоначально проявлявшийся в нехватке угля, подогревал противоречия внутри социалистического блока.

Сложности функционирования блока явно обозначились к середине 1950-х гг., что повлияло на принятие Советским Союзом решения об увеличении вывоза нефти в страны СЭВ, поставило задачу сооружения магистрального нефтепровода из СССР в страны Европы. Члены СЭВ изначально стали связывать поставки нефти из СССР с развитием в своих странах нефтеперерабатывающих мощностей. Сырьевые ресурсы СССР, и прежде всего углеводороды – нефть, уголь, газ, вызывали существенный интерес наших союзников. Уже на стадии строительства нефтепровода «Дружба» Советский Союз оказался под мощным прессингом таких членов СЭВ, как ПНР, ЧССР, ГДР, ВНР, очень заинтересованных в увеличении объемов поставок нефти. Не исключая влияния на расширение экспорта нефти внутренних стратегических установок, геополитических устремлений Советского Союза, основной причиной роста советского нефтяного экспорта следует назвать острую топливную проблему стран социалистического блока. Недостаточная ресурсная база угле-

водородов в СССР в 1950-е гг., ограниченные объемы добычи нефти в стране заставляли предпринимать усилия по выходу в новые перспективные регионы. Начало добычи нефти, а вскоре и газа, в Западной Сибири закрепило позиции СССР в мировой нефтедобыче, содействовало решению проблемы экспорта углеводородов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нефть. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Нефть (дата обращения: 12.02.2020).
2. Ергин Д. Добыча : всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть : пер. с англ. М. : Альпина Паблишер, 2011. 944 с.
3. Список стран по экспорту нефти. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD_%D0%BF%D0%BE_%D1%8D%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D1%83_%D0%BD%D0%B5%D1%84%D1%82%D0%B (дата обращения: 12.02.2020).
4. Добыча нефти в России в 2019 г. URL: https://tass.ru/ekonomika/7458697 (дата обращения: 12.02.2020).
5. План Электрификации РСФСР : введение к докладу 8-му съезду советов Государственной комиссии по электрификации России. М. : Гостехиздат, 1920. 122 с.
6. Бодрова Е.В., Калинов В.В., Филатова М.Н., Гусарова М.Н., Сергеев С.В. Государственная политика в нефтегазовой сфере в контексте российской модернизации. М. : МАОРИ, 2014. 813 с.
7. Бахтизина Р.Н., Верещагина А.С., Кийко М.Ю. «Нефтяной фактор» в российской государственной политике. Дореволюционный и советский периоды. Уфа : Нефтегазовое дело, 2007. 176 с.
8. Иголкин А.А. Нефтяной фактор во внешнеэкономических связях России за последние 100 лет // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. № 1. С. 87–93.
9. Иголкин А.А. Советский нефтяной экспорт в годы предвоенных пятилеток // Нефтяное хозяйство. 2006. № 9. С. 139–141.
10. Манукян А.А., Козарез К.Н. Капиталистический рынок нефти. 2-е изд., стереотип. М. : ЛЕНАНД, 2017. 160 с.
11. Эндгаль У.Ф. Англо-американская нефтяная политика и Новый Мировой Порядок. 3-е изд., пересмотр. М. : Селадо, 2014. 428 с.
12. Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. : стат. обзор. М. : Внешторгиздат, 1960. 1135 с.
13. Статистический справочник СССР за 1928 г. М. : Статиздат ЦСУ СССР, 1929. 958 с.
14. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 561 (Совет экономической взаимопомощи. Секретариат. Отдел нефтяной и газовой промышленности). Оп. 12.
15. XIV съезд ВКП(б). Политический отчет ЦК партии. URL: http://www.magister.msk.ru/library/stalin/7-1.htm (дата обращения: 25.03.2020).
16. Внешняя торговля СССР. 1918–1966 гг. : стат. обзор. М. : Междунар. отношения, 1967. 242 с.
17. Гайказов М.Н. Валентин Дмитриевич Шашин – блистательный стратег нефтяной промышленности. М. : Нефть и газ, 2006. 400 с.
18. Ленин В.И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1969. Т. 34. С. 151–199.
19. Троцкий Л.Д. Преданная революция. URL: https://www.marxists.org/russkij/trotsky/1936/betrayed/1.html (дата обращения: 05.04.2020).
20. Сталин И.В. Об индустриализации страны и правом уклоне в ВКП(б) : доклад на пленуме ЦК партии // Собрание сочинений. Т. XI. URL: https://stalinism.ru/sobranie-sochineniy/tom-xii/gruppa-buharina-i-pravyiy-uklon-v-nashey-partii.html (дата обращения: 05.04.2020).
21. РГАЭ. Ф. 561 (СЭВ. Канцелярия). Оп. 1 с.
22. Внешняя торговля СССР за 1956 г. : стат. обзор. М. : Внешторгиздат, 1958. 155 с.
23. Народное хозяйство СССР в 1958 г. : стат. ежегодник. М. : Гос. стат. изд-во, 1959. 960 с.
24. РГАЭ. Ф. 561 (СЭВ. Канцелярия). Оп. 10.
25. РГАЭ. Ф. 4372 сч. (Госплан СССР. Отдел внешней торговли). Оп. 81 с.
26. Внешняя торговля Союза ССР в 1959–1963 гг. : стат. обзор. М. : Внешторгиздат, 1965. 482 с.
27. РГАЭ. Ф. 4372 оц. (Госплан СССР. Отдел народнохозяйственных планов по тяжелой промышленности). Оп. 65.
28. Колева Г.Ю. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекса: история становления. : в 2 ч. Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2005. Ч. 1. 112 с.
29. Колева Г.Ю. «Тюмень» в энергетической политике СССР // Тюменская область: историческая ретроспектива, реалии настоящего и контуры будущего : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. (Тюмень–Тобольск, 20–21 сент. 2019 г.). / отв. ред. Л.Л. Мехрешвили. Тюмень : ТИУ, 2019. С. 40–48.

Galina Yu. Koleva, Industrial University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: gukoleva@gmail.com
Jacko M. Kolev, Industrial University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: jackkolev@gmail.com

SOVIET OIL EXPORTS IN THE 1950S AND 1960S ALONGSIDE THE CHANGES IN THE INTERNATIONAL ARENA AND COMECON ACTIVITIES

Keywords: oil, petroleum products, export, USSR, COMECON, oil pipelines.

The article is devoted to problems of development of the Soviet oil export in 1950-1960s. The declassified documents of the USSR State Planning Committee (GOSPLAN), its Department of Foreign Trade and Department of Heavy industry as well as the materials of COMECON, primarily the materials of Chancellery and of the COMECON Standing Commission on oil and gas industry are widely used in the article. Almost all archival documents used in the article are introduced into scientific circulation for the first time. The purpose of the article is to identify the reasons for the resumption of oil exports from the USSR, changes in the export structure, manifested in the transition from the export of petroleum products to the export of crude oil. According to the studied documents, the significant influence of the socialist bloc countries with an unresolved fuel problem on the increase in oil production and the expansion of oil export from the USSR can be traced. Among the methods of scientific analysis, the historical-comparative method is used. This method is used to compare the behavior patterns on the world stage in the period under review of the USSR and the United States, which have embarked on the path of expanding their presence in the European market, as well as started the construction of large international pipeline systems. The response to the construction of the TRANS-Arabian oil pipeline from the Middle East was the construction of the Druzhba oil pipeline. Among the methods used by the authors there is the problem-chronological method, which allowed us to consider the problems in the historical development, as well as the historical-genetic method associated with the identification of the causality of the phenomena under consideration. When determining the reasons for the formation of Soviet oil exports to Europe in the post-war period, the connection is traced with the need to solve the fuel and energy problem of the “people’s democracy” countries. The shortage of fuel resources, initially manifested in the lack of coal, generated contradictions within the socialist bloc. The difficulties of functioning of the block were clearly marked by the mid-1950s. The authors conclude that this influenced the decision to increase the export of oil to the COMECON countries, and set the task of constructing a main oil pipeline from the USSR to Europe. COMECON members initially began to link the supply of oil from the USSR with the development of oil refineries in their countries. The raw materials of the USSR, and above all hydrocarbons - oil, coal, and gas - aroused significant interest of our allies. Already at the stage of construction of the Druzhba oil pipeline, the Soviet Union was under strong pressure from such COMECON members as the PNR, Czechoslovak, GDR,

and VNR, who were very interested in increasing oil supplies. The authors do not exclude the influence of domestic strategic settings on the expansion of oil exports, as well as the geopolitical aspirations of the Soviet Union. The beginning of oil and soon gas production in Western Siberia helped to solve the problem of exporting hydrocarbons.

REFERENCES

1. Wikipedia.ru. (n.d.) *Neft'* [Oil]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Neft' (Accessed: 12th February 2020).
2. Yergin, D. (2011) *Dobycha: vsemirnaya istoriya bor'by za neft', den'gi i vlast'* [The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power]. Translated from English by I. Yakushkina. Moscow: Al'pina Pablisher.
3. Wikipedia.ru. (n.d.) *Spisok stran po eksportu nefti* [List of oil exporting countries]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD_%D0%BF%D0%BE_%D1%8D%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D1%83_%D0%BD%D0%B5%D1%84%D1%82%D0%B (Accessed: 12th February 2020).
4. Wikipedia.ru. (n.d.) *Dobycha nefti v Rossii v 2019 g.* [Oil production in Russia in 2019]. [Online] Available from: https://tass.ru/ekonomika/7458697 (Accessed: 12th February 2020).
5. USSR. (1920) *Plan Elektrifikatsii RSFSR: vvedenie k dokladu 8-mu s"ezdu sovetov Gosudarstvennoy komissii po elektrifikatsii Rossii* [Plan for the RSFSR electrification: an introduction to the report of the 8th Congress of the Councils of the State Commission for the Electrification of Russia]. Moscow: Gostekhizdat.
6. Bodrova, E.V., Kalinov, V.V., Filatova, M.N., Gusarova, M.N. & Sergeev, S.V. (2014) *Gosudarstvennaya politika v neftegazovoy sfere v kontekste rossiyskoy modernizatsii* [State policy in the oil and gas sector in the context of Russian modernization]. Moscow: MAORI.
7. Bakhtizina, R.N., Vereshchagina, A.S. & Kiyko, M.Yu. (2007) *"Neftyanoy factor" v rossiyskoy gosudarstvennoy politike. Dorevolyutsionnyy i sovetskiy periody* [The "oil factor" in Russian state policy. Pre-revolutionary and Soviet periods]. Ufa: Neftegazovoe delo.
8. Igolkin, A.A. (2008) Neftyanoy faktor vo vneshneekonomicheskikh svyazyakh Rossii za poslednie 100 let [The oil factor in Russia's foreign economic relations over the past 100 years]. *Ekonomicheskiy vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta – Economic Herald of Rostov State University*. 1. pp. 87–93.
9. Igolkin, A.A. (2006) Sovetskiy neftyanoy eksport v gody predvoennykh pyatiletok [Soviet oil exports during the pre-war five-year plans]. *Neftyanoe khozyaystvo*. 9. pp. 139–141.
10. Manukyan, A.A. & Kozarez, K.N. (2017) *Kapitalisticheskiy rynok nefti* [Capitalist Oil Market]. 2nd ed. Moscow: LENAND.
11. Endgal, W.F. (2014) *Stoletie voyny. Anglo-amerikanskaya neftyanaya politika i Novyy Mirovoy Poryadok* [A Century of War: Anglo-American Oil Politics and the New World Order]. 3rd ed. Translated from English. Moscow: Selado.
12. Chistov, A.D. et al. (1960) *Vneshnyaya torgovlya SSSR za 1918–1940 gg.* [Foreign Trade of the USSR for 1918–1940]. Moscow: Vneshtorgizdat.
13. The USSR Central Statistic Office. (1929) *Statisticheskiy spravochnik SSSR za 1928 g.* [The USSR Statistical Reference Book for 1928]. Moscow: Statizdat.
14. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 561. List 12.
15. USSR. (n.d.) *XIV s"ezd VKP(b). Politicheskiy otchet TsK partii* [The 14th Congress of the CPSU (b). Political report of the Central Committee of the Party]. [Online] Available from: http://www.magister.msk.ru/library/stalin/7-1.htm (Accessed: 25th March 2020).
16. Kaufmn, M.Ya. (1967) *Vneshnyaya torgovlya SSSR. 1918–1966 gg.* [Foreign Trade of the USSR. 1918–1966]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
17. Gaykazov, M.N. (2006) *Valentin Dmitrievich Shashin – blistatel'nyy strateg neftyanoy promyshlennosti* [Valentin Dmitrievich Shashin – a brilliant strategist of the oil industry]. Moscow: Neft' i gaz.
18. Lenin, V.I. (1969) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 34. Moscow: Politizdat. pp. 151–199.
19. Trotsky, L.D. (n.d.) *Predannaya revolyutsiya* [A Betrayed Revolution]. [Online] Available from: https://www.marxists.org/russkij/trotsky/1936/betrayed/1.html (Accessed: 5th April 2020).
20. Stalin, I.V. (n.d.) Sobranie sochineniy [Collected Works]. Vol. 11. [Online] Available from: https://stalinism.ru/sobranie-sochineniy/tom-xii/gruppa-buharina-i-pravyiy-uklon-v-nashey-partii.html (Accessed: 5th April 2020).
21. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 561. List 1 s.
22. USSR. (1958) *Vneshnyaya torgovlya SSSR za 1956 g.* [Foreign trade of the USSR for 1956]. Moscow: Vneshtorgizdat.
23. USSR. (1959) *Narodnoe khozyaystvo SSSR v 1958 g.* [The national economy of the USSR in 1958]. Moscow: Gos. stat. izd-vo.
24. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 561. List 10.
25. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 4372 sch. List 81 s.
26. USSR. (1965) *Vneshnyaya torgovlya Soyuza SSR v 1959–1963 gg.* [Foreign trade of the USSR in 1959–1963]. Moscow: Vneshtorgizdat.
27. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 4372 ots. List 65.
28. Koleva, G.Yu. (2005) *Zapadno-Sibirskiy neftegazovyy kompleksa: istoriya stanovleniya* [West Siberian Oil and Gas Complex: The History of Formation]. Vol. 1. Tyumen: Tyumen State Oil and Gas University.
29. Koleva, G.Yu. (2019) "Tyumen'" v energeticheskoy politike SSSR ["Tyumen" in the energy policy of the USSR]. In: Mekhreshvili, L.L. (ed.) *Tyumenskaya oblast': istoricheskaya retrospektiva, realii nastoyashchego i kontury budushchego* [Tyumen Region: Historical Retrospective, Present Realities and Future Outlines]. Tyumen: Tyumen Industrial University. pp. 40–48.

УДК 94(477.74+478.9+73)“1921-1923”
DOI: 10.17223/19988613/66/7

А.П. Тригуб, Л.А. Вовчук

ПРОТЯГИВАЯ РУКУ ПОМОЩИ… АМЕРИКАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ ПОМОЩЬ НАСЕЛЕНИЮ ТИРАСПОЛЬСКОГО УЕЗДА (1922–1923 гг.)

Раскрывается малоизвестная страница американской помощи голодающему населению Тираспольского уезда во время голода 1921–1923 гг. Основное внимание обращено на деятельность Американской организации помощи (АРА) и Еврейского объединенного распределительного комитета «Джойнт». Обе организации, работая в тандеме, развернули свою работу в мае 1922 г. Работа АРА продолжалась до 15 июня 1923 г., когда свою миссию организация объявила завершенной.
Ключевые слова: голод 1921–1923 гг.; Тираспольский уезд; АРА; Джойнт; помощь голодающим.

Несмотря на кажущуюся полную изученность проблемы голода 1921–1923 гг. на территории СССР, означенная проблема содержит множество белых пятен и малоисследованных нюансов. В их числе региональный аспект и его составляющие: оценка деятельности органов власти и их взаимодействие; статистико-демографический аспект на микроуровне (губерния – уезд – волость – населенный пункт); деятельность международных филантропических организаций и т.д. Именно последний вопрос, благодаря доступности множества ранее не использованных документов, привлек наше внимание на региональном уровне.

Необходимо отметить, что на территории СССР в период голода 1921–1923 гг. действовало множество международных благотворительных организаций, представлявших все континенты. Они действовали как самостоятельно, так и через более значимых партнеров. Реализацию их гуманитарной миссии мы наблюдаем и в Тираспольском уезде, где преимущественно были представлены две американские филантропические организации: Американская организация помощи (АРА – *American Relief Administration*) и Еврейский объединенный распределительный комитет «Джойнт».

Серьезное внимание деятельности американских филантропических организаций в СССР периода голода 1921–1923 гг., и прежде всего АРА, историки стали уделять в послевоенный период. Среди первых работ регионального характера необходимо отметить диссертацию И.Л. Портного [1], где имеются отдельные вкрапления, посвященные приднестровскому региону. Всеукраинский разрез международной помощи показан в диссертационном исследовании О.Н. Мовчан [2]. Обобщающий материал о международной помощи Южной Украине представлен в работах современного историка Т.О. Михайловского [3–5]. В то же время деятельность американских организаций в узкорегиональном разрезе Тираспольского уезда фактически не раскрыта в литературе, поскольку существующее разнообразие работ посвящено преимущественно различным регионам РСФСР и УССР.

Исходя из вышесказанного, в центре нашего исследования находятся деятельность, взаимодействие с органами власти, объемы помощи и конфликтные ситуации американских гуманитарных организаций АРА и «Джойнт» в пределах Тираспольского уезда Одесской губернии.

Недород, который охватил в 1921–1922 гг. значительные территории южных районов страны, отразился и на Тираспольском уезде, где с одной засеянной десятины разных хлебов и картофеля было собрано в среднем около 6 пудов с десятины. При этом посевная площадь 1921 г. в Тираспольском уезде сократилась на 40%. Это значительно повлияло и на животноводство – к весне 1922 г., сравнительно с весной 1921 г., в уезде количество голов скота уменьшилось: рабочих лошадей – на 53%, коров – на 34%, овец – на 34%, свиней – на 39%, что привело к увеличению количества хозяйств, лишенных рабочего скота, на 30% и бескоровных хозяйств – на 24% [6. Л. 24–30].

Для борьбы с голодом постановлением ВУЦИК от 29 июня 1921 г. была создана Комиссия помощи населению, пострадавшему от неурожая, которая 29 июля того же года была преобразована в Центральную комиссию помощи голодающим при ВУЦИК – ЦК Помгол. 18 августа 1921 г. Политбюро ЦК КП(б)У утвердило решение об организации всеукраинской и губернских комитетов помгол при исполкомах [5. С. 66]. В свою очередь, на протяжении июля–августа 1922 г. на местах стали создаваться комиссии помощи голодающим.

Тираспольская уездная комиссия помощи голодающим (помгол) была организована 22 сентября 1921 г., но ее состав окончательно был сформирован лишь 13 октября [7. Л. 23]. 8 апреля 1922 г. Тираспольская уездная комиссия была реорганизована в составе президиума из 3 человек: председателя уездного исполкома (Крупко, позже – Стрижак), ответственного секретаря (Якушика) и управляющего делами (Тулубьева). В пленум входили представители партийного комитета, земельного и финансового отделов, отделов народного образования и по охране здоровья, представители воинских частей, отдела управления, продовольственный комиссар и др. [8. Л. 55].

Первоочередной задачей комиссии во второй половине 1921 г. был сбор пожертвований (продуктов, де-

нег, вещей) для оказания помощи голодающим Поволжья и других губерний РСФСР. Таким образом, перед комиссией вопрос помощи Приднестровью, несмотря на тревожные прогнозы, не стоял.

18 января 1922 г. на заседании Президиума Тираспольского уездного исполкома (уисполкома) был заслушан доклад по обследованию неурожайных волостей уезда. В результате обследования 16 волостей и отдельных сел пришли к выводу, что около 15% населения питается исключительно суррогатами и 5% совершенно голодает, не имея абсолютно никаких источников для своего прокормления из своего хозяйства или утвари и возможности заработать на стороне за своим полным физическим истощением. Далее следовал неутешительный вывод: «Положение в отношении последних самое катастрофическое» [7. Л. 7].

В отчете Тираспольской уездной комиссии помгол от 13 января 1922 г. указывалось, что ежедневно поступают телеграммы из уезда о смертных случаях на почве голода с просьбой об оказании немедленной помощи голодающим на местах [Там же. Л. 11]. При этом Тираспольский уезд продолжал собирать ценности и продукты для отправки в голодающие районы РСФСР. Несмотря на тревожные телеграммы в Центр, уезд не объявлялся «голодающим». 14 января 1922 г. Тираспольский уисполком направил очередную телеграмму в Одессу: «Вследствие поступающих ежедневно заявлений об оказании помощи голодающим и участившихся случаев смерти на почве голода Тираспольская уездная комиссия помгола вторично просит подтвердить объявление Тираспольского уезда ГОЛОДАЮЩИМ, а также разрешить оказывать помощь голодающим на средства Укомпомгола». В ответ на документ была наложена резолюция: «До получения точных сведений о нуждающихся уезда, подтвержденных цифровыми данными, Комиссия [помощи голодающим] никакой помощи оказать не может» [Там же. Л. 12]. Понятно, что собрать цифровой материал быстрыми темпами не было возможности (это подтверждает и следующая записка Тираспольского уисполкома [Там же. Л. 13], где указывалось, что материал возможно отправить не ранее конца января – начала февраля), далее решение необходимо было согласовать с Харьковом и Москвой, что лишь оттягивало время и катастрофическими темпами увеличивало количество умирающих от голода.

Тяжелое положение подтверждали и сводки ВУЧК, отправляемые в Москву. Так, если 22 января 1922 г. Одесская ЧК сообщала о том, что «в Тираспольском уезде крестьяне голодают», то уже в сводке от 12 февраля указывалось, что «в Тираспольском уезде голодают 40% населения» [9. С. 563, 572]. В конце января 1922 г. в уезде насчитывалось уже 72 518 голодающих [7. Л. 5]. В дальнейшем на протяжении февраля–апреля 1922 г. эта цифра была занижена и колебалась от 14 до 50 тыс. чел., что, по нашему мнению, было связано с делением голодающих на три категории по уровню обеспеченности питанием. К 1 мая 1922 г. официальные данные по Тираспольскому уезду достигали 57 262 чел. (30 575 детей и 26 687 взрослых) [10. Л. 107].

Наиболее голодающими были признаны 14 волостей, среди которых тяжелое положение наблюдалось в Слободзейской, Коротнянской, Розальевской, Парканской и Тираспольской волостях, а также в Дубоссарах. В Слободзейской, Коротнянской и Розальевской волостях население питалось суррогатами из макухи и желудей, в результате чего были зафиксированы множественные случаи голодной смерти и значительное увеличение заболеваемости в связи с недоеданием, которое охватило 50% населения [Там же. Л. 14].

Получить разрешение на использование продовольствия, предназначенного для Поволжья, удалось лишь в феврале. К 1 марта 1922 г. уездной комиссии помгола на территории уезда удалось открыть только 6 столовых для питания голодающих [11. Л. 22]. В результате сводка от 14 апреля 1922 г. отмечала, что «число голодающих с каждым днем увеличивается. Наблюдаются смертные случаи от голода… Свирепствует сыпной тиф» [Там же. Л. 35].

В конце марта – начале апреля 1922 г. к растущему голоду добавилось новое испытание. В результате паводка Приднестровье пострадало от наводнения, которое причинило значительные убытки, затопив населенные пункты по Днестру, разрушив дома и мосты, уничтожив живой и мертвый инвентарь. Население затопленных мест срочным порядком было эвакуировано на время до падения уровня воды, начавшегося лишь в апреле [Там же. Л. 80, 82]. Тираспольский уезд требовал значительной и немедленной помощи, которую центральные органы власти и помгол предоставить не могли.

В апреле–мае 1922 г. в украинских губерниях начала разворачивать свою деятельность Американская администрация помощи (АРА), которая действовала в тандеме с Джойнтом (согласно договору 1921 г. о сотрудничестве двух организаций).

Все голодающие регионы американцы поделили на «дистрикты» (англ. *district* – округ, район). Они не совпадали с административно-территориальным делением, и их выбор объяснялся факторами наличия железных дорог, рек и расположением складов [12. С. 107]. Тираспольский уезд вошел в Одесский дистрикт, во главе которого стоял Уполномоченный АРА по Одесскому району.

В связи с отсутствием лошадей решено было для облегчения раздачи и для ускорения питания детей территорию Одесского уезда и южную часть Тираспольского уезда разбить на 7 районов детского питания АРА, причем в центре каждого из них устроить базисный склад таким образом, чтобы каждому селу не было слишком затруднительно и обременительно ездить за получением продуктов. Считаясь, однако, с возможностями доставки продуктов на базисные склады, центры были избраны по возможности близко к какой-либо железнодорожной станции или морскому пункту.

Тираспольский уезд был разделен между тремя районами: Тираспольский район (№ 6, центр в г. Тирасполь, станция Тирасполь) охватывал Тирасполь и Григориопольскую, Слободзейскую, Малаештскую, Парканскую, Ново-Петровскую, Дубоссарскую воло-

сти. Цебриковский район (№ 7, центр в с. Цебриково, станция Веселый Кут) охватывал Цебриковскую, Катаржинскую, Петроверовскую и Захарьевскую волости. Розальевская волость входила в Зельцский район АРА № 2 с центром в с. Зельц Одесского уезда, станция Кучурган [13. Л. 40-42].

В каждый такой центр для обслуживания всего района и проведения плана детского питания АРА пригласили от 6 до 10 сотрудников, в число которых входили инспектор района, ведающий контролем всего дела, управляющий районом, отвечающий за снабжение всего района, заведующий базисным складом и его помощник и контролеры.

В помощь сотрудникам в каждом отдельном районе организовывались районные комитеты, функции которых заключались в предоставлении возможности связи с отдельными питательными пунктами, охране складов, выгрузке продуктов на станции назначения. Кроме того, были созданы местные комитеты, которые приглашали персонал кухонь совместно с кем-либо из сотрудников АРА для получения продуктов из базисного склада и для дежурств на кухнях. Районные комитеты были организованы не везде [14. Л. 27–28].

В организации комитетов при этом наблюдались определенные перекосы, вызывавшие недовольство Тираспольского уисполкома. Так, в письме председателя упомгола Стрижака в Одессу от 9 августа 1922 г. отмечалось, что комитеты отказывались сотрудничать с местными помголами, «резко выделяя свою работу и подчас даже демонстративно подчеркивая, что мы, мол, АРА и ничего общего с вами иметь не желаем». Все это негативно сказывалось на авторитете местной власти, с которой комитеты АРА не желали сотрудничать, связываясь напрямую с Одессой [15. Л. 83].

Несмотря ни на что, в Тираспольском уезде АРА развернула свою работу в мае 1922 г. (в Одессе АРА начала организационные работы в конце января 1922 г.). Приехавший в Тирасполь представитель организации создал общественный комитет из 24 членов по организации бесплатного детского питания. Комитет поделил город на участки, начал производить запись на питание и обследование нуждающихся голодающих [10. Л. 119].

Основным принципом АРА при проведении питания детей было включение всех наиболее голодающих детей без какого-либо различия от 0 до 14 лет 11 месяцев. Согласно правилам, установленным АРА, пищу в столовых могли получать дети, прошедшие медицинское обследование (там, где это было возможно) и признанные голодающими [16. Л. 404 об.]. Каждый ребенок, прикрепленный к столовой АРА, должен был иметь специальную входную карточку с персональным номером, на которой делались специальные отметки о посещении столовой. Также по каждому пункту составлялись поименные списки.

Горячий обед выдавался в строго определенное время. Порция должна была быть съедена в столовой, нести ее домой не разрешалось. Всего на одного ребенка приходилось пищи энергетической ценностью около 5 000 калорий в неделю, или около 700 калорий в сутки. Этого было недостаточно, так как для нормального развития детского организма было необходимо 1 500–1 700 калорий в сутки. Однако на практике это было чаще всего единственным питанием детей [12. С. 108]. Норма выдаваемых продуктов детям (в граммах) была следующей: какао – 4, сахар – 16, молоко – 36, мука – 100, бобы – 20, рис – 34, жиры – 8–57, кукурузная крупа – 54 [16. Л. 404 об.].

В течении мая–июня 1922 г. в уезде начала быстро формироваться сеть столовых и питательных пунктов. В Тираспольском районе столовые располагались в населенных пунктах: Тирасполь (2), Павловка, Коротное, Слободзея (молдавская), Плоское, Григориополь, Чобручи, Малаешты I, Незавертайловка, Слободзея (русская), Глинное, Парканы, Гроссулово, Суклея и Ново-Суклея, Дубоссары и Карагаш. Все 17 столовых АРА были открыты в период 26 мая – 13 июля 1922 г. На обеспечении АРА находились закрытые учреждения: школа-коммуна, детгородок, два еврейских детдома, детплощадка, дом ребенка, два дома призрения, трудовая колония красных инвалидов и две больницы в Тирасполе, детдома (Павловка, Григориополь, Ново-Петровке, Слободзее, Плоском), интернат в Дубоссарах, больницы в Слободзее, Малаешты I, Гроссулово, Дубоссарах.

В Цебриковском районе столовые располагались в населенных пунктах: Макаровка, Цебриково, Катаржино, Армашевка, Брашевановка, Бердиково, Петроверовка, Горьево, Цезарево. Все 9 столовых АРА были открыты в период 22 мая – 9 июня 1922 г. На обеспечении АРА находились закрытые учреждения: детдома в Катаржино, Роскошном, Петроверовке, Кошарах и Ширяеве, больницы в Захарьевке, Петроверовке, Ширяеве, Цебриково и Горьеве [13. Л. 42].

Розальевскую волость Тираспольского уезда, входившая в Зельцский район АРА (№ 2), обслуживали 4 столовые в Розальевке, Марьяновке (закрыта в конце 1922 г.), Степановке и Шацах. Все они были открыты в период 19–26 мая 1922 г. и обеспечивали питанием 630 детей. Кроме этого, с 1 июля 1922 г. АРА обеспечивала питанием 5 человек из больницы в Раздельной [Там же. Л. 40–41].

Наивысший пик питания организацией АРА в Тираспольском уезде попадает на июль 1922 г., когда в 76 столовых питались 26 215 детей (в это же время упомгол кормил 2 551 детей в 34 столовых). При этом динамика аровского питания в течении мая–июля 1922 г. выглядела следующим образом: май – 15 столовых (5 892 детей), июнь – 65 (24 286), июль – 76 (26 215) [8. Л. 39]. По другим данным пик попадает на июнь, когда в 81 столовой получали обеды 32 787 детей, а также было распределено 10 тысяч сухих пайков для взрослых голодающих [8. Л. 39]. Фактически большую часть детей к 15 июля 1922 г. обеспечивала именно АРА, поскольку к этому времени в уезде голодало 81 713 чел., из которых 42 429 взрослых и 39 284 детей [Там же. Л. 52].

В области питания взрослых работа АРА развернулась лишь с последних чисел июля, причем объектом снабжения АРА явились безработные и прочие категории нуждающегося населения (по удостоверению домовых комитетов и после врачебного освидетельство-

вания). Норма выдачи взрослому населению равнялась одному фунту маиса в день (эпизодическая помощь) [16. Л. 404]. В голодающих уездах норма пайка взрослого населения заключалась в 30 фунтах зерном или 22,5 фунтах кукурузной муки на семью в 5 человек в месяц [1. С. 136]. АРА объявила, что выдача сухих пайков «предназначается для беднейшего населения» [Там же. С. 137].

К концу августа 1922 г. практически все столовые АРА по Тираспольскому уезду были закрыты [17. Л. 15 об.]. Но это решение было поспешным. К сожалению, сбор урожая 1922 г. был недостаточным, и уже в августе Тираспольский уисполком в своем приказе № 130 от 18 августа отметил, что урожай «далеко не достиг той цифры, которая обеспечивала бы население продовольствием до нового урожая» [8. Л. 41]. В результате советская власть, несмотря на декларативные заявления о преодолении голода и начале борьбы с его последствиями (Комиссии помгол с 1 ноября 1922 г. были ликвидированы и заменены на Комиссии по ликвидации последствий голода – Последгол), сохраняла заинтересованность в продолжении сотрудничества с международными гуманитарными организациями.

Уже в начале сентября 1922 г. в политсводке по Тираспольскому уезду отмечалось, что «ввиду предстоящего возобновления питания детей в течении двух месяцев Комитет АРА произвел разверстку 8 150 месячных рационов. Разверстка произведена пропорционально числу фактически голодающих детей и будущих матерей в период беременности 6–9 месяцев, причем в первую очередь поставлены дети – круглые сироты» [17. Л. 18 об.]. К концу сентября начался отпуск продуктов интернатам города и уезда, производился текущий ремонт в столовых детского питания [Там же. Л. 26 об.].

В октябре 1922 г. столовые АРА снова начали свою работу. К концу ноября 1922 г. в Тирасполе и уезде действовало 16 столовых на 1 913 детей: 2 столовых в Тирасполе (на 361 детей), а также в населенных пунктах Дубоссары (298), Григориополь (200), Парканы (102), Суклея (101), Малаешты I (100), Плоское (59), Павловка (75), Гроссулово (157), Слободзеи (2 столовых на 200 детей), Чобручи (60), Глинное (70), Коротное (70), Незавертайловка (60) [18. Л. 10]. До начала февраля 1923 г. сеть столовых и питпунктов не менялась, в динамике было лишь количество питающихся, которое увеличилось до более чем 3 000 чел. [16. Л. 458 об.]. Так, только по 6-му и 7-му районам АРА, куда входило большинство волостей Тираспольского уезда (без Розальевской волости, входившей во 2-й район), в декабре 1922 г. была предоставлена помощь: 23 кухни на 3 209 детей, выдано 146 персональных обедов, обеспечено 17 интернатов на 891 ребенка, обслужено 10 больниц со 196 пациентами, оказана помощь 3 инвалидным домам на 58 инвалидов, всего предоставлено 4 500 рационов [13. Л. 13–14, 25]. В это же время в Розальевской волости работало 4 столовых на 630 детей и обслуживалась больница на 5 чел. [13. Л. 40–41].

Если сравнивать с другими организациями помощи, то Миссия Нансена в это же время (ноябрь 1922 г.) имела лишь пять столовых (2 в Тирасполе, в Дубоссарах, Гроссулове и Григориополе), где питались 950 детей, а Миссия Красного Креста – лишь 2 столовых в Тирасполе на 650 детей [18. Л. 10 об.]. Другие организации в уезде столовые не содержали.

В дальнейшем количество столовых АРА постоянно увеличивалось, поскольку уже в октябре количество голодающих по уезду достигало 42 278 чел. (22 147 детей и 20 131 взрослых) [8. Л. 25]. Кроме того, в ноябре 1922 г. Тираспольский упоследгол запросил у АРА мешки из-под продуктов для пошива одежды воспитанникам интернатов и детских домов [8. Л. 18]. Только в первые две недели января 1923 г. АРА выдала детским интернатам 95 одеял и 50 мешков для подшивки одеял [19. Л. 5].

С конца февраля и по 14 марта 1923 г. АРА открыла 5 новых столовых на 825 едоков: Ближний хутор (250 едоков), Красногорка (150), Богуславка (125), Гребеники (200), Мещанка (100). Увеличено питание: в Тирасполе на 250 детей, Гроссулове – 250, Суклее – 250, Карагаше – 75, Малаешты I – 150, Григориополе – 150, Дубосарах – 150, Парканах – 100, Слободзее – 100, Павловке – 75, всего на 1 175 детей. В результате на середину марта 1923 г. АРА питала 7 000 детей по бывшему Тираспольскому уезду.

Кроме этого, 10 марта прибыл вагон с грузом АРА в количестве 393 пуда (продукты и обувь), в результате 780 пар обуви были распределены Комитетом АРА беднейшим детям, кормящимся в столовых. Также со склада АРА было отпущено 312 мешков для пошивки детской одежды. Организация «Джойнт» за отчетный период распределила 450 комплектов теплого белья и 100 детских комбинезонов [20. Л. 13].

На 1 мая 1923 г. в бывшем Тираспольском уезде функционировало 36 столовых АРА на 8 750 чел., 10 детинтернатов и 6 больниц, детгородок, 3 инвалидных домах. Всего получали питание 11 916 чел. [Там же. Л. 19 об.]. К концу мая АРА увеличила количество столовых до 43 с количеством питающихся 12 332 чел., отпуская одновременно продукты питания на 140 чел. в 6 больниц, 772 порции в 11 интернатов и 51 порцию в 3 инвалидных дома. В общей сумме питалось 13 165 чел. [Там же. Л. 26].

Кроме обуви в последние месяцы работы АРА было роздано кухонному персоналу 6 тюков одежды. На пошивку одежды для детинтернатов выдано 800 мешков, а всего Тираспольскому упоследголу передано до 2 700 мешков. Также прибыло для распределения 8 ящиков медицинского мыла и ящик чулок [Там же. Л. 19 об.].

Достаточно часто представители АРА сталкивались со злоупотреблениями на пунктах питания, которые приводили к конфликтам местных работников с американцами и органами власти. Так, в столовых достаточно часто происходили кражи, приготовление пищи проводилось не по инструкции и с прибавлением суррогатов, сухие пайки раздавались без составления списков и т.д. [15. Л. 83–84 об.]. Например, в конце декабря 1922 г. Красно-Розальевский волисполком закрыл столовую АРА в с. Марьяновка и перевел ее в с. Устиновка [21. Л. 35–36]. В результате разбиратель-

ства выяснилось, что Марьяновский комитет АРА был уличен в хищениях по столовой, смещен и предан суду. К тому же решение перевода столовой в Устиновку было необходимо по той причине, что там находился детский дом, «питомцы» которого нуждались в помощи столовой АРА [21. Л. 153].

Несмотря на все конфликтные ситуации, в своем отчете председатель Тираспольского помгола Стрижак отмечал, что «комитетами АРА, безусловно, оказана огромнейшая помощь голодающему населению» [15. Л. 83–84 об.].

Работа АРА продолжалась до 15 июня 1923 г., когда свою миссию американская организация объявила завершенной. В результате сворачивания деятельности АРА ее столовые в начале июля 1923 г. начали постепенно закрываться [20. Л. 36].

Что касается Джойнта, то его помощь была направлена прежде всего на еврейское население края. Организация производила раздачу продуктовых и вещевых посылок, предоставляла безвозмездно уголь детским учреждениям, больницам и школам. Помощь получили евреи Тирасполя, Захарьевки, Дубоссар и других населенных пунктов. Детским домам, где воспитывались и нееврей, предоставлялась одежда, обувь, одеяла, белье и т.д.

Для организации работы 15 марта 1922 г. был организован Комитет Джойнта по Одесскому району, в сферу администрирования которого входил и Тираспольский уезд. Одесский комитет Джойнта состоял из шести отделов: административного, орготдела помощи, ремонтно-восстановительного отдела, отдела тракторов, губернского отдела помощи и горотдела помощи [22. Л. 163–164]. Одесский комитет имел представительство во главе с уроженцем Тирасполя, бывшим присяжным поверенным и активным лидером сионистского движения Приднестровья Бенционом Абрамовичем Шварцманом [16. Л. 458 об.; 22. Л. 165]. В задачу Комитета Джойнта входили распределение американских вещевых посылок и денежной помощи среди местного населения, оказание помощи в восстановлении жилых помещений.

Важной формой деятельности АРА и Джойнта в регионе была доставка продуктовых и вещевых посылок. Замысел состоял в том, что каждый живущий за пределами пораженной голодом страны, кто желал оказать помощь, покупал продуктовый купон за 10 долларов в американском банке либо в офисах АРА в Европе. Затем купон посылался по почте через АРА в страну голода, где АРА находила получателя, которому предназначалась посылка. Получатель относил купон в ближайший склад АРА и обменивал его на продуктовую посылку.

Посылка состояла из 49 фунтов муки, 25 фунтов риса, 3 фунта чая, 10 фунтов жира, 10 фунтов сахара, 20 банок сгущенного молока. В пересчете на килограммы вес посылки составлял примерно 53 кг. Она обходились АРА в 6,5 долларов плюс 1 доллар за перевозку и страховку. Разница между себестоимостью и продажной ценой шла в фонд, используемый на питание детей. Согласно подсчетам АРА, одна типовая продуктовая посылка обеспечивала семью из 5 человек питанием на неделю [23]. При этом Джойнт практиковал пересылку так называемых групповых посылок от еврейских землячеств США, что приобрело популярность в Тирасполе и Дубоссарах, где были значительные еврейские общины.

Раздача посылок являлась наиболее конфликтным полем во взаимоотношениях международных организаций и советских органов власти, что наблюдалось и в Тираспольском уезде. Как отмечали чекисты, «когда сначала в форме выдачи посылок стала развертываться деятельность АРА, то очень скоро выявилась все более и более возраставшая популярность АРА в глазах различных слоев населения, особенно же мелкой буржуазии, представители которой большей частью и получали посылки из Америки. Значительное участие власти в помощи, идущей от АРА, часто заслонялось деятельностью последней, которая воспринималась в чисто филантропическом свете» [16. Л. 408 об.]. Например, сотрудники ветеринарного подотдела Тираспольского уездного земельного отдела обратились в АРА с просьбой выслать для отдела посылки, причем просьба их была скреплена резолюцией и особым отношением заведующего отделом, подтверждавшими бедственное положение тираспольских ветеринаров из-за невыдачи жалования и пайка в течение значительного промежутка времени [Там же. Л. 409]. Все это приводило к падению авторитета советской власти на местах.

Другой случай произошел в колонии Глюксталь летом 1922 г., где «группа граждан» получила групповые посылки и раздала их на свое усмотрение, обойдя, по мнению председателя уездного помгола, действительно голодающие семьи. В результате посылки были арестованы, а на раздававших заведено уголовное дело [15. Л. 83]. Кроме этого, в «Тирасполе группа граждан получила групповые посылки и, поделив их между собой, “заработали” в свою пользу 150 млн руб. Подобные явления отмечены были в Петроверовке, Захарьевке, Цебриково и других населенных пунктах» [Там же. Л. 84 об.]. При этом, поскольку посылки были частным делом и оплачивались в США отправителем, последний требовал неукоснительной доставки посылки получателю, что негативно воспринималось советскими органами власти.

Особый резонанс приобрел конфликт в Дубоссарах в марте 1923 г., когда местное землячество получило 100 продовольственных посылок АРА, которые были распределены ими по собственному усмотрению. Кроме этого, еврейское землячество приняло решение продать 25 посылок и закупить мацу. В результате Одесский последгол требовал «принять меры к недопущению указанных случаев и вообще при повторении таковых препятствовать им, извещая предварительно нас» [20. Л. 11].

Несколько иначе описывает последний случай отчет Джойнта от 2 апреля 1923 г., где отмечалось, что еврейское землячество пришло на помощь Дубоссарам в конце лета 1922 г., отправляя посылки разными партиями. Сначала было получено 60 посылок, которые «были распределены среди самых бедных евреев в городе», а затем снова получены 30 посылок, половина из которых была оставлена на хранение в Еврейском

общественном комитете. Третья партия в 100 посылок прибыла в марте 1923 г. Часть продуктов этой партии (молоко, чай, сахар и рис) были розданы местным евреям, а из 160 пудов муки приняли решение сделать мацу и «распространить ее среди населения». Это вызвало протест Одесского последгола – мука была отобрана и перевезена на склад последгола [24]. Среди еврейского населения подобные шаги последгола вызвали недоумение.

Важную роль организация «Джойнт» играла в сфере снабжения закрытых учреждений вещами и углем. Так, например, только лишь в покрытие расходов по выгрузке и хранению угля в Тирасполе уездным исполнительным органам власти было предоставлено 4 000 пудов угля [25. Л. 171], а в марте 1923 г. было получено 10 вагонов угля (9 885 пудов) для распределения среди учреждений, из них было отгружено 900 пудов больницам, интернатам и столовым [20. Л. 14, 20]. Активно организация распределяла белье и одежду: 18 декабря 1922 г. детдом в с. Павловка Захарьевской волости получил 120 единиц белья для детей и 10 единиц прочей одежды [13. Л. 10]. В марте 1923 г. была произведена раздача белья: интернатам – 100 комплектов комбинезонов и 200 комплектов бельевых; индивидуально выдано 250 комплектов [20. Л. 14, 20]. И это лишь те немногие страницы помощи, сохранившиеся в документах.

Таким образом, можно констатировать, что благодаря американской гуманитарной помощи, предоставляемой ведущими филантропическими организациями АРА и «Джойнт», население Тираспольского уезда получило неоценимую помощь во время тяжелых испытаний 1921–1923 гг. Организация питания и вещевого обеспечения дала возможность спасти, без преувеличения, десятки тысяч жизней Приднестровья.

Их деятельность не ограничивалась обычной помощью голодающим, а была разноплановой, что выражалось в восстановлении хозяйств, вещевой помощи, построении новых форм хозяйствования (Джойнт), восстановлении полноценной медицинской помощи и т.д. В то же время изучение гуманитарной миссии США во время голода 1921–1923 гг. не только раскрывает малоизвестную страницу истории Приднестровья, но и показывает возможности «народного сотрудничества», несмотря на идеологическое противостояние.

ЛИТЕРАТУРА

1. Портной И.Л. Провал антисоветской деятельности АРА на юге Украины (декабрь 1921 г. – июнь 1923 г.) : дис. … канд. ист. наук. Одесса, 1955. 294 + 37 с.
2. Мовчан О.Н. Участие трудящихся Украинской ССР в общенародной борьбе с голодом и его последствиями (1921–1923 гг.) : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Киев, 1984. 213 с.
3. Михайловський Т.О. Діяльність Американської Адміністрації Допомоги (АРА) на Одещині (1922–1923 рр.) // Південна Україна в міжнародних відносинах: історія та сучасність : зб. матеріалів IV регіональної студентської наук.-практ. конф. (21–22 квітня 2011 р.). Миколаїв, 2011. С. 10–14.
4. Михайловський Т.О. Міжнародні організації у боротьбі з голодом на Півдні України (1922–1923 рр.) // Емінак : науковий щоквартальник. 2014. № 1-2 (6). С. 23–33.
5. Михайловський Т.О. Діяльність міжнародних організацій на Півдні України (1921–1929 рр.) : дис. … канд. іст. Наук : 07.00.01. Миколаїв, 2017. 267 с.
6. Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. Р-702. Оп. 1. Д. 23.
7. ГАОО. Ф. Р-87. Оп. 1. Д. 7.
8. ГАОО. Ф. Р-702. Оп. 1. Д. 6.
9. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939 : документы и материалы : в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. Т. 1: 1918–1922 гг. 864 с.
10. ГАОО. Ф. Р-99. Оп. 4 а. Д. 46.
11. ГАОО. Ф. Р-87. Оп. 1. Д. 8.
12. Тригуб О., Дудар Л. Діяльність АРА на Миколаївщині (1921–1923 рр.) // Емінак : науковий щоквартальник. 2007. № 2 (жовтень–грудень). С. 105–116.
13. ГАОО. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 11.
14. ГАОО. Ф. Р-87. Оп. 1. Д. 16.
15. ГАОО. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 29.
16. Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины (ОГА СБУ). Ф. 13. Оп. 1. Д. 426. Т. 2.
17. ГАОО. Ф. Р-99. Оп. 4 а. Д. 49.
18. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (Киев). Ф. 261. Оп. 1. Д. 126.
19. ГАОО. Ф. Р-99. Оп. 4 а. Д. 99.
20. ГАОО. Ф. Р-702. Оп. 1. Д. 58.
21. ГАОО. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 6.
22. ОГА СБУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 724.
23. Латыпов Р.А. Помощь АРА Советской России в период «великого голода» 1921–1923 гг. // Научно-культурологический журнал. 2006. № 1 (123). URL: http://www.relga.ru (дата обращения: 12.03.2019).
24. Archives of The American Jewish Joint Distribution Committee (New York, USA). Collection: Records of the American Jewish Joint Distribution Committee of the years 1921–1932. Sub Collection: Countries and Regions. Record Group: USSR. Series: USSR: Localities, C-D. File 495. Report on Dubossary Odessa Ouyezd (formerly Tiraspolsky), 1923, April 02.
25. ГАОО. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 34.

Alexander P. Trygub, Petro Mohyla Black Sea National University (Nikolayev, Ukraine). E-mail: alextrigub@ukr.net
Ludmila A. Vovchuk, Petro Mohyla Black Sea National University (Nikolayev, Ukraine). E-mail: luda_vovchuk@ukr.net

LENDING A HELPING HAND... AMERICAN HUMANITARIAN RELIEF TO THE POPULATION OF THE TIRASPOL DISTRICT (1922–1923)

Keywords: famine of 1921–1923, Tiraspol district, ARA, Joint, relief to the starving ones.

There were many international charities on the territory of the USSR during the famine of 1921-1923. We observe the implementation of their humanitarian mission in the Tiraspol district, where following two American philanthropic organizations were mainly represented: the American Relief Administration (ARA) and the American Jewish Joint Distribution Committee «Joint».

The aforementioned aspect, despite the availability of archives, is still a little-studied problem in historiography. The authors decided to fill this gap by using the documents of the State Archives of the Odessa Region, the Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine, the Branch State Archives of the Security Service of Ukraine, and the Archives of the American Jewish Joint Distribution Committee (N-Y., USA).

By early February, 1922, 40 % of the Tiraspol district population were starving because of crop failure and the unsuccessful food policy of the Soviet authorities. By May 1, 1922, there were 57 262 starving people in the district. The population required immediate help.

The county relief committee for starving people could not cope on their own with the growing hunger. Thus, it was decided to ask the foreign organizations and, above all, the ARA for support.

In May, 1922, the ARA launched its work in the Tiraspol district. By the end of June, 1922, the ARA opened 81 feeding points in the district, where 32 787 children received food. It was also distributed 10 thousand dry rations for adults. The work of the ARA continued until June 15, 1923, when the American organization declared its mission completed.

The «Joint» organization worked together with the ARA. Its assistance was directed primarily at the Jewish population of the district. The organization distributed food and clothing parcels, donated coal to children's institutions, hospitals and schools. First of all, the aid was received by the Jews of Tiraspol, Zakharyevka, Dubossary and other settlements. Orphanages, where non-Jews were brought up, were provided with clothes, shoes, blankets and underwear, etc. A significant component of the «Joint» assistance was the provision of coal by state social institutions.

Thus, thanks to the American humanitarian relief, the population of Tiraspol district received invaluable and diverse assistance during the ordeals of 1921-1923. According to the authors' preliminary calculations, an assistance was provided over 1.5 years to more than 50 thousand residents of Transnistria.

REFERENCES

1. Portnoy, I.L. (1955) *Proval antisovetskoy deyatel'nosti ARA na yuge Ukrainy (dekabr' 1921 g. – iyun' 1923 g.)* [The Failure of the Anti-Soviet Activities of the ARA in the South of Ukraine (December 1921 – June 1923)]. History Cand. Diss. Odessa.
2. Movchan, O.N. (1984) *Uchastie trudyashchikhsya Ukrainskoy SSR v obshchenarodnoy bor'be s golodom i ego posledstviyami (1921–1923 gg.)* [The Participation of the Workers of the Ukrainian SSR in the Nation-wide Struggle Against Famine and its Consequences (1921–1923)]. History Cand. Diss. Kiev.
3. Mykhaylovsky, T.O. (2011) Diyal'nist' Amerikans'koï Administratsiï Dopomogi (ARA) na Odeshchini (1922–1923 rr.) [Activities of the American Relief Administration (ARA) in Odessa Region (1922–1923)]. *Pivdenna Ukrayina v mizhnarodnykh vidnosynakh: istoriya ta suchasnist'* [Southern Ukraine in international relations: history and modernity]. Proc. Of the Fourth Regional Students' Conference. Mykolaiv. pp. 10–14.
4. Mykhaylovsky, T.O. (2014) Mizhnarodni organizatsiï u borot'bi z golodom na Pivdni Ukraïni (1922–1923 rr.) [International Organizations in the Struggle Against Famine in the South of Ukraine (1922–1923)]. *Eminak: Quarterly Journa.* 1-2 (6). pp. 23–33.
5. Mykhaylovsky, T.O. (2017) *Diyal'nist' mizhnarodnikh organizatsiy na Pivdni Ukraïni (1921–1929 rr.)* [Activities of International Organizations in the South of Ukraine (1921–1929)]. History Cand. Diss. Mykolaiv.
6. The State Archive of Odessa Region (SAOR). Fund R-702. List 1. File 23.
7. The State Archive of Odessa Region (SAOR). Fund R-87. List 1. File 7.
8. The State Archive of Odessa Region (SAOR). Fund R-453. List 1. File 6.
9. Berelovich, A. & Danilov, V. (eds) (2000) *Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy* [Soviet Village Through the Eyes of the VChK-OGPU-NKVD. 1918–1939. Documents and materials]. Vol. 1. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
10. The State Archive of Odessa Region (SAOR). Fund R-99. List 4a. File 46.
11. The State Archive of Odessa Region (SAOR). Fund R-87. List 1. File 8.
12. Trygub, O. & Dudar, L. (2007) Diyal'nist' ARA na Mikolaïvshchini (1921–1923 rr.) [Activity of ARA in Nikolayev region (1921–1923)]. *Eminak: Quarterly Journal.* 2. pp. 105–116.
13. The State Archive of Odessa Region (SAOR). Fund R-453. List 1. File 11.
14. The State Archive of Odessa Region (SAOR). Fund R-87. List 1. File 16.
15. The State Archive of Odessa Region (SAOR). Fund R-453. List 1. File 29.
16. The Sectoral State Archive of the Security Service of Ukraine (SSA SSU). Fund 13. List 1. File 426. Vol. 2.
17. The State Archive of Odessa region (SAOR). Fund R-99. List 4a. File 49.
18. The Central State Archive of the Supreme Authority and Administration of Ukraine (Kiev). Fund 261. List 1. File 126.
19. The State Archive of Odessa region (SAOR). Fund R-99. List 4a. File 99.
20. The State Archive of Odessa region (SAOR). Fund R-702. List 1. File 58.
21. The State Archive of Odessa region (SAOR). Fund R-702. List 1. File 6.
22. The Sectoral State Archive of the Security Service of Ukraine (SSA SSU). Fund 1. List 1. File 724.
23. Latypov, R.A. (2006) Pomoshch' ARA Sovetskoy Rossii v period "velikogo goloda" 1921–1923 gg. [ARA's Relief to Soviet Russia in the Period of the "Great Famine" of 1921–1923]. *Nauchno-kul'turologicheskiy zhurnal.* 1(123). [Online] Available from: http://www.relga.ru (Accessed: 12th March 2019).
24. Anon. (n.d.) *Report on Dubossary Odessa Ouyezd (formerly Tiraspolsky), 1923 April 02.* Archives of The American Jewish Joint Distribution Committee (N-Y., USA). Collection: Records of the American Jewish Joint Distribution Committee of the years 1921–1932. Sub Collection: Countries and Regions. Record Group: USSR. Series: USSR: Localities, C-D. File 495.
25. The State Archive of Odessa Region (SAOR). Fund R-453. List 1. File 34.

УДК 947.086.007.1
DOI: 10.17223/19988613/66/8

А.Н. Федоров

ФАКТОРЫ КАРЬЕРНОГО РОСТА РЕГИОНАЛЬНЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ В 1945–1953 гг. (НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ А.Б. АРИСТОВА)

На примере деятельности А.Б. Аристова, возглавлявшего в 1944–1952 гг. Красноярский край и Челябинскую область, выявлены факторы, способствовавшие карьерному росту региональных руководителей в период позднего сталинизма. Основным условием успешной карьеры было выполнение хозяйственных заданий центра, что существенно зависело от роли региона в решении общегосударственных задач, ситуации в самом регионе и компетентности его руководства. На конкретных ситуациях показано, что компетентность руководителя региона, состоявшая в умении организовать работу местных органов, добиться дополнительных ресурсов от центра, грамотно продемонстрировать свои достижения и найти новые решения острых проблем, являлась важнейшим фактором в продвижении по номенклатурной лестнице.

Ключевые слова: А.Б. Аристов; партийный аппарат; поздний сталинизм; политическая карьера; Красноярский край; Челябинская область; ЦК ВКП(б).

Вопрос о причинах карьерного роста того или иного политического деятеля и в целом о принципах подбора управленческих кадров часто привлекает внимание историков. Специалисты по эпохе «позднего сталинизма» пытаются ответить на этот вопрос тремя способами. Одни составляют историко-биографические справочники, где с разной степенью детализации говорится о карьерах руководителей регионального и высшего ранга [1–3]. Другие пытаются выявить принципы отбора номенклатурных кадров, изучая динамику их количественных и качественных показателей [4–8]. Третьи исследуют взаимоотношения внутри партийно-государственного аппарата и их роль в продвижении чиновников по номенклатурной лестнице [9–11]. Но, несмотря на проделанную работу, до сих пор остается много спорных моментов. Например, не до конца ясно, по каким критериям были подобраны люди, которые в первые послевоенные годы вошли в состав высшего руководства СССР.

В эпоху «позднего сталинизма» было два ярких эпизода, когда в высшем эшелоне власти появились новые люди, до этого подвизавшиеся только в регионах. Весной 1946 г. секретарями ЦК ВКП(б) стали А.А. Кузнецов (Ленинград), Г.М. Попов (Москва) и Н.С. Патоличев (Челябинская область), отличившиеся во время войны. А осенью 1952 г. в числе 10 секретарей ЦК КПСС вновь оказались три вчерашних региональных руководителя – А.Б. Аристов, Л.И. Брежнев и Н.Г. Игнатов. Их выдвижение не было случайностью, поскольку они выделялись среди коллег своими громкими успехами. Так, при Л.И. Брежневе Молдавия за два года преодолела кризис в сельском хозяйстве [12. С. 79–82]. Н.Г. Игнатов, возглавлявший Краснодарский крайком партии, три года подряд раньше всех отчитывался о выполнении хлебозаготовок [13. С. 178–181]. Наконец, А.Б. Аристов сумел быстро вывести проблемную Челябинскую область в разряд передовых регионов [14. С. 102].

Известно, что в послевоенные годы работа региональных руководителей оценивалась по тому, как они выполняли задания центра. Однако не совсем понятно, каким образом они добивались успехов. Выяснить это можно на примере тех руководителей, которые в данный период достигли политического олимпа. На наш взгляд, наиболее показательной фигурой из послевоенных сталинских выдвиженцев является А.Б. Аристов. Ведь в отличие от Л.И. Брежнева и Н.Г. Игнатова он стал не только секретарем ЦК КПСС, но и членом Президиума и заведующим Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов. Во второй половине 1950-х гг. он занимал самые высокие посты и пользовался особым доверием Н.С. Хрущева.

Аверкий Борисович Аристов родился в 1903 г. в Астраханской губернии в семье казака-бедняка. В детстве он окончил три класса училища, рано начал работать, но в 1919 г. вступил в комсомол, в 1921 г. – в партию и какое-то время подвизался на низовой руководящей работе. Впрочем, гораздо больше его привлекали учеба и наука, поэтому он закончил рабфак, Ленинградский металлургический институт, стал кандидатом технических наук и доцентом Уральского индустриального института. Однако в 1939 г. Аристов вновь вернулся на стезю руководителя: как опытного специалиста его назначили заведующим промышленным отделом Свердловского обкома ВКП(б). Вчерашний ученый быстро разобрался в новом деле, проявил недюжинные организаторские способности и уже в 1940 г. стал третьим секретарем обкома, в 1941 г. – секретарем обкома по черной металлургии, в 1942 г. его назначили третьим и затем вторым секретарем. На этих постах Аристов успешно занимался металлургическим производством, курировал выпуск танков и боеприпасов, отвечал за электроснабжение, за что и получил ордена Трудового Красного Знамени и Красной Звезды. И неудивительно, что в марте 1943 г. ЦК ВКП(б) направил его вторым секретарем в только что

созданный Кемеровский обком, а в июле 1944 г. утвердил первым секретарем Красноярского крайкома [14. С. 101–102].

Быстрое продвижение Аверкия Борисовича по номенклатурной лестнице не было чем-то выдающимся: в условиях острого дефицита кадров перед любым человеком, проявившим себя на деле, открывались хорошие перспективы. Шансы «сделать карьеру» были велики еще и потому, что в то время с помощью кадровых перестановок решались многие производственные проблемы. Показательно, что до А.Б. Аристова четыре года руководителем Красноярского крайкома ВКП(б) был И.Г. Голубев. При нем промышленность края благодаря эвакуации предприятий из европейской части СССР и мобилизации местных ресурсов выросла в 2,8 раза и вполне справлялась с поставленными перед ней задачами [15. С. 52–53]. Однако главное внимание руководство страны уделяло сельскому хозяйству края, которое пребывало в явном кризисе. Убыль сельского населения и комплексное ухудшение технической базы привели к тому, что в 1941–1944 гг. посевные площади сократились на одну треть, урожайность зерновых упала на 30–40%, а объем хлебозаготовок уменьшился в 2,7 раза [16]. Чтобы мобилизовать руководство региона на исправление ситуации ЦК ВКП(б) с августа 1943 г. по июль 1944 г. вынес 5 особых постановлений. Но с помощью административного нажима, усиления пропаганды и изъятия у колхозников почти всего хлеба решить проблему так и не удалось. Для этого требовались рабочая сила, техника, топливо и подготовленные кадры. Центр не располагал такими ресурсами, поэтому ограничился тем, что направил в Красноярский край нового руководителя, который хорошо разбирался в промышленности, но при этом очень слабо знал сельское хозяйство.

В Красноярск Аристов прибыл в середине лета 1944 г., когда уже началась уборочная кампания. Она прошла организованнее, чем в прежние годы, но это не повлияло на ее результаты: посевные площади были очень невелики, поэтому пшеницы и ржи собрали мало. И все же Аристов добился некоторого успеха: колхозы обязали сдать почти все собранное ими зерно, благодаря чему государство получило хлеба несколько больше, чем в 1943 г. [Там же. С. 173]. Вряд ли такое достижение произвело впечатление на Москву, но показало серьезность намерений нового руководителя.

Чтобы вывести сельское хозяйство края из кризиса, Аристов сначала прибегнул к традиционным средствам – запросил у центра помощи и сделал ставку на экстенсивное развитие, т.е. на расширение посевных площадей. Высшее руководство пошло ему навстречу, выделило какое-то количество техники и разрешило предприятиям края возобновить выпуск запчастей к сельскохозяйственным машинам. Однако к маю, когда начался сев, новых тракторов не получили, а старых отремонтировали всего две трети. Ситуацию усугубил дефицит рабочих рук на селе, который именно в этот момент достиг своего пика: если в 1940 г. в крае насчитывалось 429 100 трудоспособных колхозников, то к началу 1945 г. лишь 210 000 [17. С. 80]. Этого едва хватило, чтобы засеять столько же угодий, сколько в прошлом году. Впрочем, засуха свела на нет все усилия, сбор зерновых оказался мизерным, а хлебозаготовки в очередной раз провалены.

В ЦК ВКП(б) учли все обстоятельства и взысканий не последовало. Но было ясно, что повторный провал может обернуться для Аристова понижением в должности или даже завершением административной карьеры. Видимо, поэтому Аверкий Борисович решился на неординарный для партийного чиновника того времени ход – применить новые технологии. Дело в том, что еще в 1944 г. он наладил тесные отношения с местными аграрниками, в том числе с научным сотрудником ВАСХНИЛ П.И. Кралиным, который занимался вопросом повышением урожайности пшеницы. В начале 1946 г. П.И. Кралин изложил результаты своих исследований Т.Д. Лысенко, и тот на одном из официальных мероприятий высказал мысль, что повысить урожаи в Сибири можно с помощью раннего сева (начиная со второй половины апреля) и соответствующей подпитки посевов [18. Л. 14]. Интересно, что прежде академик придерживался иной точки зрения, утверждая, что апрельские посевы дают меньший урожай, нежели майские [19–20]. Может, поэтому новую идею он высказал мимоходом и сначала не придал ей значения. Но руководство края сразу приступило к ее реализации, благо что для этого почти не требовалось дополнительных материальных и организационных ресурсов. И если в 1945 г. посевная проходила с 10 мая до середины июня, то в этот раз в степных и лесостепных районах Красноярья она началась во второй половине апреля и завершилась к 20 мая [21. Л. 11].

Ранний сев, вызвавший недоумение у колхозников и районного начальства, прошел успешно. Этому способствовало и то обстоятельство, что к весне 1946 г. в край прибыли более 50 тыс. демобилизованных воинов, многие из которых вернулись в деревню [17. С. 80–82]. Хорошая погода подкрепила усилия людей, и к октябрю, т.е. раньше обычного срока, был собран неплохой урожай, позволивший впервые за многие годы выполнить план хлебозаготовок [22. Л. 1]. И все же это был скромный успех, казавшийся значительным лишь на фоне засухи, поразившей центральную часть России. Чтобы выделиться среди других регионов Сибири и, тем более, прославиться на всю страну, требовались более существенные достижения.

Эксперимент с ранним севом был продолжен. Дело в том, что при таком севе распространенные тогда позднеспелые сорта зерновых созревали к концу августа, а это позволяло до наступления осенних заморозков собрать почти весь хлеб. Заодно на вооружение были взяты и другие агротехнические приемы, повышающие шансы на высокий урожай: воздушно-тепловой обогрев семян по методу Т.Д. Лысенко, узкорядный и перекрестный способы сева, внесение гранулированных удобрений при севе. Все эти «секреты» были известны и прежде, но на практике не применялись, поскольку у колхозов для этого не было средств и подготовленных кадров. По поводу последнего заметим, что летом 1945 г. в Красноярском крае из 794 положенных по штату агрономов имелось всего 536, причем 400 имели лишь общее среднее образование.

И чтобы как-то сгладить ситуацию, руководство края решило сформировать у населения «коллективные агрономические знания», для чего краевая газета в течение 1947 г. напечатала 26 статей о проблемах зернового хозяйства [23].

Улучшение агротехники сопровождалось усилением технической базы (краю выделили несколько тысяч тракторов и комбайнов) и ростом численности работников сельского хозяйства (в 1946 г. здесь было 225 486 трудоспособных колхозников, а в 1949 г. – 259 172) [24. С. 215]. Благодаря всему этому наконец-то появилась возможность расширить посевные площади – в 1947 г. на 10%, а в 1948 г. еще на 25,3% [25. Л. 5; 26. Л. 4]. Свою роль сыграл и жесткий контроль крайкома, который помимо традиционной посылки уполномоченных и строгих взысканий практиковал внеочередные пленумы, декадные радиопереклички и т.д. Все эти факторы позволили перекрывать даже капризы погоды (холодную весну и дождливую осень 1948 г., засушливое лето 1949 г.), из года в год собирать высокий урожай и – главное – постоянно наращивать хлебозаготовки. Ведь если в 1947 г. край сдал 31 млн пуд. хлеба, то в 1948 г. – 42,8 млн пуд., а в 1949 г. – 48,8 млн пуд. и тем самым превысил довоенный уровень [27. Л. 69]. Причем заветную планку взяли тогда не только по хлебу, но и в целом по сельскому хозяйству [28. С. 94]. Конечно же, о таких достижениях писали в центральной прессе, и именно за них Аристов получил свой первый орден Ленина.

Определенных успехов в то время добилась и промышленность края. После войны она столкнулась с такими общераспространенными проблемами, как дефицит кадров, изношенность оборудования, резкое сокращение финансирования и перестройка на выпуск гражданской продукции. Однако край легче, чем другие регионы, пережил этот кризис, поскольку эвакуация и реэвакуация не были столь масштабными, а основу индустрии составляли добывающие и обрабатывающие отрасли. К тому же конверсия началась здесь еще в 1944 г., что позволило с меньшими потерями перестроиться на мирный лад. Благодаря всему этому в 1946 г. валовая продукция сократилась лишь на 20% (в Западной Сибири и на Урале в среднем на 50%) и уже к 1948 г. достигла уровня 1945 г. (в Западной Сибири и на Урале в 1949–1952 гг.). С этого времени промышленность края стабильно выполняла планы, и к концу пятилетки ее валовая продукция выросла на 35% по сравнению с 1945 г. [29. С. 193]. Правда, таких результатов достигли благодаря экстенсивным методам. Так, среднегодовая численность рабочих в Красноярском крае в 1945–1949 гг. выросла с 118 тыс. до 190 тыс. чел., и это не считая 20 тыс. японских военнопленных и такого же количества спецпоселенцев. При этом производительность труда была ниже, чем в годы войны [30. С. 23]. Но поскольку центр прежде всего интересовали количественные показатели, а ситуация в соседних регионах была менее благоприятной, то результаты работы красноярской промышленности расценивались как хорошие.

Партийная жизнь в Красноярском крае после войны была такой же, как и в других регионах. Крайком партии постепенно улучшал кадровую и политико-массовую работу, усиливал контроль над местными парторганизациями и успешно перестроился на мирный лад. Но при этом краевой комитет часто подбирал негодные кадры, не оказывал помощи горкомам и райкомам, занимался хозяйственными вопросами в ущерб политическим [31. Л. 120–128; 32. Л. 34–42]. Пожалуй, единственное, чем край отличался от соседей, так это стабильностью и преемственностью партийного руководства. Ведь долгое время ключевые посты здесь занимали одни и те же люди: А.Б. Аристов (первый секретарь крайкома в 1944–1950 гг.), С.М. Бутузов (второй секретарь крайкома в 1947–1950 гг.), В.И. Пищулин (секретарь крайкома в 1947–1955 гг.), Н.Г. Фалалеев (секретарь крайкома в 1944–1952 гг.), Е.П. Колущинский (председатель крайисполкома в 1943–1955 гг.). И секрет такой стабильности заключался не только в том, что эти начальники успешно выполняли задания центра, но и в том, что они пользовались поддержкой местных коммунистов. Чтобы убедиться в последнем, достаточно обратиться к результатам выборов крайкома на VI краевой партийной конференции, прошедшей в марте 1948 г. На этих выборах Аристов получил всего 3 голоса «против» из 392 (0,8%), а его коллеги – от 2 до 8 голосов (0,5–2%). И это был очень хороший показатель. Ведь, судя по документам Управления кадров ЦК ВКП(б), если партийные руководители на выборах получали больше 9–10% голосов «против», то поднимался вопрос об их «проработке» или замене. И в 1948 г. руководство лишь 8 из 47 областей и краев РСФСР, где прошли партийные конференции, избежало таких неприятностей [33. Л. 33–42].

Нараставшие успехи края привели к тому, что в московских кабинетах А.Б. Аристова стали воспринимать как весьма ценного работника. Видимо, поэтому ему сошли с рук и попытка защитить первого секретаря крайкома ВЛКСМ Ю. Сорина, снятого в 1947 г. за «порочный стиль работы», и расходование партийных средств на личные нужды, выявленное в том же году [34. Л. 1–5; 35. Л. 43–44]. Угроза серьезного наказания возникла для А.Б. Аристова только в 1949 г., когда он оказался замешанным сразу в нескольких скандалах. Самым резонансным из них были хищения на Красноярском заводе плодово-ягодных вин, директор которого «подарками» обеспечил себе покровительство некоторых руководителей города и края. Весной 1949 г. Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) раскрыла эту преступную схему и установила круг задействованных в ней лиц, трое из которых оказались членами бюро крайкома партии. Последнее означало, что первый секретарь фактически содействовал злоупотреблениям коллег. Чтобы избежать таких обвинений, А.Б. Аристов оперативно провел проверку и привлек к ответственности всех виновных, благодаря чему ЦК ВКП(б) назначил ему мягкое партийное взыскание – поставил на вид [36. С. 89–93]. Тогда же руководство края попыталось исправить и другие свои ошибки, например снять с должности и исключить из партии заместителя председателя Совета по делам колхозов по Красноярскому краю И.Д. Троилина, на которого давно имелись компрометирующие материалы. Впро-

чем, такое рвение Москва не оценила: Троилина в партии восстановили, а Аристову указали на «неправильные действия» [37. Л. 42–43]. Наконец, осенью 1949 г. в ЦК ВКП(б) поступили сведения о том, что глава крайкома партии вновь расходует государственные средства в личных целях. Однако этот материал неожиданно положили под сукно [36. С. 94].

Очевидно, что высшее руководство хотело сохранить перспективного работника, который демонстрировал хорошие успехи в сельском хозяйстве. Ведь недаром в мае 1950 г. Аристова планировали назначить министром заготовок СССР [38. С. 58–59]. Да и местные аппаратчики продолжали лояльно относиться к нему. Поэтому осенью 1949 г. Аверкия Борисовича оставили в покое, выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР от Красноярского края и в январе 1950 г. вновь и почти единогласно избрали членом крайкома (417 голосов «за» и 18 «против»). Все это означало, что Аристов будет и дальше руководить краем. Но в марте 1950 г. ЦК ВКП(б) назначил его первым секретарем Челябинского обкома партии.

Перевод в меньший, но более развитый и близкий к центру регион, был важной вехой в карьере А.Б. Аристова. Но это повышение таило в себе немалый риск, так как Челябинская область считалась проблемной: ее промышленность выполняла планы, но все еще была далека от уровня 1945 г., а сельское хозяйство пребывало в затяжном кризисе. Несколько лет Москва довольно спокойно воспринимала эту ситуацию. Но в 1949 г. в связи с передвижками в высшем руководстве, ужесточением контроля и чередой громких скандалов, в которых было замешано партийное руководство области («дело Зальцмана», «дело челябинского комсомола», «магнитогорское дело»), отношение стало иным. В январе 1950 г. ЦК ВКП(б) принял обширное постановление «О недостатках в работе Челябинского обкома ВКП(б)», а в феврале 1950 г. освободил от должности первого секретаря обкома партии А.А. Белобородова [39]. И назначенному на его место А.Б. Аристову предстояло не просто разрешить массу производственных и прочих проблем, но сделать это быстро и под бдительным присмотром центра.

На новом месте А.Б. Аристову в первую очередь требовалось выстроить отношения с местными управленцами. По мнению О.В. Хлевнюка, в послевоенное время у этой задачи было три основных варианта решения. «Секретари-диктаторы» стремились подчинить себе местный аппарат и делали ставку на «варягов» и «своих людей». «Сильные секретари» достигали компромисса с местными функционерами и продвигали кадры в соответствии с их заслугами. Наконец, «слабые секретари» уступали ключевую роль в управлении своим подчиненным [10]. Согласно этой типологии Аверкия Борисовича следует считать «сильным секретарем».

С первых же дней А.Б. Аристов стал налаживать с челябинскими работниками деловые отношения. Он не стал «чистить» областное руководство и лишь убрал несколько второстепенных лиц, о неблаговидных поступках которых стало широко известно в ходе «челябинского дела». Вместе с тем он поостерегся без проверки продвигать местные кадры, поэтому на важнейшие вакансии выдвинул бывших работников аппарата ЦК ВКП(б), которых еще в 1949 г. прислали в Челябинскую область. Их опыт и связи были гарантией того, что они справятся с новыми обязанностями. Поэтому вторым секретарем обкома партии стал Г.С. Павлов, прежде возглавлявший Магнитогорский горком партии, а первым секретарем Челябинского горкома партии – Н.В. Лаптев, полгода проработавший здесь вторым секретарем [38. С. 58]. На должность секретаря обкома партии по пропаганде А.Б. Аристов пытался заполучить работника Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Б.А. Покровского. Однако Москва предложила подыскать нужного работника в области, поэтому пропагандой занялся заведующий отделом тяжелой промышленности обкома партии А.Е. Степанец [40. Л. 76–81].

Решительно менять кадры А.Б. Аристов начал только осенью 1950 г., когда уже прошла напряженная посевная и в самом разгаре была уборочная. Эти кампании оказались отличной проверкой для всех работников. Тот, кто не проявил себя, быстро лишился должности. Например, третий секретарь обкома Г.И. Волошенко был медлительным и нерешительным, поэтому вскоре его отправили в «почетную ссылку» – на учебу в Высшую партийную школу [41. Л. 14–19]. По тем же причинам – «работал ненапряженно и неэнергично» – освободили заместителя председателя облисполкома И.И. Куницына, которого «авансом» назначили на этот пост в апреле 1950 г. [42. Л. 14–16]. Зато добросовестные исполнители могли рассчитывать на разные награды (путевка в санаторий, снятие партвзысканий, ордена) и быстрое продвижение по службе. Здесь весьма показателен пример А.Г. Дмитрина. Будучи секретарем сельского райкома, в 1950 г. он добился «досрочного выполнения плана хлебозаготовок и сдачи государству значительно большего количества хлеба», и в марте 1951 г. его избрали секретарем обкома [43. Л. 27–28]. Спустя несколько месяцев такой же «прыжок» произошел и в карьере Б.В. Руссака, который прежде 6 лет заведовал в обкоме отделом машиностроения. И это произошло потому, что он часто выступал с интересными инициативами и проявлял должную оперативность при решении вопросов местной промышленности [44. Л. 15–18].

Помимо местных кадров А.Б. Аристов продвигал и своих знакомых, волею судьбы оказавшихся на Южном Урале. Так, секретарями Челябинского горкома партии весной 1950 г. стали парторг Челябинского металлургического завода И.Н. Фокин и секретарь партбюро Челябметаллургстроя И.И. Павлов, с которыми А.Б. Аристов познакомился во время работы в Свердловской области. Но больших послаблений «землякам» он не делал, поэтому их карьеры не задались. Павлов не справился с секретарской работой и вскоре вернулся в строительство [45. Л. 1, 26]. Фокин же весной 1951 г. на выборах горкома получил 16,5% голосов «против», и обком не выдвинул его первым секретарем. А в августе 1952 г. он и вовсе попал в скандальную историю, из-за которой его отправили на скромную хозяйственную должность [46]. Впрочем,

в окружении А.Б. Аристова был еще один «старый знакомый», карьера которого оказалась благополучной, – научный сотрудник ВАСХНИЛ П.И. Кралин. В Челябинск он прибыл для пропаганды красноярского опыта и дальнейшего налаживания связей с Т.Д. Лысенко.

Продвижение способных людей позволило А.Б. Аристову быстро сформировать работоспособную команду. И очень показательно, что многие его выдвиженцы (А.Е. Степанец, А.Г. Дмитрин, Д.В. Брагин, Г.И. Федосцев и др.) еще в 1951–1952 гг. были переведены на работу в Москву. Впрочем, это не означает, что у него вовсе не было просчетов. Например, он так и не решился освободить от работы первого секретаря Магнитогорского горкома ВКП(б) П.Н. Губкина, чей «стиль руководства» вызывал массу нареканий. Ведь такая отставка накануне XIX съезда партии могла подпортить картину полного благополучия в области. И только в начале 1954 г. «негодного» руководителя со скандалом сняли с должности [47. С. 311–312].

А.Б. Аристов не только активно выдвигал местных работников, многие из которых уже не надеялись сделать карьеру, но и защищал их от разных неприятностей. Например, весной 1950 г. он не стал придирчиво проверять компромат на прокурора Челябинской области Н.П. Беляева [48. С. 22], летом 1950 г. умело нейтрализовал донос, поступивший в ЦК ВКП(б) на заведующего отделом пропаганды и агитации обкома партии В.И. Мороза [49. Л. 44–47], а в начале 1951 г. замял неожиданный скандал вокруг областной газеты «Челябинский рабочий» и сумел сохранить ее ответственного редактора Л.Д. Константиновского [50. Л. 30–39]. Эти и другие случаи обеспечили первому секретарю обкома партии поддержку большинства подчиненных, что, в свою очередь, снизило возможность серьезных трений в руководстве области, которые, кстати, стали одной из причин «челябинского дела» 1950 г. Единственный конфликт разгорелся летом 1952 г. между А.Б. Аристовым и начальником УМВД по Челябинской области А.П. Захаровым, полагавшим, что его пытаются «по-тихому» сместить с должности. Но в ходе этой стычки все местное руководство выступило на стороне первого секретаря, и его оппонента вскоре перевели в другую область [51. Л. 51–92]. Впрочем, А.Б. Аристова поддерживали не только аппаратчики, но и партийные массы. Об этом свидетельствуют результаты выборов на областных партконференциях 1951 и 1952 гг., где он получил всего 18 (3,3%) и 15 (2,4%) голосов «против» [52. Л. 56; 53. Л. 48]. А поскольку при нем обком партии стал оперативно реагировать на все заявления коммунистов, то у них пропала надобность «искать правду» в Москве. Видимо, поэтому в 1950–1952 гг., в отличие от предыдущих лет, «сигналы» от жителей Челябинской области к И.В. Сталину не поступали [54].

Из хозяйственных вопросов наибольшее внимание А.Б. Аристов уделил сельскому хозяйству, а чтобы быстро преодолеть кризис в этой сфере, он применил красноярский опыт. Сразу после его приезда в Челябинск началась подготовительная работа (проведены областные совещания, сделаны кадровые перестановки, получена техника и пр.), и уже через месяц, во второй половине апреля 1950 г., в области началась посевная. Ранний сев, жесткий контроль со стороны обкома и благоприятная погода позволили собрать хороший урожай и раньше обычного (в конце сентября, а не в ноябре) отрапортовать о выполнении, а затем и о перевыполнении хлебозаготовок [55–56]. Чтобы сполна оценить масштабы этого «прорыва», следует заметить, что валовой сбор зерна в 1950 г. даже с учетом расширения посевов оказался в 2–2,7 раза выше, чем в 1946–1949 гг., а хлеба тогда сдали больше, чем за два предыдущих года, вместе взятых [57. С. 113, 128]. Понятно, что такой успех повысил рейтинг области, укрепил авторитет А.Б. Аристова и позволил добиться от центра дополнительных ресурсов под будущие свершения. Но у этого успеха была и обратная сторона: достигнутый уровень оказался слишком высоким, и теперь ради престижа его предстояло поддерживать любой ценой.

В 1951 г. посевные площади были расширены на 17%, однако лето выдалось засушливым, и урожай оказался на 18% меньше предыдущего. Сам по себе это был неплохой результат. Но правительство ориентировалось на «ударный» 1950 г. и на треть увеличило план хлебозаготовок. Повышенный план удалось выполнить уже к началу сентября [58], но при этом пришлось напрячь все силы. В частности, государству сдали 47,9% собранного зерна, т.е. даже больше, чем в критическом для страны 1946 г. На практике это означало, что у колхозов изъяли практически весь хлеб, в том числе семенной, а колхозники мало что получили за свою работу. К тому же, занимаясь хлебом, руководство области забросило другие важные дела – заготовку картофеля, овощей, кормов для крупного рогатого скота.

К весеннему севу 1952 г. на Южном Урале готовились особенно тщательно. Область вновь получила новую технику, топливо и минеральные удобрения, колхозы провели дополнительные мероприятия по накоплению влаги, местная пресса публиковала статьи по агротехнике, а партийные органы инициировали соревнование за 150-пудовый урожай. Но поздняя весна, майские заморозки, почвенная засуха и чрезвычайно жаркое лето развеяли все надежды на высокий урожай. Удалось собрать всего 850 тыс. т зерновых, что составило 60,6% от урожая 1950 г., или 73,8% от урожая 1951 г. И если бы план хлебозаготовок остался на уровне предыдущего года, то область не справилась бы с ним. Однако правительство учло неблагоприятные условия и определило региону посильное задание, которое и было в очередной раз перевыполнено [59. Л. 4–9]. Важную роль здесь сыграло то обстоятельство, что с подачи А.Б. Аристова, которого поддержал Т.Д. Лысенко, красноярско-челябинский опыт решения зерновой проблемы привлек внимание центральных ведомств. Уже в 1952 г. его признали перспективным и стали внедрять сначала в соседней Свердловской области, а затем и в других регионах Урала и Сибири [21, 60].

Промышленность Челябинской области в послевоенные годы развивалась успешнее, нежели сельское

хозяйство. В 1947 г. удалось остановить спад, вызванный не столько реэвакуацией, сколько конверсией и сокращением финансирования [61]. В 1948 и 1949 гг. наметился существенный рост промышленности (на 23,5% и 15,6% соответственно), позволивший выполнить ежегодные планы [62. Л. 5]. Но в конце 1948 г. руководство страны поставило более сложную задачу – не только увеличить объемы производства, но и повысить качество продукции и улучшить рентабельность предприятий. Быстро добиться этого было невозможно, но именно это ЦК ВКП(б) поставил в вину Челябинскому обкому партии в начале 1950 г. И новому руководству области пришлось приложить все усилия, чтобы исправить сей «недостаток».

Теоретически обеспечить и рост производства, и высокое качество продукции можно было с помощью модернизации предприятий, внедрения новых технологий, повышения производительности труда и создания нормальных условий жизни для рабочих. Но на практике все зависело от количества ресурсов, выделяемых центром, и работы руководителей предприятий. С первым было непросто, так как основные средства шли на создание новых видов вооружений и развитие западных районов. Что касается директоров, то наиболее влиятельные из них после войны действовали довольно самостоятельно, порой игнорировали местные власти и допускали масштабные злоупотребления. В таких условиях деятельность партийных органов в первую очередь сводилась к «выбиванию» ресурсов и попыткам контролировать работу хозяйственников.

Лоббированием интересов челябинской промышленности занимались и А.А. Белобородов, и А.Б. Аристов. Например, первый убедил Москву увеличить мощность местных электростанций не в 1,5, а в 2 раза и добился помощи в благоустройстве крупных городов области [63. Л. 374–377; 64. Л. 73–90]. Второй в 1950 г. «выбил» средства на расширение сырьевой базы местной металлургии, а в 1951–1952 гг. с его подачи в области началась разведка новых месторождений [65. 141–142; 66. Л. 15–16]. И все же переписка Челябинского обкома партии с центральными ведомствами показывает, что в решении текущих и тем более перспективных вопросов металлург А.Б. Аристов действовал энергичнее, нежели его предшественник-агроном. Ведь А.А. Белобородов за четыре года своего секретарства ни разу по своей инициативе не обратился в Москву за дополнительными ресурсами для крупнейшего предприятия области и страны – Кировского завода. Зато А.Б. Аристов сразу принялся засыпать просьбами заместителей председателя Совмина СССР Г.М. Маленкова и В.А. Малышева, министра транспортного машиностроения Ю.Е. Максарева, Госплан, Госснаб и всех, кто мог чем-то помочь промышленному гиганту. А в конце 1950 г. он представил проект масштабной модернизации завода, и, хотя правительство отклонило этот проект, тракторостроителям выделили значительные средства [67].

По-разному А.А. Белобородов и А.Б. Аристов выстраивали отношения и с хозяйственниками. Александр Андрианович весьма «либерально» относился к директорам крупных предприятий: закрывал глаза на их злоупотребления, защищал от критики и проверок, наказывал только для виду. Трудно сказать, способствовали ли эти действия выполнению производственных планов, но в начале 1950 г. ЦК ВКП(б) осудил их как «беспринципные». Зато Аверкий Борисович придерживался «жесткого стиля». В первые же месяцы его секретарства обком партии снял с работы, исключил из партии или «наградил» строгими взысканиями полтора десятка директоров, причем их наказали не только за брак, приписки и растраты, но и за неправильный подбор кадров, зажим критики и грубое отношение к рабочим. Конечно, столь решительные действия во многом были вызваны недавним «челябинским делом». Но и впоследствии А.Б. Аристов часто проявлял «характер». Так, в 1951–1952 гг. он добился отставки нескольких известных в области хозяйственников, которые не сумели наладить работу предприятий или оказались «политически сомнительными». В относительной безопасности пребывали лишь самые именитые фигуры – директор Кировского завода С.А. Скачков и директор Магнитогорского металлургического комбината Г.И. Носов, – но даже им приходилось терпеливо выслушивать и учитывать замечания обкома партии. Впрочем, А.Б. Аристов не только критиковал и снимал негодных хозяйственников, но и «добывал» способных. Например, летом 1950 г., подключив свои связи в ЦК ВКП(б) и выждав удобный момент, он добился того, что главным инженером завода № 255 назначили Л.А. Михайлова, задействованного тогда в атомном проекте. И, как показало время, расчет полностью оправдался: талантливый инженер за полгода «вытянул» важнейшее электротехническое предприятие из кризиса [68. Л. 7–66].

Усилия нового руководства в сфере промышленности дали положительный результат. Темпы роста валовой продукции снизились (1950 г. – 18%, 1951 г. – 13%, 1952 г. – 10%), но все три года план выполнялся на 102% и в 1952 г. наконец-то был достигнут уровень 1945 г. [69. Л. 116; 70. С. 114]. Впрочем, эти успехи отнюдь не были выдающимися. Ведь перевыполнение плана достигалось за счет второстепенных показателей, многие предприятия, в том числе знаменитые Кировский завод и УралЗИС с заданиями не справлялись, а качество продукции и производительность труда оставались низкими. Чтобы сгладить эти недостатки и представить промышленность области в выгодном свете, Челябинский обком партии прибегал к различным показательным акциям. Так, в 1951 г. машиностроительные заводы области досрочно изготовили оборудование для великих строек коммунизма, а УралЗИС и Кировский завод начали соревнование за продление гарантийного срока машин, к которому подключились десятки предприятий всей страны [71]. В 1952 г. отличились южноуральские металлурги, затеявшие несколько «починов», одобренных на уровне Политбюро. Самым результативным из них стало обещание рабочих ММК к открытию XIX съезда партии досрочно выполнить 9-месячный план. В сентябре «Правда» так разрекламировала достижение магнитогорцев, что создалось впечатление, будто Челябинская область является одной из передовых в Союзе [72].

Несомненно, И.В. Сталин хорошо знал об успехах А.Б. Аристова. А 30 марта 1949 г. он мог лично оценить подающего надежды регионального руководителя, когда тот выступил на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросу о разведке урановых месторождений в Красноярском крае. Возможно, какую-то роль сыграло и мнение Г.М. Маленкова, который еще осенью 1946 г., будучи уполномоченным ЦК ВКП(б) по хлебозаготовкам в Восточной Сибири, отметил энергичного красноярца. И поэтому неудивительно, что на XIX съезде А.Б. Аристова сразу выделили из массы делегатов. Сначала его ввели в состав президиума съезда, 8 октября он первым выступил в прениях по докладу о 5-м пятилетнем плане, а 9 октября занял место председателя очередного заседания съезда. Наконец, 16 октября на организационном пленуме его фамилия оказалась в списке членов Президиума и секретарей ЦК КПСС, который зачитал И.В. Сталин [73].

Политическая биография А.Б. Аристова подтверждает, что в эпоху «позднего сталинизма» главным условием карьерного роста региональных руководителей было безусловное выполнение текущих и перспективных заданий центра, причем в первую очередь хозяйственного порядка. Традиционно эта задача решалась с помощью жесткого администрирования (директивный режим, тщательный контроль, широкое применение взысканий), позволявшего быстро мобилизовать имевшиеся в регионе силы и ресурсы. Но эффективность такого стиля управления, имевшего значительные социальные издержки, во многом зависела от трех ключевых факторов: статуса региона, т.е. его роли в реализации общегосударственных задач; обстановки в регионе, которая определялась характером и остротой местных социально-экономических проблем; компетентности регионального руководства. Последний фактор заключался в умении первого секретаря регионального комитета партии организовать работу местных органов управления, добиться от центра дополнительных ресурсов и грамотно продемонстрировать успехи региона. Высшим же проявлением этой компетентности была способность регионального руководителя найти нестандартные и малозатратные решения самых острых проблем и обеспечить их одобрение на самом высшем уровне. Именно такой профессионализм позволял добиться неплохих и даже хороших результатов, выделиться среди остальных коллег и добиться расположения первых лиц партии и государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коновалов А.Б. История Кемеровской области в биографиях партийных руководителей (1943–1991). Кемерово, 2004. 491 с.
2. Нечаева С.В. Лидеры политической элиты Челябинской области. 1934–2006 гг. Челябинск, 2007. 380 с.
3. Политические лидеры Вятского края : биогр. справочник. Киров, 2009. 730 с.
4. Айрапетов В.А. Динамика качественных характеристик административно-политической элиты СССР в период «позднего сталинизма»: историко-политический анализ // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2008. № 4. С. 62–67.
5. Калинина О.Н. Партийные и советские руководители Западной Сибири в 1946–1964 гг. : опыт исторического анализа. Новосибирск, 2013. 435 с.
6. Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945–1991). Пермь, 2003. 238 с.
7. Протасов Е.Т. Формирование и становление государственных институтов Бурятии (1923–1991 гг.) : историография и источники. Улан-Удэ, 2016. 299 с.
8. Blackwell R. Career development in the Soviet obkom elite: a conservative trend // Soviet studies. 1972. Vol. 1. P. 24–40.
9. Болдовский К.А. Аппарат Ленинградской городской партийной организации в 1945–1948 гг. // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 149–162.
10. Хлевнюк О.В. Региональная власть в СССР в 1953 – конце 1950-х годов. Устойчивость и конфликты // Отечественная история. 2007. № 3. С. 31–49.
11. Miller J. Putting clients in place: the role of patronage in cooption into the soviet leadership // Political leadership in the Soviet Union / ed. by A. Brown. Oxford, 1989. P. 54–69.
12. Медведев Р.А. Политические портреты. Леонид Брежнев. Юрий Андропов. М., 2014. 479 с.
13. Салошенко В.Н. Первые: наброски к портретам первых секретарей Краснодарского крайкома. Краснодар, 2000. 734 с.
14. Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957–1964 гг. : личности и власть. Екатеринбург, 2009. 385 с.
15. Шевченко В.Н. Красноярский тыл – фронту // Война и мир: к 70-летию Великой Победы : материалы междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 2016. С. 51–54.
16. Шевченко В.Н. К вопросу о кризисе сельскохозяйственного производства в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны // Экономическое развитие Сибири : материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 12–13 октября 2016 г. Красноярск, 2016. С. 171–174.
17. Борисенко Е.А. Основные способы решения кадровой проблемы в колхозах Красноярского края в послевоенные годы (1946–1953) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 80–87.
18. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 80. Д. 201.
19. Лысенко Т.Д. За высокий урожай зерновых в Сибири // Правда. 1942. 2 марта.
20. Лысенко Т.Д. Некоторые вопросы агротехники весеннего сева 1944 года // Правда. 1944. 30 марта.
21. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 15. Д. 706.
22. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-26. Оп. 19. Д. 459.
23. Борисенко Е.А. Использование периодической печати Красноярского края для распространения агротехнических знаний в послевоенный период // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2016. № 4 (26). С. 54–59.
24. Агропромышленный комплекс Красноярского края (1920–1970-е годы). Красноярск, 1991. 472 с.
25. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 20. Д. 20.
26. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 20. Д. 23.
27. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 21. Д. 20.
28. Мотревич В.П. Валовая продукция сельского хозяйства Восточной Сибири в 1940–1952 годах // Иркутский историко-экономический ежегодник : 2016. Иркутск, 2016. С. 92–97.
29. История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. Л., 1965. Т. 5. 472 с.
30. В память о Великом Подвиге : факты в цифрах. Красноярск, 2015. 110 с.

31. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 127. Д. 1015.
32. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 1356.
33. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 1696.
34. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 1352.
35. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 293.
36. Сушков А.В. Власть и коррупция: руководство Красноярского края и дело о хищениях продукции на Красноярском заводе плодово-ягодных вин (1949 г.) // Уральский исторический вестник. 2011. № 3. С. 89–95.
37. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 452.
38. Сушков А.В., Михалев Н.А., Баранов Е.Ю. Расплата за соцпроисхождение: «дело» второго секретаря Челябинского обкома ВКП(б) Г.С. Павлова. 1950–1951 годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 6. С. 57–71.
39. Федоров А.Н. «Челябинское дело»: замена партийного руководства Челябинской области в 1949–1950 гг. // Вопросы истории. 2016. № 6. С. 53–70.
40. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 989.
41. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-288. Оп. 112. Д. 76.
42. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 72. Д. 349.
43. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 73. Д. 141.
44. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 160. Д. 1266.
45. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 158. Д. 480.
46. Сушков А.В., Разинков С.Л. Коллизии власти: освобождение И.Н. Фокина от должности второго секретаря Челябинского горкома ВКП(б). 1952 г. // Гороховские чтения : материалы второй регион. музейной конф., 2011. Челябинск, 2011. С. 141–145.
47. Федоров А.Н. «Магнитогорское дело» 1949 г.: деятельность местных партийных органов в условиях послевоенного времени // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 2 (52). С. 302–314.
48. Федоров А.Н. Взаимодействие партийных органов и прокуратуры Челябинской области в 1945–1953 годах // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 17. С. 19–24.
49. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 1.
50. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 42.
51. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 47.
52. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 15. Д. 1.
53. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 16. Д. 1.
54. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 862–882.
55. Правда. 1950. 30 сент.
56. Правда. 1950. 28 окт.
57. Мотревич В.П. Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941–1950). Екатеринбург, 1993. 307 с.
58. Правда. 1951. 11 сент.
59. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 16. Д. 149.
60. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 50. Д. 99.
61. Михеев М.В. Проблемы демилитаризации уральской промышленности после Великой Отечественной войны // Genesis : исторические исследования. 2016. № 6. С. 25–35.
62. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 13. Д. 164.
63. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 400.
64. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 411.
65. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 14. Д. 137.
66. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 16. Д. 148.
67. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 86 а. Д. 4501.
68. ОГАЧО. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 50.
69. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 16. Д. 2.
70. Народное хозяйство РСФСР : стат. сб. М., 1957. 372 с.
71. Правда. 1952. 1 янв.
72. Правда. 1952. 29 сент.
73. Правда. 1952. 17 окт.

Aleksey N. Fedorov, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: alex_boss@list.ru

THE FACTORS OF REGIONAL LEADERS'S CAREER PROGRESS IN 1945–1953 (BY THE EXAMPLE OF A.B. ARISTOV'S POLITICAL BIOGRAPHY)

Keywords: A.B. Aristov, party apparatus, late Stalinism, political career, Krasnoyarsk Krai, Chelyabinsk Oblast, the Central Committee of VKP(b).

In this article main factors of career development of regional managers in the late Stalinism period are considered. These factors are revealed by the example of the political biography of Averkiy Borisovich Aristov who in 1944–1952 headed Krasnoyarsk Krai and then Chelyabinsk Oblast, and in October 1952 became the secretary of the Central Committee of CPSU. On the basis of scientific research and archival documents it is shown that A.B. Aristov headed troubled regions, but each time rather quickly brought these regions to the forefront. Under his leadership, the Krasnoyarsk Krai again became the main producer of marketable bread in Eastern Siberia, and the Chelyabinsk Oblast began to more consistently fulfill production plans and overcame a protracted crisis in agriculture. Like other party leaders of this time, A.B. Aristov tried to fulfill the economic tasks of the center with the help of rigid administration, regardless of the social and economic costs of such management style. But from many of his colleagues and less successful predecessors (I.G. Golubev in Krasnoyarsk Krai and A.A. Beloborodov in Chelyabinsk Oblast), he favorably distinguished himself with high competence. It consisted in ability to organize and maintain the work of local governments and to seek additional resources from the center. Aristov's competence was also in the ability to competently demonstrate to the center both really significant and minor achievements of his region, and by that to soften some failures. Besides, in some cases, A.B. Aristov managed to find non-standard and low-cost solutions of solving the most acute problems. In particular, with the help of local agrarians, in Krasnoyarsk Krai he tested early sowing, which greatly increase grain crop productivity. Later with the help of this agro-technical innovations A.B. Aristov managed to bring the agriculture of Chelyabinsk Oblast out of the crisis. With the support of academician T.D. Lysenko, he has achieved the approval of these developments on the government and since 1952 they have become to introduce in all territory of Ural and Siberia. The successful implementation of the tasks of the center and first of all, through agriculture, which was given special attention in the postwar period,

allowed A.B. Aristov to stand out among other regional leaders. This circumstance has allowed him to achieve protection of the top leaders of the party and the state and, eventually, to reach the highest level of the power in the post-war Soviet Union.

REFERENCES

1. Konovalov, A.B. (2004) *Istoriya Kemerovskoy oblasti v biografiyah partiynykh rukovoditeley (1943–1991)* [History of Kemerovo region in biographies of party leaders (1943–1991)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
2. Nechaeva, S.V. (2009) *Lidery politicheskoy elity Chelyabinskoy oblasti. 1934–2006 gg.* [Leaders of Chelyabinsk regional political elite. 1934–2006]. Chelyabinsk: [s.n.].
3. Chudinovskikh, E.N. (ed.) (2009) *Politicheskie lidery Vyatskogo kraya: biograficheskiy spravochnik* [The political leaders of Vyatka Region: a biographical dictionary]. Kirov: Loban'.
4. Ayrapetov, V.A. (2008) Dinamika kachestvennykh kharakteristik administrativno-politicheskoy elity SSSR v period “pozdnego stalinizma”: istoriko-politicheskiy analiz [Dynamics of qualitative characteristics of Soviet administrative-political elite during “late Stalinism”: a historical and political analysis]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*. 4. pp. 62–67.
5. Kalinina, O.N. (2013) *Partiynye i sovetskie rukovoditeli Zapadnoy Sibiri v 1946–1964 gg.: opyt istoricheskogo analiza* [The Party and Soviet Nomenclature of the West Siberia in 1946–1964: An Experience of Historical Analysis]. Novosibirsk: SB RAS.
6. Mokhov, V.P. (2003) *Regional'naya politicheskaya elita Rossii (1945–1991)* [Regional political elite of Russia (1945–1991)]. Perm: Permskoe knizhnoe izdatel'stvo.
7. Protasov, E.T. (2016) *Formirovanie i stanovlenie gosudarstvennykh institutov Buryatii (1923–1991 gg.): istoriografiya i istochniki* [Formation and development of the state institutes of Buryatia (1923–1991): historiography and sources]. Ulan-Ude: [s.n.].
8. Blackwell, R. (1972) Career development in the Soviet obkom elite: a conservative trend. *Soviet Studies*. 1. pp. 24–40.
9. Boldovskiy, K.A. (2011) Leningrad city party organization’s apparatus in 1945–1948. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 2. pp. 149–162. (In Russian).
10. Khlevnyuk, O.V. (2007) Regional'naya vlast' v SSSR v 1953 – kontse 1950-kh godov. Ustoychivost' i konflikty [Regional power in the USSR in 1953 – late 1950s. Stability and conflicts]. *Otechestvennaya istoriya*. 3. pp. 31–49.
11. Miller, J. (1989) Putting clients in place: The role of patronage in cooption into the soviet leadership. In: Brown, A (ed.) *Political leadership in the Soviet Union*. Oxford: Palgrave Macmillan UK.
12. Medvedev, R.A. (2014) *Politicheskie portrety. Leonid Brezhnev. Yuriy Andropov* [Political portraits. Leonid Brezhnev. Yury Andropov.]. Moscow: Vremya.
13. Saloshenko, V.N. (2000) *Pervye: Nabroski k portretam pervykh sekretarey Krasnodarskogo kraykoma* [The First: Sketches to portraits of the first secretaries of Krasnodar regional committee]. Krasnodar: [s.n.].
14. Sushkov, A.V. (2009) *Prezidium TsK KPSS v 1957–1964 gg.: lichnosti i vlast'* [Presidium of the Central Committee of CPSU in 1957–1964: persons and power]. Ekaterinburg: UB RAS.
15. Shevchenko, V.N. (2016) Krasnoyarskiy tyl – frontu [Krasnoyarsk rear – to front]. In: *Voyna i mir: k 70-letiyu Velikoy Pobedy* [War and peace: to the 70 anniversary of the Great Victory]. Krasnoyarsk: [s.n.].
16. Shevchenko, V.N. (2016) K voprosu o krizise sel'skokhozyaystvennogo proizvodstva v Krasnoyarskom krae v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [On agricultural production crisis in Krasnoyarsk Region during the Great Patriotic War]. In: Ponomarenko, S.A. (ed.) *Ekonomicheskoe razvitie Sibiri. Materialy Sibirskogo istoricheskogo foruma* [Economic Development of Siberia. The Materials of the Siberian Historic Forum]. Krasnoyarsk: Arkhivnoe agentstvo Krasnoyarskogo kraya.
17. Borisenko, E.A. (2017) Solving the staff problem on collective farms in Krasnoyarsk Krai in the post-war years: the basic ways (1946-1953). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 421. pp. 80–87. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/421/12
18. The Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7486. List 80. File 201.
19. Lysenko, T.D. (1942) Za vysokiy urozhay zernovykh v Sibiri [For the high grain harvest in Siberia]. *Pravda*. 2nd March.
20. Lysenko, T.D. (1944) Nekotorye voprosy agrotekhniki vesennego seva 1944 goda [Some questions of an agrotechnology of spring sowing in 1944]. *Pravda*. 30th March.
21. The Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7486. List 15. File 706.
22. The State Archive of Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund P-26. List 19. File 459.
23. Borisenko, E.A. (2016) Ispol'zovanie periodicheskoy pechati Krasnoyarskogo kraya dlya rasprostraneniya agrotekhnicheskikh znaniy v poslevoennyy period [Krasnoyarsk regional periodicals for spreading agrotechnical knowledge in the postwar period]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*. 4(26). pp. 54–59.
24. Grishaev, V.V. (ed.) (1991) *Agropromyshlennyy kompleks Krasnoyarskogo kraya (1920–1970-e gody)* [The agro-industrial complex of the Krasnoyarsk Territory (1920–1970-ies)]. Krasnoyarsk: [s.n.].
25. The State Archive of Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund P-26. List 20. File 20.
26. The State Archive of Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund P-26. List 20. File 23.
27. The State Archive of Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund P-26. List 21. File 20.
28. Motrevich, V.P. (2016) Valovaya produktsiya sel'skogo khozyaystva Vostochnoy Sibiri v 1940–1952 godakh [Gross agricultural output of Eastern Siberia in 1940–1952]. In: Motrevich, V.P. et al. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy ezhegodnik* [Irkutsk Historical And Economic Yearbook]. Irkutsk: Baikal State University.
29. Okladnikov, A.P. (ed.) (1965) *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney: V 5 t.* [History of Siberia Since the Most Ancient Times up to Now]. Vol. 5. Leningrad: Nauka.
30. Ivanova, A.M. et al. (2015) *V pamyat' o Velikom Podvige : fakty v tsifrakh* [In memory of the Great Feat: the facts in figures]. Krasnoyarsk: [s.n.].
31. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 127. File 1015.
32. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 127. File 1356.
33. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 127. File 1696.
34. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 127. File 1352.
35. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 116. File 293.
36. Sushkov, A.V. (2011) Vlast' i korruptsiya: rukovodstvo Krasnoyarskogo kraya i delo o khishcheniyakh produktsii na Krasnoyarskom zavode plodovo-yagodnykh vin (1949 g.) [Power and corruption: leadership of the Krasnoyarsk territory and the 1949 case of embezzlement at the Krasnoyarsk winery]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 3. pp. 89–95.
37. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 116. File 452.
38. Sushkov, A.V., Mikhalev, N.A. & Baranov, E.Yu. (2013) Rasplata za sotsproiskhozhdenie: “delo” vtorogo sekretarya Chelyabinskogo obkoma VKP(b) G.S. Pavlova. 1950–1951 gody [Retalliation for social origin: “case” of the second secretary of the Chelyabinsk regional Committee of The All-Union Communist Party Bolsheviks G.S. Pavlov. 1950–1951]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 6. pp. 57–71.
39. Fedorov, A.N. (2016) “Chelyabinskoe delo”: zamena partiynogo rukovodstva Chelyabinskoy oblasti v 1949–1950 gg. [The “Chelyabinsk Case”: replacement of the party leadership of Chelyabinsk Oblast in 1949–1950]. *Voprosy istorii – Issues of History*. 6. pp. 53–70.
40. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 118. File 989.

41. The United State Archive of Chelyabinsk Region (OGAChO). Fund P-288. List 112. File 76.
42. The United State Archive of Chelyabinsk Region (OGAChO). Fund P-288. List 72. File 349.
43. The United State Archive of Chelyabinsk Region (OGAChO). Fund P-288. List 73. File 141.
44. The United State Archive of Chelyabinsk Region (OGAChO). Fund P-288. List 160. File 1266.
45. The United State Archive of Chelyabinsk Region (OGAChO). Fund P-288. List 158. File 480.
46. Sushkov, A.V. & Razinkov, S.L. (2011) Kollizii vlasti: osvobozhdenie I.N. Fokina ot dolzhnosti vtorogo sekretarya Chelyabinskogo gorkoma VKP(b). 1952 g. [Collisions of power: I.N. Fokin's release from the position of the Second Secretary of Chelyabinsk City Committee of the AUCP(b). 1952]. In: Antipin, N.A. (ed.) *Gorokhovskie chteniya* [The Gorokhov Readings]. Chelyabinsk: [s.n.].
47. Fedorov, A.N. (2016) “Magnitogorsk case” in 1949: activity of local party bodies in the post-war period. *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Journal of Historical, Philological and Cultural Studies.* 2(52). pp. 302–314. (In Russian).
48. Fedorov, A.N. (2015) Vzaimodeystvie partiynykh organov i prokuratury Chelyabinskoy oblasti v 1945–1953 godakh [The interaction of party bodies and prosecutor’s office of Chelyabinsk region in 1945–1953]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta.* 17. pp. 19–24.
49. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 119. File 1.
50. The United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGAChO). Fund P-288. List 42. File 42.
51. The United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGAChO). Fund P-288. List 42. File 47.
52. The United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGAChO). Fund P-288. List 15. File 1.
53. The United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGAChO). Fund P-288. List 16. File 1.
54. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 558. List 11. Files 862–882.
55. *Pravda.* (1950a) 30th September.
56. *Pravda.* (1950b) 28th October.
57. Motrevich, V.P. (1993) *Sel'skoe khozyaystvo Urala v pokazatelyakh statistiki (1941–1950)* [Agriculture of the Ural in statistic indicators (1941–1950).]. Ekaterinburg: Nauka.
58. *Pravda.* (1951) 11th September.
59. The United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGAChO). Fund P-288. List 16. File 149.
60. The Center of Documentation of Public Organizations of Sverdlovsk Region (CDOOSO). Fund 4. List 50. File 99.
61. Mikheev, M.V. (2016) Problemy demilitarizatsii ural'skoy promyshlennosti posle Velikoy Otechestvennoy voyny [The problems of demilitarization of the Ural industry after the Great Patriotic War]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya.* 6. pp. 25–35. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.6.21646
62. The United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGAChO). Fund P-288. List 13. File 164.
63. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 1. File 400.
64. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 1. File 411.
65. The United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGAChO). Fund P-288. List 14. File 137.
66. The United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGAChO). Fund P-288. List 16. File 148.
67. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 86a. File 4501.
68. The United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGAChO). Fund R-420. List 1. File 50.
69. The United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGAChO). Fund P-288. List 16. File 2.
70. USSR. (1957) *Narodnoe hozyaystvo RSFSR: Statisticheskiy sbornik* [The national economy of the RSFSR: Statistical collection]. Moscow: [s.n.].
71. *Pravda.* (1952a). 1st January.
72. *Pravda.* (1952b). 29th September.
73. *Pravda.* (1952c). 17th October.

УДК 930
DOI: 10.17223/19988613/66/9

А.В. Якуб

ГОСУДАРСТВО И ФИЛАТЕЛИЯ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ НАЧАЛА 1920-х гг.: НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00153.

Представлены результаты исследования нормативно-правовой базы РСФСР по вопросу регулирования филателистического движения. На основе анализа ключевых нормативно-правовых актов 1922 г. доказано, что при определении приоритетного пути в области регулирования филателистического движения был выбран путь экономического использования возможностей рынка филателистических материалов в условиях монополии внешней торговли в противовес поддержке филателии как традиционной области коллекционирования.
Ключевые слова: РСФСР; филателия; нормативно-правовые акты; внешняя торговля.

Традиционно филателия рассматривается как область коллекционирования и изучения знаков почтовой оплаты и других филателистических материалов. Ее также связывают с исследованием истории почтовой связи. Именно таким образом складывались представления о филателии у русских коллекционеров-филателистов дореволюционного периода. Эти представления подкреплялись устойчивым мнением о том, что коллекционирование марок является своеобразным вложением денег, поскольку уже до 1917 г. в мире филателии существовало достаточно большое количество раритетных выпусков почтовых марок, оценивавшихся в весьма значительные суммы.

Именно в стяжательстве и спекуляции обвиняли российских коллекционеров-филателистов так называемые «идейные коллекционеры», которых предполагалось объединить на платформе первого советского специализированного филателистического журнала «Советский филателист», первый номер которого вышел в свет в сентябре 1922 г. Программа развития советского филателистического движения предполагала: очищение филателии от спекулятивных начал, в которых обвинялись прежние, «неидейные», буржуазные коллекционеры; постепенное превращение филателии в специальную науку, имеющую прикладное значение в научном, педагогическом, эстетическом и экономическом отношениях; использование филателии в пропагандистских целях; соорганизацию «идейных» филателистов вокруг специализированного журнала; содействие в поддержке государственной монополии внешней торговли [1. С. 3–4].

Решение этих задач требовало от государственных органов, особенно в условиях перехода от жесткой политики «военного коммунизма» к более либеральной новой экономической политике, установления устойчивого постоянного контроля в этой достаточно специфической области повседневной жизни части населения Советской республики. Практически сразу после окончания Гражданской войны и иностранной интервенции в данной сфере человеческой повседневности начинает оформляться коллизия, совершенно не характерная для дореволюционной России. Она заключалась во все большем нарастании противоречий между индивидуальными стремлениями отдельно взятых коллекционеров-филателистов пополнять свои собственные коллекции, в том числе и за счет международного обмена, и все большим пониманием скрытого экономического потенциала такого обмена и возможностей реализации накопившихся запасов знаков почтовой оплаты самим государством в рамках активизации внешнеторговых операций на условии сохранения и укрепления монополии внешней торговли [2. С. 5].

Это противостояние фактически вылилось в противостояние двух государственных учреждений, каждое из которых по-своему трактовало цели и задачи реализации запасов знаков почтовой оплаты. События начали разворачиваться еще летом 1920 г., когда Ф.И. Чучин, опираясь на поддержку Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации безграмотности и Комиссии ВЦИК по улучшению жизни детей, подготовил и направил в малый Совнарком проект сбора имеющихся в стране запасов почтовых марок прежнего режима, периода Гражданской войны и марок РСФСР с целью их монопольной реализации за границей. К решению вопроса был подключен даже В.И. Ленин. Однако эта первая попытка Ф.Г. Чучина установить контроль над государственной монополией внешней торговли в области имеющихся почтовых запасов не увенчалась успехом.

Главным его оппонентом выступило руководство Народного комиссариата почт и телеграфов, которое подготовило почти аналогичный проект, предполагавший создание специального органа по государственной политике в области филателии – Российского бюро филателии (РБФ) при НКПиТ. Это учреждение было создано в сентябре 1921 г. и должно было начать сбор и обработку марочных запасов, имевшихся в стране, с целью их последующей реализации за пределами РСФСР. Однако права самостоятельно сбывать накопленный материал РБФ не имело, а должно было передавать его в Народный комиссариат внешней торговли, который и обладал монопольными правами на его реализацию.

Тем не менее руководство РБФ не спешило выполнять свои обязательства и всячески пыталось самостоятельно осуществлять зарубежную торговлю филателистическими материалами, вступая в том числе в отношения с рядом представителей зарубежных миссии в РСФСР, которые переправляли накопленные запасы за рубеж для местных филателистических торговцев. Такое неприкрытое нарушение права государства на монополию внешней торговли не могло долго продолжаться.

В конце декабря 1921 г. появилось постановление Совнаркома, согласно которому Народному комиссариату внешней торговли было передано монопольное право на создание государственного экспортного фонда по марочным запасам для торговли с заграницей. Однако и после этого РБФ не прекратило попыток самостоятельной реализации марочных запасов за рубежом. Руководство страны предприняло еще одну попытку урезать аппетиты РБФ. НКВТ и НКПиТ провели межведомственное совещание, по результатам которого была принята специальная инструкция по ввозу и вывозу марок в пределы и за пределы РСФСР, окончательно запретившая РБФ всякую деятельность в этом направлении.

Таким образом, Российское бюро филателии, созданное в структуре Наркомата почт и телеграфов, исходило из доминирования представлений его руководства о коллекционировании знаков почтовой оплаты именно как о филателии, не гнушаясь открытой спекуляцией марок в рамках международного обмена [3–5].

Однако такой ситуация в области регулирования зарубежной торговли марочными запасами страны долго оставаться не могла. Требовался более прагматичный подход, который во многом определялся событиями, связанными с разразившимся в Советской России в том же, 1921 г., голодом. Это вынудило советское руководство не только создать систему государственной помощи внутри страны, но и пойти на расширение международных контактов с целью как привлечения помощи от иностранных организаций и частных лиц, так и создания собственных организаций, деятельность которых была направлена на увеличение золотовалютных запасов, полученных от внешнеторговой деятельности.

Как известно, помощь голодающим в Советской России оказывал ряд зарубежных организаций. Так, еще 15 августа 1921 г. верховным комиссаром Международного Красного Креста по оказанию помощи голодающим России был назначен Ф. Нансен, который также оказался сопричастен к использованию запасов почтовых марок в качестве средства оказания помощи голодающим. Учитывая, что в условиях политической и экономической блокады Советской России почтовая связь с заграницей была затруднена, а интерес к российским и первым советским почтовым маркам среди марочных торговцев и отдельных коллекционеров был велик, Ф. Нансен в феврале 1922 г. предложил Наркомату внешней торговли РСФСР собрать 300 тыс. почтовых серий (по 6 советских гашеных марок в серии) с целью обмена их на такое же количество плиток шоколада с обещанием после реализации первой партии повторить обмен на этих же условиях.

Идея начать сборы почтовых марок с целью их последующей реализации за рубежом была, по-видимому, признана вполне состоятельной. Однако сразу же всем действиям в этом направлении была придана форма государственной монополии, полностью исключавшей аналогичные действия со стороны любых ранее созданных, даже в рамках государственных органов исполнительной власти, структур [6].

Первым документом стало Постановление ЦК Помгол при ВЦИК РСФСР, подписанное М.И. Калининым и опубликованное в «Известиях ВЦИК» 30 марта 1922 г. Целью предпринимаемых мер являлась организация дополнительной помощи голодающим в Советской России. Населению страны добровольно предлагалось начать сбор и немедленное пожертвование через «…ближайшие государственные учреждения» любого количества почтовых марок, как одиночных, так и полными сериями и даже коллекциями, с целью «…обмена их на хлеб и другие продукты за границей» (п. 1).

Предполагалось, что сбор марочных пожертвований будет проводиться местными государственными и общественными учреждениями и предприятиями самостоятельно. Функции контроля и наблюдения за этой деятельностью возлагались на местные комиссии помгола, созданные в каждой губернии страны. Именно региональные комиссии создавали специальные пункты приема для сбора всех пожертвований и отправляли весь накопленный марочный материал в адрес Уполномоченного ЦК Помгола при ВЦИК по марочным пожертвованиям в России и за границей, центральная контора которого располагалась в Москве (п. 2).

Для практического решения по обработке полученного марочного материала создавался специальный аппарат работников, который должен был привести весь поступавший в центральную контору материал в ликвидное состояние для последующей реализации этих марочных запасов за рубежом (п. 3).

Уполномоченным ЦК Помгол при ВЦИК по марочным пожертвованиям в России и за границей был назначен старый большевик Ф.Г. Чучин. Ему предписывалось в срочном порядке подготовить и опубликовать соответствующую инструкцию местным комиссиям ЦК Помгол (п. 4) [7. С. 10].

Такая инструкция по деятельности местных комиссий ЦК Помгол в области марочных пожертвований была разработана Ф.Г. Чучиным незамедлительно и опубликована в том же номере газеты «Известия ВЦИК». В ней четко и последовательно прописывался алгоритм деятельности местных комиссий помгола.

Во-первых, все собираемые почтовые марки должны были иметь ликвидный характер. В случае, если марки поступали прямо на конвертах, их следовало аккуратно вырезать из последних с сохранением штемпеля гашения (п. 1).

Во-вторых, в каждом государственном и общественном учреждении на видном месте размещались специальные емкости, кружки или ящики, соответствующим образом опечатанные, куда должны были опускаться все марочные материалы. Эти емкости не

реже одного раза в неделю должны были вскрываться с целью извлечения из них накопленных запасов (п. 2).

В-третьих, для обработки накопленных марочных запасов предполагалось использовать труд добровольных помощников – учащихся, молодежи, рабочих и служащих, которые производили первичный разбор полученных материалов по номиналам почтовых марок и изображениям на них. Все марки подлежали строжайшему учету. Затем весь сформированный соответствующим образом материал подлежал упаковке для его последующей отправки в центральный аппарат (п. 3).

В-четвертых, вся ответственность по доставке соответствующей корреспонденции возлагалась на местные почтовые органы, которые принимали подготовленные к отправке посылки в качестве казенных отправлений (п. 4).

Все полученные из регионов почтовые марки приходовались за ЦК Помгол, доводились до окончательного товарного состояния для дальнейшей реализации за рубежом. Вырученные от реализации средства поступали на счет ЦК Помгол при ВЦИК и использовались на его нужды (п. 5).

Количество собранных марок и сумма, полученная от их реализации за рубежом, должны были публиковаться в открытом доступе ежемесячно. Кроме того, эти сведения включались в общую сводку Уполномоченного ЦК Помгола по губерниям и областям (п. 6) [8. С. 10].

Таким образом, данное Постановление и сопровождавшая ее инструкция свидетельствуют о том, что экономические интересы государства, связанные с необходимостью преодоления последствий голода, трактовали накопленные запасы почтовых марок исключительно как дополнительное средство пополнения золотовалютных запасов страны. Все это имело весьма отдаленное отношение к филателии как направлению коллекционирования знаков почтовой оплаты. Примечательно, что и в текстах этих документах отсутствует само понятие «филателия».

Ситуация коренным образом изменилась с лета 1922 г., когда пик голода в стране был пройден. Это привело к трансформации самого государственного органа, отвечавшего за решение вопроса с голодающим населением в стране. 23 августа 1922 г. Пленум ЦК Помгол признал работу Комиссии Помгол завершенной и все ее местные органы распустил. Однако последствия голода еще не были преодолены в полном объеме. ЦК Помгол преобразуется в созданную 7 сентября того же года Центральную Комиссию по ликвидации последствий голода при ВЦИК (ЦК Последгол при ВЦИК). Одновременно с этим начинает меняться и отношение к филателии, а само понятие возвращается в общественно-политический лексикон страны.

21 сентября 1922 г. появляется новый документ, имеющий весьма красноречивое название: «Постановление ВЦИК И СНК РСФСР по филателии». Этот государственный акт впервые соединил в себе представление о филателии как индивидуальном виде коллекционирования, с одной стороны, и дальнейшее укрепление регулятивных позиций в области использования накопленных филателистических запасов со стороны государства – с другой.

Прежде всего, новое постановление сохранило преемственность между двумя государственными структурами – ЦК Помгол и ЦК Последгол. Согласно п. 1 Постановления все запасы по филателии, накопившиеся в государственных органах РСФСР, теперь должны были передаваться в ЦК Последгол с целью их последующей реализации за рубежом для борьбы с последствиями голода и улучшения жизни детей. Однако этот пункт имел одну весьма важную оговорку: его действие не распространялось на музейные фонды (по-видимому, подразумевалась государственная коллекция знаков почтовой оплаты, которая хранилась в Музее связи в Петрограде).

Впервые государство официально заявляло о праве отдельных коллекционеров-филателистов вести индивидуальный заграничный обмен со своими зарубежными коллегами по увлечению. Это было существенной новацией, но и здесь государство не забывало своего экономического интереса. Данный обмен должен был осуществляться исключительно под контролем государственных структур, количество марок в обменных почтовых отправлениях строго регламентировалось экземплярами и общей стоимостью вложенного филателистического материала. Для каждого международного письма устанавливался специальный фискальный (так называемый разрешительный) сбор, который взимался в пользу государства (п. 2).

Для регулирования и контроля за заграничным обменом ЦК Последгол получил право выпустить специальные разрешительные марки, которые наклеивались на всю международную филателистическую корреспонденцию «…в пределах установленной нормы и стоимости» (п. 3).

Ключевым пунктом Постановления, безусловно, был 4-й пункт, который подтверждал Постановление ЦК Помгол при ВЦИК от 30 марта 1922 г. о марочных пожертвованиях в части требования от всех государственных и общественных организаций оказывать поддержку ЦК Последгол при ВЦИК и согласовывать с последним всю свою деятельность в отношении филателии.

Еще одним новшеством, которое должно было усилить позиции и контроль государства в области филателии, было прямое требование о полной координации деятельности в этой области между ЦК Последгол при ВЦИК, Народным комиссариатом почт и телеграфов и Народным комиссариатом внешней торговли, которым было предписано разработать соответствующие межведомственные инструкции (п. 5).

Наконец, данное Положение окончательно зафиксировало государственную трактовку филателии как одного из инструментов внешнеэкономической деятельности советского правительства при сохранении государственной монополии внешней торговли, предписав «…все вышедшие до сих пор постановления и распоряжения в связи с филателией, находящиеся в противоречии настоящему», отменить (п. 6) [9. С. 9–10].

Таким образом, в течение одного года был фактически разрешен спор, что есть с точки зрения государства филателия. Признавая право отдельных граждан

на занятие коллекционированием почтовых марок в качестве личного хобби, советское руководство во главу угла поставило понимание филателии как весьма продуктивного инструмента осуществления внутренней и внешней политики, первоначально как исключительно экономического, но, как покажет ближайшее будущее, весьма действенного политического, идеологического, пропагандистского и воспитательного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наши задачи // Советский филателист. 1922. № 1, сентябрь. С. 3–4.
2. Чучин Ф.Г. Филателия и монополия // Советский филателист. 1922. № 1, сентябрь. С. 4–5.
3. Якуб А.В. Монополия внешней торговли в политике РСФСР в 1917–1922 гг. и борьба тенденций в организации международной филателии // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2018. № 1 (17). С. 167–171.
4. Якуб А.В. Заграничный филателистический обмен: экономика и политика (1922–1924 гг.) // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2018. № 2 (18). С. 222–228.
5. Якуб А.В. Российское бюро филателии и проблема монополии внешней торговли в РСФСР/СССР в начале 20-х гг. XX в. // V Омские исторические чтения : материалы регион. науч. конф. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та. 2018. С. 97–100.
6. Якуб А.В., Якуб Н.В. ЦК Помгол и советская филателия: 1921–1922 гг. // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2019. № 4 (24). С. 86–91.
7. Постановление Центральной Комиссии Помощи Голодающим при ВЦИК // Советский филателист. 1922. № 2, октябрь. С. 10.
8. Инструкция комиссиям ЦК Помгола в России и за границей по сбору и реализации марочных пожертвований в пользу голодающих // Советский филателист. 1922. № 2, октябрь. С. 10.
9. Постановление ВЦИК и СНК по филателии // Советский филателист. 1922. № 2, октябрь. С. 9–10.

Alexey V. Yakub, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: avy59@mail.ru

STATE AND PHILATELY IN SOVIET RUSSIA IN THE EARLY 1920S: LEGAL FRAMEWORK

Keywords: the RSFSR, philately, legal instruments, foreign trade.

After the end of the civil war in Russia, the process of normalization of everyday life gradually begins, in which there was a place for such a hobby as collecting postage stamps, that is, philately. However, almost immediately in this sphere of human everyday life, a conflict began to arise that is absolutely not typical for pre-revolutionary Russia. It consisted in an increasing number of contradictions between the individual aspirations of individual collectors-philatelists, including state structures, to add to their personal collections, on the one hand, and a growing understanding of the economic benefits of selling philatelic material abroad to solve pressing problems at home, on the other. To resolve this conflict the leadership of the country had to more clearly formulate its position on this issue. The purpose of the research is to examine the state policy in the field of philately and foreign trade in philatelic material based on the internal transformation of the main legal acts that appeared in the early 1920s. The main sources are regulatory documents of various levels: national and departmental. Among them, the key ones are the resolution of the Central Committee of Pomgol under the VTSIK, internal instructions to it, and the resolution of the VTSIK and SNK on philately in 1922. The analysis of the content of these documents allows us to distinguish two stages in resolving the conflict around philately and the sale of philatelic material abroad. At the first stage (until the autumn of 1922), the government of Soviet Russia proceeded solely from the urgent problems of creating additional sources of income from abroad for the necessary assistance to fight hunger and its consequences, and here the monopoly sale of branded stocks outside the country became a serious help. Philately as such did not exist, and the term “philately” was preserved only in the name of the Russian Bureau of Philately, established under the People’s Commissariat of posts and telegraphs. At the second stage (from the autumn of 1922), the situation changes dramatically. The word “philately” appears in legal documents, the state recognizes the right of private collectors to exchange philatelic materials abroad but establishes full and strict control over this process. Thus, the analysis of the main legal acts regulating the mechanism of development of both the philatelic movement within the country and the interests of the Soviet state in this area for just one year shows that the leadership of Soviet Russia has understood the important role of such an area of individual studies as philately. For the Soviet leadership, philately was not only becoming a very important tool for implementing domestic and foreign policy, even if initially exclusively economic, but, as the near future will show, including a very effective political, ideological, propaganda and educational one.

REFERENCES

1. Anon. (1922) Nashi zadachi [Our tasks]. *Sovetskiy filatelist*. 1. pp. 3–4.
2. Chuchin, F.G. (1922) Filateliya i monopoliya [Philately and monopoly]. *Sovetskiy filatelist*. 1. pp. 4–5.
3. Yakub, A.V. (2018) The monopoly of foreign trade policy of the RSFSR in 1917–1922 and counter-trends in the organization of international philately. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki – Herald of Omsk University. Historical Studies.* 1(17). pp. 167–171. (In Russian). DOI: 10.25513/2312-1300.2018.1.167-171
4. Yakub, A.V. (2018) Foreign philatelic exchange: economics and politics (1922–1924). *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki – Herald of Omsk University. Historical Studies*. 2(18). pp. 222–228. (In Russian). DOI: 10.25513/2312-1300.2018.2.222-228
5. Yakub, A.V. (2018) Rossiyskoe byuro filatelii i problema monopolii vneshney torgovli v RSFSR/SSSR v nachale 20-kh gg. XX v. [Russian Bureau of Philately and the problem of monopoly of foreign trade in the RSFSR / USSR in the early 20s of the XX century]. In: Yakub, A.V. (ed.) *V Omskie istoricheskie chteniya* [The Fifth Omsk Historical Readings]. Omsk: Omsk State University. pp. 97–100.
6. Yakub, A.V. & Yakub, N.V. (2019) Central commission of Pomgol and Soviet philately: 1921–1922. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki – Herald of Omsk University. Historical Studies*. 4(24). pp. 86–91. (In Russian). DOI: 10.24147/2312-1300.2019.4.86-92
7. Anon. (1922a) Postanovlenie Tsentral'noy Komissii Pomoshchi Golodayushchim pri VTsIK [The resolution of the Central Commission for Famine Relief, the VTSIK]. *Sovetskiy filatelist*. 2. pp. 10.
8. Anon. (1922b) Instruktsiya komissiyam TsK Pomgola v Rossii i za granitsey po sboru i realizatsii marochnykh pozhertvovaniy v pol'zu golodayushchikh [Instructions to the commissions of the Central Committee of Pomgol in Russia and abroad for collecting and selling stamp donations in favor of the hungry]. *Sovetskiy filatelist*. 2. pp. 10.
9. Anon. (1922c) Postanovlenie VTsIK i SNK po filatelii [Resolution of the VTSIK and SNK on philately]. *Sovetskiy filatelist*. 2. pp. 9–10.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 94(8)"19"
DOI: 10.17223/19988613/66/10

М.И. Гарбарт

«МЯГКАЯ СИЛА» КНР В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»

Рассматриваются особенности формирования «мягкой силы» Китая в Латинской Америке в условиях реализации проекта «Один пояс, один путь». Установлено, что «Один пояс, один путь» оказывает влияние на образ Китая и потенциал его «мягкой силы» в регионе, несмотря на то что Латинская Америка не относится к приоритетным регионам реализации проекта. Описаны основные факторы развития отношений между Китаем и государствами Латинской Америки в контексте реализации инициативы.
Ключевые слова: «мягкая сила»; внешняя политика Китая; китайско-латиноамериканские отношения; Латинская Америка; Один пояс, один путь.

Введение

Латиноамериканский регион на протяжении долгого времени считался сферой влияния США. Однако за последние годы эта ситуация изменилась, и на сегодняшний день КНР является одним из главных внешних игроков на пространстве Латинской Америки, т.е. в странах Центральной и Южной Америки и Карибского бассейна. Углубление экономического сотрудничества между сторонами актуализировало решение различных задач в отношениях. «Мягкая сила» в таких условиях выступает важным инструментом продвижения интересов КНР в регионе. В официальной стратегии развития отношений со странами Латинской Америки КНР отводит важную роль различным элементам формирования «мягкой силы», например таким, как популяризация китайской культуры, развитие туризма и образовательных обменов [1].

Проект «Один пояс, один путь» – самая масштабная внешнеэкономическая инициатива современного Китая. Через модернизацию транспортной инфраструктуры, развитие коммуникаций и укрепление механизмов торгового партнерства с различными регионами мир, «Один пояс, один путь» должен помочь продолжению экономического процветания Китая. Изначально проект охватывал территорию Евразии и предполагал строительство нового «Шелкового пути», однако сегодня его участниками являются более 60 стран на всех континентах [2. С. 42].

Цель данной работы – изучить основные особенности формирования «мягкой силы» Китая в Латинской Америке в условиях реализации Китаем проекта «Один пояс, один путь» и рассмотреть, как реализация этого масштабной инициативы влияет на образ КНР в регионе и возможности продвижения китайских интересов в Латинской Америке несиловыми методами.

Методологическую основу работы составляет системный подход, предполагающий рассмотрение «мягкой силы» как составляющего элемента всего комплекса внешней политики КНР в регионе. В первой части работы рассмотрены основные особенности формирования китайской «мягкой силы» в контексте инициативы «Один пояс, один путь», затем описаны основные факторы влияния проекта на «мягкую силу» КНР в Латинской Америке, в конце статьи делаются выводы о состоянии «мягкой силы» Китая в странах Латинской Америки в условиях реализации проекта.

«Мягкая сила с китайской спецификой» в рамках «Одного пояса, одного пути»

Впервые термин «мягкая сила» был выдвинут профессором Гарвардского университета Дж. Наем в 1990 г. Определение «мягкой силы», предложенное Наем, обозначает ее как «возможность достижения желаемого результата при помощи привлекательности, а не принуждения или экономического давления» [3. P. 10]. Привлекательность (attraction) при этом стала одним из главных понятий в рамках концепции, и в данном случае она была обозначена как возможность способствовать формированию у граждан иностранных государств симпатии и восхищения политической системой и ценностями при помощи культурных, образовательных, идеологических и других ресурсов [4. P. 84].

С конца 1990-х гг. и особенно в последние несколько лет концепция «мягкой силы» привлекает все большее внимание китайских ученых и политиков. Сегодня китайские специалисты активно изучают различные аспекты «мягкой силы», в том числе то, как «мягкая сила» может помогать в реализации масштабных внешнеполитических задач [5. P. 567]. Упоминания о «мягкой силе» все чаще фигурируют во внешне-

политических документах и официальных заявлениях высшего руководства страны [6. P. 91].

Вплоть до начала 2000-х гг. «мягкая сила» не находила места в официальной внешнеполитической стратегии КНР. Лишь в 2002 г., на 16-м съезде Компартии Китая, о важности культуры в политике заявил председатель КНР Цзян Цзэминь [7]. Однако сам термин вошел в китайский политический обиход только в 2007 г., когда на 17-м съезде КПК председатель КНР Ху Цзиньтао впервые употребил словосочетание «мягкая сила» в своем послании. При этом развитие «мягкой силы» упоминалась не в контексте внешней политики, а как способ «обогащения культурной жизни китайского общества и вдохновения энтузиазма для народного прогресса» [8]. На следующем съезде Компартии в 2012 г. было констатировано официальное включение «мягкой силы» в политическую стратегию КНР. В своей речи на 18-м съезде партии Ху Цзиньтао прямо заявил о необходимости укрепления «мягкой силы» и необходимости продвижения китайской культуры на мировой арене [9].

Взгляды экспертов на сущность китайской «мягкой силы» разнятся. Некоторые отмечают ее слабость, связанную с тем, что китайская культура не привлекает широкого интереса обывателей, а также тем, что Китай не предлагает другим странам модель развития и в текущих условиях не способен задавать мировые тренды в массовой культуре [10. P. 107]. Однако существует и позиция, опирающаяся на то, что феномен «мягкой силы с китайской спецификой» гораздо шире, чем концепция, описанная Дж. Наем. Китай активно привлекает новые инструменты реализации «мягкой силы», вкладывает новые смыслы в понимание феномена [11. P. 265].

Концепция «Одного пояса, одного пути» была впервые выдвинута в 2013 г., когда председатель КНР Си Цзиньпин заявил о необходимости объединения проектов «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века» [12]. В 2017 г. прошел первый форум «Один пояс, один путь» [13. С. 7], было положено начало международной институционализации инициативы.

Реализация проекта предполагает масштабные инвестиции в инфраструктуру, диверсификацию транспортных и телекоммуникационных систем, расширение и укрепление международного торгово-экономического сотрудничества. Четких критериев участия в проекте не существует, поэтому разные источники могут приводить различное количество акторов, вовлеченных в реализацию «Одного пояса, одного пути».

Исследователи отмечают, что у проекта есть два уровня «измерений» – международный и внутренний. Международное измерение, с одной стороны, направлено на утверждение Китая в качестве глобального лидера, а с другой – на углубление интеграции Китая в мировую экономику. Внутреннее, в свою очередь, нацелено на диверсификацию китайской экономики и поддержку темпов экономического роста [14. P. 6]. Для потенциальных участников «Один пояс, один путь» выступает как хорошая возможность привлечения китайских инвестиций, извлечения выгоды из развития торговых отношений с Китаем, расширения инфраструктурных проектов при помощи китайских капиталовложений.

Реализация совместных проектов и расширение инвестиционного сотрудничества – это не только способ распространения китайского капитала, но также и возможность представления китайских ценностей миру, распространения знаний о китайской культуре. Проект «Один пояс, один путь» стоит рассматривать не только как форму экономической экспансии Китая, но и как средство укрепления китайской «мягкой силы» по всему миру.

Инициатива обретает особую актуальность в условиях, когда глобальный Запад демонстрирует признаки экономической дезинтеграции – США под руководством Д. Трампа пересматривают торговые соглашения с различными странами и регионами, а Европейский Союз переживает кризис в связи выходом из его состава Великобритании. В этих условиях КНР стремится воспользоваться ситуацией и заполнить возникающий вакуум [15. P. 76].

Задачей китайской «мягкой силы» в рамках реализации проекта «Один пояс, один путь» становится представление КНР в качестве надежного партнера, нацеленного на взаимовыгодное сотрудничество. При этом Китай опирается на традиционные для глобального Запада экономические ценности – укрепление глобализации, развитие свободного рынка, сотрудничество на взаимовыгодных условиях. Важным является и то, что КНР не противопоставляет себя остальному миру, а, напротив, демонстрирует свою нацеленность на укрепление общемировой интеграции [16. С. 30].

«Один пояс, один путь» и «мягкая сила» Китая в Латинской Америке

Рубеж XX–XXI вв. отмечен масштабной активизацией сотрудничества между КНР и странами Латинской Америки. Причиной стремительного развития отношений стало прежде всего развитие китайского экономики, рост потребности Китая в сырьевых ресурсах и желание выйти на новые рынки, а также стремление латиноамериканских стран к привлечению инвестиций и сокращению зависимости от экономики США. Результатом стало достижение небывалого уровня сотрудничества между сторонами. Ко второй половине 2010-х гг. Китай стал главным торговым партнером для многих крупнейших экономик региона (Бразилия, Аргентина, Чили) и занял место важного игрока на пространстве Латинской Америки. С начала XXI в. объем торговли между Китаем и странами Латинской Америки увеличился более чем в 20 раз [17. С. 173].

Развитие отношений с латиноамериканскими государствами в 2000-е гг. привело руководство КНР к необходимости выработки полноценной стратегии по развитию сотрудничества со странами региона. В 2008 г. Государственный Совет КНР принял «Основной документ по отношениям со странами Латинской Америки и Карибского бассейна», в котором были обозначены приоритеты внешней политики Китая в регионе

и задачи, решение которых направлено на построение всеобъемлющего партнерства со странами Латинской Америки. В 2016 г. была принята обновленная версия документа. В тексте подчеркивается, что КНР рассматривает страны региона как важную часть развивающегося мира и одну из основных сил на международной арене, с которой Китай стремится развивать сотрудничество на равных условиях. Среди приоритетов китайской политики в регионе указываются укрепление взаимного доверия и построение взаимовыгодного сотрудничества, продвижение принципа «единого Китая» [1].

Несмотря на интенсивное развитие отношений между сторонами, для подавляющего большинства латиноамериканцев Китай и китайская культура остаются загадкой, а образ КНР подвержен стереотипизации [18. P. 13]. Хотя опросы общественного мнения показывают общее позитивное отношение к Китаю [19], в тех же исследованиях отмечается, что латиноамериканцы имеют слабое представление о массовой китайской культуре, редко могут назвать хотя бы одну современную китайскую знаменитость, а новости о Китае обсуждаются только среди экспертов и отдельных энтузиастов [20]. Все это ограничивает потенциал китайской внешней политики в регионе. Китай заинтересован в изменении такого положения дел и в последние годы отчетливо это демонстрирует [21. P. 39]. «Один пояс, один путь» может стать катализатором перемен и выступить в роли нового канала для трансляции китайской культуры, ценностей и традиций для латиноамериканской аудитории, стать источником формирования позитивного имиджа Китая в регионе.

При рассмотрении комплекса китайско-латиноамериканских отношений необходимо учитывать, что в регионе пока не сложилось единого подхода к развитию отношений с КНР. Несмотря на активное развитие диалога с Китаем в рамках региональных организаций, таких как Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна, Андское сообщество, Меркосур [22. P. 23], отношения с каждой страной региона развиваются в отдельном контексте, подверженном влиянию различных факторов. В данном случае играют роль и политическая ориентация руководства стран (Венесуэла, Куба), и особенности развития экономического сотрудничества и наличие соглашения о свободной торговле (Чили, Перу) [23. P. 23], и личности избранных политиков (например, в случае с президентом Бразилии Ж. Болсонару, допускающим резкие заявления в отношении Китая [24]). На текущий момент «Один пояс, один путь» предполагает участие в проекте отдельных государств на индивидуальных условиях, что также обусловливает различное влияние инициативы на «мягкую силу» Китая в разных частях Латинской Америки. Тем не менее можно выделить общие тенденции для всего региона.

Несмотря на то, что проект «Один пояс, один путь» не нацелен на прямое вовлечение латиноамериканских государств, сегодня он оказывает серьезное влияние на развитие отношений между странами региона и КНР. С одной стороны, общее укрепление международной торговой инфраструктуры способствует расширению торговли стран Латинской Америки как с Китаем, так и с другими регионами мира. С другой стороны, участие в проектах «Одного пояса, одного пути» создает новые возможности для привлечения инвестиций в страны Латинской Америки, в том числе в инфраструктурные проекты [25. P. 126]. В условиях расширения проекта перспективы его реализации оказывают влияние не только на экономическое и политическое сотрудничество Латинской Америки и Китая, но и на формирование «мягкой силы» КНР в регионе.

Латинская Америка не относится к приоритетным направлениям развития наземных или морских транспортных коридоров. Тем не менее в рамках совместных мероприятий китайская сторона всегда отмечает, что Латинская Америка – важный регион для «естественного продления нового “морского Шелкового пути”» [26. P. 219]. Проект развития нового «морского Шелкового пути» предполагает модернизацию существующих портов, нефтяных терминалов и развитие туристических центров для расширения морских торговых связей, в том числе между Южно-Китайским морем и южной частью Тихого океана.

В настоящее время участниками проекта считаются 19 стран Латинской Америки и Карибского бассейна. На сегодняшний день не сложилось единых критериев для определения того, является ли государство участником инициативы, поэтому эта цифра может различаться в различных подходах. Важно отметить, что крупнейшие экономики региона, такие как Бразилия, Мексика, Аргентина и Колумбия, пока не являются участниками «Одного пояса, одного пути» даже формально. В то же время такие «тихоокеанские» страны, как Чили, Перу, Эквадор, Панама, стремятся принимать активное участие в инициативе [27].

Отражением стремления вовлечения Латинской Америки в проекты «Одного пояса, одного пути» в разное время становились предложения реализации различных инфраструктурных проектов в регионе. Например, проект высокоскоростной железнодорожной магистрали между Мексикой и Бразилией или проект трансконтинентальной железной дороги между атлантическим побережьем Бразилии и тихоокеанскими портами Перу. Однако пока эти предложения не заходили дальше обсуждений [28. P. 15]. Несмотря на то, что формально страны Латинской Америки не являются прямыми участниками проектов «Одного пояса, одного пути», они заинтересованы в новых возможностях, которые может открывать инициатива.

«Один пояс, один путь» прежде всего нацелен на экспансию китайского капитала и продвижение экономических интересов КНР в мире. Для успешной реализации этой задачи важно заручиться поддержкой общественного мнения, укрепить социокультурные контакты между регионами. Китайские инвестиции в инфраструктуру, открытие новых предприятий, создание новых рабочих мест, связанное с проникновением китайского капитала, – все это способствует как укреплению экономической интеграции, так и формированию положительного образа Китая, выступающего в качестве надежного партнера и выгодного союзника. В этом контексте продвижение «Одного пояса,

одного пути» позитивно рассматривается народами Латинской Америки. Как показывают социологические исследования, в большинстве стран региона общественное мнение благосклонно воспринимает перспективы развития экономического сотрудничества с Китаем [29. P. 92]. Кроме того, инициатива способствует формированию образа Китая как международного актора, нацеленного на укрепление международной интеграции и развитие свободной международной торговли. Это выгодно отличает Китай от США, в последние годы вводящих различные торговые ограничения и сокращающих торговые преференции для Латинской Америки [30. С. 51].

Тем не менее вовлечение стран в участие в «Одном поясе, одном пути» может приводить и к негативному влиянию китайской «мягкой силы». На сегодняшний день дефицит в торговле с Китаем для латиноамериканских стран составляет более 60 млрд долл., при этом около 70% всего латиноамериканского экспорта составляют сырьевые товары [31. P. 60]. Экономическое сотрудничество между сторонами по-прежнему ассиметрично. Глубокое вовлечение китайского капитала создает опасения относительно попадания в экономическую зависимость от Китая, деиндустриализации, роста безработицы. Также существуют опасения негативного воздействия на окружающую среду в результате реализации совместных с Китаем проектов [32. P. 12]. Это негативно влияет на образ Китая в регионе и может быть причиной ослабления китайской «мягкой силы».

Одной из важных задач инициативы является преодоление недоверия и предубеждений по отношению к Китаю в мире. Для решения этой проблемы Китай развивает сотрудничество с региональными СМИ. В рамках совместных проектов при поддержке китайской стороны в латиноамериканских изданиях публикуются материалы об инициативе, представляющие ее широкой аудитории. Такие публикации выходят как в странах, формально присоединившихся к проекту, таких как Перу [33], Чили [34], так и там, где «Один пояс, один путь» еще не получил официальной поддержки, например в Колумбии [35] и Бразилии [36]. Это повышает уровень информированности местного населения и способствует формированию позитивной повестки вокруг инициативы.

Научно-образовательное направление также важно в процессе формирования имиджа. Сегодня Китае уже работает один из крупнейших в мире центров по изучению стран латинской Америки – Институт Латинской Америки Китайской академии общественных наук. Специалисты института активно сотрудничают с научными сообществами стран региона, результатом чего становятся публикации большого количества исследований, посвященных проблемам китайско-латиноамериканских отношений [37. P. 338]. На современном этапе значительное число работ по проблематике «Одного пояса, одного пути», опубликованных на испанском и португальском языках, написаны либо непосредственно китайскими учеными, либо в соавторстве китайскими и латиноамериканскими исследователями. В том числе благодаря этому формируется положительный образ инициативы в академической среде региона.

В рамках совместного форума Китая и Сообщества стран Латинской Америки в 2018 г. было объявлено, что КНР пригласит около 600 политических лидеров региона и предоставит около 6 000 правительственных стипендий в рамках развития сотрудничества «Один пояс, один путь» [38]. Организация стажировок и предоставление стипендий – один из эффективных способов презентации культуры и ценностей, распространения знаний, влияющих на формирование положительного имиджа страны.

Хотя «мягкая сила» КНР прежде всего формируется как «сила культуры» и предполагает расширение знаний о китайской культуре и ценностях среди широких масс, она также направлена и на политические элиты. Приобретение поддержки латиноамериканских государств на международной арене выступает одной из задач «мягкой силы» Китая в регионе. «Один пояс, один путь» призван продемонстрировать миру, что Китай не стремится экспортировать за рубеж свою политическую систему. Кроме того, Китай формально не ставит никаких политических условий для стран, желающих принять участие в инициативе [39. P. 102]. Такое позиционирование положительно влияет на образ Китая как среди обывателей, так и среди лидеров латиноамериканских стран. Проект способен внести изменения в традиционный для большинства стран Латинской Америки имидж Китая как государства с авторитарным устройством и низким уровнем развития демократии [40. P. 31].

Реализация «Одного пояса, одного пути» происходит в контексте общего более глубокого вовлечения Китая в повседневную жизнь латиноамериканцев. За последние годы общий имидж Китая в Латинской Америке значительно улучшился, по результатам опросов в большинстве стран Латинской Америке более половины населения позитивно относятся к Китаю и надеются на укрепление сотрудничества с КНР [29. P. 92]. То же относится и к самой инициативе: исследования показывают, что среднем в латиноамериканских обществах складывается сдержанное позитивное отношение к проекту [41. P. 12].

Несмотря на то, что страны Латинской Америки пока слабо вовлечены в реализацию инициативы «Один пояс, один путь», она уже оказывает серьезное влияние на формирование образа Китая в регионе, расширение экономического сотрудничества, увеличение потока информации о Китае. То, каким окажется влияние «Одного пояса, одного пути» на китайскую «мягкую силу» во многом зависит от того, какие цели и задачи встанут перед проектом в регионе, насколько успешным окажутся результаты китайско-латиноамериканского сотрудничества. На сегодняшний день еще не определены критерии успеха инициативы, это объясняется как относительной молодостью проекта, так и отсутствием четкого плана мероприятий. Все это оставляет пространство для дальнейших исследований проблематики.

Заключение

Формирование «мягкой силы» – долгий и не всегда заметный процесс. Однако от того, каким будет образ

Китая в Латинской Америке, зависит будущее китайско-латиноамериканских отношений.

В современных условиях «мягкая сила» выступает как неотъемлемая часть международной стратегии Китая; анализ источников и ресурсов, на которые эта сила может опираться, важен для понимания общей внешнеполитической траектории КНР. Современные события, разворачивающиеся в международных отношениях, показывают, что в будущем Китай будет стремиться еще активнее использовать новые способы реализации своих международных амбиций, в том числе «мягкую силу».

«Один пояс, один путь» находится только в начале своей реализации. Если китайскому руководству удастся осуществить свои цели и задачи в рамках проекта, то он может стать не только основой успешного развития сотрудничества с различными регионами мира, но и фактором глобального лидерства КНР. У инициативы есть потенциал создания нового миропорядка, не связанного с конфронтацией, нацеленного на укрепление интеграции и глобализацию.

Инициатива «Один пояс, один путь» находит поддержку как среди латиноамериканских элит, так и среди широких масс населения, она является предметом надежд, связанных с решением экономических проблем региона и повышением его роли в международной политике и экономике.

Но в то же время существует и скептицизм по отношению к проекту, связанный с опасениями относительно китайской экспансии и негативных последствий для местных экономик. Так или иначе, в ближайшие годы следует ожидать углубления сотрудничества Китая и стран Латинской Америки в рамках инициативы, дальнейшего расширения совместных проектов, увеличения объемов торгово-экономического сотрудничества. Это продолжит оказывать влияние на формирование имиджа и реализацию «мягкой силы» КНР в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Zhongguo dui ladingmei he jialebi zhengce wenjian // Zhonghua renmin gongheguo waijaobu. 2016. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1418250.shtml (accessed: 09.02.2020).
2. Дружинин А.Г., Дун Я. «Один пояс – один путь»: возможности для регионов западного порубежья России // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 2. С. 39-55.
3. Nye J.S. Soft Power: the Means to Success in World Politics. New York : Public Affairs. 2004. 192 p.
4. Nye J. The Future of Power. New York : Public Affairs. 2011. 300 p.
5. Blanchard J.M.F., Lu F. Thinking hard about soft power: a review and critique of the literature on China and soft power // Asian perspective. 2012. Vol. 36, № 2. P. 565–589.
6. Li H. From Red to" Pink": Propaganda Rap, New Media, and China's Soft Power Pursuit // American Journal of Chinese Studies. 2018. Vol. 36, № 2. P. 89–105.
7. Full text of Jiang Zemin's Report at 16th Party Congress on Nov 8, 2002 // Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/3698_665962/t18872.shtml (accessed: 09.02.2020).
8. Hu Jintao's report at 17th Party Congress // China.org.cn. 2007. URL: http://www.china.org.cn/english/congress/229611.htm (accessed: 13.02.2020).
9. Full text of Hu Jintao's report at 18th Party Congress // Embassy of the People's Republic of China in the United States of America. 2012. URL: http://www.china-embassy.org/eng/zt/18th_CPC_National_Congress_Eng/t992917.htm (accessed: 13.02.2020).
10. Shambaugh D. China's soft-power push: The search for respect // Foreign Affairs. 2015. Vol. 94, № 4. P. 99–107.
11. Ding S. Analyzing Rising Power from the Perspective of Soft Power: a new look at China's rise to the status quo power // Journal of Contemporary China. 2010. Vol. 19, № 64. P. 255–272.
12. Xi Jinping di zhanlue gouxiang “yida – yilu” dakai “zhumeng kongjian” // Renmin ribao. 2014. URL: http://politics.people.com.cn/n/2014/0811/c1001-25439028.html (accessed: 13.02.2020).
13. Лузянин С.Г., Афонасьева А. В. Один пояс, один путь – политические и экономические измерения // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. № 40. С. 5–14.
14. Beeson M. Geoeconomics with Chinese characteristics: the BRI and China’s evolving grand strategy // Economic and Political Studies. 2018. Vol. 6. № 3. pp. 1-17.
15. Yagci M. Rethinking soft power in light of China’s Belt and Road Initiative // Uluslararasi Iliskiler Dergisi. 2018. Vol. 15, № 57. P. 67–78.
16. Чубаров И.Г., Калашников Д.Б. «Один пояс – один путь»: глобализация по-китайски // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 1. С. 25–33.
17. Зверева В.С. Китай на просторах Латинской Америки: современные геополитические реалии // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2019. № 2. С. 171–183.
18. Ospina E. The coverage of China in the Latin American Press: Media framing study // Cogent Arts & Humanities. 2017. № 1. Article 1287319/
19. What we think about China // Inter-American Development Bank. 2016. URL: https://conexionintal.iadb.org/2016/05/26/que-pensamos-sobre-china/?lang=en (accessed: 13.02.2020).
20. Most Latin Americans Can’t Name a Chinese Singer. Why that’s Great for Beijing // America’s Quarterly. 2018. URL: https://www.americasquarterly.org/content/most-latin-americans-cant-name-chinese-singers-great-beijing (accessed: 13.02.2020).
21. Barr M. Who's afraid of China? The challenge of Chinese soft power. London : Zed Books Ltd, 2011, 154 p.
22. Myers M., Wise C. The political economy of China-Latin America relations in the new millennium: brave new world. Taylor & Francis, 2016. 290 p.
23. Peters E.D. China’s Recent Engagement in Latin America and the Caribbean: Current Conditions and Challenges. The Carter Center, 2019. 12 p.
24. Bolsonaro's anti-China rants have Beijing nervous about Brazil // Reuters. 2018. URL: https://www.reuters.com/article/us-brazil-election-china-insight-idUSKCN1MZ0DR (accessed: 13.02.2020).
25. Xie Wenze Iniciativa de la Franja y la ruta construida conjuntamente por China y la CELAC // La franja y la ruta. InIcIatIva chIna de cooperacIón con amérIca latIna y carIbe. 2018. P. 121–127.
26. Fonseca F.A. The Chinese Initiative for a Twenty-first Century Maritime Silk Road: Opportunities and Challenges for Latin America // Crossroads-Studies on the History of Exchange Relations in the East Asian World. 2018. № 16. P. 219–247.
27. China’s Belt and Road advances in Latin America’s Andean region // Diálogo Chino. 2019. URL: https://dialogochino.net/28021-chinas-belt-and-road-advances-in-latin-americas-andean-region/ (accessed: 13.02.2020).
28. Montoya M., Lemus D. The Geopolitical Factor of Belt and Road Initiative in Latin America: The cases of Brazil and Mexico // Latin American Journal of Trade Policy. 2019. № 5. P. 6–21.
29. Heine J. ¿Tocó techo la presencia china en América Latina? // Cuadernos de Política Exterior Argentina. 2019. Vol. 129. P. 91–93.
30. Яковлев П.П. США и КНР в Латинской Америке: контуры конкуренции // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Международные отношения. 2019. Т. 19, № 1. С. 47–58.

31. Lavut A. La iniciativa China “La franja y la ruta” y los países de América Latina y el Caribe // Iberoamérica. 2018. № 2. P. 42–67.
32. Ray R. China and sustainable development in Latin America: the social and environmental dimension. Anthem Press, 2017. 382 p.
33. Perú implementará iniciativa de cooperación internacional 'La Franja y la Ruta' // Perú21. 2019. URL: https://peru21.pe/mundo/china-peru-implementara-iniciativa-franja-ruta-474584-noticia/ (accessed: 13.02.2020).
34. La Franja y la Ruta: qué significa para Chile // Diario Financiero. 2019. URL https://www.df.cl/noticias/opinion/columnistas/la-franja-y-la-ruta-que-significa-para-chile/2019-05-06/153949.html (accessed: 13.02.2020).
35. Que ‘la Franja y la Ruta’ conecte pronto China con Colombia // El Tiempo. 2019. URL: https://www.eltiempo.com/economia/sectores/que-la-franja-y-la-ruta-conecte-pronto-china-con-colombia-opinion-357514 (accessed: 13.02.2020).
36. Artigo: Cinturão e Rota liga China e Brasil // O Globo. 2019. URL: https://oglobo.globo.com/opiniao/artigo-cinturao-rota-liga-china-brasil-23715502 (accessed: 13.02.2020).
37. Instituto de estudios de América Latina de la academia China de ciencias sociales // Pensamiento social chino sobre América Latina. 2018. P. 337–340.
38. RESUMEN: Apertura integral de China ofrecerá mayores beneficios para América Latina // China-CELAC Forum. 2018. URL: http://www.chinacelacforum.org/esp/zgtlgtgx_2/t1540837.htm (accessed: 13.02.2020).
39. Szczepański J. et al. OBOR and Chinese Soft Power // Polish Journal of Political Science. 2018. Vol. 4, № 2. P. 97–108.
40. Guo C. La imagen de China en América Latina en el siglo XXI // Orientando Temas de Asia Oriental, Sociedad, Cultura y Economía. 2017. № 14. P. 11–44
41. García-Herrero A., Xu J. Countries' perceptions of China’s Belt and Road Initiative: A big data analysis : Bruegel Working Paper Issue. 2019. 19 p.

Maxim I. Garbart, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: maxharbart@yandex.ru

CHINESE SOFT POWER IN LATIN AMERICA IN CONTEXT OF “ONE BELT, ONE ROAD” IMPLEMENTATION

Keywords: soft power, China's foreign policy, Sino-Latin American relations, Latin America, one belt, one road.

Soft power is an important tool of modern external strategy of China. China seeks to improve its international image, to overcome prejudices and to show the peaceful nature of its current rise. “One belt, one road” (OBOR) is a major foreign initiative of modern China. Through the modernization of transport infrastructure, development of trade partnerships it’s designed to foster economic growth and to strengthen integration of China into global economy. As the initiative develops it is having a growing influence on Chinese image and soft power. Latin America is not directly involved into OBOR activities. However, China sees Latin America as a “natural extension” of the New Maritime Silk Road, so OBOR activities are influencing modern relations between China and Latin America. In article author attempts to describe the main features of the formation of Chinese “soft power” in Latin America in context of the “One belt, one road” implementation. Author seeks to explain how the application of this large-scale initiative affects the image of the PRC in the region and the possibilities of promoting Chinese interests in Latin America.

Studies show that on average China has a positive image in Latin American countries. OBOR-related cooperation may improve Chinese soft power in the region by offering new opportunities for local economies, creating new jobs and helping to modernize infrastructure. Development of cooperation in context of initiative raises awareness about China among Latin-Americans, brings attention to Chinese culture and values. Today China supports OBOR-related media activity, offers scholarships and internships within the framework of OBOR. This helps China to become more deeply involved into everyday life of local population. However, closer cooperation also leads to skepticism about economic dependency on China and risks for environment.

OBOR is only at the beginning of its implementation. If China succeeds to achieve all the goals, that are being set today, it may become the basis not only for a successful cooperation with different regions, but also for a global leadership of China. OBOR is a subject of hopes related to solving the economic problems of Latin America and increasing its role in international politics. In the upcoming years we should expect the deepening cooperation within initiative between China and Latin America, further expansion of joint projects and greater connections between Chinese soft power and OBOR activities in the region.

REFERENCES

1. China. (2016) Zhongguo dui ladingmei he jialebi zhengce wenjian. *Zhonghua renmin gongheguo waijaobu*. [Online] Available from: https://www.fmprc.gov.cn/ web/zyxw/t1418250.shtml (Accessed: 9th February 2020).
2. Druzhinin, A.G. & Dong, Y. (2018) One Belt - One Road Initiative: A Window of Opportunity for Russia’s Western Border Regions. *Baltiyskiy region – Baltic Region*. 10(2). pp. 39–55. (In Russian). DOI: 10.5922/2079-8555-2018-2-3
3. Nye, J.S. (2004) *Soft Power: the Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs.
4. Nye, J. (2011) *The Future of Power*. New York: Public Affairs.
5. Blanchard, J.M.F. & Lu, F. (2012) Thinking hard about soft power: a review and critique of the literature on China and soft power. *Asian Perspective*. 36(2). pp. 565–589. DOI: 10.1353/apr.2012.0021
6. Li, H. (2018) From Red to “Pink”: Propaganda Rap, New Media, and China's Soft Power Pursuit. *American Journal of Chinese Studies*. 36(2). pp. 89–105.
7. Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China. (2002) *Jiang Zemin's Report at 16th Party Congress on Nov 8, 2002*. [Online] Available from: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/3698_665962/t18872.shtml (Accessed: 9th February 2020).
8. China.org.cn. (2007) *Hu Jintao's report at 17th Party Congress*. [Online] Available from: http://www.china.org.cn/english/congress/229611.htm (Accessed: 13th February 2020).
9. Embassy of the People's Republic of China in the United States of America. (2012) *Hu Jintao's report at 18th Party Congress*. [Online] Available from: http://www.china-embassy.org/eng/zt/18th_CPC_National_Congress_Eng/t992917.htm (Accessed: 13th February 2020).
10. Shambaugh, D. (2015) China's soft-power push: The search for respect. *Foreign Affairs*. 94(4). pp. 99–107.
11. Ding, S. (2010) Analyzing Rising Power from the Perspective of Soft Power: a new look at China's rise to the status quo power. *Journal of Contemporary China*. 19(64). pp. 255–272. DOI: 10.1080/10670560903444207
12. *Renmin ribao*. (2014) Xi Jinping di zhanlue gouxiang “yida – yilu” dakai “zhumeng kongjian”. [Online] Available from: http://politics.people.com.cn/n/2014/0811/ c1001-25439028.html (Accessed: 13th February 2020).
13. Luzyanin, S.G. & Afonaseva, A.V. (2017) Belt and Road initiative - political and economic dimensions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 40. pp. 5–14. (In Russian). DOI: 10.17223/19988648/40/1
14. Beeson, M. (2018) Geoeconomics with Chinese characteristics: the BRI and China’s evolving grand strategy. *Economic and Political Studies*. 6(3). pp. 1–17. DOI: 10.1080/20954816.2018.1498988
15. Yagci, M. (2018) Rethinking soft power in light of China’s Belt and Road Initiative. *Uluslararasi Iliskiler Dergisi*. 15(57). pp. 67–78. DOI: 10.33458/uidergisi.518043

16. Chubarov, I.G. & Kalashnikov, D.B. (2018) Belt and Road Initiative: Globalization Chinese Way? *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 62(1). pp. 25–33. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-25-33
17. Zvereva, V.S. (2019) China's presence in Latin America: present-day geopolitical realities. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Istoriya i politicheskie nauki – Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*. 2. pp. 171–183. (In Russian). DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-171-183
18. Ospina, E. (2017) The coverage of China in the Latin American Press: Media framing study. *Cogent Arts & Humanities*. 1. Article 1287319/
19. Inter-American Development Bank. (2016) *What we think about China* [Online] Available from: https://conexionintal.iadb.org/2016/05/26/que-pensamos-sobre-china/?lang=en (Accessed: 13th February 2020).
20. Stuenkel, O. (2018) Most Latin Americans Can't Name a Chinese Singer. Why that's Great for Beijing. *America's Quarterly*. 1st May. [Online] Available from: https://www.americasquarterly.org/content/most-latin-americans-cant-name-chinese-singers-great-beijing (Accessed: 13th February 2020).
21. Barr, M. (2011) *Who's Afraid of China? The Challenge of Chinese Soft Power*. London: Zed Books Ltd.
22. Myers, M., & Wise, C. (2016) *The political economy of China-Latin America relations in the new millennium: brave new world*. Taylor & Francis.
23. Peters, E.D. (2019) *China's Recent Engagement in Latin America and the Caribbean: Current Conditions and Challenges*. The Carter Center.
24. Reuters. (2018) *Bolsonaro's anti-China rants have Beijing nervous about Brazil*. [Online] Available from: https://www.reuters.com/article/us-brazil-election-china-insight-idUSKCN1MZ0DR (Accessed: 13th February 2020).
25. Xie Wenze. (2018) Iniciativa de la Franja y la ruta construida conjuntamente por China y la CELAC. In: Zhao Kebing et al. (eds) *La franja y la ruta. InIcIatIva chIna de cooperacIón con amérIca latIna y carIbe*. UNTDF. pp. 121–127.
26. Fonseca, F.A. (2018) The Chinese Initiative for a Twenty-first Century Maritime Silk Road: Opportunities and Challenges for Latin America. *Crossroads-Studies on the History of Exchange Relations in the East Asian World*. 16. pp. 219–247.
27. Liévano, A.B. (2019) China's Belt and Road advances in Latin America's Andean region. *Diálogo Chino*. 18th June. [Online] Available from: https://dialogochino.net/28021-chinas-belt-and-road-advances-in-latin-americas-andean-region/ (Accessed: 13th February 2020).
28. Montoya, M. & Lemus, D. (2019) The Geopolitical Factor of Belt and Road Initiative in Latin America: The cases of Brazil and Mexico. *Latin American Journal of Trade Policy*. 5. pp. 6–21. DOI: 10.5354/0719-9368.2020.56349
29. Heine, J. (2019) ¿Tocó techo la presencia china en América Latina? *Cuadernos de Política Exterior Argentina*. 129. pp. 91–93. DOI: 10.35305/cc.vi129.18
30. Yakovlev, P.P. (2019) USA and China in Latin America: contours of competition. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Mezhdunarodnye otnosheniya* – Vestnik RUDN. International Relations. 19(1). pp. 47–58. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-47-58
31. Lavut, A. (2018) La iniciativa China "La franja y la ruta" y los países de América Latina y el Caribe. *Iberoamérica*. 2. pp. 42–67.
32. Ray, R. (2017) *China and sustainable development in Latin America: the social and environmental dimension*. Anthem Press.
33. Perú21. (2019) *Perú implementará iniciativa de cooperación internacional 'La Franja y la Ruta'*. [Online] Available from: https://peru21.pe/mundo/china-peru-implementara-iniciativa-franja-ruta-474584-noticia/ (Accessed: 13th February 2020).
34. Liu Rutao. (2019) *La Franja y la Ruta: qué significa para Chile*. [Online] Available from: https://www.df.cl/noticias/opinion/columnistas/la-franja-y-la-ruta-que-significa-para-chile/2019-05-06/153949.html (Accessed: 13th February 2020).
35. Li Nianping. (2019) Que 'la Franja y la Ruta' conecte pronto China con Colombia. *El Tiempo*. 5th May. [Online] Available from: https://www.eltiempo.com/economia/sectores/que-la-franja-y-la-ruta-conecte-pronto-china-con-colombia-opinion-357514 (Accessed: 13th February 2020).
36. Li Yang. (2019) Artigo: Cinturão e Rota liga China e Brasil. *O Globo*. 4th June. [Online] Available from: https://oglobo.globo.com/opiniao/artigo-cinturao-rota-liga-china-brasil-23715502 (Accessed: 13th February 2020).
37. Wu Baiyi. (ed.) (2018) *Pensamiento social chino sobre América Latina*. Clasco. pp. 337–340.
38. China-CELAC Forum. (2018) *RESUMEN: Apertura integral de China ofrecerá mayores beneficios para América Latina*. [Online] Available from: http://www.chinacelacforum.org/esp/zgtlgtgx_2/t1540837.htm (Accessed: 13th February 2020).
39. Szczepański, J. et al. (2018) OBOR and Chinese Soft Power. *Polish Journal of Political Science*. 4(2). pp. 97–108.
40. Guo, C. (2017) La imagen de China en América Latina en el siglo XXI. *Orientando Temas de Asia Oriental, Sociedad, Cultura y Economía*. 14. pp. 11–44
41. García-Herrero, A. & Xu, J. (2019) *Countries' perceptions of China's Belt and Road Initiative: A big data analysis*. Bruegel Working Paper Issue.

УДК 327.8(47:55)(091)
DOI: 10.17223/19988613/66/11

Ю.А. Дёмин

СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ЕЕ УЧАСТИЕ В РЕСПУБЛИКАНСКОЙ КАМПАНИИ В ИРАНЕ (1924 г.)

Статья посвящена участию советской дипломатии в республиканской кампании 1924 г. в Иране. Несмотря на идеологическую приверженность идее о смене монархии на республику, советские дипломаты, в частности полпред Б.З. Шумяцкий, опасались возможного давления англичан на будущее республиканское правительство, поэтому искали сильного человека. Реза-хан, нуждаясь в поддержке, некоторое время намекал советским дипломатам на возможность осуществления республиканского переворота в будущем, однако, укрепив свое положение, нацелился на шахский трон.

Ключевые слова: Иран; Б.З. Шумяцкий; советская дипломатия; республиканская кампания; советско-иранские отношения.

Первая половина 1920-х гг. является особым периодом в истории Ирана, отмеченным как резким обострением внутриполитической борьбы, так и влиянием внешнеполитических игроков, прежде всего СССР и Великобритании, внимательно следивших за действиями друг друга и вмешивавшихся в происходившие события при угрозе (реальной или мнимой) своим интересам. Республиканская кампания 1924 г. стала первой серьезной попыткой Реза-хана избавиться от династии Каджаров. И эта попытка, пусть и неудачная, повлияла на образ дальнейших действий Реза-хана, которые привели к занятию им шахского трона в следующем, 1925 г. В то же время перед советской дипломатией был на практике поставлен вопрос о путях и перспективах установления республиканского строя в Иране, произошло изменение тактики советской дипломатии в этой стране.

Отечественные и зарубежные исследователи достаточно подробно осветили ход республиканской кампании, но оставили без должного внимания участие в ней советской дипломатии, что и побудило нас провести предлагаемое вашему вниманию исследование.

Знакомство иранцев с европейской политической мыслью и политическим устройством западных стран, в том числе и с республиканизмом и республиканской формой правления, началось задолго до описываемых событий. Уже после смерти Мохаммед-шаха Каджара (1848) среди отдельных представителей иранской политической элиты началось обсуждение вопроса о реформировании политического устройства страны и ограничении власти шаха. При Насер ад-Дин Шахе (1848–1896) в Иране появилась первая тайная организация (масонская ложа), закрытая по обвинению в распространении республиканских идей [1. С. 7–10].

Слабость иранского государства побуждала представителей образованных кругов этой страны искать причины военного и экономического превосходства Запада в самих западных странах, что в конечном счете стало одной из причин революции 1905–1911 гг. Революция установила в Иране конституционный строй, однако его дальнейшее развитие было прервано внутриполитической реакцией и вмешательством внешних игроков (царской России и Великобритании).

Крушение монархии в России и создание РСФСР дали новый импульс развитию внутриполитической ситуации в Иране и привели к появлению советской республики в Гиляне (1920–1921), установление которой произошло под внешним влиянием (большевики), но с согласия местных политических лидеров. Несмотря на непродолжительное существование, Гилянская республика повлияла как на внешнеполитическое положение Ирана, так и на его внутриполитическое развитие, в том числе и на приход к власти Реза-хана. Последний быстро прошел путь от командующего казачьей дивизией до военного министра. Осенью 1923 г. Реза-хан смог взять под контроль исполнительную власть в стране, получив пост премьер-министра и выдворив Ахмад-шаха за границу. Обеспечив своим сторонникам (партия «Таджаддод») победу на выборах в меджлис пятого созыва, Реза-хан смог поставить вопрос о захвате высшей власти в стране. Реализовать задуманное было решено посредством инициированной в январе 1924 г., незадолго до начала работы меджлиса, республиканской кампании.

Низкая популярность Ахмад-шаха и в целом Каджаров благоприятствовала планам Реза-хана и его сторонников, проводивших кампанию на фоне дискредитации шаха и династии. В связи с этим некоторые исследователи, как, например, С. Кронин, указывают, что первоначально общественное мнение было настроено в пользу республики [2. P. 179–180]. Свою роль здесь сыграло и установление республики в соседней Турции в октябре 1923 г.

Что касается мотивов самого Реза-хана, то, как считают многие отечественные и зарубежные исследователи (например, С.Л. Агаев (1970), С.М. Алиев (2004), К. Асадулаев (1966), Д. Вильбер (1975), М.С. Иванов (1965), А. Мостоуфи (1997), М. Фагфури (1987)), республиканская кампания была для него лишь тактическим ходом, инструментом для свержения Каджаров

или, шире, способом расчистки политической арены от старого поколения политиков (С. Гани (1998)). С.Д. Мадани полагает, что мысль об изменении режима в Иране и собственном президентстве появилась у Реза-хана уже после переворота 1921 г. [3. С. 163]. Однако даже такой близкий соратник Реза-хана, как Теймурташ, позже, на встрече у сотрудника советского полпредства Боброва, указывал, что Реза-хан никогда не был республиканцем [4. Л. 12]. Недоверие к намерениям Реза-хана стало одной из причин провала республиканской кампании.

При этом изначально республиканская кампания не встретила серьезного противодействия, единственной оппозицией стала небольшая группа депутатов меджлиса пятого созыва (февраль 1924 – февраль 1926 г.) во главе с С.Х. Модарресом и М.Х. Аштияни. В связи с этим и в советском полпредстве, и в британской миссии успех республиканской кампании посчитали фактически гарантированным [5; 6. Л. 36].

Вместе с тем советские дипломаты в Тегеране встретили республиканскую кампанию с подозрением. Поддерживая установление республиканского строя с точки зрения идеологии, в полпредстве опасались, что планируемый переворот сделает будущее республиканское правительство нелегитимным и уязвимым для давления извне. Опасения советских дипломатов позже были отражены в «Правде» и «Известиях» (14 марта 1924 г.), опубликовавших информацию о якобы имевших место требованиях англичан в обмен на признание установления республиканского строя в Иране (урегулирование суммы государственного долга, передача концессии на эксплуатацию Урмийского озера, продление концессии на Шахиншахский банк). Сомнения вызывала и фигура формального лидера республиканской кампании, руководителя партии «Таджаддод» С.М. Тадайона, бывшего в свое время сторонником англо-персидского соглашения 1919 г. и находившегося в дружеских отношениях с секретарем британской миссии Ховардом [7. Л. 11 об.–12 об.].

Подозрения о той или иной степени участия англичан в республиканской кампании разделялись (или использовались) и частью иранской общественности. Например, имам (пишнамаз) тегеранского базара (Шахская мечеть) Шейх Мохаммад Халесизаде выступал с речами против «англофильских» депутатов меджлиса [8. Л. 2]. Об английском участии в республиканском движении высказывались и лидер оппозиции аятолла С.Х. Модаррес [9. С. 329; 10. Л. 130 об.–131], и бывший несколько раз премьер-министром страны Мостоуфи оль-Мамалек [10. Л. 131]. Ответственный секретарь ЦК ИКП Керим Гасанов (Никбин) указывал, что подобные подозрения разделялись «большинством буржуазии и интеллигенции» [11. Л. 26]. Некоторые современные иранские исследователи, как, например, Ирадж Рудгаркия или Сохраб Саляхи, считают английскую сторону причастной к республиканской кампании [12. С. 180; 13. С. 157–158].

При этом в британской миссии республиканская кампания также была встречена настороженно. В конце января 1924 г. британский посланник Перси Лорейн указывал Д.Р. Макдональду на циркулирующие в Тегеране слухи о поддержке «русскими» идеи об установлении республики в Иране [14. P. 172]. Подозрения британцев усиливали тесные отношения премьер-министра и симпатизирующей СССР социалистической партии, представители которой, в том числе и ее лидер Сулейман Мирза Искандери, входили в кабинет министров. Лорейн, опасаясь возможных негативных последствий, находил желательным убедить Реза-хана отказаться от установления республики (не касаясь при этом личности монарха) [15], однако Макдональд высказался в пользу нейтралитета и невмешательства в разворачивавшиеся в Иране события [16]. В свою очередь, Реза-хан указал британскому военному атташе, что планируемое изменение режима произойдет в совершенном порядке и без кровопролития (т.е. не будет угрожать британским экономическим и политическим интересам) [17. P. 188]. В итоге, как считает Х. Катузиян, британцы придерживались нейтралитета [18. P. 288].

В советском полпредстве предпочли занять активную позицию и наперекор планам «Таджаддод» по установлению республики «сверху» (посредством меджлиса) выступили с лозунгом созыва Учредительного собрания. Полпред Б.З. Шумяцкий вступил в контакт с лидерами оппозиции в меджлисе, известными в Тегеране улема С.Х. Модарресом и М.Х. Аштиани, которые 9 марта 1924 г. согласились выступить в поддержку созыва Учредительного собрания [19. Л. 85 об.–86]. В середине марта полпред получил согласие Ш.М. Халесизаде [Там же. Л. 89], а 19 марта сделал аналогичное предложение Реза-хану [Там же. Л. 95–96 об.] (последний обещал обсудить предложение Шумяцкого, однако, судя по всему, продолжил действовать по-своему).

Помимо работы с оппозицией в меджлисе, советский полпред (он же уполномоченный Исполкома Коминтерна) решил вовлечь в борьбу за созыв Учредительного собрания иранскую компартию (ИКП) и союзную социалистическую партию. При этом в ЦК ИКП сначала не согласились с доводами Шумяцкого, очевидно, боясь внести раскол в республиканское движение, однако не решились выступить самостоятельно [11. Л. 37]. Социалисты втянулись в республиканскую кампанию разобщенными: в то время как часть во главе с С.М. Искандери поддержала позицию «Таджаддод», другая выступила с лозунгами Учредительного собрания [7. Л. 19]. Позже заместитель полпреда А.Я. Охтин указывал, что для срыва английского плана полпредству пришлось временно поддерживать блок левых с «духовенством» [20. Л. 97]. Керим Гасанов высказался более резко, указав, что полпредство связалось с представителями «крупных феодалов и реакционного духовенства» [11. Л. 26].

Своими действиями полпред способствовал расколу в рядах республиканцев, которые, по всей вероятности, не были многочисленными (некоторые исследователи ограничивают социальную базу сторонников республики интеллигенцией и офицерами армии (Ансари (2007), Сабахи (1990), Фагфури (1987)). Такие авторитетные политики и депутаты меджлиса, как Мостоуфи оль-Мамалек, Мошир од-Доуле, Мо'тамен оль-

Мольк, Мохаммад Мосаддык и др., заняли выжидательную позицию. Даже среди военных, главной опоры Реза-хана, не было единства по отношению к республиканской кампании [3. С. 190–191].

Несмотря на активную пропаганду в прессе и многочисленные телеграммы из провинции с требованиями установления республики, первые прореспубликанские митинги в Тегеране (6 и 9 марта) показали прохладное отношение местного населения к инициированной «Таджаддод» кампании [7. Л. 6–8]. Стремление ее руководителей создать видимость массовой поддержки путем организации прореспубликанских демонстраций служащих госучреждений не могли заменить реальной общественной поддержки.

Организаторы кампании переоценили свое влияние в меджлисе и роль военных на местах и недооценили важность связей с народными массами. Но эти связи имели улема, которые сумели использовать мечети для выражения своего несогласия с организаторами республиканской кампании и мобилизации ее противников. Попытки активистов кампании доказать соответствие республики принципам ислама (см., напр.: «Шафаг-е сорх» № 213 (87) от 17 февраля 1924 г. / 28 дальва (бахмана) 1302 г., «Сетаре-йе Иран» № 168 от 15 апреля 1924 г. / 26 хамаля (фарвардина) 1303 г. [2. P. 187]) способствовали перемещению вопроса о смене режима в религиозную плоскость и передаче инициативы улема, обладавшим решающим словом в вопросах веры. Интересно, что полвека спустя имам Хомейни выступил с пропагандой антимонархических традиций раннего ислама.

Ключевая роль улема в крахе республиканской кампании отмечена З.А. Арабаджяном (1996), Т. Атабаки (2004), Н. Кедди (2006), Л. Элвелл-Саттоном (1978), Х. Сабахи (1990) и др. При этом некоторые иранские авторы, в том числе и современники событий, склонны скорее отмечать роль лидера оппозиции аятоллы С.Х. Модарреса, чем противодействие улема в целом как класса (например, Джавад Хан Амри (Мо'ин оль-Мамалек) (1388), Насролла Сейфпур Фатеми (1991), Хадж Махдиголи Хедаят (1344), Хосейн Макки (1358)).

В этой связи необходимо отметить, что изначально улема не имели однозначной позиции по вопросу о республике, и эта позиция, как указывает В. Мартин, зависела во многом от источников их доходов и индивидуальных отношений с мирянами [21. P. 69].

Многие исследователи указывают, что толчком к занятию улема отрицательной позиции по отношению к республике стали события в соседней Турции: произошедшие в начале марта 1924 г. отмена халифата, шариатского судопроизводства, секуляризация образования, передача в управление государства вакуфного имущества. Соглашаясь с этим, отметим, что лидер антиреспубликанского движения в Тегеране С.Х. Модаррес высказывался не против республики как таковой, но против предоставления Реза-хану большей власти, против руководителей республиканской кампании и той формы, в которой она проводилась (более подробно см.: [7. Л. 16 об.–17; 19. Л. 86 об.; 22. С. 495; 23. С. 343–344]). Ш.М. Халесизаде, выступавший в поддержку Учредительного собрания и ставший одним из организаторов массовых протестных выступлений торговцев и ремесленников тегеранского базара, был назван в советской прессе «вождем националистов» (см.: «Известия», 22 марта 1924 г.). Газета «Шафаг-е сорх» указывала на состоявшиеся 16 и 17 марта встречи отдельных представителей тегеранских улема, высказавшихся в поддержку республики, при условии сохранения пунктов конституции, касающихся ислама (т.е. закрепляющих его господствующее положение в общественно-политической жизни страны [24. С. 20–24]) и в целом охраны религии [25]. В связи с этим Р. Мохтари Эсфахани предполагает, что духовенство среднего звена поддерживало республику [26. С. 91].

Однако поспешность в проведении республиканской кампании, невнимание к тревогам общественности, поведение «республиканцев» в меджлисе (пощечина одного из представителей «Таджаддод» аятолле С.Х. Модарресу (17 или 18 марта) и за его пределами (попытка насильственного закрытия базара 19 марта) спровоцировали общественный взрыв в Тегеране, и вопрос о республике был решен в течение нескольких дней. Финалом стала кровавая стычка солдат и толпы у меджлиса (22 марта), поставившая Реза-хана перед угрозой отставки. Хронология событий тех дней и роль тегеранской толпы в крушении республиканской кампании подробно освещены С. Кронин [2. P. 182–187].

Крах республиканской кампании вызвал критику в адрес Шумяцкого как в самом Иране, так и в Москве. Генконсул в Хорасане Г.А. Апресов в своем письме члену коллегии НКИД Ф.А. Ротштейну выразил сомнение в версии об английском происхождении кампании и указал, что виновниками провала иранцы считают советскую сторону [27], что явно было преувеличением. Заведующий подотделом Ближнего Востока НКИД С.К. Пастухов (Иранский) также посчитал ошибочными утверждения о поддержке кампании англичанами и назвал опасным курс на созыв Учредительного собрания, указав, что в таком случае выборы столкнутся с давлением со стороны «феодалов» и англичан [28. Л. 146].

Опасения в отношении свободы выборов в Учредительное собрание в иранских условиях того времени имели под собой серьезные основания. Так, например, произведенная в ходе Конституционной революции демократизация избирательной системы (отмена имущественного и образовательного цензов и введение всеобщего и равного избирательного права для мужчин) увеличила представительство землевладельцев, племенных вождей и знати в меджлисе и предоставила преимущества консервативным политическим силам (более подробно см.: [29. P. 57–58]).

В итоге Б.З. Шумяцкий, вернувшись из Москвы в Тегеран в конце апреля 1924 г., продолжил контакты с оппозицией меджлиса, однако его реальная поддержка теперь находилась на стороне Реза-хана. Полпред поддержал премьера в период после апрельского правительственного кризиса и во время июльского кризиса, связанного с убийством американского консула Роберта Имбри. Помимо моральной поддержки, Реза-хан получил и материальные доказательства благожелательности Москвы. В мае 1924 г. в Иран прибыли за-

казанные ранее советские военные аэропланы, доставлены полевые и вьючные радиостанции, что было немаловажно в условиях продолжавшихся племенных восстаний. Более того, было дано согласие на участие советских летчиков в разведывательных полетах в районе Боджнурда (Хорасан) и в Луристане [30. Л. 158; 31. Л. 29; 32. Л. 54].

Полпред отказался от своего прежнего курса на созыв Учредительного собрания и теперь поддерживал силовой вариант решения вопроса о государственной власти в Иране. Второго мая 1924 г., во время одной из встреч, Шумяцкий и Реза-хан обсудили возможность роспуска меджлиса после принятия им бюджета и законопроекта о предоставлении нефтяной концессии американской компании Синклер [33. Л. 195–198]. О стимулировании Реза-хана к решительным действиям в отношении меджлиса и оппозиции Шумяцкий указывал руководству Наркоминдел [34. Л. 116, 121].

Активная деятельность проводилась и по линии Коминтерна. Иранские коммунисты в сотрудничестве с некоторыми тегеранскими купцами создали так называемую Народную партию, представители которой установили контакты с Реза-ханом и военным губернатором Тегерана, предложив последнему осуществить государственный переворот и установить в Иране республиканский строй [11. Л. 35].

Реза-хан, позиции которого были ослаблены поражением республиканской кампании, некоторое время также нуждался во внешней поддержке. В связи с этим правительство Реза-хана предложило Москве подписать торговый договор, переговоры о котором с переменным успехом шли с июня 1922 г., что и было сделано 3 июля 1924 г. [35. С. 132]. В своей телеграмме Г.В. Чичерин высоко оценил подписание договора и отметил, что правительство Реза-хана «неуклонно» ведет Иран «по пути экономического развития и прогресса» [36]. Более того, Реза-хан, несмотря на публичный отказ от поддержки республики, в частных беседах с советскими дипломатами продолжал указывать на возможность осуществления республиканского переворота в будущем [34. Л. 116; 37. Л. 17 об.–18; 38. Л. 366 об.].

Однако использование военного положения, цензуры и арестов для подавления оппозиции, а затем и усмирение шейха Хейзаля, вновь укрепили позиции Реза-хана, и вскоре его риторика о перспективах республиканского движения изменилась. Продолжавшиеся некоторое время контакты с представителями Народной партии были прекращены, и последним было указано, что Иран еще не созрел для республики [11. Л. 35]. Народная партия после прояснения позиции Реза-хана раскололась и прекратила свое существование. Попытки иранских коммунистов и связанных с ними профсоюзов создать новую партию (совместно с социалистами) не увенчались успехом из-за преследований и арестов со стороны властей.

Необходимо отметить, что для подобной позиции премьер-министра существовали объективные причины. Во вновь разгоревшейся в начале 1925 г. борьбе за власть между Реза-ханом и Каджарами сторонники республики, по наблюдениям советского полпредства, оказались «в ничтожнейшем меньшинстве» [39. Л. 14]. Возникшие в Тегеране политические комитеты разделились между собой в поддержке Ахмад-шаха или Реза-хана (большинство), но даже комитет социалистов оставил республиканские призывы и работал против возвращения шаха в Иран [40. Л. 34]. В подобных условиях советские дипломаты, и в частности прибывший в середине июня 1925 г. в Тегеран новый полпред К.К. Юренев, формально занимали позицию нейтралитета.

Развернувшиеся осенью 1925 г. в Иране события, связанные с низложением династии Каджаров, были расценены советской стороной как благоприятные для вмешательства. В связи с этим 22 октября Л.М. Карахан указывал Юреневу на необходимость прояснения премьер-министру позиции Москвы по вопросу о предстоящих политических переменах, посчитав, что в подобной ситуации она будет играть не последнюю роль [41. Л. 93–94]. Двумя днями ранее ТАСС выступил с опровержением слухов о поддержке Москвой Ахмад-шаха, а в советской прессе стали появляться статьи в поддержку республиканского строя в Иране и конкретно Реза-хана (см., напр.: «Известия», 21 окт. 1925 г.). Несмотря на указание дипломатам публично придерживаться нейтралитета [42. Л. 1], в Москве, судя по всему, надеялись повлиять на Реза-хана по вопросу о будущей форме правления. Полпред Юренев, указывавший на отсутствие в Иране республиканского движения и твердых намерениях Реза-хана занять шахский трон, был обвинен Караханом в пассивности и упущенных возможностях [43. Л. 109–111].

Вместе с тем события в Иране, в отличие от весны 1924 г., развивались по другому сценарию. Парламентская оппозиция, компартия и профсоюзы были разгромлены, партия социалистов расколота еще со времен выборов в пятый меджлис и республиканской кампании. Часть социалистов выступала против сотрудничества с Реза-ханом, некоторые перешли на сторону последнего (более подробно см.: [44. С. 151–154]). В таких неблагоприятных условиях представители полпредства вступили в переговоры с С.М. Искандери, согласовывая с ним тактику поведения представителей-социалистов в Учредительном собрании [4. Л. 11 об., 19 об., 34–35], выборы в которое продолжались в ноябре и начале декабря 1925 г.

В нашей статье, посвященной деятельности Национального блока в Иране, мы посчитали, что к моменту описываемых событий 1925 г. С.М. Искандери попал под влияние Реза-хана и отказался от идеи установления республиканского строя в Иране [45. С. 72], однако более детальное исследование проблемы показывает неоднозначность сложившейся ситуации.

С одной стороны, Сулейман Мирза указывал Юреневу на невозможность организации республиканского движения в стране [46. Л. 26] и вместе с большинством депутатов меджлиса поддержал низложение династии Каджаров (31 октября 1925 г.), открывшее для Реза-хана путь к занятию шахского трона.

С другой стороны, во время работы Учредительного собрания С.М. Искандери возразил против второй части п. 36 законопроекта об установлении династии

Пехлеви (наследование трона по мужской линии), посчитав ее противоречащей своим идеологическим убеждениям [26. С. 149]. Не выступая против передачи власти Реза-шаху, Сулейман Мирза выступил против наследуемой монархии и 12 декабря 1925 г. вместе с двумя другими делегатами-социалистами воздержался от голосования за данный законопроект [47. P. 107].

Возможное объяснение подобному поведению может быть найдено в словах Теймурташа, указавшего на встрече у сотрудника советского полпредства Боброва (2 декабря 1925 г.) на заблуждения социалистов по поводу республиканизма Реза-хана, сумевшего поддерживать подобную уверенность в целях борьбы с Каджарами. Определенную роль, вероятно, сыграл и сам Теймурташ, который указывал на свое влияние на С.М. Искандери в деле подписания законопроекта о свержении Каджаров [4. Л. 12].

Сулейман Мирза позднее называл ошибкой свое участие в правительстве Реза-хана (октябрь 1923 г. – апрель 1924 г.) и считал, что поддержка советским правительством Реза-хана во время его премьерства ввела в заблуждение большое количество революционных демократов, социалистов и коммунистов Ирана [48. С. 34]. Однако точка зрения о том, что С.М. Искандери поддержал свержение Каджаров и переход власти к Реза-хану под советским влиянием [49], является, по нашему мнению, односторонним взглядом на существовавшее положение дел.

Так или иначе, Реза-хан, несмотря на поражение весной 1924 г., сумел переиграть всех своих политических конкурентов и, использовав взаимное недоверие и противоречия внешних игроков (Великобритании и СССР), стать новым шахом Ирана.

В Москве не сразу смирились с потерей республиканских перспектив в Иране, однако репрессии и преследования властями политических оппонентов, в том числе и иранских коммунистов, свели на нет возможность их реализации. В середине 1940-х гг. при поддержке советской стороны на Северо-Западе Ирана были созданы Демократическая республика Азербайджан и Мехабадская республика, однако их существование закончилось вскоре после вывода советских войск. В конечном итоге в Иране был установлен республиканской строй, однако произошло это по другому сценарию и благодаря не тем политическим силам, на которые в свое время рассчитывали в Москве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рахманиян Д. Чалеш-е джомхури ва сальтанат дар иран: завал-е гаджар ва руе кар амадан-е реза шах (Сражение республики и монархии в Иране: упадок Каджаров и приход к власти Реза-шаха). Тегеран : Нашр-е марказ, 1379. 231 с.
2. Cronin S. Popular Protest, Disorder, and Riot in Iran: The Tehran Crowd and the Rise of Riza Khan, 1921–1925 // International Review of Social History. 2005. Vol. 50, is. 2. P. 167–201.
3. Мадани Дж. Тарих-е тахавволят-е сияси ва равабет-е хареджи иран (История политических преобразований и международных отношений Ирана). Тегеран : Энтэшарат-е пайдар, 1382. Т. IV.
4. Дневник посещений и визитов Полпредства СССР в Персии (30.11.–18.12.1925 г.) // Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 04. Оп. 18. Пап. 123. Д. 182.
5. Telegram. Mr. Monson to Mr. MacDonald. Tehran, March 14, 1924. // British Documents on Foreign affairs: reports and papers from the Foreign Office confidential print. Pt. II: From the First to the Second World War., Ser. B Turkey, Iran and the Middle East, 1918–1939 : in 35 vols. / ed. Robin Bidwell. [Frederick, Md.] : University publications of America, 1990. Vol. 19: Persia IV: Reza Khan and the tribes, July 1923 – October 1924 P. 203.
6. Копия письма Б.З. Шумяцкого Г.В. Чичерину, копия С.К. Пастухову, 20.02.1924 г. // АВПРФ. Ф. 04. Пап. 118. Д. 50767. Л. 36–40.
7. Бюллетень Полпредства СССР в Персии, март 1924 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 90. Д. 93.
8. Хроника тегеранской жизни за март 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 103. Л. 1–34 об.
9. Мала'и Тавани А. Машрутэ ва джомхури: ришеха-йе набесамани назм-е демократик дар иран (Конституционная революция и республика: начала разлада демократического строя в Иране). Тегеран : Гостарде, 1381. 624 с.
10. Дневник посещений и визитов Полпредства СССР в Персии (21.03.–31.03.1924 г.) // АВПРФ. Ф. 028. Оп. 12. Пап. 32. Д. 2, Л. 129–139.
11. Копия доклада К. Гасанова (Никбина) в ИККИ, 28.12.1925 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 109, Л. 26–41.
12. Рудгаркия И. Иран: аз кудета-йе севвом эсфанд 1299 та согут-е реза шах (Иран: от переворота 3 эсфанда 1299 г. до падения Реза-шаха). Тегеран : Пардис-е данеш, 1393. 689 с.
13. Саляхи С. Иран ва до джонбеш дар ним-е гарн (машруте ва нафт) (Иран и два движения в [первой] половине [XX] века (конституционализм и [движение за национализацию нефтяной промышленности]). Тегеран : Амир кабир, 1395. 368 с.
14. Telegram. Sir P. Loraine to Mr. MacDonald. Tehran, January 31, 1924 // British Documents on Foreign affairs… [Frederick, Md.] : University publications of America, 1990. Vol. 19. P. 172–173.
15. Telegram. Sir P. Loraine to Mr. MacDonald. Tehran, February 26, 1924 // British Documents on Foreign affairs… [Frederick, Md.] : University publications of America, 1990. Vol. 19. P. 188.
16. Telegram. Mr. MacDonald to Sir. P. Loraine. Foreign Office, February 29, 1924 // British Documents on Foreign affairs… [Frederick, Md.] : University publications of America, 1990. Vol. 19. P. 188.
17. Telegram. Sir P. Loraine to Mr. MacDonald. Tehran, February 26, 1924 // British Documents on Foreign affairs… [Frederick, Md.] : University publications of America, 1990. Vol. 19. P. 187–188.
18. Katouzian H. State and Society in Iran: the Eclipse of the Qajars and the Emergence of the Pahlavis. London : I.B. Tauris, 2006. 351 p.
19. Дневник посещений и визитов Полпредства СССР в Персии (01.03.–20.03.1924 г.) // АВПРФ. Ф. 028. Оп. 12. Пап. 32. Д. 2. Л. 83–98.
20. Копия письма А.Я. Охтина Чичерину // АВПРФ. Ф. 04. Пап. 118. Д. 50767. Л. 87–98.
21. Martin V. Mudarris, Republicanism and the Rise to Power of Riza Khan, Sardar-I Sipah // The making of modern Iran: State and society under Riza Shah, 1921 – 1941 / ed. S. Cronin. London ; New York : Routlege, Taylor & Francis group, 2003. P. 65–77.
22. Макки Х. Тарих-е бист сале-йе иран (Двадцатилетняя история Ирана). Тегеран : Энтэшарат-е эльми, 1374. Т. II.
23. Сейфпур Фатеми Н. Айине-йе эбрат: хатерат ва руйдадха-йе тарих-е мо'асер-е иран (Уроки прошлого: воспоминания и события современной истории Ирана). Лондон : Джебхе-йе меллиюн-е Иран, 1370 (1991). Т. I.
24. Персидская конституция / пер. М.С. Шахтахтинского. СПб. : В.С. Шульга, 1908. 38 с.
25. Обзор персидской прессы за 19 марта 1924 г. Полпредства СССР в Персии // АВПРФ. Ф. 028. Оп. 12. Пап. 32. Д. 2. Л. 122–124 об.
26. Мохтари Эсфахани Р. Пахлави авваль: аз кудета та согут (Пехлеви Первый: от переворота до падения). Тегеран : Бонгах-е тарджоме ва нашр-е кетаб парсе, 1392. 468 с.

27. Выдержка из письма Г.А. Апресова Ф.А. Ротштейну, апрель 1924 г. // АВПРФ. Ф. 04. Пап. 118. Д. 50767. Л. 99–100.
28. Копия справки Пастухова Чичерину, 28.03.1924 г. // АВПРФ. Ф. 028. Оп. 12. Пап. 32. Д. 2. Л. 146–147.
29. Abrahamian E. A History of Modern Iran. Cambridge : Cambridge university press, 2008. 228 p.
30. Копия доклада Шумяцкого «Советско-персидские дела за май 1924 г.» // АВПРФ. Ф. 04. Пап. 118. Д. 50767, Л. 146–159.
31. Копия письма Шумяцкого Чичерину, 08.07.1924 г. // АВПРФ. Ф. 04. Пап. 118. Д. 50768. Л. 19–29.
32. Копия доклада Шумяцкого «Советско-персидские дела за июнь 1924 г.» // АВПРФ. Ф. 04. Пап. 118. Д. 50768, Л. 31–56.
33. Дневник посещений и визитов Полпредства СССР в Персии (01.05.–15.05.1924 г.) // АВПРФ. Ф. 028. Оп. 12. Пап. 32. Д. 2. Л. 194–239.
34. Копия письма Шумяцкого Чичерину, Пастухову, 26.05.1924 г. // АВПРФ. Ф. 04. Пап. 118. Д. 50767. Л. 112–123.
35. Агаев С.Л. Иран в период политического кризиса, 1920–1925 гг. : (вопросы внешней политики). М. : Наука, 1970. 210 с.
36. Телеграмма Чичерина Реза-хану от 04.07.1924 г. // Документы внешней политики СССР / МИД СССР; сост. А.А. Громыко и др. М. : Госполитиздат, 1960. Т. VII. С. 393.
37. Бюллетень Полпредства СССР в Персии, октябрь 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 100.
38. Дневник посещений и визитов Полпредства СССР в Персии (01.04.–15.04.1924 г.) // АВПРФ. Ф. 028. Оп. 12. Пап. 32. Д. 2. Л. 362–368 об.
39. Бюллетень Полпредства СССР в Персии, январь 1925 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 112.
40. Сводка по Ближнему, Среднему и Дальнему Востоку, Восточный отдел ИККИ, апрель 1925 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 262. Л. 8–55.
41. Копия письма Л.М. Карахана К.К. Юреневу от 22.10.1925 г. // АВПРФ. Ф. 04. Оп. 18. Пап. 124. Д. 195. Л. 91–94.
42. Протокол № 88 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 05.11.1925 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 528.
43. Копия письма Карахана Юреневу от 11.11.1925 г. // АВПРФ. Ф. 04. Оп. 18. Пап. 124. Д. 195. Л. 105–115.
44. Табатаба'и К. Хезб-е сосиялист ва энтегаль-е хокумат аз гаджар бе пахлави (Социалистическая партия и переход власти от Каджаров к Пехлеви). Тегеран : Зиба, 1387. 236 с.
45. Дёмин Ю.А. Советская дипломатия и ее роль в создании и деятельности национального блока в Иране (1922–1924 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22, № 4. С. 66–76.
46. Дневник посещений и визитов Полпредства СССР в Персии (22.06.–05.07.1925 г.) // АВПРФ. Ф. 04. Оп. 18. Пап. 123. Д. 180.
47. Wilber D.N. Riza Shah Pahlavi: the resurrection and reconstruction of Iran. Hicksville, New York : Exposition press, 1975. 301 p.
48. Искандери И. Хатерат-е сияси (Политические воспоминания). Тегеран : Энтэшарат-е эльми, 1368. 743 с.
49. Chaqueri C. Eskandarī, Solaymān (Mohsen) Mīrzā // Encyclopaedia Iranica. URL: http://www.iranicaonline.org/articles/eskandari-solayman-mohsen-mirza, свободный (accessed: 21.01.2018).

Iurii A. Demin, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: yademin1980@yandex.ru; ddeminzz@mail.ru

SOVIET DIPLOMACY AND ITS PARTICIPATION IN THE REPUBLICAN CAMPAIGN IN IRAN (1924)

Keywords: Iran, B.Z. Shumyatsky, Soviet Diplomacy, Republican campaign, Soviet-Iranian relationships.

The main objective of the research is a comprehensive review of the participation of the Soviet diplomacy in the republican campaign of 1924 in Iran and describing the influence of the campaign on the follow-up tactics of the Soviet diplomacy in the country. The research is based on the unpublished documents of the Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation, and Russian State Archive of Social and Political History, as well as various literature, and other materials on the issue.

The pro-republican thought in Iran is rooted in the 19th century, but the campaign itself was initiated by Reza Khan and his supporters and became the first serious attempt to overthrow the Qajar dynasty. The launch of the campaign was met in the Soviet plenipotentiary representation with suspicion: sharing the republican ideas Soviet diplomats in Tehran leaded by B.Z. Shumyatsky were afraid of possible British influence on the republican government to be established. The person of the formal leader of the campaign – S.M. Tadayyun – also looked suspicious in the eyes of the Soviet diplomats. It must be noted that such suspicions were shared by a part of the Iranian public opinion. At the same time, P. Loraine, the British envoy in Iran, was also worried with the rumors of the Soviet support of the idea of the establishment of the republic in the country but Foreign Secretary J.R. MacDonald spoke in favor of neutrality.

The Soviet diplomats took the slogan of convening the Constituent Assembly and made contacts with such leaders of the opposition in the Majles as S.H. Modarres and M.H. Ashtiyani, prominent ulama in Tehran, and Khalisizadah, the prayer-leader of the Tehran bazaar. As a result, the temporary block of the left (the Iranian communists and a part of the socialists) and ulama were organized.

The collapse of the republican campaign gave rise to criticism against Shumyatsky's actions among some Soviet diplomats and led to the change of the Soviet tactics towards the ways of the establishing of the republic in Iran. Returning from Moscow Shumyatsky made a serious effort to support Reza Khan after the April's and during the July's political crises and, in fact, pushed him for the closing of the Majles and the regime change. The Iranian communists who organized the so-called People's Party in cooperation with some Tehran's merchants also worked in that direction.

After the crushing of the campaign Reza Khan himself needed the support from the Soviet side, and despite his public rejection of the republic ideas, in private conversations with the Soviet diplomats he continued to speak in favor of the establishment of the republic in Iran. But after strengthening of his own position, Reza Khan changed his tone concerning the republican prospects and directly moved towards the shah's throne. Thus, the Soviet hope for establishing the republic in Iran did not materialize, and Reza Khan demonstrated his own considerable political skills, became the new shah of Iran.

REFERENCES

1. Rahmanian, D. (1379) *Chälesh-e jomhuri va saltanat dar 'irän: zaväl-e ghäjär va ruye kär ämädan-e rezä shäh* [The Conflict Between Republic and Monarchy in Iran: the Qajar's downfall and Reza Shah's coming to power]. Tehran: Nashr-e markaz.
2. Cronin, S. (2005) Popular Protest, Disorder, and Riot in Iran: The Tehran Crowd and the Rise of Riza Khan, 1921–1925. *International Review of Social History*. 50(2). pp. 167–201. DOI: 10.1017/S002085900500194X
3. Madani, J. (1382) *Tärikh-e tahavvolät-e siyäsi va raväbet-e khäreji 'irän* [The History of Political Evolution and Foreign Relations of Iran]. Vol. 4. Tehran: Entesharat-e paydar.
4. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AFPRF). (1925) *Dnevnik poseshcheniy i vizitov Polpredstva SSSR v Persii (30.11.–18.12.1925 g.)* [Journal of the visits of the Plenipotentiary representation of the USSR in Persia (November 30 – December 18, 1925)]. Fund 04. List 18. Folder 123. File 182.
5. UK. (1990a) Telegram. Mr. Monson to Mr. MacDonald. Tehran, March 14, 1924. In: Bidwell, R. (ed.) *British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print*. Pt. 2. Vol. 19. [Frederick, Md.]: University Publications of America.
6. Shumyatsky, B.Z. (1924) *Kopiya pis'ma B.Z. Shumyatskogo G.V. Chicherinu, kopiya S.K. Pastukhovu, 20.02.1924 g.* [Letter (copy) from B.Z. Shumyatsky to G.V. Chicherin, copy to S.K. Pastukhov, February 20, 1924]. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AFPRF). Fund 04. Folder 118. File 50767. pp. 36–40.

7. USSR. (1924a) *Byulleten' Polpredstva SSSR v Persii, mart 1924 g.* [Bulletin of the Plenipotentiary representation of the USSR in Persia, March 1924]. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 495. List 90. File 93.
8. Anon. (1924a) *Khronika tegeranskoy zhizni za mart 1924 g.* [Chronicle of the Tehran's life, March 1924]. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 495. List 90. File 103. pp. 1–34 ob.
9. Mala'i Tavani, A. (1381) *Mashrute va jomhuri: rishehä-ye näbesämäni nazm-e demokrätik dar 'irän* [Constitutional Revolution and Republic: The Roots of the Disorganization of the Democratic order in Iran]. Tehran: Gostarde.
10. USSR. (1924b) *Dnevnik poseshcheniy i vizitov Polpredstva SSSR v Persii (21.03.–31.03.1924 g.)* [Journal of the visits of the Plenipotentiary representation of the USSR in Persia (March 21–31, 1924)]. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AFPRF). Fund 028. List 12. Folder 32. File 2. pp. 129–139.
11. Gasanov, K. (1925) *Kopiya doklada K. Gasanova (Nikbina) v IKKI, 28.12.1925 g.* [Report (copy). Kerim Gasanov (Nikbin) to the Executive Committee of the Comintern, December 28, 1925]. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 495. List 90. File 109. pp. 26–41.
12. Rudgarkiya, Ir. (1393) *Irän: az kudetä-ye sevvom esfand 1299 tä soghut-e rezä shah* [Iran from the Coup d'etat of Esfand 1299 to the Fall of Reza Shah]. Tehran: Pardis-e dänesh.
13. Salahi, S. (1395) *'Irän va do jonbesh dar nim-e gharn (mashrute va naft)* [Iran and the Two Movements in [the first] Half of [the 20th] Century (Constitutionalism and [the Movement for Nationalization of the Oil Industry])]. Tehran: Amir kabir.
14. UK. (1990b) Telegram. Sir P. Loraine to Mr. MacDonald. Tehran, January 31, 1924. In: Bidwell, R. (ed.) *British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print*. Pt. 2. Vol. 19. [Frederick, Md.]: University Publications of America. pp. 172–173.
15. UK. (1990c) Telegram. Sir P. Loraine to Mr. MacDonald. Tehran, February 26, 1924. In: Bidwell, R. (ed.) *British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print*. Pt. 2. Vol. 19. [Frederick, Md.]: University Publications of America. p. 188.
16. UK. (1990d) Telegram. Mr. MacDonald to Sir. P. Loraine. Foreign Office, February 29, 1924. In: Bidwell, R. (ed.) *British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print*. Pt. 2. Vol. 19. [Frederick, Md.]: University Publications of America. p. 188.
17. UK. (1990e) Telegram. Sir P. Loraine to Mr. MacDonald. Tehran, February 26, 1924. In: Bidwell, R. (ed.) *British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print*. Pt. 2. Vol. 19. [Frederick, Md.]: University Publications of America. pp. 187–188.
18. Katouzian, H. (2006) *State and Society in Iran: the Eclipse of the Qajars and the Emergence of the Pahlavis*. London: I.B. Tauris.
19. USSR. (1924b) *Dnevnik poseshcheniy i vizitov Polpredstva SSSR v Persii (01.03.–20.03.1924 g.)* [Journal of the visits of the Plenipotentiary representation of the USSR in Persia (March 1–20, 1924)]. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AFPRF). Fund 028. List 12. Folder 32. File 2. pp. 83–98.
20. Okhtin, A.Ya. (n.d.) *Kopiya pis'ma A.Ya. Okhtina Chicherinu* [Letter (copy). A.Ia. Okhktin to Chicherin]. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AFPRF). Fund 04. Folder 118. File 50767. pp. 87–98.
21. Martin, V. (2003) Mudarris, Republicanism and the Rise to Power of Riza Khan, Sardar-I Sipah. In: Cronin, S. (ed.) *The making of modern Iran: State and society under Riza Shah, 1921–1941*. London; New York: Routlege, Taylor & Francis group. pp. 65–77.
22. Makki, H. (1374) *Tärikh-e bist sale-ye 'irän* [The Two-decade History of Iran]. Vol. 2. Tehran: Enteshärät-e elmi.
23. Seyfpur Fatemi, N. (1370) *Äyine-ye ebrat: khäterät va ruydädhä-ye tärikh-e mo'äser-e 'irän* [The Lessons of the Past: Memoirs and Events of the Modern History of Iran]. Vol. I. London: Jebhe-ye melliyun-e 'irän.
24. Persia. (1908) *Persidskaya konstitutsiya* [The Persian Constitution]. Translated from Persian by M.S. Shakhtakhtinsky. St. Petersburg: V.S. Shul'ga.
25. USSR. (1924c) *Obzor persidskoy pressy za 19 marta 1924 g. Polpredstva SSSR v Persii* [Press review. Plenipotentiary representation of the USSR in Persia, March 19, 1924]. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AFPRF). Fund 028. List 12. Folder 32. File 2. pp. 122–124 ob.
26. Mokhtati Esfahani, R. (1392) *Pahlavi avval: az kudetä tä soghut* [Pahlavi the First: From the Coup d'etat to the Fall]. Tehran: Bongäh-e tarjome va nashr-e ketäb pärse.
27. Apresov, G.A. (1924) *Vyderzhka iz pis'ma G.A. Apresova F.A. Rotshteynu, aprel' 1924 g.* [Extract from a letter of G.A. Apresov to T.A. Rothstein, April 1924]. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AFPRF). Fund 04. Folder 118. File 50767. pp. 99–100.
28. USSR. (1924d) *Kopiya spravki Pastukhova Chicherinu, 28.03.1924 g.* [Reference (copy). Pastukhov to Chicherin, March 28, 1924]. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AFPRF). Fund 028. List 12. Folder 32. File 2. pp. 146–147.
29. Abrahamian, E. (2008) *A History of Modern Iran*. Cambridge: Cambridge University Press.
30. USSR. (1924e) *Kopiya doklada Shumyatskogo "Sovetsko-persidskie dela za may 1924 g."* [Report (copy). "Soviet-Persian issues for May 1924" by Shumyatsky]. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AFPRF). Fund 04. Folder 118. File 50767. pp. 146–159.
31. USSR. (1924f) *Kopiya pis'ma Shumyatskogo Chicherinu, 08.07.1924 g.* [Letter (copy). Shumyatsky to Chicherin, July 08, 1924]. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AFPRF). Fund 04. Folder 118. File 50768. pp. 19–29.
32. USSR. (1924g) *Kopiya doklada Shumyatskogo "Sovetsko-persidskie dela za iyun' 1924 g."* [Report (copy). "Soviet-Persian issues for June 1924" by Shumyatsky]. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AFPRF). Fund 04. Folder 118. File 50768. pp. 31–56.
33. USSR. (1924h) *Dnevnik poseshcheniy i vizitov Polpredstva SSSR v Persii (01.05.–15.05.1924 g.)* [Journal of the visits of the Plenipotentiary representation of the USSR in Persia (May 1–15, 1924)]. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AFPRF). Fund 028. List 12. Folder 32. File 2. pp. 194–239.
34. USSR. (1924i) *Kopiya pis'ma Shumyatskogo Chicherinu, Pastukhovu, 26.05.1924 g.* [Letter (copy). Shumyatsky to Chicherin, Pastukhov, May 26, 1924]. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AFPRF). Fund 04. Folder 118. File 50767. pp. 112–123.
35. Agaev, S.L. (1970) *Iran v period politicheskogo krizisa, 1920–1925 gg.: (voprosy vneshney politiki)* [Iran in the Period of Political Crisis, 1920–1925: (Foreign Policy Questions)]. Moscow: Nauka.
36. USSR. (1960) Telegramma Chicherina Reza-khanu ot 04.07.1924 g. [Telegram, Chicherin to Reza Khan, July 04, 1924]. In: Gromyko, A.A. et al. *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [USSR Foreign Policy Documents]. Vol. 7. Moscow: Gospolitizdat. p. 393.
37. USSR. (1924j) *Byulleten' Polpredstva SSSR v Persii, oktyabr' 1924 g.* [Bulletin, Plenipotentiary representation of the USSR in Persia, October 1924]. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 495. List 90. File 100.
38. USSR. (1924k) *Dnevnik poseshcheniy i vizitov Polpredstva SSSR v Persii (01.04.–15.04.1924 g.)* [Journal of the visits of the Plenipotentiary representation of the USSR in Persia (April 1–15, 1924)]. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AFPRF). Fund 028. List 12. Folder 32. File 2. pp. 362–368 ob.
39. USSR. (1925a) *Byulleten' Polpredstva SSSR v Persii, yanvar' 1925 g.* [Bulletin, Plenipotentiary representation of the USSR in Persia, January 1925]. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 495. List 90. File 112.
40. USSR. (1925b) *Svodka po Blizhnemu, Srednemu i Dal'nemu Vostoku, Vostochnyy otdel IKKI, aprel' 1925 g.* [Summary (the Near East, the Middle East, the Far East) by the Eastern Department of the Executive Committee of the Comintern, April 1925]. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 495. List 154. File 262. pp. 8–55.
41. USSR. (1925c) *Kopiya pis'ma L.M. Karakhana K.K. Yurenevu ot 22.10.1925 g.* [Letter (copy). L.M. Karakhan to K.K. Yurenev, October 22, 1925]. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AFPRF). Fund 04. List 18. Folder 124. File 195. pp. 91–94.
42. The CC of Russian Communist Party (Bolsheviks). (1925) *Protokol № 88 zasedaniya Politbyuro TsK RKP(b) ot 05.11.1925 g.* [Minutes. Meeting of the Politburo of the CC. of the RCP (Bolsheviks), November 5, 1925]. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 3. File 528.

43. USSR. (1925d) *Kopiya pis'ma Karakhana Yurenevu ot 11.11.1925 g.* [Letter (copy). Karakhan to Yurenev, November 11, 1925]. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AFPRF). Fund 04. List 18. Folder 124. File 195. pp. 105–115.
44. Tabataba'I, K. (1387) *Hezb-e sosiyälist va enteghäl hokumat az ghäjär be pahlavi* [The Socialist Party and the transition of power from the Qajars to the Pahlavies]. Tehran: Zibä.
45. Demin, Yu.A. (2017) Soviet Diplomacy and Its Role in Creation and Activity of the National Bloc in Iran (1922-1924). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya – Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 22(4). pp. 66–76. (In Russian). DOI: 10.15688/jvolsu4.2017.4.7
46. USSR. (1925e) *Dnevnik poseshcheniy i vizitov Polpredstva SSSR v Persii (22.06.–05.07.1925 g.)* [Journal of the visits of the Plenipotentiary representation of the USSR in Persia (June 22 – July 5, 1925)]. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AFPRF). Fund 4. List 18. Folder 123. File 180.
47. Wilber. D.N. (1975) *Riza Shah Pahlavi: the resurrection and reconstruction of Iran*. Hicksville, New York: Exposition press.
48. Eskandari, I. (1368) *Khäterät-e siyäsi* [Political memoirs]. Tehran: Enteshärät-e elmi.
49. Chaqueri, C. (n.d.) Eskandarī, Solaymān (Mohsen) Mīrzā. *Encyclopaedia Iranic*a. [Online] Available from: http://www.iranicaonline.org/articles/eskandari-solayman-mohsen-mirza (Accessed: 21st January 2018).

УДК 94
DOI: 10.17223/19988613/66/12

Н.А. Лукинский, Е.В. Савкович

ПОЗИЦИЯ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В ТОРГОВОЙ ВОЙНЕ С США (2018 г. – настоящее время)

Проводится анализ официальной позиции Китайской Народной Республики в торговой войне с Соединенными Штатами Америки в период с 2018 г. по настоящее время. Рассматриваются заявления представителей власти по поводу отношений с США в ходе развития конфликта. Изучаются опубликованные правительством КНР документы, тематически привязанные к данному конфликту, с целью подробно описать позицию Китая. Анализируются Белые книги КНР 2018 и 2019 гг. в качестве основных документов, позволяющих охарактеризовать позицию Китая.

Ключевые слова: Китай; США; Д. Трамп; политика; международные отношения; экономика; Кимерика.

Взаимоотношения Китая и США в рассматриваемый период (с 2018 г. до нынешних дней включительно) характеризуются сложным конфликтом в экономико-политической сфере, который принято называть торговой войной двух стран. Датой начала конфликта, как правило, считается начало 2018 г. – период, когда нынешний президент Соединенных Штатов перешел к активным действиям по восстановлению торгового баланса в отношениях КНР и США. Ранее Трамп делал резкие заявления по поводу того, как он видит Китай в отношениях с США, в том числе в ходе своей предвыборной кампании, чем завоевал расположение многих американцев, поддерживающих схожие взгляды. Так, в мае 2016 г. будущий президент заявил следующее: «Мы не можем продолжать позволять Китаю насиловать нашу страну… Это крупнейшая кража в истории всего мира…» [1]. Подобные заявления он делал в связи с тем, что считал экономическую деятельность Китая в отношении США нечестной и нарушающей баланс.

Тем не менее тогда это были лишь устные претензии как к самому Китаю, так и к американскому руководству, непосредственно позволившему отношениям двух стран достичь такого вектора развития. С 2018 г., однако, недовольство стало воплощаться в активных действиях. Переход к тактике «Америка прежде всего» подразумевал резкое усиление протекционизма в США, что сразу же нашло отражение в деятельности Администрации: в январе 2018 г. были введены высокие тарифы на импорт стиральных машин и солнечных панелей. Это стало первым важным шагом со стороны американского руководства, направленным на установление торговых барьеров, необходимых для защиты производителей в США, по мнению Д. Трампа [2]. Роберт Лайтхайзер, занимающий должность торгового представителя в Администрации Трампа, заявил: «Комиссия по международной торговле США выявила, что производители США серьезно пострадали от импорта, и сделала несколько рекомендаций президенту. Получив эти рекомендации, я и мои сотрудники провели длительное исследование, которое включало в себя возможность проводить брифинги и встречи со старшими представителями. На основании этой информации были разработаны рекомендации, которые президент принял. Действия президента вновь дают понять, что администрация Трампа всегда будет защищать в этом отношении американских рабочих, фермеров, владельцев ранчо и владельцев бизнесов» [3]. Дальнейшие действия Администрации США в целом придерживались аналогичной логики.

Официальная позиция Китая по вопросу взаимоотношений с США в ходе этого конфликта остается неизменной, ее можно сформулировать следующим образом: «Китай не пойдет на компромисс по принципиальным вопросам. Китай не хочет торговой войны, но не боится ее и в случае необходимости будет сражаться в ней». Изначально продемонстрировав, что Китай не готов уступать, руководство страны продолжает придерживаться этого курса. Так, в 2019 г. была выпущена Белая книга КНР, в которой заявлялось, что конфликт между двумя государствами вредит экономике Соединенных Штатов. «Введение тарифов не стимулировало экономический рост в США. Вместо этого экономике страны был нанесен серьезный ущерб», – говорится в докладе Китая, намекая на рост издержек производства и потребительских цен в Соединенных Штатах. «Торговая война не “вернула Америке былое величие”», – отмечается в нем, что является отсылкой к предвыборному лозунгу президента США Дональда Трампа в 2016 г. [4]. Подобное заявление является достаточно грубым, особенно учитывая контекст, в котором данные события непосредственно происходят.

Торговая война США и КНР имела несколько серьезных «переломных моментов». В частности, выход вышеупомянутой Белой книги произошел буквально спустя несколько дней после введения Пекином дополнительных тарифов на некоторые американские категории товаров (косметика, кухонное оборудование (плиты, кофемашины), спортивный инвентарь, музыкальные инструменты, некоторые виды алкоголя (джин, текила, вино), а также прочие отдельные виды продукции – игрушки, промышленные роботы, шины, контрацептивы, деревянные изделия). Ответные меры

КНР предприняты, несмотря на предупреждения Трампа о том, что «Китаю не следует мстить», а если это произойдет, то «будет только хуже». Пекин, со своей стороны, заявил, что «никогда не поддастся внешнему давлению» [5]. Более того, в тот же период китайское руководство заявило о намерении создать черный список американских компаний, являющихся потенциально «вредными» для Китайской Народной Республики: «Иностранные предприятия, организации или частные лица, которые не соблюдают рыночные правила, отклоняются от “духа контракта”, навязывают блокады или прекращают поставки китайским предприятиям в некоммерческих целях и наносят серьезный ущерб законным правам и интересам китайских предприятий, будут включены в список “ненадежных лиц”», – заявил представитель министерства торговли Гао Фэн [Ibid.].

Данные действия китайской стороны стали ответной реакцией на обнародование Администрацией США списка иностранных компаний, с которыми необходимо было в ближайшие сроки прекратить сотрудничество. В числе этих компаний была китайская корпорация Huawei, в отношении которой долгое время возникали подозрения в использовании тайных средств в производимых ею смартфонах для шпионажа и слежки за американскими гражданами: «Президент ясно дал понять, что Администрация сделает все возможное, чтобы обеспечить безопасность и процветание Америки и защитить Америку от иностранных противников, которые все активнее создают и эксплуатируют уязвимости», – говорилось в заявлении Госдепартамента [6]. Учитывая неоднозначность обвинений китайской корпорации со стороны США ввиду изначальной нехватки доказательств, данный агрессивный выпад можно расценивать как экономический инструмент, используя который, Трамп рассчитывал достичь определенных политических успехов в конфликте с Китаем. Тем не менее представители КНР были скорее разочарованы, чем испуганы действиями американцев. «Отстранение Huawei от ведения бизнеса в США не усилит страну и не повысит ее безопасность; вместо этого оно будет лишь ограничивать США более низкими, но более дорогими технологическими альтернативами, оставляя США отстающими в развертывании сетей 5G и в конечном итоге нанося ущерб интересам американских компаний и потребителей», – говорилось в официальном заявлении представителей Huawei [6].

Дополнительные выводы об официальной позиции руководства Китайской Народной Республики по вопросу отношений с США и изменения этих отношений можно сделать, подробнее изучив Белые книги 2018 и 2019 гг., выпущенные с разницей менее чем в год. Интересующие нас документы имеют названия «Факты и позиция Китая по поводу китайско-американских торговых трений» и «Позиция Китая относительно китайско-американских экономических и торговых консультаций» (выпущены в сентябре 2018 и июне 2019 г. соответственно).

Так, в датированном 2018 г. документе упоминается издаваемый ежегодно Торговым Представительством США Специальный отчет 301, в котором Китай обвиняется в «экономической агрессии», «нечестной торговле», «краже интеллектуальной собственности» и «национальном капитализме» [7. P. 17]. «…Это заявление закрывает глаза на огромный прогресс в реформировании и открытости Китая, а также на преданность и усердную работу китайского народа. Это неуважительно по отношению к китайскому правительству и народу, а также несовместимо с реальными интересами американских граждан. Это только усугубит разногласия и напряженность, что в конечном итоге нанесет ущерб коренным интересам обеих стран», – заявляется в документе. Подобные комментарии со стороны Китая характеризуют позицию восточного государства с другой стороны: помимо выражения «разочарованности» действиями США, напоминаний о последствиях для экономики самой Америки, прямым вступлениям в конфронтацию путем использования зеркальных мер, таких как введение тарифов на отдельные категории товаров и санкций в отношении компаний американского происхождения, китайское руководство позволяет себе напомнить о расхождении политического курса американского государства и интересов его граждан, дабы продемонстрировать своим «противникам» в торговой войне тот факт, что развязывание ими конфликта более всего вредит самим американцам.

Другой чертой позиции Китая по вопросу взаимоотношений с США в ходе торговой войны является «отражение» американских претензий путем обоснованной аргументации по каждой из проблем. Так, в вышеупомянутом документе 2018 г. китайской стороной поочередно разбираются на предмет обоснованности и оправданности основные жалобы и требования Соединенных Штатов. К ним относятся: крупный дисбаланс в торговле, «нечестные» торговые практики, принудительный трансфер технологий, грубые нарушения прав на интеллектуальную собственность и др. [7]. Каждая претензия комментируется отдельно, и в большинстве случаев подвергается критике. Наличие такого раздела в официальном государственном документе довольно важно в подобной обстановке на международной арене, так как позволяет определить и охарактеризовать внешнеполитическую позицию государства. Используя эту часть Белой книги как средство донесения информации, Китай заявляет своим противникам и сторонникам о неправоте США, предоставляя доказательства своей точки зрения. Это позволяет руководству КНР дополнительно защититься от «нападок» Америки, а также расширить набор инструментов, доступных для использования в торговой войне.

В качестве первого примера следует рассмотреть разбор китайской стороной такой проблемы, как растущий торговый дефицит в отношениях двух стран, регулярно упоминаемый Трампом. Со стороны США преобладание импорта над экспортом долгое время является характерной чертой торговых отношений с Китаем. В период с 2013 до 2015 г. наблюдался стабильный рост этого показателя (316,68, 344,82, 367,33 млрд долл. США в 2013, 2014 и 2015 гг. соответственно); в 2016 г. произошел небольшой спад (дефицит достиг 347 млрд долл. США), а затем в следующие два

года показатель снова резко возрос, достигнув 375,58 млрд долл. США в 2017 г. и 419,16 млрд долл. США в 2018 г. [8]. Рост данного показателя является одной из наиболее существенных причин обеспокоенности американских граждан [9. P. 117], что вполне оправданно, так как рост торгового дефицита говорит об оттоке национальной валюты в другое государство.

Долгое время нынешний президент США указывал на торговый дефицит как доказательство того, что Китай, как и некоторые другие страны, использует недобросовестные торговые практики в отношениях с Америкой, тем самым нанося ей ущерб. Тем не менее это заявление оспаривалось экономистами, которые считают, что данный показатель не подходит для измерения состояния американской экономики, так как вытекает из того, что экономика страны имеет быстрые темпы роста, из-за чего ее граждане покупают все больше товаров [10]. В Белой книге КНР за 2018 г. состоятельность этого аргумента Дональда Трампа также оспаривается: «Несбалансированность торговли товарами между Китаем и США является естественным результатом добровольного выбора, который США сделали в отношении экономической структуры и рынка в свете своих сравнительных преимуществ. Чтобы решить эту проблему, обеим сторонам необходимо предпринять согласованные усилия по перестройке» [7. P. 18]. Более того, проблемой данного показателя является неучет торговли услугами и продаж местных филиалов в принимающей стране: «Если в полной мере учитывать эти три фактора – товарную торговлю, торговлю услугами и продажи филиалов в принимающей стране, торгово-экономическое сотрудничество обеспечивает сбалансированные выгоды в целом для Китая и Соединенных Штатов, причем последние получают больше чистых выгод» [Ibid.].

В Белой книге приводятся следующие причины образования пропасти между КНР и США в структуре их торговли. Во-первых, очень низкие нормы сбережений. Американская экономика характеризуется низкими сбережениями и высоким уровнем потребления. Испытывать торговый дефицит Соединенные Штаты начали еще в 1971 г., и к 2017 г. внешний долг образовался в отношениях с 102 странами.

Во-вторых, с позиции руководства КНР, сложившаяся ситуация – это справедливое отражение взаимодополняемости китайской и американской промышленности. С точки зрения структуры торговли положительное сальдо торгового баланса Китая с США в основном обусловлено трудоемкими продуктами и промышленными товарами, а дефицит торгового баланса США связан с капиталоемкими и высокотехнологичными продуктами, такими как самолеты, интегральные схемы и автомобили, а также сельскохозяйственная продукция. В 2017 г. Китай имел дефицит торгового баланса с США по сельскохозяйственной продукции в размере 16,4 млрд долл. США, что составило 33% от общего торгового дефицита Китая в сельскохозяйственном секторе, торговый дефицит по американским самолетам на сумму 12,75 млрд долл. США, (60% общего торгового дефицита Китая в этом секторе); Китай также имел дефицит в торговле автомобилями с Соединенными Штатами на 11,7 млрд долл. США. Таким образом, дисбаланс в торговле товарами является результатом добровольного выбора рынка, когда обе страны играют на своих промышленных конкурентных преимуществах [Ibid. P. 20].

В-третьих, ситуация является результатом развития международной системы разделения труда и меняющейся конфигурации размещения своих производств крупными транснациональными компаниями. По мере расширения системы многие компании переносили свои заводы для сборки и производства товаров в КНР, а затем продавали их в США и на международном рынке. Причинами этого были низкая себестоимость товаров, усиление вспомогательного производства и надежная инфраструктура. 59% торгового профицита КНР с США в 2017 г. было обеспечено предприятиями с долей иностранных инвестиций. В процессе трансформации Азиатско-Тихоокеанской промышленной сети Китай взял на себя сальдо Японии, Республики Кореи и других стран в отношениях с Соединенными Штатами. Так, доли Японии, РК и других стран Восточной Азии в торговом дефиците США снизились с 53,3% в 1990 г. до 11% в 2017 г., в то время как профицит Китая в структуре торговли с США повысился с 9,4 до 46,3% в аналогичный период [Ibid. P. 21].

В-четвертых, существующее положение является следствием контроля США за экспортом высокотехнологичной продукции, экспортируемой в Китай. США могут похвастаться огромной конкурентоспособностью в сфере высоких технологий. Тем не менее они налагают строгий экспортный контроль на товары, поставляемые в Китай, тем самым ограничивая потенциал выгодного экспорта США, вызывая значительные потери экспортных возможностей и увеличивая его торговый дефицит с Китаем [Ibid. P. 22].

В-пятых, сложившаяся ситуация – это результат того, что доллар США является основной мировой валютой. Бреттон-вудская система, созданная после Второй мировой войны, была основана на долларе США. С одной стороны, США используют свою «непомерную привилегию», чтобы взимать сеньораж со всех стран. Для США стоимость печати 100-долларовой банкноты составляет не более нескольких центов, но другие страны должны будут предоставить реальные товары и услуги в обмен на эту банкноту. С другой стороны, как основная мировая валюта доллар США поддерживает мировые торговые расчеты, а США поставляют доллары в мир через дефицит. Поэтому за торговым дефицитом США лежат глубокие интересы Соединенных Штатов и сами основы международной валютной системы [Ibid.].

Наконец, в Белой книге КНР заявляется о расхождении в самих показателях торгового дефицита. Так, в 2017 г. китайская статистика зафиксировала положительное сальдо в размере 275,8 млрд долл. США, в то время как американская сторона назвала цифру в 395,8 млрд долл. США. Причинами появления разрыва в более чем сто миллиардов являются добавленная стоимость транзитной торговли, прямая торговая наценка, географическая юрисдикция и задержка доставки [Ibid. P. 23].

Другим проблемным вопросом в отношениях двух государств является «честная торговля», часто упоминаемая американской стороной. В отличие от предыдущих администраций, нынешняя ориентируется не на «свободную» торговлю, строящуюся на международных принципах, а на собственную стратегию «Америка прежде всего». По мнению правительства США, отсутствие взаимности в торговле на рынках других стран ставит США в несправедливое положение и приводит к дисбалансу в двусторонней торговле. Такая концепция взаимности несовместима с принципом взаимовыгодности ВТО [7. P. 24]. Всемирная торговая организация предоставляет развивающимся странам, ставшим ее членами, возможность в течение определенного периода получать дополнительную помощь со стороны более развитых стран. Это сделано в интересах как отстающих, так и уже развитых стран. Растущая инклюзивность ВТО позволяет менее развитым странам с большим комфортом стать более полноценным членом международного сообщества, а развитые страны, со стороны которых поступала помощь, в будущем получат от этих государств собственную выгоду как партнеры. Так, согласно Белой книге КНР, в 2017 г. ВВП на душу населения в Китае составил 8,643 долл. США, т.е. всего 14,5% от соответствующего показателя США. Исходя из этого, китайская сторона заявляет, что требовать установления одинаковых тарифов в отношениях КНР и США с обеих сторон просто несправедливо, учитывая разницу в уровне развития их экономик [Ibid. P. 25]

Следующий пункт критики в отношении КНР – трансфер технологий. Согласно заявлениям Администрации Президента США, Китай на регулярной основе принуждает американские компании передавать собственные технологии китайцам, как правило, в обмен на право вести бизнес на территории Поднебесной [9. P. 116]. Тем не менее китайское руководство в своей Белой книге также выражает несогласие с американскими партнерами в этом конфликте, заявляя, что трансфер технологий в ходе сотрудничества Китая и развитых стран, таких как США, осуществляется на добровольной основе и инициируется со стороны Соединенных Штатов, так как сами предприниматели ищут способ максимизировать свою выгоду на этом рынке. Отдельно отмечается и то, что китайским руководством ни разу не был принудительно навязан трансфер, а торговые китайско-американские отношения всегда ведутся на основе договора, что подразумевает их прозрачность, добровольность и обоюдность [Ibid. P. 30]

Еще одним нерешенным вопросом во взаимоотношениях двух стран является проблема прав на интеллектуальную собственность (ИС). Принимая факт существования определенных проблем в этой сфере, китайское руководство стремится показать, что для изменения ситуации ведется большая работа. Так, в 2014 г. Китай создал три трибунала по ИС в Пекине, Шанхае и Гуанчжоу для рассмотрения межрегиональных дел по ИС, в том числе связанных с патентами. С 2009 г. в Китае создано 16 специальных судебных органов в Тяньцзине, Нанкине, Сучжоу, Ухане, Сиане и других городах, что позволило улучшить профессиональное рассмотрение дел в области ИС. В период с 2013 по 2017 г. в китайские суды поступило 813 564 новых дел по всем видам интеллектуальной собственности, было рассмотрено и закрыто 781 257 дел. В 2017 г. китайские суды получили 213 480 дел первой инстанции и завершили 202 970 дел, что соответственно на 46 и 43% больше, чем в предыдущем году. В Китае рассматривается больше дел по ИС, особенно по патентам, чем в любой другой стране. Китай обеспечивает равную защиту законных прав и интересов китайских и иностранных заинтересованных сторон в соответствии с законом. В 2016 г. китайские суды рассмотрели и закрыли 1 667 дел первой инстанции, связанных с иностранными юридическими и физическими лицами, что на 25,6% больше, чем в предыдущем году. Период вынесения судебных решений по делам, связанным с ИС, в Китае является одним из самых коротких в мире: Пекинский суд по ИС рассматривает дела в среднем за четыре месяца. Благодаря своей быстрой судебной процедуре Китай все чаще выбирается в качестве форума для некитайских компаний для разрешения споров в области ИС, и значительная часть как истцов, так и ответчиков в пекинском суде по ИС являются иностранцами [Ibid. P. 35]. Представляя эти подробные данные по статистике рассмотрения дел, касающихся ИС в Китае, руководство КНР демонстрирует свои успехи по улучшению обстановки в данной сфере.

Помимо высказывания аргументов против американских обвинений, Китай, используя официальные государственные документы и заявления, выдвигает и собственные. В июне 2019 г. была выпущена Белая книга, большая часть которой детально рассматривает действия США в ходе торговой войны и их негативные последствия.

В частности, рассматриваются экономические показатели, изменяющиеся в ходе конфликта: «Администрация США ввела дополнительные тарифы на китайские товары, экспортируемые в США, препятствуя двустороннему торговому и инвестиционному сотрудничеству и подрывая доверие рынка и экономическую стабильность в обеих странах и во всем мире. Тарифные меры в США приводят к сокращению объема экспорта Китая в США, который упал на 9,7% в годовом исчислении за первые четыре месяца 2019 г., снижаясь в течение пяти месяцев подряд. Кроме того, поскольку Китай вынужден вводить тарифы в качестве меры противодействия росту тарифов США, экспорт США в Китай снижается уже восемь месяцев подряд. Неопределенность, вызванная экономическими и торговыми трениями между США и Китаем, сделала компании в обеих странах более нерешительными в отношении инвестиций. Китайские инвестиции в США продолжают падать, и темпы роста американских инвестиций в Китай также замедлились. Согласно китайской статистике, прямые инвестиции китайских компаний в США в 2018 г. составили 5,79 млрд долл. США, что на 10% ниже по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. В 2018 г. вложенные США инвестиции в Китай составили 2,69 млрд долл. США, увеличившись всего на 1,5% в годовом исчислении по сравне-

нию с ростом на 11% в 2017 г. С учетом неясных перспектив торговых разногласий между Китаем и США ВТО снизила прогноз роста мировой торговли в 2019 г. с 3,7 до 2,6%» [11. P. 8].

Помимо последствий для непосредственных участников конфликта – Соединенных Штатов и Китая, – в Белой книге КНР указываются и глобальные последствия, что также важно отметить.

Во-первых, предпринимаемые американцами меры подрывают авторитет многосторонней системы торговли. К примеру, проведенные американскими агентствами расследования по разделам 201, 232, 301 и последующие введения дополнительных тарифов являются нарушениями правил ВТО, а также вредят интересам ВТО как организации, способной разрешать торговые споры между странами-членами.

Во-вторых, они угрожают экономическому росту мировой экономики, так как нарушают сложившиеся экономические и торговые порядки, толкая назад экономику, которая восстанавливается от последствий кризиса.

В-третьих, действия США разрушают глобальные производственно-сбытовые цепочки. Китай и США являются ключевыми звеньями глобальных промышленных цепей и цепей поставок. Учитывая большой объем промежуточных товаров и компонентов из других стран в китайских конечных продуктах, экспортируемых в США, повышение тарифов в США нанесет ущерб всем транснациональным корпорациям – и не в последнюю очередь американским, – которые работают с китайскими компаниями. Тарифные меры искусственно увеличивают стоимость цепочек поставок и подрывают их стабильность и безопасность. В результате некоторые предприятия вынуждены перенастраивать свои глобальные цепочки поставок за счет оптимального распределения ресурсов [Ibid. P. 11].

Таким образом, в ходе торговой войны с Соединенными Штатами Америки Китай использовал и продолжает использовать большое количество различных мер и инструментов. Помимо введения ответных мер, аналогичных агрессивной тарифной политике американцев в отношении отдельных категорий товаров, КНР применяет и более «тонкие» способы. Из них, по нашему мнению, наибольший интерес представляет выдвижение обоснованных контраргументов по основным претензиям к Китаю со стороны США. Стоит отметить и обратное обвинение Соединенных Штатов через официальные документы и заявления. В данном случае обвинения не содержат агрессивного подтекста или не диктуются только лишь стремлением «отомстить» за обиды со стороны американцев. Напротив, они включают в себя аргументированное мнение китайской стороны и подтверждающую статистику. Более того, Китай не только рассматривает конфликт в контексте противостояния двух стран, но и предупреждает о последствиях для всего мира, не пытаясь вовлечь в эту ситуацию как можно больше стран, а стараясь снизить градус напряженности, демонстрируя возможные варианты развития.

В целом, действия КНР представляются более рациональными и предсказуемыми, чем поступки Администрации Президента США. На данный момент ситуация остается достаточно сложной и малопрогнозируемой, даже несмотря на согласование сторонами первой части торгового соглашения в результате переговоров 13 декабря 2019 г. Заявление было согласовано, но не подписано. Ранее подобные сделки уже срывались в последний момент, однако в этот раз намерения сторон представляются серьезными. «Конкретные условия перемирия известны только со слов американцев. Они утверждают, что Пекин обязался увеличить закупки американских товаров и услуг в ближайшие два года на 200 млрд долл. по сравнению с “довоенным” уровнем 2017 г. В ответ США снизят часть пошлин на китайский импорт и откажутся от введения новых с 15 декабря» [12]. Однако, судя по размытости заявлений, стороны все еще далеки от конкретного соглашения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Trump: 'We can't continue to allow China to rape our country' // CNN Politics. URL: https://edition.cnn.com/2016/05/01/politics/donald-trump-china-rape (accessed: 08.12.2019).
2. Trump Slaps Steep Tariffs on Foreign Washing Machines and Solar Products // The New York Times. URL: https://www.nytimes.com/2018/01/22/business/trump-tariffs-washing-machines-solar-panels.html (accessed: 08.12.2019).
3. President Trump approves relief for U.S. washing machine and solar cell manufacturers // Office of the United States Trade Representative. URL: https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2018/january/president-trump-approves-relief-us (accessed: 08.12.2019).
4. Trade war 'hasn't made America great again,' says China // DW News. URL: https://www.dw.com/en/trade-war-hasnt-made-america-great-again-says-china/a-49005422 (accessed: 08.12.2019).
5. China retaliatory tariffs on US goods come into force // DW News. URL: https://www.dw.com/en/china-retaliatory-tariffs-on-us-goods-come-into-force/a-48990946 (accessed: 08.12.2019).
6. US blacklists Huawei as Trump declares national emergency // DW News. URL: https://www.dw.com/en/us-blacklists-huawei-as-trump-declares-national-emergency/a-48755832 (accessed: 12.12.2019).
7. The Facts and China’s Position on China-US Trade Friction / The State Council of the People’s Republic of China. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/09/26/content_281476319220196.htm (accessed: 13.12.2019).
8. United States goods trade deficit with China from 2013 to 1st half 2019 (in billion U.S. dollars) // Statista – The Statistitcs Portal for Market Data, Market Research and Market Studies. URL: https://www.statista.com/statistics/939402/us-china-trade-deficit/ (accessed: 15.12.2019).
9. Лукинский Н.А., Савкович Е.В. Развитие отношений КНР и США при администрации Д. Трампа с позиции Соединенных Штатов // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 60. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000666265 (дата обращения: 15.12.2019).
10. Trump Vowed to Shrink the Trade Gap. It Keeps Growing. // The New York Times. URL: https://www.nytimes.com/2019/11/05/us/politics/us-trade-deficit.html (accessed: 15.12.2019).
11. China’s Position on the China–US Economic and Trade Consultations / The State Council of the People’s Republic of China. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2019/06/02/content_281476694892692.htm (accessed: 15.12.2019).
12. Китай и США приостановили торговую войну. Победа или капитуляция Дональда Трампа? // BBC News. Русская служба. URL: https://www.bbc.com/russian/news-50795523 (дата обращения: 15.12.2019).

Nikolai A. Lukinskiy, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: nikolai.lukinsky2015@yandex.ru
Yevgeni V. Savkovich, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: savkovic@sibmail.com

THE POSITION OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA IN THE TRADE WAR WITH THE UNITED STATES (2018 – PRESENT)

Keywords: China, the USA, D. Trump, politics, international relations, economics, Chimerica.

Since 2018, the relations between the People's Republic of China and the United States of America have been a large, unpredictably developing conflict in the decisive spheres of the economics and politics. The purpose of this work is to study and characterize the position of the People's Republic of China regarding the United States during the Trade War. To achieve this goal, an analysis of statements by representatives of the PRC leadership, as well as officially published documents is being made. In the course of the conflict, both sides exchanged mutual accusations on several occasions. In particular, the United States accused China of using "unfair" trade practices that hurt the economic partnership between the two countries, forcing US companies to transfer technology and systematical violation of intellectual property rights. One of the main reasons for American concerns about China for a long time has been the growing trade imbalance. An analysis of the White papers officially published by the People's Republic of China in 2018 and 2019 on the issue of the conflict under consideration allows us to build an understanding of the specific position of the PRC leadership on each of the existing difficulties. One of the main features of China's position in the conflict is clearly distinguished - a peculiar "reflection" of American allegations by reasoned argumentation on each of the problems. Thus, for example, one of the key stumbling blocks in reaching an agreement between the two states - the size of the US trade deficit in relations with China - is considered. This indicator reached 316.68 billion US dollars in 2013, and in 2018 it was already 419.16 billion. There is a tendency of widening of the gap in the size of the difference between exports and imports of the United States, which quite rightly causes the administration's concern. However, from the Chinese point of view, in the context of relations between the two states, a detailed examination of this indicator does not make sense, since there are a number of reasons for the long existence of this problem, and its complete solution requires a detailed joint work in order to restructure the entire system of economic relations between the two countries. Moreover, in addition to counteracting attacks from the United States, the leadership of the People's Republic of China also presses its own charges. Most of the information presented in the 2019 White Paper describes China's stance on US-China trade friction. It is important to note that China accuses America of causing harm not only to two countries as direct participants in the Trade War, but also pays attention to the global consequences, thus taking the conflict beyond the framework of interstate disagreements. The article also draws the conclusion about the main features of China's position in the context of the Trade War with the United States.

REFERENCES

1. Diamond, J. (2016) *Trump: 'We can't continue to allow China to rape our country'*. [Online] Available from: https://edition.cnn.com/2016/05/01/politics/donald-trump-china-rape (Accessed: 8th December 2019).
2. Swanson, A. & Plumer, B. (2018) *Trump Slaps Steep Tariffs on Foreign Washing Machines and Solar Products*. [Online] Available from: https://www.nytimes.com/2018/01/22/business/trump-tariffs-washing-machines-solar-panels.html (Accessed: 8th December 2019).
3. Office of the US Trade Representative. (2018) *President Trump approves relief for U.S. washing machine and solar cell manufacturers*. [Online] Available from: https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2018/january/president-trump-approves-relief-us (Accessed: 8th December 2019).
4. DW News. (n.d.) *Trade war 'hasn't made America great again,' says China*. [Online] Available from: https://www.dw.com/en/trade-war-hasnt-made-america-great-again-says-china/a-49005422 (Accessed: 8th December 2019).
5. DW News. (n.d.) *China retaliatory tariffs on US goods come into force*. [Online] Available from: https://www.dw.com/en/china-retaliatory-tariffs-on-us-goods-come-into-force/a-48990946 (Accessed: 8th December 2019).
6. DW News. (n.d.) *US blacklists Huawei as Trump declares national emergency*. [Online] Available from: https://www.dw.com/en/us-blacklists-huawei-as-trump-declares-national-emergency/a-48755832 (Accessed: 12th December 2019).
7. The State Council of the People's Republic of China. (2018) *The Facts and China's Position on China-US Trade Friction*. [Online] Available from: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/09/26/content_281476319220196.htm (Accessed: 13th December 2019).
8. Statista – The Statistitcs Portal for Market Data, Market Research and Market Studies. (2020) *United States goods trade deficit with China from 2013 to 1st half 2019 (in billion U.S. dollars)*. [Online] Available from: https://www.statista.com/statistics/939402/us-china-trade-deficit/ (Accessed: 15th December 2019).
9. Lukinski, N.A. & Savkovich, Ye.V. (2019) The development of relations between China and the United States under the administration of D. Trump from the position of the United States. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 60. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/60/16
10. Swanson, A. (2019) *Trump Vowed to Shrink the Trade Gap. It Keeps Growing*. [Online] Available from: https://www.nytimes.com/2019/11/05/us/politics/us-trade-deficit.html (Accessed: 15th December 2019).
11. The State Council of the People's Republic of China. (2019) *China's Position on the China–US Economic and Trade Consultations*. [Online] Available from: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2019/06/02/content_281476694892692.htm (Accessed: 15th December 2019).
12. Kalmykov, A. (2019) *Kitay i SShA priostanovili torgovuyu voynu. Pobeda ili kapitulyatsiya Donal'da Trampa?* [China and the United States have suspended the trade war. Donald Trump's victory or surrender?]. [Online] Available from: https://www.bbc.com/russian/news-50795523 (Accessed: 15th December 2019).

УДК 314/744
DOI: 10.17223/19988613/66/13

Е.В. Хахалкина, А.В. Мунько

ЭВОЛЮЦИЯ АНТИИММИГРАЦИОННЫХ ВЗГЛЯДОВ Э. ПАУЭЛЛА В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ДЕКОЛОНИЗАЦИИ В 1950–1960-е гг.

Раскрываются идейно-политические взгляды британского консерватора Э. Пауэлла по миграционному и расовому вопросам с помощью таких методологических инструментов, как методы и стратагемы убеждающей коммуникации, критический дискурс-анализ и историко-биографический подход. Делается вывод, что основа резких антиимиграционных взглядов Пауэлла была заложена во время его пребывания в Индии, и последующая их эволюция обусловлена неприятием перехода Великобритании с имперских позиций на положение ведущей державы второго ранга.

Ключевые слова: Э. Пауэлл; деколонизация; Акт о расовых отношениях 1975 г.; иммиграция; расизм.

В современной Великобритании на фоне произошедшего Брекзита и региональных сепаратистских движений наблюдается кризис идентичности, затрагивающий все сферы жизнедеятельности общества. Данный процесс отразился на миграционной и расовой повестке Соединенного Королевства. Несмотря на искусственно созданную и поддерживаемую завесу либерализма и толерантности, многочисленные кейсы (теракты в лондонском метро в 2005 и 2017 гг., атака на Вестминстер в 2017 г. и др.) показывают наличие проблем в данной сфере. Отсутствие качественно нового подхода в миграционной стратегии после отказа от политики мультикультурализма [1] выступает фактором, обусловившим внимание экспертного сообщества к переоценке деятелей прошлого. Одним из ярких примеров данной тенденции является возвращение в общественно-политический дискурс фигуры Э. Пауэлла, личность которого долгое время ассоциировалась с косностью и расизмом.

Методологическая парадигма исследования основана на междисциплинарном подходе. Обращение к историко-биографическому методу позволило определить смысловые контексты выступлений политика, а также проследить трансформацию его идей по проблеме законодательного урегулирования миграционных потоков в Соединенном Королевстве. Особое внимание к базовым принципам коммуникативной технологии обусловлено эвристическим потенциалом данной методологии применительно к анализируемому тексту «о речах крови». Использование стратагем убеждающей коммуникации как одного из ключевых методов политической технологии позволяет проследить влияние Пауэлла на аудиторию и выявить его цели. Несмотря на то, что данная методика была разработана в конце прошлого века [2. С. 64], ее использование в данной работе целесообразно по ряду оснований. Прежде всего, в основе этого подхода лежит комплексный анализ выступлений античных авторов, методы и способы которых были известны Э. Пауэллу, профессору греческого языка и переводчику античных текстов. Также необходимо отметить, что в последнее время в междисциплинарном ключе разрабатывается близкое направление – риторический анализ, применение которого к риторике Э. Пауэлла было проведено в работе С. Томлинсон [3. P. 1–2]. В связи с этим апробация данной технологии на текстах политических выступлений различных эпох позволяет релевантно использовать этот метод в текущем исследовании.

После Второй мировой войны положение Великобритании оставалось затруднительным. Медленный процесс восстановления экономики, а также неспешный ход научно-технической революции на фоне глобальных тенденций деколонизации подорвали экономику государства. Снижение темпов роста ВВП, дефицит торгового баланса и увеличивающаяся инфляция привели к подрыву авторитета консервативной партии под руководством А. Дуглас-Хьюма, который на выборах 1964 г. уступил пост премьер-министра лейбористу Г. Вильсону. Дефляционная политика последнего «стой-иди», чередующая меры стимулирования и сдерживания экономической активности, имела целью уменьшение последствий от циклических колебаний в экономике. Однако, несмотря на первые успехи данного курса, впоследствии проведение подобной политики обернулось повышением налогов, внешними займами и пассивным торговым сальдо. Произошедшая 18 ноября 1967 г. девальвация фунта стерлингов стала причиной кризиса «стерлинговых» экономик 25 стран, а последующая девальвация франка и доллара в 1969 и 1971 гг. соответственно являлась негативным результатом приверженности руководства держав к кейнсианской политике.

Процесс деколонизации способствовал переходу отношений между бывшей метрополией и колониями на новый уровень в рамках Содружества. Приобретение суверенитета ранее зависимыми странами вскрыло ряд глобальных и региональных проблем, определив внешнеполитический курс Великобритании на несколько десятилетий вперед. Следствием этого стала потеря Лондоном ключевых рынков сбыта своей продукции, в результате чего возникла необходимость в поиске новых стран-экспортеров ресурсов. Другим

принципиально значимым вопросом для британского истеблишмента являлась проблема расовых отношений в бывших колониях. Неоднозначность восприятия представителей бывшей метрополии порождала националистические движения, деятельность которых могла спровоцировать расовые конфликты.

Примером этому является ситуация в Родезии, где после одностороннего провозглашения независимости в 1965 г. началась гражданская война между белым правительством в союзе с вождями африканских племен, с одной стороны, и городскими террористическими группировками черных – с другой. Помимо этого, положение молодого государства ухудшалось вследствие постоянных миграций из других африканских стран, находящихся в стадии расовых конфликтов, а также из-за объявленной международной изоляции вкупе со сложившимися отношениями с бывшей метрополией [4. С. 97–107].

Нестабильность в данном регионе способствовала увеличению численности темнокожих граждан в Соединенном Королевстве. Таким образом, процесс деколонизации обнажил в самом центре бывшей империи иммиграционную и расовую проблемы, актуализировав необходимость отражения данных процессов в законодательстве. В британском обществе и политических кругах развернулись дискуссии по поводу принятия новых актов ограничительного характера. Одним из представителей, выступающих против наделения приезжих граждан равными правами с жителями Великобритании, был Э. Пауэлл.

Становление Э. Пауэлла как политика можно отнести к 1940-м гг. В одном из выступлений 1946 г. он затронул актуальные проблемы независимой Индии [5]. Политик выразил недовольство нарастающими миграционными потоками индийцев в Британию. Будучи знакомым с научными подходами, Пауэлл подошел к решению этого вопроса с точки зрения цивилизационной парадигмы. Он обратил внимание на различие менталитетов жителей Индии и Британии, предположив, что первые не осмысляют себя как единую нацию, а считают себя различными социальными группами, объединенными по принципу религии или касты. Вследствие чего он в духе «старого» расизма интерпретировал это так, что индийцы не «думают как рациональные люди» [5]. Поэтому, по мнению Пауэлла, достаточно сложно реализовывать демократические принципы в данной стране [6. P. 670–671], однако полная независимость «жемчужины короны» могла привести ее к коммунизму [5].

В выступлениях второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. Пауэлл отмечал взаимосвязь обозначившихся процессов деколонизации и перехода на рельсы социализма государств, подобных Индии. В частности, политик полагал, что слабые и рыхлые колонии не в состоянии поддерживать демократическое устройство в пределах своих территорий. Результатом, по его мнению, могла стать активизация коммунистических настроений [7. P. 720]. Также, по мнению политика, сама империя может «впрыснуть коммунизм в самоуправляющуюся метрополию», тем самым подорвав историческое единство частей. Таким образом, миграционная и расовая проблемы Соединенного Королевства были восприняты политиком через призму деколонизации. Как отмечает историк и биограф К. Шофилд, идеология Пауэлла была выстроена на «обломках империи» [8, 9].

Во время выступления в Бирмингеме в 1955 г. Пауэлл утверждал, что «никакое выборное собрание не может существовать и функционировать, если его электорат не имеет достаточной однородности» [5]. Следовательно, политик видел в нарастающей численности мигрантов угрозу сохранению не только имперской идентичности, но и демократических институтов в целом. В связи с этим тори пришел к выводу о необходимости ограничения миграционных потоков для сохранения «белой» Великобритании [10. P. 366]. Показательно, что поводом для речи Пауэлла в 1955 г. стала забастовка водителей в Вест Бромвиче в знак протеста против принятия на работу индуса. В данном случае позицию Пауэлла лучшим образом репрезентирует его письмо к епископу Бирмингема и Личфилда: «...Мне кажется, что в любой демократической стране любые очевидные различия между людьми неизбежно приведут к политическим трениям. Там, где такие различия незначительны, вреда нет; однако если большая часть имеет сильные национальные или этнические характеристики, я считаю, что работа учреждений не может не подвергаться опасности. Полагаю, что бастующие в Вест Бромвиче осознали данную опасность для государства…» [6. P. 673].

Таким образом, Пауэлл рассматривал британское общество как систему, в которой общая идентичность является фактором, гармонизирующим политическую систему государства. Соответственно, иммиграция по своей сути представляет дестабилизирующий фактор, который может иметь далеко идущие последствия для общества. Закономерным итогом для политического истеблишмента должно было стать осознание необходимости сокращения миграционных потоков и ассимиляции приезжих, что подразумевало сворачивание «политики открытых дверей», проводимой правительством Британии с начала XX в. [11–13].

В 1947 г. Пауэлл вступил в ряды консервативной партии, и с 1950 г. он становится членом британского парламента. В 1955 г. политик получил назначение на должность министра жилищного строительства, где уже в начале следующего года выступил за ужесточение иммиграционного контроля. Второй крупной должностью в правительстве стало назначение Пауэлла министром финансов. Однако на этом месте он пробыл недолго, так как уже в январе 1958 г. вместе с однопартийцами П. Торкрофтом и Н. Берчем подал в отставку в знак протеста против увеличения расходов правительства. В экономике Пауэлл придерживался теории монетаризма, и поэтому современная ему политика кейнсианства, проводимая правительством Г. Макмиллана, была не близка.

Через два года после отставки Пауэлл получил назначение на должность министра здравоохранения, заслужив там неоднозначную репутацию. С одной стороны, он внедрил программу строительства медицинских учреждений, обратил внимание на проблемы

состояния психиатрических клиник и больниц. С другой стороны, в 1963 г. разразился скандал с приемом талидомида – опасного наркотика, после применения которого следующее поколение рождалось с существенными отклонениями во внешности и развитии. Дело в том, что данное вещество использовалось в лекарственных препаратах, и обнаружение его опасности вызвало широкий общественный резонанс. Э. Пауэлл проигнорировал общественное возмущение, отказавшись проводить публичное расследование по этому поводу, а также встречаться с пострадавшими и их семьями, что подорвало доверие населения к нему. В результате политик долгое время воспринимался как одиозная фигура в британском обществе. Несмотря на данное обстоятельство, Пауэлл смог сохранить пост и в 1965 г. войти в теневой кабинет правительства, в котором до 20 апреля 1968 г. занимал пост министра обороны, став известным как сторонник сохранения имперского курса во внешней политике.

Что касается взглядов Пауэлла на иммиграционную политику, то после принятия нового расового закона [14] он заявил о необходимости интеграции новых членов общества и наделения их правами граждан Соединенного Королевства, особо акцентировав значимость миграционной проблемы для его избирательного округа. В частности, в речи 14 апреля 1966 г. политик упомянул, что более десяти лет жители данного округа находятся под угрозой непрерывного роста числа мигрантов. Он раскритиковал проводившуюся политику, отметив, что правительство долгое время боялось обидеть страны Содружества и поэтому поощряло миграцию из бывших колоний, а не из соседних европейских стран [15]. Так, по мнению Пауэлла, помощь развивающимся странам, под которыми подразумевались некоторые члены Содружества (например, Конго или Родезия), приносит больше вреда, чем пользы [Ibid.].

Развивая тезис о нарастающих миграционных потоках, Пауэлл обратил внимание на существование не одной, а двух глобальных проблем для Соединенного Королевства, связанных с переселенцами. Первая заключалась в выработке курса, направленного на адаптацию уже прибывших в страну мигрантов [16]. Вторая проблема состояла в необходимости ужесточения законодательства и общего контроля над численностью въезжающих граждан. Потребность в скором решении этого вопроса политик объяснял возможным сломом культуры Великобритании, которая могла оказаться погребенной под иммиграционным потоком, указывая на «неохотное согласие» лейбористов на ужесточение миграционного законодательства [Ibid.].

Освещение данной проблемы в следующем 1967 г. было весьма скромным, что согласуется с мнением британского историка П. Брука, отмечавшим общее сокращение этой тематики в риторике политика. В частности, за весь год тема иммиграции только раз поднималась в речи Пауэлла – 16 февраля 1967 г. В этом выступлении тори отметил, что начиная с 1954 г. мигранты являлись главной проблемой его округа. Подчеркивая остроту этой темы, Пауэлл привел в качестве примера увеличение численности иностранцев в геометрической прогрессии. Упоминание количественных показателей должно было показать масштаб проблемы. Решение миграционного вопроса в Соединенном Королевстве автор видел в увеличении контроля над иммиграцией (в том числе и нелегальной), а также в актуализации мер по репатриации мигрантов на родину [17].

На фоне разработки правительством двух новых актов, посвященных миграционной [18] и расовой проблемам [19], Пауэлл произнес дну из самых популярных своих речей 9 февраля 1968 г. в Уолсолле, где центральной тематикой являлась репрезентация сильной загруженности социальных служб Соединенного Королевства вследствие увеличения количества мигрантов. В рамках описания этой ситуации политик использовал понятный и доступный образ школы, где в классе училась одна светлокожая девочка в окружении детей мигрантов. Этот образ был нацелен на то, чтобы вызвать у аудитории справедливый гнев, поскольку такое близкое соседство жителей бывшей метрополии и темнокожих граждан из недавно образовавшихся государств не могло способствовать улучшению межрасовых отношений.

В очередной раз поднимая проблему ограничения миграционных потоков, Пауэлл акцентировал внимание на вопросе воссоединения семей и прибытии новых «иждивенцев», рост которых, несмотря на заверения правительства, только увеличивался. Все это, по мнению консервативного политика, должно было сподвигнуть лейбористское правительство на принятие решительных мер, а не на «применение метода страуса, который не способствует решению проблем даже для страусов» [20].

Анализируя 1960-е гг., следует обратить внимание на интерес Пауэлла к событиям, происходившим в США после смерти М. Лютера Кинга. Обострение межрасовых отношений в США виделось Пауэллу примером того, что может случиться с Соединенным Королевством в случае продолжения миграционной политики «открытых дверей» [6. P. 675]. Выразив сожаление по поводу акций протестов в США («трагичное явление, которое мы наблюдаем по другую сторону Атлантики»), Пауэлл указал на возможность повторения событий уже на британской территории [6. P. 676].

Таким образом, в основе взглядов Пауэлла попрежнему лежали его мысли и впечатления от пребывания в Индии, развитие которых было обусловлено неприятием либерального курса миграционной политики [17]. Так, он полагал, что нерационально предоставлять прибывающим в страну мигрантам права и свободы, равные таковым британских граждан [6. P. 683], однако утверждал необходимость ассимиляции новоприбывших граждан в общество [5].

Самой значимой речью Э. Пауэлла – «о реках крови» – является выступление 20 апреля 1968 г. на заседании консервативной партии [21]. Политик поднял вопрос о необходимости урегулирования миграционных потоков, а также о сложности взаимоотношений между приезжими и местными жителями. Будучи великолепным оратором, Э. Пауэлл выбрал путь убеж-

дения, посредством которого проблема иммиграции представлялась в резко сгущенных красках. В силу хорошего знания политических технологий, а также благодаря блестящему владению античной риторикой, политик использовал методы и приемы теории убеждения. Он структурировал проблему посредством обращения к вечным категориям добра и зла, а также возможности их интерпретации в политическом дискурсе. Помимо этого, он использовал один из приемов убеждения, а именно перенос акцентов в речи с настоящего на будущее. Если иммиграционный вопрос не так широко волнует современных политиков, то в будущем это безразличие может привести к неизгладимым последствиям для всей страны.

Для расположения аудитории к себе Э. Пауэлл применил ряд диалектических инструментов. Так, наиболее популярными его приемами являлись трансляция своих взглядов посредством обращения к СМИ (использование информации из газет, упоминание влиятельного репортера Дж. Стоунхауса) [21], пересказ диалога с избирателями, а также чтение отрывков из писем граждан. Разнообразие форм использования данной стратагемы было нацелено на убеждение депутатов в серьезности проблемы социализации и адаптации мигрантов.

Политик обращался к ярким и красочным образам, сделав упор на угнетаемых и теснимых жителей Британии, которые «оказались чужаками в своей собственной стране», и мигрантов, которые «будут агитировать и проводить кампании против остальных граждан» [21]. Отсылка к демократическим принципам, а также концептуальным парадигмам консервативной партии имела цель убедить окружающих, в первую очередь товарищей по партии, в отсутствии экстремисткой и расисткой позиции спикера. Упоминание статистических показателей и обращение к Службе национальной статистики Великобритании увеличивают значимость и аргументированность предложений оратора.

Контроль над эмоциями аудитории достигается благодаря известному приему так называемых «эмоциональных качелей», которые Пауэлл не раз использовал в своей речи. Посредством обращения к философским категориям добра и зла оратор задает аудитории высокий эмоциональный фон, настраивая аудиторию на размышления о философских вопросах. Акцентируя внимание на чувстве своей ответственности перед избирателями, страной и будущим державы, Э. Пауэлл стремился пробудить у аудитории чувства уважения и смелости по отношению к оратору, затронувшему столь сложную и неоднозначную тему. Риторика о собственной жертвенности ради решения проблем будущего подчеркивается приемом автора о «хоре возмущения» в аудитории [Ibid.]. В подтексте выступления Пауэлл показывает собственную храбрость, которая позволила ему поднять данные проблемы на высшем уровне, а также его способность идти против течения и, наконец, вести за собой людей, а значит, претендовать на лидерство в партии. Как конкретизирует Дж. Пил, речь Пауэлла была своеобразным политическим «вызовом» лидеру партии Э. Хиту [22. P. 380], позиция которого по миграционному вопросу стремилась к достижению консенсуса с правящей партией.

Угроза уничтожения страны и культуры под влиянием нарастающей иммиграции и нежелания приезжих иностранцев приспосабливаться под культурные стандарты принимающей страны становилась фактором страха, который должен был заставить аудиторию задуматься о путях решения данной проблемы. Красочная риторика вокруг возможного ущерба от иммигрантов, а также чувство страха у обычных горожан должны были заставить истеблишмент консервативной партии задуматься о надвигающейся катастрофе.

Возвращение аудитории к чувству страха и неопределенности за будущее их семей, общества и страны достигалось путем нагнетания тревожной атмосферы. Пауэлл живо и эмоционально «рисовал» картину «страны страхов», где жители ощущают себя «чужими» в своем государстве [21]. Образ «обратного расизма» – женщины, потерявшей на Второй мировой войне своего мужа и детей и вынужденной «скрываться» от мигрантов, – был нацелен на зарождение чувства «благородного» гнева и жалости к своим гражданам, вынужденным жить вместе с представителями другой культуры и религии. Такие метафоры должны были убедить аудиторию в необходимости отрицательного голосования по закону, противодействующему расизму. Э. Пауэлл выбрал аналогию Британии с Римом, а Темзы с Тибром «в крови» [Ibid.] как эмоциональный подъем для завершения речи.

Последняя часть выступления направлена на анализ конкретных мер, предложенных Э. Пауэллом для разрешения ситуации. Во-первых, политик через риторический вопрос о будущем Соединенного Королевства вышел на основной тезис о сокращении иммиграционных потоков в Великобританию из стран «третьего мира» и Содружества. Помимо этого, консерватор предлагал расширение политики реэмиграции, а также постепенное сокращение числа прибывающих и прибывших мигрантов. Необходимо отметить и то, что в речи политика негласно прослеживается претензия автора на лидерство в партии. Подчеркивая свою смелость и храбрость, Э. Пауэлл репрезентирует тезис о слабости политического истеблишмента, на фоне которого его кандидатура смотрелась более весомо. Таким образом, Пауэлл, во-первых, превратил проблему иммиграции в одну и ключевых тем следующих дебатов. Во-вторых, он стал одним из самых популярных политиков среди населения. Как полагали исследователи Дж. Пил и Д. Сандбрук, нельзя не учитывать факт последующего влияния Э. Пауэлла на победу консерваторов на выборах 1970 г. [22, 23].

Тори знал, что его речь будет транслироваться по телевидению, соответственно, его выступление было рассчитано на более широкую аудиторию, включающую в себя не только политический истеблишмент. Речь политика была простроена грамотно и четко, позволяя убедить в своей правоте соратников по партии и простых британских граждан. Подчеркивая свою смелость в поднятии данной проблемы, оратор в глазах народа представлялся как защитник прав «простых избирателей» [22. P. 380], а для истеблишмента не-

гласно намекал на свою претензию на лидерство в партии. Стоит отметить, что ранее, в 1965 г., политик выставлял свою кандидатуру на пост главы консервативной партии, однако потерпел поражение. Как отмечали некоторые исследователи, к 1968 г. он разочаровался в Э. Хите как в лидере тори [6. P. 677], что привело к сложностям в их отношениях [23. P. 393]. Назначение Пауэлла, известного своими неоднозначными высказываниями в отношении мигрантов, министром обороны должно было маргинализировать его в среде политического истеблишмента [24. P. 355].

Реакция тори на речь «о реках крови» была неоднозначной. Несмотря на поддержку со стороны влиятельных консерваторов Г. Гурдена и К. Осборна, остальная часть партийного истеблишмента во главе с министром внутренних дел теневого кабинета К. Хоггом предъявила премьер-министру Э. Хиту ультиматум – либо Э. Пауэлл должен был объявить о сложении всех своих полномочий как члена теневого кабинета, либо ключевые представители партии выйдут из его состава [22]. Выбор был сделан, и на следующий день после произнесения данной речи Пауэлл вышел в отставку, покинув теневой кабинет [25. P. 419].

Если для британского истеблишмента была характерна в основном отрицательная либо сдержанная реакция на данное выступление Пауэлла, то население Соединенного Королевства в основном поддержало речь политика. В частности, одобрение со стороны представителей среднего класса выразилось в создании особого журнала его сторонниками, которых назвали пауэллитами, а также в написании благодарственных писем политику, выражавших признательность за раскрытие проблемы в импонирующей многим гражданам риторике. Речь вызвала и всплеск расизма: через десять дней несколько молодых людей в Вулвергемптоне нанесли ножевые удары индийским мигрантам, повторяя при этом имя Пауэлла [26].

Широкая поддержка населения обеспечила политику статус одного из самых популярных британских тори. В последующие годы он находился на пике популярности, что в том числе способствовало победе консерваторов на следующих парламентских выборах 1970 г. [22, 23]. Как отметил Д. Сандбрук, многие жители Британии видели в Пауэлле выразителя своих интересов, политика, который поднимал актуальные и насущные проблемы, а также предпринимал попытки их решить [23. P. 394].

О влиянии данного выступления на свою жизнь Пауэлл рассказал в Ротари-клубе 16 ноября 1968 г. [27, 28]. Прежде всего он отметил, что за прошедшие с момента выступления семь месяцев он стал «объектом бесконечных издевательств и оскорблений» со стороны политической элиты. Критику оппонентов Пауэлл объяснил тем, что они не знают реалий иммиграции, соответственно, недооценивают данные процессы [27]. Противопоставляя реакцию народа и истеблишмента, политик недвусмысленно намекнул, что является защитником взглядов и позиций простых британцев. Такое выделение из среды политической элиты показывает популистскую тактику консерватора. Данная стратегия раскрывается в обилии примеров из жизни «простых англичан», описывающих ситуацию «обратного расизма» [Ibid.]. В то же время политику пришлось оправдывать свои предыдущие выступления и заявить, что он никогда не подразумевал того, что приезжие граждане более предрасположены к совершению преступлений, чем местное население [Ibid.]. В соответствии с данным заявлением Пауэлл выстраивал риторику таким образом, что из числа мигрантов выпадали водители, врачи и студенты из стран Содружества, аргументируя это тем, что они смогли оптимизировать социальные службы в Великобритании [Ibid.].

Таким образом, детальный анализ выступлений Э. Пауэлла миграционного характера и особенно речи «о реках крови» позволяет выявить генезис его антииммиграционных взглядов, а также определить отношение политика к приезжим иностранцам другого цвета кожи и религии. Основа его взглядов на актуализировавшийся процесс иммиграции была заложена во время пребывания в Индии, а последующая их эволюция связана с реакцией британских граждан на резкое увеличение численности иностранцев в Соединенном Королевстве. Суммируя, можно типологизировать упоминания им расизма в нескольких контекстах. Первое – «разыгрывание иммиграционной карты» для достижения политических целей, которые видятся Э. Пауэллу как получение лидерства в консервативной партии. Как отметил английский историк К. Шофилд, радикализм в речи Э. Пауэлла можно интерпретировать как попытку создания моста между правыми тори и радикальной окраиной для расширения электоральной базы [9. P. 326–328]. Второе – расизм представляет собой защитную реакцию британского народа на угрозу уничтожения национальной идентичности под давлением резко увеличившихся миграционных потоков. Несмотря на то, что политический истеблишмент осудил данную речь, назвав ее расисткой, Пауэлл посредством использования методов убеждающей коммуникации стал одним из самых популярных политиков Британии в глазах населения. Поддержка жителей Великобритании стала для тори основанием, убеждающим его в правильности выбранного курса, итогом которого, по его мнению, являлась победа консервативной партии на следующих выборах 1970 г.

Идеи Пауэлла являлись закономерным порождением эпохи деколонизации. Переход Великобритании из разряда империй в ведущие страны мира породил «кризис постимперского сознания», выразившийся в случае с Э. Пауэллом в дихотомическом делении всех жителей Соединенного Королевства на «своих» и «приезжих» [3. P. 12]. Такая логика соответствовала настроениям политической элиты Великобритании, в дальнейшем обусловив периодические всплески обострения миграционной проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. PM’s speech at Munich Security Conference // The official site of the Prime Minister’s Office. London, 2011. URL: https://www.gov.uk/government/speeches/pms-speech-at-munich-security-conference (accessed: 06.02.2020).

2. Аронсон Э., Пратканис Э. Р. Эпоха пропаганды: механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. СПб. : Прайм-Еврознак, 2003. 382 с.
3. Tomlinson S. Enoch Powell, Empires, Immigrants and Education // Race Ethnicity and Education. 2018. Vol. 21, № 1. P. 1–14.
4. Карамаев С.Г. Белый и черный национализм в Родезии // Вопросы национализма. 2011. № 4 (8). С. 90–111.
5. The Speeches of John Enoch Powell // Enoch Powell. InfoInternet Archive. URL: http://enochpowell.info/wp-content/uploads/Speeches/Oct%201967-Feb%201968.pdf (accessed: 25.01.2020).
6. Brooke P. India, post-imperialism and the origins of Enoch Powell's ‘Rivers of blood’ speech // The Historical Journal. 2007. Vol. 50, № 3. P. 669–687.
7. Whipple A. Revisiting the ‘Rivers of Blood’ Controversy: Letters to Enoch Powell // Journal of British Studies. 2009. Vol. 48, № 3. P. 717–735.
8. Enoch Powell’s post-colonial empire state of mind // New statesman. London, 2013. URL: https://www.newstatesman.com/politics/2013/12/empire-state-mind, (accessed: 25.01.2020).
9. Schofield C. Enoch Powell and the Making of Postcolonial Britain. London, Cambridge University Press, 2013. 371 p.
10. Atkins J. ‘Strangers in their own Country’: Epideictic Rhetoric and Communal Definition in Enoch Powell’s ‘Rivers of Blood’ Speech // Political quarterly. 2018. Vol. 89, № 3. P. 362–369.
11. Status of Aliens Act 1914 // Office of Public Sector Information. London, 2002. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/4-5/17/contents (accessed: 02.09.2019).
12. British Nationality and Status of Aliens Act 1922 // Office of Public Sector Information. London, 2002. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/12-13/44/contents/enacted (accessed: 02.02.2020).
13. British Nationality Act 1948 // Office of Public Sector Information. London, 2002. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/11-12/56/contents (accessed: 02.02.2020).
14. Race Relation Act, 1965 // Legislation.gov.uk. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1965/73/pdfs/ukpga_19650073_en.pdf (accessed: 22.01.2020).
15. Powell J.E. Speech at Camborne 14th January, 1966 // Enoch Powell. URL: https://www.enochpowell.net/fr-73.html (accessed: 05.02.2020).
16. Powell J.E. Speech at Wolverhampton 25th March, 1966 // Enoch Powell. URL: https://www.enochpowell.net/fr-81.html (accessed: 30.01.2020).
17. Powell J.E. 'Facing up to Britain's race problem', Daily Telegraph, 16 Feb. 1967 // Enoch Powell. URL: https://www.enochpowell.net/fr-82.html (accessed: 30.01.2020).
18. Commonwealth Immigrants Act, 1968 // Legislation.gov.uk. URL: http://www.legislation. gov.uk/ukpga/1968/9/pdfs/ukpga_19680009_en.pd (accessed: 22.01.2020).
19. Race Relation Act, 1968 // Legislation.gov.uk. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1968 /71/section/14/enacted (accessed: 22.01.2020).
20. Powell J.E. Speech at Walsall 9th February, 1968 // Enoch Powell. URL: https://www.enochpowell.net/fr-80.html (accessed: 05.02.2020).
21. Powell J.E. Speech at Birmingham 20th April, 1968// Enoch Powell.URL: https://www.enochpowell.net/fr-79.html (accessed: 05.02.2020).
22. Peele G. Enoch Powell and the Conservative Party: Reflections on an Ambiguous Legacy // Political Quarterly. 2018. Vol. 89, № 3. P. 377–384.
23. Sandbrook D. ‘Enoch Powell Speaks for Britain’: the Press, the Public and the Speech // Political quarterly. 2018. Vol. 89 № 3. P. 392–399.
24. Hickson K. Enoch Powell's “Rivers of Blood' Speech”: Fifty Years On. // Political quarterly. 2018. Vol. 89, № 3. P. 352–357.
25. Meer N. Race Equality after Enoch Powell // Political Quarterly. 2018. Vol. 89, № 3. P. 417–423.
26. Higgs M. Re-evaluating Enoch Powell // Institute of race relations. London, 2014. URL:http://www.irr.org.uk/news/schofield-review/ (accessed: 25.01.2020).
27. Powell J.E. Speech to London Rotary Club, Eastbourne 16th November, 1968 // Enoch Powell. URL: https://www.enochpowell.net/fr-83.html (accessed: 05.02.2020).
28. McNeil D. 'The rivers of Zimbabwe will run red with blood': Enoch Powell and the Post-Imperial Nostalgia of the Monday Club // Journal of Southern African Studies. 2011. Vol. 37, № 4. P. 731–745.

Elena V. Khakhalkina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Ekhakhalkina@mail.ru,
Anastasiya V. Munko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Nastyamun@mail.ru

THE EVOLUTION OF ANTI-IMMIGRATION VIEWS OF E. POWELL IN THE CONTEXT OF THE DECOLONIZATION IN THE 1950–1960s

Keywords: E. Powell, Decolonization, Act on Racial Relations 1965, immigration, racism.

One of the key problems of the modern world as a whole and Europe in particular is the problem of increasing migration flows and the actualization of racial and ethnic contradictions. The migration crisis of 2014-2016, as well as the recognition by EU leaders of the failure of the policy of multiculturalism, make researchers pay attention to the search for the causes and premises of this phenomenon. One of them is the question of the role of the individual in history, namely in the development and adoption of migration legislation. On the example of Great Britain, one of the most famous figures associated with the development of a sharply anti-immigration course was the representative of the Conservative Party, E. Powell.

In domestic and foreign historiography, the figure of this politician has long been on the periphery of research interests. The actualization of his figure in modern historiography in recent years is due to the understanding of the contribution of E. Powell to the formation of the cultural memory of British society in connection with the collapse of the multicultural strategy of Great Britain. The aim of the study is to reveal the ideological and political system of views of E. Powell regarding the migration and racial problem in the 1950-1960s, using such new methodological tools as methods and strategies of persuasive communication, as well as critical discourse analysis and historical biographical approach.

The main type of source base in the study is the public speaking of the politician, which, together with other ego-documents, has revealed the evolution and essence of his political views on increasing the number of arriving migrants to the UK. Considerable attention is paid to the most famous “Rivers of blood speech” emphasizing Powell’s desire for political leadership and the realization of his ambitions. The analysis of this presentation is based on an interdisciplinary approach, including a synthesis of historical and political methods and approaches.

The authors conclude that the basis of Powell’s views on the current immigration process was laid during his stay in India, and their subsequent evolution is associated with the reaction of British citizens to a sharp increase in the number of foreigners in the United Kingdom. Thus, the transformation of the views of a politician resulted in a consistent radicalization of views on the issue of legislative regulation of migration flows. Powell’s most drastic anti-migration sentiments were reflected in his “Rivers of blood speech” in which he not only drew attention to this problem, but also demonstrated his political ambitions, which were revealed against the backdrop of worsening relations with the leader of the conservative party, E. Heath. The authors show Powell’s desire for political leadership in the party, the hopes of which collapsed after his speech was recognized as racist. The article also notes that such a system of views of Powell was characteristic of the “post-imperial” identity that arose as a result of the change in the status of the country.

REFERENCES

1. UK Government. (2011) *The official site of the Prime Minister's Office. PM's speech at Munich Security Conference*. [Online] Available from: https://www.gov.uk/government/speeches/pms-speech-at-munich-security-conference (Accessed: 6th February 2020).
2. Aronson, E. & Pratkanis, E. R. (2003) *Epokha propagandy: Mekhanizmy ubezhdeniya, povsednevnoe ispol'zovanie i zloupotreblenie* [Age of Propaganda: The Everyday Use and Abuse of Persuasion]. St. Petersburg: Praym-Evroznak. pp. 64–85.
3. Tomlinson, S. (2018) Enoch Powell, Empires, Immigrants and Education. *Race Ethnicity and Education.* 1(1). pp. 1–14. DOI: 10.1080/13613324.2017.1365055
4. Karamaev, S.G. (2011) Belyy i chernyy natsionalizm v Rodezii [White and black nationalism in Rhodesia]. *Voprosy natsionalizma*. 4. pp. 90–111. (In Russian).
5. Powell, J.E. (n.d.) *The Speeches of John Enoch Powell*. [Online] Available from: http://enochpowell.info/wp-content/uploads/Speeches/Oct%201967-Feb%201968.pdf (Accessed: 25th January 2020).
6. Brooke, P. (2007) India, post-imperialism and the origins of Enoch Powell's 'Rivers of blood' speech. *The Historical Journal*. 50(3). pp. 669–687. DOI: 10.1017/S0018246X07006309
7. Whipple, A. (2009) Revisiting the "Rivers of Blood" Controversy: Letters to Enoch Powell. *Journal of British Studies*. 48(3). pp. 717–735. DOI: 10.1086/598214
8. New Statesman. (2013) *Enoch Powell's post-colonial empire state of mind*. [Online] Available from: https://www.newstatesman.com/politics/2013/12/empire-state-mind (Accessed: 25th January 2020).
9. Schofield, S. (2013) *Enoch Powell and the Making of Postcolonial Britain*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Atkins, J. (2018) 'Strangers in their own Country': Epideictic Rhetoric and Communal Definition in Enoch Powell's 'Rivers of Blood' Speech. *Political Quarterly*. 89. pp. 362–369. DOI: 10.1111/1467-923X.12548
11. OPSI. (2002a) *Status of Aliens Act 1914*. [Online] Available from: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/4-5/17/contents (Accessed: 2nd September 2019).
12. OPSI. (2002b) *British Nationality and Status of Aliens Act 1922*. [Online] Available from: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/12-13/44/contents/enacted (Accessed: 2nd February 2020).
13. OPSI. (2002c) *British Nationality Act 1948*. [Online] Available from: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/11-12/56/contents (Accessed: 2nd February 2020).
14. UK Government. (1965) *Race Relation Act, 1965*. [Online] Available from: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1965/73/pdfs/ukpga_19650073_en.pdf (Accessed: 22nd January 2020).
15. Powell, J.E. (1966a) *Speech at Camborne 14th January, 1966*. [Online] Available from: https://www.enochpowell.net/fr-73.html (Accessed: 5th February 2020).
16. Powell, J.E. (1966b) *Speech at Wolverhampton 25th March, 1966*. [Online] Available from: https://www.enochpowell.net/fr-81.html (Accessed: 30th January 2020).
17. Powell, J.E. (1967) 'Facing up to Britain's race problem'. *Daily Telegraph*. 16th February. [Online] Available from: https://www.enochpowell.net/fr-82.html (Accessed: Accessed: 30th January 2020).
18. UK Government. (1968a) *Commonwealth Immigrants Act, 1968*. [Online] Available from: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1968/9/enacted (Accessed: 22nd January 2020).
19. UK Government. (1968b) *Race Relation Act, 1968*. [Online] Available from: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1968 /71/section/14/enacted (Accessed: 22nd January 2020).
20. Powell, J.E. (1968a) *Speech at Walsall 9th February, 1968*. [Online] Available from: https://www.enochpowell.net/fr-80.html (Accessed: 5th February 2020).
21. Powell, J.E. (1968b) *Speech at Birmingham 20th April, 1968*. [Online] Available from: https://www.enochpowell.net/fr-79.html (Accessed: 5th February 2020).
22. Peele, G. (2018) Enoch Powell and the Conservative Party: Reflections on an Ambiguous Legacy. *Political Quarterly*. 89(3). pp. 377–384. DOI: 10.1111/1467-923X.12551
23. Sandbrook, D. (2018) 'Enoch Powell Speaks for Britain': The Press, the Public and the Speech. *Political Quarterly*. 89(3). pp. 392–399. DOI: 10.1111/1467-923X.12552
24. Hickson, K. (2018) Enoch Powell's "Rivers of Blood" Speech: Fifty Years On. *Political Quarterly*. 89(3). pp. 352–357. DOI: 10.1111/1467-923X.12554
25. Meer, N. (2018) Race Equality after Enoch Powell. *Political Quarterly*. 89(3). pp. 417–423. DOI: 10.1111/1467-923X.12546
26. Higgs, M. (2014) *Re-evaluating Enoch Powell, institute of race relations*. [Online] Available from: http://www.irr.org.uk/news/schofield-review/ (Accessed: 5th February 2020).
27. Powell, J.E. (1968c) *Speech to London Rotary Club, Eastbourne 16th November, 1968*. [Online] Available from: https://www.enochpowell.net/fr-83.html (Accessed: 5th February 2020).
28. McNeil, D. (2011) 'The rivers of Zimbabwe will run red with blood': Enoch Powell and the Post-Imperial Nostalgia of the Monday Club. *Journal of Southern African Studies.* 37(4). pp. 731–745. DOI: 10.1080/03057070.2011.613691

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

УДК 902:393(05)(571.1)
DOI: 10.17223/19988613/66/14

Л.А. Беляев, С.Ю. Шокарев

НЕКРОПОЛЬ ПОСЛЕДНИХ БОЯР РОМАНОВЫХ: СИБИРСКИЕ КОННОТАЦИИ

Статья подготовлена в рамках государственного задания по теме НИР АААА-А18-118021690056-7 «Динамика исторической жизни и культурная идентичность в Восточной Европе от эпохи Великого переселения народов до Московской Руси – археологическое измерение» при участии Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Статья основана на данных работ в Знаменской церкви Новоспасского монастыря, некрополе детей Никиты Романова (родичей царя Михаила Романова). В борьбе за власть их клан был разгромлен Борисом Годуновым; двое братьев находились в ссылке в Пелыме (Западная Сибирь), один погиб. Новые материалы показывают недостоверность списков XVIII в. с эпитафий (Портфели Г.Ф. Миллера и др.). Связи с Сибирью демонстрируют в Москве также надгробия сибирских царевичей.

Ключевые слова: бояре Романовы; Сибирь; ссылка; Пелым; Новоспасский монастырь; Г.-Ф. Миллер; историческая археология.

Работая вместе с группой археологов и антропологов над книгой [1] о раскопках в усыпальнице Знаменской церкви московского Новоспасского монастыря (рис. 1) и собирая сведения о деле сыновей Никиты Романовича Захарьина-Юрьева, мы обратились к новой монографии о колонизации Сибири, надеясь найти что-нибудь об их пребывании в ссылке [2]. Указатели сначала обнадежили – в них учтены трое Никитичей, включая старшего, Федора / Филарета, а также топонимы, названные в связи с ними. Однако все упоминания оказались случайными совпадениями. К нашему сюжету они не имели отношения. То есть в новейшей фундаментальной монографии (а также, как показал просмотр, во многих других близких по теме книгах) рассказ о ссылке братьев Никитичей, гибели одних и возвращении других просто пропущен, он не вызывает интереса. При этом исследователи взаимоотношений востока-северо-востока страны и ее центра историю ранних ссылок, конечно, анализируют, она составляет важную часть общей истории освоения Сибири, и в этом нет ничего необычного: ссылка, начиная с эпохи Великих географических открытий и до недавнего прошлого, была очень привычным способом освоения, колонизации пространства.

Рис. 1. Церковь Знамения Богородицы и Спасо-Преображенский собор. Вид с северо-запада. Фотография начала 2010-х гг. (Источник: http://lifeglobe.net/x/entry/285/78405_3.jpg)

Невнимание фундаментальной истории к драматическому эпизоду из жизни семьи Романовых интересно само по себе как факт историографии. Ведь существует обширная литература, где эпизоды суда над ними, ссылки, последующего возвращения живых и мертвых пристально изучены [см. источники и библиографию: [3–5]. Но эти работы образуют особый кластер, они заключены в капсулы с названиями «история рода Романовых», «история царского некрополя», «история Новоспасского монастыря» и им подобные. Их изучают в герметичном пространстве, важную роль играют вне-научные мотивации – церковные и политические. Достаточно указать названия книг, таких как «Дом Романовых в истории России» [6] или важный для нашего сюжета каталог «Романовы и Сибирь» [7].

События ссылки и посмертной судьбы Никитичей показались нам серьезным поводом заговорить о Сибири еще и потому, что они причудливо сплетаются в пространстве исторической археологии России раннего Нового времени, помогая развернуть критику традиционных источников. В этих историко-археологических контекстах князья / царевичи Шибаниды неожиданно оказываются рядом с боярами Романовыми (на некрополе Новоспасского монастыря) и с другой знатью Москвы (в монастыре Иоанна Златоуста на Маросейке). У них разное будущее, ведь, говоря о Романовых, мы невольно вспоминаем 300-летнюю династию. Судьба потомков Кучума не столь величественна, это судьба почетных пленников: заложники, да и сами вассальные правители оставались в столице сюзерена. Но их живой след в Москве различим и в XVIII в.: там можно было встретить потомков хана Кучума [8. С. 42], а на кладбищах увидеть их семейные памятники, такие как надгробие двух сыновей-младенцев[1] Андрея Андреевича Кучумовича и его вдовы, княжны Ирины Федоровны Ноготковой-Оболенской [9[2]. С. 7–34].

Судьбу ссыльных бояр и пленных правителей Сибири объединяет не только общий драматизм, но и единые проблемы исследования источников, в которые вовлекаются разные направления, от истории и археологии острогов [см., напр.: 10. С. 284–291; 11. С. 157–161] до столичных некрополей и конструирования исторической памяти о национальных героях. Раньше других свое благосклонное внимание на такие памятники обратил Г.Ф. Миллер. Результаты отражены в его Портфелях в РГАДА (Ф. 199. Оп. 2. Портф. 413. № 18. Л. 50–53 об., далее – Портфели), включающих в числе прочего описания памятных камней Новоспасского монастыря; позже эту работу в части надгробных надписей Романовых продолжил Ювеналий (И.Г. Воейков) [12, 13].

Как установил А.В. Беляков, в Портфелях оказались и списки с камней Кучумовичей [14. С. 22–25], что объяснимо: Миллер глубоко интересовался Сибирью и генеалогией правящей династии. Это же предопределило их соседство в критическом разборе на страницах современной литературы: пока мы изучали надписи Романовых, А.В. Беляков сравнил эпитафии Кучумовичей из Портфелей с публикациями Ювеналия и пришел к выводу о достоверности последних в сравнении с первыми. Эти работы шли независимо, но, сравнив выводы, мы поняли, что оценили соотношение источников точно так же. Совпадение результата независимо поставленных опытов в любой науке – важный аргумент в пользу их достоверности (ср.: [1] и [14. С. 25]). К этому добавились факты археологии, полученные при раскопках в 2014–2015 гг. «палатки Никитичей» в Знаменской церкви Новоспасского монастыря [1], что и вызвало появление данной статьи.

Почему Кучумовичи оказались погребенными в Новоспасском монастыре, нужно исследовать отдельно (путь к решению очевиден: разобраться в брачных союзах XVII в.). Но в отношении Романовых такой вопрос не возникает – здесь их родовой некрополь [15]. Тем не менее в рамках его истории вопрос о конкретных погребениях не так прост, как может показаться. Представим его в самом кратком виде, затронув и сибирскую часть сюжета.

Впервые Романовы, сколько известно, побывали в Западной Сибири в начале XVII в. И не по своей воле. В истории борьбы за московский трон после смерти Федора Иоанновича это один из важных моментов (см.: [16], из старых работ: [17–20]). Рубеж XVI–XVII вв. резко усилил соперничество кланов Романовых и Годуновых, до той поры сотрудничавших. Они стояли близко к трону благодаря родственным связям: Анастасия Романова – любимая первая жена Ивана IV, а Ирина Годунова – супруга царя Феодора Иоанновича, – и рано или поздно должны были столкнуться. По доносу на боярина Александра Романова все его братья, а также родственники семьи по бракам сестер, попали под следствие и отравились в ссылку. Федор (старший) с супругой Ксенией были пострижены, остальные разосланы по Северу: Александр в Усолье-Луду (Белое море), Михаил в Ныроб (волость в Перми), Иван в Пелым, Василий в Яранск (в Перми). Их сестер Анастасию и Марфу, мужа последней, князя Бориса Черкасского, племянников (детей Федора / Филарета Никитича: пятилетнего Михаила и его маленькую сестру, сирот при живых родителях), наконец, жену Александра Никитича отправили на Белоозеро. Сын Бориса Черкасского, князь Иван, попал в Малмыж на Вятке, князь Иван Сицкой – в Кожеозерский монастырь. По разным городам разделили других Сицких и Шестуновых (даже тещу Федора Романова, Марью Шестову, постригли «на Чебоксаре», в Никольском девичьем монастыре), а также Репниных. События этой ссылки отражены документами и перепиской из Следственного дела, а также нарративом романовского направления, Новым летописцем [2; 21. С. 23–154].

Итак, Иван и Василий Никитичи отправились в Сибирь, в Пелым и Яренск («Яранской город») соответственно. Мы не знаем, каким был их путь туда (знаем, правда, что Василий противился диктату везших его стрельцов и даже выбросил в Волгу ключи от кандалов, надеясь избавиться от оков).

Поскольку Иван оказался в Пелыме, нам следует представить этот городок. Меньше чем за 10 лет до ссылки Романовых, в 1592 г., острога еще не было – воеводам предписывалось его срубить. Лес и мастеров найти не удалось, и к 1594 г. даже стены не начали строить. Со многими перипетиями к 1597 г. поставили три прясла и выкопали часть рва. Ситуация на 1601 г.

точно не известна, но стрельцы-тюремщики имели все основания пенять на трудности службы: это был «фронтир фронтира», вокруг начинались земли вогулов, формально признавших права пришельцев, но не спешивших с покорностью к тем, кто не в состоянии и городок-то построить [2. С. 109–114].

Сюда и привезли Ивана Романова. Вскоре, в сентябре, к нему перевели брата Василия из Яранска на Вятке, где тот жил в июле и августе (здесь и далее цитаты из Следственного дела даны по: [3. С. 412–438]). Жизнерадостного недавно юношу стрелецкий сотник Иван Некрасов привез уже тяжело больным. Новый тюремщик Смирнов-Маматов принял в ноябре 1601 г. ответственность за обоих заключенных, позже написав в челобитной (1602 г., 15.02–14.03): «Взял я, холоп твой, у Ивана у Некрасова, твоего государева изменника Василия Раманова ноября в 20-е число больна, толко чють жива, на чепи, опох с ног; и я, холоп твой, для болезни его, чепь с него снял…» Маматов проявил не так уж много заботы о ссыльных, но явный талант организатора. В отписке 01.01.1602 г. он рассказывает, что посадил братьев в одну избу в большом дворе (тюремный двор пришлось строить, что было, судя по истории с острогом, непросто). Сидели братья по разным углам, вновь в цепях («посадил Василья Романова с братом, с Иваном, в одной избе на чепях же по углом»), и пришлось посылать особую грамоту, чтобы «изменников» расковали. Всего Василий прожил (если называть это жизнью) в Пелыме примерно 3 месяца и скончался на руках у слуги и брата, приняв причастие: «…сидел в болезни его у него брат его Иван да человек их Сенька; и я, холоп твой, ходил к нему, и попа к нему пущал, и преставился февраля 15-е число; и я, холоп твой, похоронил его...»

Оставшись один, Иван Никитич выжил, но не выздоровел: «А изменник твой государев Иван Раманов болен старою болезнию, рукою не владеет, на ногу маленко приступает». К счастью, его ссылка подходила к концу: 28 марта 1602 г. последовал указ о переводе в Уфу, оттуда – в Нижний Новгород, куда уже ехал из Малмыжа другой ссыльный родственник, Иван Борисович Черкасский, согласно указу, «на службу». Ехали через Казань по Волге, и Черкасский прибыл первым (1 июля), так как в мае Иван Романов едва не умер: «…розболелся, майя в осмый день, старою своею черною болезнью, рукою и ногою не владеет и язык ся отнял, лежит при конце; и я, холоп твой, хожу к нему, и попа пущал, и в болезни его сидит у него человек его Сенка Иванов». Однако Иван постепенно оправился (от инсульта?): появился аппетит, вернулась речь, рука слушалась и жалоб на сердце не было, хотя ноги свело в коленях и сам ходить он не мог («поехал с Пелыми июня 11 число на Уфу, а повез болного [Ивана Романова] старою его болезнью; везучи язык у него появился, рукою стал владеть, а ноги обе в коленех сволокло, на персты маленко приступает, и то водят, а сказывает сердцо здорово, а ест доволно»). В Нижний они доехали 25 июля в том же состоянии и встали с Иваном Черкасским «на одном дворе...». Примерно через месяц (17.09.1602) пришел указ о переводе обоих в Москву; 14 октября их придержали во Владимире в ожидании нового указа, и через месяц они добрались только до Покрова (между 1 и 17 ноября «приехали за полосмадесять верст до Москвы, стали в Покровской слободке, за пять верст до Киржацкого яму»).

Тем временем в конце августа на Белоозере заболела Марфа Никитична, возможно, вследствие смерти мужа: «…княж Борисова княгиня Черкаского розболелася, августа в 17 день, а сказывает себе ту ж болезнь, которою был болен князь Борис, камчюгом; а появился, сказывает, как князя Бориса не стало, у нее в ногах да потаился был; а ныне, государь, сказывает, что явился у нее камчюг в животе, живот пухнет, так же как у князя Бориса». Впрочем, когда пришел указ всем переехать в вотчину Федора Романова в Юрьев-Польском уезде («и в том же году княж Борисову княгиню Черкаского, да Олександрову жену Романова с детми, да Федоровых детей Романова, велели их с Белаозера взяти и велели им жити в Юрьевском уезде Полского, в Федоровской вотчине Романова»), Марфа резко пришла в себя, не затянув отъезда («Так жадна де я царской милости, ехати готова хоти уже, а болезни моей гораздо легчи перед старым, ехати мне мочно» – отписка 5–17.09). По-видимому, в ту же вотчину отправили Ивана Никитича и Ивана Черкасского.

Остатки обширного клана собрались вместе. Но уже не было постриженных Филарета (Федора) и Марфы (Ксении), трех умерших Никитичей, Александра, Михаила и Василия (в Новом летописце напишут, что двух последних убили), князя Бориса Черкасского и других родственников Романовых, в том числе по женам. За два года могучий клан к началу 1603 г. выжил, но не мог претендовать на трон: немощи еще неженатого Ивана, казалось, навсегда убирали Романовых с политической сцены.

Однако общая ситуация уже резко менялась, на этот раз в ущерб Годуновым. В игру вступала фигура, известная под именем Григория Отрепьева, чуть ли не загодя заготовленная Романовыми (так считали некоторые историки) на роль законного царя. Смерть царя Бориса (13.04.1605), убийство его сына Федора (10.05.1605), приход к власти (Лже)Дмитрия I прекратили ссылку Романовых. Пострадавших ждали при дворе – ведь они были родней царевичу Дмитрию через брак Ивана Грозного с Анастасией Романовной. Федор / Филарет стал митрополитом Ростовским. Ивана Никитича в день помазания на царство (Лже)Дмитрия I пожаловали боярством, и он успешно служил до самой смерти в 1640 г. Боярская ветвь рода могла продлиться, но ее пресекла в 1654 г. ранняя смерть бездетного сына Ивана, Никиты[3].

В 1606 г. (Лже)Дмитрий I не ограничил милости возвращением живых: он распорядился, видимо по просьбе Ивана Никитича, перевезти прах его брата из Пелыма, и этот перевоз состоялся. Грамота от 31 декабря 1606 г. довольно необычна: «В Пелынь Олексею Ивановичу Зюзину да голове Максиму Ивановичу Родилову. Как к вам ся наша грамота придет, а боярина нашего Ивана Никитича Романова люди в Пелынь приедут, и вы б Васильево тело Романова велели, выкопав, отдати боярина нашего Ивана Никитича Романова людем, хто к вам с сею нашею грамотою приедет,

и отпустили их к нам к Москве» [22. С. 251]. На Пелым грамоту доставили 4 марта 1606 г. (о чем на обороте есть пометка). Видимо, в марте–апреле посланцы привезли останки Василия в Москву (вряд ли молодой, но болезненный Иван Никитич сам съездил на Пелым).

Традиционно считают, что в Москву привезли и тела других братьев. Однако документы не сообщают, что стало с останками Александра и Михаила, а также с телами сородичей Романовых, умерших в ссылке (князь Борис Черкасский и др.). Сведения о них можно получить из надписей на могильных плитах, когда-то существовавших в погребальной церкви с отчетливо «романовским» посвящением в честь Знамения Богородицы Новоспасского монастыря. Скажем о ней несколько слов.

Церковь стояла за юго-западным углом Спасо-Преображенского собора, вмещавшим в подклете родовой некрополь Романовых. Когда ее построили – неизвестно, но, видимо, не ранее конца Смуты. В записях о некоторых погребениях есть упоминания о том, что усопшие положены «под церковью», однако эти тексты принадлежат известному памятнику генеалогии Романовых – Новоспасскому помяннику (далее – Помянник), брать их в расчет нельзя (Помянник составлен в 1687 г., и с точки зрения составителей, все погребенные, конечно, лежали в храме). Церковь разберут и заменят новой в конце XVIII в. Важно, что в первой церкви памяти о Никитичах отводилось главное место, и она была создана, как можно полагать, стараниями Ивана Никитича и / или его сына. В храме XVIII в., «шереметевском», сохранили только памятную палатку, как полагали – над гробами Александра и Василия.

Археология и подтвердила все это, и нет (рис. 2–3). Раскопки под палаткой обнаружили только одно погребение, маркированное надгробной плитой, которое принадлежало потомку Никиты Юрьевича Романова – умершей в 1611 г. Марфе Никитичне, супруге Бориса Куденетовича Черкасского (рис. 4). Остальные надписи середины XVII в. – дальних родственников по мужу, Черкасских, а также Сицких (комментированные чтения см.: [1]) (рис. 5–8). Однако традиция, в том числе традиция поминания и традиция ранней научной фиксации, сохранила для нас списки погребенных, составленные на основе прочитанных во второй половине XVIII в., до сноса церкви, надписей на плитах.

Списки существуют в нескольких изводах. До сих пор самой старой и достоверной фиксацией считались тексты в Портфелях. К ним восходят, как считается, публикация 1792 г. Л.М. Максимовича в «Путеводителе по Москве» [23] и список, опубликованный Ювеналием в 1803 г. Сразу отметим, что в его же более раннем издании, 1802 г., тексты существенно иные. Они гораздо короче и, что важно, строго отвечают «формуляру» московского надгробия.

Рассмотрим их сочетание на примере эпитафии Василия Никитича. У Ювеналия читаем: «Лета 7109 (1601) Феvраля въ 15 день, на память Святаго Апостола Онисима, преставися раб Божий Василий Никитичъ Романов» [12. С. 44]. Но у него же: «Лета 7109. (1601.) февраля в день 15, на память Святаго Апостола Онисима преставися рабъ Божий Василий Никитичъ Романовъ *въ заточении отъ царя Бориса Годунова в Сибирскомъ городе на линии отъ Царя Бориса Годунова въ Нырпу удавленъ*» [13. С. 12]. Нашим курсивом обозначено дополнение явно литературного характера, сделанное по другому источнику, да еще с ошибкой, ведь указание на Ныроб («в Нырпу удавлен») никак не может относиться к Василию, это место ссылки его брата Михаила, к тому же Ныроб – до Урала, в Перми, а не в Сибири (случаи аберраций XVI–XVII вв., где эти понятия путают, редки).

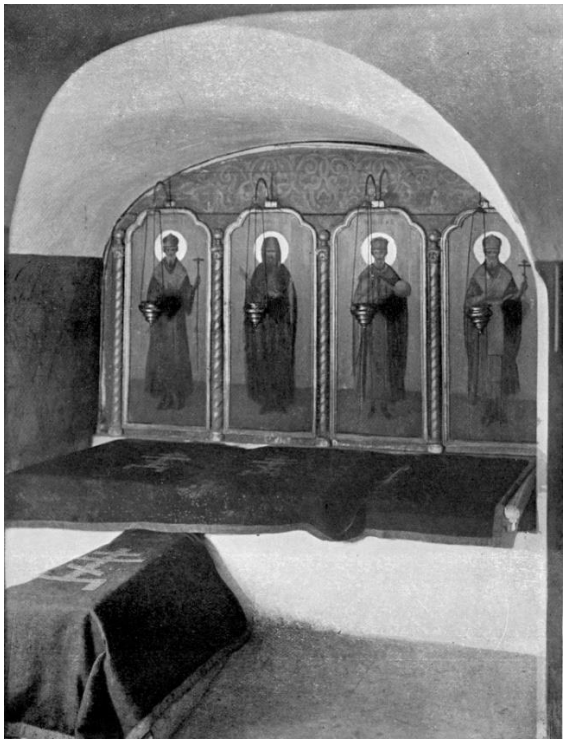


Рис. 2. Юго-восточный притвор церкви Знамения (Палатка Никитичей) в конце XIX – начале XX в.

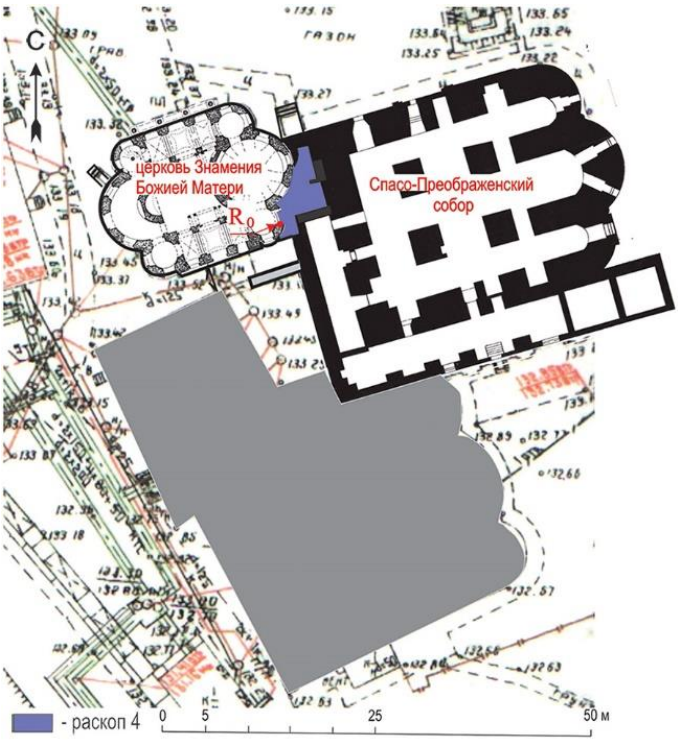
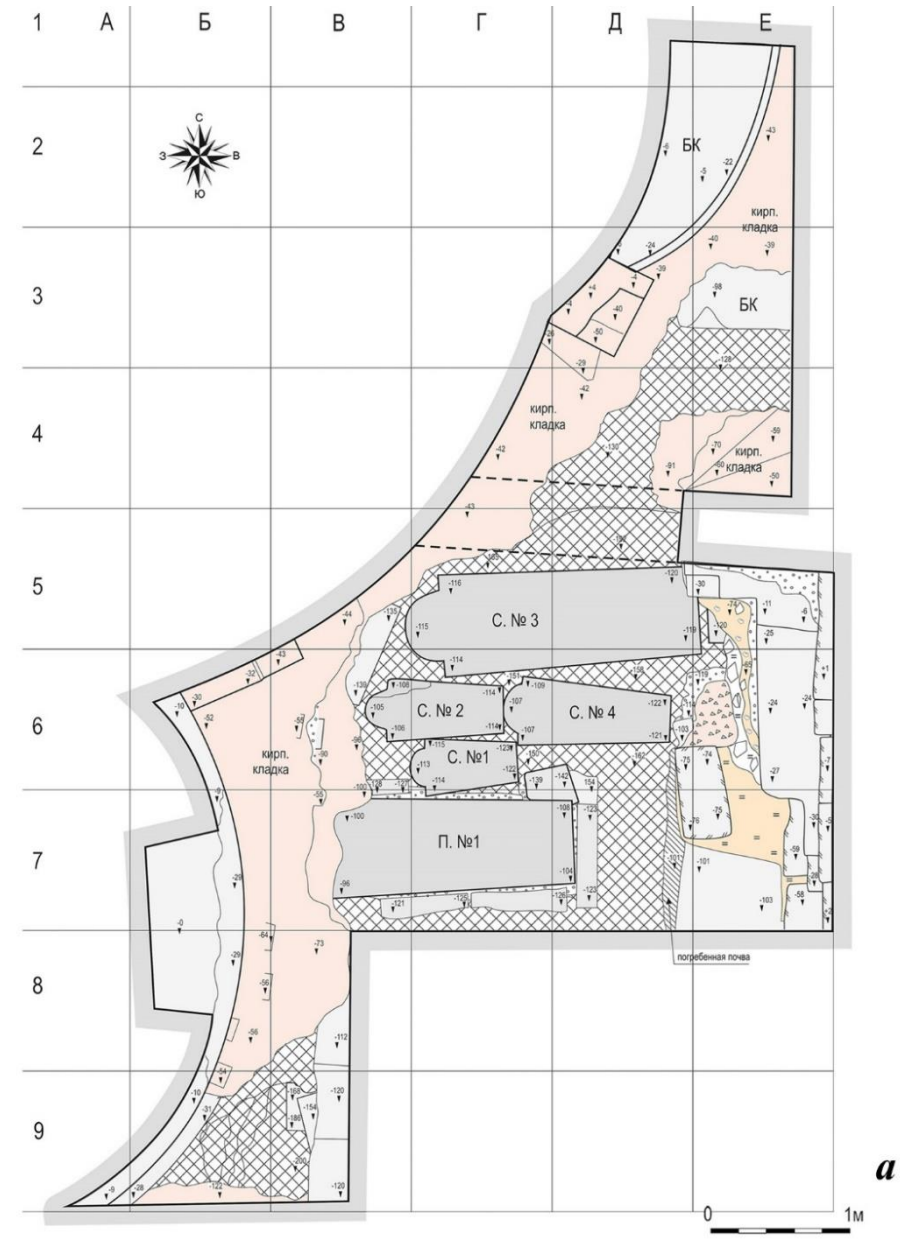


Рис. 3. Фрагмент плана монастыря с указание участков исследований ИА РАН в зоне церкви Знамения (2014 г.).



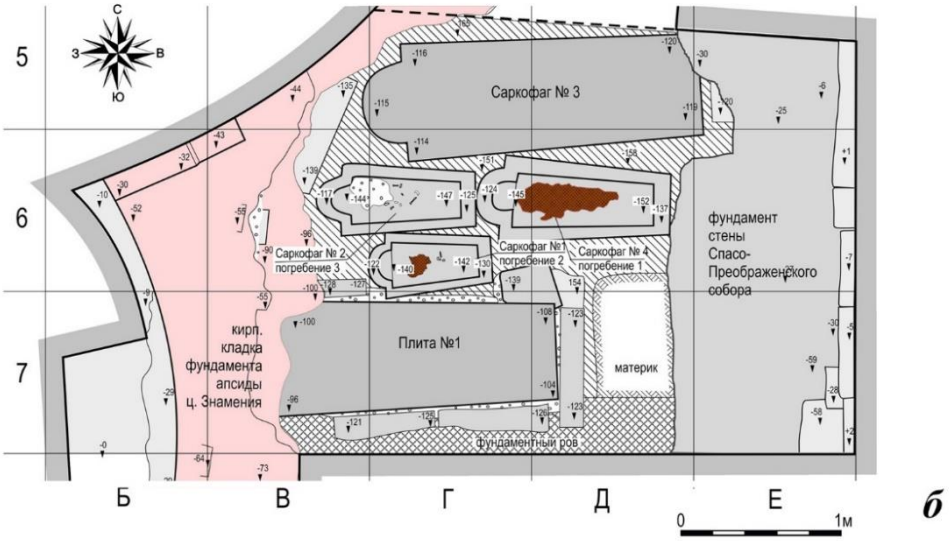


Рис. 4. Раскоп 4-2014 г., общий план сооружений (*а*);
раскоп 4-2014 г., план белокаменных погребальных сооружений (*б*)

Рис. 5. Надпись 1611 г. на плите М.Н. Романовой / Черкасской

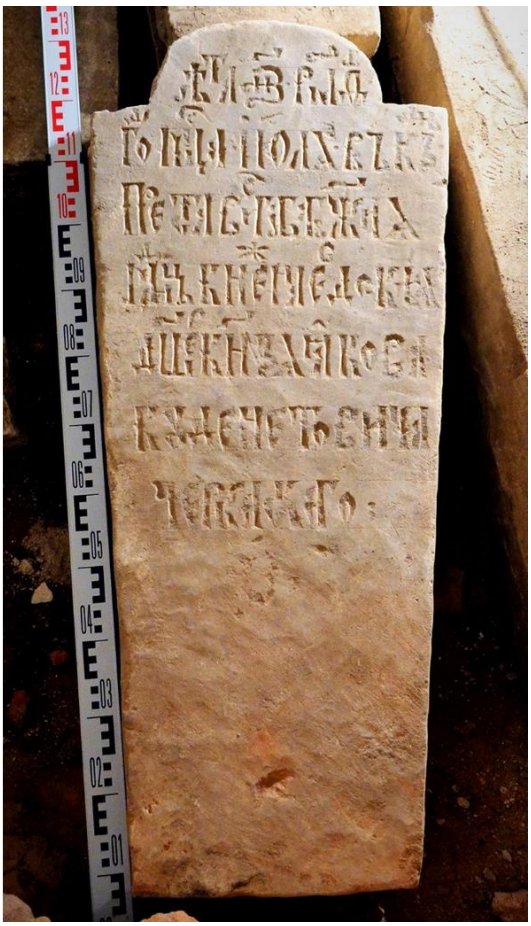


Рис. 6. Надпись 1640 г. на крышке саркофага (№ 4) Е.Я. Черкасской

Рис. 7. Надпись 1644 г. на крышке саркофага А.Ю. Сицкого (найдена в переотложенном состоянии)

Рис. 8. Надпись 1658 г. на таблице надгробного памятника младенцу Я.К. Черкасскому (найдена в переотложенном состоянии)

Рассмотрим их сочетание на примере эпитафии Василия Никитича. У Ювеналия читаем: «Лета 7109 (1601) Февраля въ 15 день, на память Святаго Апостола Онисима, преставися раб Божий Василий Никитичъ Романов» [12. С. 44]. Но у него же: «Лета 7109. (1601.) февраля в день 15, на память Святаго Апостола Онисима преставися рабъ Божий Василий Никитичъ Романовъ *въ заточении отъ царя Бориса Годунова в Сибирскомъ городе на линии отъ Царя Бориса Годунова въ Нырпу удавленъ*» [13. С. 12]. Нашим курсивом обозначено дополнение явно литературного характера, сделанное по другому источнику, да еще с ошибкой, ведь указание на Ныроб («в Нырпу удавлен») никак не может относиться к Василию, это место ссылки его брата Михаила, к тому же Ныроб – до Урала, в Перми, а не в Сибири (случаи аберраций XVI–XVII вв., где эти понятия путают, редки).

У Л.М. Максимовича находим несколько иную, более исправную, но также дополненную литературно версию: «Лета 7109 (1601) Февраля въ 15 день, преставися рабъ Божий Василий Никитичь Романовъ, *коего молитвенное имя Никифоръ, в заточении от Царя Бориса, въ Сибирскомъ городе Пелыме*» [23. С. 226]. Здесь нет слов об удушении, но сохранилась инвектива Борису Годунову и указание на сибирский город, правда, правильное – Пелым, и включено молитвенное имя Василия. Обратившись к Портфелям, увидим там именно формулу, близкую к «длинному» тексту Ювеналия: «Лета 7109 февруариа въ 15 денъ на память святого апостола Онисима преставися рабъ Божии Василии Никитичъ Романовъ, *молитвенное имя Никифоръ в заточении отъ царя Бориса в сибирском граде на линии въ Нырпу на погосте*» (Портфели, Л. 50–50 об.; публ.: [24. С. 21]). Здесь в приписке-расширении сохранено неправильное «в Нырпу» и добавлено непонятное «на погосте» (возможно, в протографе следовало какое-то продолжение, связанное с погребением или переносом тела); указание на убийство убрано, но сохранено «в заточении от царя Бориса»; наконец, стоит загадочное «на линии» (испорченное «на Пелыме»? – предлагавшаяся версия «на житии» [24] неубедительна в контексте фразы).

Объяснить эту разноголосицу можно двумя путями. Первый – видеть за ней два эпиграфических протографа, т.е. полагать, что существовало два надгробия, с краткой и пространной надписями (такие случаи известны), или одна была на плите, а другая списана, например, с саркофага – в подклете Новоспасского монастыря таких пар достаточно, есть они и на других кладбищах. При этом одна надпись могла быть синхронной погребению, а другая представлять гораздо более поздний литературный вариант. Второе объяснение – небрежности и ошибки при списывании, особенно возможные с учетом плохой сохранности камней и непрофессионализма читавших, и / или прямое дополнение списанного заимствованиями из иных источников. Не стоит исключать и сочетания всех причин: чтение двух разновременных эпиграфов с мало сохранных носителей, усугубленное включением литературных заимствований в один из них то ли при исполнении, то ли при чтении, в виде дополнения, а также путаницей в чтении и описками при составлении списков.

Само по себе включение внешних источников здесь несомненно. В распоряжении Г.-Ф. Миллера был список Помянника 1687 г. В нем по поводу смерти Василия та же версия, что у Максимовича: «…преставис рабъ Бжии Василии Никитичъ Романовъ молитвенное имя ему Никифоръ въ заточении от царя Бориса въ сибирском городе на Пелыме» (Л. 40 об.; Новоспасский помянник по списку Миллера: публ.: [24. С. 222]; то же в версии Помянника по списку И.Д. Дмитриева, см.: [25]). Видимо, именно это позволило автору путеводителя полностью отказаться от фантастического расширения Портфелей. Другой источник дополнений – Новый летописец или зависимые от него сочинения; по крайней мере именно там мы находим версию об удушении, которой в Помяннике нет (некоторые сведения можно было получить из таких документов монастыря, как Кормовая и Вкладная книги, см.: [26, 27]).

Не стоит думать, что в издании 1802 г. Ювеналий редуцировал более длинный текст надписи, убрав из него все «лишнее». Наоборот. Мы видим в версии 1802 г. точную передачу строгого, сухого московского формуляра (кстати говоря, не склонного называть и молитвенные имена покойных), списанную с первичных плит или саркофагов: Ювеналий имел возможность сделать это, так как при нем происходила подготовка к разборке старой церкви и строительство новой (см. подробнее: [1, 28]. Но в следующем издании он решил опереться на те расширенные тексты, которые содержали Портфели, с материалами которых он был знаком. Такой рассказ отвечал представлениям XIX в. о достойной эпитафии и звучал убедительнее (инвективы Годунова сохраняли в контексте самодержавия известную актуальность).

Учитывая все это, повторим вместе с А.В. Беляковым, что тексты из Портфелей нуждаются в сугубой проверке, к ним следует подходить с предельной осторожностью. Иногда их удается проверить по независимым источникам, но они есть не всегда, внутренняя же критика затруднена (как в случае с текстами надгробий семей Сибирских князей / царевичей).

Вкратце укажем на другие вопросы, заданные нам Новоспасским некрополем. Действительно ли те, кто упомянут в Помяннике и в списках с плит, был перевезен туда? Когда именно? Как возникли пространные надписи на памятниках Никитичей?

На некоторые из вопросов отвечают тексты. Такова запись Помянника о смерти княгини Евфимии Никитичны (инокини Евдокии), жены И.В. Сицкого, которую 8 апреля 1601 г. «уморилъ въ заточении по велению царя Бориса Михалко Внуковъ»; затем она была погребена «Соловецкаго монастыря в вотчине в Сумском остроге», а ее останки («многострадальные мощи») перенесены в монастырь «к Спасу на Новое» и «погребены 125 году марта въ 8 де[нь] под церковью Пресвятыя Богородицы честнаго Ея Знамения» (Помянник по списку Миллера, Л. 40 об., 41 [24. С. 222]; в списке И.Д. Дмитриева практически так же). Списанный Ювеналием текст отличает краткость и другой

день смерти: «Лета 7109 (1601) Апреля въ 2 день, преставися раба Божия княгиня Евфимия, жена Князя Ивана Васильевича Ситскаго, во инокиняхъ Евдокия» [12. С. 226, 227]. Л.М. Максимович сокращает текст Помянника о погребении княгини, не указывая на смерть в заточении и перенос, но с той же датой (2 апреля). В монастыре ее поминали 8 апреля (в день кончины по версии Помянника) и 11 июля (память великомученицы Евфимии) [27. С. 23]. Трудно сказать, какая дата смерти правильная, но это неудивительно: например, кончина князя Б.К. Черкасского указана в трех разных версиях – 22, 25 и 29 апреля. Как показал анализ, не только Портфели – *все* традиционные источники для Новоспасского некрополя, передающие надписи, не точны и требуют тщательной проверки.

Следует отметить, что до недавнего времени не было известно ни одной плиты или крышки саркофага, которые доказали бы существование «пространных» эпитафий в лапидарной форме. Напротив, найденный при раскопках камень с надписью Марфы Никитичны Черкасской, побывавшей в ссылке на Белоозере, указаний на это не содержит, он строго, не отклоняясь в стороны, следует формуляру, это надпись своей эпохи[4]. Возникали даже сомнения в существовании камней с «длинными» эпитафиями как таковых. Но в 2019 г. С.Ю. Шокаревым среди фрагментов церковного музея в усыпальнице собора Новоспасского монастыря был найден камень с небольшой частью надписи Бориса Черкасского, который подтверждает, что «обличительные» плиты были нарезаны, и, судя по палеографическим признакам, в середине – третьей четверти XVII в., т.е. близко ко времени создания Нового летописца и Помянника (этой находке будет посвящен специальный разбор).

В связи с археологическими находками (вернее, с их отсутствием) нужно еще заметить, что тезис А.В. Белякова о существовании отдельной погребальной палатки Сибирских князей / царевичей косвенно подтвержден – ни в подклете собора, ни в Знаменской церкви фрагментов их семейных плит пока не обнаружено.

Нужно ли думать, что останки, о переносе которых источники напрямую не говорят, остались лежать в других местах, а их парадные надписи в Знаменском храме – своего рода кенотафы? Или, напротив, следует считать несомненной их перевозку в Новоспасский монастырь? То, что указ (Лже)Дмитрия I говорит о перевозе тела прежде всего Василия, логично: Иван и Василий проходили ссылку вместе, Василий духовно поддерживал больного старшего брата, когда они, закованные в кандалы, сидели по разным углам ставшей для них тюрьмой избы, а Иван был при похоронах младшего брата. Безусловно, у него были все основания просить о перезахоронении тела именно Василия, а не всех Никитичей вообще. Доверить именно ему организацию поиска останков тоже имело смысл: он лучше всех знал, где недавняя могила, что не было лишним в тогдашней обстановке вокруг острога.

Данные о перевозе останков Александра и Михаила опираются на тексты с памятных камней, где внимание зафиксировано на *погребении* (повторном захоронении?) и на том, что они «преставися в заточении» – но не о самом событии смерти. Вполне возможно, что их перенесли существенно позднее 1606 г., как останки княгини Евфимии Сицкой; в записи Помянника (составленного через 70 лет после события) речь прямо идет о переносе в 1617 г. Общий археолого-исторический анализ показал, что Знаменский некрополь – кладбище нескольких семей: Черкасских, Шереметевых, Сицких (последнее погребение в 1672 г.) и, до середины XVII в., – самих Романовых, среди которых главное место занимает семья Ивана Никитича (он сам, жена и сын), а также три его брата и двое сестер (последнее «романовское» погребение, таким образом, относится к 1654 г.).

Некрополь Никитичей – ветвь, отделившаяся от главного кладбища Романовых при особых обстоятельствах. Тексты с антигодуновскими инвективами, отраженные Помянником и записями в Портфелях, вероятно, выполнены в 1640–1650-х гг., когда сложилась ранняя апологетика Романовых. Создателями некрополя на первом этапе был вернувшийся из Сибири Иван Никитич и Марфа Никитична, вокруг которых собрались уцелевшие после репрессий свойственники по бракам. Первым погребенным на семейном кладбище, от которого возьмут начало известные в русской истории фамилии, видимо, стал привезенный в марте 1606 г. из далекого сибирского Пелыма Василий Никитич. Его погребение, а равно и погребения его ссыльных братьев, пока не открыты и, возможно, не сохранились.

Надеемся, что в рамках все шире развивающейся дискуссии о взаимоотношениях «центра» и «периферии» в переходный период от Московского царства к Российской империи (см. литературу: [29]) наша публикация и анализ имеющихся материалов некрополя Новоспасского монастыря окажутся полезным сибирским коллегами.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Андрей (+ 1620) и Федор (+ 1621). Надгробие представляет собой не намогильную плиту, а парадную памятную доску. Оно нарезано во второй половине–конце XVII в., поскольку сама Ирина, в схиме Ираида, умерла не ранее 1651 г. (в этом году она составила духовную).

[2] Находку широко тиражируют, и полный список публикаций плиты здесь не приводится.

[3] Жена Иван Никитича, Ульяна Федоровна Литвинова-Мосальская (ум. 1650), родила ему восьмерых детей (первый в 1609 г., последний в 1625 г.), но они умирали во младенчестве, кроме Никиты (ум. 1654) и Марфы, вышедшей замуж за Алексея Ивановича Воротынского (1610–1642).

[4] Надпись уточняет дату смерти: 28 февраля 1611 г. Из других надгробных надписей в Знаменской церкви при раскопках найдены камни не ранее середины века: 27 ноября 1640 г. младенец княжна Евдокия, дочь Якова Куденетовича Черкасского; его же сын-младенец Иван Яковлевич (28 сентября 1658 г.); боярин князь Алексей Юрьевич Сицкой (5 июля 1644 г.); стольник князь Андрей Михайлович Черкасский, 1701 г., 33 лет. Еще один «археологический» фрагмент прямо упомянут как найденный при Ювеналии – это камень той самой Евфимии Никитичны, жены Ивана Васильевича Сицкого, перевезенной из Сумского острога. Обо всем этом – в нашей книге [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев Л.А., Медникова М.Б. В поисках бояр Романовых : междисциплинарное исследование усыпальницы XVI–XVIII вв. в Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве. М., 2018. Вып. 1. 300 с.
2. Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург : Демидовский ин-т, 2018. 504 с.
3. Дело о ссылке Романовых // Хроники Смутного времени / сост. А.А. Либерман, Б.Н. Морозов, С.Ю. Шокарев. М. : Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 412–438. (История России и Дома Романовых в мемуарах современников).
4. Лаврентьев А.В. Романовы и «старый государев двор» на Варварке // Лаврентьев А.В. Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI–XVIII вв., их создатели и владельцы. М. : Археографический центр, 1997. 254 с.
5. Чагин Г.Н. Михаил Никитич Романов в Ныробе (историография вопроса) // Дом Романовых в истории России. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. С. 70–74.
6. Дом Романовых в истории России. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. 294 с.
7. Романовы и Сибирь : каталог выставки. Тюмень. 2014. 78 с.
8. Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVII века. Иркутск, 1968. 247 с.
9. Беркович В.А., Егоров К.А. Новые находки надгробий Московского Златоустовского монастыря // Златоустовские чтения. II : сб. докл. конф. 9–10.02.2017. М., 2018. С. 7–34.
10. Горохов С.В. Русский острог в Сибири конца XVI–XVIII вв. как археологический памятник // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2011. Т. 7, № 10. С. 284–291.
11. Горохов С.В. История археологических исследований Сибирских острогов // Освоение и развитие Западной Сибири в XVI–XX вв. Новосибирск : СИБПРИНТ, 2013. С. 157–161.
12. Ювеналий (Воейков), игумен. Краткое историческое описание Московского Ставропигиального первоклассного Новоспасского монастыря, из разных исторических, церковных и гражданских, печатных и рукописных книг и документов, во время правления оным монастырем архимандрита Иакинфа Карпинского, собранное и им рассмотренное и одобренное любителями же древностей, ныне на свете изданное. М., 1802. [2], II, IV, 93, XII. 56 с.
13. Ювеналий (Воейков). Описание состоящего в Московском ставропигиальном Новоспасском монастыре храма Знамения Пресвятыя Богородицы... с приобщением надгробных надписей. М. : В Губ. тип. у А. Решетникова, 1803. XII, 56 с.
14. Беляков А.В. Надгробия царевичей / князей Сибирских из Новоспасского монастыря по сведениям Г.Ф. Миллера // Жизнь в Российской империи: новые источники в области археологии и истории XVIII века : материалы междунар. науч. конф. / Ин-т археологии РАН, Ин-т рос. истории РАН. М., 2018. С. 22–25.
15. Давиденко Д.Г., Беляев Л.А., П[ятнов] А.П. Новоспасский Московский в честь Преображения Господня ставропигиальный мужской монастырь // Православная энциклопедия. М., 2018. Т. 51: Никон–Ноилмара. С. 704–727.
16. Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605) СПб. : Наука, 1992. 279 с.
17. Студенкин Г.И. Романовы-Юрьевы-Захарьины // Русская старина. 1878. Т. XXII, кн. 8 (июль). Приложение: Родословия. С. 1–526.
18. Сборник материалов по истории предков царя Михаила Феодоровича Романова: родословная рода Захарьиных-Юрьевых-Романовых по материалам И.П. Сахарова, проверенным и дополненным Н.Н. Селифонтовым. СПб., 1898. Ч. 2. 109 с.
19. Селифонтов Н.Н. Сборник материалов по истории предков царя Михаила Федоровича Романова. Генеалогический и исторический материал по печ. источникам. СПб.: Тип. А. Бенке, 1901. Ч. 1. 271 с.
20. Васенко П.Г. Бояре Романовы и воцарение Михаила Фёдоровича : изд. Комитета для устройства празднования трехсотлетия царствования Дома Романовых. СПб. : Гос. тип., 1913. 225, XIII с.
21. Новый летописец // Полное собрание русских летописей. СПб. : Тип. М.А. Александрова, 1910. Т. 14/1. 154 с.
22. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел : [в 5 ч.]. М. : в тип. Селивановского, 1819. Ч. 2, служащая дополнением к 1-й.
23. Максимович Л.М. Путеводитель к древностям и достопамятностям московским, руководствующий любопытствующаго по четырем частям сея столицы к дее-место-описательному познанию всех заслуживающих примечание мест и зданий… : в 4 ч. М.: В Университетской тип., у В. Окорокова, 1793. Ч. 4. 296 с.
24. Усыпальница дома Романовых в Московском Новоспасском монастыре / [ред. А.К. Станюкович, В.Н. Звягин]. Кострома, 2005. 400 с.
25. Дмитриев И.Д. Московский первоклассный Новоспасский ставропигиальный монастырь в его прошлом и настоящем : историко-археологический очерк. М. : Рус. печатня, 1909. 122, 12, [2], II с.
26. Кормовая книга Московского ставропигиального Новоспасского монастыря. М. : Изд-во Монастыря, 1903. 28 с.
27. Леонид (Кавелин), архим. Вкладная книга Московского Новоспасского монастыря. СПб. : Санкт-Петербург, 1883. 32 с.
28. Морозов К.К. Памятник архитектуры – Новоспасский монастырь в Москве. М. : Сов. художник 1982. 80 с.
29. Новая имперская история Северной Евразии / И.В. Герасимов, М.Б. Могильнер, С.В. Глебов, А. Семенов. Казань : Ab Imperio, 2017. Ч. 1: Конкурирующие проекты самоорганизации VII–XVII вв. 362 с.

Leonid A. Belyaev, Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: labeliaev@bk.ru
Sergei Yu. Shokarev Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia). E-mail: shokarevs@yandex.ru

THE LAST ROMANOVS THE BOYARS, THEIR NECROPOLIS AND ITS SIBERIAN CONNOTATIONS

Keywords: Romanovs the Boyars, Siberia, exile, Pelym, Novospassky monastery, G.F. Müller, historical archeology.

The paper deals with the history of the aristocratic clan of the Romanovs and the Kuchumovichi, or Sheibanyds of Siberia. The focus of the 2013-2015 excavations at the New monastery of the Saviour (Novospasskiy), held by the Institute of Archaeology RAS, was the remains of the relatives of Tsar Mikhail Romanov – brothers and sisters of his father Feodor Nikitich (Filaret the Patriarch). After the death of Ivan the Terrible, the Romanovs clan have become the most powerful group around the throne. Boris Godunov, after his election as a new Tsar, threw them out of the political field. Then, he exiled them. The most dangerous person of the Romanovs was the oldest son of Nikita Romanov, Feodor. He and his wife were enforced to took the vows, their small child Mikhail became an orphan. Four other brothers were exiled to the Northern towns and monasteries. Three of them died there under the very suspicious circumstances. The historians of Romanovs family believe that they were killed by their jailers. The Nikita's daughters with their husbands of the noblest families, children and relatives were also exiled and some of them died far from Moscow.

Two brothers, Vasiliy and Ivan, were sent to Siberian frontier, to the newly established Russian outpost of Pelym. The youngest brother Vasiliy died, but Ivan managed to survive. He and the rest of the clan were returned to their estates in the Central Russia after one year of the exile, in 1601.

When Boris the Tsar died and False Dmitry I enthroned, the rest of the Romanovs were given back their high ranks. Ivan Nikitich asked a permission to transmit the remains of his brother Vasiliy from Pelym to the family cemetery of the Romanovs at the Novospasskiy

monastery. Step by step the clan members' corps returned to the monastery and Ivan Nikitich erected the new burial church over their graves as the martyrs.

The epitaphs on their grave stones were studied and published since the late 18th c. It happens that simultaneously started the study of the epitaphs of the Siberian khan Kuchum descendants. Both the texts collections were stored by the prominent scholar of the 18th c. Russia, G.F. Müller, deeply involved in the research work of Siberia. His collection was taken for the most reliable; due to it is the oldest of the copies. But the recent investigation of the documents and the excavations of the grave-church in the monastery changed our assessment of the texts collection of G.F. Müller. The cross-analysis revealed that grave inscriptions of the Romanovs and the Kuchumovichy in his famous "Portfolios" are not original but a result of a compilation of the real engravings with the monastic acts as well as other documents, transformed by historians in favor to the Romanovs. Meanwhile, there appeared the new inscriptions of the descendants of Khan Kuchum at their cemeteries of the late 17th c. in Moscow (the widow of Andrei Andreevich Kuchumovich and two their children).

REFERENCES

1. Beliaev, L.A. & Mednikova, M.B. (2018) *V poiskakh boyar Romanovykh: mezhdistsiplinarnoe issledovanie usypal'nitsy XVI–XVIII vv. v Znamenskoy tserkvi Novospasskogo monastyrya v Moskve* [Looking for Romanovs the boyars: interdisciplinary research of the funerary vault of the 16th-17th c. in the church of the Our Lady of the Sign in the New Monastery of the Savior in Moscow]. Moscow: RAS.
2. Vershinin, E.V. (2018) *Russkaya kolonizatsiya Severo-Zapadnoy Sibiri v kontse XVI–XVII vv.* [Russian colonization of North-West Siberia at the end of the 16th – 17th centuries]. Ekaterinburg: Demidovskiy in-t.
3. Liberman, A.A., Morozov, B.N. & Shokarev, S.Yu. (1998) *Khroniki Smutnogo vremeni* [Chronicles of the Time of Troubles]. Moscow: Fond Sergeya Dubova. pp. 412–438.
4. Lavrentiev, A.V. (1997) *Lyudi i veshchi. Pamyatniki russkoy istorii i kul'tury XVI–XVIII vv., ikh sozdateli i vladel'tsy* [People and things. Monuments of Russian history and culture of the 16th – 18th centuries, their creators and owners]. Moscow: Arkheograficheskiy tsentr.
5. Chagin, G.N. (1995) Mikhail Nikitich Romanov v Nyrobe (istoriografiya voprosa) [Mikhail Nikitich Romanov in Nyrob (historiography of the issue)]. In: Froyanov, I.Ya. (ed.) *Dom Romanovykh v istorii Rossii* [House of the Romanovs in the History of Russia]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 70–74.
6. Froyanov, I.Ya. (ed.) (1995) *Dom Romanovykh v istorii Rossii* [House of the Romanovs in the History of Russia]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
7. Anon. (2014) *Romanovy i Sibir': katalog vystavki* [The Romanovs and Siberia: the exhibition catalog]. Tyumen: [s.n.].
8. Zinner, E.P. (1968) *Sibir' v izvestiyakh zapadnoevropeyskikh puteshestvennikov i uchenykh XVII veka* [Siberia in the news of Western European travelers and scientists of the 17th century]. Irkutsk: Vostochno-sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
9. Berkovich, V.A. & Egorov, K.A. (2017) Novye nakhodki nadgrobiy Moskovskogo Zlatoustovskogo monastyrya [New finds of gravestones of the Moscow Zlatoust Monastery]. In: *Zlatoustovskie chteniya. II* [The Zlatoust readings. II]. Moscow: [s.n.]. pp. 7–34.
10. Gorokhov, S.V. (2011) Russian ostrog in Siberia of the XVI–XVIII centuries as an archeological monument. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 7(10). pp. 284–291. (In Russian).
11. Gorokhov, S.V. (2013) Istoriya arkheologicheskikh issledovaniy Sibirskikh ostrogov [History of archaeological research of the Siberian forts]. In: Zakharov, K.V. (ed.) *Osvoenie i razvitie Zapadnoy Sibiri v XVI–XX vv.* [Exploration and development of Western Siberia in the 16th – 20th centuries]. Novosibirsk: SIBPRINT. pp. 157–161.
12. Yuvenaliy (Voeykov). (1802) *Kratkoe istoricheskoe opisanie Moskovskogo Stavropigial'nogo pervoklassnogo Novospasskogo monastyrya, iz raznykh istoricheskikh, tserkovnykh i grazhdanskikh, pechatnykh i rukopisnykh knig i dokumentov, vo vremya pravleniya onym monastyrem arkhimandrita Iakinfa Karpinskogo, sobrannoe i im rassmotrennoe i odobrennoe lyubitelyami zhe drevnostey, nyne na svete izdannoe* [A brief historical description of the Moscow Stavropegic first-class Novospassky monastery, from various historical, church and civil, printed and manuscript books and documents, during the reign of this monastery by Archimandrite Iakinf Karpinsky, collected and reviewed and approved by lovers of antiquities, now published in the world]. Moscow: [s.n.].
13. Yuvenaliy (Voeykov). (1803) *Opisanie sostoyashchego v Moskovskom stavropigial'nom Novospasskom monastyre khrama Znameniya Presvyatyya Bogoroditsy... s priobshcheniem nadgrobnykh nadpisey* [Description of the Church of the Sign of the Most Holy Theotokos in the Moscow stauropegic Novospassky monastery... with the addition of gravestone inscriptions]. Moscow: V Gub. tip. u A. Reshetnikova.
14. Belyakov, A.V. (2018) Nadgrobiya tsarevichey / knyazey Sibirskikh iz Novospasskogo monastyrya po svedeniyam G.F. Millera [Tombstones of Siberian princes from the Novospassky monastery according to G.F. Miller]. In: Belyaev, L.A. & Zakharov, V.N. (eds) *Zhizn' v Rossiyskoy imperii: novye istochniki v oblasti arkheologii i istorii XVIII veka* [Life in the Russian Empire: new sources in archeology and history of the 18th century]. Moscow: RAS. pp. 22–25.
15. Davidenko, D.G., Belyaev, L.A. & P[yatnov], A.P. (2018) Novospasskiy Moskovskiy v chest' Preobrazheniya Gospodnya stavropigial'nyy muzhskoy monastyr' [Novospassky Moskovsky in honor of the Transfiguration of the Lord Stavropegic Men's Monastery]. In: Patriarch of Moscow and All Russia (2018) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 51. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. pp. 704–727.
16. Pavlov, A.P. (1992) *Gosudarev dvor i politicheskaya bor'ba pri Borise Godunove (1584–1605)* [The Tsar's Court and the Political Struggle under Boris Godunov (1584–1605)]. St. Petersburg: Nauka.
17. Studenkin, G.I. (1878) Romanovy-Yur'evy-Zakhar'iny [Romanovs-Yuryevs-Zakharyins]. *Russkaya starina*. 22(8). pp. 1–526.
18. Sakharov, I.P. & Selifontov, N.N. (1898) *Sbornik materialov po istorii predkov tsarya Mikhaila Feodorovicha Romanova: rodoslovnaya roda Zakhar'inykh-Yur'evykh-Romanovykh po materialam I.P. Sakharova, proverennym i dopolnennym N.N. Selifontovym* [Collection of materials on the history of the ancestors of Tsar Mikhail Feodorovich Romanov: the genealogy of the Zakharyin-Yuriev-Romanov family based on the materials of I.P. Sakharov, verified and supplemented by N.N. Selifontov]. St. Petersburg: [s.n.].
19. Selifontov, N.N. (1901) *Sbornik materialov po istorii predkov tsarya Mikhaila Fedorovicha Romanova. Genealogicheskiy i istoricheskiy material po pech. istochnikam* [Collection of materials on the history of Tsar Mikhail Fedorovich Romanov's ancestors. Genealogical and historical material by printed sources]. St. Petersburg: Tip. A. Benke.
20. Vasenko, P.G. (1913) *Boyare Romanovy i votsarenie Mikhaila Fedorovicha: izd. Komiteta dlya ustroystva prazdnovaniya trekhsotletiya tsarstvovaniya Doma Romanovykh* [Boyars Romanovs and the accession of Mikhail Fedorovich: published by the Committee for the Organization of the Celebration of the Three Hundredth Anniversary of the House of Romanov's Reign]. St. Petersburg: Gos. tip.
21. Anon. (1910) Novyy letopisets [New Chronicler]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 14/1. St. Petersburg: Tip. M.A. Aleksandrova.
22. Russia. (1819) *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v Gosudarstvennoy kollegii inostrannykh del* [Collection of State Letters and Treaties Stored in the State Collegium of Foreign Affairs]. Vol. 2. Moscow: V tip. Selivanovskogo.
23. Maksimovich, L.M. (1793) *Putevoditel' k drevnostyam i dostopamyatnostyam moskovskim, rukovodstvuyushchiy lyubopytstvuyushchago po chetyrem chastyam seya stolitsy k dee-mesto-opisatel'nomu poznaniyu vsekh zasluzhivayushchikh primechanie mest i zdaniy…* [A guide to Moscow antiquities and monuments, guiding the curious about the four parts of the capital sowing to the action-place-descriptive knowledge of all noteworthy places and buildings]. Moscow: V Universitetskoy tip., u V. Okorokova.

24. Stanyukovich, A.K. & Zvyagin, V.N. (eds) (2005) *Usypal'nitsa doma Romanovykh v Moskovskom Novospasskom monastyre* [The Tomb of the Romanovs' House in the Moscow Novospassky Monastery]. Kostroma: Liniya Grafik.
25. Dmitriev, I.D. (1909) *Moskovskiy pervoklassnyy Novospasskiy stavropigial'nyy monastyr' v ego proshlom i nastoyashchem: istoriko-arkheologicheskiy ocherk* [Moscow first-class Novospassky stavropegic monastery in its past and present: a historical and archaeological sketch]. Moscow: Rus. pechatnya.
26. The Moscow Stavropegic Novospassky Monastery. (1903) *Kormovaya kniga Moskovskogo stavropigial'nogo Novospasskogo monastyrya* [Forage Book of the The Moscow Stavropegic Novospassky Monastery]. Moscow: The Moscow Stavropegic Novospassky Monastery.
27. Leonid (Kavelin). (1883) *Vkladnaya kniga Moskovskogo Novospasskogo monastyrya* [Donation book of the Moscow Novospassky monastery]. St. Petersburg: [s.n.]
28. Morozov, K.K. (1982) *Pamyatnik arkhitektury – Novospasskiy monastyr' v Moskve* [An architectural monument – Novospassky monastery in Moscow]. Moscow: Sov. Khudozhnik.
29. Gerasimov, I.V., Mogilner, M.B., Glebov, S.V. & Semenov, A. (2017) *Novaya imperskaya istoriya Severnoy Evrazii* [New Imperial History of Northern Eurasia]. Kazan: Ab Imperio.

УДК 303.446.4:82-343
DOI: 10.17223/19988613/66/15

А.А. Бесков

ОТ МИФОВ ДРЕВНОСТИ К МИФАМ ИСТОРИОГРАФИИ: ПРОБЛЕМА ДРЕВНЕРУССКОГО БОГА ХОРСА КАК СИМПТОМ БОЛЕЗНИ НАУКИ О МИФАХ

На примере сложившегося в мировой историографии образа бога Хорса анализируется проблема достоверности и верифицируемости современных научных представлений о восточнославянской мифологии. Показано, что этимологизация теонимов не ведет к значимому приросту научного знания о ней и вообще мало что может дать историкам религии, зато она оказывает явное воздействие на позицию исследователей, провоцируя появление малообоснованных гипотез. Указывается на существование данных, невостребованных ранее исследователями славянской мифологии.

Ключевые слова: восточнославянская мифология; пантеон князя Владимира; Хорс; лингвистический анализ; этимология; историографические мифы.

Количество гипотез о происхождении и функциях восточнославянских божеств огромно. Пожалуй, лидером в этом плане является бог Хорс, версий относительно природы которого насчитывается не менее десятка [1. С. 18–23; 2. С. 81–96]. И все же в историографии уверенно преобладает точка зрения об иранском происхождении этого теонима, а следовательно, и самого божества. На основе этой этимологии был сделан вывод, что Хорс являлся богом солнца, и, хотя письменные источники прямых указаний на это не дают, данная точка зрения давно укоренилась в науке.

Однако имеется и серьезная критика этой гипотезы [2. С. 93–95, 110–113; 3], поэтому иранская этимология и солярная природа Хорса не могут считаться доказанными. Но тогда возникает неудобный для научного сообщества вопрос: знаем ли мы сейчас о Хорсе больше, чем знали о нем слависты XVIII–XIX вв.? Он влечет за собой рассмотрение еще более важной проблемы – заметен ли прогресс в области изучения восточнославянской мифологии и за счет чего он возможен в наши дни? Возможно, подобная рефлексия вызовет отторжение у некоторых коллег, активно вырабатывающих новые гипотезы относительно тех или иных персонажей восточнославянской мифологии и ставящих во главу угла этимологию их имен. Хочется, однако, надеяться, что некоторая односторонность этого метода, которая будет продемонстрирована далее, будет учтена научным сообществом.

Для того чтобы значение и научный вес иранской этимологии теонима *Хорс* были понятны, стоит проследить историю закрепления этой научной традиции.

В 1821 г. вышла статья историка П.Г. Буткова, в которой он одним из первых соотнес Хорса с солнцем на основании того, что: «Солнце по-персидски *хуршит*, по-осетински *хур*, *хор*; на Осетинском же языке *хорошъ*, *хорсъ*, *хорсу* значит еще добро, хорошо» [4. С. 58–59]. Затем к иранским языкам в качестве подспорья для объяснения теонима обратился П.И. Прейс: «Слово *Хорс*… есть чуждое: оно заимствовано из Арийской ветви языков. Сюда принадлежит и ново-Персидское: *Хор* или *Хур* – солнце» [5. С. 35]. В итоге ученый пришел к выводу, что теоним заимствован из древнеперсидского языка.

Трактовку П.И. Прейса полностью поддержал другой известный славист – И.И. Срезневский [6. С. 50]. Солидарен с ними был и О.М. Бодянский [7. С. 11]. Мнение об иранских корнях этого теонима (и самого божества) с тех пор становится общим местом. В 1846 г. Н.И. Костомаров включил эту этимологию в состав своих лекций по славянской мифологии: «Хорс объясняется из персидского языка: Корш или Коршид значит солнце» [8. С. 111]. Член Общества истории и древностей российских при Московском университете С. Сабинин в своём письме к О.М. Бодянскому в 1847 г. писал: «Я долго всматривался в Мифологию Славено-Русскую, давно видел в Хорсе божество-солнце, знал его Восточное происхождение…» [9. С. 22]. Солидаризировался с этой точкой зрения А.Н. Афанасьев [10. С. 538]. Выводы П.И. Прейса повторяет в своем труде И.Е. Забелин [11. С. 291]. В.Ф. Миллер тоже считал возможным заимствование славянами Хорса с Востока, приводя в качестве типологических параллелей «зенд. hvare khšaeta, пехлевийск. kharšét, парсийск. qarséṭ, новоперсид. khvaršéd» [12. С. 83].

С позиции сегодняшнего дня такие этимологические упражнения выглядят примером любительской лингвистики, развенчанию которой А.А. Зализняк посвятил целую книгу [13]. Авторами просто отмечалось сходство в звучании древнерусского и персидского (или осетинского) слов, а поскольку значение этих иноязычных слов укладывалось в их представление о природе Хорса, то иных доказательств этой предполагаемой лингвистической связи и не требовалось. Уязвимость гипотезы о близости этих слов начала осознаваться также еще в XIX в. М.Е. Соколов писал на этот счет: «В русской науке… нет недостатка в странных гипотезах, бьющих на оригинальность и эффект; исследователи как будто забывали то обстоятельство, что простота и бесхитростность гипотезы или теории – почти всегда необходимое условие истины. Вот почему мы не удивляемся, что в русской историко-филологической науке много толковали про чужеземное происхождение Хорса» [14. С. 89].

Но помимо этой критики книга М.Е. Соколова примечательна тем, что ее автор предельно отчетливо выразил суть воззрений ученых того времени на значение солярных культов: «У всех языческих народов: древних и новых, старого и нового света, солнце несомненно было самым уважаемым и любимым божеством» [14. С. 3]. Автор отдавал себе отчет, что этому чересчур смелому утверждению можно противопоставить хотя бы первенствующую роль Перуна в древнерусской мифологии и потому сделал оговорку, что подобные мифологические системы являются исключением из общего правила, но даже и в них солнце «наиболее любимо и уважаемо». Руководствуясь этим сомнительным постулатом, автор находит в славянской мифологии целый сонм солнечных божеств, среди которых оказываются не только Хорс и Дажьбог, но и Ярило, Семаргл, Лад, Лель, Чурила и другие персонажи. В этой наивной позиции автора, ведущей к неоправданным сближениям, легко можно усмотреть влияние популярной на тот момент мифологической школы и идей ее апологета Макса Мюллера, чье стремление едва ли не любой мифологический сюжет связать с солярными мифами привело к тому, что насмешники готовы были объявить солярным мифом его самого [15. С. 29].

Ученые XIX в. готовы были видеть в Хорсе бога солнца прежде всего на том основании, что в «Слове о полку Игореве» он назван великим. Если бы этот великий бог остался безымянным, можно с большой долей уверенности предполагать, что ученые увидели бы в нем Перуна. Но поскольку речь в памятнике идет не о нем, представлялось, что на роль еще одного великого бога мог претендовать только бог солнца. Поэтому мысль о солнечной природе Хорса прочно утвердилась среди российских историков XIX в. даже и вне связи с этимологией. Не углубляясь в лингвистические дебри, но сославшись на мнение О.М. Бодянского, ей отдал дань С.М. Соловьёв, написавший, что Хорса относят к солнцу «не без оснований» [16. С. 72]. Одним из божеств солнца называет Хорса и И.Н. Хлебников, заодно сочтя «весьма вероятной» догадку С.М. Соловьёва, что «хоровод есть религиозная пляска в честь Хорса»[1] [17. С. 44–45]. Как можно видеть, иранская этимология идеально соответствовала этому представлению о Хорсе. Таким образом, направление этимологического поиска было изначально задано, и появление соответствующей этимологии было фактически предопределено.

Сложившаяся традиция перешла в XX в. и постепенно набирала вес. Известный филолог академик Ф.Е. Корш придал ей бóльшую лингвистическую стройность [18. С. 53]. Другой филолог-славист – Е.Ф. Карский, проявляя разумную осторожность, заметил: «Как понимать имя Хорс, до сих пор ни к каким положительным выводам не пришли: по-видимому, это название иранское» [19. С. 34]. Историк и филолог Е.Г. Кагаров отмечал: «Почти с уверенностью можно сказать, что слово это – иранского происхождения» [20. С. 29–30]. Академик Б.Д. Греков писал, говоря о пантеоне князя Владимира: «…между Перуном и Даждьбогом, богом солнца, стоял Хорс, тоже бог солнца народов Востока, Средней Азии, откуда пошло название Хорезма, Хорасана и др.» [21. С. 387].

И все же пика своей популярности гипотеза об иранском происхождении бога Хорса достигла во второй половине XX в. В 1948 г. была опубликована и в 1966 г. переиздана работа Р.О. Якобсона La geste du prince Igor', в которой он, обращаясь к теме присутствия в «Слове о полку Игореве» языческих мотивов, затронул также и вопрос о происхождении теонима *Хорс*. Хотя этому вопросу там посвящено всего несколько строк, автор уверенно поддержал догадку Ф.Е. Корша о близости имени Хорса к персидскому *Xuršēt* 'солнце' и словосочетанию, встречающемуся в «Авесте», – Hvarə-Xšaētəm 'солнце лучезарное (сияющее)' и о возможности перехода иранского *-rš-* в *-rs-* на осетинской почве, а значит, и о возможности преобразования персидского слова в славянское *Хорс* через посредничество предков осетин [22. С. 291]. Но Р.О. Якобсон пошел дальше и выразил мнение, что мотив пересекаемого князем Всеславом пути Хорса в «Слове» удивительно точно соответствует пути Hvarə (солнца) в «Авесте» (Яшт XIII, 16, 57). Это окончательно убедило ученого в солнечной природе Хорса и его иранском происхождении[2].

Далее осторожность, свойственная авторам первой четверти XX в., была отброшена. В 1962 г. А.А. Зализняк уже без ссылок на конкретные работы как о хорошо известном факте писал: «Имя Хъrsъ считается несомненным заимствованием из иранского. Наиболее распространенным является возведение его к североиранской форме, соответствующей ав. hvarə xšaētəm, ср.-перс. xvaršēt, перс. xuršīt 'сияющее солнце'» [24. С. 43]. О Хорсе как побочном и иранском по происхождению имени Дажьбога, вновь упоминая соответствие пути Хорса и Hvarə, пишет, уже на русском, Р.О. Якобсон [25. С. 617]. Ту же, ставшую хрестоматийной, этимологию повторил в своей статье Н.А. Баскаков [26. С. 184]. В.В. Мартынов идет несколько дальше и, пытаясь объяснить, как иранское слово попало в славянскую среду, реконструирует соответствующее персидскому *xuršēd* аланское **xor-(ae)xsed* 'восходящее солнце', из которого, по его мнению, легко выводится праславянское **xorse*, а далее и *xorsъ*. Процесс этого преобразования «относится к праславянскому периоду или, во всяком случае, к праславянскому диалекту, легшему в основу древнерусского языка» [27. С. 66]. Но наибольший вклад в закрепление в российской науке гипотезы об иранском происхождении Хорса внесли такие видные лингвисты, как академики В.В. Ивáнов и В.Н. Топоров, популяризовавшие ее путем включения в соответствующую статью авторитетного справочного издания: «Несомненно восточное происхождение этого божества, попавшего на Русь через сарматские (и / или тюркские) влияния. Об иранском источнике Хорса можно судить по персидскому обозначению обожествленного сияющего солнца – Xuršēt, в конечном счете восходящему к иранскому представлению о божественном сиянии (Фарн), в связи с этим обозначением солнца упоминается его путь, что соответствует образу пути Хорса в «Слове о полку Игореве» [28].

Надо отметить, что эти авторы не сразу пришли к такому взгляду на Хорса. Ранее они отмечали, что связь Хорса с солнцем в «Слове о полку Игореве» неочевидна и не были склонны видеть в нем неславянское божество, хотя с точкой зрения Р.О. Якобсона уже были знакомы [29. С. 17–18]. Однако позднее В.Н. Топоров творчески развил его версию, уже не просто согласившись с этой этимологией, но и реконструировав соответствующий историко-религиозный контекст, в рамках которого иранское божество могло попасть на славянскую почву. Его гипотеза изложена в нескольких работах [30. С. 26–38; 31. С. 512–526; 32. С. 107] и достаточно хорошо известна, но ввиду ее важности для рассматриваемой здесь темы стоит повторить основные тезисы автора. Он полагал, что до завоевания в 930-х гг. Киева русами под предводительством князя Игоря город был хазарским, и население его составляли: хазары – администрация, хорезмийцы – воины, евреи – торговцы и ремесленники. Хорезмийцы – иранцы по этническому происхождению, – по мнению ученого, должны были поклоняться солнцу. Князь Владимир «заигрывал» с хорезмийским гарнизоном по политическим мотивам и, пытаясь оторвать хорезмийцев от тюркоязычных хазар и мощной в религиозном и экономическом отношении еврейской общины, ввел в киевский пантеон два иранских божества – Хорса и Симаргла.

Тут нужно пояснить, что столь необычная гипотеза возникла под влиянием книги Н. Голба и О. Прицака [33], в которой излагается версия, что Киев был основан не то в VIII, не то в IX в. командующим вооруженными силами Хазарского каганата хорезмийцем по имени Kūya, давшим название городу. Версия эта основана на длинной цепочке предположений и допущений и была неоднократно подвергнута резкой критике как с позиций истории и археологии [34], так и с точки зрения лингвистики [35. С. 146–150; 36. С. 41–56; 37. С. 384–387]. Причем О.Н. Трубачёв обрушился с критикой и непосредственно на В.Н. Топорова, вынудив того дезавуировать свою поддержку данной гипотезы [31. С. 873]. Однако без опоры на нее построения В.Н. Топорова рушатся под собственной тяжестью, становясь просто высокоученым образцом популярного ныне жанра альтернативной истории.

Обоснованной критике концепцию В.Н. Топорова подверг также историк М.А. Васильев [1. С. 40–47], предложивший взамен свое видение проблемы Хорса. Исследователь не сомневается в его солярной природе, но хорошо знаком с трудностями лингвистического плана, которые встречает этимология Корша–Якобсона–Топорова. Поэтому он выдвигает собственную версию: предположив первостепенное значение культа солнца в религии сармато-алан, ученый реконструирует для их языка слово **xōrs* / **xūrs* как усеченную форму выражения «солнце-царь». По мнению автора, к восточным славянам это слово попало посредством ассимиляции ими ираноязычного компонента полиэтничной черняховской археологической культуры III–IV вв., которая в дальнейшем послужила основой для пеньковской культуры (V–VII вв.), та была перекрыта волынцевской, а затем роменской культурами, последняя из которых трансформировалась в древнерусскую [1. С. 65–69]. На данный момент эта версия является наиболее тщательно проработанным вариантом гипотезы об иранских корнях Хорса, но и она уязвима для критики (об этом ниже).

Мнение об иранском происхождении теонима распространилось и в западной историографии. В первой половине XX в. к этой версии ученые относились осторожно, хотя и признавали ее довольно убедительной [38. С. 120–122; 39. С. 79–80], но позднее она все явственнее утверждается в качестве основной ([см., напр.: 22. С. 291; 40. С. 164; 41. С. 42; 42. С. 247; 43. С. 380; 44. С. 65–67, 71; 45. С. 23; 46. С. 138]. И все же западная историография в этом вопросе является вторичной по отношению к отечественной.

Безусловно, много раз высказывались иные точки зрения на природу Хорса и на этимологию этого теонима. Их рассмотрение не входит в задачи данного исследования, тем более что это делалось ранее [1. С. 17–27 и далее; 2. С. 81–83, 86–89]. Достаточно сказать, что ни одна из них не проработана столь детально в лингвистическом отношении и не подкреплена столь внушительной научной традицией, как версия о солнечной природе бога Хорса и иранском происхождении его имени. В итоге сейчас в научной литературе эта гипотеза решительно преобладает. Она вошла в различные справочники по мифологии, тиражируется в большом количестве научных публикаций общего характера (т.е. таких, где данная проблема специально не рассматривается) и научно-популярных изданиях. Эту версию мы находим и в российских школьных учебниках [47. С. 11–13]. Таким образом, сложившаяся научная традиция успешно воспроизводит саму себя, не давая возможности большинству исследователей даже усомниться в ее обоснованности.

И все же можно заметить, что когда речь заходит об иранских корнях Хорса, историки проявляют несколько бóльшую осторожность, чем лингвисты[3]. И это вполне понятно, ведь ни одна из существующих версий не находит прямого подтверждения в исторических источниках. Таким образом, с позиции исторической науки ни одна из них не может считаться доказанной. Но почему же «иранская» версия уверенно преобладает? Это связано с тем, что главенствующая роль в изучении славянской мифологии ныне принадлежит вовсе не исторической науке, а лингвистике.

Действительно, «эмансипация» науки о языке, превращение ее в XX в. из узкоспециализированной дисциплины в бурно развивающуюся интегративную область знаний, связанную не только с гуманитаристикой, но и с математикой, экономикой, биологией и прочими, казалось бы, далекими от языковедческой проблематики науками, заставили по-новому, гораздо более оптимистично взглянуть на возможности лингвистики. Заметную роль здесь сыграл один из крупнейших лингвистов XX в. Р.О. Якобсон[4]. Славянская мифология была одной из сфер его интересов, и нет ничего удивительного в том, что он продвигал точку зрения о необходимости активного использования лингвистических данных, главным образом этимологического анализа, при ее изучении [25. С. 608–609]. На отече-

ственной почве подобные взгляды развивались, прежде всего, стараниями В.Н. Топорова и В.В. Иванова, благодаря научному авторитету которых «центр тяжести» в исследованиях мифологии восточных славян окончательно сместился из области исторической науки в сферу лингвистики. Порой историки предпринимают некоторые демарши против такого положения вещей. Характеризуя работы по славянской мифологии этих авторов и их последователей, Л.С. Клейн писал: «Счастливые идеи и свежие сопоставления смешаны с натяжками, декларативностью, просто заумью и несерьезной игрой словами. Вместо строгой логики зачастую лишь многозначительные намеки, вместо веских и упорядоченных аргументов – тонкая и неразборчивая вязь косвенных выводов, длинные цепочки с перескакиванием через слабые звенья. В методике этих авторов очень разработаны приемы увязки и подстановки, приемы обхода трудностей и не отработаны средства проверки, контроля, сортировки и ограничения» [50. С. 61]. Еще более показательны приведенные Л.С. Клейном слова неназванного им «крупного фольклориста» о В.В. Иванове: «…считаю его гениальным, но не верю ни единому его слову» [Там же. С. 62]. Суть этих высказываний сводится, разумеется, не к сомнениям в научной добросовестности авторов, чья эрудиция и талант неоспоримы, но к проблеме верифицируемости их гипотез. При всем уважении к лингвистике, точность ее выводов, особенно когда дело идет об этимологии имен мифологических персонажей, далеко не математическая. Это понимают сами лингвисты, но не всегда осознают историки, которые на основе их гипотетических построений порой делают далеко идущие выводы. Недоказанное иранское происхождение Хорса давно стало аргументом в пользу тесных контактов славян с ираноязычными народами. Показательно, что И.Е. Забелин не пытался найти историческое подтверждение этимологии, предложенной П.И. Прейсом, но, наоборот, на ее основе сделал вывод о «тесных связях и сношениях восточных славян с древнеперсидскими странами по Каспийскому морю и за Кавказом» [11. С. 291]. В дальнейшем этот «аргумент Хорса» еще не раз использовался учеными. Так, В.В. Седов в числе прочих аргументов в пользу присутствия иранского этнического компонента среди полян ссылался на лингвистические данные, и в первую очередь на иранское происхождение Хорса и Симаргла[5] [53. С. 113].

Еще одна причина широкого распространения «иранской» гипотезы – плохое знакомство ученых с накопившейся лингвистической же критикой подобных этимологий. Несмотря на то, что сомнения в возможности сближения теонима *Хорс* с указанными выше иранскими словами неоднократно высказывались в науке, они разбросаны по различным работам, которые даже по названию трудно связать с подобной узкой проблематикой. Поэтому стоит привести их здесь.

Уже М. Фасмер осторожно намекал, что выведение слова *Хорс* из иранского «не лишено фонетических трудностей» [54. С. 267]. Более развернутой критике сопоставление теонима с персидскими формами подверг иранист В.И. Абаев. Он недоумевает – как из перс. *xūršīd, xōršēd* ʻсолнцеʼ могло получиться Хорс: «…непонятно, почему персидскому *š* отвечает русское *s*. Группа *rš* для русского с давних пор вполне привычна как в оригинальных, так и заимствованных словах: *ёрш, коршун, аршин* и др. Из перс. *xōršēd* (если допустить отпадение конечного *-ēd*) имели бы русск. *хоршь,* а не *хорсъ*» [55. С. 115].

Непонятно ему и то, каким образом персидское название солнца могло попасть в древнерусский, ибо его скифская форма «если бы она существовала, звучала бы **xōraxsēd*… Но из **xōraxsēd* тоже не могло получиться русск. *хорсъ*» [Там же]. В итоге ученый предложил свою этимологию теонима – из осетинского *xorz|xwarz* ʻдобрый', ʻхороший', бывшего, по его мнению, эпитетом некоего аланского божества, заимствованного русскими, причем этот эпитет был воспринят как собственное имя божества. Здесь В.И. Абаев развивает гипотезу С.П. Обнорского, предложившего подобную этимологию еще в 1929 г. [56. С. 252, 254]. Конечно, историку религии это объяснение мало что дает, но аргументированная критика традиционной этимологии была услышана. В.Н. Топоров в ответ подверг критике этимологию В.И. Абаева, отметив, в частности, что вокализм осетинского прилагательного не объясняет исходный корневой гласный в имени Хорса и что *-съ* в *Хърсъ* не выводится из *xorz, xwarz* «с достаточной корректностью» [30. С. 38].

Не так давно А.В. Назаренко на основании материала, представленного В.И. Абаевым, усомнился в возможности возведения имени Хорса к скифо-сарматской форме на том основании, что в этом случае иранскому *r* могло соответствовать *l* [57. С. 392]. В.И. Абаев этимологизирует имя легендарного скифского царя Колаксая как **Xola-xšaya-* ʻсолнце-царь', «что является лишь вариантом привычного иран. *hvar-xšaita-*, перс. *xoršed*», обосновывая возможность такого перехода *r* в *l* [55. С. 39–40], поэтому А.В. Назаренко считает оправданными поиски источника теонима *Хорс* в других иранских языках, в частности в хорезмийском, косвенно поддерживая в данном случае концепцию В.Н. Топорова, с которой он знаком. Не прошел мимо этого нюанса и М.А. Васильев, заметивший, что в скифском процесс замены *r* на *l* «не являлся всеохватным, и в значении ʻСолнцеʼ, наряду с формой **xol*, существовала и лексема **xor*» [1. С. 59], что вкупе с закономерным, на его взгляд, переходом *-š-* в *-s-* в сармато-аланском, дало ему основание для того, чтобы реконструировать **xōrs* / **xūrs* ʻСолнце-царьʼ как сармато-аланскую форму общеиранского культового наименования этого светила [Там же. С. 62–63]. Но ученый оставляет непроясненным вопрос, от какого именно варианта этого предполагаемого общеиранского выражения произошла реконструированная им сармато-аланская форма. Сначала он пытается обосновать возможность существования скифского ***xora-xšaya-* (как вариант реконструированного В.И. Абаевым **xola-xšaya-*) и возможность перехода здесь *-š-* в *-s-*, и кажется, что имя древнерусского бога он возведёт к этой форме, но несколькими строками далее он пишет об отпадении конечного *-ed*, видимо, принимая в качестве этимона все то же перс. *xoršed* [Там же]. Становится непонят-

ным, к чему нужны были предшествующие лингвистические упражнения, если все вновь свелось к старинной версии, дополненной лишь тем соображением, в пику В.И. Абаеву, что *-š-* могло превратиться в *-s-*. Между тем К.Л. Борисов вполне убедительно утверждает, что эта стяженная форма авестийского выражения *hvarə xšaētəm* не могла быть этимоном древнерусского теонима, поскольку возникла она достаточно поздно – ближе к периоду династии Сасанидов (III–VII вв.), когда функции бога солнца переносятся на Митру, и само имя этого бога начинает обозначать солнце [3. С. 12]. Более последовательной является упомянутая выше версия В.В. Мартынова, предположившего существование в аланском языке формы **xor-(ae)xsed* 'восходящее солнце', послужившей прообразом имени Хорса, но почему-то знакомый с ней М.А. Васильев предпочел предложить свой вариант.

Итак, мы видим, как много сложностей возникает при детальном рассмотрении кажущейся незыблемой этимологии. Примечательно, что филолог-славист К.Г. Менгес, придерживавшийся того же взгляда на Хорса, что и Р.О. Якобсон, писал об этом теониме: «…ни одна из древне- или среднеиранских форм, известных как в восточной (северной), так и в западной (южной) иранских группах, не была непосредственным образцом древневосточнославянского слова» [58. С. 208].

В результате исследователи придумывают слова, которые с большей или меньшей степенью вероятности *могли бы* существовать и послужить основой для возникновения теонима *Хорс*. Но разница между тем, что *было*, и тем, что *могло бы быть*, слишком существенна, чтобы ею можно было так легко пренебрегать.

Однако проблема лингвистического метода в мифологических исследованиях не только в том, что он, как мы видим, слишком неточен. Даже если бы этимологии теонимов не подлежали сомнению, то и в этом случае они были бы преимущественно бесполезными для историка. Почему?

Во-первых, этимология могла бы считаться важным подспорьем историка религии, если бы он мог быть уверен, что теоним возник одновременно с культом и они связаны друг с другом. Если же мы предполагаем, что теоним появился задолго до того периода, к которому относятся упоминания о соответствующем божестве, то как мы можем быть уверены, что исходная семантика теонима осознавалась людьми, которые поклонялись ему много позже? Разве природа этого божества не могла быть переосмыслена? Рассказать о том, как воспринималось божество людьми в конкретную эпоху, могли бы лишь близкие по времени письменные источники либо (с меньшей степенью достоверности) археологические и позднейшие этнографические свидетельства. Установление же этимологии теонима в большинстве случаев решает чисто лингвистические задачи, не давая историку религии ровным счетом ничего.

Во-вторых, принято считать, что имя бога отражает его функции. Но так ли это? Если бы логика процесса присвоения людьми имен богам была универсальной, то для споров лингвистов об этимологии теонимов не было бы оснований – по всей Земле имена богов восходили бы, в конечном счете, к одним и тем же прототипам, обозначающим солнце, грозу, огонь, ветер и прочие объекты, явления или процессы, которые мог обожествлять человек. Но нам неясны механизмы присвоения божествам имен. Как проходил этот процесс? Кто придумывал имя? Насколько легко оно закреплялось за божеством? Были ли альтернативные имена? Если да, то что послужило причиной закрепления одного из них? Не зная ответов на эти вопросы, мы не можем судить и о том, насколько тот семантический ряд, к которому относится, если верить этимологии, интересующий нас теоним, соответствует тем представлениям о божестве, которые бытовали даже на начальном этапе развития его культа, не говоря уже о более поздних этапах.

Проблему семантического соответствия теонима функциям носящего его божества можно проиллюстрировать на современных эргонимах. Кажется логичным предположение, что название той или иной фирмы должно отражать какую-то релевантную информацию о роде ее деятельности. (Именно такое допущение мы делаем, когда рассуждаем о специфике давно забытых божеств на основании их этимологии.) Но это предположение не всегда верно, как показывают некоторые названия – например, продуктовый магазин «Автор» или автозаправка «Бен Ладен». Можно возразить, что сравнение некорректно, так как эргонимы создают конкретные люди, а теонимы рождает «народная фантазия». Но сама эта апелляция к безликому народному творчеству показывает, как плохо мы представляем себе процесс рождения древних религий и божеств. А между тем религии продолжают рождаться и сейчас, и уместно было бы применять знания об этих процессах к историческому материалу. Известно много примеров, когда начало новой религиозной традиции дает конкретный человек. Так можем ли мы быть уверены в том, что у культов славянских богов не было своих вполне конкретных устроителей? Летописный рассказ о том, как князь Владимир воздвиг «на холме вне двора теремного» шесть кумиров, свидетельствует, скорее, об обратном.

Наблюдения за современными неоязычниками показывают, что в конструируемых ими культах для рядовых адептов имя божества зачастую не несет никакой смысловой нагрузки, вопросы его интерпретации занимают в лучшем случае лишь неоязыческих «волхвов», и решаются эти вопросы волюнтаристски. Так, лидер неоязыческой общины «Коляда Вятичей» волхв Велимир (Н.Н. Сперанский) считает Хорса богом хоровода и полета [59. С. 118–119]. Вряд ли можно думать, что Велимир не слышал про иранское происхождение Хорса. Столь необычная трактовка нужна волхву для того, чтобы объявить Хорса богом «вертящихся кудесников», т.е. славянских шаманов (он практикует шаманские практики). Если же мы зададимся вопросом, каким русское язычество XXI в. будут представлять себе исследователи будущего, то осознаем, что лингвистические исследования в этой области заведут их в тупик. Так не наивно ли полагать, что многочисленные версии о природе какого-то божества, основанные на этимологическом анализе, свидетель-

ствуют о прогрессе в области науки о мифах? Не является ли такой прогресс кажущимся, мифическим? Похоже, дела обстоят именно так.

Тогда стоит задаться вопросом – а что сделано в этой сфере представителями исторической науки? Может быть, они нашли свое решение проблемы Хорса? Некоторые публикации давали повод для утвердительного ответа на этот вопрос. В этом отношении интересна вялотекущая дискуссия относительно сообщения немецкого путешественника Иоганна Вундерера, посетившего в 1590 г. Россию и оставившего описание идола Хорса, якобы виденного им возле Пскова.

Начало дискуссии в 1980-х гг. положил археолог А.Н. Кирпичников, осуществивший перевод записей Вундерера на русский язык и сопоставивший их с одной археологической находкой. Вот как в его переводе выглядит фрагмент с упоминанием о Хорсе: «Перед городом (Псковом. – *А.К.*) видели мы двух идолов, поставленных в давние времена жрецами, которые им поклонялись, а именно Услада, каменное изваяние которого в руке имеет крест, (и) Хорса, который стоит на змее, с мечом в одной руке и молнией (буквально огненным лучом. – *А.К.*) в другой. Поблизости от них [виден] полевой лагерь Стефана (Батория. – *А.К.*), который в 1581 г. осаждал Псков, и там же остатки относящихся к нему башен» [60. С. 35].

По мнению ученого, это свидетельство, к которому ранее относились скептически, имеет свое подтверждение, которым стал каменный истукан, найденный в 1897 г. близ Пскова, возле реки Промежицы. К сожалению, в годы Второй мировой войны находка, хранившаяся в местном музее, была утрачена, и теперь судить о ней мы можем лишь по скупым описаниям фондов музея и трем черно-белым фотографиям, одна из которых сделана ранее 1917 г., а другие в 1928–1929 гг. [61. С. 54]. Аргументация А.Н. Кирпичникова такова: изваяние связано с древнеславянским язычеством, на груди идола «заметны следы поврежденного рельефного крестообразного знака, явно сделанного одновременно со скульптурой» [60. С. 35], этот крестообразный знак и место находки позволяют связать находку с сообщением Вундерера, крест – древний символ солнца, а Хорс – бог солнца (об этом ученый пишет как о твердо установленном факте, явно опираясь на этимологию), следовательно, мы имеем дело с изображением Хорса. Исследователя не смутило, что крест упоминается как атрибут Услада[6], а не Хорса, – это он объясняет ошибкой Вундерера, а на то, что крест должен находиться в руке, а не на груди идола, вовсе не обращает внимания.

В статье А.Н. Кирпичникова нет ссылки на работу А.А. Александрова, в которой тот также соотнес Промежицкую статую с Хорсом [63. С. 15–16]. Исследователи пришли к этой мысли одновременно, поскольку в том же году были опубликованы тезисы доклада А.Н. Кирпичникова [64], который и лег потом в основу его статьи. Хотя оба автора апеллируют к одному и тому же источнику и говорят об одной и той же статуе, аргументация их различна и зависит от того, что они увидели на фотографиях и как они прочитали источник. Так, вместо «крестообразного знака» на теле идола А.А. Александров разглядел руки (которые, как считает А.Н. Кирпичников, отсутствуют), «причем в правой он держал стрелу с достаточно четко выраженным наконечником, а в левой – клинок» [63. С. 16]. Автор также цитирует Вундерера, но в переводе-пересказе XIX в., выполненном Ф. Аделунгом, где названы «Услад с крестом в руке и Корс, стоящий на змее с мечом в одной руке и перуном в другой» [63. С. 15]. Так как «перун» переводится с церковнославянского как громовая стрела, заключает А.А. Александров, мы получаем полное соответствие между текстом источника и скульптурным изображением. О змее автор даже не вспоминает, и это понятно, так как легко представить, что эта часть скульптурной композиции просто не найдена. Для полноты картины стоит отметить, что мнение этих двух авторов отличается и в отношении Услада – А.А. Александров склонен был считать, что такое божество существовало, и даже нашел для него подходящую каменную скульптуру.

К теме Промежицкого изваяния спустя годы вернулся Л.С. Клейн [50. С. 157–160]. И хотя работа А.А. Александрова, судя по библиографическому списку, была ему известна, по данному вопросу он полемизирует лишь с А.Н. Кирпичниковым. Л.С. Клейн сомневается в том, что идол действительно славянский, а не финно-угорский, и в том, что описанные Вундерером детали можно было воплотить в камне; он резонно замечает, что крест, который он тоже усматривает на снимке, расположен на груди статуи, а не в руке. Кроме того, крест этот ему представляется христианским («нижний конец длиннее, и даже с перекладиной»), а не равноконечным, хотя даже если бы он и был таким, то однозначно утверждать, что это именно символ солнца, он бы не рискнул.

Спустя два десятилетия А.А. Александров вновь высказал свое мнение относительно Промежицкого идола [61. С. 54–55]. Крестообразного знака на его груди он по-прежнему не видит, но свою трактовку изображения высказывает более осторожно. Ни о какой стреле теперь речи не идет, лишь о вертикальном утолщении, «которое, по-видимому, держит стилизованная левая рука». Предположений, что означает это утолщение, автор не делает. В том, что этот истукан связан с упомянутыми Вундерером идолами, ученый теперь сомневается, поскольку уже считает его подделкой.

Совсем иначе смотрит на этот вопрос Н.И. Петров [65]. Он не склонен рассматривать изваяние как подделку, хотя и не исключает такую возможность. Ученый последовательно расшатывает версию А.Н. Кирпичникова, говоря о том, что сопоставление места находки изваяния, которое известно лишь приблизительно, с еще более предположительными координатами того места, где Вундерер видел идолов, не позволяет уверенно связать статую с одним из них. Нет и возможности решить вопрос о том, к славянским или финно-угорским древностям относится находка. Сложно утверждать что-то определенное о знаках на поверхности идола, так как по информации, содержащейся в музейном каталоге, на поверхности идола при обнаружении были следы «какой-то окраски» и впо-

следствии окраска была сделана еще раз (кем и зачем – неизвестно). Возможно, именно следы краски на камне и выделяются на черно-белых снимках в качестве рельефа. (К этому соображению стоит еще добавить, что, если бы на истукане действительно имелось отчетливое изображение креста, рук или иных предметов, это могло бы найти свое отражение в описании экспоната.) Вслед за Л.С. Клейном он повторяет, что даже если крест и был выбит на груди идола, то это противоречит свидетельству Вундерера о кресте в руке статуи. Далее Н.И. Петров обосновывает вполне правдоподобную гипотезу о том, что виденные Вундерером «идолы» были фигурами христианских святых – т.е. церковными скульптурами, которые, вкупе с развитым в России культом святых, для протестанта могли представляться весьма необычными.

Безусловно, вопрос о том, что же именно видел немецкий путешественник, остается открытым. Но оснований для идентификации Промежицкого идола с Хорсом нет.

Вообще стоит заметить, что на всех снимках, опубликованных в работах А.Н. Кирпичникова, А.А. Александрова, Л.С. Клейна, Н.И. Петрова, идол выглядит немного по-разному, что позволяет усматривать на них различные детали. Возможно, детальное изучение этих снимков специалистами в области обработки изображения могло бы помочь прояснить этот неразрешенный пока вопрос.

Приходится констатировать, что и историческая наука не смогла продвинуться в решении проблемы Хорса, зато чуть было не сформировала миф о «статуе Хорса». Но если мы отвергнем и «иранскую» теорию происхождения Хорса, и его «иконографию», то придем к выводу, что, несмотря на огромное количество научных публикаций на тему восточнославянской мифологии, проблема Хорса находится в том же самом состоянии, что и много лет назад. Означает ли это, что ее невозможно решить?

В более или менее явном виде в науке утвердилась мысль, что достигнут предел возможностей в сфере изучения историками мифологии древних славян. Лингвистические методы дали мифологам изрядный запас оптимизма. Казалось, что это более верный путь к постижению специфики восточнославянского язычества. Сильнейшим аргументом стала этимология имен мифологических персонажей. Но в итоге изучение мифологии сводится к теоретизированию на основе многочисленных догадок и допущений, при этом историческим источникам отведена второстепенная роль. Поразительно, но рассуждая об этимологии имени Хорса, лингвисты забывают проделать элементарную вещь – объяснить, почему они берут ту или иную форму его написания и игнорируют прочие. Даже миф-олог-любитель М.Е. Соколов, начиная главу, посвященную Хорсу, привел следующие варианты написания его имени в различных рукописях: Хърсъ, Хорсъ, Хорсь, Хоръсъ, Харсъ, Хорій, Хръсъ, Хросъ, Хэрсъ, Хоурсъ [14. С. 85]. Столь подробного перечня мы не найдем в позднейших работах, и можно понять, почему, – чтобы определить, какая форма написания была исходной, почему она оказалась столь изменчива и по каким принципам менялась от источника к источнику, необходим детальный текстологический анализ, который до сих пор никем не проведен. И при отсутствии результатов такого анализа каждый волен трактовать материал так, как ему удобно.

Прошло столетие со времени выхода работ Н.М. Гальковского [66] и Е.В. Аничкова [67], ставших вехой в текстологическом изучении древнерусских источников по язычеству восточных славян. За это время не была проделана в должном объеме источниковедческая работа по проверке и уточнению опубликованного ими материала, важнейшие древнерусские источники по язычеству не были переведены на современный русский язык и снабжены научными комментариями. Получается, что в плане историко-филологического изучения восточнославянского язычества мы недалеко ушли от уровня столетней давности[7].

Может показаться, что автор этой статьи пытается перечеркнуть все то, что сделали поколения ученых, изучавших древнерусский пантеон. Но дело тут не в конкретных работах и гипотезах, а в той научной парадигме, в рамках которой они созданы. По всей видимости, пора переосмыслить известный тезис Макса Мюллера о мифологии как болезни языка. Сама наука о мифах страдает болезнью языка – ее симптомом является повышенное, гипертрофированное внимание к слову, к языку. Нужно осознать, что экспансия лингвистики (точнее, такого ее раздела, как этимология) в мифологических исследованиях становится тормозом для их развития, тем более что в среде самих языковедов растет осознание разрыва между научными традициями в сфере этимологии и современными критериями научности [71]. Методологические сложности в этой сфере усугубляются качеством того материала, который вынуждены использовать этимологи. Известно немало примеров того, как неверно записанное (или прочитанное) слово из древнерусских текстов, например топоним, превращалось в слово-фантом, кочующее по страницам позднейших рукописей и научных работ [72]. Но если выявить фантомные топонимы позволяет в том числе современная топонимика (названия географических объектов могут сохраняться в неизменном виде веками, поскольку они редко вызывают желание вычеркнуть их из истории), то восстановить подлинную форму имен древних языческих богов, память о которых христианам следовало поскорее изжить, значительно сложнее. И чем реже встречается в источниках имя мифологического персонажа, тем меньше уверенности в том, что оно реально существовало, – так, время от времени ученые-филологи подвергают сомнению аутентичность некоторых теонимов – например, *Сварог* [73] или *Велес* [74]. Таким образом, пора перестать уповать на то, что лингвистика способна восполнить нехватку исторических сведений. Нужно либо смириться с тем, что мы достигли предела своих возможностей в плане научного изучения древнерусского пантеона, либо искать новые подходы к его изучению.

Кажется, такие подходы могут быть найдены. Быстро развивается популяционная генетика, которая позволяет отследить пути миграции древних народов и

попытаться связать их с распространением определенных мифологических мотивов [75]. Вероятно, генетические исследования могут пролить свет и на проблему Хорса. Исследователи, обращавшиеся к данным антропонимики, приводили обычно в качестве примера лишь имя Хрьсь (Хрс) и патроним Хрьсовик (Хрсовикь) из сербских средневековых письменных источников [1. С. 70; 76. С. 252]. А между тем для юга России, и особенно для Украины, не редкость фамилия Хорс. Это стало заметным в связи с повсеместным распространением в Интернете так называемых социальных сетей. Более того, как удалось выяснить в ходе переписки с одним из носителей этой фамилии, его предки были выходцами из деревни Хорсивка, которая находилась на территории Боровского района Харьковской области, а ныне укрыта водами Червонооскольского водохранилища. Эти в высшей степени любопытные данные могли бы придать импульс как краеведческим, так и генеалогическим и генетическим изысканиям, целью которых стала бы географическая и хронологическая локализация этой фамилии, а также изучение этнической принадлежности и социального статуса предков ее нынешних носителей, что, возможно, позволило бы по-новому взглянуть на проблему Хорса.

Еще одним необходимым условием для дальнейшего развития исследований в области восточнославянской мифологии должно стать более внимательное отношение исследователей к теориям их предшественников. Нередко новые идеи оказываются «реинкарнацией» старых. Примером может послужить статья К.Л. Борисова. Многие идеи, высказанные ее автором, уже выдвигались ранее М.Е. Соколовым [14. С. 85–95]. Как выяснилось в личной переписке, эта работа К.Л. Борисову была известна, но он не счел возможным включить ее в библиографический список, так как она показалась ему откровенно слабой. В самом деле, книга М.Е. Соколова выглядит во многом наивной, что отчасти продемонстрировано в начале этой статьи, но обращает на себя внимание целый ряд удивительных параллелей между предположениями о природе Хорса авторов XIX и XXI вв. Так, при всей разнице в подходах М.Е. Соколов тоже видел в Хорсе солярные черты, критиковал теорию заимствования теонима из иранского, сопоставлял Хорса и балтского Курко (Гурко)[8], сближал Хорса со словенским мифологическим персонажем Курентом, в этимологическим поисках сопоставлял имя Хорса со славянским корнем «крес», привлекал индийский материал, даже называл Хорса богом любви и разврата, что довольно близко соответствует предложенной К.Л. Борисовым этимологии. Подобно последнему, хотя и на других основаниях, он также связал прообраз славянского Хорса с культом богини-матери (матери-земли) и культом умирающего и возрождающегося божества. Такое число параллелей наталкивает на мысль, что круг идей, высказываемых учеными относительно персонажей восточнославянской мифологии, не столь уж широк, и все новое в этой области может оказаться хорошо забытым старым. Поэтому в качестве основы для дальнейших исследований в данной области необходимо тщательное историографическое изучение большого объема русскоязычной и иностранной литературы, что позволило бы актуализировать собранный ранее материал и определить, какие вопросы требуют лишь уточнения, а какие – нового решения.

Разумеется, намеченные задачи – это весьма трудоемкая работа, которая не под силу одному человеку. И здесь мы подходим к еще одному важному вопросу, который является принципиальным для понимания наших сегодняшних возможностей и перспектив изучения восточнославянской мифологии. Похоже, что время эрудитов-одиночек, занимающихся кабинетной мифологией, уходит. Если прогресс в изучении высшей мифологии восточных славян еще возможен, то лишь на стыке различных наук, и добиться его могут лишь коллективы, состоящие из специалистов различного профиля. Разумеется, на этом пути возникнут дополнительные организационные и финансовые сложности, но только такой подход позволит избавить современную науку о мифах от историографических фантомов или хотя бы сократить их количество. Историкам же пора вернуть себе инициативу в такого рода исследованиях, перестав уповать на то, что их работу в состоянии выполнить лингвисты или кто-то еще.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Эта мысль о ритуальной и этимологической связи хоровода с Хорсом периодически повторяется в печати. Но С.М. Соловьёв писал только, что «не подлежит сомнению» религиозное значение хоровода и его связь с солнцем, не пытаясь соотнести танец именно с Хорсом [16. С. 74].

[2] На первый взгляд соответствие мотива пути солнца и пути Хорса – это сильный аргумент. Но Р.О. Якобсон не уделил должного внимания более подробному рассмотрению возможности такого сближения. Между тем его версия уязвима для критики. Путь солнца в «Авесте» вовсе не является какой-то инвариантной и распространенной мифологической формулой. В указанных ученым фрагментах текста «Авесты» мы встречаем в одном контексте и в связке друг с другом и путь солнца, и путь луны, и путь звезд, и путь первоначального света [23. С. 17, 326, 335]. Суть контекста сводится к рассказу о фраваши – сверхъестественных сущностях (душах людей, подателях жизни), обеспечивающих нормальное течение жизни, функционирование мироздания. Контекстуальных совпадений подобных фрагментов с древнерусскими текстами или позднейшими фольклорными записями не отмечается. Более того, надо полагать, что в мировой литературе отыщется множество произведений, в которых можно встретить то или иное сочетание слов «путь» и «солнце». Но вряд ли уместным будет на этом основании возводить такого рода «соответствия» к какому-то общему протографу либо мифологическому «архетипу». Кроме того, нужно отметить и то обстоятельство, что в «Авесте» говорится о пути космических объектов, а не богов, в то время как в «Слове» упомянут именно путь бога, а не путь солнца. Слово «солнце» в источнике также употребляется, причем без эпитета «великое».

[3] К.Л. Борисов писал прямо обратное [3. С. 11], но в этом отношении стоит сравнивать мнения крупных ученых. Безусловно, можно найти множество работ, написанных историками, в которых Хорс считается заимствованием из религии древних иранцев, но надо понимать, что авторитетные авторы значительно осторожнее. Так, Б.А. Рыбаков, хотя и не отрицал возможность иранского происхождения Хорса, был склонен сопоставлять этот теоним с другими славянскими и греческими словами и возводить появление этого божества к временам праславяно-арийских контактов в энеолите [48. С. 419; 49. С. 417]. Л.С. Клейн не решается занять определенную позицию в отношении происхождения этого божества [50. С. 242–243]. Такая осторожность резко контрастирует с высказываниями Р.О. Якобсона, В.В. Иванова и В.Н. Топорова, по-видимому, искренне веривших в истинность своих этимологических догадок.

[4] См. его работу, представляющую собой своего рода апологию лингвистики [51].
[5] Аргументация В. В. Седова заслуживает отдельного комментария. Он писал: «В.И. Абаев и А. Калмыков убедительно показали, что восточнославянские языческие божества Хорс и Симаргл имеют скифо-сарматское происхождение». Короткая заметка А. Калмыкова [52], почти не имеющая ссылок на научную литературу, сама по себе вряд ли может быть названа убедительной, но примечательно другое – ее автор говорит о сарматском происхождении древнерусского бога Симаргла, но вовсе не упоминает Хорса, видимо, не связывая его с иранской мифологией. О том, насколько убедительна догадка В.И. Абаева, чуть далее.
[6] Появление такого персонажа, как Услад, А.Н. Кирпичников убедительно объяснил заимствованием этого имени из текста сочинения Сигизмунда Герберштейна «Записки о Московии», впервые опубликованного в 1549 г., где в числе идолов, воздвигнутых князем Владимиром, упомянуты были Uslad и Corsa [62. С. 58], причем Услад, несомненно, образован из слов «ус злат», относящихся к летописному описанию идола Перуна [60. С. 34–35]. Заимствование Вундерером имен идолов из чужого сочинения позволяет А.Н. Кирпичникову считать, что тот не знал, кого на самом деле изображали эти изваяния. Поэтому так легко он поправляет автора. При этом второе, ненайденное изваяние ученый отождествляет с образом Перуна. Получается, что Вундерер, пусть и не знал, чьи это изображения, довольно точно подобрал для них имена.
[7] Справедливости ради стоит отметить, что в последние годы снова возрос интерес к лингвотекстологическому изучению древнерусских памятников антиязыческой направленности [68; 69], но, как справедливо заметил Н.А. Алексеев, они «по-прежнему ставят больше вопросов, чем дают ответов относительно религиозных древностей славян» [70. С. 108].
[8] В большой статье Р. Крегждиса, посвященной обстоятельному рассмотрению этого персонажа, упоминается о таком сближении в историографии, но работа М.Е. Соколова также не называется [77. С. 262].

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев М.А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси: религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М. : Индрик, 1999. 328 с.
2. Бесков А.А. Анализ мифологической составляющей восточнославянского язычества : дис. … канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2008. 172 с.
3. Borissoff C.L. Non-Iranian origin of the Eastern-Slavonic god Xŭrsŭ/Xors // Studia mythologica Slavica. 2014. Vol. 17. P. 9–36.
4. Бутков П. Нечто к Слову о полку Игореве // Вестник Европы. 1821. Ч. CXXI, № 21. С. 34–65.
5. Прейс П. Донесение г. Министру Народного Просвещения, из Праги, от 26 Декабря 1840 года // Журнал министерства народного просвещения. 1841. Ч. XXIX, отд. IV. С. 31–52.
6. Срезневский И. Об обожании солнца у древних славян // Журнал Министерства народного просвещения. 1846. Ч. LI, отд. III. С. 36–60.
7. Бодянский О.М. Об одном прологе библиотеки Московской духовной типографии и тождестве славянских божеств Хорса и Дажьбога // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1846. № 1, отд. I. С. 5–23 (2-я паг.).
8. Костомаров Н. Славянская мифология : (извлечение из лекций, читанных в университете Св. Владимира во второй половине 1846 года). Киев, 1847. 119 с.
9. Сабинин С. Ответ на ответ // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1847. № 9, отд. IV. С. 22–23.
10. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1869. Т. 3. 840 с.
11. Забелин И. История русской жизни с древнейших времен. М., 1879. Ч. II. 520 с.
12. Миллер В.Ф. Взгляд на Слово о полку Игореве. М., 1877. 260 с.
13. Зализняк А.А. Из заметок о любительской лингвистике. М. : Русскій Міръ ; Московские учебники, 2009. 240 с.
14. Соколов М.Е. Старорусские солнечные боги и богини : ист.-этногр. исслед. Симбирск, 1887. 179 с.
15. Эванс-Притчард Э. Теории примитивной религии. М. : ОГИ, 2004. 142 с.
16. Соловьёв С.М. История России с древнейших времен. 2-е изд. СПб., 1895. Кн. 1, т. 1–5. 1726 с.
17. Хлебников Н.И. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872. 547 с.
18. Корш Ф.Е. Владимировы боги // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1909. Т. XVIII. С. 51–58.
19. Карский Е.Ф. Белорусы. М., 1916. Т. III: Очерки словесности белорусского племени. 557 с.
20. Кагаров Е.Г. Религия древних славян // Культурно-бытовые очерки по мировой истории. Сер. А. 1918. № 4. С. 3–73.
21. Греков Б.Д. Киевская Русь. Л. : Госполитиздат, 1953. 568 с.
22. Jakobson R. La geste du prince Igor' // Roman Jakobson selected writings. IV. Slavic Epic Studies. The Hague–Paris : Mouton & Co, 1966. P. 106–300.
23. Авеста в русских переводах (1861–1996) / под ред. И.В. Рака. СПб. : Журнал «Нева» – РХГИ, 1997. 480 с.
24. Зализняк А.А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания. 1962. № 6. С. 28–45.
25. Якобсон Р. Роль лингвистических показаний в сравнительной мифологии // VII междунар. конгресс антропологических и этнографических наук, Москва (3–10 августа 1964 г.). М. : Наука, 1970. Т. V. С. 608–619.
26. Баскаков Н.А. Мифологические и эпические имена собственные в «Слове о полку Игореве» (к этимологии «Велес» и «Боян») // Восточная филология. 1973. Вып. III. С. 183–192.
27. Мартынов В.В. Сакральный мир «Слова о полку Игореве» // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры : источники и методы. М. : Наука, 1989. С. 61–78.
28. Иванов В.В., Топоров В.Н. Хорс // Славянская мифология : энцикл. словарь / под ред. В.Я. Петрухина и др. М. : Эллис Лак, 1995. С. 388.
29. Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М. : Наука, 1965. 246 с.
30. Топоров В.Н. Об иранском элементе в русской духовной культуре // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры : источники и методы. М. : Наука, 1989. С. 23–60.
31. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М. : Гнозис, 1995. Т. 1. 875 с.
32. Топоров В.Н. Предистория литературы у славян : опыт реконструкции : (введение к курсу истории славянских литератур). М. : РГГУ, 1998. 319 с.
33. Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca–London : Cornell University Press, 1982. 152 p.
34. Толочко П.П. Миф о хазаро-иудейском основании Киева // Российская археология. 2001. № 2. С. 38–42.
35. Трубачёв О.Н. Этногенез и культура древнейших славян : лингвистические исследования. 2-е изд., доп. М. : Наука, 2003. 489 с.
36. Трубачёв О.Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. 3-е изд., доп. М. : Наука, 2005. 286 с.
37. Назаренко А.В. К спорам о происхождении названия Киева, или О важности источниковедения для этимологии // Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. С. 391–398.
38. Niederle L. Slovanské starožitnosti. Oddíl kulturní. Život starých slovan. Praha : Nákladem Burslka & Kohouta, 1916. Díl II, sv. I. 301 s.
39. Cross S.H. Primitive Civilization of the Eastern Slavs // American Slavic and East European Review. 1946. Vol. 5, № 1/2. P. 51–87.
40. Gimbutas M. The Slavs. London : Thames and Hudson Ltd, 1971. 240 p. (Ancient People and Places; vol. 74).
41. Børtnes J. The literature of Old Russia, 988–1730 // The Cambridge History of Russian Literature / ed. Ch.A. Moser. Cambridge–New York : Cambridge University Press, 1992. P. 1–44.

42. Hubbs J. Mother Russia: the Feminine Myth in Russian Culture. Bloomington, IN : Indiana University Press, 1993. 302 p.
43. Bilaniuk P.B.T. The Notion of Religion of the Pre-Christian and Christian Eastern Slavs. VI to XII Centuries // The Notion of "religion" in Comparative Research: Selected Proceedings of the XVIth Congress of the International Association for the History of Religions (Rome, 3rd-8th September, 1990) / ed. Ugo Bianchi. Roma : L'Erma di Bretschneider, 1994. P. 375–381.
44. Zaroff R. Organized Pagan Cult in Kievan Rus'. The Invention of Foreign Elite or Evolution of Local Tradition? // Studia mythologica slavica. 1999. № 2. P. 47–76.
45. Vukcevich I. Rex Germanorum populos Sclavorum: an Inquiry Into the Origin & Early History of the Serbs/Slavs of Sarmatia, Germania & Illyria. Santa Barbara, CA : University Center Press, 2001. 602 p.
46. Cooper B. Lexical Reflections Inspired by Slavonic *Bogŭ: Some Thoughts on the Slavonic Pantheon // Slavonica. 2006. Vol. 12, is. 2. P. 129–148. DOI: 10.1179/174581406X126807.
47. Бесков А.А. Проблема освещения темы восточнославянского язычества в школьном курсе истории // Преподавание истории в школе. 2014. № 8. С. 9–15.
48. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. 2-е изд., испр. М. : София, Гелиос, 2001. 744 с.
49. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. 2-е изд., испр. М. : София, Гелиос, 2002. 592 с.
50. Клейн Л.С. Воскрешение Перуна : к реконструкции восточнославянского язычества. СПб. : Евразия, 2004. 480 с.
51. Якобсон Р. Лингвистика в ее отношении к другим наукам // Якобсон Р. Избранные работы / под ред. М.А. Обориной. М. : Прогресс, 1985. С. 369–420.
52. Kalmykow A. Iranians and Slavs in South Russia // Journal of the American Oriental Society. 1925. № 45. P. 68–71.
53. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М. : Наука, 1982. 327 с.
54. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : Прогресс, 1987. Т. 4. 864 с.
55. Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М. : Наука, 1965. 168 с.
56. Обнорский С.П. Прилагательное «хороший» и его производные в русском языке // Язык и литература. Л., 1929. Т. 3. С. 241–258.
57. Назаренко А.В. К этимологии самоназвания скифов Σκολοτοι (HEROD. IV, 6) // Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. М., 2009. С. 391–398.
58. Менгес К.Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л. : Наука, 1979. 266 с.
59. Сперанский Н.Н. Дар шаманизма – дар волхования. М. : Велигор, 2012. 368 с.
60. Кирпичников А.Н. Древнерусское святилище у Пскова // Древности славян и Руси / отв. ред. Б.А. Тимощук. М. : Наука, 1988. С. 34–37.
61. Александров А.А. Каменные антропоморфные идолы на территории Псковской области // Археология и история Пскова и Псковской земли: семинар имени академика В.В. Седова : материалы 56-го заседания, посвященного 130-летию Псковского археологического общества (7–9 апреля 2010 г.) / отв. ред. П.Г. Гайдуков. М. ; Псков : ИА РАН, 2011. С. 48–61.
62. Герберштейн С. Записки о Московии / ред. А.Л. Хорошкевич. М. : Памятники исторической мысли, 2008. Т. I. 776 с.
63. Александров А.А. О следах язычества на Псковщине // Краткие сообщения института археологии АН СССР / отв. ред. И.Т. Кругликова. М. : Наука, 1983. Вып. 175. С. 12–18.
64. Кирпичников А.Н. Языческое святилище у Пскова (по данным И.Д. Вундерера) // Древнерусское государство и славяне : материалы симпозиума, посвященного 1500-летию Киева / ред. Л.Д. Поболь. Минск : Наука и техника, 1983. С. 109–110.
65. Петров Н.И. О так называемых «языческих идолах» около Пскова в XVI в. // Ладога в контексте истории и археологии северной Евразии : по материалам XVII Чтений памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 22–23 декабря 2012 г.) и XVIII Чтений памяти Анны и Дмитрия Алексеевича Мачинских (Старая Ладога, 21–22 декабря 2013 г.). СПб. : Нестор-История, 2014. С. 338–353.
66. Гальковский Н. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. М., 1913. Т. II: Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе. 308 с.
67. Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914. XXXVIII, 386 с.
68. Щёкин А.С. Лингвотекстологическое исследование «Слова святого Григория изобретено в толцех» : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 300 с.
69. Зубов М.І. Слов'янські повчання проти язичництва в лінгвотекстологічному висвітленні : дис. ... доктора філол. наук. Одеса, 2005. 458 с.
70. Алексеев Н.А. М.І. Зубов. Лінгвотекстологія середньовічних слов'янських повчань проти язичництва // Славяноведение. 2008. № 5. С. 102–109.
71. Колева-Златева Ж. Размышления о парадоксах этимологии // Slavica: Annales Instituti Philologiae Slavicae Universitatis Debreceniensis de Ludovico Kossuth Nominatae. 2012. № 41. P. 95–105.
72. Васильев В.Л. Названия-фантомы, рождённые письменностью // Студії з ономастики та етимології. Київ, 2013. С. 35–45.
73. Зубов Н. Научные фантомы славянского Олимпа // Живая старина. 1995. № 3 (7). С. 46–48.
74. Подлипчук Ю.В. «Слово о полку Игореве» : научный перевод и комментарий. М. : Наука, 2004. 327 с.
75. Коротаев А.В., Халтурина Д.А. Мифы и гены: глубокая историческая реконструкция. М. : ЛИБРОКОМ, 2011. 182 с.
76. Соболевский А.И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии // Сборник отделения русского языка и словесности императорской академии наук. СПб., 1910. Т. LXXXVIII, № 3. С. I–IV, 1–288.
77. Крегждис Р. Прусс. Curche: этимология теонима, функции божества; проблематика установления культовых соответствий на почве обрядовой традиции восточно-балтийских, славянских и других индоевропейских народов // Studia mythologica Slavica. 2009. № 12. С. 249–320.

Andrey A. Beskov, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: beskov_aa@mininuniver.ru

FROM ANCIENT MYTHS TO MYTHS OF HISTORIOGRAPHY: THE PROBLEM OF THE OLD RUSSIAN GOD KHORS AS A SYMPTOM OF THE 'MALADY' OF MYTHOLOGICAL STUDIES

Keywords: Eastern-Slavonic mythology, Prince Vladimir's pantheon, Khors, Xors, linguistic analysis, etymology, historiographical myths.

Opinion about the solar nature of the Eastern-Slavonic deity Khors (Xors) prevails in world historiography. The opinion is based on the traditional etymology linking this theonym with the Persian word *xōršēd* 'sun' or related words in other Iranian languages. But there is a serious criticism of this etymology, that is why the origin of the theonym continues to be a relevant issue. However, the theory of the Iranian origin of Khors is established in the historiography so deeply that rejecting this theory cannot be painless. The possible collapse of the general etymology raises questions: how valuable etymological analysis of theonyms for Mythological Studies and what additional scientific tools we can use in the absence of informative written sources? The purpose of this article is to pose these questions and invite colleagues to the discussion.

To answer these questions the following tasks were solved: 1) the history and causes of strengthening of the traditional etymology of Khors in science were explored; 2) the results of discussion on the Promezhica Idol, stone statue which was found at the end of the 19 century near Pskov, as the idol of god Khors were considered. Source base of the study is works of historians and linguists, concerning the hypothesis about Iranian origin of the Khors, and works of researchers discussing a possibility to identify the Promezhica Idol with mythological image of Khors.

On the basis of historiographical analysis it seems justified to draw the following conclusions. The etymological derivation of the theonym Khors from Iranian languages was initially only intuitive and that it was an example of the so-called ‘amateur linguistics’. This etymology has been well received due to the fact that it corresponded to the view, which was popular among scholars and originated in some indirect evidence, on Khors as the sun god. In the 20 century this theory strengthened its position in the scientific world. This was facilitated by two circumstances: the lack of any comprehensive scientific criticism of the theory and the exaggerated confidence in the data supplied by linguistics which was characteristic of many researchers of mythology. Nevertheless the theory about the Iranian origin of Khors has many internal contradictions. Also there were no compelling reasons to identify the Promezhica Idol with Khors. However, if one discards the flimsy theories, which the author considers as historiographical myths, it becomes evident that the science has not advanced in solving the “Khors problem” during the past century. The popularity of the linguistic method in the 20 century has not benefited the advance of research of the Eastern-Slavonic mythology. Meanwhile, the possibilities of modern science allow us to see new horizons of studying the old problems. The genetic research combined with studying of genealogy of people carrying the surname ‘Khors’ can give us some interesting data about the origin of this word. However, the scope of these problems is so great that they can only be solved by the efforts of research teams.

REFERENCES

1. Vasiliev, M.A. (1999) *Yazychestvo vostochnykh slavyan nakanune kreshcheniya Rusi: religiozno-mifologicheskoe vzaimodeystvie s iranskim mirom. Yazycheskaya reforma knyazya Vladimira* [Paganism of the Eastern Slavs on the Eve of the Baptism of Rus: Religious and Mythological Interaction with the Iranian World. The pagan reform of Prince Vladimir]. Moscow: Indrik.
2. Beskov, A.A. (2008) *Analiz mifologicheskoy sostavlyayushchey vostochnoslavyanskogo yazychestva* [The analysis of the mythological component of East Slavic paganism]. Nizhny Novgorod.
3. Borissoff, C.L. (2014) Non-Iranian origin of the Eastern-Slavonic god Xŭrsŭ/Xors. *Studia Mythologica Slavica*. 17. pp. 9–36. DOI: 10.3986/sms.v17i0.1491
4. Butkov, P. (1821) Nechto k Slovu o polku Igoreve [Something to The Tale of Igor’s Campaign]. *Vestnik Evropy*. CXXI(21). pp. 34–65.
5. Preis, P. (1841) Donesenie g. Ministru Narodnogo Prosveshcheniya, iz Pragi, ot 26 Dekabrya 1840 goda [Report to the Minister of Public Education, from Prague, from December 26, 1840]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 29. pp. 31–52.
6. Sreznevsky, I. (1846) Ob obozhanii solntsa u drevnikh slavyan [On the adoration of the sun among the ancient Slavs]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. LI. pp. 36–60.
7. Bodyansky, O.M. (1846) Ob odnom prologe biblioteki Moskovskoy dukhovnoy tipografii i tozhdestve slavyanskikh bozhestv Khorsa i Dazh'boga [About one prologue of the library of the Moscow spiritual printing house and the identity of the Slavic deities Khors and Dazhbog]. *Chteniya v imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete*. 1. pp. 5–23.
8. Kostomarov, N. (1847) *Slavyanskaya mifologiya: (izvlechenie iz lektsiy, chitannykh v universitete Sv. Vladimira vo vtoroy polovine 1846 goda)* [Slavic mythology: (extract from the lectures at the University of St. Vladimir in the second half of 1846)]. Kiev: [s.n.].
9. Sabinin, S. (1847) Otvet na otvet [Answer to answer]. *Chteniya v imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete*. 9. pp. 22–23.
10. Afanasiev, A.N. (1869) *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu* [Poetic views of the Slavs on nature]. Vol. 3. Moscow: K. Soldatenkov.
11. Zabelin, I. (1879) *Istoriya russkoy zhizni s drevneyshikh vremen* [History of Russian life since ancient times]. Mosow: Grachev & K.
12. Miller, V.F. (1877) *Vzglyad na Slovo o polku Igoreve* [A look at The Tale of Igor’s Campaign]. Moscow: F.B. Miller.
13. Zaliznyak, A.A. (2009) *Iz zametok o lyubitel'skoy lingvistike* [From notes on amateur linguistics]. Moscow: Russkiy Mir"; Moskovskie uchebniki.
14. Sokolov, M.E. (1887) *Starorusskie solnechnye bogi i bogini* [Old Russian solar gods and goddesses]. Simbirsk: [s.n.].
15. Evans-Pritchard, E. (2004) *Teorii primitivnoy religii* [Theories of primitive religion]. Translated from English by A. Belik, A. Kazankov. Moscow: OGI.
16. Soloviev, S.M. (1895) *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [History of Russia Since Ancient Times]. Book 1. 2nd ed. St. Petersburg: [s.n.].
17. Khlebnikov, N.I. (1872) *Obshchestvo i gosudarstvo v domongol'skiy period russkoy istorii* [Society and state in the pre-Mongol period of Russian history]. St. Petersburg: A.M. Kotomin.
18. Korsh, F.E. (1909) Vladimirovy bogi [Vladimir’s Gods]. In: *Sbornik Khar'kovskogo istoriko-filologicheskogo obshchestva* [Collection of the Kharkov Historical and Philological Society]. Vol. 18. Kharkov: [s.n.]. pp. 51–58.
19. Karsky, E.F. (1916) *Belorusy* [Belarusians]. Vol. 3. Moscow: I.N. Kushnerev and K.
20. Kagarov, E.G. (1918) Religiya drevnikh slavyan [Religion of the ancient Slavs]. *Kul'turno-bytovye ocherki po mirovoy istorii*. 4. pp. 3–73.
21. Grekov, B.D. (1953) *Kievskaya Rus'* [Kievan Rus]. Leningrad: Gospolitizdat.
22. Jakobson, R. (1966) *Selected Writings*. Vol. IV. The Hague–Paris: Mouton & Co. pp. 106–300.
23. Rak, I.V. (ed.) (1997) *Avesta v russkikh perevodakh (1861–1996)* [Avesta in Russian translations (1861–1996)]. St. Petersburg: Zhurnal “Neva” – RKhGI.
24. Zaliznyak, A.A. (1962) Problemy slavyano-iranskikh yazykovykh otnosheniy drevneyshego perioda [Problems of Slavic-Iranian linguistic relations of the most ancient period]. *Voprosy slavyanskogo yazykoznaniya*. 6. pp. 28–45.
25. Jakobson, R. (1970) [The role of linguistic evidence in comparative mythology]. *The Seventh International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences*. Moscow, August 3–10, 1964. Moscow: Nauka. pp. 608–619. (In Russian).
26. Baskakov, N.A. (1973) Mifologicheskie i epicheskie imena sobstvennye v “Slove o polku Igoreve” (k etimologii “Veles” i “Boyan”) [Mythological and epic proper names in the “The Tale of Igor’s Campaign” (to the etymology of “Veles” and “Boyan”)]. *Vostochnaya filologiya*. 3. pp. 183–192.
27. Martynov, V.V. (1989) Sakral'nyy mir “Slova o polku Igoreve” [The sacred world of “The Tale of Igor’s Campaign”]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor. Rekonstruktsiya drevney slavyanskoy dukhovnoy kul'tury: istochniki i metody* [Slavic and Balkan folklore. Reconstruction of the ancient Slavic spiritual culture: sources and methods]. Moscow: Nauka. pp. 61–78.
28. Ivanov, V.V. & Toporov, V.N. (1995) Khors [Xors]. In: Petrukhin, V.Ya. et al. (eds) *Slavyanskaya mifologiya* [Slavic Mythology]. Moscow: Ellis Lak. p. 388.
29. Ivanov, V.V. & Toporov, V.N. (1965) *Slavyanskie yazykovye modeliruyushchie semioticheskie sistemy* [Slavic language modeling semiotic systems]. Moscow: Nauka.
30. Toporov, V.N. (1989) Ob iranskom elemente v russkoy dukhovnoy kul'ture [On the Iranian element in Russian spiritual culture]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor. Rekonstruktsiya drevney slavyanskoy dukhovnoy kul'tury: istochniki i metody* [Slavic and Balkan folklore. Reconstruction of the ancient Slavic spiritual culture: sources and methods]. Moscow: Nauka. pp. 23–60.
31. Toporov, V.N. (1995) *Svyatost' i svyatye v russkoy dukhovnoy kul'ture* [Holiness and Saints in Russian Spiritual Culture]. Vol. 1. Moscow: Gnozis.
32. Toporov, V.N. (1998) *Predistoriya literatury u slavyan: opyt rekonstruktsii: (vvedenie k kursu istorii slavyanskikh literatur)* [Prehistory of literature among the Slavs: the experience of reconstruction: (introduction to the course on the history of Slavic literatures)]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
33. Golb, N. & Pritsak, O. (1982) *Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century*. Ithaca–London: Cornell University Press.
34. Tolochko, P.P. (2001) The myth of Judaic Khazars as the founders of Kiev. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 2. pp. 38–42. (In Russian).

35. Trubachev, O.N. (2003) *Etnogenez i kul'tura drevneyshikh slavyan: lingvisticheskie issledovaniya* [Ethnogenesis and culture of the ancient Slavs: a linguistic research]. 2nd ed. Moscow: Nauka.
36. Trubachev, O.N. (2005) *V poiskakh edinstva: vzglyad filologa na problemu istokov Rusi* [In search of unity: a philologist's view of the problem of Rus origins]. 3rd ed. Moscow: Nauka.
37. Nazarenko, A.V. (2009a) *Drevnyaya Rus' i slavyane* [Ancient Russia and the Slavs]. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science. pp. 391–398.
38. Niederle, L. (1916) *Slovanské starožitnosti. Oddíl kulturní. Život starých slovan*. Prague: Nákladem Burslka & Kohouta.
39. Cross, S.H. (1946) Primitive Civilization of the Eastern Slavs. *American Slavic and East European Review*. 5(1/2). pp. 51–87.
40. Gimbutas, M. (1971) *The Slavs*. London: Thames and Hudson Ltd.
41. Børtnes, J. (1992) The literature of Old Russia, 988–1730. In: Moser, Ch.A. (ed.) *The Cambridge History of Russian Literature*. Cambridge–New York: Cambridge University Press. pp. 1–44.
42. Hubbs, J. (1993) *Mother Russia: the Feminine Myth in Russian Culture*. Bloomington, IN: Indiana University Press.
43. Bilaniuk, P.B.T. (1994) The Notion of Religion of the Pre-Christian and Christian Eastern Slavs. VI to XII Centuries. In: Bianchi, U. (ed.) *The Notion of "religion" in Comparative Research: Selected Proceedings of the 16th Congress of the International Association for the History of Religions (Rome, 3rd-8th September, 1990)*. Rome: L'Erma di Bretschneider. pp. 375–381.
44. Zaroff, R. (1999) Organized Pagan Cult in Kievan Rus'. The Invention of Foreign Elite or Evolution of Local Tradition? *Studia Mythologica Slavica*. 2. pp. 47–76. DOi: 10.3986/sms.v2i0.1844
45. Vukcevich, I. (2001) *Rex Germanorum populos Sclavorum: an Inquiry Into the Origin & Early History of the Serbs/Slavs of Sarmatia, Germania & Illyria*. Santa Barbara, CA: University Center Press.
46. Cooper, B. (2006) Lexical Reflections Inspired by Slavonic *Bogŭ: Some Thoughts on the Slavonic Pantheon. *Slavonica*. 12(2). pp. 129–148. DOI: 10.1179/174581406X126807
47. Beskov, A.A. (2014) Problema osveshcheniya temy vostochnoslavyanskogo yazychestva v shkol'nom kurse istorii [The problem of covering the topic of East Slavic paganism in the school history course]. *Prepodavanie istorii v shkole*. 8. pp. 9–15.
48. Rybakov, B.A. (2001) *Yazychestvo Drevney Rusi* [Paganism of Old Rus]. 2nd ed. Moscow: Sofiya, Gelios.
49. Rybakov, B.A. (2002) *Yazychestvo drevnikh slavyan* [Paganism of the ancient Slavs]. 2nd ed. Moscow: Sofiya, Gelios.
50. Klein, L.S. (2004) *Voskreshenie Peruna: k rekonstruktsii vostochnoslavyanskogo yazychestva* [The Resurrection of Perun: Towards the Reconstruction of East Slavic Paganism]. St. Petersburg: Evraziya.
51. Jakobson, R. (1985) *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow: Progress. pp. 369–420.
52. Kalmykow, A. (1925) Iranians and Slavs in South Russia. *Journal of the American Oriental Society*. 45. pp. 68–71.
53. Sedov, V.V. (1982) *Vostochnye slavyane v VI–XIII vv.* [Eastern Slavs in the 6th – 13th centuries]. Moscow: Nauka.
54. Fasmer, M. (1987) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes]. Vol. 4. Moscow: Progress.
55. Abaev, V.I. (1965) *Skifo-evropeyskie izoglossy. Na styke Vostoka i Zapada* [Scytho-European isoglosses. At the crossroads of East and West]. Moscow: Nauka.
56. Obnorsky, S.P. (1929) Prilagatel'noe "khoroshiy" i ego proizvodnye v russkom yazyke [The adjective 'khoroshiy' and its derivatives in the Russian language]. *Yazyk i literatura*. 3. pp. 241–258.
57. Nazarenko, A.V. (2009b) *Drevnyaya Rus' i slavyane* [Ancient Russia and the Slavs]. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science. pp. 391–398.
58. Menges, K.G. (1979) *Vostochnye elementy v "Slove o polku Igoreve"* [Eastern elements in "The Tale of Igor's Campaign"]. Leningrad: Nauka.
59. Speransky, N.N. (2012) *Dar shamanizma – dar volkhovaniya* [The gift of shamanism – the gift of magic]. Moscow: Veligor.
60. Kirpichnikov, A.N. (1988) Drevnerusskoe svyatilishche u Pskova [Old Russian sanctuary near Pskov]. In: Timoshchuk, B.A. (ed.) *Drevnosti slavyan i Rusi* [Antiquities of the Slavs and Rus]. Moscow: Nauka. pp. 34–37.
61. Aleksandrov, A.A. (2011) Kamennye antropomorfnye idoly na territorii Pskovskoy oblasti [Anthropomorphic stone idols on the territory of Pskov Region]. In: Gaydukov, P.G. (ed.) *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli* [Archeology and history of Pskov and the Pskov land]. Moscow; Pskov: RAS. pp. 48–61.
62. Herberstein, S. (2008) *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovy]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.
63. Aleksandrov, A.A. (1983) O sledakh yazychestva na Pskovshchine [About traces of paganism in the Pskov region]. In: Kruglikova, I.T. (ed.) *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii AN SSSR* [Brief reports of the Institute of Archeology of the USSR Academy of Sciences]. Moscow: Nauka. pp. 12–18.
64. Kirpichnikov, A.N. (1983) Yazycheskoe svyatilishche u Pskova (po dannym I.D. Vunderera) [Pagan sanctuary near Pskov (according to I.D. Wunderer)]. In: Pobol, L.D. (ed.) *Drevnerusskoe gosudarstvo i slavyane* [Old Russian State and Slavs]. Minsk: Nauka i tekhnika. pp. 109–110.
65. Petrov, N.I. (2014) O tak nazyvaemykh "yazycheskikh idolakh" okolo Pskova v XVI v. [About the so-called "pagan idols" near Pskov in the 16th century]. In: Musbakhoiva, V.T. (ed.) *Ladoga v kontekste istorii i arkheologii severnoy Evrazii* [Ladoga in the context of the history and archeology of northern Eurasia]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 338–353.
66. Galkovsky, N. (1913) *Bor'ba khristianstva s ostatkami yazychestva v drevney Rusi* [The struggle of Christianity with the remnants of paganism in Old Rus]. Vol. 2. Moscow: [s.n.].
67. Anichkov, E.V. (1914) *Yazychestvo i Drevnyaya Rus'* [Paganism and Old Rus]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
68. Shchekin, A.S. (2005) *Lingvotekstologicheskoe issledovanie "Slova svyatogo Grigoriya izobreteno v toltsekh"* [Linguo-textological research of "The Word of St. Gregory about Idols"]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
69. Zubov, M.I. (2005) *Slov'yans'ki povchannya proti yazichnitstva v lingvotekstologichnomu visvitlenni*. Philology Dr. Diss. Odesa.
70. Alekseev, N.A. (2008) M.I. Zubov. Lingvotekstologiya seredn'ovichnikh slov'yans'kikh povchan' proti yazichnitstva. *Slavyanovedenie*. 5. pp. 102–109.
71. Koleva-Zlateva, Zh. (2012) Razmyshleniya o paradoksakh etimologii [Reflections on the paradoxes of etymology]. *Slavica: Annales Instituti Philologiae Slavicae Universitatis Debreceniensis de Ludovico Kossuth Nominatae*. 41. pp. 95–105.
72. Vasiliev, V.L. (2013) Nazvaniya-fantomy, rozhdennye pis'mennost'yu. *Studiï z onomastiki ta etimologiï*. pp. 35–45.
73. Zubov, N. (1995) Nauchnye fantomy slavyanskogo Olimpa [Scientific phantoms of the Slavic Olympus]. *Zhivaya starina*. 3(7). pp. 46–48.
74. Podlipchuk, Yu.V. (2004) *"Slovo o polku Igoreve" : nauchnyy perevod i kommentariy* ["The Tale of Igor's Campaign": academic translation and commentary]. Moscow: Nauka.
75. Korotaev, A.V. & Khalturina, D.A. (2011) *Mify i geny: glubokaya istoricheskaya rekonstruktsiya* [Myths and Genes: A Deep Historical Reconstruction]. Moscow: LIBROKOM.
76. Sobolevsky, A.I. (1910) Materialy i issledovaniya v oblasti slavyanskoy filologii i arkheologii [Materials and research in the field of Slavic philology and archeology]. *Sbornik otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti imperatorskoy akademii nauk*. LXXXVIII(3). pp. I–IV, 1–288.
77. Kregždis, R. (2009) OPr. Curche: etymology of the theonym, functions of the deity; problematics concerning the establishment of cult conformity of the Eastern Baltic, Slavic and other IE tribes' ceremonial tradition. *Studia Mythologica Slavica*. 12. pp. 249–320.

УДК 930
DOI: 10.17223/19988613/66/16

Ю.Ю. Иерусалимский, В.В. Давыдов, М.М. Коскина

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ АМЕРИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-19-50236.

Анализируется современный этап развития отечественной историографии по теме «Русская Америка». Показано становление научной школы академика Н.Н. Болховитинова, выделены изменения, происшедшие в развитии темы, подведены итоги изучения актуальных проблем в данной области. Выявлены главные направления исследований по указанной проблематике, отмечены ведущие специалисты, сферы их научных интересов и основные труды.
Ключевые слова: Русская Америка; историография; современные исследования; историческая литература.

Изучение истории Русской Америки продолжает находиться в центре внимания современных исследователей. Регулярно проводятся мероприятия, на которых обсуждаются различные аспекты данной темы, публикуются новые научные работы. Интересный факт, подчеркивающий важность изучаемой проблематики: в 2019 г. только за два дня, а именно 15 и 16 марта, в Москве, Ярославле и Вологде практически одновременно состоялось две международные научные конференции и один круглый стол, посвященные истории Русской Америки [1]. Продолжают создаваться научно-образовательные центры по изучению Русской Америки. В 2018–2019 гг. были созданы межведомственная рабочая группа по вопросам сохранения российского исторического и культурного наследия в США при Ярославском государственном университете им. П.Г. Демидова, научно-образовательный центр «Русская Америка» в Рязанском государственном университете им. С.А. Есенина, научные группы в Вологде, Архангельске, Кемерове, Петропавловске-Камчатском и Иркутске. Эти факты как нельзя лучше подтверждают актуальность избранной темы исследования и необходимость ее дальнейшего изучения. Актуальность изучаемой проблематики также подчеркивает значительный пласт отечественной историографии по теме Русской Америки, современный период развития которой и будет проанализирован в нашей статье.

Современный период изучения Русской Америки ведет свой отсчет с 1992 г., когда не только изменилось название страны, но и произошел коренной поворот в методологии исторических исследований в целом и изучаемой темы в частности. Также изменилась организационная составляющая указанной проблематики. В 1992 г. отдел истории США и Канады был преобразован в Центр североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, а его руководителем стал Н.Н. Болховитинов, возглавлявший до этого реорганизованный отдел. В этом же году Н.Н. Болховитинову было присвоено звание академика Российской академии наук. С 1997 г. формируется научная школа под его руководством, в которую входят исследователи А.Ю. Петров, А.В. Гринёв, А.А. Истомин, Л.М. Троицкая, В.А. Коленеко. Именно они в конце XX в. стояли у истоков трехтомного труда коллектива авторов под общей редакцией академика Н.Н. Болховитинова «История Русской Америки» [2]. Трехтомник выполнен на высоком научном уровне и занимает особое место в современной отечественной историографии. Его авторами стали ведущие отечественные и зарубежные исследователи, а также деятели Русской Православной церкви. За трехтомную «Историю Русской Америки» Н.Н. Болховитинов и А.В. Гринёв в 2003 г. были удостоены премии Н.И. Карева Российской академии наук.

В 90-е гг. XX в. состоялось немало конференций различного уровня, приуроченных к 200-летней годовщине прибытия на о. Кадьяк первой православной миссии, а также 200-летнему юбилею образования Российско-американской компании (РАК). На международном форуме, приуроченном к 200-летию образования РАК, состоявшемся 6–10 сентября 1999 г. в Москве, Н.Н. Болховитинов выступил с пленарным докладом; в нем он отметил важную роль Русской Православной церкви, которая «с самого начала стала защитницей местного населения».

Расширялась география исследователей Русской Америки. Конференции, посвященные истории русского периода Аляски, проводились не только в столице, но и в других российских городах. Так, 22 ноября 2019 г. в Ярославле состоялась Международная научно-практическая конференция «Витус Беринг: эпоха, культура, наследие». Значительная часть ее докладов в переработанном виде была опубликована в сборнике «Отечественная историко-цивилизационная матрица» [3].

В XXI в. расширился круг вопросов по изучению истории Русской Америки. Все чаще предметом специального научного исследования становится православная миссионерская деятельность на Аляске. Продолжают появляться работы по этнографии региона. Историки стали подробнее изучать проблемы культурного развития народов Аляски и Калифорнии в период существования российских поселений. Сюда же относится проблема «диалога культур». В разное

время вышеуказанные сюжеты становились предметом изучения Р.Г. Ляпуновой, А.В. Гринева, А.В. Зорина, А.А. Истомина и С.А. Корсуна [4–10]. В рамках изучения историко-этнографической тематики в 2007 г. была защищена диссертация Е.С. Питерской [11]. Т.В. Воробьева в своей диссертации и ряде статей провела подробную разработку проблематики, связанной с применимостью к освоению Восточной Сибири, Дальнего Востока и Аляски «концепции фронтира» [12–14]. Она четко показала значение кругосветных российских экспедиций для изменения политики России на севере Тихого океана [15].

Финансово-хозяйственная деятельность РАК также стала отдельным направлением исследований ряда авторов. В этом плане выделяется большой комплекс трудов главного научного сотрудника Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН А.Ю. Петрова, который защитил в 2006 г. докторскую диссертацию по указанной проблематике [16–19]. Он отметил успешное функционирование РАК как хозяйствующего субъекта в различные периоды длительного существования кампании на отечественном и зарубежном рынках и кризисные явления в ее экономической деятельности, остановился на биографиях ее руководителей, дал всестороннюю характеристику рабочих и служащих кампании.

Проблема деятельности РАК в Сибири и на Дальнем Востоке, государственный контроль за ее функционированием находится в центре внимания А.Н. Ермолаева. Эти вопросы детально освещены в его диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук (научные консультанты В.А. Волчек и А.Ю. Петров) и одноименной монографии «Российско-американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке (1799–1871 гг.)» [20, 21]. Торговое освоение Тихоокеанского региона русскими купцами является предметом изучения доцента Р.И. Попова, выпускника аспирантуры кафедры отечественной средневековой и новой истории ЯрГУ им. П.Г. Демидова [22, 23].

А.Ю. Петров прорабатывает также вопросы, связанные с культурным наследием Русской Америки, взаимоотношениями Русской Православной церкви и РАК, деятельностью супруги основателя Северо-Восточной компании (предшественницы РАК) Григория Ивановича Шелихова Наталии Алексеевны. О ее деятельности А.Ю. Петров совместно с американской исследовательницей Дон Блэк написал монографию, которая была опубликована в США в 2010 г. [24]. В 2012 г. была издана работа А.Ю. Петрова «Наталия Шелихова у истоков Русской Америки» [25].

Доктор исторических наук, профессор Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, председатель Издательского совета Русской Православной церкви митрополит Климент (Капалин) в монографиях, кандидатской и докторской диссертациях подробно, на большом фактическом материале раскрыл деятельность Русской Православной церкви на Аляске в XVIII–XIX вв. [26–29]. Проблемам миссионерской деятельности на севере Тихоокеанского региона посвящен труд сотрудников лаборатории Северо-Восточного государственного университета Н.Н. Жукова и В.Х. Сахибгоряева «Визит бога. Миссия РПЦ в Тихоокеанском регионе: опыт историко-культурного исследования» [30]. Изучением деятельности Русской Православной церкви на Аляске в конце XVIII – XIX в. занимается ученица А.Ю. Петрова Ю.С. Егорова [31]. Митрополит Климент (Капалин), Т.С. Федорова, С.Б. Белоглазова, протоиерей И. Кобелев, А.И. Белашов и Е.В. Гропянов детально показали миссионерскую деятельность Русской Православной церкви в Северной Америке, роль Первой и Второй Камчатских экспедиций В. Беринга в распространении православия в регионе [32–38].

Таким образом, в начале XXI в. отечественные исследователи перешли к углубленному изучению ряда узкоспециализированных направлений, которые до недавнего времени по разным причинам достаточно скупо освещались исторической наукой. Одна из сравнительно новых тем, поднятых современными историками, связана с детальным изучением судостроения и мореходства в северной части Тихого океана, причем не только с организационной, но и с технической точки зрения.

На протяжении длительного периода лидирующие позиции в изучении данного вопроса занимают историки из Санкт-Петербурга, опирающиеся на фонды Российского государственного архива Военно-морского флота (РГАВМФ), Центрального военно-морского музея им. Императора Петра Великого (ЦВММ) и Центральной библиотеки военно-морского флота (ЦВМБ).

Наиболее устойчив интерес отечественных исследователей к кораблям первой русской кругосветной экспедиции, Первой и Второй Камчатских экспедиций В. Беринга. Стимулировало интерес празднование 250-летия Камчатских экспедиций, и с тех пор до настоящего времени внимание к истории этих судов не ослабевает. Первой серьезной попыткой профессиональной реконструкции бота «Св. Гавриила» нужно считать публикацию художника-мариниста И.П. Пшеничного в 1993 г. в сборнике «Гангут» по материалам РГАВМФ, содержащую сведения о внешнем виде, строительстве и отдельных периодах службы бота [39]. Автор справедливо акцентировал внимание на важности технических характеристик экспедиционного судна и соответствии их местным условиям для эффективного решения стоящих перед экспедицией задач. С его точки зрения, данная специфика в полном объеме была учтена Петром I при формулировании указа от 23 декабря 1724 г. Адмиралтейств-коллегии об организации Первой Камчатской экспедиции. Пункт 3 данного документа требовал «сыскать ис учеников или ис подмастерьев, которой бы мог тамо зделать с палубою бот по здешнему примеру, какие есть при больших кораблях», а п. 4 определял потребное число материалов: «…отпустить отсюда в полтора 4 парусов, блоков, шхив, веревок и протчаго и 4 фальканета с надлежащею амуниciею…» [40]. И.П. Пшеничный составил описание «Св. Гавриила» и приложил к нему рисунок. Реконструкция автора оказалась на тот период наиболее точной, однако, как выяснилось впоследствии, содержала ряд ошибок в парусном вооружении, а вопрос об архитектуре корпуса оставила открытым,

поскольку вопрос с документацией на палубные боты, предававшиеся кораблям, не прояснен до наших дней.

В 2000 г. доцент КамчатГТУ В.Н. Аров также опубликовал материал о постройке и службе судна [41]. К его заслугам следует отнести подробное описание службы судна с момента спуска на воду в 1728 г. до начала 40-х гг. XVIII в. Приведенные в работе сведения характеризуют «Св. Гавриил» как надежное судно, отвечающее характеру мореходства в северной части Тихого океана в середине XVIII в.

Из вышедших в начале XXI в. работ необходимо выделить публикации главного специалиста РГАВМФ Т.С. Федоровой. В поле зрения историка-архивиста находились многие аспекты освоения Тихоокеанского севера, в частности нашлось место и проблематике, связанной с судами Второй Камчатской экспедиции В. Беринга [42–43]. В данных публикациях на основании архивных материалов восстановлена хронология строительства пакетботов «Св. Петр» и «Св. Павел», вскрыты трудности, с которыми столкнулись руководители экспедиции. Подробно освещена биография строителя пакетботов – «мастера ботового и шлюпочного дела» А.И. Кузьмина. Именно Т.С. Федорова задала вектор дальнейших изысканий специалистов, пытающихся восстановить облик кораблей Второй Камчатской экспедиции, указав на факт использования для их постройки чертежей пакетбота, незадолго до рассматриваемых событий спущенного на воду в Санкт-Петербурге. Из других моментов ее исследований следует отметить указание на промежуточный характер представленных в РГАВМФ смет такелажа на различные варианты пакетбота [44], а также позиционирование В. Беринга в качестве руководителя экспедиции.

Наибольшего внимания заслуживает ярко продемонстрированная Т.С. Федоровой ограниченность ресурсов, имевшихся в распоряжении руководителей экспедиции. С учетом полученных результатов представляется перспективным детальное изучение возможностей российского судостроения XVIII в. на Тихом океане, что позволит более глубоко вскрыть геополитический потенциал России в данном регионе, оценить возможности и уровень эффективности конкретных экспедиций и принимаемых их руководителями управленческих решений. Необходимо отметить многолетний вклад Т.С. Федоровой в подготовку сборников документальных материалов по российским экспедициям в Тихом океане, а также значительный объем основанных на архивных материалах работ. Из публикаций первой половины 2010-х гг. можно упомянуть сборник документов о роли РАК в изучении тихоокеанского Севера (совместно с Ю.А. Петровым и А.В. Гринёвым) [45], вышедший в Петропавловске-Камчатском сборник статей «Северная Пацифика» [46] и уникальное издание журналов Первой Камчатской экспедиции [47].

Вопросами реконструкции пакетботов Второй Камчатской экспедиции в XXI в. занимались Г.А. Атавин [48] и А.М. Глебов [49]. Последний в своей публикации поставил цель определить уровень оптимальности выбранного руководителями Второй Камчатской экспедиции типа судна для решения стоящих перед ними задач. Для ответа на поставленный вопрос автор привлек расчетный аппарат, применяемый в проектировании кораблей, а также проанализировал шканечные журналы пакетботов. При спорности ряда сделанных им допущений (в частности, при выборе для расчетов варианта реконструкции пакетбота или при сопоставлении с бригом XIX в.), тем не менее А.М. Глебовым продемонстрирована важность использования профессиональных отраслей знания для исторических исследований. Следует отметить, что к вопросам проектного облика и мореходных качеств «Св. Петра» и «Св. Павла» исследователь обратился в своей диссертации на степень кандидата исторических наук [50], в которой развил выдвинутые им ранее положения.

Кораблям первой русской кругосветной экспедиции, также осуществленной под эгидой РАК, исследователи уделили гораздо меньшее внимание. Из работ нашего века, посвященных «Надежде» и «Неве», можно отметить статью сотрудника ЦВМА Л.А. Баркановой [51]. Тем не менее в преддверии серии юбилейных мероприятий начала XXI в., посвященных 200-летию первого русского кругосветного плавания, необходимость визуализации истории экспедиции привела к оживленной дискуссии на специализированных ресурсах, в частности, на форуме Санкт-Петербургской гильдии судомоделистов [52–53]. В ходе дискуссии на основании сравнительного анализа графических и описательных материалов участников экспедиции и чертежной документации британских архивов была выдвинута заслуживающая внимания гипотеза, согласно которой фактически «Надежда» была британским военным кораблем-брандером типа Alecto, оказавшимся в распоряжении Ю.Ф. Лисянского в результате манипуляций клерков британского Адмиралтейства. Итогом дискуссии стало выступление главы гильдии А.А. Добренко на Крузенштерновских чтениях 2014 г. (г. Санкт-Петербург) и обнаружение в 2017 г. в РГАВМФ чертежей, идентифицированных как чертежи «Надежды» [54–55].

Судостроительную и морскую составляющие деятельности РАК наиболее активно в последнее десятилетие освещает один из ведущих специалистов по истории и этнографии Русской Америки председатель Российской ассоциации антропологов-американистов А.В. Гринёв, подготовивший серию публикаций о флоте Российско-Американской компании [56–61], о роли российских военных моряков в освоении Аляски и других аспектах российского мореходства у берегов Северной Америки [62–73]. Примером профессионального подхода к публикациям о судостроении РАК являются статьи ученого секретаря ЦВММ С.Д. Климовского [74–75]. Интерес представляют затронутые автором проблемы сырьевой и технологической базы судостроения РАК.

Русская Америка была тесно связана с портами Охотск и Петропавловск-Камчатский, поэтому вполне закономерно вхождение данной проблематики в сферу внимания специалистов, занимающихся изучением истории Камчатки и Дальнего Востока. В этой связи необходимо отметить роль ежегодных Крашенинниковских и Свято-Игнатьевских чтений, проходящих в

Петропавловске-Камчатском, участники которых регулярно представляют работы по теме судостроения и мореходства [76–78]. Также следует отметить изданный Дальневосточным отделением РАН пятитомник «Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.», в который был включен ряд интересных материалов по морской тематике [79]. Так, отметим работу В.П. Королюка о мореходном образовании в Русской Америке [80].

Среди авторов многотомника стоит выделить известного гидрографа, кандидата географических наук, капитана I ранга Б.Н. Болгурцева, с чьим именем связан выход в 1998 г. «Морского биографического справочника Дальнего Востока России и Русской Америки. XVII – начало XX вв.», в который вошли более 650 биографий моряков и администраторов [81], а в 2002 г. монографии «Русская Америка: Гидрографические исследования», написанной совместно с В.И. Корякиным [82]. Важным вкладом Б.Н. Бологурцева в исследование проблемы является проведенная им глубокая систематизация материалов по исследовательской деятельности российских моряков во владениях РАК, сопряженная с внимательным рассмотрением профессиональных вопросов их деятельности.

Исследуя вопросы освоения Россией северной части Тихого океана и деятельности РАК, необходимо отметить системную и плодотворную работу С.В. Гаврилова по изучению камчатского мореходства, в ходе которой он уделил внимание становлению Петропавловска-Камчатского в качестве центра экспедиционной активности XVIII в. и одного из транспортных узлов РАК в первой половине следующего столетия [83–84]. К числу авторов, в силу своего профессионального статуса сосредоточившихся на морских аспектах освоения северной части Тихого океана, стоит отнести контр-адмирала, кандидата исторических наук К.А. Шопотова, которым были подготовлены две книги о руководителях Камчатских экспедиций – В. Беринге и А. Чирикове [85–86].

Регулярно публикуются материалы морской тематики и в других дальневосточных сборниках, издаваемых преимущественно в рамках деятельности Дальневосточного отделения РАН. Среди специалистов Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН постоянное внимание данной проблематике уделяли кандидаты исторических наук В.Н. Чернавская [87–88] и С.Б. Белоглазова [89–90]. Весьма устойчив интерес к судам Охотского порта и Охотской флотилии доцента Северо-Восточного государственного университета А.И. Семенова. Им проделана работа по систематизации списочного состава и наименований судов Охотской флотилии, что нашло отражение в серии публикаций [91–94].

Публикации упомянутых авторов, опирающиеся на массив отечественных и иностранных источников, создают фундамент для комплексного исследования судоходства РАК и ее предшественников, однако, чтобы данное исследование было максимально полным, необходимо использование методов археологии, этнологии, экономики, кораблестроения, гидрографии и ряда других смежных наук.

В новом веке в отечественной исторической науке фиксируется заметный рост интереса к военной истории. Не стала исключением и история Русской Америки. Анализ всех опубликованных материалов позволяет выделить два основных вектора исследовательских интересов ученых в рамках проблемы военной истории Русской Америки.

Первый связан с противостоянием России потенциальной внешней угрозе Аляске со стороны европейских держав и США. Авторы рассматривают проблему через призму геополитики или международной ситуации в тот или иной период времени, оценивают оборонный потенциал России в регионе, в том числе говоря о конкретных эпизодах военной организации. В качестве примера работы военно-геополитического профиля можно указать на публикации сотрудников Хабаровского пограничного института ФСБ России С.А. Кравчука и А.И. Макаренко [95], сотрудников Владивостокского государственного университета экономики и сервиса А.Б. Волынчука и Дальневосточной социально-гуманитарной академии В.Г. Шведова [96–97] и др. А.Р. Артемьев осветил военный потенциал Ново-Архангельска накануне продажи Аляски [98].

Военный аспект действий России в регионе осветил А.В. Гринев, уделивший внимание внешней угрозе Аляски и действиям в регионе Российского императорского флота [99–101]. Тема военного присутствия России в Северной Америке раскрывалась в статье профессора Кемеровского государственного университета А.Н. Ермолаева [102].

Второй вектор связан с изучением военного противостояния русских с коренным населением Аляски, в первую очередь с индейцами-тлинкитами. В конце прошлого века А.Р. Артемьев опубликовал несколько работ по русско-тлинкитскому противостоянию [103–105]. Историю русско-тлинкитских вооруженных конфликтов выбрал в качестве одного из предметов своего научного интереса главный хранитель фондов Курского государственного областного музея археологии кандидат исторических наук А.В. Зорин [106–108].

В целом приходится констатировать влияние политических установок и личных идеологических предпочтений авторов на тональность и результаты их исследований. В настоящее время доминирующие позиции в освещении вопроса занимают авторы, стремящиеся возложить на РАК основную вину на вооруженное противостояние с индейцами. При этом сторонники данной концепции стремятся принизить возможную роль конкурирующих с РАК иностранных компаний в стимулировании тлинкитской военной активности, а также зачастую игнорируют военный характер самого индейского общества. Ряд авторов в качестве причин военного конфликта называют вторжение РАК в экономическое пространство индейских племен, вызвавшее снижение промысловой базы и сужение возможности торговли индейцев с англичанами и американцами, а также глубокое подсознательное взаимное отчуждение русских и тлинкитов, что стало одной из причин уступки Аляски США.

История русского присутствия в Калифорнии и продажа крепости и поселения Росс США также при-

влекают внимание современных отечественных исследователей. За последнее время появилось несколько фундаментальных работ по данному вопросу с привлечением новых источников [109–111].

Российские современные историки пристальное внимание уделяют проблемам экономики Русской Америки: не только пушному промыслу как фактору, определившему важный вектор освоения региона, но и торговле. Одна из монографий профессора А.Ю. Петрова посвящена роли РАК в отечественной и мировой торговле [112]. Заведующий кафедрой международного права и сравнительного правоведения Северного Арктического федерального университета им. М.В. Ломоносова И.В. Савельев, в 2002 г. защитивший диссертацию кандидата исторических наук по теме «Промысловое освоение Русской Америки во второй половине XVIII века», работает на стыке двух разделов знания: истории и правоведения, уделяя внимание не только самому промыслу, но и его правовому регулированию [113–117]. А.В. Гринёв в рамках своего длительного интереса к истории аборигенов Аляски уделил внимание торговым связям россиян с коренным населением [118]. Торговлю РАК с Китаем в XIX в. осветил А.Н. Ермолаев [119–120].

В начале XXI в. появилась статья кандидата филологических наук А.Г. Готовцевой о связи ряда членов РАК с декабристами. Она рассмотрела революционную деятельность правителя канцелярии Главного правления РАК, владельца 10 акций компании (для сравнения – Александр I владел 20 акциями) и одновременно одного из руководителей Северного общества К.Ф. Рылеева, и в частности его план по высылке после успеха мятежа императора и его семьи из России силами флота [121].

Определенным итогом научного осмысления истории Русской Америки и переходом к новому качественному уровню исследований стало появление историографических и источниковедческих работ по изучаемой проблематике, Так, А.В. Гринёв посвятил специальную статью анализу исследовательской литературы по теме «Русская Америка»[122], А.Ю. Петров и Т.В. Воробьева изучили историографию теории российско-американского фронтира [123], С.Б. Белоглазова и В.Н. Чернавская рассмотрели отечественную историографию историко-культурных контактов [124], а В.Н. Чернавская опубликовала историографические очерки по освоению Россией севера Тихого океана [125]. Характеристика источников по Второй Камчатской экспедиции была приведена в предисловии и комментариях в одноименном многотомном сборнике документов, выпущенном в 2000–2010-х гг. Санкт-Петербургским филиалом архива РАН совместно с Фондом Франка Галле (ФРГ) [126–130].

Следует отметить, что для современного этапа изучения отечественной истории характерен междисциплинарный подход. В настоящее время активно проводятся исторические, археологические, филологические, естественнонаучные, антропологические, этнологические, юридические и политологические исследования, но осуществляются они зачастую изолированно друг от друга. По справедливому замечанию ведущих авторов по истории региона А.Ю. Петрова, митрополита Климента (Капалина), М.Г. Малахова, А.Н. Ермолаева и И.В. Савельева в статье «История и наследие Русской Америки», «Аляска до сих пор не была предметом специальных междисциплинарных исследований», а работу в плане комплексного изучения темы силами представителей разных наук необходимо продолжить и усилить [131].

Таким образом, современная отечественная историография Русской Америки 1990–2010-х гг. достигла существенных успехов. По сравнению с предшествующим периодом увеличилось количество научных публикаций, выросло их качество, о чем свидетельствует усиление источниковедческой базы исследований и высококачественный историографический анализ, содержащийся в них. Произошло расширение проблематики исследования за счет вовлечения российскими авторами в научный оборот неопубликованных документов, в том числе из зарубежных архивохранилищ, расширения географических рамок, организации новых научных форумов, усиления контактов с иностранными учеными путем личных встреч и через Интернет. Для облегчения работы в море научных публикаций перед отечественными учеными стоит задача создания базы данных по исследовательской литературе, посвященной истории обширного северного региона.

Назрела необходимость появления расширенного и дополненного с учетом последних достижений отечественной и мировой науки второго дополненного издания «Истории Русской Америки» и новых монографий по отдельным аспектам темы. В частности, могут быть существенно расширены историографический и источниковедческий разделы с учетом появления большого количества новых научных публикаций и включения всего комплекса материалов, которые были выявлены А.Ю. Петровым и его научной группой, дополнена тема «Православие в Русской Америке», которую развивают митрополит Клемент и ряд светских и церковных авторов. Необходимо продолжить комплексное изучение тематики «Сибирь, Дальний Восток, Азиатско-Тихоокеанский регион и Русская Америка», а также всесторонне раскрыть финансово-хозяйственную деятельность РАК и т.д. Следует включить в указанный процесс кроме известных, заслуженных центров, отмеченных в нашей статье, новые учебные и научно-исследовательские организации, в том числе ЯрГУ им. П.Г. Демидова, а также молодых ученых, совершенствующих навыки исследовательской работы в рамках специального проекта для молодых специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Международная научная конференция «Россия и Америка: диалог культур» (Ярославль, 2019). URL: http://hist.uniyar.ac.ru/events/mezhdunarodnaya-nauchnaya-konferentsiya-rossiya-i-amerika-dialog-kultur/ (дата обращения: 12.04.2020).
2. История Русской Америки, 1732–1867 / под общ. ред. Н.Н. Болховитинова. М. : Междунар. отношения, 1997–1999. Т. 1–3
3. Отечественная историко-цивилизационная матрица / под ред. Ю.Ю. Иерусалимского; Ярославский гос. ун-т. Ярославль, 2020.

4. Гринёв А.В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки (1741–1867 гг.). Новосибирск : Наука, 1991. 318 с.
5. Гринёв А.В. Российская колонизация Аляски: Её ход, характер и результаты : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2000. 39 с.
6. Grinëv A.V. The Tlingit Indians in the Period of Russian America, 1741–1867. Lincoln, NE: Nebraska University Press, 2005. 388 p.
7. Гринёв А.В. Аляска под крылом двуглавого орла (российская колонизация Нового Света в контексте отечественной и мировой истории). М. : Academia, 2016. 590 с.
8. Grinëv A.V. Russian Colonization of Alaska: Preconditions, Discovery and Initial Development, 1741–1799. Lincoln, NE : University of Nebraska Press, 2018. 328 p.
9. Ляпунова Р.Г. Этнокультурные контакты русских с алеутами и тихоокеанскими эскимосами в XVIII–XIX вв. // Америка после Колумба: взаимодействие двух миров. М., 1992. С. 73–85.
10. Корсун С.А. Вклад И.Е. Вениаминова в изучение этнографии тлинкитов (миссионерская и научная деятельность) // Научный вестник. Салехард: Департамент информации и соц.-полит. исслед. администрации ЯНАО, 2002. Вып. 9: Актуальные проблемы археологии и этнологии Ямала. С. 76–84.
11. Питерская Е.С. Межкультурное взаимодействие на территории Аляски в период российской колонизации. 1741–1867 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 245 с.
12. Воробьева Т.В. Калифорнийская историческая школа о расширении территории российского государства : дис. ... канд. ист. наук. Петропавловск-Камчатский, 2004. 201 с.
13. Воробьева Т.В. Теория «передовой подвижной границы» (‘frontier’) и народы Камчатки и Аляски // Вестник Камчатской региональной ассоциации «Учебно-научный центр». Гуманитарные науки. 2005. № 1. С. 72–78.
14. Воробьева Т.В. Русская Америка – территория двух фронтиров // «О Камчатке: ее пределах и состоянии…» : материалы XXIX Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2012. С. 53–57.
15. Воробьева Т.В. Кругосветные экспедиции как фактор изменения модели российской колонизации // Знание беспредельно : материалы XXXV Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2018. С. 47–51.
16. Петров А.Ю. Образование Российско-американской компании. М. : Наука, 2000. 225 с.
17. Петров А.Ю. Финансово-хозяйственная деятельность Российско-американской компании (1804–1820) // Американский ежегодник. М., 2003. № 2001. С. 114–137.
18. Петров А.Ю. Деятельность Российско-американской компании накануне продажи Аляски США. 1858–1867 гг. // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 31–50.
19. Петров А.Ю. Российско-американская компания: хозяйственная деятельность на отечественном и зарубежном рынках: 1799–1867 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. 478 с.
20. Ермолаев А.Н. Российско-американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке, 1799–1871 гг. Кемерово : ИНТ, 2013. 620 с.
21. Ермолаев А.Н. Российско-американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке, 1799–1871 гг. : дис. … д-ра ист. наук. Кемерово, 2013. 611 с.
22. Попов Р.И. Купечество Европейской России в освоении Восточной Сибири во второй половине XVIII – первой четверти XIX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2011. 28 с.
23. Попов Р.И. Русское купечество в освоении Восточной Сибири во второй половине XVIII – начале XIX века // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2018. Иркутск : Изд-во БГУ, 2018. С. 158–168.
24. Petrov A.Yu., Black D.L. Natalia Shelikhova. Russian Oligarch of Alaska Commerce. Fairbanks : University of Alaska Press, 2010. 237 p.
25. Петров А.Ю. Наталия Шелихова у истоков Русской Америки. М. : Весь мир, 2012. 318 с.
26. Климент (Капалин), митр. Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 г. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009. 608 с.
27. Капалин Г.М. (митр. Климент). Деятельность Русской Православной Церкви на Аляске в 1741–1867 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 2010. 305 с.
28. Климент (Капалин), митр. Православие на Аляске: ретроспектива развития в 1741–1917 гг. Тверь : Тверская Фабрика Печати, 2014. 429 с.
29. Климент (Капалин), митр. Русская Православная Церковь и освоение Тихоокеанского севера в XVIII–XIX вв. (по материалам Аляски) : дис. … д-ра ист. наук. М., 2014. 476 с.
30. Жуков Н.Н., Сахибгоряев В.Х. Визит Бога. Миссия РПЦ в тихоокеанском регионе: опыт историко-культурного исследования. Магадан : Ноосфера, 2010. 171 с.
31. Егорова Ю.С. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и Российско-американской компании в контексте колониальной политики Российской империи на Аляске (1793–1867 гг.) : дис. … канд. ист. наук. Ярославль, 2016.
32. Климент (Капалин), митр. К вопросу об участии священнослужителей во Второй Камчатской экспедиции // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2010. Вып. 2. С. 219–224.
33. Федорова Т.С. Участие духовенства во Второй Камчатской экспедиции // Федорова Т.С. Встречи с историей. Северная Пацифика глазами исследователя. Петропавловск-Камчатский, 2011. С. 214–223
34. Белоглазова С.Б. Из истории духовного образования на Дальнем Востоке и в Русской Америке в первой половине XIX в. // Четвертые Международные исторические и Свято-Иннокентьевские чтения «300 лет Православия на Камчатке». Петропавловск-Камчатский, 2006. С. 58–61.
35. Кобелев И., прот. Значение миссионерского служения Русской Православной Церкви в первоначальном освоении и духовном просвещении Камчатки и Северной Америки в XVIII – начале XIX столетия // Четвертые Международные исторические и Свято-Иннокентьевские чтения «300 лет Православия на Камчатке». Петропавловск-Камчатский, 2006. С. 25–29.
36. Белашов А.И. Первая Камчатская экспедиция; Вторая Камчатская экспедиция // Очерк истории Петропавловской и Камчатской епархии : в 3 кн. Петропавловск-Камчатский, 2003. Кн. I: XVIII в. Посев и всходы. С. 73–82; 99–114.
37. Белашов А.И. Роль Камчатских научных экспедиций под руководством В.Й. Беринга в становлении православия на полуострове // Ветер веков в парусах России : материалы XX Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2003. С. 9–13.
38. Гропянов Е.В. Иконы Второй Камчатской экспедиции // Четвертые Международные исторические и Свято-Иннокентьевские чтения «300 лет Православия на Камчатке». Петропавловск-Камчатский, 2006. С. 91–93.
39. Пшеничный И.П. Бот Святой Гавриил // Гангут. СПб. : Гангут, 1993. Вып. 6. С. 4–9; 1995. Вып. 8. С. 89–98.
40. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. : сб. док. / отв. сост. Т.С. Федорова. М. : Наука, 1984. 320 с.
41. Аров В.Н. Патриарх камчатского мореходства // Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки : ист.-краевед. сб. Петропавловск-Камчатский, 2000. Вып. 3. С. 4–30.
42. Федорова Т.С. Строительство пакетботов «Св. Петр» и «Св. Павел» // Пятые Международные исторические и Свято-Иннокентьевские чтения : к 270-летию выхода России к берегам Америки и начала освоения Тихого океана (1741–2011). Петропавловск-Камчатский, 2012. С. 203–210.
43. Федорова Т.С. Андрей Иванович Кузьмин – строитель пакетботов // Камчатка: события, люди : материалы XXV Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2008. С. 247–250.
44. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. 216. Оп. 1. Д. 1.
45. Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера. 1841–1867 гг. : сб. док. / сост. Т.С. Фёдорова, А.Ю. Петров, А.В. Гринёв; отв. ред. А.Ю. Петров. М. : Наука, 2010. 483 с.

46. Фёдорова Т.С. Встречи с историей. Северная Пацифика глазами исследователя : сб. ст. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2011. 312 с.
47. Журналы Первой Камчатской экспедиции о путешествии от Санкт-Петербурга до Камчатки и открытии Берингова пролива 1725–1730 : сб. док. СПб., 2012. 319 с.
48. Atavin G.A. Reconstructing the drawings building a model of the “St. Peter” // Science under sail: Russian Exploration in the North Pacific, 1728–1867. Cook Inlet historical symposium. Anchorage, AK, October 13–14, 2000.
49. Глебов А.М. Анализ ходкости и мореходности судов экспедиции В.И. Беринга и А.И. Чирикова (на основе архивных источников) // Морской вестник. 2003. № 4 (8). С. 58–62.
50. Глебов А.М. Российское военное парусное кораблестроение XVII–XIX веков. Опыт исторической реконструкции : автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 2017. 23 с.
51. Барканова Л.А. «Надежда» и «Нева» – корабли первой русской кругосветки // «Ветер веков в парусах России» : материалы XX Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2003. С. 5–8.
52. Гильдия судомоделистов Санкт-Петербурга. URL: http://forum.modelsworld.ru/topic4859.html (дата обращения: 10.04.2020).
53. Шлюп «Нева». URL: http://forum.modelsworld.ru/topic13130.html (дата обращения: 10.04.2020).
54. РГАВМФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 405.
55. РГАВМФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 407.
56. Гринёв А.В. Пароходы и пароходостроение в Русской Америке // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 1 (239). С. 109–116.
57. Гринёв А.В. Иностранные суда в составе Российско-американской компании (1799–1867 годы) // Новая и новейшая история. 2015. № 1. С. 219–230.
58. Гринёв А.В. Классификация кораблей Российско-американской компании (1799–1867 гг.) // Вопросы истории. 2015. № 4. С.108–121.
59. Гринёв А.В. Динамика корабельного состава флота Российско-Американской компании (1799–1867) // Вопросы истории естествознания и техники. 2016. Т. 36, № 2. С.312–324.
60. Гринёв А.В. Пароходы Российско-Американской компании // Эра пароходов. История парового судоходства и судостроения. СПб. : Аврора, 2017. С. 61–71.
61. Grinev A.V. The Dynamic of Ship Composition of the Fleet of the Russian-American Company (1799–1867) // Journal of the West. 2018. Vol. 57, № 2. P. 14–25.
62. Гринёв А.В. Российские адмиралы в Русской Америке // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Сер. Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 4 (136). С.160–172.
63. Гринёв А.В. Русская Америка и Российско-американская компания на страницах «Морского сборника» (1848–1867) // Русский Север в истории российско-американских отношений / гл. ред. В.Н. Плешков. Вологда : Древности Севера, 2011. С. 51–61.
64. Гринёв А.В. Русские военные моряки в Новом Свете // Военно-исторический журнал. 2011. № 2. С. 65–69.
65. Гринёв А.В. Кораблекрушения русских судов при открытии и освоении Аляски и Алеутских островов 1741–1867 // Американский ежегодник 2012 / отв. ред. В.В. Согрин. М. : Весь Мир, 2012. С. 246–267.
66. Гринёв А.В. Морские офицеры и великий князь Константин Николаевич в судьбе российских колоний в Америке // Константиновский дворцово-парковый ансамбль : исследования и материалы. СПб. : Филиал «Государственный комплекс “Дворец Конгрессов”», 2017. С. 114–134.
67. Гринёв А.В. Российский флот и освоение Аляски: военный фактор // Клио. 2017. № 6. С.116–133.
68. Гринёв А.В. Названия российских кораблей, ходивших к берегам Аляски и Алеутских островов (1728–1867) // Вестник СПбГУДТ. 2018. № 4. С. 163–170.
69. Гринёв А.В. Туземцы и креолы Аляски на морской службе в период Русской Америки // Слияние двух миров: история, мобильность, статус жителей Нового Света до и после Колумба. СПб. : МАЭ РАН, 2018. С. 23–24.
70. Grinëv A. Foreign Ships along the Shores of Russian America // Alaska History. 2017. Vol. 32, № 2. P. 29–51.
71. Grinëv A. S.O. Makarov’s Diary from his visit to Russian America in 1864 // The Mariner's Mirror. 2017. Vol. 103, № 3. P. 323–336.
72. Grinëv A. Finnish Ships in Russian America // Sibirica. 2018. Vol. 17, № 2. P. 1–12.
73. Grinëv A. The Russian Navy and the Development of Alaska: the Military Dimension // Journal of Slavic Military Studies. 2018. Vol. 31, № 2. P. 272–301.
74. Климовский С.Д. Флот и судостроение Российско-Американской компании // Судостроение. 2011. № 4. С. 62–67.
75. Климовский С.Д. Адмиралтейство в Ново-Архангельске // Судостроение. 2011. № 5. С. 67–69.
76. Гаврилов С.В. Несколько этапов развития портового хозяйства Петропавловска (XVIII – середина XX вв.) // «Ветер веков в парусах России» : материалы XX Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2003 С. 36–44.
77. Федорова Т.С. Документы Российского государственного архива Военно-Морского флота об исследовании и освоении новых земель в Тихом океане в XVIII в. // Верные долгу и Отечеству : материалы XXVII Крашенниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2010. С. 207–212.
78. Федорова Т.С. «Кто виноват и надобно учинить наказание, те все бегают к нему, Берингу, как прежде бегивали на Дон и в Запорожье» // «О Камчатке: её пределах и состоянии...» : материалы XXIX Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2012. С. 258–261.
79. Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. : историко-археологические исследования / ред. А.Р. Артемьев, Н.Г. Артемьева. Владивосток, 1994–2007. Т. 1–5.
80. Королюк В.П. Новоархангельская (Ситхинская) мореходная школа РАК в записках очевидцев и современных исследованиях // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. : историко-археологические исследования / отв. ред. А.Р. Артемьев, Н.Г. Артемьева. Владивосток : Дальнаука, 2007. Т. 5, ч. 2. С. 28–41.
81. Морской биографический справочник Дальнего Востока России и Русской Америки, XVII – начало XX вв. / сост. Б.Н. Болгурцев. Владивосток : Уссури, 1998. 232 с.
82. Болгурцев Б.Н., Корякин В.И. Русская Америка: гидрографические исследования : (к 200-летию основания Российско-Американской компании и 300-летию Санкт-Петербурга). СПб., 2002. 398 с.
83. Гаврилов С.В. Три века Петропавловского порта. Развитие портового хозяйства г. Петропавловска-Камчатского в XVIII–XX вв. (1740–1980 гг.). Петропавловск-Камчатский : Камчатский печатный двор, 2004. 472 с.
84. Гаврилов С.В. Камчатское наследие : исторические очерки. Петропавловск-Камчатский : Камчатский печатный двор, 2006. 311 с.
85. Шопотов К.А. Великий русский мореплаватель Алексей Чириков. СПб. : ГеоГраф, 2005. 160 с.
86. Шопотов К.А. Берингов крест. СПб. : ГеоГраф, 2016. 66 с.
87. Чернавская В.Н. Главный правитель Русской Америки М.Д. Тебеньков (1845–1850): к 200-летию со дня рождения // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. : мсторико-археологические исследования. Владивосток, 2003. Т. 4. С. 181–198.
88. Чернавская В.Н. Участник Второй Камчатской экспедиции Беринга (к 300-летию со дня рождения Г.В. Стеллера (Штеллера) // Россия и АТР. 2009. № 2. С. 86–92.
89. Белоглазова С.Б. У истоков русского флота в Америке (Джеймс Дж. Шилдз) // Забытые имена : история Дальнего Востока в лицах. Владивосток : Дальнаука, 2001. Вып. 2. С. 119–124.

90. Белоглазова С.Б. Мореходы Русской Америки: Я.Е. Шильц // Дальний Восток России: исторический опыт и пути развития региона : (Первые Крушановские чтения, 1998 г.). Владивосток : Дальнаука, 2001. С. 15–18.
91. Семёнов А.И. Корабли Охотской флотилии (1731–1856 гг.) // Колымский гуманитарный альманах. Магадан, 2007. Вып.2. С. 230–241.
92. Семёнов А.И. Гавань Святого Гавриила // Во тьму филологий влазьте... : сб. науч. ст. Магадан, 2009. С. 29–39.
93. Семёнов А.И. Названия кораблей Охотской флотилии, образованные от имен святых // Духовно-нравственное воспитание в региональном культурно-образовательном пространстве : сб. докл. IX Рождественских образовательных чтений. Магадан, 2009. С. 265–269.
94. Семёнов А.И. Из истории названий кораблей Охотской флотилии (имена этнонимического происхождения) // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2011. Вып. 15. С. 162–164.
95. Кравчук С.А., Макаренко А.И. Защита интересов России в Тихоокеанском пограничном пространстве в XVIII – начале XIX вв. // Власть и управление на Востоке России. 2008. № 2 (43). С. 91–97.
96. Волынчук А.Б., Шведов В.Г. Геополитические аспекты освоения русскими людьми Северной Америки. Территория новых возможностей // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2011. № 1 (10). С. 140–151.
97. Волынчук А.Б., Шведов В.Г. Русская Америка: опыт геополитического освоения // Евразийский журнал региональных и политических исследований. 2011. № 14 (229). С. 25–31.
98. Артемьев А.Р. Состояние укреплений и гарнизона Ново-Архангельска по данным неопубликованной части отчёта капитан лейтенанта П.Н. Головина (20 октября 1861 г.) // Русская Америка и Дальний Восток (конец XVIII в. – 1867 г.): к 200-летию образования Российско-Американской компании : материалы международной конференции. Владивосток, 2001. С. 136–154.
99. Гринёв А.В. Российский флот и освоение Аляски: военный фактор // Клио. 2017. № 6. С. 116–133.
100. Grinëv A. The External Threat to Russian America: Myth and Reality // The Journal of Slavic Military Studies. 2017. Vol. 30, № 2. P. 266–289.
101. Grinëv A. The Russian Navy and the Development of Alaska: The Military Dimension // The Journal of Slavic Military Studies. 2018. Vol. 31, № 2. P. 272–301.
102. Ермолаев А.Н. Сибирские линейные батальоны на службе в Русской Америке // Сибирь и Русская Америка : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2012. С. 46–51.
103. Артемьев А.Р. Восстание индейцев-тлинкитов против Российско-Американской компании в 1802 г.: хронология событий и причины конфликта // Историко-культурные связи между коренным населением Тихоокеанского побережья Северо-Западной Америки и Северо-Восточной Азии : материалы конф. Владивосток, 1998. С. 82–85.
104. Артемьев А.Р. Восстание индейцев в 1802 г. в истории Русской Америки // Вопросы истории. 1999. № 3. С. 140–145.
105. Артемьев А.Р. Проблемы взаимоотношений русских и алеутов с индейцами-тлинкитами в Русской Америке // Диалог культур народов России, Сибири и стран Востока. Иркутск, 1998. Кн. 1. С. 95–99.
106. Зорин А.В. Битва за Ситку. 1802–1804: эпизод из истории Русской Америки. М. : Русские витязи, 2016. 112 с.
107. Зорин А.В. Индейская война в Русской Америке: русско-тлинкитское противоборство (1741–1821). М. : Квадрига, 2017. 360 с.
108. Зорин А.В., Багрин Е.А. Вооружение русских первопроходцев Северной Америки // История оружия : альманах. 2014. № 10. С. 341–370.
109. Россия в Калифорнии: русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях, 1803–1850 : в 2 т. / сост. А.А. Истомин, Дж.Р. Гибсон, В.А. Тишков. М., 2005. Т. 1; 2012. Т. 2.
110. Петров А.Ю., Ермолаев А.Н., Корсун С.А., Савельев И.В. 200 лет российскому поселению-крепости на Американском Континенте // Вестник Российской академии наук. 2012. Т. 82, № 10. С. 954–958.
111. Петров А.Ю., Капалин Г.М., Ермолаев А.Н. О продаже русской колонии Форт-Росс в Калифорнии // Вопросы истории. 2013. № 1. С. 3–18.
112. Петров А.Ю. Российско-американская компания: деятельность на отечественном и зарубежном рынках (1799–1867). М., 2006. 316 с.
113. Савельев И.В. Государственное регулирование процесса освоения Русской Америки в середине – второй половине XVIII века // XIII Ломоносовские чтения. Архангельск : Поморский госуниверситет, 2001. С. 130–136.
114. Савельев И.В. Регулирование нормами колониального права пушного промысла в Русской Америке // Правовые аспекты обеспечения экологической безопасности Севера. Архангельск : Поморский госуниверситет, 2004. С. 193–197.
115. Савельев И.В. Структура купеческих промысловых компаний в Русской Америке во второй половине XVIII века и правовое оформление их деятельности // Актуальные проблемы правовой науки. Архангельск : Поморский госуниверситет, 2003. Вып. 3. С. 54–62.
116. Савельев И.В. Правовое положение туземного населения в Русской Америке // Актуальные проблемы правовой науки. Архангельск : Поморский госуниверситет, 2006. Вып. 4. С. 77–84.
117. Савельев И.В. Промысловое освоение Русской Америки во второй половине XVIII века. Архангельск : Поморский госуниверситет, 2006. 191 с.
118. Гринёв А.В. Специфика товарообмена русских с туземцами Аляски в 1741–1867 гг. // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 66–98.
119. Ермолаев А.Н. Морская торговля Российско-американской компании с Китаем в 1848–1863 гг. // Вестник Дальневосточного отделения Российской Академии наук. 2011. № 1. С. 22–27.
120. Ермолаев А.Н. Кяхтинская торговля Российско-американской компании в 1840–1860-х годах // Русская Америка и Восточная Сибирь. Иркутск : Репроцентр 1, 2011. С. 63–100.
121. Готовцева А.Г. Российско-американская компания в планах декабристов: к биографии К.Ф. Рылеева // Россия XXI. 2009. № 2. С. 158–193.
122. Гринёв А.В. Русская Америка: парадоксы отечественной историографии // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. : историко-археологические исследования / отв. ред. А.Р. Артемьев, Н.Г. Артемьева. Владивосток : Дальнаука, 2007. Т. 5, ч. 2. С. 134–144.
123. Петров А.Ю., Воробьева Т.В. Теория российско-американского фронтира в оценках отечественных и зарубежных исследователей // Клио. 2014. № 3. С. 3–14.
124. Белоглазова С.Б., Чернавская В.Н. Историко-культурные контакты в Русской Америке 1732–1867 гг. в освещении отечественной историографии 60–90-х годов XX в. // Вопросы истории Дальнего Востока России дооктябрьского периода в историографии и источниковедении. Владивосток : ДВО РАН, 2002. Вып. 2. С. 18–34.
125. Чернавская В.Н. Россия на Тихом океане. XVIII – первая половина XIX века : историко-историографические очерки / науч. ред. А.Р. Артемьев. Владивосток : Дальнаука, 2006. 256 с.
126. Вторая Камчатская экспедиция: документы 1730–1733. Морские отряды / сост. Н. Охотина-Линд, П.У. Мёллер. М. : Памятники исторической мысли, 2001. 638 с.
127. Вторая Камчатская экспедиция: документы 1734–1736. Морские отряды / сост. Н. Охотина-Линд, П.У. Мёллер. СПб. : Нестор-История, 2009. 934 с.
128. Вторая Камчатская экспедиция: документы 1737–1738. Морские отряды / сост. Н. Охотина-Линд, П.У. Мёллер. СПб. : Нестор-История, 2013. 944 с.
129. Вторая Камчатская экспедиция: документы 1739–1740. Морские отряды / сост. Н. Охотина-Линд, П.У. Мёллер. СПб. : Нестор-История, 2015. 968 с.
130. Вторая Камчатская экспедиция: документы 1741–1742. Морские отряды / сост. Н. Охотина-Линд, П.У. Мёллер. СПб. : Нестор-История, 2018. 872 с.
131. Петров А.Ю., Климент (Капалин), митр., Малахов М.Г., Ермолаев А.Н., Савельев И.В. История и наследие Русской Америки // Вестник Российской академии наук. 2011. № 12. С. 1090–1099.

Yury Yu. Ierusalimskiy, P.G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru
Vyacheslav V. Davydov, P.G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: v.davydov@uniyar.ac.ru
Maria M. Koskina, P.G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: maria14678@yandex.ru

TOPICAL PROBLEMS OF STUDYING RUSSIAN AMERICA IN MODERN RUSSIAN HISTORICAL LITERATURE

Keywords: Russian America, historiography, modern research, historical literature.

The article is devoted to the researching modern Russian historiography on problems associated with variated fields of activities of Russian-American Company in 18th-19th centuries. The authors highlighted the changes that have taken place in the development of the topic, summed up the results of the study of topical problems in this area. The main directions of the study were systematized, leading specialists and spheres of their scientific interests were noted. During the modern period of study of Russian America there were changes in the methodology of historical research, in the structural and organizational component of the topic, the problem of research expanded. There has been an expansion of the range of issues studied, and domestic researchers have moved to study a number of highly specialized areas. The Russian historiography was supplemented by historical and ethnographic works on the history of Russian America and works on missionary activities of the Russian Orthodox Church in the region. Scientists analyzed the problems of cultural development of the peoples of Alaska during the period of Russian colonization. Problems of functioning of RAC, missionary activity in the Pacific region, trade development of the region by Russian merchants are studied. Issues related to the cultural heritage of Russian America, relations between the Russian Orthodox Church and RAC, activities of N.A. Shelikhova are being worked out. Attention is paid to the problems of the region's economy. A separate area of research is the financial and economic activities of RAC. One relatively new topic relates to the study of shipbuilding and seaworthing in the North Pacific. There is an interest in the ships of Russian expeditions, in the issues of their reconstruction. In historiography, the shipbuilding and maritime components of the RAC activity are actively covered, and interest in the vessels of the Okhotskaya flotilla is stable. Domestic historical science records an increase in interest in military history, including the history of Russian America. The military aspect of Russia's actions in the region, the history of Russian-Tlinkite armed conflicts, the topic of Russia's military presence in North America are studied. The contribution of researchers to the preparation of documentary collections on Russian expeditions in the Pacific Ocean is noted. In the 1990s-2010s numerous conferences were held, which show the expansion of the geography of research. The article analyses the materials published on the basis of the results of their work. According of the results of work, in modern Russian historical science is fixing growth of scientific publications number, covering a set of problems associated with Russian's activities at North Pacific and Alaska. In 21th century was expanded the source base of research and historiographic analysis, volume of scientific literature used in studying, widening of the topics and issues of research spectrum.

REFERENCES

1. Yaroslavl State University. (2019) *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya "Rossiya i Amerika: dialog kul'tur" (Yaroslavl', 2019)* [International Conference "Russia and America: Dialogue of Cultures" (Yaroslavl, 2019)]. [Online] Available from: http://hist.uniyar.ac.ru/events/ mezhdunarodnaya-nauchnaya-konferentsiya-rossiya-i-amerika-dialog-kultur/ (Accessed: 12th April 2020).
2. Bolkhovitinov, N.N. (ed.) (1997–1999) *Istoriya Russkoy Ameriki, 1732–1867* [History of Russian America, 1732–1867]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
3. Ierusalimsky, Yu.Yu. (ed.) (2020) *Otechestvennaya istoriko-tsivilizatsionnaya matritsa* [Russian historical and civilization matrix]. Yaroslavl: Yaroslavl State University.
4. Grinev, A.V. (1991) *Indeytsy tlinkity v period Russkoy Ameriki (1741–1867 gg.)* [The Tlingit Indians during the period of Russian America (1741–1867)]. Novosibirsk: Nauka.
5. Grinev, A.V. (2000) *Rossiyskaya kolonizatsiya Alyaski: Ee khod, kharakter i rezul'taty* [Russian colonization of Alaska: Its course, character and results]. Abstract of History Dr. Diss. St. Petersburg.
6. Grinev, A.V. (2005) *The Tlingit Indians in the Period of Russian America, 1741–1867*. Lincoln, NE: Nebraska University Press.
7. Grinev, A.V. (2016) *Alyaska pod krylom dvuglavogo orla (rossiyskaya kolonizatsiya Novogo Sveta v kontekste otechestvennoy i mirovoy istorii)* [Alaska under the wing of a double-headed eagle (Russian colonization of the New World in the context of Russian and world history)]. Moscow: Academia.
8. Grinev, A.V. (2018) *Russian Colonization of Alaska: Preconditions, Discovery and Initial Development, 1741–1799*. Lincoln, NE: University of Nebraska Press.
9. Lyapunova, R.G. (1992) Etnokul'turnye kontakty russkikh s aleutami i tikhookeanskimi eskimosami v XVIII–XIX vv. [Ethnocultural contacts between Russians, Aleuts and Pacific Eskimos in the 18th – 19th centuries]. In: Tishkov, V.A. (ed.) *Amerika posle Kolumba: vzaimodeystvie dvukh mirov* [America after Columbus: the interaction of two worlds]. Moscow: Nauka. pp. 73–85.
10. Korsun, S.A. (2002) Vklad I.E. Veniaminova v izuchenie etnografii tlinkitov (missionerskaya i nauchnaya deyatel'nost') [I.E. Veniaminov's contribution to the study of Tlingit ethnography (missionary and scientific activity)]. *Nauchnyy vestnik*. 9. pp. 76–84.
11. Piterskaya, E.S. (2007) *Mezhkul'turnoe vzaimodeystvie na territorii Alyaski v period rossiyskoy kolonizatsii. 1741–1867 gg.* [Intercultural interaction in Alaska during Russian colonization. 1741–1867]. History Cand. Diss. Moscow.
12. Vorobieva, T.V. (2004) *Kaliforniyskaya istoricheskaya shkola o rasshirenii territorii rossiyskogo gosudarstva* [California Historical School on the Russian State Expansion]. History Cand. Diss. Petropavlovsk-Kamchatskiy.
13. Vorobieva, T.V. (2005) Teoriya "peredovoy podvizhnoy granitsy" ('frontier') i narody Kamchatki i Alyaski [The theory of the 'frontier' and the peoples of Kamchatka and Alaska]. *Vestnik Kamchatskoy regional'noy assotsiatsii "Uchebno-nauchnyy tsentr". Gumanitarnye nauki*. 1. pp. 72–78.
14. Vorobieva, T.V. (2012) Russkaya Amerika – territoriya dvukh frontirov [Russian America – the territory of two frontiers]. In: Ivanova, B.S. (ed.) *O Kamchatke: ee predelakh i sostoyanii…* [About Kamchatka: its borders and state . . .]. Petropavlovsk-Kamchatskiy: KKNB im. S.P. Krasheninnikova. pp. 53–57.
15. Vorobieva, T.V. (2018) Krugosvetnye ekspeditsii kak faktor izmeneniya modeli rossiyskoy kolonizatsii [Round-the-world expeditions as a factor in Russian colonization changing model]. In: Dikova, T.A. (ed.) *Znanie bespredel'no* [Knowledge is unlimited]. Petropavlovsk-Kamchatskiy: KKNB im. S.P. Krasheninnikova. pp. 47–51.
16. Petrov, A.Yu. (2000) *Obrazovanie Rossiysko-amerikanskoy kompanii* [The Formation of the Russian-American Company]. Moscow: Nauka.
17. Petrov, A.Yu. (2003) Finansovo-khozyaystvennaya deyatel'nost' Rossiysko-amerikanskoy kompanii (1804–1820) [Financial and economic activity of the Russian-American Company (1804–1820)]. *Amerikanskiy ezhegodnik*. 2001. pp. 114–137.
18. Petrov, A.Yu. (2006) Deyatel'nost' Rossiysko-amerikanskoy kompanii nakanune prodazhi Alyaski SShA. 1858–1867 gg. [Activities of the Russian-American Company on the eve of the Alaska sale to the United States. 1858–1867]. *Voprosy istorii – Issues of History*. 2. pp. 31–50.
19. Petrov, A.Yu. (2006) *Rossiysko-amerikanskaya kompaniya: khozyaystvennaya deyatel'nost' na otechestvennom i zarubezhnom rynkakh: 1799–1867 gg.* [Russian-American company: economic activity in domestic and foreign markets: 1799–1867]. History Dr. Diss. Moscow.

20. Ermolaev, A.N. (2013) *Rossiysko-amerikanskaya kompaniya v Sibiri i na Dal'nem Vostoke, 1799–1871 gg.* [Russian-American company in Siberia and the Far East, 1799–1871]. Kemerovo: INT.
21. Ermolaev, A.N. (2013) *Rossiysko-amerikanskaya kompaniya v Sibiri i na Dal'nem Vostoke, 1799–1871 gg.* [Russian-American company in Siberia and the Far East, 1799–1871]. History Dr. Diss. Kemerovo.
22. Popov, R.I. (2011) *Kupechestvo Evropeyskoy Rossii v osvoenii Vostochnoy Sibiri vo vtoroy polovine XVIII – pervoy chetverti XIX vv.* [Merchants of European Russia in the development of Eastern Siberia in the second half of the 18th – the first quarter of the 19th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Yaroslavl.
23. Popov, R.I. (2018) Russkoe kupechestvo v osvoenii Vostochnoy Sibiri vo vtoroy polovine XVIII – nachale XIX veka [Russian merchants in the development of Eastern Siberia in the second half of the 18th - early 19th centuries]. In: *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy ezhegodnik* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook]. Irkutsk: BSU. pp. 158–168.
24. Petrov, A.Yu. & Black, D.L. (2010) *Natalia Shelikhova. Russian Oligarch of Alaska Commerce*. Fairbanks: University of Alaska Press.
25. Petrov, A.Yu. (2012) *Nataliya Shelikhova u istokov Russkoy Ameriki* [Natalia Shelihova at the origins of Russian America]. Moscow: Ves' mir.
26. Kapalin, G.M. (2009) *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' na Alyaske do 1917 g.* [Russian Orthodox Church in Alaska until 1917]. Moscow: OLMA Media Grupp.
27. Kapalin, G.M. (2010) *Deyatel'nost' Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi na Alyaske v 1741–1867 gg.* [Activity of the Russian Orthodox Church in Alaska in 1741–1867]. History Cand. Diss. Moscow.
28. Kapalin, G.M. (2014) *Pravoslavie na Alyaske: retrospektiva razvitiya v 1741–1917 gg.* [Orthodoxy in Alaska: a retrospective of development in 1741–1917]. Tver: Tverskaya Fabrika Pechati.
29. Kapalin, G.M. (2014) *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i osvoenie Tikhookeanskogo severa v XVIII–XIX vv. (po materialam Alyaski)* [Russian Orthodox Church and development of the Pacific North in the 18th–19th centuries (Alaska case study)]. History Dr. Diss. Moscow.
30. Zhukov, N.N. & Sakhibgoryaev, V.Kh. (2010) *Vizit Boga. Missiya RPTs v tikhookeanskom regione: opyt istoriko-kul'turnogo issledovaniya* [Visit of God. Mission of the Russian Orthodox Church in the Pacific region: the experience of historical and cultural research]. Magadan: Noosfera.
31. Egorova, Yu.S. (2016) *Vzaimootnosheniya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi i Rossiysko-amerikanskoy kompanii v kontekste kolonial'noy politiki Rossiyskoy imperii na Alyaske (1793–1867 gg.)* [The relationship between the Russian Orthodox Church and the Russian-American Company in the context of the colonial policy of the Russian Empire in Alaska (1793–1867)]. History Cand. Diss. Yaroslavl.
32. Kapalin, G.M. (2010) K voprosu ob uchastii svyashchennosluzhiteley vo Vtoroy Kamchatskoy ekspeditsii [On the participation of clergy in the Second Kamchatka Expedition]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*. 2. pp. 219–224.
33. Fedorova, T.S. (2011) *Vstrechi s istoriey. Severnaya Patsifika glazami issledovatelya* [Encounters with history. North Pacific through the eyes of an explorer]. Petropavlovsk-Kamchatskiy: Kamchatpress. pp. 214–223
34. Beloglazova, S.B. (2006) Iz istorii dukhovnogo obrazovaniya na Dal'nem Vostoke i v Russkoy Amerike v pervoy polovine XIX v. [From the history of spiritual education in the Far East and in Russian America in the first half of the 19th century]. In: Beloglazova, S.B. et al. *Chetvertye Mezhdunarodnye istoricheskie i Svyato-Innokent'evskie chteniya "300 let Pravoslaviya na Kamchatke"* [Fourth International Historical and St. Innocent Readings "300 Years of Orthodoxy in Kamchatka"]. Petropavlovsk-Kamchatskiy: [s.n.]. pp. 58–61.
35. Kobelev, I. (2006) Znachenie missionerskogo sluzheniya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v pervonachal'nom osvoenii i dukhovnom prosveshchenii Kamchatki i Severnoy Ameriki v XVIII – nachale XIX stoletiya [The value of the Russian Orthodox Church missionary service in the initial development and spiritual enlightenment of Kamchatka and North America in the 18th – early 19th centuries]. In: Beloglazova, S.B. et al. *Chetvertye Mezhdunarodnye istoricheskie i Svyato-Innokent'evskie chteniya "300 let Pravoslaviya na Kamchatke"* [Fourth International Historical and St. Innocent Readings "300 Years of Orthodoxy in Kamchatka"]. Petropavlovsk-Kamchatskiy: [s.n.]. pp. 25–29.
36. Belashov, A.I. (2003) *Ocherk istorii Petropavlovskoy i Kamchatskoy eparkhii* [Essay on the History of the Petropavlovsk and Kamchatka Dioceses]. Vol. 1. Petropavlovsk-Kamchatskiy: Kamchatpress; Skrizhali Kamchatki. pp. 73–82; 99–114.
37. Belashov, A.I. (2003) Rol' Kamchatskikh nauchnykh ekspeditsiy pod rukovodstvom V.Y. Beringa v stanovlenii pravoslaviya na poluostrove [The role of Kamchatka scientific expeditions led by V.J. Bering in the establishment of Orthodoxy on the peninsula]. In: Yarotsky, G.P. (ed.) *Veter vekov v parusakh Rossii* [The Wind of Centuries in Russian Sails]. Petropavlovsk-Kamchatskiy: [s.n.]. pp. 9–13.
38. Gropyanov, E.V. (2006) Ikony Vtoroy Kamchatskoy ekspeditsii [Icons of the Second Kamchatka Expedition]. In: Beloglazova, S.B. et al. *Chetvertye Mezhdunarodnye istoricheskie i Svyato-Innokent'evskie chteniya "300 let Pravoslaviya na Kamchatke"* [Fourth International Historical and St. Innocent Readings "300 Years of Orthodoxy in Kamchatka"]. Petropavlovsk-Kamchatskiy: [s.n.]. pp. 91–93.
39. Pshenichnyy, I.P. (1993) Bot Svyatoy Gavriil [Saint Gabriel Boat]. In: *Gangut* [Gangut]. Issue 6. St. Petersburg: Gangut. pp. 4–9.
40. Fedorova, T.S. (1984) *Russkie ekspeditsii po izucheniyu severnoy chasti Tikhogo okeana v pervoy polovine XVIII v.* [Russian expeditions to study the North Pacific in the first half of the 18th century]. Moscow: Nauka.
41. Arov, V.N. (2000) Patriarkh kamchatskogo morekhodstva [Patriarch of Kamchatka seafaring]. In: Gavrilov, S.V. (ed.) *Voprosy istorii rybnoy promyshlennosti Kamchatki* [The History of the Kamchatka Fishing Industry]. Vol. 3. Petropavlovsk-Kamchatskiy: KSTU. pp. 4–30.
42. Fedorova, T.S. (2012) Stroitel'stvo paketbotov "Sv. Petr" i "Sv. Pavel" [Construction of St. Peter and St. Paul packet-boats]. In: Fedorova, T.S. et al. *Pyatye Mezhdunarodnye istoricheskie i Svyato-Innokent'evskie chteniya: k 270-letiyu vykhoda Rossii k beregam Ameriki i nachala osvoeniya Tikhogo okeana (1741–2011)* [The Fifth International Historical and St. Innocent Readings: on the 270th anniversary of Russia's access to the American shores and the beginning of the Pacific Ocean development (1741–2011)]. Petropavlovsk-Kamchatskiy: [s.n.]. pp. 203–210.
43. Fedorova, T.S. (2008) Andrey Ivanovich Kuz'min – stroitel' paketbotov [Andrey Ivanovich Kuzmin - the builder of packet boats]. In: Viter, I.V. (ed.) *Kamchatka: sobytiya, lyudi* [Kamchatka: events, people]. Petropavlovsk-Kamchatskiy: KTRL. pp. 247–250.
44. The Russian State Archives of the Navy (RGAVMF). Fund 216. List 1. File 1.
45. Petrov, A.Yu. (ed.) (2010) *Rossiysko-amerikanskaya kompaniya i izuchenie Tikhookeanskogo Severa. 1841–1867 gg.* [Russian-American company and study of the Pacific North. 1841–1867]. Moscow: Nauka.
46. Fedorova, T.S. (2011) *Vstrechi s istoriey. Severnaya Patsifika glazami issledovatelya* [Encounters with history. North Pacific through the eyes of a researcher]. Petropavlovsk-Kamchatskiy: Kamchatpress.
47. Chaplin, P. et al. (2012) *Zhurnaly Pervoy Kamchatskoy ekspeditsii o puteshestvii ot Sankt-Peterburga do Kamchatki i otkrytii Beringova proliva 1725–1730* [Journals of the First Kamchatka Expedition about the journey from St. Petersburg to Kamchatka and the discovery of the Bering Strait 1725–1730]. St. Petersburg: Lyubavich.
48. Atavin, G.A. (2000) Reconstructing the drawings building a model of the "St. Peter". *Science under Sail: Russian Exploration in the North Pacific, 1728–1867*. Cook Inlet historical symposium. Anchorage, AK, October 13–14, 2000.
49. Glebov, A.M. (2003) Analiz khodkosti i morekhodnosti sudov ekspeditsii V.I. Beringa i A.I. Chirikova (na osnove arkhivnykh istochnikov) [Analysis of the propulsion and seaworthiness of the vessels in the V.I. Bering and A.I. Chirikov expedition (based on archival sources)]. *Morskoy vestnik*. 4(8). pp. 58–62.
50. Glebov, A.M. (2017) *Rossiyskoe voennoe parusnoe korablestroenie XVII–XIX vekov. Opyt istoricheskoy rekonstruktsii* [Russian military sailing shipbuilding of XVII–XIX centuries. Experience of historical reconstruction]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
51. Barkanova, L.A. (2003) "Nadezhda" i "Neva" – korabli pervoy russkoy krugosvetki ["Hope" and "Neva" – ships of the first Russian circumnavigation]. In: Yarotsky, G.P. (ed.) *Veter vekov v parusakh Rossii* [The Wind of Centuries in Russian Sails]. Petropavlovsk-Kamchatskiy: [s.n.]. pp. 5–8.
52. *Guild of Ship Modelers of St. Petersburg*. (n.d.) Offocial website. [Online] Available from: http://forum.modelsworld.ru/topic4859.html (Accessed: 10th April 2020).

53. Guild of Ship Modelers of St. Petersburg. (n.d.) *Shlyup "Neva"* [Sloop "Neva"]. [Online] Available from: http://forum.modelsworld.ru/topic13130.html (Accessed: 10th April 2020).
54. The Russian State Archives of the Navy (RGAVMF). Fund 327. List 2. File 405.
55. The Russian State Archives of the Navy (RGAVMF). Fund 327. List 2. File 407.
56. Grinev, A.V. (2016) Steamships and steamship construction in Russian America. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 1(239). pp. 109–116. (In Russian). DOI: 10.5862/JHSS.239.14
57. Grinev, A.V. (2015) Inostrannye suda v sostave Rossiysko-amerikanskoy kompanii (1799–1867 gody) [Foreign ships as part of the Russian-American company (1799–1867)]. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Contemporary History*. 1. pp. 219–230.
58. Grinev, A.V. (2015) Klassifikatsiya korabley Rossiysko-amerikanskoy kompanii (1799–1867 gg.) [Classification of ships of the Russian-American company (1799–1867)]. *Voprosy istorii – Issues of History*. 4. pp. 108–121.
59. Grinev, A.V. (2016) Dinamika korabel'nogo sostava flota Rossiysko-Amerikanskoy kompanii (1799–1867) [Dynamics of the ship composition of the Russian-American company fleet (1799–1867)]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki – Studies in the History of Science and Technology*. 36(2). pp. 312–324.
60. Grinev, A.V. (2017) Parokhody Rossiysko-Amerikanskoy kompanii [Steamships of the Russian-American Company]. In: Filin, P. & Evelina, M. (eds) *Era parokhodov. Istoriya parovogo sudokhodstva i sudostroeniya* [The Era of Steamships. History of Steam Navigation and Shipbuilding]. St. Petersburg: Avrora. pp. 61–71.
61. Grinev, A.V. (2018) The Dynamic of Ship Composition of the Fleet of the Russian-American Company (1799–1867). *Journal of the West*. 57(2). pp. 14–25.
62. Grinev, A.V. (2011a) Russian admirals in Russian America. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Ser. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 4(136). pp. 160–172. (In Russian).
63. Grinev, A.V. (2011b) Russkaya Amerika i Rossiysko-amerikanskaya kompaniya na stranitsakh "Morskogo sbornika" (1848–1867) [Russian America and the Russian-American company on the pages of the Marine Collection (1848-1867)]. In: Pleshkov, V.N. (ed.) *Russkiy Sever v istorii rossiysko-amerikanskikh otnosheniy* [Russian North in the history of Russian-American relations]. Vologda: Drevnosti Severa. pp. 51–61.
64. Grinev, A.V. (2011c) Russkie voennye moryaki v Novom Svete [Russian military sailors in the New World]. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*. 2. pp. 65–69.
65. Grinev, A.V. (2012) Korablekrusheniya russkikh sudov pri otkrytii i osvoenii Alyaski i Aleutskikh ostrovov 1741–1867 [Shipwrecks of Russian ships during the discovery and development of Alaska and the Aleutian Islands 1741–1867]. In: Sogrin, V.V. (ed.) *Amerikanskiy ezhegodnik 2012* [American Yearbook 2012]. Moscow: Ves' Mir. pp. 246–267.
66. Grinev, A.V. (2017a) Morskie ofitsery i velikiy knyaz' Konstantin Nikolaevich v sud'be rossiyskikh koloniy v Amerike [Naval officers and the Grand Duke Konstantin Nikolaevich in the fate of the Russian colonies in America]. In: Gerkusha, O.M. (ed.) *Konstantinovskiy dvortsovo-parkovyy ansambl': issledovaniya i materialy* [The Konstantinovsky Palace and Park Ensemble: Research and Materials]. St. Petersburg: Gosudarstvennyy kompleks "Dvorets Kongressov". pp. 114–134.
67. Grinev, A.V. (2017b) Rossiyskiy flot i osvoenie Alyaski: voennyy faktor [The Russian fleet and the development of Alaska: the military factor]. *Klio*. 6. pp. 116–133.
68. Grinev, A.V. (2018) Nazvaniya rossiyskikh korabley, khodivshikh k beregam Alyaski i Aleutskikh ostrovov (1728–1867) [The names of Russian ships that sailed to the shores of Alaska and the Aleutian Islands (1728-1867)]. *Vestnik SPbGUDT*. 4. pp. 163–170.
69. Grinev, A.V. (2018a) Tuzemtsy i kreoly Alyaski na morskoy sluzhbe v period Russkoy Ameriki [Natives and Creoles of Alaska in naval service during the period of Russian America]. In: *Sliyanie dvukh mirov: istoriya, mobil'nost', status zhiteley Novogo Sveta do i posle Kolumba* [Merging of two worlds: history, mobility, status of the New World inhabitants before and after Columbus]. St. Petersburg: RAS. pp. 23–24.
70. Grinev, A. (2017c) Foreign Ships along the Shores of Russian America. *Alaska History*. 32(2). pp. 29–51.
71. Grinev, A. (2017d) S.O. Makarov's Diary from his visit to Russian America in 1864. *The Mariner's Mirror*. 103(3). pp. 323–336. DOI: 10.1080/00253359.2017.1340428
72. Grinev, A. (2018b) Finnish Ships in Russian America. *Sibirica*. 17(2). pp. 1–12. DOI: 10.3167/sib.2018.170202
73. Grinev, A. (2018c) The Russian Navy and the Development of Alaska: the Military Dimension. *Journal of Slavic Military Studies*. 31(2). pp. 272–301. DOI: 10.1080/13518046.2018.1451072
74. Klimovsky, S.D. (2011a) Fleet and shipbuilding of Russian-American company. *Sudostroenie – Shipbuilding*. 4. pp. 62–67. (In Russian).
75. Klimovsky, S.D. (2011b) Admiralty in Novo-Arkhangelsk. *Sudostroenie – Shipbuilding*. 5. pp. 67–69. (In Russian).
76. Gavrilov, S.V. (2003) Neskol'ko etapov razvitiya portovogo khozyaystva Petropavlovska (XVIII – seredina XX vv.) [Several stages of development of the Petropavlovsk port economy (the 18th – mid 20th centuries)]. In: Yarotsky, G.P. (ed.) *Veter vekov v parusakh Rossii* [The Wind of Centuries in Russian Sails]. Petropavlovsk-Kamchatskiy: [s.n.]. pp. 36–44.
77. Fedorova, T.S. (2010) Dokumenty Rossiyskogo gosudarstvennogo arkhiva Voenno-Morskogo flota ob issledovanii i osvoenii novykh zemel' v Tikhom okeane v XVIII v. [Documents of the Russian Navy State Archive on the exploration and development of new lands in the Pacific Ocean in the 18th century]. In: Viter, I.V. (ed.) *Vernye dolgu i Otechestvu* [Faithful to duty and Fatherland]. Petropavlovsk-Kamchatskiy: KTRL. pp. 207–212.
78. Fedorova, T.S. (2012) "Kto vinovat i nadobno uchinit' nakazanie, te vse begayut k nemu, Beringu, kak prezhde begivali na Don i v Zaporozh'e" ["Those who are guilty and need to inflict punishment, they all run to him, Bering, as they used to run to the Don and Zaporozhye"]. In: Ivanova, B.S. (ed.) *O Kamchatke: ee predelakh i sostoyanii…* [About Kamchatka: its borders and state . . .]. Petropavlovsk-Kamchatskiy: KTRL. pp. 258–261.
79. Artemiev, A.R. & Artemieva, N.G. (eds) (1994–2007) *Russkie pervoprokhodtsy na Dal'nem Vostoke v XVII–XIX vv.: istoriko-arkheologicheskie issledovaniya* [Russian pioneers in the Far East in the 17th – 19th centuries: Historical and Archaeological Research]. Vladivostok: FEB RAS.
80. Korolyuk, V.P. (2007) Novoarkhangel'skaya (Sitkhinskaya) morekhodnaya shkola RAK v zapiskakh ochevidtsev i sovremennykh issledovaniyakh [New Arkhangelsk (Sitka) RAC nautical school in eyewitness notes and modern research]. In: Artemiev, A.R. & Artemieva, N.G. (eds) (1994–2007) *Russkie pervoprokhodtsy na Dal'nem Vostoke v XVII–XIX vv.: istoriko-arkheologicheskie issledovaniya* [Russian pioneers in the Far East in the 17th – 19th centuries: Historical and Archaeological Research]. Vol. 5(2). Vladivostok: FEB RAS. pp. 28–41.
81. Bolgurtsev, B.N. (1998) *Morskoy biograficheskiy spravochnik Dal'nego Vostoka Rossii i Russkoy Ameriki, XVII – nachalo XX vv.* [Marine biographical directory of the Russian Far East and Russian America, the 17th – early 20th centuries]. Vladivostok: Ussuri.
82. Bolgurtsev, B.N. & Koryakin, V.I. (2002) *Russkaya Amerika: gidrograficheskie issledovaniya: (k 200-letiyu osnovaniya Rossiysko-Amerikanskoy kompanii i 300-letiyu Sankt-Peterburga)* [Russian America: Hydrographic Research: (to the 200th anniversary of the founding of the Russian-American Company and the 300th anniversary of St. Petersburg)]. St. Petersburg: [s.n.].
83. Gavrilov, S.V. (2004) *Tri veka Petropavlovskogo porta. Razvitie portovogo khozyaystva g. Petropavlovska-Kamchatskogo v XVIII–XX vv. (1740–1980 gg.)* [Three centuries of the Petropavlovsk port. Development of port facilities in Petropavlovsk-Kamchatskiy in the 18th – 20th centuries. (1740–1980)]. Petropavlovsk-Kamchatskiy: Kamchatskiy pechatnyy dvor.
84. Gavrilov, S.V. (2006) *Kamchatskoe nasledie: istoricheskie ocherki* [Kamchatka heritage: historical essays]. Petropavlovsk-Kamchatskiy: Kamchatskiy pechatnyy dvor.
85. Shopotov, K.A. (2005) *Velikiy russkiy moreplavatel' Aleksey Chirikov* [The great Russian navigator Alexei Chirikov]. St. Petersburg: GeoGraf.
86. Shopotov, K.A. (2016) *Beringov krest* [Bering's Cross]. St. Petersburg: GeoGraf.
87. Chernavskaya, V.N. (2003) Glavnyy pravitel' Russkoy Ameriki M.D. Teben'kov (1845–1850): k 200-letiyu so dnya rozhdeniya [The chief ruler of Russian America M.D. Tebenkov (1845–1850): to the 200th anniversary of his birth]. In: Artemiev, A.R. & Artemieva, N.G. (eds) (1994–2007)

Russkie pervoprokhodtsy na Dal'nem Vostoke v XVII–XIX vv.: istoriko-arkheologicheskie issledovaniya [Russian pioneers in the Far East in the 17th – 19th centuries: Historical and Archaeological Research]. Vol. 4. Vladivostok: FEB RAS. pp. 181–198.

88. Chernavskaya, V.N. (2009) Uchastnik Vtoroy Kamchatskoy ekspeditsii Beringa (k 300-letiyu so dnya rozhdeniya G.V. Stellera (Shtellera) [Participant of Bering's Second Kamchatka Expedition (on the occasion of the 300th anniversary of G.V. Steller's birth]. *Rossiya i ATR – Russia and the Pacific*. 2. pp. 86–92.
89. Beloglazova, S.B. (2001) U istokov russkogo flota v Amerike (Dzheyms Dzh. Shildz) [At the origins of the Russian fleet in America (James J. Shields)]. In: Kocheshkov, N.V. & Fetisova, L.E. (eds) *Zabytye imena: istoriya Dal'nego Vostoka v litsakh* [Forgotten names: the history of the Far East persons]. Vladivostok: Dal'nauka. pp. 119–124.
90. Beloglazova, S.B. (2001) Morekhody Russkoy Ameriki: Ya.E. Shil'ts [Sailors of Russian America: James J. Shields]. In: Larin, V.L. (ed.) *Dal'niy Vostok Rossii: istoricheskiy opyt i puti razvitiya regiona* [Far East of Russia: historical experience and ways of the regional development]. Vladivostok: Dal'nauka. pp. 15–18.
91. Semenov, A.I. (2007) Korabli Okhotskoy flotilii (1731–1856 gg.) [Ships of the Okhotsk Flotilla (1731–1856)]. *Kolymskiy gumanitarnyy al'manakh*. 2. pp. 230–241.
92. Semenov, A.I. (2009a) Gavan' Svyatogo Gavriila [St. Gabriel Harbour]. In: Sokolyansky, A.A. (ed.) *Vo t'mu filologiy vlaz'te...* [Go into the darkness of philology . . .]. Magadan: NESU. pp. 29–39.
93. Semenov, A.I. (2009b) Nazvaniya korabley Okhotskoy flotilii, obrazovannye ot imen svyatykh [The Okhotsk flotilla ships named after the saints]. In: *Dukhovno-nravstvennoe vospitanie v regional'nom kul'turno-obrazovatel'nom prostranstve* [Spiritual and moral education in the regional cultural and educational space]. Magadan: [s.n.]. pp. 265–269.
94. Semenov, A.I. (2011) Iz istorii nazvaniy korabley Okhotskoy flotilii (imena etnonimicheskogo proiskhozhdeniya) [From the history of the names of the ships of the Okhotsk flotilla (names of ethnonymic origin)]. *Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta*. 15. pp. 162–164.
95. Kravchuk, S.A. & Makarenko, A.I. (2008) Zashchita interesov Rossii v Tikhookeanskom pogranichnom prostranstve v XVIII – nachale XIX vv. [Protecting Russia's interests in the Pacific border area in the 18th – early 19th centuries]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii – The Power and Administration in the East of Russia*. 2(43). pp. 91–97.
96. Volynchuk, A.B. & Shvedov, V.G. (2011) Geopoliticheskie aspekty osvoeniya russkimi lyud'mi Severnoy Ameriki. Territoriya novykh vozmozhnostey [Geopolitical aspects of the development of North America by the Russian people. Territory of new opportunities]. *Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*. 1(10). pp. 140–151.
97. Volynchuk, A.B. & Shvedov, V.G. (2011) Russkaya Amerika: opyt geopoliticheskogo osvoeniya [Russian America: the experience of geopolitical development]. *Evraziyskiy zhurnal regional'nykh i politicheskikh issledovaniy – Eurasian Journal of Region and Political Research*. 14(229). pp. 25–31.
98. Artemiev, A.R. (2001) Sostoyanie ukrepleniy i garnizona Novo-Arkhangel'ska po dannym neopublikovannoy chasti otcheta kapitan leytenanta P.N. Golovina (20 oktyabrya 1861 g.) [The state of the fortifications and the garrison of Novo-Arkhangelsk according to the unpublished part of the report, Lieutenant-Captain P.N. Golovin (October 20, 1861)]. In: Artemiev, A.R. (ed.) *Russkaya Amerika i Dal'niy Vostok (konets XVIII v. – 1867 g.): k 200-letiyu obrazovaniya Rossiysko-Amerikanskoy kompanii* [Russian America and the Far East (late 18th century - 1867): on the 200th anniversary of the formation of the Russian-American company]. Vladivostok: RAS. pp. 136–154.
99. Grinev, A.V. (2017) The Russian Fleet and the Colonization of Alaska: The Military Factor. *Klio*. 6. pp. 116–133. (In Russian).
100. Grinev, A. (2017) The External Threat to Russian America: Myth and Reality. *The Journal of Slavic Military Studies*. 30(2). pp. 266–289. DOI: 10.1080/13518046.2017.1307049
101. Grinev, A. (2018) The Russian Navy and the Development of Alaska: The Military Dimension. *The Journal of Slavic Military Studies*. 31(2). pp. 272–301. DOI: 10.1080/13518046.2018.1451072
102. Ermolaev, A.N. (2012) [Siberian line battalions in service in Russian America]. *Sibir' i Russkaya Amerika* [Siberia and Russian America]. Proc. of the Fifth Conference. Irkutsk. pp. 46–51. (In Russian).
103. Artemiev, A.R. (1998) Vosstanie indeytsev-tlinkitov protiv Rossiysko-Amerikanskoy kompanii v 1802 g.: khronologiya sobytiy i prichiny konflikta [The uprising of the Tlingit Indians against the Russian-American company in 1802: chronology of events and causes of the conflict]. In: Artemiev, A.R. (ed.) *Istoriko-kul'turnye svyazi mezhdu korennym naseleniem Tikhookeanskogo poberezh'ya Severo-Zapadnoy Ameriki i Severo-Vostochnoy Azii* [Historical and cultural ties between the indigenous population of the Pacific coast of North-West America and North-East Asia]. Vladivostok: FEB RAS. pp. 82–85.
104. Artemiev, A.R. (1999) Vosstanie indeytsev v 1802 g. v istorii Russkoy Ameriki [Indian uprising in 1802 in the history of Russian America]. *Voprosy istorii – Issues of History*. 3. pp. 140–145.
105. Artemiev, A.R. (1998) Problemy vzaimootnosheniy russkikh i aleutov s indeytsami-tlinkitami v Russkoy Amerike [Problems of the relationship of Russians and Aleuts with the Tlingit Indians in Russian America]. In: Pak, B.D. (ed.) *Dialog kul'tur narodov Rossii, Sibiri i stran Vostoka* [Dialogue of cultures of the peoples of Russia, Siberia and the countries of the East]. Irkutsk: Irkutsk State Pedagogical University. pp. 95–99.
106. Zorin, A.V. (2916) *Bitva za Sitku. 1802–1804: epizod iz istorii Russkoy Ameriki* [Battle of Sitka. 1802–1804: an episode from the history of Russian America]. Moscow: Russkie vityazi.
107. Zorin, A.V. (2017) *Indeyskaya voyna v Russkoy Amerike: russko-tlinkitskoe protivoborstvo (1741–1821)* [The Indian War in Russian America: Russian-Tlingit Confrontation (1741-1821)]. Moscow: Kvadriga.
108. Zorin, A.V. & Bagrin, E.A. (2014) Vooruzhenie russkikh pervoprokhodtsev Severnoy Ameriki [Armament of the Russian pioneers of North America]. *Istoriya oruzhiya*. 10. pp. 341–370.
109. Istomin, A.A., Gibson, J.R. & Tishkov, V.A. (2012) *Rossiya v Kalifornii: russkie dokumenty o kolonii Ross i rossiysko-kaliforniyskikh svyazyakh, 1803–1850: v 2 t.* [Russia in California: Russian documents on Ross Colony and Russian-California ties, 1803–1850. In two volumes]. Moscow: Nauka.
110. Petrov, A.Yu., Ermolaev, A.N., Korsun, S.A. & Saveliev, I.V. (2012) 200 let rossiyskomu poseleniyu-kreposti na Amerikanskom Kontinente [200 years of the Russian fortress settlement on the American Continent]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 82(10). pp. 954–958.
111. Petrov, A.Yu., Kapalin, G.M. & Ermolaev, A.N. (2013) O prodazhe russkoy kolonii Fort-Ross v Kalifornii [On the sale of the Russian colony of Fort Ross in California]. *Voprosy istorii – Issues of History*. 1. pp. 3–18.
112. Petrov, A.Yu. (2006) *Rossiysko-amerikanskaya kompaniya: deyatel'nost' na otechestvennom i zarubezhnom rynkakh (1799–1867)* [Russian-American company: activities in the domestic and foreign markets (1799–1867)]. Moscow: RAS.
113. Saveliev, I.V. (2001) [State regulation of the development of Russian America in the middle – the second half of the 18th century]. *XIII Lomonosovskie chteniya* [The 13th Lomonosov Readings]. Proc. of the Conference. Arkhangelsk: Pomorsk State University. pp. 130–136. (In Russian).
114. Saveliev, I.V. (2004) [Regulation by the norms of the colonial law of fur trade in Russian America]. *Pravovye aspekty obespecheniya ekologicheskoy bezopasnosti Severa* [Legal aspects of ensuring the ecological safety of the North]. Proc. of the Conference. Arkhangelsk: Pomorsk State University. pp. 193–197. (In Russian).
115. Saveliev, I.V. (2003) [The structure of merchant fishing companies in Russian America in the second half of the 18th century and the legal registration of their activities]. *Aktual'nye problemy pravovoy nauki* [Topical Problems of Jurisprudence]. Proc. of the Conference. Arkhangelsk: Pomorsk State University. pp. 54–62. (In Russian).
116. Saveliev, I.V. (2006a) [Legal status of the native population in Russian America]. *Aktual'nye problemy pravovoy nauki* [Topical Problems of Jurisprudence]. Proc. of the Conference. Arkhangelsk: Pomorsk State University. pp. 77–84. (In Russian).

117. Saveliev, I.V. (2006b) *Promyslovoe osvoenie Russkoy Ameriki vo vtoroy polovine XVIII veka* [Commercial development of Russian America in the second half of the 18th century]. Arkhangelsk: Pomorsk State University.
118. Grinev, A.V. (2016) The Dynamics of Russian Barter Trade with Alaskan Natives 1741–1867. *Antropologicheskiy forum – Forum for Anthropology and Culture*. 29. pp. 66–98. (In Russian).
119. Ermolaev, A.N. (2011) Morskaya torgovlya Rossiysko-amerikanskoy kompanii s Kitaem v 1848–1863 gg. [Sea trade of the Russian-American company with China in 1848–1863]. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy Akademii nauk*. 1. pp. 22–27.
120. Ermolaev, A.N. (2011) Kyakhtinskaya torgovlya Rossiysko-amerikanskoy kompanii v 1840–1860-kh godakh [Kyakhta trade of the Russian-American company in the 1840-1860s]. In: Lykhin, Yu.P. (ed.) *Russkaya Amerika i Vostochnaya Sibir'* [Russian America and Eastern Siberia]. Irkutsk : Reprotsentr 1. pp. 63–100.
121. Gotovtseva, A.G. (2009) Russian-American Company in the Decembrists' Plans. Addendum to K.F.Ryleev's Biography. *Rossiya XXI*. 2. pp. 158–193. (In Russian).
122. Grinev, A.V. (2007) Russkaya Amerika: paradoksy otechestvennoy istoriografii [Russian America: paradoxes of Russian historiography]. In: Artemiev, A.R. & Artemieva, N.G. (eds) *Russkie pervoprokhodtsy na Dal'nem Vostoke v XVII–XIX vv.: istoriko-arkheologicheskie issledovaniya* [Russian pioneers in the Far East in the 17th – 19th centuries: Historical and Archaeological Research]. Vol. 5(2). Vladivostok: FEB RAS. pp. 134–144.
123. Petrov, A.Yu. & Vorobieva, T.V. (2014) Views of Russian and Foreign Scholars on the Russian-American Frontier Theory. *Klio*. 3. pp. 3–14. (In Russian).
124. Beloglazova, S.B. & Chernavskaya, V.N. (2002) Istoriko-kul'turnye kontakty v Russkoy Amerike 1732–1867 gg. v osveshchenii otechestvennoy istoriografii 60–90-kh godov XX v. [Historical and Cultural Contacts in Russian America in 1732–1867 in Russian historiography of the 1960s – 1990s]. In: Gallyamova, L.I. (ed.) *Voprosy istorii Dal'nego Vostoka Rossii dooktyabr'skogo perioda v istoriografii i istochnikovedenii* [History of the Russian Far East of the Pre-October Period in Historiography and Source Study]. Vladivostok: FEB RAS. pp. 18–34.
125. Chernavskaya, V.N. (2006) *Rossiya na Tikhom okeane. XVIII – pervaya polovina XIX veka : istoriko-istoriograficheskie ocherki* [Russia in the Pacific Ocean. The 18th – first half of the 19th century: historical and historiographic essays]. Vladivostok: Dal'nauka.
126. Okhotina-Lind, N. & Møller, P.U. (2001) *Vtoraya Kamchatskaya ekspeditsiya: dokumenty 1730–1733. Morskie otryady* [Second Kamchatka expedition: documents 1730–1733. Naval units]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.
127. Okhotina-Lind, N. & Møller, P.U. (2009) *Vtoraya Kamchatskaya ekspeditsiya: dokumenty 1734–1736. Morskie otryady* [Second Kamchatka expedition: documents 1734–1736. Naval units]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
128. Okhotina-Lind, N. & Møller, P.U. (2013) *Vtoraya Kamchatskaya ekspeditsiya: dokumenty 1737–1738. Morskie otryady* [Second Kamchatka expedition: documents 1737–1738. Naval units]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
129. Okhotina-Lind, N. & Møller, P.U. (2015) *Vtoraya Kamchatskaya ekspeditsiya: dokumenty 1739–1740. Morskie otryady* [The second Kamchatka expedition: documents 1739–1740. Naval units]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
130. Okhotina-Lind, N. & Møller, P.U. (2018) *Vtoraya Kamchatskaya ekspeditsiya: dokumenty 1741–1742. Morskie otryady* [Second Kamchatka Expedition: documents 1741–1742. Naval units]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
131. Petrov, A.Yu., Kapalin, G.M., Malakhov, M.G., Ermolaev, A.N. & Saveliev, I.V. (2011) Istoriya i nasledie Russkoy Ameriki [History and heritage of Russian America]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 12. pp. 1090–1099.

УДК 930.1:271.2
DOI: 10.17223/19988613/66/17

А.А. Мицук

«ЧЕРЕЗ ЕДИНОВЕРИЕ К РЕЛИГИОЗНОМУ ПРИМИРЕНИЮ»: МИССИОНЕРСКАЯ ПРАКТИКА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОФЕССОРА КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ М.Н. ВАСИЛЬЕВСКОГО

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 18-78-00044 «Становление и развитие церковной исторической науки сквозь призму анализа корпоративной культуры духовных учебных заведений (середина XIX – начало XXI вв.)».

Рассматривается противораскольническая деятельность профессора Казанской духовной академии М.Н. Васильевского (1873–1932). Прослеживается процесс формирования его представлений о единоверии как эффективном инструменте воздействия на старообрядчество. Выявлено, что рекомендации церковного деятеля по реформированию единоверческой церкви на Всероссийском поместном соборе русской православной церкви 1917–1918 гг. стали одним из факторов становления единоверия в качестве самостоятельной конфессии.
Ключевые слова: М.Н. Васильевский; противораскольническая миссионерская практика; единоверие; история старообрядчества; церковная историческая наука.

В борьбе с последователями старообрядчества православные духовные академии Российской империи во второй половине XIX – первой четверти XX в. реализовывали различные научно-просветительские проекты, например публиковали источники по истории старообрядчества («Материалы для истории раскола за первое время его существования» [1]), проводили публичные лекции, организовывали научные кружки и т.д. В понимании исследователей старообрядчества Казанской духовной академии успех противораскольнической деятельности полностью зависел от теоретической разработки миссионерских способов воздействия на старообрядцев.

Исследования расколоведческой проблематики в Казанской духовной академии связаны с двумя именами – Н.И. Ивановского (1840–1913) и его ученика М.Н. Васильевского (1873–1932 [?]), который был более известен как активный общественный деятель, нежели ученый. Именно его предложения по улучшению противораскольнической деятельности сыграли важную роль в решениях Предсоборного Присутствия 1906 г. и Всероссийского поместного собора 1917–1918 гг., где обсуждался вопрос о единоверии – форме присоединения старообрядцев к официальной церкви, при которой они сохраняли богослужение по старым книгам и обрядам, но подчинялись епархиальному начальству официальной церкви [2. С. 5]. Поэтому целью настоящей статьи является выявление этапов складывания представлений М.Н. Васильевского о единоверии как инструменте воздействия на старообрядчество.

Научная литература по данной теме ограничена небольшой заметкой российского историка и религиоведа А.В. Журавского в «Православной энциклопедии», где отмечены важные, по мнению автора, даты в жизни М.Н. Васильевского без каких-либо пояснений и рассуждений о его роли в истории русской православной миссии [3]. Для восполнения «пробелов» были привлечены публикации из периодического издания Казанской духовной академии «Православный собеседник» и выпуски местной епархиальной газеты «Известия по Казанской епархии», содержащие сведения о миссионерских поездках М.Н. Васильевского и его беседах со староверами. В совокупности с анализом его магистерской диссертации они способны показать представления церковного деятеля о слабых и сильных сторонах антистарообрядческой полемики и изменениях, происходивших в миссионерском сообществе на рубеже XIX–XX вв.

Методологической основой исследования складывания взглядов М.Н. Васильевского стал биографический подход, комбинирующий изучение фактологической стороны жизни и деятельности ученого с его индивидуальными толкованиями происходящих событий (социального контекста). Такой научный метод акцентирует внимание на ценностно-смысловых ориентациях М.Н. Васильевского, воплотившихся в его представлениях об идеальной противораскольнической миссии [4. С. 31]. Для понимания развития идей М.Н. Васильевского о необходимости изменений во внутренней миссии синодальной церкви автор статьи предполагает рассмотрение трех взаимосвязанных блоков: миссионерского опыта изучения старообрядчества М.Н. Васильевским; его научно-исследовательской и преподавательской деятельности в Казанской духовной академии; понимания церковным деятелем возможностей института единоверия для осуществления успешной противораскольнической миссии в России.

М.Н. Васильевский как миссионер

Михаил Николаевич Васильевский родился в 1873 г. в семье дьякона села Васильевка Керенского уезда Пензенской губернии. По настоянию отца он прошел обу-

чение в Пензенской духовной семинарии [3. С. 237] и затем в 1895 г. как самый выдающийся выпускник был отправлен учиться в Казанскую духовную академию на «казеннокоштное место». Он успешно сдал все пять вступительных экзаменов, и, судя по протоколам заседаний Совета академии, незначительно уступил по среднему баллу двум претендентам из Костромской и Симбирской духовных семинарий [5. С. 259–260, 270]. Сформированный еще в семинарские годы интерес к дисциплине «История и обличение русского раскола» получил в академии возможность для реализации в научной деятельности [6. С. 339]. Неслучайно выпускная работа М.Н. Васильевского по теме «Правительственные отношения к расколу в царствование императора Николая I» (1899) была отмечена присуждением церковной научной степени кандидата богословия с правом преподавания и получения научной степени магистра богословия без дополнительных испытаний, а самого автора Совет академии наградил престижной премией Высокопреосвященного митрополита Иосифа в размере 165 руб. [7. С. 18–19, 50].

Достижения М.Н. Васильевского были высоко оценены профессором Н.И. Ивановским, который долго искал достойного кандидата, способного в будущем его заменить, и рекомендовал оставить М.Н. Васильевского профессорским стипендиатом при кафедре истории и обличения русского раскола. Институт профессорских стипендиатов предполагал, что будущий ученый оставлялся на два года в стенах родного образовательного учреждения для «приготовления к профессорской должности» и подготовки магистерской диссертации, а время, проведенное в этом статусе, засчитывалось в «действительную службу» наравне со штатными сотрудниками духовных учебных заведений [8. Л. 5]. М.Н. Васильевскому назначалась казенная стипендия в размере 500 руб. в год, однако она материально едва обеспечивала начинающего ученого. Это стало причиной совмещения им с 13 августа 1900 г. обязанностей профессорского стипендиата с работой епархиального противораскольнического и противосектантского миссионера [9. С. 89], приносившей ему бóльшую часть дохода (минимальная ставка варьировала в пределах 1 500 руб. в год) [10. С. 199].

Осознавая научный потенциал будущего исследователя, Совет академии по просьбе Н.И. Ивановского разрешил М.Н. Васильевскому брать домой книги из академической библиотеки для написания магистерской диссертации и исполнения своих новых должностных обязанностей. Следует отметить, что здесь сыграли роль личные связи и авторитет профессора Н.И. Ивановского, потому что такая привилегия была доступна не каждому профессору академии [11. С. 129–130]. Тем не менее из-за постоянных разъездов по епархии М.Н. Васильевский практически перестал заниматься диссертацией, а общий запрет на работу с рукописными и старопечатными изданиями (разрешение для работы с материалами Совет академии давал в основном профессорам) заставил его сузить тему и проблематику, ограничив ее исследованием истории старообрядчества в эпоху царствования императора Николая I.

Таким образом, уже в 1900–1902 гг. М.Н. Васильевский полностью погружается в миссионерскую работу, изучая систему противораскольнической полемики по сочинениям единоверца архимандрита Павла (Прусского) и своего учителя Н.И. Ивановского, отрабатывая полемические навыки во время поездок по Казанской епархии. На первых порах М.Н. Васильевский вел беседы со старообрядцами в присутствии Н.И. Ивановского, и они по окончании подвергались тщательному разбору со стороны наставника [12. С. 1–2]. Видимо, именно активная миссионерская деятельность М.Н. Васильевского на десять лет отсрочила написание и защиту магистерской диссертации.

Объем работы епархиального миссионера был регламентирован. Например, в соответствии с инструкцией в круг его обязанностей входили: «а) беседы [со староверами], б) наблюдение за церковными библиотеками, в) даровая раздача брошюр народу, г) наставление и присоединение к Православной Церкви обращающихся» [10. С. 199]. Диспутам со старообрядцами М.Н. Васильевский придавал огромное значение, особенно стараясь обеспечить участие в них старообрядческих лидеров. По его мнению, отсутствие эрудированных начетчиков среди староверов превращало дискуссию в монолог миссионера, а у собравшихся православных и старообрядцев после такой «беседы» оставалось не только множество вопросов («Что на все это сказал бы начитанный раскольник?»), но и подозрения в честности слов миссионера: «Наверное, мол, миссионер говорил что-нибудь не так, одно в своих интересах усиливая, другое, что в пользу им, намеренно замалчивая или ослабляя» [13. С. 924].

В населенных пунктах Казанской епархии с явным преобладанием старообрядцев и сектантов М.Н. Васильевский признавал бесполезность миссионерской работы и ставил своей целью поддерживать численность сторонников официальной церкви на прежнем уровне [14. С. 912]. Возможно, такой подход к противораскольнической деятельности стал поводом для критики со стороны известного старообрядческого начетчика Ф.Е. Мельникова, назвавшего М.Н. Васильевского «миссионером-неудачником», так как «он [М.Н. Васильевский] почти всегда терпел поражения на своих беседах со старообрядцами» [15. С. 490]. Однако стоит заметить, что епархиальный миссионер преследовал совершенно иную задачу. Он стремился не столько переубедить оппонентов, сколько собрать материал о манере выступления староверов, способах аргументации выдвигаемых тезисов, слабых и сильных сторонах старообрядческой полемики. Таким образом, М.Н. Васильевский связывал успех миссионерской деятельности с пониманием того, «что думают и говорят» старообрядческие писатели и начетчики [16. С. 671].

В обязанности М.Н. Васильевского как епархиального миссионера также входило составление отчетов о состоянии противораскольнической миссии на основе сведений, присланных ему «участковыми миссионерами» (о проводимых мероприятиях приходским духовенством, открытии новых приходов в «зараженных расколом» местностях, образовании единоверческих церквей и т.д.). В отчете Высокопреосвященному епар-

хиальный миссионер представлял список к награждению наиболее успешных миссионеров, которые исполняли назначенные М.Н. Васильевским поручения [11. С. 200–203]. Так, судя по отчету М.Н. Васильевского, под его управлением были 11 человек: почетный миссионер-священник И. Куницын, «участковый противосектантский миссионер» А. Урбанский и 9 противораскольнических миссионеров из разных городов и уездов Казанской епархии [17. С. 985]. Из этого следует, что М.Н. Васильевский являлся первым заместителем Высокопреосвященного по делам внутренней миссии, который составлял экспертные заключения по Казанской епархии.

На правах епархиального миссионера М.Н. Васильевский в 1900 г. входит в противораскольнический отдел Церковного братства святителя Гурия в качестве секретаря и члена братства [18. С. 1149; 19. С. 1160]. Вместе с председателем противораскольнического отдела братства профессором Казанской духовной академии Н.И. Ивановским он стал организатором первого епархиального миссионерского съезда в феврале 1903 г. Заранее составленные ими вопросы были распределены между опытными миссионерами, которые представляли доклады для их дальнейшего обсуждения миссионерским сообществом Казани. Одним из постановлений съезда стало возбуждение ходатайства о назначении епархиальных миссионеров (противораскольнического и противосектантского) в члены епархиального училищного Совета, что позволило М.Н. Васильевскому следить за преподаванием в церковно-приходских школах Закона Божьего и в случае надобности вносить коррективы в воспитательную и образовательную часть предмета [20. С. 1147–1148]. Исполняя указ Святейшего Синода «О мерах для противодействия сектантскому натиску на Православную Церковь» от 27 ноября 1909 г., М.Н. Васильевский в 1910 г. составил для преподавания в церковных школах дополнительное пособие по Закону Божию для церковно-приходских школ и земских училищ [3. С. 237].

От лица заинтересованной в улучшении школьного дела общественности епархиальному миссионеру М.Н. Васильевскому было предложено вести педагогические курсы по истории и обличению старообрядчества для учителей и учительниц церковно-приходских школ. Учебный курс состоял из шести занятий и включал в себя вступительную лекцию о миссионерском значении церковной школы и ее образовательно-воспитательных задачах, три семинара по истории староверия, одно занятие по практике антистарообрядческой полемики и заключительную беседу со слушателями. В ходе этих встреч учащиеся знакомились с причинами возникновения церковного раскола и дроблением старообрядчества на отдельные толки и согласия, особенностям вероучения и бытового уклада казанских старообрядческих общин. Лекцию о специфике работы со старообрядцами М.Н. Васильевский сопровождал изложением методики ведения бесед по обрядовым вопросам – перстосложении, количестве просфор на проскомидии, посолонном хождении, разночтении Символа Веры и т.д., а для демонстрации традиционной аргументации староверов вместе с профессором Н.И. Ивановским устраивал экскурсии в библиотеку Казанской духовной академии, где хранились раннее принадлежавшие старообрядцам рукописные и старопечатные книги [20. С. 1148–1149]. Организация и логика курсов доказывают, что в условиях расширения прав старообрядцев по указу «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. [21] епархиальные структуры по-прежнему видели свою задачу в возвращении старообрядцев «в лоно Православной Церкви».

1 марта 1910 г. в Казанской епархии была образована Противосектантская комиссия в составе ректора Казанской духовной академии преосвященного Алексия (Молчанова), протоиерея Казанского университета А.В. Смирнова, профессора духовной академии Н.И. Ивановского, двух протоиереев и епархиального миссионера М.Н. Васильевского. Она создавалась как совещательный орган при архиепископе Казанской епархии, который должен был выработать рекомендации приходскому духовенству по борьбе с сектантством [22. С. 745]. Комиссия образовала специальный денежный фонд для издания противосектантских поучений. Первыми отпечатанными брошюрами были беседы епархиального миссионера М.Н. Васильевского «О крещении младенцев» (7 марта 1910 г.), сыгравшие, по мнению протоиерея Г.К. Богословского, большую роль «для закрепления в народном сознании православного вероучения» [23. С. 352]. Действительно, бесплатная раздача брошюр с кратким изложением противосектантских бесед со ссылками на Библию и патристику стала дополнительным коммуникационным каналом миссионерского воздействия на паству. Удачный опыт публикаций таких бесед М.Н. Васильевского с сектантами «в духе православного христианства» был распространен и на беседы со староверами. В дальнейшем Комиссия продолжила выпускать его духовные беседы, даже после завершения им карьеры миссионера в Казанской епархии [24. С. 244].

В период работы епархиальным миссионером (1900–1911) М.Н. Васильевский детально изучает положение противораскольнической миссии, определяя ее материальные и организационные проблемы, вследствие чего разрабатывает различные просветительские проекты, основанные на принципе взаимодействия церковных структур разных уровней (особенно приходского и епархиального). Но несмотря на активное участие на миссионерских съездах, епархиальных комиссиях и беседах со старообрядцами М.Н. Васильевский разочаровывается в собственных действиях и в общепринятых подходах к противораскольнической практике русской православной церкви, поскольку данные меры не достигали предполагаемых результатов и, скорее, были актуальны для последней трети XIX в., но не для резко изменившихся социальных условий начала XX столетия.

М.Н. Васильевский как исследователь и преподаватель

По просьбе уже очень пожилого и больного профессора Н.И. Ивановского с февраля 1911 г. М.Н. Васильевский был принят на кафедру истории и обличения рус-

ского раскола в качестве исполняющего должность доцента Казанской духовной академии (утвержден в должности Святейшим Синодом 16 августа 1911 г.) [25. С. 27]. Но понимая, что М.Н. Васильевский вряд ли сможет прочесть полный курс, Совет академии рекомендовал профессору Н.И. Ивановскому оставить часть нагрузки [26. С. 172]. В связи с новыми обязанностями М.Н. Васильевский отказался от должности епархиального миссионера, но все же оставался членом Церковного братства святителя Гурия и в начале 1914 г. стал председателем его противораскольнического отдела, заменив и здесь своего наставника [3. С. 237].

В течение нескольких лет М.Н. Васильевский, обязанный как преподаватель духовной академии заниматься исследовательской деятельностью, завершил свою диссертацию на соискание степени магистра богословия по теме: «Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I» (1914) [27]. 2 апреля 1915 г. состоялась ее защита, в ходе которой он указал на принципиальные основания, побудившие монарха обратить внимание на старообрядчество, и дал краткое описание религиозных и гражданских мероприятий правительства по отношению к староверам. Официальные оппоненты профессор И.М. Покровский и «профессор-священник» Н.Н. Писарев с похвалой отозвались о диссертации как о первом и единственном в российской церковно-исторической науке систематическом труде в данной области, написанном «красочным живым языком», но в то же время отметили его недостатки: отсутствие в диссертации сведений о борьбе церковной власти с церковным расколом в царствование Николая I, неразработанность вопроса о историко-политических условиях, в которых проходила борьба со старообрядчеством в России, недостаточное внимание к деятельности Секретных Комитетов и полное отсутствие архивных материалов. Однако на возражения оппонентов М.Н. Васильевский, по свидетельству анонимного корреспондента российской православной газеты «Церковный вестник», дал «блестящие объяснения», поэтому Советом академии было решено присудить автору степень магистра богословия [28. С. 451–452]. В течение 1915/1916 академического года М.Н. Васильевский проходит служебную лестницу от доцента до экстраординарного профессора Казанской духовной академии [3. С. 238].

Именно магистерская диссертация М.Н. Васильевского позволяет выявить его оценку противораскольнических государственных мероприятий. Она была посвящена правительственной системе мероприятий в отношении старообрядцев, которая сложилась во второй половине правления императора Александра I, но была доведена до «идеала» в период царствования Николая I. По мысли автора, это выразилось в значительном расширении административной деятельности против церковного раскола, усилении полицейского надзора за староверами, ограничении гражданских и религиозных прав староверов и желании «ослабить раскол» репрессивными мерами. Диссертант поставил целью изучение «этой системы с указанием результатов ее действования в жизни раскола» [27. С. 16].

В целях борьбы с распространением старообрядчества с 1825 по 1855 г., как указывает М.Н. Васильевский, было создано несколько специальных государственных органов: Комитет по делам о «раскольниках» (1825), вторая экспедиция III отделения Собственной его императорского величества канцелярии (1826), Московский совещательный комитет по делам раскола (1831); на рубеже 1830–1840-х гг. в губерниях, где проживали староверы, начали создаваться местные комитеты по делам о «раскольниках». Таким образом, создание новых органов власти в регионах должно было снять с центральных органов управления решение мелких вопросов и усилить роль местной администрации в сопротивлении действиям староверов [29. С. 33–34]. Однако, по мнению М.Н. Васильевского, коррумпированность полицейского аппарата и чиновников стала одной из главных причин провала противораскольнической политики императора Николая I [27. С. 181]. Этот аспект изучен В.В. Керовым, связывающим коррупцию низовых звеньев исполнительной власти и растущее влияние староверия на территории всей империи. В подтверждение своей гипотезы он ссылается на бухгалтерские отчеты старообрядцев-предпринимателей, в которых прямо фиксируются денежные выплаты для «мзды» и «угощений» гражданским властям [30. С. 18–20].

В диссертации М.Н. Васильевский указывает, что единоверческая церковь значительно пополнилась выходцами из толков и согласий старообрядчества. При этом ему было очевидно, что конфессиональная политика государства вынуждала старообрядцев становиться единоверцами: после получения свидетельства об «обращении в православие» они приобретали гражданские права наравне с подданными официального православного вероисповедания [27. С. 246–248]. Такой способ противораскольнической деятельности государственных властей, который осуществлялся без учета мнений православных церковных ученых и иерархов, был полностью раскритикован М.Н. Васильевским. Возможно поэтому он в дальнейшем поставил себе задачей найти реальный, а не фиктивный путь возвращения старообрядцев «в лоно церкви». Именно единоверие, в размышлении М.Н. Васильевского, имеет успешный опыт православной миссионерской коммуникации со староверами, и при условии проведения умеренной конфессиональной политики гражданских властей (отсутствие карательных действий в отношении старообрядцев) способно стать системой, которая исправит последствия церковного раскола XVII в.

М.Н. Васильевский как общественный деятель

Смещение акцента на возможности и проблемы единоверия отразились на содержании дисциплины «История и обличение русского раскола» для студентов Казанской духовной академии. В рамках этого курса М.Н. Васильевский должен был вести занятия по темам происхождения раскола и единоверия. Это дало ему возможность акцентировать внимание на вопросах о единоверческом епископе, клятвах Московского собора 1667 г., свободном переходе из право-

славия в единоверие [31. С. 37–38]. Позднее материалы по истории единоверия были использованы им при написании заметки «К вопросу об единоверческом епископе» [32] и в дискуссиях по реформированию единоверческой церкви в работе Предсоборного Присутствия, где на заседаниях VI и VII Отделов обсуждались проблемы изменения методов противораскольнической и противосектантской миссии [33. С. 53–54].

В статье М.Н. Васильевский отстаивал необходимость учреждения самостоятельной единоверческой митрополии и создания при кафедрах окружных епископов духовно-учебных заведений для подготовки единоверческого клироса [32. С. 441–442]. По его мнению, единоверие является единственным реальным «миссионерским институтом», способным примирить православных и старообрядцев. В подтверждение этой мысли М.Н. Васильевский обращался к ранней истории христианской церкви, когда разница в обычаях (обрядах) не нарушала церковного единства. Так, одним из примеров стал сюжет о правлении в Антиохии Сирийской двух епископов: священномученика Игнатия Богоносца для христиан и язычников и Еводия для христиан и иудеев [3. С. 238; 34. С. 1305]. Итогом деятельности VI Отдела стали создание единоверческого епископата и получение разрешения проводить съезды российских единоверческих епископов под председательством православного первосвятителя или «другого иерарха (единоверческого или великороссийского чина)» [35. С. 40], что свидетельствовало о тенденции приравнять единоверцев к православным верующим. Несмотря на это, полная самостоятельность единоверческому духовенству не была дана, так как решения в церковной жизни единоверцев не реализовывались без предварительного рассмотрения высшей церковной иерархией Русской Православной церкви.

Попытка решить эту проблему была предпринята в ходе Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. и предшествующего ему Предсоборного Совета 1917 г. К участию в Совете были приглашены делегаты от Казанской духовной академии – профессора И.М. Покровский и М.Н. Васильевский [36. С. 7]. Впоследствии Предсоборный Совет решил привлечь М.Н. Васильевского как крупного специалиста в области внутренней миссии к работе сессий Всероссийского Поместного Собора.

Решением вопросов о единоверии и старообрядчестве на Поместном Соборе занимался X Отдел, в состав которого вошли представители не только официальной, но и единоверческой церкви. За период деятельности Собора было проведено 37 заседаний отдела, где обсуждалось два основных вопроса: об отмене клятв на старые (дониконианского образца) обряды и единоверии [37. С. 28].

Обсуждение вопроса о клятвах на старые обряды началось с доклада профессора М.Н. Васильевского, настаивавшего на невозможности отмены клятв Собора 1667 г. в полном объеме. Он доказывал, что несправедливо снимать клятвы с тех, кто выступал против церковной власти или «хулил» ее. Отменены могут быть лишь те положения, которые смущают совесть православных и единоверцев. Чтобы убедить членов Отдела, М.Н. Васильевский предложил им ответить на вопрос: «Верна ли мысль, что Собор 1667 г. воспретил употребление старых богослужебных обрядов?». Однако даже после обращения к рукописному оригиналу деяний Собора 1667 г., доставленному в зал заседаний, к единому мнению члены Отдела так и не пришли [38. С. 446–449]. Бесплодные дискуссии убедили М.Н. Васильевского, что детальное снятие клятв на старые обряды следует совершать в рамках отдельного собора и в более длительные сроки. Полное и окончательное снятие клятв на старые обряды произошло в советское время на Поместном Соборе Русской Православной церкви в 1971 г.

Следующие 17 заседаний Отдела были непосредственно посвящены рассмотрению «Положения о единоверии», где М.Н. Васильевский выдвинул предложения, которые в корне меняли положение единоверцев. Во-первых, он рекомендовал Отделу отменить пп. 5 и 11 правил митрополита Московского Платона (Левшина), согласно которым было разрешено присоединяться к единоверию только староверам. Члены Отдела полностью согласились с М.Н. Васильевским и внесли поправку, в которой прописывалось разрешение беспрепятственного перехода из единоверия в православие и наоборот, так как употребляемые при богослужении единоверцами книги и обряды являются православными [39. С. 41–42]. Во-вторых, участниками заседаний обсуждался острый для единоверцев вопрос наименования, от которого они стремились избавиться, потому что считали его препятствием «на пути к миру с православной церковью». На одном из заседаний Отдела протоиерей Ф.С. Воловей и профессор М.Н. Васильевский предложили новое наименование единоверцев – «православные старообрядцы», чтобы разграничить единоверцев от «раскольников», так как «единоверцы – старообрядцы православные, а раскольники – старообрядцы раскольничествующие». Но М.Н. Васильевский встретил серьезную критику от архиепископа Тамбовского Кирилла (Смирнова), считавшего новое название единоверцев оскорбительным для православных верующих, поскольку оно представляло последних как «новообрядцев» [Там же. С. 47–48]. Невзирая на это, члены Отдела пришли к компромиссному решению, признав необходимым оставить прежнее название, но прибавлять к нему в скобках «православные старообрядцы». В результате многочисленных дискуссий единоверцам удалось, хоть и в ограниченном виде, решить многие вопросы, однако реализации планов помешали дальнейшие события в истории России [37. С. 31].

Заключение

Опыт работы М.Н. Васильевского епархиальным миссионером, в обязанности которого входило регулирование деятельности казанских миссионеров и составление общих отчетов, помогло ему увидеть и осознать основные проблемы антистарообрядческой миссии: недостаточное материальное обеспечение, слабую подготовку миссионеров к диспутам со старообрядцами, нежелание старообрядческих начетчиков

посещать беседы с православными миссионерами и пр. Это привело М.Н. Васильевского к мысли о необходимости активного взаимодействия местных и межрегиональных епархиальных структур через миссионерские съезды и комиссии, консолидации актуальной информации об изменениях в вероучении и бытовом укладе старообрядческих общин.

В значительной мере практическая миссионерская деятельность отразилась на исследовательской манере М.Н. Васильевского и сформировала ее отличительные особенности по сравнению с работами большинства церковных историков. В магистерской диссертации он высказал сомнения в эффективности государственной системы надзора в отношении старообрядцев и пришел к выводу о ее полном провале. Опубликованная диссертация явно говорит о желании автора указать, что только совместными усилиями государства и церкви, а не экспериментами в сфере конфессиональной политики (от репрессивных форм во время царствования Николая I до наделения староверов гражданскими и религиозными правами в 1905 г.), возможно исправить последствия церковного раскола.

Под влиянием миссионерских собеседований со старообрядцами он пришел к мысли о необходимости расширения прав единоверия и пониманию его как института, способного возвратить старообрядцев к общению с Русской Православной церковью. Это убеждение М.Н. Васильевский отстаивал в ходе обсуждения состояния внутренней миссии на Предсоборном Присутствии 1906 г. и Всероссийском Поместном Соборе 1917–1918 гг. Предложение по реформированию единоверческой церкви М.Н. Васильевского было одобрено, что уравняло статус единоверия с православием и позволило единоверцам самим выбирать викарных епископов. Впоследствии это помогло единоверию стать в полном смысле самостоятельной конфессией.

Однако осуществление предложений М.Н. Васильевского по улучшению внутренней миссии было приостановлено из-за прекращения финансирования религиозных структур на основании декрета ВЦИК от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [40. С. 286–287]. Позднее сам он был обвинен в контрреволюционной борьбе с советской властью и сослан на три года в Казахстан. О дальнейшей судьбе М.Н. Васильевского неизвестно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита : в 9 т. / под ред. Н.И. Субботина. М. : Тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1875–1895.
2. Палкин А.С. Единоверие в середине XVIII – начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург : Университетское изд-во, 2016. 338 с.
3. Журавский А.В. Васильевский Михаил Николаевич // Православная энциклопедия : в 56 т. / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М. : Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2004. Т. 7: Варшавская епархия–Веротерпимость. С. 237–238.
4. Репина Л.П. Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории. 2005. Вып. 14. С. 5–11.
5. Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1895 год // Православный собеседник. 1897. Июнь, ч. 1, приложения. С. 193–272.
6. Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1895 год // Православный собеседник. 1897. Июль, ч. 2, приложения. С. 273–346.
7. Отчет о состоянии Казанской духовной академии за 1898–1899 учебный год // Православный собеседник. 1900. Январь, ч. 1, приложения. С. 1–54.
8. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 277. Оп. 1. № 3242.
9. Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1899 год // Православный собеседник. 1901. Февраль, ч. 1, приложения. С. 81–160.
10. Инструкция епархиальным миссионерам в Казанской епархии // Известия по Казанской епархии. 1901. № 5. С. 199–204.
11. Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1900 год // Православный собеседник. 1902. Апрель, ч. 1. С. 113–144.
12. Васильевский М. Отчет о занятиях профессорского стипендиата при кафедре истории и обличении русского раскола М. Васильевского // Православный собеседник. 1902. № 12, ноябрь, ч. 2, приложения. С. 1–2.
13. М. В. [Васильевский М.Н.]. Расколосектантство в Казанском крае и деятельность против него Казанской миссии за 1903 год // Православный собеседник. 1904. Ноябрь, ч. 2. С. 911–930.
14. Четыре беседы со слепцом Коноваловым // Православный собеседник. 1902. Декабрь, ч. 2. С. 898–913.
15. Мельников Ф.Е. Краткая история древнеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул : Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 1999. 568 с.
16. Васильевский М. Материалы для бесед со старообрядцами, приемлющими священство Белокриницкой иерархии // Православный собеседник. 1905. Декабрь, ч. 3. С. 671–674.
17. Васильевский М. Отчет о деятельности противораскольнической миссии в Казанской епархии за 1904 год // Известия по Казанской епархии. 1905. № 33, официальный отдел. С. 985–989.
18. N. N. Расколосектантство в Казанском крае и деятельность против него Казанской миссии за 1903 год. Противораскольническое отделение при братстве св. Гурия в Казани и его деятельность в конце 1903 и начале 1904 г. // Православный собеседник. 1904. Декабрь, ч. 2. С. 1149–1153.
19. От Совета противораскольнического Отделения при братстве св. Гурия // Известия по Казанской епархии. 1909. № 41, официальный отдел. С. 1160–1163.
20. М. В. [Васильевский М.Н.]. Расколосектантство в Казанском крае и деятельность против него Казанской миссии за 1903 год. О епархиальном миссионерском съезде // Православный собеседник. 1904. Декабрь, ч. 2. С. 1147–1149.
21. Высочайше утвержденное положение Комитета министров. «Об укреплении начал веротерпимости» (17 апреля 1905 г.) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. СПб., 1908. Т. XXV, отд-ние 1: 1905. № 26126. С. 258–262.
22. Корреспонденции. Из Казани. Баптизм в Казани и борьба с ним // Церковный вестник. 1910. № 24. С. 745–747.
23. Журнал заседания противо-сектантской комиссии 11 марта 1910 года // Известия по Казанской епархии. 1910. № 12, официальный отдел. С. 350–352.
24. Иона, иеродиак. Беседы со старообрядцами в г. Казани (27-го января 1913 года). О новоисправленных богослужебных книгах // Известия по Казанской епархии. 1913. № 7, отдел неофициальный. С. 239–244.
25. Отчет о состоянии Казанской духовной академии за 1910–1911 учебный год // Православный собеседник. 1911. Второе полугодие, декабрь. С. 1–64.

26. Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1911 год // Православный собеседник. 1913. Первое полугодие, апрель. С. 129–192.
27. Васильевский М.Н. Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I. Казань : Центр. тип., 1914. 254, V с.
28. Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1915. № 15. С. 451–453.
29. Наградов И.С. Расколоть «раскол»: государственная конфессиональная политика и её влияние на развитие старообрядчества во второй четверти XIX – первой четверти XX вв. : (на материалах костромской и Ярославской губерний). Кострома : Костромаиздат, 2013. 352 с.
30. Керов В. В. «Аще враг требует злата – дадите…»: старообрядчество и коррупция в полиции и органах государственной власти Российской империи XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2 (70). С. 17–27.
31. Отчет о состоянии Казанской духовной академии за 1911–1912 учебный год // Православный собеседник. 1912. Второе полугодие, декабрь. С. 1–64.
32. Васильевский М. К вопросу о единоверческом епископе // Церковно-общественный вестник. 1906. № 12. С. 440–442.
33. Ковальская Е.Ю., Байстрюченко С.Г. Внутренняя миссия как церковной институт во 2-й половине XIX – начале XX в. // Ежегодная богословская конф. православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. 2007. № 17, т. 2. С. 51–55.
34. Грачев П., свящ. Открытие круга годичных бесед со старообрядцами в гор. Казани // Известия по Казанской епархии. 1914. № 42, отдел неофициальный. С. 1302–1305.
35. Алексеева Е.А. Старообрядческий вопрос в «Журналах и протоколах заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия» // Свет Христов просвещает всех : альманах Свято-Филаретовского православно-христианского ин-та. 2018. № 27. С. 34–51.
36. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Предисловие, документы и материалы к созыву и деятельности Предсоборного Совета и Собора. М. : Изд-во Соборного Совета, 1918. Кн. I, вып. I. 144 с.
37. Ермакова Д.С. Единоверческий вопрос на Поместном Соборе Русской Православной Церкви в 1917–1918 гг. // Религиоведение. 2010. № 3. С. 27–37.
38. Кравецкий А. Церковная миссия в эпоху перемен (между проповедью и диалогом). М. : Наука, 2011. 712 с.
39. Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Деяния 83–101. М. : Изд-во Новоспасского монастыря, 1999. Т. 7. 261 с.
40. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М. : Управление делами Совнаркома СССР, 1942. 1483 с.

Aleksey A. Mitsuk, Tomsk State University (Tomsk, Russia Federation). E-mail: rixalos@mail.ru

“THROUGH EDINOVERIE TO THE RELIGIOUS RECONCILIATION”: MISSIONARY PRACTICE IN INTERPRETATION OF THE KAZAN THEOLOGICAL ACADEMY PROFESSOR M.N. VASILIEVSKY

Keywords: M.N. Vasilievsky, anti-schismatic missionary practice, the history of old-believers, edinoverie, Church historical studies.

The subject of the article was the anti-schismatic missionary practice of M.N. Vasilievsky, who made a significant contribution to the decisions of the Local Council of the Russian Orthodox Church of 1917–1918. At this Council was discussed the question of edinoverie – the form of accession to the Old-Believers of the official church, in which they kept the worship of old books and rites, but subordinate to the diocesan superiors dominant church. The aim of the research is to identify the stages of the formation of the ideas of Mikhail Nikolaevich Vasilievsky about edinoverie, as an instrument of influence on the Old-Believer.

The sources of the research were periodicals of the Kazan Theological Academy «Pravoslavnyi sobesednik» («Orthodox interlocutor») and the local diocesan newspaper «Izvestiya po Kazanskoj eparhii» («News of the Kazan diocese»), containing information about mission trips and conversations with the Old Believers by M.N. Vasilievsky. Together with the analysis of his master’s dissertation, they make possible to show the ideas of the church activist about the strengths and weaknesses of the anti-schismatic mission and the changes that took place in the missionary community at the turn of the 19th and 20th centuries.

In the course of studying the norms and ideals of the anti-schismatic missionary activity of M.N. Vasilyevsky the author made the following conclusions:

First, the experience of M.N. Vasilievsky in diocesan missionary, whose duties included the regulation of the activities of “local missionaries” and the preparation of general reports, helped him to see and realize the main problems of the anti-schismatic mission. This led M.N. Vasilievsky to the idea of the need for active interaction of local and interregional diocesan structures through missionary congresses and commissions, the consolidation of relevant information on changes in the creed and household way of the Old-Believer communities.

Secondly, as part of the study of the anti-schismatic activity of secular authorities during the reign of Emperor Nicholas I M.N. Vasilievsky expressed doubts about the effectiveness of the state system of supervision in relation to the Old Believers of 1825–1855 and he came to the conclusion of her complete failure. The published dissertation clearly indicates the author’s desire to indicate that only by joint efforts of the state and the church, but didn’t by experiments in the sphere of confessional politics (from repressive forms during the reign of Nicholas I to vesting the Old-Believers civil and religious rights in 1905), it is possible to correct the consequences of the church schism.

Thirdly, under the influence of missionary conversations with the Old-Believers, he came up with the idea of the need to expand the rights of edinoverie and understanding it as a missionary institution that return the Old-Believers to communion with the Russian Orthodox Church. M.N. Vasilievsky defended this statement during the discussion of the state of the internal mission at the Pre-Council Presence (1917) and the Local Council of the Russian Orthodox Church of 1917–1918. Proposal for the reform of the edinoveries church by M.N. Vasilyevsky was approved, which as a result equalized the status of edinoverie with Orthodoxy of the Russian church and allowed the edinoverie choose vicarial bishops. Subsequently, it has helped edinoverie to become an independent religious denomination.

REFERENCES

1. Subbotin, N.I. (ed.) (1875–1895) *Materialy dlya istorii raskola za pervoe vremya ego sushchestvovaniya, izdavaemye Bratstvom sv. Petra mitropolita* [Materials for the history of the schism for the first time of its existence, published by the brotherhood of St. Peter Metropolitan]. Moscow: E. Lissner and J. Roman.
2. Palkin, A.S. (2016) *Edinoverie v seredine XVIII – nachale XX v.: obshcherossiyskiy kontekst i regional’naya spetsifika* [Edinoverie in the mid 18th – early 20th centuries: All-Russian context and regional specificity]. Ekaterinburg: Ural State University.
3. Zhuravsky, A.V. (2004) Vasil'evskiy Mikhail Nikolaevich [Vasilievsky Mikhail Nikolaevich]. In: Patriarch of Moscow and All Russia Alexy II. (ed.) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 7. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. pp. 237–238.
4. Repina, L.P. (2005) Konteksty intellektual'noy istorii [Contexts of Intellectual History]. *Dialog so vremenem: al'manakh intellektual'noy istorii – Dialogue with Time*. 14. pp. 5–11.

5. Kazan Theological Academy. (1897a) Protokoly zasedaniy Soveta Kazanskoy duhovnoy akademii za 1895 god [Minutes of meetings of the Council of the Kazan Theological Academy in 1895]. *Pravoslavnyy sobesednik*. 1(1). Supplement. pp. 193–272.
6. Kazan Theological Academy. (1897b) Protokoly zasedaniy Soveta Kazanskoy duhovnoy akademii za 1895 god [Minutes of meetings of the Council of the Kazan Theological Academy in 1895]. *Pravoslavnyy sobesednik*. 1(2). Supplement. pp. 273–346.
7. Kazan Theological Academy. (1900) Otchet o sostoyanii Kazanskoy dukhovnoy akademii za 1898–1899 uchebnyy god [Report on the state of the Kazan Theological Academy for the 1898–1899 academic year]. *Pravoslavnyy sobesednik*. 1. Suipplement. pp. 1–54.
8. The Central State Historical Archive of St. Petersburg. Fund 277. List 1. File 3242.
9. Kazan Theological Academy. (1901) Protokoly zasedaniy Soveta Kazanskoy dukhovnoy akademii za 1899 god [Minutes of meetings of the Council of the Kazan Theological Academy for 1899]. *Pravoslavnyy sobesednik*. 1. Supplement. pp. 81–160.
10. Kazan Theological Academy. (1901) Instruktsiya eparkhial'nym missioneram v Kazanskoy eparkhii [Instructions to diocesan missionaries in the Kazan diocese]. *Izvestiya po Kazanskoy eparkhii*. 5. pp. 199–204.
11. Kazan Theological Academy. (1902) Protokoly zasedaniy Soveta Kazanskoy dukhovnoy akademii za 1900 god [Minutes of meetings of the Council of the Kazan Theological Academy for 1900]. *Pravoslavnyy sobesednik*. 1. pp. 113–144.
12. Vasilievsky, M. (1902) Otchet o zanyatiyakh professorskogo stipendiata pri kafedre istorii i oblichenii russkogo raskola M. Vasil'evskogo [Report on the professorial of a scholarship holder at the Department of History and Exposure of the Russian schism M. Vasilievsky]. *Pravoslavnyy sobesednik*. 2. Supplement. 12. pp. 1–2.
13. M.V. [Vasilievsky, M.N.]. (1904) Raskolosektantstvo v Kazanskom krae i deyatel'nost' protiv nego Kazanskoy missii za 1903 god [Schism in Kazan Region and the activities of the Kazan mission against it in 1903]. *Pravoslavnyy sobesednik*. 2. pp. 911–930.
14. Konovalov. (1902) Chetyre besedy so sleptsom Konovalovym [Four conversations with the blind man Konovalov]. *Pravoslavnyy sobesednik*. 2. pp. 898–913.
15. Melnikov, F.E. (2006) *Kratkaya istoriya drevnepravoslavnoy (staroobryadcheskoy) Tserkvi* [A Brief History of the Old Orthodox (Old-Believer) Church]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University.
16. Vasilievsky, M. (1905) Materialy dlya besed so staroobryadtsami, priemlyushchimi svyashchenstvo Belokrinitskoy ierarkhii [Materials for conversations with Old Believers receiving the priesthood of the Belokrinitskaya Hierarchy]. *Pravoslavnyy sobesednik*. 3. pp. 671–674.
17. Vasilievsky, M. (1905) Otchet o deyatel'nosti protivoraskol'nicheskoy missii v Kazanskoy eparkhii za 1904 god [Report on the activities of the anti-schismatic mission in the Kazan diocese for 1904]. *Izvestiya po Kazanskoy eparkhii*. 33. pp. 985–989.
18. N.N. (1904) Raskolosektantstvo v Kazanskom krae i deyatel'nost' protiv nego Kazanskoy missii za 1903 god. Protivoraskol'nicheskoe otdelenie pri bratstve sv. Guriya v Kazani i ego deyatel'nost' v kontse 1903 i nachale 1904 g. [Schism in Kazan Region and the activities of the Kazan mission against it in 1903. Anti-schismatical Department under the brotherhood of St. Guria in Kazan and its activities in the late 1903 and early 1904]. *Pravoslavnyy sobesednik*. 2. pp. 1149–1153.
19. Anon. (1909) Ot Soveta protivoraskol'nicheskogo Otdeleniya pri bratstve sv. Guriya [From the Council of the anti-schismatical Department under the brotherhood of St. Guria]. *Izvestiya po Kazanskoy eparkhii*. 41. pp. 1160–1163.
20. M.V. [Vasilievsky, M.N.]. (1904) Raskolosektantstvo v Kazanskom krae i deyatel'nost' protiv nego Kazanskoy missii za 1903 god. O eparkhial'nom missionerskom s"ezde [Schism in Kazan Region and the activities of the Kazan Mission against it in 1903. About the diocesan mission congress]. *Pravoslavnyy sobesednik*. 2. December. pp. 1147–1149.
21. Russian Empire. (1908) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Col. 3. Vol. 25. 26126. St. Petersburg: Gos. tip. pp. 258–262.
22. Anon. (1910) Korrespondentsii. Iz Kazani. Baptizm v Kazani i bor'ba s nim [Correspondence. From Kazan. Baptism in Kazan and the fight against it]. *Tserkovnyy vestnik*. 24. pp. 745–747.
23. Anon. (1910) Zhurnal zasedaniya protivo-sektantskoy komissii 11 marta 1910 goda [Journal of meeting the anti-sectarian commission. March 11, 1910]. *Izvestiya po Kazanskoy eparkhii*. 12. pp. 350–352.
24. Iona, Hierodeacon. (1913) Besedy so staroobryadtsami v g. Kazani (27-go yanvarya 1913 goda). O novoispravlennykh bogosluzhebnykh knigakh [Conversations with Old Believers in Kazan (January 27, 1913). About the newly amended liturgical books]. *Izvestiya po Kazanskoy eparkhii*. 7. pp. 239–244.
25. Kazan Theological Academy. (1911) Otchet o sostoyanii Kazanskoy dukhovnoy akademii za 1910–1911 uchebnyy god [Report on the state of the Kazan Theological Academy for the 1910–1911 academic year]. *Pravoslavnyy sobesednik*. Second half-year. pp. 1–64.
26. Kazan Theological Academy. (1913) Protokoly zasedaniy Soveta Kazanskoy dukhovnoy akademii za 1911 god [Minutes of meetings of the Council of the Kazan Theological Academy for 1911]. *Pravoslavnyy sobesednik*. First half-year. pp. 129–192.
27. Vasilievsky, M.N. (1914) *Gosudarstvennaya sistema otnosheniy k staroobryadcheskomu raskolu v tsarstvovanie imperatora Nikolaya I* [The state system of relations to the Old Believers' schism in the reign of Emperor Nicholas I]. Kazan: Cent. tip.
28. Anon. (1915) Dukhovnaya i tserkovnaya shkola [Theological and church school]. *Tserkovnyy vestnik*. 15. pp. 451–453.
29. Nagradov, I.S. (2013) *Raskolot' "raskol": gosudarstvennaya konfessional'naya politika i ee vliyanie na razvitie staroobryadchestva vo vtoroy chetverti XIX – pervoy chetverti XX vv.: (na materialakh kostromskoy i Yaroslavskoy guberniy)* [To split the "schism": state confessional policy and its influence on the development of the Old Believers in the second quarter of the 19th – first quarter of the 20th centuries (a case study of Kostroma and Yaroslavl provinces)]. Kostroma: Kostromaizdat.
30. Kerov, V.V. (2016) "If the enemy demands gold – give it to him…": Old Belief and corruption in police and public authorities of the Russian Empire at the 19th century. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2(70). pp. 17–27.
31. Kazan Theological Academy. (1912) Otchet o sostoyanii Kazanskoy dukhovnoy akademii za 1911–1912 uchebnyy god [Report on the state of the Kazan Theological Academy for the 1911–1912 academic year]. *Pravoslavnyy sobesednik*. Second half-year. pp. 1–64.
32. Vasilievsky, M. (1906) K voprosu o edinovercheskom episkope [On an edinoverie bishop]. *Tserkovno-obshchestvennyy vestnik*. 12. pp. 440–442.
33. Kovalskaya, E.Yu. & Baystryuchenko, S.G. (2007) Vnutrennyaya missiya kak tserkovnoy institut vo 2-y polovine XIX – nachale XX v. [Internal mission as a church institution in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Ezhegodnaya bogoslovskaya konf. pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo un-ta*. 17(2). pp. 51–55. (In Russian).
34. Grachev, P. (1914) Otkrytie kruga godichnykh besed so staroobryadtsami v gor. Kazani [Opening of a circle of annual conversations with Old Believers in the city of Kazan]. *Izvestiya po Kazanskoy eparkhii*. 42. pp. 1302–1305.
35. Alexeyeva, E.A. (2018) The Old Believer issue in the proceedings of the Pre-Conciliar Presence. *Vestnik Svyato-Filaretovskogo instituta – The Quarterly Journal of St. Philaret's Institute*. 27. pp. 34–51. (In Russian).
36. RSFSR. (1918) *Svyashchennyy Sobor Pravoslavnoy Rossiyskoy Tserkvi. Deyaniya. Predislovie, dokumenty i materialy k sozyvu i deyatel'nosti Predsobornogo Soveta i Sobora* [Holy Congregation of the Russian Orthodox Church. Acts. Preface, documents and materials for the convocation and activities of the Pre-Conciliar Council and Holy Congregation]. Vol. 1.(1). Moscow: Congregation Council.
37. Ermakova, D.S. (2010) Edinovercheskiy vopros na Pomestnom Sobore Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v 1917–1918 gg. [The problem of Edinoverie at the Church Council of the Russian Orthodox Church in 1917–1918]. *Religiovedenie – Study of Religion*. 3. pp. 27–37.
38. Kravetsky, A.G. (2007) *Tserkovnaya missiya v epokhu peremen (mezhdu propoved'yu i dialogom)* [Church mission in an era of change (between preaching and dialogue)]. Moscow: Nauka.
39. Russian Federation. (1999) *Deyaniya Svyashchennogo Sobora Pravoslavnoy Rossiyskoy Tserkvi 1917–1918 gg. Deyaniya 83–101* [The Acts of the Holy Council of the Orthodox Russian Church 1917–1918. Acts 83–101]. Vol. 7. Moscow: Novospassky Monastery.
40. USSR. (1942) *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy pravitel'stva za 1917–1918 gg.* [Collection of laws and government regulations for the 1917–1918]. Moscow: Administration of the Council of People's Commissars of the USSR.

УДК 94 (5); 94 (100) 05; 94 (510)03; 94 (517)
DOI: 10.17223/19988613/66/18

Г.Г. Пиков

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ВОСТОЧНОАЗИАТСКИХ КОЧЕВНИКОВ В ТРУДАХ В.П. ВАСИЛЬЕВА (1818–1900)

Рассматриваются взгляды на развитие восточноазиатских кочевых обществ в целом и киданей в частности выдающегося российского востоковеда XIX в. В.П. Васильева. Его творчество заложило основы всего последующего развития историографии восточноазиатских кочевников. Автор считает, что многие его идеи остались невостребованными до сих пор или понимаются специфически.
Ключевые слова: В.П. Васильев; Восточная Азия; кочевники; исторический подход.

В условиях современного достаточно глубокого идеологического и методологического кризиса определенную помощь в изучении конкретных исторических проблем может оказать осмысление хода и специфики развития исторической науки. Необходимо, не только ради исторической справедливости, восстановить аутентичную летопись этого потока, но чтобы вновь, на новом этапе, увидеть до конца не реализованные или даже не понятые возможности исторического анализа.

В истории изучения восточноазиатской цивилизации среди большой плеяды востоковедов XIX в. особое и яркое место занимает китаевед и религиовед, один из основателей восточного факультета Петербургского университета академик Василий Павлович Васильев (1818–1900) [1–3]. Его работы во многих отношениях стали основой современного китаеведения, и в то же время большое количество его идей и исторических наблюдений до сих пор не воспринято в полной и необходимой мере. Достаточно обратить внимание на то, что значительный объем его трудов до сегодняшнего дня не вышел за пределы архивов. Его научная деятельность известна лишь в общем виде, хотя к его исследованиям часто прибегали при решении тех или иных проблем [4–17].

Были переизданы его китайско-русский словарь, труд по религиям Китая, очерки по литературе Китая, произошло системное описание китайских книг В.П. Васильева, находящихся в Восточной библиотеке Санкт-Петербургского университета [18–20]. Это объясняется прежде всего тем, что его творчество крайне многообразно. Научные интересы В.П. Васильева включали китаеведение, монголоведение, маньчжуристику, буддологию, тибетологию, санскритологию, публицистику, переводы, преподавание. Между тем рассмотрение его конкретных исторических штудий позволяет увидеть, что в их основе лежит цельная и парадигмальная система, определенная комплексная программа исследования загадочной восточной цивилизации.

Если Н.Я. Бичурин «познакомил» Россию и Европу с Китаем, его историей и культурой, то В.П. Васильев и его школа создали реальную научную основу для их всестороннего изучения. По сути, он предложил программу всего последующего развития китаеведения. В ее основе лежит ряд принципов. В первую очередь это цивилизационный подход, который с этого времени становится явственным в трудах различных исследователей, прежде всего учеников самого В.П. Васильева, в частности М.Н. Суровцова. Особо следует отметить, что именно всестороннее изучение истории и культуры Китая и сопредельных территорий, акцент на культурологические проблемы и темы, рассмотрение истории Китая обязательно в контексте всей восточноазиатской истории свидетельствуют о том, что исследователь не сравнивает различные цивилизации между собой (прежде всего западную и восточноазиатскую и, разумеется, не в пользу Китая), а пытается увидеть на Востоке своеобразие и оригинальность. Это говорит не только о преодолении вульгарного понимания европоцентризма и цивилизационного подхода, но и о зарождении в отечественном китаеведении именно исторического подхода как научного, дистанцирующегося от идеологических схем.

Именно такая методология явственно видна в изучении выдающимся синологом истории северных «варваров», обитавших на территории современных Монголии и Маньчжурии.

Прежде всего в данном контексте необходимо упомянуть монографию В.П. Васильева «История и древности восточной части Средней Азии, от X до XIII века» [21, 22], в которой он более подробно, чем Н.Я. Бичурин, рассматривает историю киданей и чжурчжэней. Она очень удачно дополняет работы Н.Я. Бичурина (о. Иакинфа), особенно его выдающийся труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», в котором внимание сосредоточено главным образом на истории киданей во время Танской династии (618–907). Исследование В.П. Васильева прочно утверждает взгляд на киданьские государства как независимые. В предисловии к этому сочинению сам В.П. Васильев отмечает, что, поскольку Н.Я. Бичурин «...оставил без внимания историю киданей и сменивших их маньчжуров-чжурчжэней», он решил восполнить этот пробел очерком главного содержания оригинальных источников по истории киданьского и чжурчжэньского государств

[21. С. 3]. В отношении ключевого народа киданей у Васильева около семи листов (1–14) посвящено их додинастической истории и 5 (15–24) непосредственно истории империи Ляо.

Нельзя сказать, что Иакинфа не интересовало это время именно как время зарождения будущей монгольской экспансии, однако практически все свое внимание он уделил завоевательной истории первых монгольских ханов. К тому же причины появления такой фигуры, как Чингисхан, он искал в самом монгольском обществе. В.П. Васильев же считал, что без изучения империй Ляо и Цзинь совершенно невозможно выявить причину появления монголов.

Стоит обязательно отметить, что впервые в таком объеме материал книги посвящен не собственно Китаю, а его северным соседям, «варварам». Обычно их история изучалась лишь в связи с историей Китая, который вынужден был либо отбивать их набеги, либо даже вести «национально-освободительную борьбу с захватчиками».

Вопрос взаимоотношений Китая и «северных варваров» уже почти два столетия является насущной научной проблемой и в настоящее время рассматривается диалектически и многоаспектно. В то время эта проблема еще только входила в научный оборот, и неудивительно, что она рассматривалась исключительно через призму истории Китая, тем более что основными источниками информации были сочинения именно китайских авторов.

Монография В.П. Васильева является значительным вкладом в изучение истории кочевых народов Центральной и Восточной Азии и важна, помимо этого, еще и в других аспектах. Поставлена практическая задача – выяснить предпосылки появления монголов. Здесь хорошо видно, что прежнее представление о решающей роли стремления кочевников к насилию и грабежам в организации крупномасштабных завоеваний, так или иначе присутствовавшее в работах исследователей, объясняло далеко не все. В.П. Васильев рассматривает так называемый «предмонгольский» период (выражение более позднего происхождения) в истории не только Маньчжурии и Монголии, но и самого Китая вплоть до XIII в. Основное внимание уделено именно внутренним факторам развития кочевых обществ – политическому устройству, дипломатии и быту сообществ киданей, чжурчжэней и монголов. Автор впервые так масштабно рассмотрел одну из ключевых интересующих его тем.

Историю империи Ляо он раскрывает, опираясь преимущественно на «Цидань го чжи» Е Лун-ли, а также на «Ляо ши» и «Ляо чжи». Труд В.П. Васильева прочно утверждает в отечественной историографии, как уже было сказано, взгляд на киданьскую империю как независимое государство. В свое время его учитель О.М. Ковалевский советовал ему: «Некоторые европейцы, бывшие в Китае, проникнутые любовью ко всему китайскому, сделавшись, так сказать, китайскими патриотами, были столь вредны для науки, сколько и те, которые вывезли оттуда записки, исполненные презрением к виденному ими народу. Одни и другие преувеличивали или уменьшали сведения, смотря по предубеждению, в каком они взирали на предметы». В.П. Васильев фактически поддерживает точку зрения Н.Я. Бичурина о самостоятельном развитии киданьского государства, отмечая в то же время, что «влияние, произведенное китайцами на нравы и управление номадов, несомненно», хотя «самое имя Китая дано ему киданями». Кроме этого, он утверждал, что без киданей «мы не поймем даже причины появления Чингисхана и предводимых им монголов» [Там же].

Китай, с точки зрения тогдашних исследователей, в том числе и В.П. Васильева, представляет собой единственное цивилизующее начало. Согласно представлениям ученого об истории и культуре, именно управленческие институты и политические приоритеты Китая стали тем, с помощью чего «варвары» имели возможность преодолеть свою отсталость. Он при малейшей возможности приводит примеры благотворного китайского влияния. Основатель киданьского государства Елюй Апоки (Амбагянь в прочтении В.П. Васильева) привлек на свою службу Хань Яньхуэя, который способствовал основанию городов, учреждению управленческих институтов, развитию земледелия и торговли. Для Васильева он чистокровный китаец, хотя, скорее всего, был выходцем из фронтирной зоны на стыке киданьского и китайского государств и мог быть по происхождению «варваром», хотя и китаизированным. Сам Апоки провозгласил себя правителем нового государства и принял китайский титул «Тянь Хуань Ван» («Небесный государь»). Киданьские правители широко использовали китайскую практику привлечения на свою сторону правителей разного уровня из соседних владений, например тех же чжурчжэней [Там же. С. 43].

Постепенно, по мнению исследователя, жадность и тщеславие киданей росли, и в этом они становились очень похожи на китайских императоров, переняв полностью китайский взгляд на внешнюю политику. Они даже сам Китай захотели видеть в числе своих вассалов, тем более что однажды в их руки попала часть китайской территории.

Большинство неудач Китая в его отношениях с кочевниками, по мнению В.П. Васильева, связано со слабым развитием военного дела. Китайские генералы, пишет он, «смелы лишь на словах», а больше преуспели в дворцовых интригах. В этом плане он подчеркивает военные доблести «варваров» и говорит, что именно их военное искусство позволило им начать играть чуть ли не главную роль на международной арене того времени. Васильев, как и его предшественник, архимандрит П. Каменский, видел здесь определяющую роль только силы. Многое в этих рассуждениях шло от отношения русских к степнякам: кидани, чжурчжэни и монголы воспринимались на одно лицо.

Ученый одним из первых сделал предположение, разделяемое сейчас многими исследователями, о возможности родства киданей с монголами. Такой же точки зрения в последние годы придерживается большинство современных исследователей.

Гораздо больше сведений об истории киданей до создания империи и о государственном строе Ляо содержится в приложении к рассматриваемой работе

В.П. Васильева, где он вводит в научный оборот переводы отдельных глав из «Цидань го чжи». Он часто использует цитаты из него в своем рассказе. В целом освещаются преимущественно культурные аспекты. Большой заслугой В.П. Васильева является то, что в своей работе он уже опирается на только начавшие появляться исследования русских и западноевропейских синологов, причем не всегда разделяет их взгляды и зачастую демонстрирует свое собственное понимание процесса исторического развития центральноазиатских народов. Он рассматривает подробно только политическую историю киданей, а не социально-экономический строй их государства, и лишь в приложениях можно найти отрывки из источников, касающиеся этих аспектов, однако сам В. П. Васильев не анализирует их. Это понятно, ибо и политическая история киданей не была еще достаточно изучена. К тому же именно политические проблемы являлись тогда актуальными для России и российско-китайских отношений.

Гораздо хуже то, что переводы отрывков из источников содержали множество неточностей, а подчас и прямые ошибки. Как правило, он не приводит источник дословно. Сказанное, однако, не уменьшает значения труда В.П. Васильева: его переводы на протяжении почти столетия являлись единственными в европейской науке переводами такого важнейшего источника по истории киданей, как «Цидань го чжи».

Нельзя также обвинять автора в том, что он не дает оценку взглядам своих предшественников. В.П. Васильев вслед за Н.Я. Бичуриным создавал основы изучения центральноазиатских народов вообще и киданей в частности. Аналитическое востоковедение в этот период только начинает складываться. Европейцы еще редки в Восточной Азии, в основном это люди, далекие от интереса к истории (купцы, миссионеры, политики). Такие маститые информаторы, как Маттео Риччи или Франциск Ксавье, больше говорят о современности. История только начинает внедряться в политическую практику, развернутых идеологических схем еще нет. К началу XIX в. обобщены лишь те источники, которые попали в Европу в средневековый период. Авторов пока немного, появляются лишь первые переводы и компиляции.

Рождение нейтрального исторического подхода к истории восточноазиатских кочевников неизбежно сказывалось на особенностях как методологических позиций, так и технологий исследования. В.П. Васильев в значительной степени оказался своего рода заложником письменных источников, особенно такого выдающегося текста, как «История государства киданей» («Цидань го чжи»). Он не только, подобно автору Е Лунли, сделал акцент на политической истории и описании внутренних конфликтов, но и принял методологическую позицию китайского историка, воспринимая историю и культуру киданей через китайскую культуру, которую безмерно уважал. Он не увидел, что кидани, как, впрочем, и чжурчжэни и монголы, были представителями иной цивилизации. В его исследовании сохраняли прежнее значение такие термины, как «племена» и «отсталые». Достаточным основанием для этого он видел уже то, что они являлись скотоводами и кочевниками.

Тем не менее он поддерживал и развивал точку зрения, во многом идущую от Н.Я. Бичурина, понимания зоны «северных варваров» как самостоятельной не только в этническом, но и в культурном отношении. В этом плане он хорошо вписывался в тенденцию, формирующуюся в то время в практическом и научном востоковедении. Этот прорыв начал еще Н.Я. Бичурин, который стал уделять пристальное внимание истории кочевой зоны, предпочитал опираться на источники, современные средневековым кочевым обществам. Это были именно китайские, а не маньчжурские сочинения. Заинтересовала российских востоковедов и культура кочевников. Выделенный Бичуриным из текстов материал заложил предпосылки для признания кочевников не фоном китайской истории, а самостоятельным актором. Однако активное использование китайских источников простимулировало еще один акцент в изучении восточноазиатских обществ. Эти источники негативно повлияли на историографию кочевых сообществ, поскольку сосредоточивали свое внимание на политике и войнах с кочевниками. На тот период еще не было достаточного материала для воссоздания внутренней истории кочевых народов.

К тому же в XVIII–XIX вв. происходил закат аграрных экономик. Они переходят на второй план, уступая городу с его торговыми связями и развивающимся производством, соответственно, усиливаются столкновения и конфликты с оседлыми народами. Турбулентность, характерная для кризиса, в данном случае системного, универсального, общецивилизационного, переносится на всю историю кочевников. Одновременно в Европе усиливаются «освободительные» движения, растет интерес к «борьбе» развитых культур за «право» и «свободу» от «угнетателей», «эксплуататоров» и «варваров». Поистине национальными героями становятся предводители средневековых восстаний, борцы с «феодализмом». У славян воспевают гуситов, в России А.С. Пушкин пишет «Историю пугачевского бунта».

По сути, Н.Я. Бичурин, В.П. Васильев и другие исследователи последующего времени, вплоть до сегодняшнего дня, воспринимали кочевую зону как своего рода «луну» Китая, ведомую и медленно, но неуклонно, впитывавшую великую китайскую культуру. Его ученик, студент санкт-петербургского университета, М.Н. Суровцов, в своей работе «О владычестве киданей в Средней Азии», получившей золотую медаль, мастерски проиллюстрировал и использовал взгляды и методы своего учителя.

В.П. Васильев во многом преодолел вульгарный европоцентризм, но фактически не отказался от оседлоцентризма и китаецентризма. Своеобразная квинтэссенция китаецентризма, оседлоцентризма, русского многовекового традиционного подхода к истории кочевников и степняков и просветительских идей породила мощную попытку через базовые идеи оседлых цивилизаций прочитать историю кочевников. Просветительские идеи еще не получили широкого распространения в русской исторической науке, однако такие

понятия и представления, как «цивилизация», «прогресс», акцент на экономическом развитии, секулярности культуры и др., уже используются как базовые. В.П. Васильев и его последователи еще не приняли окончательно формационный подход, однако увидели серьезность дихотомии традиционного общества, в рамках которого оставались кочевники, и «современности», на которой зиждился современный им Китай. Как Китаю, так, тем более, и кочевникам еще не нужна идея республики. Именно религии (конфуцианство, буддизм) «облагораживают» «дикарей» и создают необходимую форму государства. Да и религиозная этика еще не утратила своего значения. Соединение русских, китайских и западных идей у М.Н. Суровцова выразится еще более ярко.

XIX век видит системность во всем. Н.Я. Данилевский выделяет «культурно-исторические» типы, О. Шпенглер говорит о «закате Европы». В общественную мысль глубоко внедряются понятия «цивилизация» и «формация». На всех без исключения кочевников распространяется представление о наличии у них не мироустроительной, а экспансионистской парадигмы. Возникает интерес к их общеевразийским акциям – «завоеваниям» гуннов, монголов, тюрок, турок. С другой стороны, закладываются основы для формирования у потомков кочевников концепций панмонголизма и пантюркизма.

В.П. Васильев, естественно, работает в рамках складывающегося, в том числе и в самом Китае, представления о кочевниках не как о специфической экономике, а как о бедной ресурсами, тупиковой системе, в основе которой лежит стремление к агрессии. Он и смотрит на киданей как на тех, кто начал движение к всеобщей агрессии («подготовил»), которую продолжили монголы. Их внутренний строй и культура интересуют его именно как «механизм» формирования этой агрессии.

Таким образом, Н.Я. Бичурин увидел некую «самость» и «самодеятельность» кочевников в целом и киданей в частности, но он судил практически лишь на основе средневековых текстов, а В.П. Васильев шел от «буржуазной методологии». Она формируется уже в связи не с пресловутым российским шовинизмом, а с капитализмом, который на самом деле «опускает» низы общества за черту культуры. Это не только пролетарии и крестьяне, но и кочевники, которые из-за отношения к ним в большинстве евразийских стран могут быть приравнены к «низам». Они тоже участвуют, с точки зрения марксизма, в «классовой борьбе», тоже борются с «эксплуататорами», каковыми являются не «буржуи», а «помещики» и «степные феодалы», т.е. представители слоев, связанных с аграрным обществом.

Эта методология формировалась в период Просвещения на основе философии буржуазного общества, переосмысленной в России марксизмом. Просвещение делает акцент на истории. Пишутся крупные исторические труды, широко распространяется макроисторический подход, и историки описывают длинные исторические периоды, большие территории, историю народов. Происходит переход к истории «миров» как цивилизаций, а не просто отдельных территорий. Марксизм пытался понять Восток в целом и кочевников в частности через концепцию «азиатского способа производства», практики победившего капитализма, который начал выходить за пределы Европы (стадия «империализма»). Необходимо также отметить, что история кочевников во многом прочитывается через тщательно изученную на протяжении Средневековья историю оседлых евразийских государств, к тому же трактуемую через реалии народившегося буржуазного общества, иначе говоря, через его ценности и приоритеты, а также конфликты и противоречия. Окончательно формируется имидж «сонного» Китая, а кочевники воспринимаются как извечное зло и препятствие для прогрессивного развития человечества.

Складывается довольно парадоксальная ситуация. Российские востоковеды того времени, и прежде всего В.П. Васильев и его ученики, тщательно защищали Восток от экспансии Европы и европоцентризма, но не считали нужным от того же защищать кочевников. Они делали акцент на необходимости научного подхода к истории Востока, занимались фактически апологией Востока, но не распространяли это на кочевые объединения. Гунны для них не страницы истории, а иллюстрации к ним, демонстрация агрессивного «начала» кочевников. Исследователей вдохновляла антицинская, антиманьчжурская война китайцев. Нередко можно увидеть в их трудах мысли о периоде маньчжурской династии Цин как господстве голой и бескультурной агрессии. В.П. Васильев утверждал, что фактически Китай всегда боролся с агрессорами. Н.Я. Бичурин в том числе по этой причине не считал необходимым использовать в своих изысканиях маньчжурские тексты, предпочитая китайские сочинения.

Все это, несомненно, способствовало активизации «ввода в научный оборот» обширного фактического материала. Методы сбора материала совершенствовались российскими востоковедами от Н.Я. Бичурина до В.П. Васильева.

В это время окончательно определяется тематика исследований восточноазиатских кочевников: интересующие народы, базовые китайские источники, необходимые методологические ракурсы. В итоге начинает складываться система подготовки будущих исследователей, их профессионального и общеисторического образования. Если до сих пор в России история в целом и история кочевников в частности были досужим занятием, то во второй половине XIX столетия необходимость на более раннем этапе развития личности внедрять новую картину истории резко стимулировала интерес к истории кочевников. Четко обозначается в данный период школа именно В.П. Васильева.

В России этому способствовала и гуманитарная вестернизация (интерес к западной культуре и истории В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, Н.В. Гоголя, А.С. Пушкина, Т.Н. Грановского). Оригинальным было, однако, стремление не к описательной истории, а к ее реконструкции для понимания крупных и сложных проблем, характерных для окруженной созвездием цивилизаций России.

Деятельность и труды В.П. Васильева быстро становились достоянием отечественной культуры и использовались не только в научных целях. В России

нарастало «освободительное» движение «азиатских» народов («инородцев»). Все «восточные люди» стремились к объединению, были заложены основы идеи «тюрко-монгольского» мира, вечно обижаемого и «силой» прокладывающего себе путь в будущее. В.П. Васильев был достаточно далек от этого, но его материалы, и как сочинения других востоковедов, до сих пор активно используется в межнациональной «полемике».

Таким образом, деятельность В. П. Васильева является важным фактором становления современного восточноазиатского востоковедения. С учетом тех идеологем, которые характерны для того времени и европейского мышления, его творческое наследие может считаться программой развития и современного востоковедения. Следует только сделать еще больший акцент на изучении накопленной историографии, чтобы понять пройденный кочевниковедением с тех пор путь. Необходимы также скрупулезный, беспристрастный и деидеологизированный анализ текстов, современных историй кочевых народов («источников»), активизация археологического изучения, синтез информации обо всех аграрных обществах для сравнительного их изучения. Эти четыре задачи суть четыре направления, ибо надо их решать одновременно. Главное – реконструкция кочевой цивилизации, оригинальность которой в том, что она – евразийское явление, в отличие от других цивилизаций, связанных с субзонами Евразии. Аналогом ее является исламский «мир».

ЛИТЕРАТУРА

1. Козин С.А. Библиографический обзор изданных и неизданных работ академика В.П. Васильева, по данным Азиатского музея АН СССР // Известия АН СССР. VII сер. Отд. обществ. наук. Л., 1931. № 6. С. 759–774.
2. Русский китаевед академик Василий Павлович Васильев (1818–1900) // Очерки по истории русского востоковедения. М. : Наука, 1956. Сб. 2. С. 234–340.
3. История и культура Китая : сб. памяти академика В.П. Васильева / отв. ред. Л. С. Васильев. М. : Наука, 1974. 480 с.
4. Симоновская Л.В. Академик В.П. Васильев и его эпоха // История и культура Китая : сб. памяти академика В.П. Васильева. М. : Наука, 1974. С. 20–27.
5. Хохлов А.Н. В.П. Васильев в Нижнем Новгороде и Казани // История и культура Китая : сб. памяти академика В.П. Васильева. М. : Наука, 1974. С. 28–70.
6. Хохлов А.Н. В.П. Васильев о Кяхте и кяхтинской торговле (из эпистолярного наследия русского востоковеда) // 13-я научная конференция «Общество и государство в Китае» (НКОГК). М. : Наука, 1982. Ч. 2. С. 224–240.
7. Хохлов А.Н. Внешняя политика цинского Китая в публикациях В.П. Васильева (к 175-летию со дня рождения) // 25-я НКОГК. М. : Наука, 1994. С. 276–283.
8. Гончаров С.Я. «Цзинь чжи» (Описание государства Цзинь) в переводе В.П. Васильева (к оценке источника и перевода) // 22-я НКОГК. М. : Наука, 1991. Ч. 3. С. 188–198.
9. Кожин П.М. «Шелковый путь» и кочевники (некоторые вопросы средневековой этногеографии Центральной Азии) // 22-я НКОГК. М. : Наука, 1991. Ч. 3. С. 31–43.
10. Никольская С.В. «Очерк истории китайской литературы» В.П. Васильева и роман У Чэнъэня «Путешествие на Запад» // 22-я НКОГК. М. : Наука, 1991. Ч. 3. С. 44–55.
11. Патрушева М.А. О трудах В.П. Васильева по истории Маньчжурии // 17-я НКОГК. М. : Наука, 1986. Ч. 2. С. 191–192.
12. Шастина Н.П. Монголоведение в трудах В.П. Васильева. // История и культура Китая : сб. памяти академика В.П. Васильева. М. : Наука, 1974. С. 86–103.
13. Самойлов Н.А. Публицистика академика В.П. Васильева и некоторые вопросы общественно-политического развития Китая второй половины XIX века // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л. : ЛГУ, 1988. Вып. 11. С. 172–190.
14. Смолин Г.Я. В.П. Васильев и преподавание истории Дальнего Востока в Петербургском университете во второй половине XIX в. // История и культура Китая : сб. памяти академика В.П. Васильева. М. : Наука, 1974. С. 71–85.
15. Мартынов А.С. Идеологическая полемика в начале эпохи Тан и ее место в истории религий Китая. [Работа В.П. Васильева «Религии Востока: конфуцианство, буддизм, даосизм»] // 22-я НКОГК. М. : Наука, 1991. Ч. 3. С. 44–55.
16. Торчинов Е.А. Труды В.П. Васильева и актуальные проблемы изучения даосизма // 22-я НКОГК. М. : Наука, 1991. Ч. 3. С. 22–31.
17. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М. : Наука, 1977. 505 с.
18. Васильев В.П. Графическая система китайских иероглифов : опыт первого китайско-русского словаря. СПб. : НП-Принт, 2010. 484 с. (Оригинал – 1867 г.).
19. Васильев В.П. Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм. СПб., 1873. 185 с.
20. Васильев В.П. Очерк истории китайской литературы : переизд. на русском и китайском языках / пер.на кит. Янь Годуна. СПб. : Ин-т Конфуция в СПбГУ, 2013. 334 с.
21. Васильев В.П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века. СПб., 1857. 235 с.
22. Васильев В.П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века // Труды восточного отделения Русского Археологического Общества. СПб., 1859. Т. 3, 4. С. 236–256.

Gennady G. Pikov, Novosibirsk State University (Novosibirsk (Russia). E-mail: gennadij-pikov@yandex.ru

FORMATION OF A HISTORICAL APPROACH TO THE STUDY OF EAST ASIAN NOMADS IN THE WORKS OF V.P. VASILIEV (1818–1900)

Keywords: V.P. Vasiliev, East Asia, nomads, historical approach.

The article sets the task to consider the views on the development of East Asian nomadic societies in general and Khitans in particular, of an outstanding Russian orientalist of the 19 century V.P. Vasiliev. His work laid the foundation for the entire subsequent development of the historiography of East Asian nomads. Nevertheless, many of his ideas have remained unclaimed so far or are understood specifically.

Sources for writing this study were published works of the researcher, mainly devoted to the history and culture of the peoples of East Asia.

V.P. Vasiliev actually proposed a program for the entire subsequent development of East Asian oriental studies.

It is based on a number of principles. First of all, the civilizational approach, which from that time becomes apparent in the works of various scholars, as well as a comprehensive study of the history and culture of China and neighboring territories, an emphasis on cultural problems and topics, a consideration of the history of China is mandatory in the context of all East Asian history. This speaks

not only of overcoming by him vulgar understanding of Eurocentrism and a civilizational approach, but also of the emergence in Russian Sinology of precisely a historical approach, as a scientific one, distancing itself from ideological schemes.

The monograph of V. P. Vasiliev is a significant contribution to the study of the history of the nomadic peoples of Central and East Asia. The practical task is to find out the prerequisites for the appearance of the Mongols. Vasiliev V. P. considers the so-called "pre-Mongol" period up to the 13 century. The main attention is paid to the internal factors of the development of nomadic societies – the political structure, diplomacy and life of the Khitan, Jurchen and Mongol communities. The author for the first time so extensively examined one of the key topics of interest to him.

China, from the point of view of Vasilyev V.P., represents the only civilizing principle in East Asia. He constantly gives examples of beneficial Chinese influence.

The scientist was one of the first to make an assumption about the possibility of kinship between Khitans and Mongols. He finds evidence of this in the text of a 12th century Chinese historical work. "Khitan Go Zhi" (History of the Khitan State). In the appendix to his work, "History and Antiquities of the Eastern Part of Central Asia from the 10th to the 13th Century," he introduces the scientific translation of individual chapters from it.

Vasilyev V.P. overcame vulgar Eurocentrism, but did not abandon saddle-centrism and China-centrism. He worked within the framework of the idea of nomads as a specific and impasse system, which is based on the desire for aggression. He looks at the Khitans as those who began the movement towards general aggression. Their inner structure and culture interests him precisely as the "mechanism" of the formation of this aggression.

Thus, the activity of V.P. Vasiliev is an important factor in the formation of modern East Asian oriental studies. His creative heritage can be considered a program of development also modern oriental studies. It is only necessary to place an even greater emphasis on the study of accumulated historiography, and to carry out a rigorous and impartial analysis of the sources. The main thing is the reconstruction of the history of nomadic civilization in its entirety.

REFERENCES

1. Kozin, S.A. (1931) Bibliograficheskiy obzor izdannykh i neizdannykh rabot akademika V.P. Vasil'eva, po dannym Aziatskogo muzeya AN SSSR [A bibliographic review of the published and unpublished works by Academician V.P. Vasiliev, according to the Asian Museum of the USSR Academy of Sciences]. *Izvestiya AN SSSR. VII ser. Otd. obshchestv. nauk*. 6. pp. 759–774.
2. Avdiev, V.I. & Shastina, N.P. (eds) *Ocherki po istorii russkogo vostokovedeniya* [Essays on the History of Russian Oriental Studies]. Moscow: Nauka. pp. 234–340.
3. Vasiliev, L.S. (ed.) (1974) *Istoriya i kul'tura Kitaya* [History and Culture of China]. Moscow: Nauka.
4. Simonovskaya, L.V. (1974) Akademik V.P. Vasil'ev i ego epokha [Academician V.P. Vasiliev and his era]. In: Vasiliev, L.S. (ed.) (1974) *Istoriya i kul'tura Kitaya* [History and Culture of China]. Moscow: Nauka. pp. 20–27.
5. Khokhlov, A.N. (1974) V.P. Vasil'ev v Nizhnem Novgorode i Kazani [V.P. Vasiliev in Nizhny Novgorod and Kazan]. In: Vasiliev, L.S. (ed.) (1974) *Istoriya i kul'tura Kitaya* [History and Culture of China]. Moscow: Nauka. pp. 28–70.
6. Khokhlov, A.N. (1982) [V.P. Vasiliev on Kyakhta and Kyakhta trade (from the epistolary heritage of the Russian orientalist)]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China]. Proc. of the 13th Conference. Moscow: Nauka. pp. 224–240. (In Russian).
7. Khokhlov, A.N. (1994) [Foreign policy of Qing China in the publications of V.P. Vasilyeva (to the 175th birthday anniversary)]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China]. Proc. of the 25th Conference. Moscow: Nauka. pp. 276–283. (In Russian).
8. Goncharov, S.Ya. (1991) ["Jin zhi" (Description of the state of Jin) translated by V.P. Vasilyev (to the assessment of the source and translation)]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China]. Proc. of the 22nd Conference. Moscow: Nauka. pp. 188–198. (In Russian).
9. Kozhin, P.M. (1991) ["Silk Road" and nomads (some questions of medieval ethnogeography of Central Asia)]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China]. Proc. of the 22nd Conference. Moscow: Nauka. pp. 31–43. (In Russian).
10. Nikolskaya, S.V. (1991) ["Essay on the History of Chinese Literature" by V.P. Vasiliev and Wu Cheng'en's novel "Journey to the West"]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China]. Proc. of the 22nd Conference. Moscow: Nauka. pp. 44–55. (In Russian).
11. Patrusheva, M.A. (1986) O trudakh V.P. Vasil'eva po istorii Man'chzhurii [About the works of V.P. Vasiliev on the history of Manchuria]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China]. Proc. of the 17th Conference. Moscow: Nauka. pp. 191–192. (In Russian).
12. Shastina, N.P. (1974) Mongolovedenie v trudakh V.P. Vasil'eva [Mongolian studies in the works of V.P. Vasilyev]. In: Vasiliev, L.S. (ed.) *Istoriya i kul'tura Kitaya* [History and Culture of China]. Moscow: Nauka. pp. 86–103.
13. Samoylov, N.A. (1988) Publitsistika akademika V.P. Vasil'eva i nekotorye voprosy obshchestvenno-politicheskogo razvitiya Kitaya vtoroy poloviny XIX veka [The journalism of Academician V.P. Vasilyeva and some issues of the social and political development of China in the second half of the 19th century]. *Istoriografiya i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki*. 11. pp. 172–190.
14. Smolin, G.Ya. (1974) V.P. Vasil'ev i prepodavanie istorii Dal'nego Vostoka v Peterburgskom universitete vo vtoroy polovine XIX v. [V.P. Vasiliev and Teaching the History of the Far East at St. Petersburg University in the second half of the 19th century]. In: Vasiliev, L.S. (ed.) *Istoriya i kul'tura Kitaya* [History and Culture of China]. Moscow: Nauka. pp. 71–85.
15. Martynov, A.S. (1991) [Ideological controversy at the beginning of the Tang era and its place in the history of religions in China. V.P. Vasilyev's "Religions of the East: Confucianism, Buddhism, Taoism"]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China]. Proc. of the 22nd Conference. Moscow: Nauka. pp. 44–55. (In Russian).
16. Torchinov, E.A. (1991) [The works of V.P. Vasiliev and topical problems of studying Taoism]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China]. Proc. of the 22nd Conference. Moscow: Nauka. pp. 22–31. (In Russian).
17. Skachkov, P.E. (1977) *Ocherki istorii russkogo kitaevedeniya* [Essays on the history of Russian Sinology]. Moscow: Nauka.
18. Vasiliev, V.P. (2010) *Graficheskaya sistema kitayskikh ieroglifov: opyt pervogo kitaysko-russkogo slovarya* [Graphic system of Chinese characters: experience of the first Chinese-Russian dictionary]. St. Petersburg: NP-Print.
19. Vasiliev, V.P. (1873) *Religii Vostoka: konfutsianstvo, buddizm i daosizm* [Religions of the East: Confucianism, Buddhism, Taoism]. St. Petersburg: [s.n.].
20. Vasiliev, V.P. (2013) *Ocherk istorii kitayskoy literatury* [Essay on the History of Chinese Literature]. St. Petersburg: Confucius Institute at St. Petersburg State University.
21. Vasiliev, V.P. (1857) *Istoriya i drevnosti vostochnoy chasti Sredney Azii ot X do XIII veka* [History and antiquity of the eastern part of Central Asia from the 10th to 13th centuries]. St. Petersburg: [s.n.].
22. Vasiliev, V.P. (1859) Istoriya i drevnosti vostochnoy chasti Sredney Azii ot X do XIII veka [History and antiquity of the eastern part of Central Asia from the 10th to 13th centuries]. *Trudy vostochnogo otdeleniya Russkogo Arkheologicheskogo Obshchestva*. 3, 4. pp. 236–256.

УДК 930.1
DOI: 10.17223/19988613/66/19

И.Е. Рогаева

ОТЫСКАТЬ «ПРОШЛОЕ КАК НАСТОЯЩЕЕ»: МЕСТО ОТЦОВ-ПИЛИГРИМОВ В ПАМЯТИ АМЕРИКАНСКОЙ НАЦИИ

Работа посвящена анализу мифа об отцах-пилигримах как одного из символических «якорей» национальной памяти США в историографическом фокусе. История о пути первых колонистов Новой Англии существует в пространстве исторической памяти американской нации на протяжении четырех веков. Находясь в русле социально-политического дискурса, сюжет об отцах-пилигримах претерпел череду трансформаций, сохранив при этом свой статус фундаментального национального мифа, несмотря на продолжающуюся критическую переоценку.

Ключевые слова: отцы-пилигримы; Новый Плимут; коллективная память; мифы; США.

Пространство вопросов коллективной памяти – одно из самых оживленных в мировой историографии. Концептуальные основы для исследований в этой области были заложены еще в 1920-х гг. Морисом Альбваксом, отметившим тесную связь исторической памяти индивида с тем, как разнообразные социальные группы конструируют память о прошлом. В то же время он подчеркивал зависимость доминирующих социальных представлений о прошлом от актуальных проблем настоящего. Альбвакс полагал, что специфические черты, присущие коллективной памяти, – эмоциональность, спонтанность, дробность, изменчивость – противопоставляют ее исторической науке, поскольку суть исторических изысканий лежит в беспристрастной, методичной реконструкции прошлого.

Грандиозный проект «Места памяти» под редакцией Пьера Нора [1] о символах, наполняющих коллективную память и определяющих национальную идентичность, примирил историю и память, разведенные в работах Альбвакса, в фокусе «истории памяти». Нора предложил изучать прошлое с позиции «истории во второй степени»: когда анализу подвергается «история не событий самих по себе, а история “постоянного использования событий и злоупотребления ими” в меняющемся настоящем» [2]. Пространство «истории во второй степени» наполняют «места памяти», под которыми Нора понимал любые материальные или идеальные объекты исторического прошлого, которые по разным причинам превратились в символическую часть наследия, сохраняемую в памяти некой общности.

Историки, выстраивая траекторию памяти американской нации, последовательно обращаются к Новому Плимуту – одному из символических якорей истории США. «На протяжении более полутора столетий, – писал Сарджент Буш, исследователь ранней американской литературы, – с конца XVIII в. до начала XX в., высадка в Плимуте и люди, пережившие ее, были тем зеркалом, в котором американцы разных мастей видели свое лучшее отражение» [3]. История об отцах-пилигримах из Нового Плимута путем многократного повторения, яростного использования в политической риторике стала больше чем одним из фрагментов минувшего – она перешла в иное, мифологическое измерение. Под мифом в этом случае следует понимать некое широко известное романтизированное повествование о прошлом, которое сводит сложные и неоднозначные исторические процессы к простым схемам.

В историографии, посвященной изучению коллективной памяти США, вопросам становления американской идентичности, повествование о пилигримах Нового Плимута включено в когорту «мифов, которые создали Америку». Немецкий американист Хайке Пол [4], профессор Эрлагенского университета, выделяет несколько мифов, ставших фундаментом в дискурсах об американской идентичности как в прошлом, так и в настоящем: легенда об открытии Америки Колумбом; история о Покахонтас; предание об отцах-пилигримах; миф об отцах-основателях; образ Америки как плавильного котла; сага о фронтире и американском Западе; идея о человеке, который сделал себя сам. Каждый из этих фундаментальных мифов содержит в себе конкретное повествование о значимых событиях в истории США, выступающих в коллективной памяти как «начала нации». Они сопровождаются знаковыми визуальными образами, ритуальными культурными практиками, усиливающими их воздействие. Каждый из них может быть рассмотрен в качестве элемента фундамента единой американской идентичности.

В этой связи важно отметить, что существует два способа прочтения понятия «идентичность»: как если бы идентичность вырастала сама собой органическим образом и как если бы ее культивировали искусственно, о чем сообщает в своей работе российский историк Н.В. Трубникова [5]. Эта двойственность присутствует и в интерпретациях мифа об отцах-пилигримах. Так, американский историк Мартин Боуден [6] рассматривает миф о пилигримах в оптике «изобретенной традиции»[1] Эрика Хобсбаума. Боуден назвал основным периодом американского мифотворчества середину и конец XIX в., когда вся совокупность ныне существующих традиций была либо изобретена, либо существенным образом преобразована. По мнению Боудена, главная заслуга в этом принадлежит новоанглийской литературной и художественной элите, исполненной

регионального патриотизма и потому интерпретировавшей историю обретения независимости США как череду событий, «предначертанных провидением», исток которых находится в Плимуте. В версии Боудена кампании по созданию легенд проистекают от стремления жителей регионов и нации в целом к прославлению и облагораживанию самих себя. По мере удаления от событий прошлого и исчезновения очевидцев происходит замещение памяти о былом романтизированной легендой, проводником которой служат художественные произведения. Так, публикация книг с представленной автором версией минувшего в случае обретения популярности у широкого круга читателей открывает дорогу созданию мифа. Этот миф тогда становится «изобретенной традицией», когда плод художественного вымысла беллетристов подменяет собой исторический факт и начинает восприниматься обществом как реально существовавшая часть прошлого.

Миф о пилигримах не является статичной конструкцией, жестко зафиксированной в сфере «воображаемого прошлого». Его популярность пережила череду взлетов и падений. В разные эпохи он то оказывался в эпицентре общественного дискурса, то вытеснялся на периферию коллективной памяти. Единственное, чего удалось избежать истории пилигримов – забвения. Найти объяснение долговечности этого мифа можно как в адаптируемости и гибкости его канона в зависимости от требований времени, так и в широком спектре идей, заключенных в повествовании, находящих отклик у подчас противоположных социальных групп или же в сформированной вокруг него системе визуальных образов, ритуальных практик и мемориальной культуры в целом. Как одна из опор исторической памяти США, миф о пилигримах Нового Плимута разобран поколениями американцев на отдельные структурные элементы, каждому из которых, будь то корабль «Мэйфлауэр», Плимутская скала, фигуры колонистов или образы индейцев, придано особое, символическое значение, уходящее в область сакрального. Однако характер этих символов и те смыслы, которые они транслируют, каждое поколение американцев «считывает» по-своему.

Для того чтобы прояснить влияние прошлого этой конкретной колонии на формирование единой американской культурной традиции, необходимо принять во внимание особенности истории Соединенных Штатов, которая, в отличие от истории европейских государств, очень коротка. Когда юная и только формирующаяся американская нация обрела независимость, перед ней возникла необходимость поиска некоего «общего знаменателя», способного дать гражданам чувство внутреннего единства. Ранее для жителей английских колоний Северной Америки «объединяющим прошлым» была история Великобритании. Разрыв с метрополией лишил США этого исторического бэкграунда. Восполняя утрату, американцы обратились к своим первым шагам в Новом Свете в поисках собственных национальных героев, способных выступить в качестве символов независимой Америки.

История о создании первой новоанглийской колонии впервые стала заметна в общественном дискурсе в XVIII в. – накануне войны за независимость, когда изгнание пилигримов из Англии было превращено жителями колоний в метафору независимости Америки. «Мейфлауэрский договор»[2] был провозглашен «зародышем республиканизма», первым нормативным источником американского конституционализма. На месте основания Нового Плимута во второй половине XVIII в. во многом с подачи конгрегациональной церкви Массачусетса стал развиваться целый культ отцов-пилигримов, который достиг апогея в XIX столетии. Церковь конгрегационалистов в это время переживала кризис, теряла прихожан и потому боролась за сохранение паствы. По мысли священнослужителей, напоминание о легендарных героях минувших веков должно было вызвать в памяти жителей региона идею о сплоченности и единстве более ранних времен. Звучала идея о превращении паломниками «варварской пустыни в Эдем» и закладывании ими основ гражданской свободы. Новый Плимут был провозглашен святым местом – «пуританским Иерусалимом». Фигуры пилигримов постепенно окутывал ореол святости.

Однако было бы ошибочным говорить о единстве восприятия американцами образа отцов-пилигримов и об их исключительной роли в формировании основ единой американской историко-культурной традиции. Американский историк Энн Ури Абрамс [8] полагает, что в течении XVIII–XIX столетий в США одновременно существовало две крупные традиции коллективной памяти, служащих объяснением образов жизни на Севере и Юге США. Северная традиция была сконцентрирована на пилигримах Нового Плимута – суровых, благочестивых людях, служивших образцом высоких моральных стандартов, индивидуализма, общинной автономии и стабильности государственных институтов.

Рыцарственная культура Юга сложилась вокруг легенды о прекрасной и благородной индейской принцессе Покахонтас, дочери вождя Поухатана, спасительнице Джона Смита – основателя поселения Джеймстаун, и супруге английского кавалера Джона Рольфа. К потомкам Рольфа и Покахонтас возводили свои родословные вирджинские аристократы-плантаторы. Акцент на этом браке был призван продемонстрировать легитимность элиты: с одной стороны, через принадлежность к европейскому дворянству, с другой – через символическое наследование прав на местные земли от дочери вождя индейцев. При этом вирджинцы неустанно подчеркивали превосходство духовных и нравственных качеств Покахонтас над варварскими повадками ее соплеменников. То, что принцесса первой из местных индейцев приняла христианство, трактовалось как безусловное торжество европейской культуры над автохтонной. Образ Покахонтас лег в основу негласного «кодекса поведения» белых аристократов Юга, в котором первостепенное место заняли идеалы демократии, свободы, открытости, верности, чести, храбрости и безукоризненной вежливости. Необходимо понимать, что эти идеи не предполагали распространения на кого-либо еще, кроме потомков европейских колонистов. Все цветное население американского Юга было исключено из круга рыцар-

ственности. Брак дворянина Джона Рольфа со знатной и добродетельной христианкой – уроженкой местных земель, не подразумевал для представителей «диких» народов равенства с белыми колонистами и их наследниками-рабовладельцами.

Парадоксально, но в сознании плантаторов Юга идеалы демократии органично сосуществовали с самыми жестокими проявлениями угнетения чернокожих. Более того, подобный «симбиоз» рассматривался как единственно верный принцип устройства экономически благополучного общества. Для подкрепления этого убеждения использовались различные отсылки к прошлому, в частности к опыту античной демократии, базировавшейся на рабовладении. Кроме того, положение чернокожих объяснялось спецификой их натуры: врожденной склонностью к повиновению или же некоей природной дефективностью. Долг владельца сравнивался с долгом отца в большом семействе, что подразумевало разумное и по возможности бережное устройство жизни рабов. Обвинения в жестокости, предъявляемые северянами, джентльмены Юга парировали тезисом о подмене понятий: на взгляд плантаторов, участь белого наемного рабочего в городах северо-востока не только не отличалась от несвободы чернокожего раба, но даже была несравненно тяжелее, поскольку тот был лишен патерналистской заботы хозяина. В то же время, исходя из отсутствия в Библии прямого запрета рабства, церковь на Юге не препятствовала его распространению, способствуя лишь крещению негров. Идеология христианства, с одной стороны, обещала рабам посмертное воздаяние за все тяготы в земной жизни, с другой – призывала к покорности своим хозяевам.

В течение всего XIX в., по мере развития тенденций секционизма, региональные традиции все чаще вступали в противоборство, выступая проводниками политических настроений на Севере и Юге. Кульминацией противостояния стала Гражданская война. С поражением Конфедерации потомки Покахонтас и Джона Рольфа потеряли свое «право первородства» в саге об истоках Америки. К тому же метафорический образ Джеймстауна – первого города Северной Америки, куда были привезены чернокожие рабы из Африки, – был слишком тесно переплетен с триггерами работорговли, что лишало его легендарное прошлое надежд на статус прародителя США. Образ пилигримов как общеамериканских предков уверенно занял доминирующее положение в национальном культурном пространстве США.

В этой связи примечательной выглядит история Плимутской скалы как искусно и во многом искусственно созданного символа демократической Америки. Огромный камень в бухте Нового Плимута, предположительно обозначавший место, где нога первого переселенца впервые ступила на американскую землю, стал в XIX столетии фактически фетишем для американцев. Сарджент Буш одну из своих последних работ посвятил трансформации образа Плимутской скалы от физического места высадки колонистов до национальной иконы [3]. Плимутская скала – это некогда гигантский валун, след движения древнего ледника. Ныне малая его часть (менее 5% от первоначального размера) заключена в своеобразную гробницу на набережной Нового Плимута. Остальное – расколото во время транспортировки, растащено на сувениры или же попросту утеряно. Исследователи не располагают сколько-нибудь достоверными свидетельствами о том, что именно эта скала в действительности явилась финишем «Мэйфлауэра». Ранние историки из числа самих колонистов не выделяли отдельных деталей рельефа в зоне высадки, они их никак не именовали, так же как не указывали названия судна, доставившего переселенцев в Новый Свет. Буш предполагал, что целенаправленное внимание к одной конкретной скале на побережье можно объяснить, с одной стороны, живописностью ее облика, многократно запечатленного художниками и потому нам известного, с другой – еще более прозаично – тем, что это единственная крупная скала на искомом участке побережья. Буш указывает на то, что образ огромного валуна вытеснил из памяти прочие детали прибытия пилигримов: например, разведывательную экспедицию, состоявшую из нескольких членов все той же группы переселенцев, уже около месяца исследующую Кейп-Код к югу от Плимутской бухты, прежде чем в ней высадилась основная масса путешественников [Ibid. P. 747].

Американские исследователи отмечают конкретный момент, когда образ Плимутской скалы был включен в дискурс вокруг отцов-пилигримов – речь политика Дэниэла Уэбстера в 1820 г. во время празднования двухсотлетнего юбилея прибытия корабля «Мэйфлауэр». Уэбстеру в своем выступлении удалось кристаллизовать все ключевые элементы мифа об отцах-пилигримах: образ Америки как нового мира, убежища для религиозных беженцев; символический портрет пилигримов, наделенных лишь идеальными, исполненными добродетели, чертами – квазимучеников без «страха и упрека»; поэтизация высадки и сакрализация Плимутской скалы; особая миссия Плимутской колонии – «форпоста демократии». Речь Уэбстера прямо объявляет пилигримов истинными основателями США.

Символическая сила Плимутской скалы с течением времени уменьшалась пропорционально увеличению популярности Дня благодарения – праздника, посвященного все тем же основателям Нового Плимута. Современный День благодарения вырос из семейной благодарственной молитвы протестантов Новой Англии. До XIX в. он являлся не более чем частью религиозных практик, носил локальный характер и не претендовал на сколько-нибудь заметное место в общенациональном праздничном календаре американцев. Историки Энн Ури Абрамс и Энн Блю Уилс полагают, что День благодарения обязан своей популярностью женским журналам, выходившим в XIX в.: «Книге леди Годей» и «Ladies Home» [8, 9]. Эти издания видели свою миссию в создании общего культурного пространства в США, недавно прошедших сквозь Гражданскую войну, через освещение тем мирного повседневного быта, домашнего уюта, семейного и национального единения. Весь комплекс этих установок воплотился в том образе Дня благодарения, который существует до сих

пор. Усилиями дамских журналов рутинный религиозный ритуал стал центральным событием национального праздничного календаря.

Хайке Пол, уже упоминаемая выше, прослеживает семиотические и семантические изменения, дискурсивные сдвиги в повествовании и находит в мифе о пилигримах статичный образ – представление об Америке как о Земле Обетованной. «Этот религиозный рассказ был превращен в культурный миф, перенастроив составляющие библейской истории – человеческие страдания в рабстве, сочувствие Бога к угнетенным, божественное провидение, священное путешествие в Землю Обетованную и претензии на данные Богом права – в мощное повествование об американских началах, которые составили фундамент основополагающего мифа о Соединенных Штатах» [4. P. 139]. Через образ Земли Обетованной Хайке Пол демонстрирует опыт присвоения мифа о пилигримах в среде иммигрантов из Южной и Восточной Европы в середине XIX столетия: «В конце концов, разве Уильям Брэфдфорд не был одним из первых иммигрантов из Европы, а его работа “История поселения в Плимуте” не была первым повествованием, созданным эмигрантом в Америке?» [Ibid. P. 172]. Отцы-пилигримы восходят в ранг символических предков всех иммигрантов прошлого и будущего.

В то же время этот миф использовался нативистами[3] перед лицом все возрастающего потока переселенцев из Европы во второй половине XIX в. Основную массу приезжих составляли бедные, неквалифицированные и необразованные иностранцы, практически не владеющие английским языком. Их «нашествие» резко изменило соотношение населения в крупных городах на северо-востоке страны, которые переживали индустриальный бум. По мере увеличения доли иммигрантов среди жителей Новой Англии нарастала враждебность по отношению к ним. В то же время приезжие, а ими в большинстве случаев оказывались католики, привнеся в Новую Англию багаж своей культуры, размывали сложившуюся здесь культурную, религиозную и политическую гегемонию наследников пуритан-пилигримов. Волна демографических изменений вызвала ответную реакцию. Одним из ее проявлений стал яростный антикатолицизм на Севере.

Политики и церковнослужители Новой Англии уже традиционно обратились к образу пилигримов, чтобы сплотить американцев перед вторжением «папизма». Вновь из анналов истории был извлечен «Мэйфлауэрский договор», уже послуживший одним из символов независимости во время Американской революции. К середине XIX в. символическое значение этого документа было прочитано с иным знаком: как призыв к подчинению сложившемуся укладу, законам, американскому образу жизни и верности идеалам, инициированным отцами-пилигримами. Как отмечает Хайке Пол, «...мифологизация пилигримов в XIX в. не только укрепила региональную идентичность жителей Новой Англии, но и экстраполировала ее в сферу общенационального воображаемого» [Ibid. P. 165].

Новый виток социальной напряженности между уроженцами США и иммигрантами пришелся на годы Первой мировой войны вместе с наплывом беженцев из разоренной конфликтом Европы. Попыткой сгладить разногласия стала подготовка к общенациональным торжествам в честь трехсотлетия прибытия «Мэйфлауэра» в 1920 г. В череде событий, окруживших празднования, Майкл Камен, исследователь американской культурной истории и лауреат Пулитцеровской премии [10], выявил элемент того, что Пьер Нора называл «постоянным принуждением памяти»: по мысли организаторов, трехсотлетие должно было стать символом единения нации под эгидой «полезных уроков американизма», привнесенных пилигримами в Новый Свет. Чествование пилигримов должно было стать символом внутренней сплоченности народов США, игнорируя реальность расовых, этнических и классовых конфликтов. Торжествам было настоятельно предписано быть политически и религиозно нейтральными.

Несмотря на чаяния властей, порыв к национальному единению не смог сколько-нибудь прочно закрепиться в общественном дискурсе. Как отмечает Кристин Арнольд-Лури, профессор колледжа Южного Мэриленда, метафора об «объединенной нации» была довольно скоро вытеснена лозунгом о «стопроцентном американизме» [11]. Рост националистических идей в защиту «американского образа жизни» вскоре после завершения Первой мировой войны происходил на фоне становления новой социальной проблематики. Активизация социалистических настроений, подъем рабочего движения, крах трех европейских империй вылились в страх перед «красной угрозой», олицетворением которой стали профсоюзы. Пилигримы стали «иконой» республиканцев в их схватке с профсоюзами рабочих, которые рассматривались как агенты коммунистического влияния, покушающиеся на основы американских институтов. В этой борьбе врагами были названы все, кто отказывался демонстрировать приверженность традиционным американским ценностям, ведущим отсчет с прибытия «Мейфлауэра».

Уроженцы США укореняли идею своей исключительности в образе библейского «Града на холме», чье предназначение – служить эталоном всему остальному человечеству. Эта традиция восходит к мессианской идее отцов-пилигримов: они считали себя избранным Богом сообществом, призванным спасти истинную веру и распространить ее на новые земли, построив на них идеальное общество равных. Впоследствии, как отмечает российский историк Н.Э. Адамова [12], представления об исключительности потеряли религиозные контуры и трансформировались в идею политического или национального превосходства.

Ко второму десятилетию XX в. актуализация ценностей Новой Англии, основанных на том, «за что стояли пилигримы»: патриотизме, демократии, свободе, нравственности, протестантизме, кооперации и совместном труде, рассматривалась как противоядие от иностранного влияния и «размывания» традиционной американской идентичности. Искусство и образование стали орудиями в борьбе за «стопроцентный американизм». В частности, «Массачусетское общество колониальных дам» поручило Альберто Пекорини

написать историю США с изданием на английском, польском и итальянском языках. Америка переживала период «колониального возрождения»: визуальные образы первых поселенцев тиражировались, города Новой Англии были щедро украшены целой серией мемориалов, скульптур и памятных барельефов, прославляющих первых колонистов. Благодаря концентрированным усилиям государства история пилигримов стала единственным приемлемым прошлым.

Даже почтовые марки запечатлели накал патриотических страстей. Шейла Бреннан, исследователь цифровой и публичной истории в университете Дж. Мейсона, посвятила свою работу анализу «удивительных историй», отображенных на американских юбилейных марках [13]. Памятные марки выступают в работе Бреннан проводником той версии прошлого, которая получила одобрение правительства США. Запечатленные на марках исторические события, памятники, национальные герои позволяли прикоснуться к национальному прошлому широким слоям населения. На серии марок, выпущенных к трехсотлетию высадки пилигримов, были изображены плывущий по волнам «Мэйфлауэр», Плимутская скала и подписание «Мэйфлауэрского договора». На этих юбилейных марках не было типичной идентифицирующей надписи «США», которая обычно имеется на всей продукции почтовой службы. Это отсутствие должно было подчеркнуть высокий статус сюжета о высадке в Плимуте как исконно американского и не требующего дополнительного пояснения. Марки были доступны и служили мощным инструментом для повсеместного распространения санкционированных на федеральном уровне эпизодов американской истории. Ранняя история США представала «белой, мужской и протестантской, вытесняя куда более разнообразную и сложную реальность рабства, насилия и угнетения», – сокрушается Бреннан [Ibid. P. 100].

«Белым, мужским и протестантским» восприятие истории США фактически оставалось до начала 70-х гг. XX в. Ревизия устоявшейся картины былого стала одним из итогов социальных движений 1960-х гг. за распространение гражданских прав на доминируемых: чернокожих, женщин, представителей этнических меньшинств. На волне общественных трансформаций изменились подходы к реконструкции прошлого, вызвав «взрыв» новых направлений истории. Развивающиеся истории цветного населения, иммигрантов, женская история, история рабочих и т.п., в свою очередь, инициировали трансформацию традиционного образа отцов-пилигримов как столпов нации. Основным «локомотивом» изменений стала интерпретация прошлого глазами главных жертв колонизации – индейцев.

Флуктуации, происходящие в общественном дискурсе, проявились во время празднования очередной, трехсотпятидесятой, годовщины прибытия пилигримов в 1971 г. Юбилей был ознаменован скандальной речью лидера индейского племени Вампаноагов – Фрэнка Джеймса, также известного как Вампсутта. Вождь был приглашен на банкет в честь Дня благодарения, где предполагалось его выступление в качестве потомка индейцев, спасших пилигримов от гибели в их первую зиму в Новом Свете. После предварительного ознакомления организаторов с текстом, речь Вампсутты была отвергнута, а его приглашение отозвано. Изгнанный Вампсутта зачитал свою речь перед несколькими индейцами на холме возле статуи Массайота – легендарного вождя вампаноагов. В ней он с горечью сожалел о судьбе своего народа, «приветствовавшего белого человека с распростертыми объятиями, мало понимая, что это начало конца» [14]. Вампсутта апеллировал к фактам истории и обвинял колонистов в отъеме земель у индейцев, вытеснении в резервации, насильственном обращении в христианство, разрушении культуры коренных американцев. В конечном счете Вампсутта призывал индейцев исправить ошибки случившегося, вернуть себе положение «в стране, которая по праву принадлежит нам» [Ibid.]: сделать Америку «более индейской», страной, где люди и природа снова важны, в которой преобладают ценности индейцев.

Политолог Кевин Брюнель называет решение об отклонении речи Вампсутты по сугубо идеологическим причинам «примером коллективного дезавуирования» [15. P. 18]. Своим выступлением Вампсутта вступил в конфронтацию с санкционированной государством коллективной памятью, которая прочно заняла свое место в американской общественной и политической культуре. Выступление Вампсутты послужило основой ежегодного Национального дня скорби, который проводится вампаноагами на холме Коула над Плимутской скалой в каждый День благодарения. Хайке Пол описывает символическое погребение индейцами Плимутской скалы во время проведения двадцать пятого Национального дня скорби в 1995 г. В качестве объяснения причин этого поступка Пол приводит слова активиста Мананума Джемса: «Они [белые американцы] хотят вести себя так, как будто мы сидели вместе, ели индейку и жили долго и счастливо. Это просто неправда – и мы продолжаем возвращаться сюда из года в год, чтобы дать свой ответ на их ложь» [4. P. 184]. Для коренных жителей Новой Англии День благодарения стал символом изгнания индейцев с родных земель, разрушения этнической культуры и в конечном счете геноцида.

В то же время Мэтью Дэннис [16], почетный профессор истории и экологических исследований в университете Орегона, замечает, что индейцы США, живущие вдали от политически ангажированного, пронизанного легендами Нового Плимута, предпочитают отмечать День благодарения так же, как и все остальные американцы – в семейном кругу, никак не выделяя этот праздник в череде иных национальных торжеств.

Тем не менее вызов, брошенный индейцами Новой Англии стерильной версии американского прошлого, в котором вытесненной оказалась трагедия коренного народа США, привел к деконструкции доминирующего идеологического дискурса. Так, Дэвид Сильверман [17], специалист по истории коренных американцев, указывает на неоднозначность восприятия мотивов первых колонистов и индейцев, ставших своеобразным фундаментом национального мифа. Предпринятая Сильверманом деконструкция традиционного индейского

идеологического дискурса призвана продемонстрировать, что в основании доминирующего мифа национальной идентичности лежат не вполне рациональные представления о мотивах действующих лиц. Соответственно, с позиции последующих эпох поступки героев мифа не выглядят в должной степени разумными. На самом же деле действия участников исторических событий проистекали из конкретных для них причин и обстоятельств, т.е. были рациональными. В частности, отвечая на вопрос о причинах пресловутой «доброты» вампаноагов к пилигримам, автор приводит сведения о сложной ситуации, в которой оказались эти индейцы ко второму десятилетию XVII в. Племя вампаноагов, традиционно претендующее на лидерство в регионе, к моменту прибытия переселенцев из Европы было откровенно слабо, поскольку понесло тяжелые потери от недавних эпидемий чумы и оспы. В то же время естественные соперники вампаноагов – наррагансеты, обитавшие западнее, не пострадали от болезней. В поисках союзников вождь вампаноагов Массайот обратился к англичанам-пилигримам, чье технологическое преимущество должно было помочь вампаноагам выстоять в борьбе с наррангасетами. Колонисты, прибыв в Новый Свет, вошли в сложный политический мир индейцев. Взаимоотношения вампаноагов с белыми европейцами определялись динамикой межплеменной «дипломатии» в регионе, а не добродушным нравом индейцев, что показала разразившаяся позднее война короля Филиппа.

Несмотря на инициированную индейцами ревизию коллективной памяти пилигримы сохранили свои позиции предков нации. Этот миф, живой, не мемориальный, непрерывно трансформируется в глазах каждого поколения американцев. Он остается статичным только в том смысле, что является фундаментальным сюжетом об истоках нации, несмотря на происходящие в нем изменения. Каждая новая генерация жителей США привлекает его на свою сторону и применяет в собственных целях для обоснования актуальных нужд и чаяний, продиктованных злободневными реалиями действительности. Тем не менее ядро легенды – образ Америки как «Земли Обетованной» – остается стабильным.

За четыреста лет существования мифа Нового Плимута проявились четкие повторы, циклизм в его использовании: каждый раз, когда общество переживает момент кризиса, угрожающего основам американского образа жизни, взгляды нации обращаются к истории отцов-пилигримов, открывая в ней новые смыслы. В дальнейшем, вероятно, сеть интерпретаций будет еще более расширена в сторону современных историографических трендов. Стоит ожидать, что на волне растущих движений за экологическую справедливость и возрождение коренных народов интенсивный импульс получит дальнейшее развитие индейского виденья прошлого. Продолжающий набирать обороты тренд истории женщин способен ввести в пространство исследований образы женщин-пилигримов, наравне с мужчинами принимавших участие в покорении Нового Света. В связи с подъемом истории памяти можно ожидать новых интерпретаций плимутского мифа не только от потомков некогда разнообразных индейских племен, но и от наследников тех, кто может причислить себя к жертвам колониализма пуритан, – тех, кого сообщество «святых» отвергало, как еретиков и вероотступников или же попросту чужаков. В разные времена ими оказывались гипотетические колдуны и ведьмы, представители альтернативных направлений протестантства, католики, иудеи, мусульмане и т.п.

Миф об английских паломниках – основа живой утопической идеи об избранности США. Образы отцов-пилигримов прошли извилистый путь: от символических предков белых протестантов Америки до тех, к кому возводят свои корни все жители США. Традиционное повествование о пилигримах и сегодня продолжает быть столпом американской памяти, несмотря на продолжающуюся деконструкцию.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Изобретенная традиция» – это «совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели — повторение» [7. С. 48].

[2] «Mayflower Compact» – соглашение между пассажирами «Мэйфлауэр», подписанное перед высадкой на мысе Кейп-Код. В документе определялись основы самоуправления будущей колонии.

[3] Нативизм – североамериканский вариант национализма, зародившийся в середине XIX в. на волне масштабного притока переселенцев из Европы в США.

ЛИТЕРАТУРА

1. Франция–память / С.-Петерб. гос. ун-т; [П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой]. СПб. : С.-Петерб. ун-т, 1999. 325 с.
2. Трубникова Н.В. История и память в бесконечном диалоге: дискуссии французских историков // Диалог со временем. 2005. № 14. С. 121–131. URL: http://www.culturalnet.ru/main/getfile/562 (дата обращения: 21.12.2019).
3. Bush S. Jr. America's origin myth: remembering Plymouth Rock // American literary history. 2000. Vol. 12, № 4. P. 745–756.
4. Paul H. The myths that made America: an introduction to American studies. Bielefeld : Transcript Verlag, 2004. 456 p.
5. Trubnikova N. Scientific and political discourses of identity: the path of self–determination or «invention of traditions»? // Международный журнал исследований культуры. 2010. № 1 (1). С. 18–22.
6. Bowden M.J. The invention of American tradition // Journal of Historical Geography. 1992. Vol. 18, № 1. P. 3–26.
7. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.
8. Abrams A.U. The Pilgrims and Pocahontas. Rival myth of American origin: Westview Press, 1999. 400 p.
9. Wills A.B. Pilgrims and progress: how magazines made thanksgiving // Church History. 2003. Vol. 72, № 1. P. 138–158.
10. Kammen M. Commemoration and contestation in American culture: historical perspectives // American Studies. 2003. Vol. 48, № 2. P. 185–205.

11. Arnold-Lourie C. Baby Pilgrims, sturdy forefathers, and one hundred percent Americanism: the Mayflower tercentenary of 1920 // Massachusetts Historical Review. 2015. Vol. 17. P. 35–66.
12. Адамова Н.Э. Истоки идеи «исключительности» колоний Новой Англии в европейских мифах и утопиях XVI–XVII вв. // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. СПб. : СПбГУ, 2010. № 4. С. 13–28.
13. Brennan Sh. A. Stamping American memory: collectors, citizens, and the post. University of Michigan Press, Digital culture books, 2018. 236 p.
14. The suppressed speech of Wamsutta (Frank B.) James, Wampanoag. To have been delivered at Plymouth, Massachusetts, 1970. URL: http://www.uaine.org/suppressed_speech.htm (accesed: 12.12.2019).
15. Bruyneel K. The trouble with amnesia: collective memory and colonial injustice in the United States // Political creativity: the mangle of institutional order, agency and change / ed. by G. Berk, D.C. Galvan, V. Hattam. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2014. P. 236–258.
16. Dennis M. Red, white and blue letter days: an American calendar. Cornell University Press, 2002. 352 p.
17. Silverman D.J. This land is their land: The Wampanoag Indians, Plymouth colony, and the troubled history of thanksgiving. Bloomsbury Publishing, 2019. 514 p.

Irina A. Rogaeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irina_rogaeva@mail.ru

FIND "THE PAST AS THE PRESENT": THE PLACE OF THE PILGRIM FATHERS IN THE MEMORY OF THE AMERICAN NATION

Keywords: Pilgrim Fathers, New Plymouth, collective memory, myth, USA.

The purpose of the article is to characterize the basic ideas of the residents of the United States about the history of the Pilgrim Fathers that have been identified in modern historiographic studies. Sources and research materials used in the article are presented by the works of historians published in the USA in 1990-2019 and devoted to the collective memory of the American nation.

The story of the founding of the Pilgrim Fathers of a settlement in New Plymouth is one of the meaningful plots of US history. The article shows the internal dynamics of the myth of the Pilgrim Fathers in the context of the social and political transformations that the USA went through over 400 years existence.

The article demonstrates how this myth was used in the rhetoric of competing groups. For example, the descendants of the British colonialists, who played a dominant role in the life of American society for a considerable time, rooted their identity in the ideology of the settlers of New Plymouth. At the same time, the author shows the experience of attributing the myth of the Pilgrim Fathers among immigrants from southern and central Europe in the 19th and 20th centuries.

The author notes that the image of the Pilgrim Fathers had a powerful competitor in the struggle for the status of the ancestors of the nation. Until the middle 19th century the story of the Pilgrims was opposed by the myth of the Indian princess Pocahontas, who was popular in the southern states. The image of Pocahontas crashed along with the defeat of the Confederation of the South in the Civil War. Pilgrim Fathers firmly occupied the position of the national ancestors.

The author notes that this perception by Americans of their "roots" dominated until 1970s of the 20th century, when revision of ideas about the past began in the wake of social movements and the "explosive" development of new directions in historical science. The traditional story of the pilgrims was deconstructed. The main initiators in this deconstruction of the dominant ideological discourse were the Indians, who considered themselves victims of European colonization.

Summing up, the author believes that there are cyclic repetitions in the use of the myth of the Pilgrim Fathers: each new peak in the popularity of the history of the pilgrims occurred at times when a single American identity was challenged. The author concludes that the image of the Pilgrim Fathers survived a series of transformations from the symbolic ancestors of white Anglo-Saxon Protestants to the forerunners of all immigrants of the past and future. The myth continues is developing due to this versatility. It remains the foundation of American national memory, despite ongoing critical reevaluation.

REFERENCES

1. Nora, P., Osuf, M., Puimège, J. de & Vinok, M. (1999) *Frantsiya–pamyat'* [France-memory]. Translated from French by D. Khapaeva. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
2. Trubnikova, N.V. (2005) Istoriya i pamyat' v beskonechnom dialoge: diskussii frantsuzskikh istorikov [History and Memory in Endless Dialogue: Discussions of French Historians]. *Dialog so vremenem – Dialogue with Time*. 14. pp. 121–131. [Online] Available from: http://www.culturalnet.ru/main/getfile/562 (Accessed: 21st December 2019).
3. Bush, S. Jr. (2000) America's origin myth: remembering Plymouth Rock. *American Literary History*. 12(4). pp. 745–756. DOI: 10.1093/alh/12.4.745
4. Paul, H. (2004) *The myths that made America: an introduction to American studies*. Bielefeld: Transcript Verlag.
5. Trubnikova, N. (2010) Scientific and political discourses of identity: the path of self–determination or "invention of traditions"? *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury – International Journal of Cultural Research*. 1(1). pp. 18–22. (In Russian).
6. Bowden, M.J. (1992) The invention of American tradition. *Journal of Historical Geography*. 18(1). pp. 3–26. DOI: 10.1016/0305-7488(92)90273-C
7. Hobsbawm, E. (2000) Izobretenie traditsiy [Invention of traditions]. *Vestnik Evrazii*. 1. pp. 47–62.
8. Abrams, A.U. (1999) *The Pilgrims and Pocahontas. Rival myth of American origin*. Westview Press.
9. Wills, A.B. (2003) Pilgrims and progress: how magazines made thanksgiving. *Church History*. 72(1). pp. 138–158.
10. Kammen, M. (2003) Commemoration and contestation in American culture: historical perspectives. *American Studies*. 48(2). pp. 185–205. DOI: 10.4324/9780429285158
11. Arnold-Lourie, C. (2015) Baby Pilgrims, sturdy forefathers, and one hundred percent Americanism: the Mayflower tercentenary of 1920. *Massachusetts Historical Review*. 17. pp. 35–66. DOI: 10.5224/masshistrevi.17.1.0035
12. Adamova, N.E. (2010) Istoki idei "isklyuchitel'nosti" koloniy Novoy Anglii v evropeyskikh mifakh i utopiyakh XVI–XVII vv. [The origins of the idea of "exceptionalism" of the New England colonies in European myths and utopias of the 16th – 17th centuries]. *Trudy kafedry istorii novogo i noveyshego vremeni*. 4. pp. 13–28.
13. Brennan, Sh.A. (2018) *Stamping American memory: collectors, citizens, and the post*. University of Michigan Press.
14. Wamsutta (Frank B.) James, Wampanoag. (1970) *The suppressed speech of Wamsutta (Frank B.) James, Wampanoag. To have been delivered at Plymouth, Massachusetts*. [Online] Available from: http://www.uaine.org/suppressed_speech.htm (Accesed: 12th December 2019).
15. Bruyneel, K. (2014) The trouble with amnesia: collective memory and colonial injustice in the United States. In: Berk, G., Galvan, D.C. & Hattam, V. (eds) *Political creativity: the mangle of institutional order, agency and change*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. pp. 236–258.
16. Dennis, M. (2002) *Red, white and blue letter days: an American calendar*. Cornell University Press.
17. Silverman, D.J. (2019) *This land is their land: The Wampanoag Indians, Plymouth colony, and the troubled history of thanksgiving*. Bloomsbury Publishing.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 39 (=512), 903–03/391
DOI: 10.17223/19988613/66/20

И.Е. Воробей, Л.Н. Хаховская, О.А. Митько

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ О КОМПЛЕКСАХ УДАРНОЙ ОГНЕДОБЫЧИ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ КОРЯКОВ СЕВЕРО-ЭВЕНСКОГО РАЙОНА МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Исследование проведено в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/8.9, О.А. Митько; № гос. регистрации АААА-А17-117022850035-0, Л.Н. Хаховская) и гранта РГНФ (проект № 14–01–0061а, Л.Н. Хаховская).

Анализируются комплект одежды и сопроводительный инвентарь, приобретенные в 2015 г. в пос. Эвенск Северо-Эвенского района Магаданской области, среди вещей которых находились отдельные элементы огневого прибора. Привлечение ряда литературных и устных свидетельств позволяет наметить вероятную гендерную специфику, связанную с мотивами помещения компонентов ударного огневого набора в состав женского сопроводительного погребального инвентаря.

Ключевые слова: Верхний Парень; коряки-оленеводы; погребальный обряд; огневые приборы; кремень; сера; спички; гендерные особенности.

Прямая связь доместикации огня с процессом становления и развития Homo sapiens sapiens давно уже стала научной истиной, не требующей развернутых доказательств. Однако история взаимоотношений человека с огнем пока еще далека от логически стройного и завершенного свода научных знаний.

В течение прошлого века вышел ряд обобщающих трудов по огневым приборам различных типов, применявшимся народами Африки, Австралии, Океании, Северной и Южной Америки и Западной Европы. Представленные в них материалы и концептуальные разработки послужили основой для формирования в начале уже нынешнего столетия таких научных направлений, как археология огня (*the archaeology of fire*), археология пиротехнологий (*the archaeology of pyrotechnologies*). К сожалению, из исследовательского пространства выпала и вплоть до настоящего времени остается малоизученной территория Сибири и Центральной Азии, в разных частях которой сохранились археологические и этнографические свидетельства о технологиях добывания огня, адаптированных к местным климатическим условиям и особенностям культурной среды. Без учета данных о способах получения огня народами северо-восточной Евразии научная картина становления нашей цивилизации остается неполной.

При предпринятой ранее характеристике огневых приборов ударного действия в корякской культуре на первом плане оказался тот несомненный факт, что современный контекст их бытования определяется окончательным вытеснением в сферу погребальной обрядности [1. С. 262]. Особое значение данное обстоятельство приобретает в связи с тем, что «настоящие корякские» вещи горят вместе с их обладателями в ходе надлежащих, достойных похорон – кремации. Такая похоронная практика обусловливает специфичный для коряков способ ухода вещей из жизни, а при отсутствии их производства и при значительных культурных трансформациях приводит к истощению и исчезновению металлического огнивного фонда. Поэтому именно погребальный комплекс означает одновременно и конец перспективы, и реальную современную опору для обратного взгляда на историю огневой части корякского предметного мира.

Анализируя прежде всего погребальные материалы верхнепареньских коряков[1], мы принимаем следующие схематичные положения. К настоящему времени у верхнепареньских коряков сложился комплекс средств огнедобычи различной конструкции. В него входят три компонента, о которых, исходя из имеющихся данных, можно вести предметный разговор: деревянные приборы, металлические приборы и спички. Этот комплекс сформирован в результате последовательной суперпозиции компонентов, имеющих культурную историю различной длительности. Изначальной и коренной в этой последовательности является «деревянная» стадия, когда конструктивно одинаковые деревянные приборы для высверливания огня составляли предположительно две функционально и морфологически разнящиеся группы: «сакральную» и «профанную». В первую входили антропоморфные семейные (или коллективные) огнива, совместившие в себе разнообразные деятельно-охранительные функции и функцию ритуализованной огнедобычи; собственно говоря, получение огня было только частью их «обя-

занностей», и это было получение именно «чистого» огня. Во вторую группу входили простые, скорее всего индивидуальные, огнива, предназначенные исключительно для обыденно-ситуационной огнедобычи. Следующая стадия – «металлическая»: начало ей положено внедрением инокультурных огневых приборов ударного действия, центральным элементом которых является стальное кресало. И завершает последовательность финальная «спичечная» стадия, существенной характеристикой которой следует полагать то, что инструмент получения огня (заменившая кремень спичка), исчезая в единичном акте огнедобычи, имеет все характеристики расходного материала, а единственным сколько-нибудь устойчивым компонентом набора оказывается контейнер (коробок).

Данная публикация является продолжением описания комплексов именно ударной огнедобычи в погребальной обрядности западной группы коряков-оленеводов: материалов о включении в их погребальные наборы деревянных огневых приборов у нас нет [2]. Здесь мы хотим представить некоторые новые этнографические данные, полученные в ходе работ в Северо-Эвенском районе Магаданской области. Их актуальность определяется прежде всего тем, что подобного рода сведения в записках этнографического характера и описаниях корякского погребального обряда содержатся нечасто и, как правило, сколько-нибудь подробно не разбираются [см., напр.: 3. С. 89; 4; 5; 6. С. 81; 7; 8].

В ходе полевых работ 2015 г., производившихся Магаданским областным краеведческим музеем, в пос. Эвенск у верхнепареньской корячки Л.П. Эквининой был приобретен комплекс погребальных вещей (МОКМ КП-35091/1-34, НВ-15004, НВ-15005). Эти вещи принадлежали ее маме Екатерине Кечгелхутовне Тынакьяв (1943–2013; корякское имя *Вентын*). Родители Е.К. Тынакьяв происходили из разных территориальных групп коряков: отец Кечгелхут (1902 г.р.) – из тополовских, а мать Лянэ (1900 г.р.) – из пареньских оленеводов. За верхнепареньского коряка Петра Михайловича Тынакьява Вентын была выдана замуж в начале 1970-х гг. В 2004 г. Е.К. Тынакьяв вместе со своей дочерью и мужем в с. Верхий Паре́нь приняла протестантизм и вошла в общину пятидесятников, через какое-то время перебралась с мужем в райцентр, где скоропостижно скончалась в 2013 г. Несмотря на крещение, она, согласно желанию, была сожжена на костре в окрестностях пос. Эвенск в соответствии с традиционным корякским погребальным обрядом. По словам дочери, подготовкой погребальной одежды мама начала заниматься задолго до своей смерти – еще до замужества. Предназначенные для погребения вещи хранились отдельно в брезентовом мешке, но так и не были использованы, поскольку остались в селе, месте прежнего проживания[2].

Погребальный комплекс Е.К. Тынакьяв отчетливо делится на три группы предметов: меховая одежда, ее детали и заготовки; сопроводительный погребальный инвентарь; детали упряжи погребального оленя. Первая группа представлена прежде всего парой законченных рукавиц, заготовками торбасов, комбинезоном с обрезанным верхом и приделанной лямкой, заготовкой кухлянки в виде готового стана с пришитым упованом. Хвостатый упован кухлянки сформирован из двух старых орнаментальных полос с едва начатой (черная) и незаконченной (коричневая) вышивкой подшейным оленьим волосом, а также более поздней вставки, расшитой нитью и бисером. Для изготовления цельной верхней части кухлянки – капюшона и рукавов – предназначалось отдельное меховое полотно. Здесь же находятся и оставшиеся от раскроя кухлянки лоскуты. Отделкой кухлянки служат манжет и небольшой, отпоротый с другой вещи нагрудник (обе детали из заячьего меха). Вероятно, на нее должны были также нашиваться имеющиеся в наборе три сложные бисерные розетки с подвесками. Погребальная кухлянка обязательно оснащалась поясом, в качестве которого здесь присутствует отпоротый с ритуальной одежды пришивной наборный шаманский пояс с металлическими пуговицами (в том числе форменными), прикрепленной на месте пряжки округлой прорезной латунной бляхой от конской сбруи «русского» типа, подвесками (частично утрачены) и длинным «хвостом» в виде наборной тканево-меховой кисти с парой деревянных антропоморфных сучков-развилок. Для выкраивания подошв торбасов предназначен отрез дымленой кожи морзверя («лахтак»). В составе вещей имеются также кожаный лоскут и узкая орнаментальная полоса с начатой нитяной вышивкой, предназначение которых неясно.

Во вторую группу входят личные принадлежности, необходимые умершей в иной жизни. Среди них новая эмалированная кружка, игольник с одной иглой (в качестве стопора использована сбруйная бляха, аналогичная вышеупомянутой), женский кроильный нож, связка из четырех маленьких мешочков (с привязанной металлической моделью ножа), в которые обычно помещаются пища, табак, смола (?) и предметы огнедобычи, металлическая округлая подпружная пряжка с удлиненной узкой петлей от ремня для верхового оленя, мешочек из меха и кожи с предметами огнедобычи и каменным бифасом, тканевый узелок также с предметами огнедобычи, отдельный каменный бифас. Для формирования привесов к предметам сопроводительного инвентаря заготовлены разнообразные амулеты и амулетная полоса со значительным количеством бисера и бусин; пока же необходимыми привесами снабжены только кружка, подпружная пряжка и, возможно, игольник. Наконец, для украшения женских запястий приготовлены два браслета из медного сплава. Третья группа – свернутый алык из лахтачьей шкуры с несогнанным волосом и пара металлических блоков для уздечки – свидетельствует о том, что отправиться в мир мертвых Вентын намеревалась на оленьей упряжке.

Условно датировать формирование ядра этого комплекса можно концом 1960-х – началом 1970-х гг., но очевидно, что он содержит и более (в том числе и гораздо более) ранние вещи. Возможно, он дополнялся и в 1980-е гг. Аргументированное определение временных границ является особой исследовательской задачей. Данный погребальный комплекс не завершен, имеет пробелы, довольно необычный вид и за смертью прямой владелицы нуждается в сторонней интерпре-

тации и доказательстве его «аутентичности». Специфика его определяется тем, что это не готовый к погребению (пусть и с традиционно незавершенными деталями) сформированный набор, примеры которого описаны в литературе, да и в реальной жизни наблюдались неоднократно, – но подготовительный набор вещей, в чем-то даже избыточный, в котором есть как готовые изделия, так и материал для окончательного формирования комплекта личного сопроводительного инвентаря и атрибутов погребального транспорта. В состав такого комплекса могли быть добавлены некоторые предметы, равно как что-то могло из него изыматься и для других похорон. Комплекс, среди прочего, представляет интерес и из-за единичности представленных в литературе описаний именно подготовительного и хранимого погребального набора: судя по всему, в музеи попадают в основном разрозненные, пусть и высокого достоинства, вещи [9]. Приведенное выше общее функциональное представление реестра отчасти предположительно. Такая интерпретация не может быть однозначной даже внутри традиционной культуры, что заложено в самой природе длительного пути к смерти, особенно когда на этом пути происходят существенные социокультурные изменения. Человек формирует для себя принципиально незавершенный погребальный набор по общей традиционной схеме в порядке вынужденной личной творческой инициативы, но в итоге лишен возможности осуществить «авторский надзор», поэтому последнее слово всегда остается за распорядителями похорон, которые имеют свои собственные взгляды на происходящее.

Предметы ударной огнедобычи из данного погребального комплекса представлены двумя отдельными комплектами.

Один из них находился в специальном меховом мешочке размером 115 × 65 мм, сильно вытертом из-за длительного использования (рис. 1, *1*). Трут (рис. 1, *2*) изготовлен из гриба-трутовика по традиционному и хорошо знакомому всем народам Европы и Азии способу [10. P. 565] (более поздний способ см.: [1. С. 257]). Деревянная серница размером 54 × 26 × 12 мм треугольной формы с ушком для крепления шнурка с остатками затвердевшего расплава самородной серы (рис. 1, *5*) была помещена в специальный кожаный чехол (рис. 1, *6*), в котором лежали также фрагменты выпавшей из нее растрескавшейся серной массы и несколько кристаллов самородной серы (рис. 1, *4*). Кроме того, в мешочке лежал, очевидно, подъемный археологический предмет из темно-серого базальта (рис. 1, *3*). Изделие размером 65,0 × 31,8 × 12,4 мм представляет собой бифас с нечетко выраженными элементами формы, позволяющими определить его как бифасиальный нож с коротким, узким, асимметрично-треугольным лезвием и широким, длинным, подпрямоугольным насадом. Его можно отнести к древнекорякской культуре и датировать сер. I тыс. н.э. – XVII в. н.э.

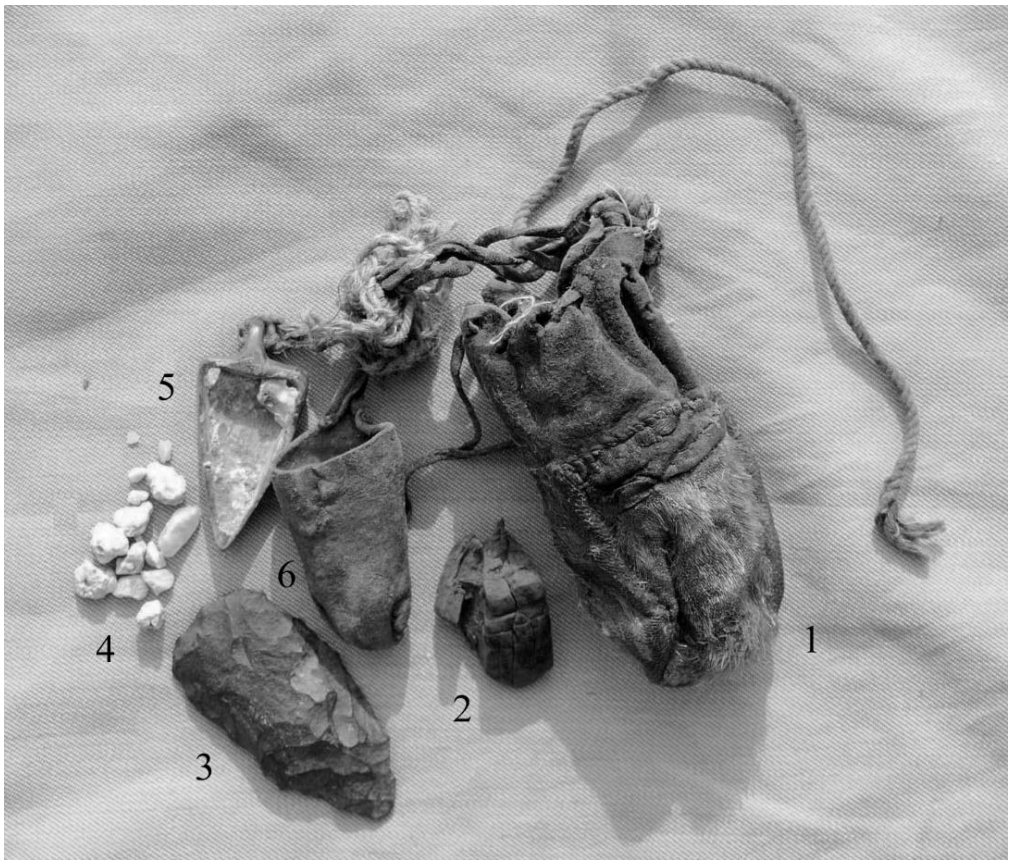


Рис. 1. Огневой набор из комплекса погребальных предметов Е.К. Тынакьяв (с. Верхний Паре́нь):
1 – мешочек для огневого набора (МОКМ КП-35091/25); *2* – трут (КП-35091/27); *3* – бифасиальный каменный нож (КП-35091/26); *4* – кристаллы самородной серы и фрагменты серной массы из серницы (КП-35091/25); *5* – серница (КП-35091/25); *6* – чехол для серницы (КП-35091/25) (все без масштаба)

Другой комплект находится в отдельном тканевом узелке и состоит из четырех каменных предметов и россыпи самородной серы (рис. 2). Среди каменных предметов есть один грубоокатанный обломок халцедонового желвака стержневидной формы с клиновидным профилем, размером 50 × 21 × 16 мм (рис. 2, *3*). Два других – из окремненной породы, размером 44 × 38 × 15 мм (рис. 2, *1*) и 38 × 31 × 10 мм (рис. 2, *2*) – представляют собой соответственно уплощенный скол с участками смятости и ретуши утилизационной природы и более тонкий отщеп с намеренной (?) и утилизационной ретушью. Четвертый предмет из темно-серого кремня размером 34 × 29 × 14 мм (рис. 2, *4*) является ружейным кремнем четко выраженной формы в виде асимметричной усеченной пирамиды. Боковинки у него крутые, представляют собой плоскости сечений, образованных в результате фрагментации заготовки, с четко выраженными позитивами ударных конусов от верхней (дорсальной) грани. Пятка оформлена трансфасиальными крутыми-отвесными сколом и ретушью, заложенными с вентральной поверхности; углы слегка скруглены. Ударный конец дугообразно-вогнутый, оформлен захватывающей полукрутой вентральной ретушью, образовавшей собственно ударный край с углом 47–54°. На всех краях по вентральному периметру фиксируются фасетки дорсальной, вентральной или бимаргинальной ретуши утилизации, с заметными участками смятости. Подобные характерного облика ружейные кремни широко известны в литературе как «английские», или «британские» [11–14][3].

Рис. 2. Содержимое тканевого узелка с предметами огнедобычи (КП-35091/28):
1–4 – кремни; *5* – кристаллы самородной серы с включением мелких зерен бисера и осколков бусин (все без масштаба)

Данный экземпляр мы полагаем импортным и предварительно датируем серединой – второй половиной XIX в. Сопутствующая каменным предметам самородная сера оказалась смешанной со стеклянными бисером и обломками бусин (рис. 2, *5*) общим количеством 30 ед. Сера желтого цвета, полупрозрачная и непрозрачная; размеры частиц от пылеватых (значительно менее 0,5 мм) до 11,0 мм в максимальном измерении. Осколки мелких зонных бусин (или одной бусины?) одного янтарного цвета как будто фиксируют высоту бусины 5,4 мм. Зерна бисера имеют разные цвет, прозрачность, форму (зонные и цилиндрические) и размеры (от 1,1 × 2,7 до 2,4 × 2,4 и 1,5 × 2,9 мм).

В обоих комплектах отсутствуют стальные кресала, которых вообще нет в инвентаре погребального комплекса, что можно объяснить, прежде всего, его подготовительной спецификой, отмеченной выше[4]. Возможно, в качестве их заменителей (моделей) стоит рассматривать металлическую кольцевидную пряжку от подпружного ремня для верхового эвенского оленя, поскольку развитая практика моделирования отдельных элементов погребального инвентаря отмечалась ранее на примерах кресал[5], серницы, табакерки[6], снеговыбивалки [2. С. 104, 105, 108]. В духе заместительного моделирования можно объяснить и присутствие в первом комплекте ископаемого каменного артефакта: он играет роль отсутствующего настоящего функционального кремня. Еще один археологический предмет – удлиненный узкий бифас из аналогичного базальтового сырья размером 88,1 × 26,4 × 10,1 мм (КП-35091/31) – находился в составе комплекса вне непосредственной вещественной связи с огневыми комплектами, но, вероятно, тоже является припасенной моделью кремня. Яркая специфика второго комплекта – наличие фрагментов бусин и бисера – из-за их заметного количества не может быть обусловлена случайной примесью и ранее как будто в историографии погребальных огневых наборов не отмечалась. Ее следует рассматривать как признак «жертвоприношения» – *инэлвит*. При этом пересечения семантических полей погребальности и «жертвоприношений» не дают возможности однозначно определить его конкретную функцию; один из гипотетических вариантов интерпретации – в узелке собрана передача ранее умершим

родственникам, другой – бусино-бисерная примесь служит меткой отправления в иной мир.

В проанализированных ранее данных, отражающих бытовую повседневность и погребальную практику, огневые приборы ударного действия и сопутствующие им материалы огнедобычи представлялись нам в заметной мере связанными с феноменом табакокурения [1, 2]. Факты, вроде бы подтверждающие эту связь, прослеживались в сопряженности огневых приборов и «табачного комплекта», широчайшем современном распространении курения и в актуальных объяснениях персонального погребального инвентаря как крайне необходимого для долгого пути и нормальной жизни в ином мире. Однако в исторической ретроспективе «этиология личного погребального огня» может оказаться иной. В связи с этим нам кажутся существенными два взаимосвязанных вопроса:

1. Чем было появление огневых приборов ударного действия и связанных с ними компонентов в корякской погребальной обрядности – абсолютной инновацией или же «модернизацией»[7], когда они, в связи с изменением технологии огнедобычи, заместили в погребальном ритуале использовавшиеся ранее деревянные наборы, привнеся дополнительные смыслы, связанные, например, с табакокурением, но не изменив принципиально статуса огневого набора вообще?

2. Являются ли ударные огневые комплексы самостоятельной категорией погребального инвентаря коряков или же попадают в него как составная часть курительного набора?

Перспективы ответа на эти вопросы с опорой на конкретные разносторонние наблюдения и детализированные устные свидетельства в значительной степени обусловлены этнографической реальностью.

В настоящее время у коряков деревянные огнива, судя по всему, еще сохранили свои пастушеские и охранительные функции, но функцию ритуальной добычи огня утратили совершенно, да и до этого подобные обычаи соблюдались далеко не повсеместно. Например, Я.А. Явьек (1955 г.р.) не помнит, чтобы огонь высверливали, тогда как П.М. Тынакьяв (1946 г. р.) рассказывал, что в семье Н.Т. Кулгу (1944 г. р.), на р. Тылхой, на празднике начала лета (*аноэв'енен*) в устанавливаемой юрте с помощью деревянного огнива разжигали огонь еще в 1990-е гг. При этом следует учитывать, что Кулгу происходил из семьи с крепкими традициями. Он был сыном известного оленевода и шамана Тумухая (1910 г.р.), так и не вступившего в совхоз, в семье которого «шаманили» все: он сам, обе его жены и сын.

Вышли из обихода и огневые приборы ударного действия, но некоторые примеры, относящиеся ко второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг., показывают, что какая-то часть ритуальной огнедобычи осуществлялась с их помощью. Я.А. Явьек вспоминал, что когда он был маленький, то в кочевавшей на р. Тылхой семье Аткына на зимний праздник («корякский Новый Год», *тойгэвэгыйуын, кинтак*) его жена Детантэ получала огонь «двумя белыми камнями», искры от которых заставляли тлеть мох, который потом раздували и переносили на костер. Полной уверенности в том, что в добыче огня использовались только камни, без металлического кресала, Я.А. Явьек не выказал[8]. Заметим, что наблюдающийся в этих представлениях отрыв кремней от металлического кресала позволяет наметить путь объяснения довольно редкой черты второго огневого компонента в погребальном наборе Е.К. Тынакьяв, а именно отдельного помещения четырех кремней вместе с серой в полотняную завязку.

С.Э. Хечай (1949 г.р.) рассказал, что его мать Навьяво (1921 г.р.) разводила огонь с помощью металлического кресала и небольшой металлической пластинки в качестве кремня при установке яранги на новом месте. Такой огонь, по корякским представлениям, являлся священным, «чистым». Деревянные огневые снаряды-*гычгыи* она тоже вынимала из мешка и клала поблизости – «пусть посмотрят». Металлические огневые принадлежности Навьяво хранила в мешочке, а его, в свою очередь, помещала в тот мешок, где хранились гычгыи, пошитый из старых мембран от бубна. Видно, что в этом ритуале металлическое кресало замещает деревянный снаряд, но гычгый не забыт и является «смотрителем». Если же разведенный металлом огонь в яранге гас, то вновь его разводили уже вполне обычно – спичками.

Прослеживающаяся в этих единичных сведениях тенденция к «феминности» ритуальной ударной огнедобычи как будто подтверждается свидетельством Светланы Анатольевны Инылив (1963 г.р.), которая была замужем за воспитанником Тумухая Виктором Константиновичем Иныливом и хорошо знала обычаи их семьи. Светлана отмечала, что в контексте повседневного обыденного использования спичек ситуационная ударная огнедобыча осуществлялась женщинами, а получение «деревянного» огня оставалось прерогативой мужчин[9].

Такое положение вещей делает вероятным предположение, что умерших корякских женщин могли снабжать огневыми приборами ударного действия, их компонентами или искроприемниками еще и потому (или только потому), что и в мире мертвых они остаются хранительницами огня и очага.

В качестве доказательной параллели здесь можно рассматривать свидетельство В.Г. Богораза о том, что умершей чукотской женщине среди вещей для ее последней поездки кладут (вероятно, не всегда, так как в англоязычном издании пишется «часто» [15. P. 533]) «модель деревянного огнива со всеми принадлежностями» [16. С. 192]. При этом хорошо видна земная мотивация – деревянный прибор в виде модели дается именно женщине, которая была с ним тесно связана и при жизни. Согласно наблюдениям известного знатока палеоазиатской этнографии В.В. Горбачевой[10], модель деревянного огнива в погребальный инвентарь кладут и коряки, но лишь в исключительных случаях. Женщине же могут положить модель огнива, только если она при жизни владела стадом.

Изготовление у чукчей «заместителя» находит вполне правдоподобное объяснение в том, что настоящая огнивная доска числилась принадлежностью домашнего очага, переходила к наследникам и поэтому ее никогда не хоронили вместе с умершими [17. С. 152].

Хотя, по мнению В. В. Горбачевой, в числе прочих вещей «верхним людям» посылать настоящий ритуальный огневой прибор все же могут[11].

В отличие от деревянных огнив, входящих в погребальный сопроводительный инвентарь только в виде моделей[12], ударные огневые приборы, как видно, участвуют в похоронном процессе сами, случаи же замещения их компонентов вполне объяснимы редкостью оставшихся в наличии экземпляров. Причина, открывающая возможность такого обращения с ударными приборами у коряков, состоит в том, что они, выйдя из повседневного употребления, заняли свое законное место в обрядовой сфере, но не утвердились в качестве принадлежности домашнего очага и семейного наследства[13], – это и позволило им беспрепятственно путешествовать с мертвой женщиной в качестве индивидуальной, но не утилитарной (вроде кружки, ложки и табакерки) принадлежности.

Таким образом, версия о том, что ударные огневые комплекты попадают в погребальный инвентарь коряков исключительно как составная часть курительного набора, теперь не кажется нам столь уж очевидной, по крайней мере в женской части погребальной практики.

Также мы можем предположить, что практика погребального использования огневых принадлежностей в корякской культуре имеет глубокие корни еще на «деревянной» стадии огнедобычи. Подтверждение этому могли бы дать археологические свидетельства, но в настоящее время дело осложняется отсутствием данных о достоверно древнекорякских погребениях вообще[14], а также неразработанностью вопроса о древней огнедобыче и включенности соответствующих элементов в древний погребальный ритуал на Крайнем Северо-Востоке Азии. Однако, перспективность этого направления подтверждается хотя бы материалами древнеэскимосских Уэленского и Эквенского могильников, где в 63 могилах из 265 обнаружены предметы, часть из которых может представлять компоненты деревянных огневых приборов: накладки на лучковые сверла (специально оформленные и в виде таранных костей северного оленя – оленьих астрагалов), лучки, деревянное сверло [19, 20]. Однако в одном из этих захоронений (№ 100 из парного погребения 99–100 Эквенского могильника) в благоприятных для сохранности дерева условиях найдены и достоверные детали деревянного огневого прибора – фрагменты огневого сверла и доски: они были найдены у мужского костяка, тогда как «бабки-накладки» – у мужского и у женского [20. С. 46. Рис. 19]. С получением огня мог быть связан и встреченный в пяти могилах пирит [19. С. 48; 20. С. 20, 37, 54, 69].

Можно заметить, что все заключения по поводу места ударных огневых комплексов в погребальной обрядности коряков могут делаться на источниковой базе, пока еще крайне фрагментарной в отношении ареальных, хронологических, этносопоставительных и гендерных характеристик, что при неясности пределов допустимых экстраполяций подразумевает неизбежно высокую долю условности в согласовании разновременных, разнотерриториальных и разноэтничных данных. При этом вполне очевидно, что если ранние этапы этой истории могут быть в какой-то степени прояснены в ходе археологических исследований, то для специально этнографических изысканий в потоке живой культуры времени практически не осталось. Возможность получить устные свидетельства в ближайшем будущем исчезнет, а личные мемориальные и просто залежавшиеся вещи, как и музейные собрания, станут предметом исключительно вещеведческих штудий и основанных на них гипотетических построений. Что, впрочем, не так уж и плохо – были бы зафиксированы сами предметные комплексы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ареал сложения гетерогенной верхнепаре́ньской группы коряков был довольно широким. В него вошли смежные локальные территориальные группы: оленеводы и их потомки, кочевавшие в бассейнах рр. Паре́нь, Тылхой, на п-ове Тайгонос, по правым притокам р. Омолон (таким как верховья р. Кегали и на всем протяжении р. Крестик), а также оленеводы и их семьи, прибывшие с Северной Камчатки.

[2] Возможно, из-за «нетрадиционного» нового вероисповедания они не были бы использованы в любом случае.

[3] Несмотря на то, что ружейные кремни бытовали на крайнем Северо-Востоке Азии и поставлялись сюда начиная с появления русских в середине XVII в., литературные сведения о них крайне скудны.

[4] 4 августа 2017 г. в семье верхнепареньских коряков Г.И. Итека и С.А. Инылив довелось наблюдать в чем-то близкий хранимый «подготовительный» погребальный комплекс, в котором кроме орнаментальных полос, специальных алыков с особыми стопорами-узлами для погребальных оленей и прочего в отдельном мешочке с непонятной связкой из трех пуговиц находился и огневой комплект вообще без ключевых элементов (кремней и металлического кресала): деревянная серница, сера в ровдужном узелке, отдельный трут и тканевый узелок с трутом. Ранее этот комплекс принадлежал первой жене отца Г.И. Итека – Аннат (1919 г.р.).

[5] По свидетельству В.В. Горбачевой (устное сообщение от 25.11.2014), в сопроводительный инвентарь кладут модель железного огнива, сделанную из проволоки, которую сворачивали в виде калача.

[6] В погребальном инвентаре, который одному из авторов приходилось видеть у верхнепареньских коряков, чаще встречались табакерки-модели, чем подлинные. Такими моделями выступали круглые жестяные коробки различного размера: из-под бальзама «Золотая звезда» (погребальный набор М.С. Кевевхая, 1961 г.р., наблюдение 26.09.2010); из-под вазелина (погребальный набор И.И. Эквинина, 1960 г.р., наблюдение 05.08.2011); из-под леденцов монпасье (погребальный набор О.К. Итек, 1965 г.р., наблюдение 19.09.2010). По объяснению информантов (Н.И. Эквинина, 1933 г.р., интервью от 05.08.2011; О.К. Итек, интервью от 19.09.2010, Е.Н. Иковав, 1958 г.р. и Т.А. Мелгинковав, 1964 г.р., интервью от 26.09.2010), жестяные коробки стараются запасти заранее, они ценятся именно как похоронная принадлежность.

[7] В данном случае мы понимаем модернизацию как трансформацию существующей погребальной структуры в результате внедрения в нее сторонних «прогрессивных» технологических элементов.

[8] Впрочем, информация о двух огневых камнях находит косвенное соответствие в словах П.М. Тынакьява, который не помнит, чтобы наблюдал получение огня ударным способом, но знает прозрачный камень (*тэнав'н*), дающий искры как будто бы при ударе о другой такой же камень.

[9] Интервью в июле 2016 г.

[10] Устное сообщение от 25 ноября 2014 г.

[11] Это делали в тех случаях, когда не осталось родственников, которые могут вещи унаследовать. На Чукотке В.В. Горбачева была свидетелем того, что женщина, потерявшая сына, связала утрату с нарушением именно этого правила и устроила сожжение вещей, в том числе деревянных огнив (устное сообщение от 25.11.2014)

[12] Нам известен лишь один достоверный случай сожжения деревянного огнива на погребальном костре вместе с владельцем: в начале 2017 г. при похоронах верхнепареньского коряка П.К Коялхута (1942 г.р.) сгорел один из пары семейных гычгыев. Но это мы относим на счет финального этапа истории деревянных огнив, когда они, после практически полного исчезновения регионального оленеводства, сохраняют (или вновь возрождают), возможно, лишь одну из своих генетически-изначальных функций – функцию личного и / или семейного охранителя.

[13] В отличие от металлического «семейного огнива» нивхов, феномен которого в его возможной генетической связи с деревянным огнивом заслуживает отдельного анализа.

[14] Хотя отдельные элементы деревянных снарядов уже известны на непогребальных древнекорякских объектах. На северном побережье Пенжинской губы, на стоянке Каменная I, возможно, относящейся к атарганской стадии (X–XIII вв. н.э.) древнекорякской культуры или к еще более раннему периоду, найдено деревянное приспособление для добывания огня с отверстием вверху и углублениями от сверла – пятью с одной стороны и тремя с другой. Также на правом берегу бухты Рассвет на о. Завьялова была обнаружена сверлильная накладка, которая могла использоваться при высверливании огня [18. С. 91, 100, 102].

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробей И.Е., Хаховская Л.Н., Митько О.А. Корякские огневые приборы ударного действия // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2013. Т. 12, вып. 7: Археология и этнография. С. 246–264.
2. Воробей И.Е., Хаховская Л.Н., Митько О.А. Огневые приборы в погребальном инвентаре коряков Северо-Эвенского района Магаданской области // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2015. Т. 14, вып. 3: Археология и этнография. С. 100–110.
3. Горбачева В.В. Обряды и праздники коряков. СПб. : Наука, 2004. 152 с.
4. Горбачева В.В. Традиционные черты в современной похоронно-поминальной обрядности у оленеводов ачайваямской группы // Музей. Традиции. Этничность. 2012. № 2. С. 51–63.
5. Горбачева В.В., Мастюгина Т.М. Похоронная обрядность. Коряки // Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. М. : Наука, 1980. С. 216–221.
6. Гурвич И.С. Новые данные по традиционной обрядности коряков // Традиционные верования и быт народов Сибири. XIX – начало XX в. Новосибирск : Наука, 1987. С. 75–84.
7. Лебедев В.В. Похоронный обряд ачайваямских коряков-оленеводов // Полевые исследования Института этнографии в 1975 г. М. : Наука, 1977. С. 54–62.
8. Максимов И. В последний путь по-корякски // Независимая газета. 2003. 1 дек. URL: http://www.portal-credo.ru/site/?act=monitor&id=2756
9. Орлова Е.П. Обряд погребения и погребальная одежда коряков Камчатской области // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск : Наука, 1974. С. 350–359.
10. Jochelson W. The Koryak // The Jesup North Pacific Expedition Publications. New York ; Leiden : E.J. Brill ; New York : G.E. Stechert & Co., 1905. Vol. VI, pt. I-II: Memoirs of the American Museum of Natural History. XV, 842 p.
11. Ballin T.B. Gunflints from Drottningen af Swerige (1745) and Concordia (1786) // Arms & armour. 2014. Vol. 11, № 1. P. 44–67.
12. Ballin T.B. Identification of gunflints from shipwrecks. 2014. URL: https://www.seawarmuseum.dk/cgi-files/mdmgfx/file-1045-469778-1760.pdf
13. Галимова М.Ш., Ситдиков А.Г., Хабаров В.В. Оружейные и кресальные кремни из раскопок Казани: экспериментально-трасологическое исследование // Поволжская археология. 2014. № 3. С. 256–276.
14. Колесник А.В., Яковец М.Ю., Климова К.И. Комплексы ружейных кремней XVIII–XIX вв. из Крыма // Поволжская археология. 2016. № 4. С. 309–324.
15. Bogoras W. The Chukchee. Religion. Leiden ; New York, 1907. Vol. 7, pt. 2. P. 277–536.
16. Богораз В.Г. Чукчи. Религия. Л. : Изд-во Главсевморпути, 1939. Т. 2. 195 с.
17. Вдовин И.С. Религиозные культы чукчей // Материалы по археологии и этнографии. Л., 1977. Т. 33: Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). С. 117–171.
18. Пташинский А.В. Новые стоянки побережья Пенжинской губы // Краеведческие записки. Петропаловск–Камчатский : Дальневост. кн. изд-во, 1989. Вып. 6. С. 91–118.
19. Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). М. : Наука, 1969. 208 с.
20. Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). М. : Наука, 1975. 240 с.

Igor E. Vorobey, Magadanskiy Regional Studies Museum (Magadan, Russia). E-mail: vorobey.ie@magadanmuseum.ru;
Lydmila N. Khakhovskaya, North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute n.a. N.A. Shilo FEB RAS (Magadan, Russia). E-mail: hahovskaya@neisri.ru;
Oleg A. Mitko, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: omitis@gf.nsu.ru

A NEW INFORMATION ABOUT FIRE-MAKING APPARATUS IN THE FUNERAL PRACTICE OF KORYAKS OF NORTH-EVEN DISTRICT, MAGADAN REGION

Keywords: Magadan, the Koryak, herders, funeral rites, fire-making apparatus, flint, sulphur, matches, gender specificity.

This publication follows up a series of articles dedicated to the study of the traditional methods of making fire by the reindeer herding Koryak population located in the North-Even district of the Magadan region. The purpose of this article is to analyze the impact of fire tools and their use in the funeral rituals. The relevance of this research is supported by the extreme lack of today's opportunities to conduct specific thematic studies of the Koryaks' living traditions and culture. The descriptions of the Koryak's funeral rituals can be rarely met and are never thoroughly analyzed in the ethnographical researches.

The research was based on the preparatory female burying inventory kit, mostly selected in the end of the 1960-1970 period. Due to various reasons these belongings were not burnt in the funeral pyre with their owner, who has departed in 2013. The funeral inventory had two impact fire-making toolkits, but none of them had the most important component: a fire-steel. The peculiarity of the first fire-making kit, which had a tinder and a sulphur box, was in the substitution of the flint with an archeological stone bifacial knife. The second toolkit, which comprised a pinch of natural sulphur, three flints and one "British" gunflint (dated 19 century), also contained bead flinders and small grains of bugle, which adds a new dimension of a traditional sacrifice practice.

The formulated hypothesis regarding the three-steps assembly of the modern polymorphic and multifunctional complex of the Koryaks' fire-making tools, the oral testimonies of Koryak informants and the literature data allowed to conduct the following conclusions. In the Koryak culture the practice of fire-making items used in burying rituals has a deep historical background of times when the fire was obtained with the wooden tools. However, there is no direct archeological evidence to support this fact. Later, the wooden fire board for the ritual funeral inventory were substituted with the impact fire tools: they did not find their constant place among the domestic household items and family legacies. In 19-20 centuries during the funerary rituals the wooden fire boards were presented as copycat models

which replaced real products. The developed practice of the impact fire tools substitution and modeling was associated with the depletion of the metal fire tools source. Another conclusion was made about the possible gender specifics, that is associated with the reason why the steel and flint were included in the women's funerary inventory. This fact questions the theory about the purpose of the funerary fire-making items as a toolset for smoking.

REFERENCES

1. Vorobey, I.E., Khakhovskaya, L.N. & Mitko, O.A. (2013) Koryak Fire-Making Apparatus. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 12(7). pp. 246–264. (In Russian).
2. Vorobey, I.E., Khakhovskaya, L.N. & Mitko, O.A. (2015) Fire-making apparatus in the funeral inventory Koryak Nord-Even district of Magadan region. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 14(3). pp. 100–110. (In Russian).
3. Gorbacheva, V.V. (2004) *Obryady i prazdniki koryakov* [Koryak ceremonies and holidays]. St. Petersburg: Nauka.
4. Gorbacheva, V.V. (2012) Traditsionnye cherty v sovremennoy pokhoronno-pominal'noy obryadnosti u olenevodov achayvayamskoy gruppy [Traditional features in modern funeral and memorial rituals of reindeer breeders of the Achayvayam group]. *Muzey. Traditsii. Etnichnost'*. 2012. № 2. pp. 51–63.
5. Gorbacheva, V.V. & Mastyugina, T.M. (1980) Pokhoronnaya obryadnost'. Koryaki [Funeral rituals. Koryaks]. In: *Semeynaya obryadnost' narodov Sibiri. Opyt sravnitel'nogo izucheniya* [Family rituals of the peoples of Siberia. Comparative Study Experience]. Moscow Nauka, 1980. pp. 216–221.
6. Gurvich, I.S. (1987) Novye dannye po traditsionnoy obryadnosti koryakov [New data on the traditional rituals of the Koryaks]. In: Gemuev, I.N. & Sagalaev, A.M. (eds) *Traditsionnye verovaniya i byt narodov Sibiri. XIX – nachalo XX v.* [Traditional beliefs and life of the peoples of Siberia. The 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Nauka. pp. 75–84.
7. Lebedev, V.V. (1977) Pokhoronnyy obryad achayvayamskikh koryakov-olenevodov [Funeral rite of the Achayvayam Koryak reindeer herders]. In: Vainstein, S.I. (ed.) *Polevye issledovaniya Instituta etnografii v 1975 g.* [Field Research of the Institute of Ethnography in 1975]. Moscow: Nauka. pp. 54–62.
8. Maksimov, I. (2003) V posledniy put' po-koryakski [On the last journey in Koryak style]. *Nezavisimaya gazeta*. 1st December. [Online] Available from: http://www.portal-credo.ru/site/?act=monitor&id=2756
9. Orlova, E.P. (1974) Obryad pogrebeniya i pogrebal'naya odezhda koryakov Kamchatskoy oblasti [Burial ceremony and burial clothes of the Koryaks of the Kamchatka region]. In: Larichev, V.E. (ed.) *Bronzovyy i zheleznyy vek Sibiri* [Bronze and Iron Age of Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 350–359.
10. Jochelson, W. (1905) The Koryak. In: Boas, F. et al. *The Jesup North Pacific Expedition Publications*. Vol. 6. New York; Leiden: E.J. Brill; New York: G.E. Stechert & Co.
11. Ballin, T.B. (2014) Gunflints from Drottningen af Swerige (1745) and Concordia (1786). *Arms & Armour*. 11(1). pp. 44–67. DOI: 10.1179/1741612414Z.00000000032
12. Ballin, T.B. (2014) *Identification of gunflints from shipwrecks*. [Online] Available from: https://www.seawarmuseum.dk/cgi-files/mdmgfx/file-1045-469778-1760.pdf
13. Galimova, M.Sh., Sitdikov, A.G. & Khabarov, V.V. (2014) Gun-lock flints and the fire stones from excavations in Kazan: experimental and traceological research. *Povolzhskaya arkheologiya – The Volga River Region Archaeology*. 3. pp. 256–276. (In Russian).
14. Kolesnik, A.V., Yakovets, M.Yu. & Klimova, K.I. (2016) Complexes of Gun flints of the 18th – 19th Centuries from the Crimea. *Povolzhskaya arkheologiya – The Volga River Region Archaeology*. 4. pp. 309–324. (In Russian).
15. Bogoras, W. (1907) *The Chukchee. Religion*. Vol. 7(2). Leiden; New York: [s.n.]. pp. 277–536.
16. Bogoraz, V.G. (1939) *Chukchi. Religiya* [The Chukchee. Religion]. Vol. 2. Leningrad: Izd-vo Glavsevmorputi.
17. Vdovin, I.S. (1977) Religioznye kul'ty chukchey [Religious cults of the Chukchi]. *Materialy po arkhenologii i etnografii*. 33. pp. 117–171.
18. Ptashinsky, A.V. (1989) Novye stoyanki poberezh'ya Penzhinskoy guby [New sites on the coast of the Penzhina Bay]. In: Ponomarenko, A.K. (ed.) *Kraevedcheskie zapiski* [Local History Notes]. Issue 6. Petropalovsk–Kamchatskiy: Dal'nevost. kn. izd-vo. pp. 91–118.
19. Arutyunov, S.A. & Sergeev, D.A. (1969) *Drevnie kul'tury aziatskikh eskimosov (Uelenskiy mogil'nik)* [Ancient cultures of the Asian Eskimos (Uelen burial ground)]. Moscow: Nauka.
20. Arutyunov, S.A. & Sergeev, D.A. (1975) *Problemy etnicheskoy istorii Beringomor'ya (Ekvenskiy mogil'nik)* [Problems of the ethnic history of the Bering Sea (Ekven burial ground)]. Moscow: Nauka.

УДК 009 + 39 (571.12)
DOI: 10.17223/19988613/66/21

Н.В. Лукина

ПОЛВЕКА НОВОЙ ЖИЗНИ (ПАМЯТИ В.Н. ЧЕРНЕЦОВА)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 19-18-00329.

Статья посвящена памяти известного угроведа В.Н. Чернецова (1905–1970). Излагается история изучения его научного архива, поступившего в Томский государственный университет, и рассматриваются публикации материалов архива. Анализируются исследования, выполненные по тематике Чернецова (медвежий праздник) после его кончины. В результате установлено преобладание работ о спорадическом празднике при меньшем внимании к периодическим обрядам. Заметен большой интерес к культу медведя как части традиционного мировоззрения обских угров при слабом внимании к происхождению медвежьего праздника.
Ключевые слова: В.Н. Чернецов; научный архив; манси; медвежий праздник.

29 марта 2020 г. исполнилось 50 лет со дня кончины Валерия Николаевича Чернецова – этнографа, лингвиста, археолога. Это имя широко известно отечественным и зарубежным специалистам по древней истории Западной Сибири и этнографии живущих здесь коренных народов. Биография и научная деятельность ученого хорошо освещена в литературе [1–3 и др.]. В предлагаемой статье речь пойдет о событиях после ухода В.Н. Чернецова (т.е. после 1970 г.) – об изучении его архива и о работах на этнографические темы, связанные с его именем.

Первой публикацией, раскрывающей многостороннюю научную деятельность В.Н. Чернецова, был некролог, авторы которого – этнографы В.И. Васильев, Ю.Б. Симченко, З.П. Соколова. Они отмечали, что труды ушедшего из жизни ученого получили высокую оценку не только в нашей стране, но и за рубежом. «Это был талантливый, постоянно ищущий исследователь, интересный, обаятельный, щедрый, душевный человек» [1. С. 196].

Как известно, Чернецов совершил несколько экспедиционных поездок к манси, ненцам, тазовским селькупам, хантам. Все полевые материалы находились у него дома. После смерти ученого его жена и соратник, археолог Ванда Иосифовна Мошинская продолжала хранить архив. Она сгруппировала разнородные материалы и составила их опись. Обнаруженную в архиве рукопись статьи о медвежьем празднике, написанную еще в 1950 г., она отправила в Венгрию, где в 1974 г. статья была опубликована в переводе на немецкий язык [4]. Композитор Б.А. Чайковский, с которым при жизни был дружен В.Н. Чернецов, сделал многое для реставрации его кинопленок. Предварительно В.И. Мошинская описала сюжеты и кадры кинопленок. Это описание вместе с рассказом об истории съемок и о судьбе созданных на их основе кинофильмов было добавлено ею в архив ученого.

Нужно сказать, что мне не довелось быть лично знакомой с В.Н. Чернецовым. Он работал научным сотрудником и заведующим сектором Института археологии АН СССР в Москве, я же в год его кончины (1970) была лишь начинающим исследователем-этнографом Томского университета. Известие о печальном событии застало меня в д. Корлики, где я в ту зиму семь месяцев вела сбор полевых материалов среди ваховских хантов. Ничто тогда не предвещало моего будущего участия в судьбе научного наследия ведущего ученого.

О том, как это произошло, мне уже не раз приходилось писать, и здесь скажу совсем кратко. Вдова В.Н. Чернецова В.И. Мошинская решила передать его научный архив в Томский университет, и ректорат ТГУ поручил мне получение архива. Все материалы были привезены из Москвы и в 1980 г. сданы на хранение в Музей археологии и этнографии Сибири Томского университета.

Обработка архива и дальнейшее продвижение его материалов велись по планам Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии ТГУ. Сотрудники лаборатории Н.В. Лукина и О.М. Рындина занимались вначале документированием, затем подготовкой к публикации этнографических материалов из наследия Чернецова. К 80-летию ученого нами была подготовлена статья с общим обзором архива [5].

В 1984 г. копии фольклорных текстов на мансийском языке были переданы в Институт этнографии Венгерской академии наук. Предполагалась их публикация, и в качестве предварительного этапа венгерская фольклористка Е. Шмидт, причастная к передаче копий, в 1984–1985 гг. подготовила рукописные аннотации текстов на русском языке. Она передала аннотации мне, а я впоследствии сдала их в Березовский фольклорный фонд народа манси. Сейчас они хранятся в Обско-угорском институте прикладных исследований и разработок (Ханты-Мансийск) [6], а одна копия находится в моем домашнем архиве. Краткая характеристика самих текстов дана в статье Е. Шмидт, опубликованной в Венгрии в 1985 г. [7].

В 1987 г. в книге «Источники по этнографии Западной Сибири» увидели свет полевые материалы

В.Н. Чернецова, собранные им в 1925–1938 гг. в ходе семи экспедиций к манси и одной экспедиции к ненцам [8]. Их подготовили к публикации Н.В. Лукина и О.М. Рындина. Книга пользуется широким спросом у специалистов, и назрела необходимость ее переиздания.

В 1990 г. был создан кинофильм «Валерий Николаевич Чернецов», автором которого выступала Н.В. Лукина, оператором – член киностудии Томского университета А.Н. Михалёв. В его основу легли архивные материалы самого ученого и наши съемки в Москве, Салехарде, Томске, а также во время VI Международного конгресса финно-угроведов в Сыктывкаре (1985).

Основным объектом этнографического изучения Чернецова была традиционная культура обских угров (в основном манси). Основательные полевые материалы собраны им также по ямальским ненцам в длительной экспедиции зимой 1928–1929 гг. Роли В.Н. Чернецова в изучении ненцев посвящены статьи Г.П. Харючи, вышедшие в 1995–1996 гг. [9–11].

В 1999 г. состоялась публикация Лукиной и Рындиной архивных материалов Чернецова по мансийской терминологии родства [12]. В этом же году вышла статья Е.К. Скрибник о лингвистическом аспекте фольклорных текстов из архива Чернецова [13].

В 2001 г. статья Чернецова о медвежьем празднике, опубликованная ранее на немецком языке [4], увидела свет в переводе на русский язык, который был выполнен Н.В. Лукиной [14].

Важной, но нерешенной проблемой оставалась труднодоступность фольклорных текстов Чернецова для специалистов. Они были записаны на разных диалектах мансийского языка и в разных транскрипциях, что затрудняло их публикацию и перевод на русский язык. В 2000-х гг. я не раз выступала с докладами и публиковала статьи в надежде привлечь внимание научной общественности к этой проблеме, чтобы найти ее решение [15, 16 и др.].

В 2005–2006 гг. вышли статьи ученицы В.Н. Чернецова З.П. Соколовой, раскрывающие его вклад в этнографическое изучение обских угров и продолжение тематики Учителя в ее собственных трудах [17–19]. В последней статье З.П. Соколова приводит слова, сказанные ею в интервью, которое я брала у нее в 1985 г. для фильма о Чернецове: «Валерий Николаевич Чернецов был исключительным человеком, не только большим специалистом в этнографии, но и очень эрудированным в различных областях знаний... Обладая знаниями смежных наук – лингвистики, археологии, этнографии и фольклористики, он умел очень широко и глубоко подходить к решению различных проблем. Эта глубина дала ему возможность сделать очень интересные выводы, которые, я думаю, предоставят возможность многим поколениям исследователей развивать эти идеи...» [19. С. 149].

В 2009–2012 гг. в Мюнхенском университете имени Людвига и Максимилиана выполнялся научный проект «Ob-Ugric languages: conceptual structures, lexicon, constructions, categories» (Обско-угорские языки: концептуальные структуры, лексика, конструкции, категории). Руководила проектом профессор этого университета Е.К. Скрибник, которая располагала частью фольклорных текстов из архива Чернецова. В рамках проекта некоторые из этих текстов были обработаны и увидели свет на сайте http://babel.gwi.uni-muenchen.de. Я также участвовала в выполнении проекта, и размещение текстов на сайте проекта Е.К. Скрибник навело меня на мысль о возможности такой формы публикации для всех фольклорных текстов, хранящихся в архиве ТГУ. Эту идею позднее я обсуждала с Е.К. Скрибник, С.А. Поповой (Ханты-Мансийск) и Е.В. Барсуковым – заведующим музеем, где хранится архив. Все они поддержали такое предложение, а Е.В. Барсуков даже изготовил сканы тетрадей с мансийскими текстами. Обоснование этого предложения изложено в моей статье, готовившейся в рамках указанного проекта Мюнхенского университета, но вышедшей только в 2017 г. [20]. Однако реального воплощения идея оцифровки мансийских текстов Чернецова тогда не нашла.

В 2017 г. появилась статья В.В. Шубина, где в качестве этнографического источника рассматривается еще одна часть архива Чернецова – его киноматериалы [21].

Накануне 50-й годовщины ухода из жизни В.Н. Чернецова, в 2019 г., произошел настоящий прорыв в изучении его научного наследия. Началась работа над проектом «Интерпретация языковой и культурной истории народа манси: этнографические, фольклорные и лингвистические материалы архива В.Н. Чернецова». Проект создан по инициативе и выполняется на базе Национального исследовательского Томского государственного университета, он поддержан Российским научным фондом в виде гранта на 2019–2021 гг. Руководитель проекта – В.А. Плунгян, заведующий сектором типологии Института языкознания РАН (Москва); исполнители – лингвисты, фольклористы, этнографы из разных городов и организаций; в их число входит и автор этих строк.

Мне известны только некоторые результаты реализации проекта, полученные в 2019 г. Это публикация каталога фольклорных текстов В.Н. Чернецова и сообщения о лингвистических материалах в его архиве, подготовленные Н.В. Лукиной и С.А. Поповой [22, 23], а также исследование архива В.Н. Чернецова как творческой лаборатории, выполненное О.М. Рындиной и Е.В. Барсуковым [24]. Кроме того, О.М. Рындина провела исследования по темам «Культурный ландшафт манси в литературном творчестве В.Н. Чернецова» и «Этнографические полевые материалы В.Н. Чернецова в свете графологии» (доклады на конференциях).

Главным же результатом работы по проекту считаю подготовку электронных копий фольклорных мансийских текстов, записанных В.Н. Чернецовым, и размещение их на сайте Экскурсионно-просветительского центра музеев Томского государственного университета в разделе «Коллекции музеев» (http://museum.tsu.ru). Наконец-то фольклорные материалы из архива Чернецова стали доступными для исследователей и всех интересующихся!

В 2020 г. работа по проекту продолжилась. Одной из его задач является научная интерпретация сведений о духовной и материальной культуре манси, собранных В.Н. Чернецовым, и помещение их в контекст

современных исследований этнографии обско-угорских народов. Наиболее зримо этих целей можно достигнуть, обратившись к такому феномену в культуре хантов и манси, как медвежий праздник, который был исследован Чернецовым в основном на мансийском материале. С названной темой связаны и образцы мансийского фольклора, собранного финскими лингвистами в XIX в., изучение которых также обозначено в задачах проекта.

Изучение медвежьего праздника

Медвежьему празднику обских угров В.Н. Чернецов посвятил две статьи, вышедшие в 1965 г. [25] и в 1974/2001 гг. [4/14]. Основным источником для них послужили его собственные полевые материалы, собранные среди манси, в том числе личные наблюдения. До него в литературе был хорошо известен праздник по случаю добычи медведя – *ӯй йӣкв* ‘зверя танец’ (*ӯй* ‘зверь’ означает «медведь»). В.Н. Чернецов наряду с этим праздником, который он назвал «спорадическим», зафиксировал другой вид – периодические медвежьи обряды *яныг йӣкв* ‘большие [главные] танцы’. Описание обоих видов праздника послужило автору базой для постановки и решения нескольких проблем: происхождение праздника, его связь с охотничьими обрядами и тотемизмом, а также место в социальной жизни народа.

Такой комплексный анализ медвежьего праздника продолжила в 1980-х гг. венгерская исследовательница Ева Шмидт. Она рассматривает этот феномен в более широком плане – как культ медведя в общей системе традиционного мировоззрения и мифологии обских угров. На эту тему ею опубликованы обстоятельные работы на венгерском языке [26, 27 и др.], а в качестве аспиранта Ленинградского университета она подготовила и в 1989 г. защитила кандидатскую диссертацию на русском языке [28]. Привлекая самый широкий круг источников по медвежьей обрядности обских угров, Е. Шмидт констатирует приоритет В.Н. Чернецова в определении значимости периодических обрядов в честь Старика Священного Города в облике медведя как тотема фратрии *Пор*. Она отмечает, что результаты его научных исследований сразу вошли в научный обиход и за рубежом. «С тех пор на них ссылаются в стольких работах, что можно сказать: без персонажа Старика Священного Города нет современной финно-угристики» [28. С. 128]. (Замечу, что такая оценка выглядит как явное преувеличение роли этого персонажа даже в рамках угроведения, ведь он неизвестен у многих групп обских угров.) В то же время Е. Шмидт не полностью разделяет взгляды Чернецова, например о связи фратриального предка *Пор* с медведем [28. С. 171–172].

В 1990 г. вышла статья Н.В. Лукиной, в которой рассматриваются черты сходства и отличия в культе медведя обских угров с указанием конкретных компонентов, имеющих параллели у других народов [29]. В ней приводится выявленное Чернецовым сходство элементов медвежьего праздника с одним из театров иранского мира и коневодческой культурой степного мира [29. С. 186–187]. Относительно концепции Чернецова – о первичности периодических обрядов в честь предка фратрии *Пор* и вторичности обычного, спорадического праздника – Лукина выражает неуверенность в ее безусловности относительно обских угров в целом. Основанием для этого служит отсутствие фратрий *Пор* и *Мось* у южных и восточных хантов, а также сведения К.Ф. Карьялайнена о существовании у названных групп ранней стадии медвежьих церемоний, восходящих к древнесибирским охотничьим обрядам – без указаний на фратриальный характер праздника [Там же. С. 181, 188].

Забегая вперед, назову здесь статью З.П. Соколовой о культе медведя у народов Сибири, вышедшую в 2002 г. Это работа обобщающего характера с использованием многочисленных источников, и относительно Чернецова в ней не сказано ничего нового. Названо его важное достижение – выделение двух видов праздника: спорадического и периодического, связанного с фратриальными обрядами. В статье ставится вопрос о происхождении дуально-фратриального деления хантов и манси с учетом того, что у восточных хантов не было периодического фратриального медвежьего праздника, но в ответе рассматривается только этногенетический план, вне связи с праздником [30. С. 44, 57].

В конце 1980-х гг. среди коренных народов Севера началось движение за возрождение традиций, и одновременно шло приобщение национальной интеллигенции к изучению собственной этнической культуры. В трудах В.Н. Чернецова наиболее актуальной для формирующегося круга хантыйских и мансийских ученых была именно тема медвежьего праздника, и они активно включаются в ее исследование.

Следует отметить, что ситуация, в которой начались и развивались эти исследования, существенно отличалась от «чернецовского» периода. Во-первых, в 1920–1940 гг. Чернецов изучал живую традицию, а в 1980-х гг. медвежий праздник уже более полувека находился под запретом, проводился только тайно. Во-вторых, у Чернецова были сугубо научные цели, и медвежий праздник был для него объектом изучения; для северян же на первом месте стояли практические цели: прежде чем изучать праздник, его нужно было возродить в открытой форме. Далее, в роли исследователей теперь выступали не прибывшие извне личности, а выросшие в традиционной среде носители культуры и участники собственно медвежьих праздников, т.е. носители традиций стали их исследователями. Этими и другими обстоятельствами объясняется первоначальный интерес этнографов-северян именно к описанию собственных медвежьих праздников, а не к их научной трактовке в работах В.Н. Чернецова.

Описание мансийских обрядов, связанных с медвежьим праздником, дано в монографии Е.И. Ромбандеевой, вышедшей в 1993 г. [31. С. 118–132]. Здесь упомянута статья Чернецова, но весь публикуемый материал основан на личных наблюдениях автора в детстве и сведениях, полученных от двух информантов. В качестве важного момента автор отмечает представление на празднике предков-богатырей; она пишет: «Представляли их по хронологической последователь-

ности, по их значимости в истории самого народа, т.е. исторической последовательности» [31. С. 131].

В 1995 г. выходит монография Н.И. Новиковой, посвященная традиционным праздникам манси. Она обобщает имеющиеся в литературе материалы по медвежьему празднику, в том числе подробно рассматривает периодические обряды, исследованные в свое время В.Н. Чернецовым. Вызывает интерес наблюдение Новиковой: «У ивдельских манси существовала и сохраняется до сегодняшнего дня своеобразная форма периодического медвежьего праздника» [32. С. 72]. Эта новая информация расширяет территорию периодических обрядов, ранее зафиксированных только в Вежакарах.

В 1990–2000-х гг. аналитические разработки по указанной тематике выполнены представителем народа ханты и исполнителем на медвежьем празднике Тимофеем А. Молдановым. Нужно заметить, что материалы и исследования В.Н. Чернецова относятся почти исключительно к манси, и только однажды (в 1948 г.) он провел киносъемку медвежьего праздника у хантов р. Казым. Именно к этой группе относятся и материалы Т. Молданова, по которым он подготовил статьи, две книги и защитил кандидатскую диссертацию [33–36]. Основное направление его исследований – отражение картины мира в медвежьих игрищах. Обращаясь к работам Чернецова, он описывает его вклад в изучение медвежьего праздника, а в концептуальном плане высказывается против идеи тотемистических корней культа медведя [36. С. 20].

Последователем Чернецова в основательном изучении мансийского медвежьего праздника стала С.А. Попова – представительница этого народа. С начала 1990-х гг. и по настоящее время она ведет сбор новых материалов среди северных манси и выполняет исследования по названной теме, часто используя и цитируя труды Чернецова. Начало было положено статьей 1999 г. с описанием спорадического медвежьего праздника по личным наблюдениям 1980-х – начала 1990-х гг. [37].

В 2002 г. опубликованы материалы состоявшейся в Ханты-Мансийске конференции «Медведь в культуре обско-угорских народов» [38]. Во многих докладах привлекаются материалы и идеи В.Н. Чернецова. Особенно интересно исследование Р.К. Бардиной о составе группы *Ялп-ус мāхум*, с которой В.Н. Чернецов связывал периодические обряды в Вежакарах. (Автор, по отцу Партанова, – представительница этой группы.) Здесь, в дополнение к сведениям Чернецова о ведущей роли Костиных в проведении указанных обрядов, сообщается о деятельном участии в них представителей и других фамилий, также относящихся к группе *Ялпус-мāхум*. Автор описывает почитаемых ими духов, изображения которых обязательно доставляли на периодические медвежьи игрища; изложена также новая версия происхождения главного духа [39]. Позднее эти сведения вошли в другие работы Бардиной, вышедшие в 2007–2011 гг.: статью [40] и монографии об этносоциальной истории угорского населения Нижнесосьвинского Приобья, куда входила и группа *Ялпус-мāхум* [41. С. 56–65; 42. С. 71–81].

В 2008 г. публикуются два сообщения Н.К. Партанова о молитве, обращенной к духам-покровителям во время обрядов периодического медвежьего праздника, и о хранителях «большого дома» в Вежакарах [43, 44]. Они дополняют сведения В.Н. Чернецова об указанных обрядах.

В монографии С.А. Поповой, посвященной календарным обрядам и вышедшей в 2008 г. [45], вторая и третья главы отведены собственно медвежьему празднику или его связи с другими обрядовыми праздниками. Развивая идею о том, что первоначально объектом медвежьего праздника была самка-медведица, а в последующем она была замещена самцом-медведем, Попова находит подтверждение тому у Чернецова, считавшего, что тотемный предок фратрии *Пор* – медведь – представлялся ранее медведицей, т.е. существом женского пола. В дополнение к информации Чернецова о периодических обрядах семилетнего цикла, проводимых в Вежакарах, в указанной монографии дается описание тоже периодических, но ежегодных медвежьих праздников, а именно *тōрев йӣкв* – в честь медведицы, и *яныг йӣкв* – в честь медведя. Они устраивались в Ломбовоже и у верхнесосьвинских манси [45. С. 31–49]. При этом автор монографии ссылается на полевые записи Чернецова (см.: [8. С. 27]) и сообщения собственных информантов. Говоря о трансформации и переосмыслении медвежьего праздника в среде манси, Попова приводит в качестве примера сообщение Чернецова о двойном названии годового праздника *Тōрев йӣкв Илья хōтал* (медведицы танцы Ильин день).

Вежакарскому культовому комплексу посвящена статья Е.В. Переваловой (2010). В ней приводятся сведения из полевых материалов автора, дополняющие информацию Чернецова о периодических обрядах, связанных с медведем. Например, о жителях Вежакар: «В.Н. Чернецов утверждал, что *Ялп-ус ика мāхум* называли только Костиных, хотя так мог именовать себя любой представитель фратрии Пор». Новые сведения касаются распределения полномочий среди хранителей святынь медвежьего культа – Костиных. Относительно времени и места проведения периодических обрядов сообщается по рассказам очевидцев, что в последнее время «пляски проводились каждый седьмой год то в Вежакарах, то в Тегах» [46 С. 141, 142, 146].

В 2010 г. выходит в свет книга Татьяны Молдановой об устроителе медвежьих игрищ – Пелымском Торуме, подготовленная в основном на хантыйских (казымских) материалах [47]. В ней приводятся ссылки на сведения Чернецова по данной теме, но его идеи не рассматриваются.

В небольшой книге С.А. Поповой, вышедшей в 2011 г., дается описание праздника на Северном Урале, состоявшегося в том же году по случаю добычи медведя [48]. Содержащиеся в ней сведения позволяют сравнить местные традиции проведения праздника с теми, что были в свое время описаны Чернецовым, а также определить направление происходящих изменений.

В 2013 г. Н. Партанов опубликовал воспоминания очевидца последнего медвежьего праздника в Вежакарах – В.К. Костина [49]. В них особенно подробно рассказано об устрашающей сцене прихода менквов, в которых Костин по обуви узнал своих родственников. Описан новый важный эпизод этой сцены: моление

духам руководителя обряда и его призыв к людям жить в согласии.

В 2014 г. выходит книга В.С. Ивановой (манси) об обрядности северных групп своего народа, где кратко описываются игрища в честь духа-покровителя *Консыӈ ōйки*, проводимые в Вежакарах [50. С. 105–107]. Автор не ссылается на работу Чернецова, посвященную этим обрядам (см.: [25]), и не упоминает об их связи с медведем; сообщается лишь, что обряды служили стимулом хорошей охоты и рыбалки.

В статье Поповой, опубликованной в 2015 г., рассматривается роль периодического медвежьего праздника *яныг йӣкв* в формировании социума северных манси [51]. Из трудов Чернецова здесь привлекаются упомянутые ранее, а также другие его работы – о фратриальном устройстве обских угров [52] и о наскальных изображениях Урала [53]. Развивая идею Чернецова о фратриях, Попова на основе разных источников реконструирует сам процесс дуального деления в древнем мансийском обществе. В результате она приходит к выводу, что появление у объединения *Пор* цикла периодических семилетних обрядов *яныг йӣкв*, связанных с медведем, было обусловлено потребностями выживания предков манси в условиях формирования социального поведения при освоении и закреплении новых территорий. Исчезновение этих обрядов в XX в. автор объясняет ослаблением родственных связей, утратой деления на брачные группы, переходом на новые формы хозяйствования и ликвидацией «неперспективных» деревень, в том числе Вежакар – места проведения *яныг йӣкв* [51. С. 97–98].

Эти выводы с дополнительной информацией и аргументацией частично транслируются в последующей статье Поповой (2016), излагающей «взгляд через столетие» на танцы духов в Вежакарах. Говоря об утрате этих обрядов как отживших свое время, автор пишет о новых культурных формах, в которых сохраняется система «съездов» на периодические обряды. Современная система отражает деление участников праздника уже не на членов фратрий *Пор* и *Мощ*, а на представителей двух народов – манси и хантов [54. С. 108].

В опубликованном докладе (2019) С.А. Попова рассматривает вопрос о местах проведения периодических медвежьих обрядов [55]. По данным В.Н. Чернецова, таким местом было только селение Вежакары, но Попова считает, что периодические обряды, связанные с мифологическим предком в образе медведя, проводили также в селении Верхне-Нильдино. Она обосновывает свое мнение новыми сведениями, полученными ею от информантов. Согласно этим сведениям, в Верхне-Нильдино указанные обряды проводились в честь духа *Норколыӈ ōйки* – брата вежакарского духа *Ялпыӈ ōйки*; тот и другой принимали образ медведя. Содержание этих обрядов подобно обычному, спорадическому медвежьему празднику с определенными дополнениями. Попова рассматривает еще один периодический обряд, связанный с изображением медведя в виде головы со шкурой (манс. *имта*). Такие воплощения вежакарского и верхненильдинского духов-предков в облике медведя раз в семь лет (или раз в три года) возили в гости на Пелым – к отцу *Полум Тōрум'*у. В полевых записях В.Н. Чернецова автор доклада находит подтверждение периодическим празднованиям в честь изображения медведя – *имта*.

В статье С.А. Поповой о коммуникациях медвежьей обрядности северных манси (2020) используются опубликованные полевые записи В.Н. Чернецова. Нужно отметить, что в этой работе встречается термин «общественно-периодические обряды, связанные с медведем» [56. С. 151], т.е. расширяется введенное Чернецовым понятие «периодические обряды». Новый термин отражает не только регулярность, но и общественное назначение обрядов.

Дополнительная информация о периодических обрядах, связанных с медведем, обнаружена мною в неопубликованных фольклорных текстах на мансийском языке из архива Чернецова. Их содержание известно мне по аннотациям Е. Шмидт на русском языке (о них см. выше).

В одном из текстов находим неопубликованную версию мифа, где главный персонаж – *Ялпус ōйка* (он же *Консыӈ ōйка*), принимающий облик медведя. По работе В.Н. Чернецова известно, что в честь него устраивались периодические медвежьи обряды (см.: [25]). В архивном тексте *Ялпус ōйка* сам выступает в роли устроителя семилетнего цикла этих обрядов. Он хочет научить будущих людей добывать зверей, идет на охоту, добывает медведя, доставляет его в свой город «в образе бегущего и идущего коня» (т.е. в Вежакары. – *Н.Л.*), заносит в дом, где проводится праздник. *Ялпус ōйка* обращается к слушателям: «Дети, в будущем так же отмечайте праздник, танцуйте медведя семь зим подряд, а потом семь зим – нет» [6. Д. 53. Текст 2]. Итак, здесь *Ялпус ōйка* выступает в двух лицах – он и охотник на медведя, и добытый им медведь, в честь которого проводятся семилетние обряды.

В другом тексте даются иные, чем в статье Чернецова, изложение и объяснение эпизода с появлением менквов в конце праздника. Согласно статье, менквы врываются в дом, чтобы покарать людей за грехи (их дурные поступки, нарушение табу и т.д.). Участники праздника выдают им две деревянные антропоморфные фигурки – козлов отпущения, менквы забирают их и затем убивают в лесу на святилище [25. С. 109–110]. В архивном тексте менквы тоже врываются, но просто садятся на пол и, посидев немного, с криком уходят. Здесь виновных ищут и находят не менквы, а другие персонажи – «люди, делающие холод». После ухода менквов они вырезают две антропоморфные фигурки, разрубают их и говорят: «Эти больше не ходят по деревням, не разрушают наши дома, полные веселых ребят». Как следует из контекста, вина «погибших» была в том, что сообщениями о приближении менквов они напугали участников праздника, отчего дом покинули духи и дети [6. Д. 53. Текст 3].

В архиве Чернецова имеется две версии текста, повествующего о наказании Казымского-Человека за нарушение запрета – смотреть танец семи менквов во время периодического медвежьего праздника. Обе версии записаны в 1933 г. на р. Северная Сосьва. Одна из них, в русском переводе самого собирателя, опубликована мною в 1990 г. В ней герой женат на жен-

щине из Вежакар, приехал сюда на праздник и здесь нарушил запрет [57. С. 441–445]. В другой, неопубликованной версии жена Казымского-Человека – родом из Мункеса на р. Ляпин; а приехавший сюда герой нарушает запрет на местном периодическом празднике [6. Д. 40. Текст 27]. Это дает основание предполагать, что периодические медвежьи обряды проводились не только в Вежакарах.

Еще один неопубликованный источник по периодическим обрядам предоставлен мне С.А. Поповой. Это запись ее беседы (2020) с бывшим жителем Вежакар В. Костиным, который дополнил свои опубликованные ранее воспоминания (см.: [49]). Новые сведения расширяют наши знания об указанных обрядах, описанных и проанализированных В.Н. Чернецовым (см.: [25]). Костин объяснил отличие периодических обрядов от обычного медвежьего праздника. По его сведениям, жители Вежакар заранее готовились к приезду большого количества участников: делали запасы пищи и корма для лошадей, дети разучивали сценки. В каждом из праздничных месяцев (декабрь, январь, февраль, март) *яныг йӣкв* проводили циклами: семь дней проводят, семь дней – нет. Самыми важными были последние семь дней окончания праздника – до 31 марта; в эти дни он проходил только вечером, а в завершающую ночь – до утра. Костин сообщил об определенном порядке разъезда участников после окончания обрядов. Новой является информация о том, что Вежакары были выбраны для проведения периодических обрядов в связи переносом изображений духов со священного места у слияния Оби и Иртыша, в районе д. Троицы (Белогорье), после появления там русских.

Кроме рассмотренных выше, известны также другие источники и исследования, в той или иной мере касающиеся вклада Чернецова в изучение медвежьего праздника, но в рамках статьи обо всех сказать невозможно. Отмечу, что особое внимание мною уделено работам авторов, которые сами являются носителями обско-угорских традиций культа медведя.

Подводя итог изучению медвежьего праздника за прошедшие полвека, можно сделать два вывода. Во-первых, среди публикаций заметно преобладание работ, посвященных обычному, спорадическому празднику, при значительно меньшем внимании к периодическим обрядам. Во-вторых, цели и направление исследований отражают большой интерес к культу медведя как части общей системы традиционного мировоззрения и мифологии обских угров при редко встречающемся анализе концепции В.Н. Чернецова о происхождении собственно медвежьего праздника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев В.И., Симченко Ю.Б., Соколова З.П. Валерий Николаевич Чернецов // Советская этнография. 1970. № 4. С. 194–197.
2. Смирнов А.П. В.Н. Чернецов // Советская археология. 1971. № 1. С. 309–310.
3. Китова Л.Ю., Чиндина Л.А. В.Н. Чернецов: путь в науку и методолого-методическое наследие // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). С. 5–11.
4. Tschernjetzow V.N. Bärenfest bei den Ob-Ugriern // Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest. 1974. T. 23 (2-4). S. 285–319.
5. Лукина Н.В., Рындина О.М. Этнографический архив В.Н. Чернецова (к 80-летию со дня рождения ученого) // Советская этнография. 1985. № 5. С. 70–74.
6. Мансийский фольклор в записи В.Н. Чернецова : подг. Евой Шмидт // Фольклорный архив ОУИПИиР. Учетный № ХМФ-1714/1.
7. Schmidt É. V.N. Csernyecov vogul folklórhagyatéka (Наследие В.Н. Чернецова по мансийскому фольклору) // Ethnographia. 1985. № 96. L. 562–571.
8. Источники по этнографии Западной Сибири / публ. Н.В. Лукиной, О.М. Рындиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. 284 с.
9. Харючи Г.П. Актуальность исследований В.Н. Чернецова // История и современность народов Ямала : материалы науч. конф. Салехард, 1995. С. 24–27.
10. Харючи Г.П. В.Н. Чернецов – исследователь ненцев // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири : тез. докл. X Западносибирского археолого-этнографического совещания памяти В.Н. Чернецова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. С. 193–195.
11. Харючи Г.П. Этнографические материалы по ненцам и современность // Народы Северо-Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. Вып. 4. С. 7–11.
12. Lukina N.V., Ryndina O.M. Die Materialien von V.N. Černecov zur mansischen Verwandschaftsterminologie // Finnisch-ugrische Mitteilungen. Hamburg, 1999. Bd. 21/22. S. 107–121.
13. Скрибник Е.К. О мансийских языковых материалах из архива В.Н. Чернецова // Языки и фольклор коренных народов Сибири. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1999. № 5. С. 293–302.
14. Чернецов В.Н. Медвежий праздник у обских угров / пер. с нем. и публ. Н.В. Лукиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 49 с.
15. Лукина Н.В. Судьба этнографического архива В.Н. Чернецова // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий : материалы XIII Западно-Сибирской археол.-этнограф. конф. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 29–32.
16. Лукина Н.В. Архивные материалы по обско-угорскому фольклору в Томске // Обские угры : научные исследования и практические разработки. Ханты-Мансийск, 2008. С. 382–387.
17. Соколова З.П. Слово о Чернецове // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий : материалы XIII Западно-Сибирской археол.-этнограф. конф. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 40–41.
18. Соколова З.П. Этнография обских угров в трудах В.Н. Чернецова // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий : материалы XIII Западно-Сибирской археол.-этнограф. конф. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 41–43.
19. Соколова З. П. Воспоминания о В.Н. Чернецове (к 100-летию со дня рождения, 17 марта 1905 г. – 29 марта 1970 г.) // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 149–157.
20. Лукина Н.В. Мансийские фольклорные тексты в архивном фонде В.Н. Чернецова // Вестник угроведения. 2017. Т. 7, № 2 (29). С. 101–113.
21. Шубин В.В. Томский киноархив В.Н. Чернецова как источник по этнографии обских угров // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. № 2 (16). С. 84–91.
22. Лукина Н.В., Попова С.А. Каталог фольклорных текстов В.Н. Чернецова (по аннотациям Е. Шмидт) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 35. С. 327–340.
23. Лукина Н.В., Попова С.А. О лингвистических материалах в архиве В.Н. Чернецова и в аннотациях Е. Шмидт // Документирование языков и диалектов коренных малочисленных народов России : тез. докл. Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 14–16 октября 2019 г. СПб., 2019. С. 47–49.

24. Рындина О.М., Барсуков Е.В. Архив В.Н. Чернецова как творческая лаборатория исследователя (1920-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 1. С. 228–238.
25. Чернецов В.Н. Периодические обряды и церемонии у обских угров, связанные с медведем // Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum. Helsinki, 1965. Pars 1. S. 102–111.
26. Schmidt É. Die obugrischen Bären-Konzeptionen und ihre Zusammenhänge mit den religiösen Modellsystemen (Концепция медведя обских угров и ее связь с системами религиозных моделей) // Specimina Sibirica. Szombathely : Savariae, 1988. № 1. L. 159–186.
27. Schmidt Éva. Az obi-ugor mitológia és a medvetisztelet (Обско-угорская мифология и культ медведя) // Ethnographia. 1990. № 101. L. 149–193.
28. Шмидт Е. Традиционное мировоззрение северных обских угров по материалам культа медведя : дис. … канд. ист. наук. Л., 1989. 224 с.
29. Лукина Н.В. Общее и особенное в культе медведя у обских угров // Обряды народов Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1990. С. 179–191.
30. Соколова З.П. Культ медведя и медвежий праздник в мировоззрении и культуре народов Сибири // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 41–62.
31. Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут : Северный дом ; Северо-Сиб. кн. изд-во, 1993. 208 с.
32. Новикова Н.И. Традиционные праздники манси. М., 1995. 222 с.
33. Молданов Т.А. Современные медвежьи игрища северных хантов // Congressus octavus internationalis Fenno-Ugristarum. Juvaskula 10–15 08.1995. Juvaskula, 1996. Pars VI. S. 266–269.
34. Молданов Т.А. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных хантов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. 139 с.
35. Молданов Т., Хосино Хироси. Медвежьи игрища сибирских хантов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 301 с. (На рус. и яп. яз).
36. Молданов Т.А. Картина мира в медвежьих игрищах северных хантов: XIX–XXI вв. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 2002. 22 с.
37. Попова С.. Медвежий праздник северных манси на современном этапе (конец 80-х – начало 90-х годов) // Europa et Sibiria. Beiträge zu Sprache und Kultur der kleinen finno-ugrischen samojedischen und paläoasibirischen Völker. Gedenkenband für Wolfganf Veenker. (Veröfentlichungen der Societas Uralo-Altaika. B. 51). Wiesbaden, 1999. S. 337–340.
38. Материалы V Югорских чтений «Медведь в культуре обско-угорских народов» (Ханты-Мансийск, 22 мая 2002 г.). Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2002. 144 с.
39. Бардина Р.К. Люди рода Ялпус (Ялпус махум) // Материалы V Югорских чтений «Медведь в культуре обско-угорских народов» (Ханты-Мансийск, 22 мая 2002 г.). Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2002. С. 74–80.
40. Бардина Р.К. Формирование вежакорской группы манси // Вестник Томского государственного педагогического университета. Сер. Гуманитарные науки (История. Археология. Этнология). 2007. Вып. 3 (66). С. 151–155.
41. Бардина Р.К. Обские и нижнесосьвинские манси: этносоциальная история в конце XVIII – начале XXI века. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2009. 150 с.
42. Бардина Р.К. Угорское население Нижнесосьвинского Приобья (XVIII–XXI века). Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2011. 291 с.
43. Партанов Н.К. Слово Когтистого мужчины (‘Консынг ойка латынг’) // Мифология хантов : материалы науч.-практ. семинара, посвященного 50-летию Т.А. Молдановой. Ханты-Мансийск, 2008. С. 50–57.
44. Партанов Н.К. Хранители «большого дома» в Вежакарах // Сохранение народных традиций : материалы окружной науч. конф., посвященной 20-летию музея «Торум-Маа». Ханты-Мансийск, 2008. С. 69–84.
45. Попова С.А. Мансийские календарные праздники и обряды. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 138 с.
46. Перевалова Е.В. Вежакарский культовый комплекс (трансформация традиций и перспективы сохранения) // Этнокультурное наследие народов Севера России : к юбилею доктора исторических наук, профессора З.П. Соколовой. М. : Август Борг, 2010. С. 141–151.
47. Молданова Т. Пелымский Торум – устроитель медвежьих игрищ. Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2010. 224 с.
48. Попова С.А. Медвежий праздник на Северном Урале. Ханты-Мансийск : Новости Югры, 2011. 74 с.
49. Партанов Н. Последний из Комудван // Жизнь Югры. 2013. 11 янв. № 3 (10360).
50. Иванова В.С. Локальные особенности в обрядности северных манси (конец XIX – начало XX века). СПб. : Алмаз-Граф, 2014. 287 с.
51. Попова С.А. Роль периодического медвежьего праздника Яныг Йикв в формировании социума северных манси // Вестник угроведения. 2015. № 1 (20). С. 89–100.
52. Чернецов В.Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // Советская этнография. 1939. № 2. С. 20–41.
53. Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала : автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 1970. 62 с.
54. Попова С.А. В.Н. Чернецов и «танцы духов [богов]» в Вежакарах: взгляд через столетие // Вестник Томского осударственного университета. История. 2016. № 5 (43). С. 105–108.
55. Попова С.А. Представления о Медведе Верхне-нильдинских манси (к вопросу о периодических медвежьих обрядах) // Меншиковские чтения – 2019 : материалы Рос. науч. конф., Березово (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра), 22–23 ноября 2019 г. Тюмень : Титул, 2019. Вып. 12. С. 71–78.
56. Попова С.А. Коммуникации медвежьей обрядности северных манси // Вестник угроведения. 2020. Т. 10, № 1. С. 149–157.
57. Мифы, предания, сказки хантов и манси / сост., предисл. и примеч. Н.В. Лукиной. М. : Наука, 1990. 568 с.

Nadeshda V. Lukina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federaton). E-mail: lunv@mail.ru

HALF A CENTURY OF NEW LIFE (IN MEMORY OF V.N. CHERNETSOV)

Keywords: V.N. Chernetsov, scientific archive, the Mansi, Bear’s Holiday.

The purpose of the article is to study the contribution of scientists to the continuation of ethnographic research of the famous Ugric scholar V.N. Chernetsov for a half-century period after his death. The sources of the article are publications of domestic and foreign authors, as well as materials from his archive.

The first section of the article is devoted mainly to the fate of Chernetsov’s home scientific archive. After the scientist’s death, his widow V.I. Moshinskaya gave the archive to the Tomsk University. The history of the archive’s receipt to the University is briefly described. These are the editions of archival materials on the ethnography of the Mansi people, prepared by N.V. Lukina and O.M. Ryndina. The author considers a complex way of searching for opportunities for publishing folklore texts in the Mansi language. The article notes the important role of the abstracts of texts in Russian language prepared by the Hungarian folklorist E. Schmidt in this search.

The author also reports about the articles by Z.P. Sokolova and G.P. Kharyuchi devoted to the personality of Chernetsov and his contribution to the study of the Ob Ugric and Nenets peoples. The article considers the project specifically devoted to Chernetsov, it is performed at the Tomsk University (2019–2021).

The second section of the article analyzes the research carried out on the subject of V.N. Chernetsov after his death. The Bear’s Holiday of the Ob Ugrians was chosen as the theme for the analysis. About thirty publications were reviewed, the authors of which are R.K. Bardina, V.S. Ivanova, N.V. Lukina, Timofey A. Moldanov, Tatyana Moldanova, N.I. Novikova, N.K. Partanov, E.V. Perevalova, S.A. Popova, E.I. Rombandeeva, Z.P. Sokolova, E. Schmidt. Archived texts of Mansi folklore are also considered.

The works of these authors contain descriptions of modern sporadic Bear's Holidays. They are complemented by information of Chernetsov about the religious center Vezhakary and about the structure of the group Yalpus Makhum, which organizes here periodic Bear rites. The article gives different explanation of some episodes of these rites. New places of periodic Bear rites have been identified in the Mansi. All authors refer to Chernetsov's materials and ideas, but there is also a critical attitude to some of his judgments.

Conclusions. After the death of V.N. Chernetsov (1970), his contribution to the study of the peoples of the North was enriched thanks to the updating of the scientific archive of the scientist. Analysis of publications about the Bear's Holiday of the Ob Ugric peoples over the past half-century has shown the predominance of works about a sporadic Holiday with less attention to periodic rites. The researches represent a great interest to the Bear cult as part of the traditional worldview of the Ob Ugric peoples, with little attention to the problem of the origin of the Bear's Holiday.

REFERENCES

1. Vasiliev, V.I. & Simchenko, Yu.B., Sokolova Z.P. (1970) Valeriy Nikolaevich Chernetsov [Valery Nikolaevich Chernetsov]. *Sovetskaya etnografiya*. 4. pp. 194–197.
2. Smirnov, A.P. (1971) V.N. Chernetsov [V.N. Chernetsov]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1. pp. 309–310.
3. Kitova, L.Yu. & Chindina, L.A. (2016) V.N. Chernetsov: the Way to Science and Methodological and Methodical Heritage. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(42). pp. 5–11. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/42/1
4. Tschernjetzow, V.N. (1974) Bärenfest bei den Ob-Ugriern. *Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 23(2-4). pp. 285–319.
5. Lukina, N.V. & Ryndina, O.M. (1985) Etnograficheskiy arkhiv V.N. Chernetsova (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo) [V.N. Chernetsov's ethnographic archive (to the 80th anniversary of his birth)]. *Sovetskaya etnografiya*. 5. pp. 70–74.
6. Chernetsov, V.N. (n.d.) *Mansiyskiy fol'klor v zapisi V.N. Chernetsova* [Mansi folklore recorded by V.N. Chernetsov]. Folklore archive of OUIPIIR. Registration number KhMF-1714/1.
7. Schmidt, É. (1985) V.N. Csernyecov vogul folklórhagyatéka (Nasledie V.N. Chernetsova po mansiyskomu fol'kloru) [V.N. Csernyecov vogul folklórhagyatéka (V.N.Chernetsov's legacy from Mansi folklore)]. *Ethnographia*. 96. pp. 562–571.
8. Lukina, N.V. & Ryndina, O.M. (1987) *Istochniki po etnografii Zapadnoy Sibiri* [Sources on Western Siberian Ethnography]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Kharyuchi, G.P. (1995a) [The relevance of V.N. Chernetsov's research]. *Istoriya i sovremennost' narodov Yamala* [History and modernity of the Yamal peoples]. Proc. of the Conference. Salekhard: [s.n.]. pp. 24–27. (In Russian).
10. Kharyuchi, G.P. (1995b) V.N. Chernetsov – issledovatel' nentsev [V.N. Chernetsov – researcher of the Nenets]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Metodika kompleksnykh issledovaniy kul'tur i narodov Zapadnoy Sibiri* [Methods of complex studies of cultures and peoples of Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 193–195.
11. Kharyuchi, G.P. (1996) Etnograficheskie materialy po nentsam i sovremennost' [Ethnographic materials on the Nenets and the present]. In: Lukina, N.V. (ed.) *Narody Severo-Zapadnoy Sibiri* [Peoples of North-West Siberia]. Issue 4. Tomsk: Tomsk State University. pp. 7–11.
12. Lukina, N.V. & Ryndina, O.M. (1999) Die Materialien von V.N. Černecov zur mansischen Verwandschaftsterminologie. *Finnisch-ugrische Mitteilungen*. 21/22. pp. 107–121.
13. Skribnik, E.K. (1999) O mansiyskikh yazykovykh materialakh iz arkhiva V.N. Chernetsova [About the Mansi language materials from V.N. Chernetsov's archive]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri – Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 5. pp. 293–302.
14. Chernetsov, V.N. (2001) *Medvezhiy prazdnik u obskikh ugrov* [Bear holiday among the Ob Ugrians]. Translated from German by N.V. Lukina. Tomsk: Tomsk State University.
15. Lukina, N.V. (2005) Sud'ba etnograficheskogo arkhiva V.N. Chernetsova [The fate of V.N. Chernetsov's ethnographic archive]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of the historical and cultural development of ancient and traditional societies of Western Siberia and adjacent territories]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 29–32.
16. Lukina, N.V. (2008) Arkhivnye materialy po obsko-ugorskomu fol'kloru v Tomske [. Archival materials on the Ob-Ugric folklore in Tomsk]. In: Gerasimova, S.A. (ed.) *Obskie ugry: nauchnye issledovaniya i prakticheskie razrabotki* [The Ob Ugrians: scientific research and practical studies]. Khanty-Mansiysk: Poligrafist. pp. 382–387.
17. Sokolova, Z.P. (2005a) Slovo o Chernetsove [A word about Chernetsov]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of the historical and cultural development of ancient and traditional societies of Western Siberia and adjacent territories]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 40–41.
18. Sokolova, Z.P. (2005b) Etnografiya obskikh ugrov v trudakh V.N. Chernetsova [Ethnography of the Ob Ugrians in V.N. Chernetsov's works]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of the historical and cultural development of ancient and traditional societies of Western Siberia and adjacent territories]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 41–43.
19. Sokolova, Z.P. (2006) Vospominaniya o V.N. Chernetsove (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya, 17 marta 1905 g. – 29 marta 1970 g.) [Memories of V.N. Chernetsov (to the 100th anniversary of his birth, March 17, 1905 – March 29, 1970)]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 3. pp. 149–157.
20. Lukina, N.V. (2017) Mansiyskie fol'klornye teksty v arkhivnom fonde V.N. Chernetsova [Mansi folklore texts in V.N. Chernetsov's archive]. *Vestnik ugrovedeniya – Bulletin of Ugric Studies*. 2(29). pp. 101–113.
21. Shubin, V.V. (2017) Tomsk archive by V.N. Chernetsov as a source on the ethnography of the Ob Ugrians. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2(16). pp. 84–91. (In Russian). DOI: 10.23951/2307-6119-2017-2-84-91
22. Lukina, N.V. & Popova, S.A. (2019) Catalogue of the folklore texts by V.N. Chernetsov (by E. Schmidt's annotations). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 35. pp. 327–340. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/35/31
23. Lukina, N.V. & Popova, S.A. (2019) O lingvisticheskikh materialakh v arkhive V.N. Chernetsova i v annotatsiyakh E. Shmidt [About linguistic materials in V.N. Chernetsov's archive and in the annotations by E. Schmidt]. *Dokumentirovanie yazykov i dialektov korennykh malochislennykh narodov Rossii* [Documenting the languages and dialects of the indigenous small-numbered peoples of Russia]. Proc. of the International Conference. St. Petersburg, October 14–16, 2019. St. Petersburg. pp. 47–49. (In Russian).
24. Ryndina, O.M. & Barsukov, E.V. (2020) Archive of V.N. Chernetsov as a creative laboratory of a researcher (1920s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 37. pp. 228–238. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/37/24
25. Chernetsov, V.N. (1965) Periodicheskie obryady i tseremonii u obskikh ugrov, svyazannye s medvedem [Periodic rituals and ceremonies among the Ob Ugrians associated with the bear]. *Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum*. Helsinki. 1. pp. 102–111.
26. Schmidt, É. (1988) Die obugrischen Bären-Konzeptionen und ihre Zusammenhänge mit den religiösen Modellsystemen. *Specimina Sibirica*. 1. pp. 159–186.

27. Schmidt, É. (1990) Az obi-ugor mitológia és a medvetisztelet. *Ethnographia*. 101. pp. 149–193.
28. Schmidt, É. (1989) *Traditsionnoe mirovozzrenie severnykh obskikh ugrov po materialam kul'ta medvedya* [Traditional worldview of the northern Ob Ugrians based on the materials of the bear cult]. History Cand. Diss. Leningrad.
29. Lukina, N.V. (1990) Obshchee i osobennoe v kul'te medvedya u obskikh ugrov [General and special in the cult of the bear among the Ob Ugrians]. In: Kulemzin, V.M. (ed.) *Obryady narodov Zapadnoy Sibiri* [Rituals of the peoples of Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 179–191.
30. Sokolova, Z.P. (2002) The Bear cult and the Bear festivity in the worldview and culture of Siberian peoples. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 1. pp. 41–62. (In Russian).
31. Rombandeeva, E.I. (1993) *Istoriya naroda mansi (vogulov) i ego dukhovnaya kul'tura (po dannym fol'klora i obryadov)* [The history of the Mansi (Voguls) people and their spiritual culture (according to folklore and rituals)]. Surgut: Severnyy dom; Severo-Sib. kn. izd-vo.
32. Novikova, N.I. (1995) *Traditsionnye prazdniki mansi* [Traditional Mansi holidays]. Moscow: [s.n.].
33. Moldanov, T.A. (1996) Sovremennye medvezh'i igrishcha severnykh khantov [Modern bear games of the northern Khanty]. *Congressus octavus internationalis Fenno-Ugristarum*. 6. pp. 266–269.
34. Moldanov, T.A. (1999) *Kartina mira v pesnopeniyakh medvezh'ikh igrishch severnykh khantov* [The picture of the world in the chants of the northern Khanty bear games]. Tomsk: Tomsk State University.
35. Moldanov, T. & Hiroshi, H. (2001) *Medvezh'i igrishcha sibirskikh khantov* [Bear games of the Siberian Khanty]. Tomsk: Tomsk State University.
36. Moldanov, T.A. (2002) *Kartina mira v medvezh'ikh igrishchakh severnykh khantov: XIX–XXI vv.* [The picture of the world in the bear games of the northern Khanty: the 19th – 21st centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
37. Popova, S. (1999) Medvezhiy prazdnik severnykh mansi na sovremennom etape (konets 80-kh – nachalo 90-kh godov) [Bear holiday of the northern Mansi at the present stage (late 1980s – early 1990s)]. In: *Europa et Sibiria. Beiträge zu Sprache und Kultur der kleinen finno-ugrischen samojedischen und paläoasibirischen Völker*. Wiesbaden: [s.n.]. pp. 337–340.
38. Moldanova, T.A. & Kaksin, A.D. (eds) (2002) *Medved' v kul'ture obsko-ugorskikh narodov* [Bear in the culture of the Ob-Ugric peoples]. Khanty-Mansiysk: Poligrafist.
39. Bardina, R.K. (2002) Lyudi roda Yalpus (Yalpus makhum) [People of the Yalpus clan (Yalpus mahum)]. In: Moldanova, T.A. & Kaksin, A.D. (eds) (2002) *Medved' v kul'ture obsko-ugorskikh narodov* [Bear in the culture of the Ob-Ugric peoples]. Khanty-Mansiysk: Poligrafist. pp. 74–80.
40. Bardina, R.K. (2007) The Formation of the Vezhakor Group of the Voguls (Mansi). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 3(66). pp. 151–155. (In Russian).
41. Bardina, R.K. (2009) *Obskie i nizhnesos'vinskie mansi: etnosotsial'naya istoriya v kontse XVIII – nachale XXI veka* [Ob and Nizhneosvinsk Mansi: ethnosocial history in the late 18th – early 21st centuries]. Novosibirsk: SB RAS.
42. Bardina, R.K. (2011) *Ugorskoe naselenie Nizhnesos'vinskogo Priob'ya (XVIII–XXI veka)* [The Ugrian population of the Nizhneosvinsky Ob region (XVIII – XXI centuries)]. Novosibirsk: SB RAS.
43. Partanov, N.K. (2008) Slovo Kogtistogo muzhchiny (‘Konsyng oyka latyng’) [The word of the clawed man (‘Konsing oika lating’)]. *Mifologiya khantov* [Mythology of the Khanty]. Proc. of the Conference. Khanty-Mansiysk: [s.n.]. pp. 50–57.
44. Partanov, N.K. (2008) Khraniteli “bol'shogo doma” v Vezhakarakh [Keepers of the “big house” in Vezhakary]. *Sokhranenie narodnykh traditsiy* [Preservation of Folk Traditions]. Proc. of the Confernce. Khanty-Mansiysk: [s.n.]. pp. 69–84.
45. Popova, S.A. (2008) *Mansiyskie kalendarnye prazdniki i obryady* [Mansi calendar holidays and ceremonies]. Tomsk: Tomsk State University.
46. Perevalova, E.V. (2010) Vezhakarskiy kul'tovyy kompleks (transformatsiya traditsiy i perspektivy sokhraneniya) [Vezhakar cult complex (transformation of traditions and prospects for preservation)]. *Etnokul'turnoe nasledie narodov Severa Rossii* [Ethnocultural heritage of the peoples of the Russian North]. Moscow: Avgust Borg. pp. 141–151.
47. Moldanova, T. (2010) *Pelymskiy Torum – ustroitel' medvezh'ikh igrishch* [Pelymsky Torum – organizer of bear games]. Khanty-Mansiysk: Poligrafist.
48. Popova, S.A. (2011) *Medvezhiy prazdnik na Severnom Urale* [Bear holiday in the Northern Urals]. Khanty-Mansiysk: Novosti Yugry.
49. Partanov, N. (2013) Posledniy iz Komudvan [The Last of Komudvan]. *Zhizn' Yugry*. 11th January.
50. Ivanova, V.S. (2014) *Lokal'nye osobennosti v obryadnosti severnykh mansi (konets XIX – nachalo XX veka)* [Local features in the rituals of the northern Mansi (late 19th – early 20th centuries)]. St. Petersburg: Almaz-Graf.
51. Popova, S.A. (2015) The role of periodic bear festival Janyg jiku in the formation of the Northern Mansi society. *Vestnik ugrovedeniya – Bulletin of Ugric Studies*. 1(20). pp. 89–100. (In Russian).
52. Chernetsov, V.N. (1939) Fratrial'noe ustroystvo obsko-yugorskogo obshchestva [The phratrial structure of the Ob-Ugra society]. *Sovetskaya etnografiya*. 2. pp. 20–41.
53. Chernetsov, V.N. (1970) *Naskal'nye izobrazheniya Urala* [Rock carvings in the Urals]. Abstract of History Dr. Diss. Moscow.
54. Popova, S.A. (2016) V.N. Chernetsov and “The dances of Spirits [Gods]” in the Vezhakarakh: a look through a century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 5(43). pp. 105–108. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/43/22
55. Popova, S.A. (2019) [Ideas about the Bear of the Verkhne-Nildin Mansi (on the issue of periodic bear rituals)]. *Menshikovskie chteniya – 2019* [The Menshikov Readings – 2019]. Proc. of the Conference. Berezovo (Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Yugra),November 22–23, 2019. Tyumen: Titul. pp. 71–78. (In Russian).
56. Popova, S.A. (2020) Kommunikatsii medvezh'ey obryadnosti severnykh mansi [Communication of bear rituals of the northern Mansi]. *Vestnik ugrovedeniya – Bulletin of Ugric Studies*. 10(1). pp. 149–157.
57. Lukina, N.V. (1990) *Mify, predaniya, skazki khantov i mansi* [Myths, legends, tales of the Khanty and Mansi]. Moscow: Nauka.

УДК 903.2+902.699
DOI: 10.17223/19988613/66/22

Н.Н. Серегин, А. Чен

КИТАЙСКИЙ ИМПОРТ ИЗ ПАМЯТНИКОВ ТЮРОК ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (VI–XI вв. н.э.): ДИНАМИКА РАСПРОСТРАНЕНИЯ, ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-09-00536а «Хронология археологических комплексов Алтая хуннуско-сяньбийского времени и раннего Средневековья (II в. до н.э. – XI в. н.э.)»), а также в рамках реализации государственного задания Алтайского государственного университета (проект № 33.867.2017/ПЧ «Реконструкции технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии»).

Представлен опыт реконструкции процессов распространения предметов китайского импорта у тюрок Центральной Азии. Осуществлен анализ материалов раскопок около 450 погребений кочевников, исследованных в разных частях региона. Изучение выявленных предметов китайского импорта (17 монет, 19 зеркал, 50 находок шелковых изделий и два фрагмента лаковых чашечек) позволило продемонстрировать особенности контактов номадов на различных этапах их истории. Установлено, что основная масса изделий из ремесленных центров Поднебесной империи обнаружена в погребальных комплексах тюрок Центральной Азии второй половины VII – первой половины VIII в. н.э.

Ключевые слова: тюрки; Центральная Азия; Китай; импортные изделия; погребальные комплексы; письменные источники.

Разноплановые контакты с Китаем были важной частью внешней политики тюрок Центральной Азии на всех этапах истории кочевников во второй половине I тыс. н.э. Особенности отношений Поднебесной империи и номадов получили отражение в письменных источниках – как в рунических текстах, так и в китайских летописях, сообщающих о дипломатических связях, военных походах, обменах «подарками». Другим подтверждением влияния южного соседа на тюрок являются находки китайских изделий в археологических памятниках кочевников. Эта группа предметов свидетельствует о непосредственном включении импортных предметов в материальную и духовную культуру тюрок, позволяя рассматривать особенности восприятия подобных вещей номадами через призму их обрядовой практики.

К настоящему времени в результате раскопок в различных частях центральноазиатского региона изучено около 450 погребений, связываемых с культурой раннесредневековых тюрок и датируемых в рамках второй половины V – XI в. н.э. [1. С. 186–204; 2. С. 133]. Основная часть этих объектов исследована на территории Алтае-Саянского региона и Монголии (рис. 1). Анализ материалов раскопок погребальных комплексов тюрок позволил осуществить первоначальную систематизацию предметов китайского импорта из захоронений, а также рассмотреть возможности определения хронологии находок [3. Табл. 1–3]. Всего в памятниках кочевников зафиксировано 17 монет, 19 зеркал, в 50 могилах обнаружены фрагменты шелка и в двух комплексах – остатки лаковых изделий (рис. 2). Одним из важных аспектов интерпретации этих материалов является детализация тенденций распространения предметов китайского импорта в конкретные хронологические периоды и на различных территориях. Определение закономерностей концентрации изделий позволит уточнить особенности контактов номадов с южным соседом и будет способствовать развитию представлений о функционировании торговых путей в центральноазиатском регионе в раннем Средневековье.

На начальном этапе формирования культуры раннесредневековых тюрок контакты кочевников с Китаем были весьма фрагментарными. Это обусловлено подчиненным положением номадов в политической системе центральноазиатского региона, зависимостью от жуань-жуаней и отсутствием непосредственного доступа к торговым путям. Из письменных источников известно, что только во второй четверти VI в., когда власть Жужанского каганата стала в значительной степени формальной, тюрки получили возможность для прямых контактов с Поднебесной империей, в том числе для обмена посольствами [4. С. 82–83].

Изучение археологических комплексов тюрок, относящихся ко времени до создания Первого каганата, не позволило выявить предметов китайского импорта. В данном случае материалы раскопок памятников отражают историческую ситуацию, сложившуюся на окраине центральноазиатского региона. Важно отметить, что немногочисленные погребальные и ритуальные комплексы начального этапа в развитии культуры раннесредневековых тюрок, объединяемые в рамках кызыл-ташского этапа (вторая половина V – первая половина VI в. н.э.), известны на сегодняшний день только на Алтае [5]. Учитывая периферийное положение данного региона, а также политическую зависимость номадов, отсутствие предметов китайского импорта в археологических памятниках представляется закономерным. Обратим внимание также на то, что и в памятниках Алтая предтюркского времени количество привозных изделий из Поднебесной империи весьма незначительно и ограничивается единичными находками [6; 7. С. 4].

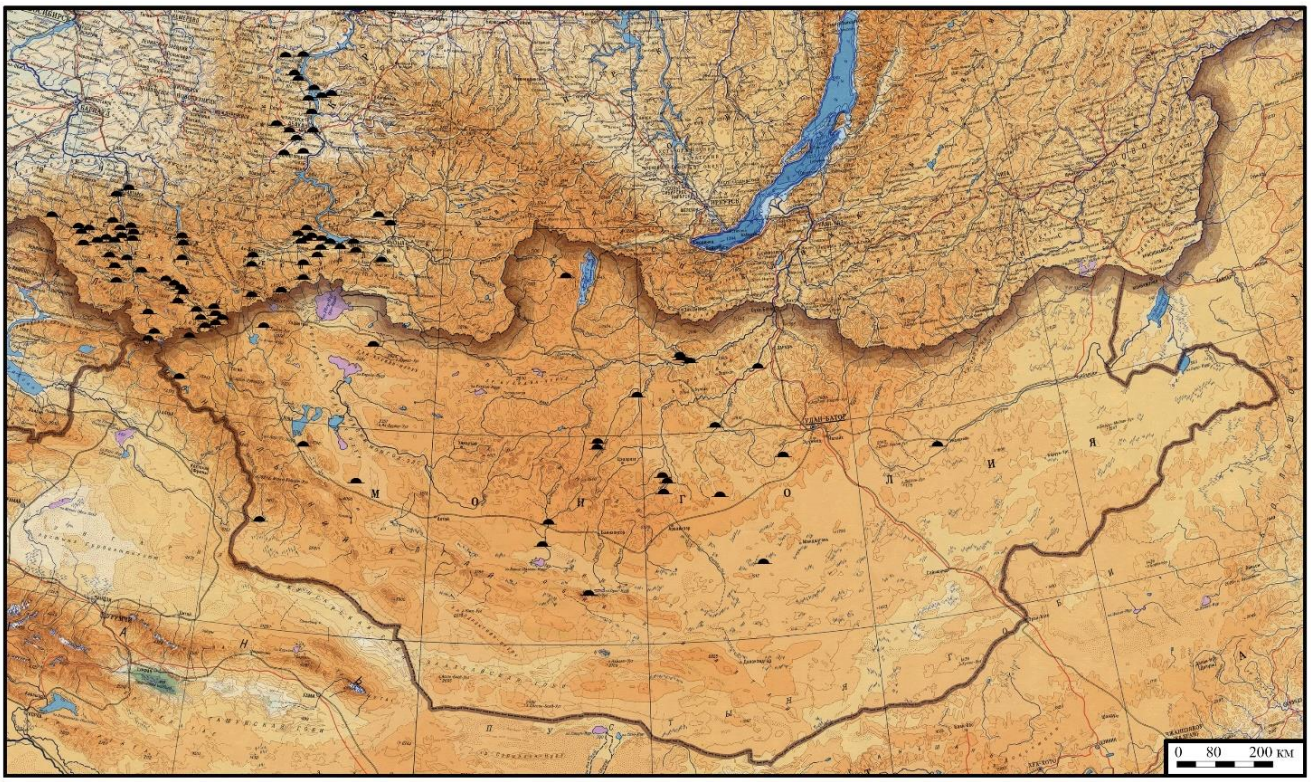


Рис. 1. Карта распространения погребальных комплексов тюрок в Алтае-Саянском регионе и Монголии

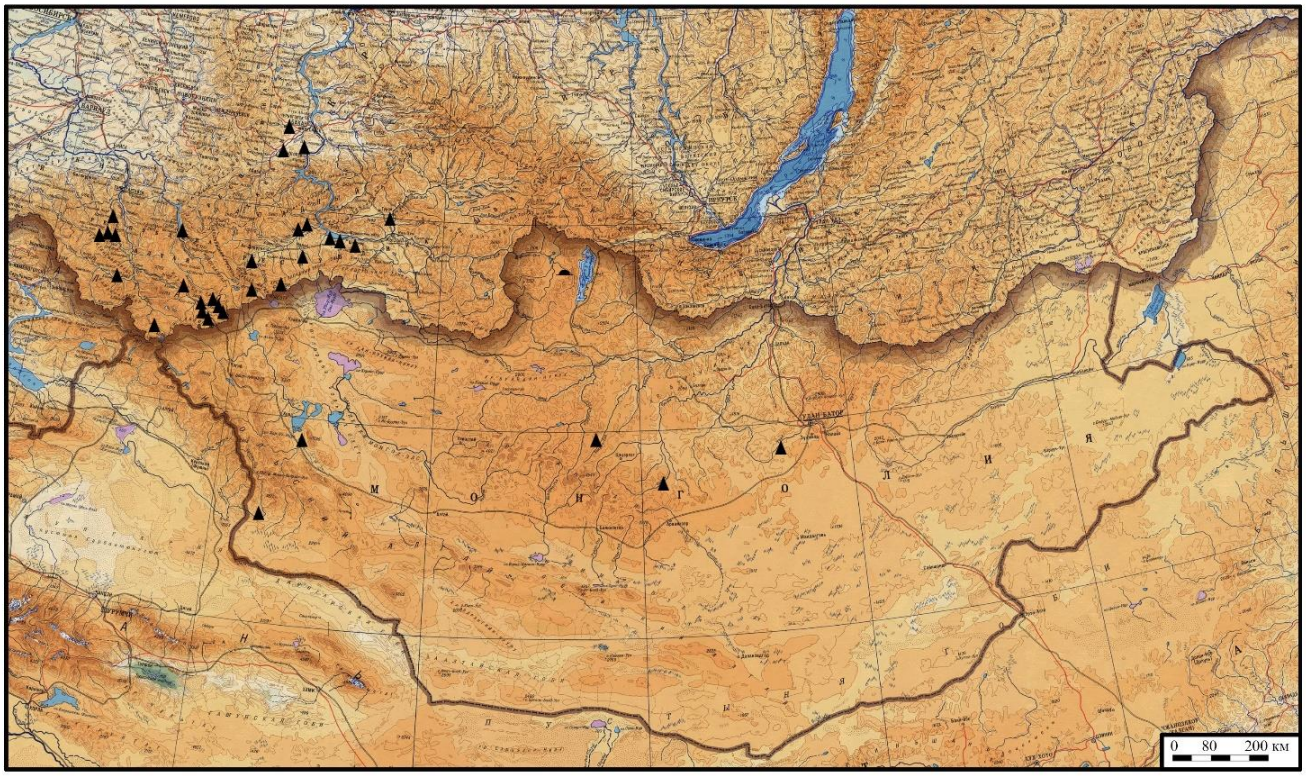


Рис. 2. Карта распространения предметов китайского импорта в погребальных комплексах тюрок в Алтае-Саянском регионе и Монголии

Очевидно, фрагментарность контактов населения Алтая с ремесленными центрами Китая в первой половине I тыс. н.э. была связана с отдаленностью данной территории от южного соседа, а также с отсутствием налаженных торговых путей. К примеру, в рассматриваемом регионе не зафиксировано монет «у-шу», получивших достаточно широкое распространение практически на всех сопредельных терри-

ториях [8. С. 30; 9; 10; 11. С. 171; 12. С. 64; 13. С. 216–217; 14 и др.].

Важной вехой в истории кочевых обществ Центральной Азии стала середина VI в. н.э. Из письменных источников известно, что объединенные племена тюрок нанесли поражение империи жуань-жуаней и образовали в 552 г. Первый Тюркский каганат. Успешные военные походы способствовали быстрому расширению державы номадов и распространению традиций обрядовой практики и материальной культуры на обширные территории. Данные процессы нашли отражение в памятниках кудыргинского этапа культуры тюрок (вторая половина VI – первая половина VII в.) [15. С. 58–60; 16. С. 32–33; 4. С. 203–209]. Археологические комплексы этого периода исследованы на обширных территориях Алтая, Тувы, Минусинской котловины, Монголии, Казахстана и Средней Азии.

Со второй половины VI в. в погребальных памятниках тюрок появляются предметы китайского импорта. Количество их весьма невелико. Не исключено, что данное обстоятельство в значительной степени обусловлено сравнительно небольшим объемом известных к настоящему времени археологических материалов эпохи Первого каганата. Среди имеющихся находок, происходящих из Поднебесной империи, особое место занимает китайская монета, обнаруженная в ходе раскопок могильника Кудыргэ на Алтае [3. Рис. 2, *6*; 15. Табл. XXI, *2*] (рис. 3). Первоначально монета была датирована 26 г. до н.э. – 220 г. н.э. [15. С. 43; 17. С. 467], но впоследствии ее хронология была уточнена. При публикации материалов некрополя рассматриваемая находка отнесена, со ссылкой на определение известного специалиста А.А. Быкова (однако без представления оснований для такой атрибуции), к 575–577 гг. [15. С. 43]. Экземпляр из Кудыргэ не относится к «у-шу». Монеты указанного типа в целом достаточно единообразны [9. С. 59], хотя китайские специалисты выделяют значительное количество их вариантов [18]. Безусловно, в данном случае все вопросы будут сняты при получении четкого и подробного нумизматического определения. Особенно это важно в связи с тем, что монета из могильника Кудыргэ нередко рассматривается как важный показатель не только для уточнения датировки памятника, но и для определения хронологических рамок кудыргинского этапа культуры тюрок.

Рис. 3. Китайская монета из некрополя Кудыргэ (Алтай) (по: [3. Рис. 2, 6])

Свидетельством развития контактов раннесредневековых тюрок с Китаем является распространение в памятниках эпохи Первого каганата шелковых изделий. Такие находки сделаны в ходе раскопок комплексов второй половины VI – первой половины VII в. на территории Алтая, Тувы и Средней Азии [19–22]. Судя по имеющимся материалам, в большинстве случаев из шелка была изготовлена одежда; в одном захоронении обнаружен шелковый мешочек.

Своеобразную группу предметов китайского импорта, обнаруженных в ходе раскопок памятников раннесредневековых тюрок, представляют металлические зеркала дотанского времени. Все они зафиксированы в погребениях, относящихся ко второй половине VII – X в., однако, учитывая возможный длительный срок бытования подобных изделий, их появление у кочевников может быть связано с эпохой Первого каганата. Ряд черт, характерных для зеркал дотанского времени, имеют экземпляры из могильника Шибе-II на Алтае: изображения стилизованных драконов, орнамент в виде четырех шишек и др. [23. Табл. XXIII, XXIV] (рис. 4). Кроме того, необычен небольшой размер обозначенных изделий (5,8 и 6,6 см в диаметре), нетипичный для китайских зеркал второй половины I тыс. н.э. Орнамент, включающий ряд элементов, нехарактерных для танских зеркал (ряд шишечек, отделенных лентой из горизонтальных полосок, и др.), имеет также фрагмент изделия из могильника Курай-III [24. Рис. 34]. По мнению Е.И. Лубо-Лесниченко [25. С. 41], данная находка датируется IV–VI вв. Судя по всему, подобная же ситуация, демонстрирующая довольно значительный хронологический интервал между временем изготовления предмета и датировкой погребения, отмечена в ходе исследований могильника Наинтэ-Суме в Монголии. В состав сопроводительного инвентаря захоронения входил фрагмент зеркала [26. Табл. IV, *1*],

который, судя по сохранившейся части орнамента в виде продолжающихся полудуг, расположенных вокруг центральной шишки-петли, относится к экземплярам ханьского времени [27]. Близкие аналогии среди зеркал дотанского времени имеет также находка зеркала из погребения Бертек-34 [28. С. 149]. Среди элементов орнаментации, характерных для изделий обозначенного периода, следует отметить большое количество неширокихъ лент, расположенных вокруг центральной шишки-петли и отделенных друг от друга узкими валиками. Не исключено, что представленные находки из тюркских погребений могут являться поздними копиями металлических зеркал. Для уточнения времени изготовления изделий необходим специальный анализ каждого экземпляра, в том числе изучение состава сплава предметов.

Рис. 4. Китайские металлические зеркала из некрополя Шибе-II (Алтай) (по: [23. Табл. XXIII, 1; XXIV, 2])

Особым этапом в истории раннесредневековых кочевников Центральной Азии являлся период зависимости от Китая, наступивший после крушения Восточно-тюркского каганата в 630 г. и продолжавшийся до 679 г. До недавнего времени археологические материалы предоставляли крайне мало информации для детализации обозначенных процессов. Анализ раскопок погребальных комплексов тюрок, относящихся к VII в., не позволял выделять объекты, отражающие какое-либо влияние китайской культуры, за исключением весьма немногочисленных для этого периода импортных изделий из Поднебесной империи. Лишь в последние годы появились весьма интересные археологические комплексы, в некоторой степени иллюстрирующие этот период истории кочевников.

Речь идет о двух памятниках, исследованных в Центральной Монголии в 2009 и 2011 гг. – Шороон Дов (Шороон Бумбагар-I) [29, 30] и Шороон Бумбагар-II (Майхан-уул) [31]. Нет сомнений, что изучение результатов раскопок этих комплексов, не имеющих аналогий в раннесредневековой археологии, только начинается, а интерпретация полученных материалов является предметом отдельной работы. Вместе с тем уже накоплен определенный опыт изучения обозначенных комплексов [32]. Судя по имеющимся сведениям, эти памятники не оставлены непосредственно тюрками – по крайней мере первый из упомянутых объектов, в ходе изучения которого зафиксирована эпитафия, выполненная китайскими иероглифами и обнаруженная на двух плитах перед входом в погребальную камеру [30. С. 97–126]. Анализ текста позволил установить, что гробница была возведена для главы племени Пугу, находившегося на службе у танского императора и имевшего довольно высокий военно-административный статус. Вместе с тем «элитные» памятники могут быть использованы для рассмотрения общих тенденций истории обществ номадов в середине – третьей четверти VII в.

Материалы раскопок обозначенных объектов не просто демонстрируют высокую степень влияния китайской культуры на кочевников Монголии, но и, по сути, являются, скорее, китайскими. Конструктивные особенности комплексов (крупная земляная насыпь, длинный и довольно глубокий коридор-дромос, ведущий в подземный склеп, общая меридиональная ориентировка со входом на юге и др.), глиняные и деревянные фигурки стоящих людей и всадников, изображения на стенах дромоса и др. – все это весьма характерно для погребальных традиций элиты Поднебесной империи. «Кочевнический» облик имеют лишь некоторые предметы инвентаря из мавзолея Шороон Бумбагар-II (Майхан-уул) [32. Рис. 58].

Обозначенные характеристики «элитных» комплексов Монголии в полной мере отражают историческую ситуацию, зафиксированную в письменных источниках. Судя по всему, эти объекты были сооружены для представителей высшего уровня иерархии областей, населяемых кочевниками, но находившихся в подчинении у императоров Поднебесной империи. Дальнейшее исследование подобных комплексов позволит детализировать особенности процессов взаимодействия номадов с Китаем, в том числе расширить имеющиеся представления о влиянии материальной культуры Поднебесной империи на кочевников.

Основная масса изделий из ремесленных центров Поднебесной империи обнаружена в погребальных комплексах тюрок Центральной Азии, датирующихся второй половиной VII – первой половиной VIII в. н.э. Это объясняется тем, что после воссоздания кочевой империи (II Восточно-тюркского каганата) у номадов рассматриваемой общности вновь появилась возможность получения импортных вещей. Вероятно, значительная часть привозных изделий поступила к скотоводам центральноазиатского региона в результате выгодных торговых договоров с Китаем, заключенных по итогам успешной для них войны 721–723 гг. [4. С. 109]. Именно к рассматриваемому периоду в истории тюрок относится большая часть металлических зеркал, монет и шелковых изделий, а также редких находок предметов из лака, обнаруженных в ходе раскопок погребальных комплексов на территории Алтая, Тувы и Монголии.

В археологических памятниках тюрок, датирующихся более поздним временем, предметы импорта встречаются, но уже не столь многочисленны. Данное обстоятельство связано с крушением каганата и вхождением кочевников рассматриваемой общности в состав империй уйгуров и кыргызов. Наиболее поздние предметы китайского импорта в памятниках раннесредневековых тюрок Центральной Азии относятся ко второй половине X – XI в. н.э. Среди таких находок отметим редкое для рассматриваемого региона зеркало из скального погребения Каменный Лог [33. Рис. 1, *13*]. По ряду признаков данный фрагмент может быть отнесен к предметам, произведенным в X–XI вв. В то время, по наблюдению Е.И. Лубо-Лесниченко [25. С. 25], рельефные и массивные зеркала танского времени сменяются тонкими изделиями с более мелким и изящным орнаментом. Кроме того, в немногочисленных тюркских погребениях Центральной Азии конца I тыс. н.э. обнаружены фрагменты шелковых изделий [34, 35].

Выявленные тенденции в распространении предметов китайского импорта в археологических комплексах раннесредневековых тюрок Центральной Азии полностью соотносятся с основными политическими событиями в регионе. Степень доступа кочевников к «престижным» в их среде привозным изделиям из Поднебесной империи определялась возможностью контроля торговых путей, а также общей активностью контактов с южным соседом. Наибольшие возможности для получения предметов импорта номады имели в периоды политической стабильности, во время существования крупнейших кочевых империй – Первого Тюркского каганата и Второго Восточно-тюркского каганата.

В целом объяснимы и тенденции, наблюдающиеся в территориальном распределении предметов китайского импорта в памятниках номадов (см. рис. 2). Показательной является редкость привозных вещей в погребениях раннесредневековых тюрок Минусинской котловины. При этом следует отметить, что в данном регионе к настоящему времени зафиксировано значительное количество различных китайских предметов, в большинстве случаев представляющих случайные находки. Судя по всему, исключительность китайских изделий в тюркских захоронениях Среднего Енисея объясняется сравнительной непродолжительностью периода политической самостоятельности номадов рассматриваемой общности на этой территории. Напротив, наибольшее количество предметов китайского импорта обнаружено в памятниках раннесредневековых тюрок Алтая, где культура кочевников развивалась на протяжении длительного времени и при наименьшем влиянии других объединений номадов.

Следует признать, что специфика территориального распределения предметов китайского импорта в погребениях тюрок обусловлена не только объективными обстоятельствами. Одним из факторов является общая степень изученности комплексов конкретного региона. В частности, очевидно, что сравнительно небольшое количество привозных изделий в памятниках Монголии объясняется отсутствием целенаправленных исследований погребений раннесредневековых тюрок на данной территории. При этом практически каждый год в результате работ в этом регионе появляются новые материалы. Одним из примеров, демонстрирующих перспективы раннесредневековой археологии Монголии, являются результаты изучения скального погребения Узуур гялан, обнаруженного в 2016 г. [36]. В состав инвентаря данного комплекса наряду с многочисленными изделиями входили предметы китайского импорта – одежда из шелка и фрагмент металлического зеркала. Важно отметить, что памятник относится к позднему этапу в истории тюрок, и наличие привозных вещей показывает сохранение контактов с ремесленными центрами Поднебесной империи в конце I тыс. н.э.

Анализ материалов раскопок погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии показывает, что китайские изделия представляли собой весьма важный элемент материальной культуры кочевников. Вещи, изготовленные в ремесленных центрах оседлых земледельцев, попадали к номадам различными путями. В письменных источниках имеются многочисленные сведения о «подарках», отправляемых скотоводам. Многие исследователи полагают, что это была завуалированная форма дани, выплачиваемая беспокойным северным соседям в обмен на политическую лояльность и отсутствие набегов [37. С. 25]. Нет сомнений в том, что значительная часть китайских изделий захватывалась кочевниками как раз в ходе таких военных операций с целью грабежа, главным образом на приграничных территориях. Вместе с тем имеются сведения, позволяющие утверждать, что в отдельные периоды между раннесредневековыми номадами и Китаем существовал налаженный обмен товарами посредством функционирования разветвленных торговых путей.

Китайские изделия имели большую ценность у номадов Центральной Азии раннего Средневековья. Их помещение в могилу означало, что умерший человек при жизни отличался высоким социальным и имущественным статусом. Судя по всему, китайские вещи относились к предметам роскоши, отражая уровень богатства кочевника и его принадлежность к элите общества. Помимо социального фактора, значение китайских изделий определялось тем, что они могли

выполнять некоторые ритуальные функции. Вопрос о выделении предметов культа у раннесредневековых кочевников Центральной Азии до сих пор остается открытым. Вместе с тем рассмотренные материалы позволяют предположить, что определенное ритуальное значение имели китайские зеркала и их фрагменты, а также монеты, которые носились кочевниками в качестве амулетов. Показательным является хранение некоторых предметов, предположительно относимых к культовым, в специальных мешочках из китайского шелка.

Дальнейшее исследование особенностей распространения китайских предметов у номадов Центральной Азии раннего Средневековья имеет большие перспективы. К примеру, значительный интерес представляет изучение китайских изделий из лака. В настоящее время в памятниках тюркской культуры известно всего два случая обнаружения лаковых чашечек [38. С. 210; 39. С. 180]. Ограниченное количество имеющихся материалов, а также отсутствие специальных работ не позволяют реализовать информационный потенциал таких изделий из тюркских погребальных комплексов. Широкий спектр современных возможностей в указанном направлении демонстрирует накопленный в последние годы опыт изучения лаковых изделий из археологических памятников Алтая и Монголии раннего железного века [40–42 и др.]. Несомненно, значительные перспективы имеет комплексное исследование импортных предметов с применением методов естественных наук, а также последующее сравнение полученных результатов с итогами работ китайских специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Серегин Н.Н. Социальная организация раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии : (по материалам погребальных комплексов). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. 206 с.
2. Серегин Н.Н. Погребальный обряд тюрок Монголии (2-я половина I тыс. н.э.): систематизация, анализ, интерпретация // Труды V (XXI) Всерос. съезда. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. II. С. 133–136.
3. Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Китайские изделия из археологических памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований. 2013. Вып. 1 (7). С. 49–72.
4. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.
5. Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. Вып. 6. С. 14–32.
6. Соенов В.И., Глебова Н.И. Фрагменты шелковых тканей из могильника Курайка // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск : Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2003. Вып. 1. С. 88–90.
7. Соенов В.И. Полевые археологические исследования Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГОУ ВПО ГАГУ в 2010 г. // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2010. № 3 (15). С. 3–6.
8. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1998. 152 с.
9. Камышев А.М. Монеты Китая из Кыргызстана // Нумизматика Центральной Азии. 1999. Вып. IV. С. 57–65.
10. Масумото Т. Китайские монеты из средневековых погребений Западной Сибири // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 49–52.
11. Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово : Изд-во КузГТУ, 2005. 240 с.
12. Длужневская Г.В., Савинов Д.Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб. : ИИМК РАН, 2007. 197 с.
13. Кузнецов Н.А. Монеты из памятников верхнеобской культуры // Тюркологический сборник 2006. М. : Вост. лит., 2007. С. 212–222.
14. Тишкин А.А., Мунхбаяр Б.Ч., Серегин Н.Н. Комплексное изучение монеты «у-шу» из сомона Алтай (Ховдский аймак, Монголия) // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 336–339.
15. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука, 1965. 146 с.
16. Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М. : Наука, 1981. С. 28–43.
17. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 638 с.
18. Чжунго гу цяньши (Старинные монеты Китая) / сост. Тан Шифу. Шанхай : [б.и.], 2001. 658 с. (На кит. яз.).
19. Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. 1959. Т. 7. С. 162–203.
20. Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М. ; Л. : Наука, 1966. Т. II. С. 292–334.
21. Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск : Изд-во ГАГУ, 1997. С. 115–129.
22. Худяков Ю.С., Кочеев В.А. Древнетюркское мумифицированное захоронение в местности Чатыр у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 3. С. 10–18.
23. Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул : Азбука, 2011. 144 с.
24. Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды Государственного исторического музея. 1941. Вып. 16. С. 75–117.
25. Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М. : Наука, 1975. 155 с.
26. Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году. Л. : Изд-во АН СССР, 1927. С. 43–88.
27. Филиппова И.В. Китайские зеркала из памятников хунну // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 4. С. 100–108.
28. Савинов Д.Г. Могильник Бертек-34 // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск : Наука, 1994. С. 104–124.
29. Данилов С.В., Очир А., Эрдэнэболд Л., Бураев А.И., Саганов Б.В., Батболд Х. Курган Шороон Дов и его место в общей системе археологических памятников тюркской эпохи Центральной Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2010. С. 254–257.
30. Очир А., Данилов С.В., Эрдэнэболд Л., Цэрэндорж Ц. Эртний нүүдэлчдийн бунхант булшны малтлага судалгаа. Төв аймгийн Заамар сумын Шороон бумбагар дурсгалын малтлага судалгаа. Улаанбаатар, 2013. 165 т.
31. Очир А., Эрдэнэболд Л., Харжаубай С., Жантегин Х. Эртний нуудэлчдийн бунхант булшны малтлага судалгаа. Улаанбаатар, 2013. 290 с.
32. Серегин Н.Н. «Элитные» погребальные комплексы тюркского времени в Монголии: итоги и перспективы исследований // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 2. С. 60–74.

33. Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Яжанкина С.И. Средневековое скальное захоронение в Каменном Логу // Древности Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2002. № 9. С. 117–124.
34. Вайнштейн С.И. Археологические раскопки в Туве в 1953 году // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1954. Вып. II. С. 140–154.
35. Трифонов Ю.И. Погребение X в. н.э. на могильнике Аргалыкты-I // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск : НГУ, 2000. С. 143–156.
36. Мөнхбаяр Ч., Пүрэвдорж Г., Бямбасүрэн Х., Сүхбаатар Б. Үзүүр гялангийн түрэг хадны оршуулгын малтлага судалгааны урьдчилсан үр дүнгээс // Мөнххайрхан уул, Булган гол – Их онгогийн байгалийн цогцолборт газар. Улаанбаатар : Соёмбо принтинг, 2016. С. 164–187.
37. Крадин Н.Н. Империя Хунну. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Логос, 2001. 312 с.
38. Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // Советская археология. 1957. № 2. С. 207–217.
39. Длужневская Г.В. Комплекс древнетюркского времени на могильнике Улуг-Бюк-II // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск : НГУ, 2000. С. 178–188.
40. Полосьмак Н.В., Кундо Л.П. Новые данные о лаковых изделиях из ноин-улинских курганов (по результатам междисциплинарных исследований) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. XVII. С. 171–175.
41. Elikhina Y., Novikova O., Khavrin S. Chinese Lacquered Cups of the Han Dynasty from the collection of Noyon-Uul, the state Hermitage Museum: Complex Reseach Using the Methods of Art History and Natural Science // Asian Archaeology. 2013. Vol. 2. P. 93–107.
42. Сутягина Н.А., Новикова О.Г. Китайская лаковая чашечка из погребения «золотого человека» (по материалам могильника Бугры в предгорьях Алтая) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 4. С. 83–91.

Nikolai N. Seregin, Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: nikolay-seregin@mail.ru
Annie Chan, University of Pennsylvania (Philadelphia, USA); University of Geneva (Geneva, Switzerland). E-mail: annic@sas.upenn.edu

CHINESE IMPORTS FROM THE SITES OF CENTRAL ASIAN TURKS (VI–XI CENTURIES AD): DYNAMICS OF DISTRIBUTION, HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT

Keywords: Turks, Central Asia, China, imported products, burial complexes, written sources.

Imported products found in the sites of the Central Asian region are an important source for studying various aspects of the nomad's history. The purpose of this article is the analyses of Chinese objects from Turkic funeral complexes of Central Asia for the study of distribution of such things in the second half of the 1st millennium AD. The source of the work are the materials of excavations of about 450 graves, most of which were investigated in the Altai-Sayan region and Mongolia. The chronology of the sites under consideration is determined within the framework of the VI–XI centuries AD. During the study of the Turkic graves 17 Chinese coins and 19 mirrors were found. In addition to this 50 graves included fragments of silk and two complexes – the remains of lacquer caps.

The study was based on an integrated approach, involving the use of various methods of analysis of available materials. The cartography method was applied, which allowed to determine the peculiarities of the distribution of Chinese products in various parts of the Central Asian region. As part of the characteristics of objects, the method of morphological analysis was used, as well as the method of analogies, which made it possible to specify the dating of things. The results of studying Chinese subjects with the help of natural science methods are taken into account.

The study of findings made it possible to characterize the peculiarities of contacts of nomads with China at various stages of history. It is established that the earliest imports are in Turkic sites of the First Khaganate (second half of the 6th – first half of the 7th century AD). Until this time, the nomadic relations with China were fragmentary, which was explained by the subordinate position of the Turks in the political system of the Central Asian region, dependence on the Rouran and the lack of direct access to trade routes. One of the results of the creation of the empire and the active military expansion was the appearance of rare items of Chinese imports (silk products and one coin) in the Turkic burials. The main part of products from Chinese craft centers was found in the funeral complexes of Central Asian Turks dated by the second half of the 7 – the first half of the 8 century AD. It could be explained by the fact that after the founding of the Second East Turkic Kaganate the nomads again had the opportunity to receive imported things. Probably, a significant part of the imported products came to the cattle-breeders of the Central Asian region as a result of favorable trade agreements with China, concluded on the basis of the successful war in 721–723 AD. The number of imports in the Turkic sites of the second half of the 8–9 centuries AD is much smaller. This was due to the collapse of the Kaganate and the entrance of nomads to the Uygur and Kyrgyz empires. Thus, the revealed trends in the distribution of Chinese imports in the archaeological complexes of the Central Asian Turks are fully correlated with the main political events in the region. The degree of access of nomads to the "prestigious" imported products was determined by the ability to control trade routes, as well as the overall activity of contacts with the southern neighbor. The logic of historical events corresponds to the trend of territorial distribution of findings. The main part of Chinese products found in the Altai, where the Turkic society developed over a long period of time and with the least influence of other groups of nomads. A small number of imports in the sites of Mongolia could be explained by the lack of targeted research of Turkic burials in this territory. Prospects for further studies of Chinese products from the archaeological sites are associated with the application of methods of natural sciences, as well as the subsequent comparison of the obtained results with the data of Chinese specialists.

REFERENCES

1. Seregin, N.N. (2013) *Sotsial'naya organizatsiya rannesrednevekovykh tyurok Altae-Sayanskogo regiona i Tsentral'noy Azii: (po materialam pogrebal'nykh kompleksov)* [Social organization of the early medieval Turks of the Altai-Sayan region and Central Asia: (based on materials from burial complexes)]. Barnaul: Altai State University.
2. Seregin, N.N. (2017) Pogrebal'nyy obryad tyurok Mongolii (2-ya polovina I tys. n.e.): sistematizatsiya, analiz, interpretatsiya [Burial rite of the Turks of Mongolia (2nd half of the 1st millennium AD): systematization, analysis, interpretation]. *Trudy V (XXI) Vseros. s"ezda*. 2. pp. 133–136.
3. Tishkin, A.A. & Seregin, N.N. (2013) Chinese items from archaeological sites of early medieval Turkic tribes of Central Asia. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy – Theory and Practice of Archaeological Research*. 1(7). pp. 49–72. (In Russian). DOI: 10.14258/tpai(2013)1(7).-03
4. Klyashtornyy, S.G. & Savinov, D.G. (2005) *Stepnye imperii drevney Evrazii* [Steppe Empires of Ancient Eurasia]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
5. Tishkin, A.A. & Seregin, N.N. (2011) Predmetnyy kompleks iz pamyatnikov kyzyl-tashskogo etapa tyurkskoy kul'tury (2-ya polovina V – 1-ya polovina VI vv. n.e.): traditsii i novatsii [Subject complex from the monuments of the Kyzyl-Tash stage of the Turkic culture (2nd half of the 5th – 1st half of the 6th centuries AD): traditions and innovations]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy – Theory and Practice of Archaeological Research*. 6. pp. 14–32.
6. Soenov, V.I. & Glebova, N.I. (2003) Fragmenty shelkovykh tkaney iz mogil'nika Kurayka [Fragments of silk fabrics from the Kuraika burial ground]. *Arkheologiya i etnografiya Altaya*. 1. pp. 88–90.

7. Soenov, V.I. (2010) Polevye arkheologicheskie issledovaniya Nauchno-issledovatel'skoy laboratorii po izucheniyu drevnostey Sibiri i Tsentral'noy Azii GOU VPO GAGU v 2010 g. [Field archaeological research of the Scientific Research Laboratory for the Study of Antiquities of Siberia and Central Asia GOU VPO GASU in 2010]. In: Soenov, V.I. (ed.) *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noy Azii* [Antiquities of Siberia and Central Asia]. Vol. 3(15).Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. pp. 3–6.
8. Troitskaya, T.N. & Novikov, A.V. (1998) *Verkhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e* [Verkhneobskaya culture in the Novosibirsk Ob regio]. Novosibirsk: SB RAS.
9. Kamyshev, A.M. (1999) Monety Kitaya iz Kyrgyzstana [Coins of China from Kyrgyzstan]. *Numizmatika Tsentral'noy Azii*. 4. pp. 57–65.
10. Masumoto, T. (2001) [Chinese coins from medieval burials in Western Siberia]. *Prostranstvo kul'tury v arkheologo-etnograficheskom izmerenii. Zapadnaya Sibir' i sopredel'nye territorii* [Space of Culture in the Archaeological and Ethnographic Dimension. Western Siberia and Adjacent Territories]. Proc. of the International Conference. Tomsk: Tomsk State University. pp. 49–52. (In Russian).
11. Ilyushin, A.M. (2005) *Etnokul'turnaya istoriya Kuznetskoy kotloviny v epokhu srednevekov'ya* [Ethnocultural history of the Kuznetsk Basin in the Middle Ages]. Kemerovo: KuzSTU.
12. Dluzhnevskaya, G.V. & Savinov, D.G. (2007) *Pamyatniki drevnosti na dne Tuvinskogo morya* [Antiquities at the bottom of the Tuva Sea]. St. Petersburg: RAS.
13. Kuznetsov, N.A. (2006) Monety iz pamyatnikov verkhneobskoy kul'tury [Coins from the monuments of the Upper Ob culture]. In: Klyashtornyy, S.G. & Sultanov, T.I. (eds) *Tyurkologicheskiy sbornik 2006* [Turcologica 2006]. Moscow: Vostochnaya literatura. pp. 212–222.
14. Tishkin, A.A., Munkhbayar, B.Ch. & Seregin, N.N. (2009) Kompleksnoe izuchenie monety “u-shu” iz somona Altay (Khovdskiy aymak, Mongoliya) [Comprehensive study of the “u-shu” coin from the Altai somon (Khovd aimak, Mongolia)]. In: Kiryushin, Yu.F. & Tishkin, A.A. (eds) *Rol' estestvenno-nauchnykh metodov v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [The role of natural scientific methods in archaeological research]. Barnaul: Altai State University. pp. 336–339.
15. Gavrilova, A.A. (1965) *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altayskikh plemen* [Kudyrge burial ground as a source on the history of the Altai tribes]. Moscow; Leningrad: Nauka.
16. Mogilnikov, V.A. (1981) Tyurki [Turks]. In: Pletneva, S.A. (ed.) *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya* [Steppes of Eurasia in the Middle Ages]. Moscow: Nauka. pp. 28–43.
17. Kiselev, S.V. (1951) *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri* [Ancient history of Southern Siberia]. Moscow: USSR AS.
18. Tang Shifu. (2001) *Chzhungo gu tsyan'shi* [Ancient coins of China]. Shanghai: [s.n.].
19. Kadyrbaev, M.K. (1959) Pamyatniki rannikh kochevnikov Tsentral'nogo Kazakhstana [Monuments of the early nomads of Central Kazakhstan]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN Kazakhskoy SSR*. 7. pp. 162–203.
20. Weinstein, S.I. (1966) Pamyatniki vtoroy poloviny I tysyacheletiya v Zapadnoy Tuve [Monuments of the second half of the 1st millennium in Western Tuva]. In: *Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Tuva complex archaeological and ethnographic expedition]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 292–334.
21. Mamadakov, Yu.T. & Gorbunov, V.V. (1997) Drevnetyurkskie kurgany mogil'nika Katanda-III [Ancient Turkic burial mounds of the Katanda-III burial]. In: Soenov, V.I. (ed.) *Izvestiya laboratorii arkheologii* [News of the Laboratory of Archeology]. Gorno-Altaysk: GASU. pp. 115–129.
22. Khudyakov, Yu.S. & Kocheev, V.A. (1997) Drevnetyurkskoe mumifitsirovannoe zakhoronenie v mestnosti Chatyr u s. Zhana-Aul v Gornom Altae [Ancient Türkic mummified burial in the Chatyr area near the village Zhana-Aul in Gorny Altai]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian sciences in Siberia*. 3. pp. 10–18.
23. Tishkin, A.A. & Seregin, N.N. (2011) *Metallicheskie zerkala kak istochnik po drevney i srednevekovoy istorii Altaya (po materialam Muzeya arkheologii i etnografii Altaya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta)* [Metal mirrors as a source on the ancient and medieval history of Altai (based on materials from the Museum of Archeology and Ethnography of Altai, Altai State University)]. Barnaul: Azbuka.
24. Evtyukhova, L.A. & Kiselev, S.V. (1941) Otchet o rabotakh Sayano-Altayskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1935 g. [Report on the work of the Sayan-Altai archaeological expedition in 1935]. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya*. 16. pp. 75–117.
25. Lubo-Lesnichenko, E.I. (1975) *Privoznye zerkala Minusinskoy kotloviny* [Imported mirrors of the Minusinsk Basin]. Moscow: Nauka.
26. Borovka, G.I. (1927) Arkheologicheskoe obsledovanie srednego techeniya r. Toly [Archaeological survey of the middle reaches of the river. Toly]. In: Borovka, G.I. et al. *Severnaya Mongoliya. Predvaritel'nye otchety lingvisticheskoy i arkheologicheskoy ekspeditsiy o rabotakh, proizvedennykh v 1925 godu* [Northern Mongolia. Preliminary reports of the linguistic and archaeological expeditions on the work done in 1925]. Leningrad: USSR AS. pp. 43–88.
27. Filippova, I.V. (2000) Kitayskie zerkala iz pamyatnikov khunnu [Chinese mirrors from the Xiongnu monuments]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 4. pp. 100–108.
28. Savinov, D.G. (1994) Mogil'nik Bertek-34 [Burtek-34 burial ground]. In: Molodin, V. (ed.) *Drevnie kul'tury Bertekskoy doliny* [Ancient Cultures of the Bertek Valley]. Novosibirsk: Nauka. pp. 104–124.
29. Danilov, S.V., Ochir, A., Erdenebold, L., Buraev, A.I., Saganov, B.V. & Batbold, Kh. (2010) Kurgan Shoroon Dov i ego mesto v obshchey sisteme arkheologicheskikh pamyatnikov tyurkskoy epokhi Tsentral'noy Azii [Kurgan Shoroon Dov and its place in the general system of archaeological monuments of the Turkic era in Central Asia]. In: *Drevnie kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri* [Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China]. Ulan-Ude: SB RAS. pp. 254–257.
30. Ochir, A., Danilov, S.V., Erdenebold, L. & Tserendorzh, Ts. (2013) *Ertniy nүүdelchdiyn bunkhant bulshny maltlaga sudalgaa. Төv aymgiyn Zaamar sumyn Shoroon bumbagar dursgalyn maltlaga sudalgaa*. Ulaanbaatar: [s.n.].
31. Ochir, A., Erdenebold, L., Kharzhaubay, S. & Zhantegin, Kh. (2017) *Ertniy nuudelchdiyn bunkhant bulshny maltlaga sudalgaa*. Ulaanbaatar: [s.n.].
32. Seregin, N.N. (2017) “Elite” burial complexes of the Turkic time in Mongolia: results and prospects of research. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy – Theory and Practice of Archaeological Research*. 2. pp. 60–74. (In Russian). DOI: 10.14258/tpai(2017)2(18).-06
33. Soenov, V.I., Trifanova, S.V., Vdovina, T.A. & Yazhankina, S.I. (2002) Srednevekovoe skal'noe zakhoronenie v Kamennom Logu [Medieval rock burial in Kamenny Log]. *Drevnosti Altaya*. 9. pp. 117–124.
34. Weinstein, S.I. (1954) Arkheologicheskie raskopki v Tuve v 1953 godu [Archaeological excavations in Tuva in 1953]. *Uchenye zapiski TNIIYaLI*. 2. pp. 140–154.
35. Trifonov, Yu.I. (2000) Pogrebenie X v. n.e. na mogil'nike Argalykty-I [Burial of the 10th century AD at Argalykty-I burial ground]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Pamyatniki drevnetyurkskoy kul'tury v Sayano-Altae i Tsentral'noy Azii* [Monuments of Ancient Culture at the Sayano-Altai and Central Asia]. Novosibirsk: NSU. pp. 143–156.
36. Mөnkhbayar, Ch., Pүrevdorzh, G., Byambasүren, Kh. & Sүkhbaatar, B. (2016) Yzүүr gyalangiyn tүreg khadny orshuulgyn maltlaga sudalgaany ur'dchilsan үr dүngees . In: *Mөnkhkhayrkhan uul, Bulgan gol – Ikh ongogiyn baygaliyn tsogtsolbort gazar*. Ulaanbaatar: Soembo printing, 2016. pp. 164–187.
37. Kradin, N.N. (2001) *Imperiya Khunnu* [Hunnu Empire]. 2nd ed. Moscow: Logos.
38. Evtyukhova, L.A. (1957) O plemenakh Tsentral'noy Mongolii v IX v. [About the tribes of Central Mongolia in the 9th century]. *Sovetskaya arkheologiya*. 2. pp. 207–217.
39. Dluzhnevskaya, G.V. (2000) Kompleks drevnetyurkskogo vremeni na mogil'nike Ulug-Byuk-II [The ancient Turkic complex at the Ulug-Byuk-II burial ground]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Pamyatniki drevnetyurkskoy kul'tury v Sayano-Altae i Tsentral'noy Azii* [Monuments of Ancient Culture at the Sayano-Altai and Central Asia]. Novosibirsk: NSU. pp. 178–188.

40. Polosmak, N.V. & Kundo, L.P. (2011) Novye dannye o lakovykh izdeliyakh iz noin-ulinskikh kurganov (po rezul'tatam mezhdistsiplinarnykh issledovaniy) [New data on lacquerware from the Noin-Ula burial mounds (based on the results of interdisciplinary research)]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and neighboring territories]. Vol. 17. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS. pp. 171–175.
41. Elikhina, Y., Novikova, O. & Khavrin, S. (2013) Chinese Lacquered Cups of the Han Dynasty from the collection of Noyon-Uul, the state Hermitage Museum: Complex Reseach Using the Methods of Art History and Natural Science. *Asian Archaeology*. 2. pp. 93–107.
42. Sutyagina, N.A. & Novikova, O.G. (2016) Chinese Lacquer Cup from the “Golden Man” Tomb at Bugry, Northern Altai. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 4. pp. 83–91. (In Russian). DOI: 10.17746/1563-0110.2016.44.4.083-091

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 94:656.8:621.394(571.1/.5)“1860/1880”
DOI: 10.17223/19988613/66/23

В.А. Морев

ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНЫЕ РЕФОРМЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1860–1880-е гг.

Рассматриваются реформы почтовой и телеграфной связи в Западной Сибири 1860–1880-х гг. как часть преобразований общероссийского характера в системе связи. С помощью опубликованных и неопубликованных источников выделены ключевые преобразования – создание общего руководства для почты и телеграфа Российской империи, образование почтово-телеграфных округов (в Западной Сибири это были Омский и Томский округа); уделено внимание кадровой базе в сфере почтово-телеграфной связи.
Ключевые слова: почта; телеграф; почтово-телеграфные реформы; Российская империя; Омск; Томск; Западная Сибирь.

Для связи огромных территорий Российской империи между собой требовались эффективные средства коммуникации. В XIX в. Сибирь являлась одним из тех регионов, который остро нуждался в подобных средствах. Кроме того, и центру было необходимо поддерживать оперативную связь с далеким сибирским краем. В Сибири новое для того времени средство связи – электрический телеграф – начали внедрять в самом конце 1850-х гг. В Тюмени телеграфная станция была открыта в январе 1862 г. [1. С. 10], в Омске – в 1862 г., в Томске – в октябре 1863 г. [2]. С 1863 по 1867 г. Сибирский телеграф был доведен через Томск и Иркутск (1864) до Читы, Нерчинска и Сретенска. В трех последних городах телеграфная связь заработала в начале января 1868 г. [3. С. 14]. В 1870 г. телеграфная связь была доведена до Благовещенска и Хабаровска, а в марте 1871 г. – до Владивостока [4. С. 16]. В свою очередь, это привело к реформам, которые были связаны с необходимостью объединения почтовой и телеграфной служб в масштабах всей страны в целом и Сибири в частности.

Вопросами истории реформирования почтовой и телеграфной связи Сибири в той или иной степени занимались такие авторы, как А.М. Бурухин [3], М. Шедлинг [5], К.В. Базилевич [6], А.М. Виташевская [7], А.Н. Вигилев [8], А.П. Долгушин [9], О.Н. Разумов [4], Я.А. Яковлев и Ю.К. Рассамахин [10], Е.В. Шваб [11], В.В. Миркин [12], В.А. Морев [13–16] и др. Некоторые из них коснулись подробностей проведения реформ в сфере связи именно на территории Западной Сибири в XIX – начале XX в. Однако таких исследований пока немного, не во всех из них раскрываются детали реформирования отрасли связи на региональном уровне.

Исходя из вышесказанного, цель данной статьи заключается в выявлении некоторых подробностей проведения реформ в сфере связи и их результатов на территории Западной Сибири, являвшихся важной составной частью общероссийских почтово-телеграфных преобразований 1860–1880-х гг.

Источниками для данного исследования явились опубликованные и неопубликованные материалы. К первым относятся именные указы Сенату 1864, 1865 и 1868 гг. [17. С. 539; 18. С. 643; 19. С. 644; 20. С. 248], а также мнение Государственного Совета 1885 г. [21. С. 239–240]. Эти документы напрямую касаются вопросов преобразования почтовых и телеграфных учреждений в масштабе всей Российской империи. В них отразились этапы проведения почтово-телеграфных реформ.

Кроме того, значительный объем информации о почтово-телеграфных реформах на местах содержат неопубликованные (архивные) материалы. В данном исследовании использовались архивные документы Исторического архива Омской области (ГИАОО), Государственного архива Томской области (ГАТО) и Центра хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Материалы архивов позволяют судить об уровне подготовки реформ, содержат информацию о конкретных личностях, принявших непосредственное участие в преобразованиях почтово-телеграфной сферы в центре и на местах, а также дают представление об этапах реформирования.

Распространение телеграфной связи в Российской империи и проведение ее в Сибирь неизбежно влекло за собой новые преобразования в административном устройстве связи. Два ведомства, выполнявшие схожие коммуникационные функции, уже не могли в перспективе существовать отдельно друг от друга. Ведомственное размежевание почты и телеграфа приводило к тому, что каждая из этих структур разделяла единую территорию страны на разные части – почтовые округа и телеграфные округа, деятельность которых не всегда была согласованной. Последние отличались величиной и центральным городом. Так, почтовые конторы Томской губернии входили в Западно-Сибирский почтовый округ и подчинялись Томску, а телеграфные

станции образовывали структуру Омского телеграфного управления, при этом находясь в ведении Омска. Хотя было очевидно, что и почта, и телеграф – это средства связи, а их отличие заключается лишь в способах передачи информации. С созданием телеграфной сети России потребность в единой государственной структуре связи становилась все более насущной [10. С. 331–332]. Среди других причин (кроме общего назначения почты и телеграфа), повлиявших на объединение почты и телеграфа, можно выделить следующие: постоянная потребность в экономии средств на содержание административного аппарата [6. С. 123] и необходимость уменьшения сословных различий между связистами. Таким образом, в 1860-х гг. встал вопрос о создании единого руководства почтой и телеграфом Российской империи.

17 декабря 1864 г. император Александр II подписал указ, по которому телеграфное управление объединялось с почтовым. Этот указ предусматривал передачу Телеграфного управления из Главного управления путей сообщения и публичных зданий Министерства внутренних дел России в ведение Почтового департамента. В частности, в указе было написано: «С устройством полной сети телеграфных линий, которые, простираясь до крайних пределов Империи, соединяют все губернские и более 80 уездных городов, Мы признали полезным Телеграфное Управление соединить с Почтовым, по единству назначения их – передаче корреспонденции» [17. С. 539]. Первым директором телеграфов был назначен генерал-майор Л.И. Гергард, который, в частности, занимался развитием сибирской телеграфной линии вплоть до Амура. Его помощником стал полковник К.К. Людерс, который затем – с 1866 по 1882 г. – являлся директором телеграфов и Телеграфного департамента [22. С. 4]. После К.К. Людерса Телеграфный департамент возглавил генерал-майор (с 1886 г. генерал-лейтенант) Н.А. Безак [23. С. 3].

С 1865 г. телеграфные станции стали открывать при почтовых конторах. Этим было положено начало объединению почты и телеграфа в одних учреждениях. Следует отметить, что намеченные преобразования в сфере связи не всегда и не везде проходили гладко. Вскоре 11 таких объединенных учреждений были вновь разделены [6. С. 122]. Как утверждает Ю.В. Ступакова, процесс слияния почты и телеграфа вызвал многочисленные жалобы со стороны чиновников, породил бесплодную переписку между почтовым и телеграфным департаментами [24. С. 327]. Однако, несмотря на трудности в начале реорганизации, процесс объединения был неизбежен, особенно с 1870-х гг., когда сеть учреждений связи стала более разветвленной.

15 июня 1865 г. Почтовый департамент был преобразован в Министерство почт и телеграфов [19. С. 644], во главе которого сначала стоял И.М. Толстой. В 1867 г., после смерти И.М. Толстого министром почт и телеграфов был назначен А.Е. Тимашев. 9 марта 1868 г. Министерство почт и телеграфов было причислено к Министерству внутренних дел России [20. С. 248]. В составе МВД телеграфная служба находилась вплоть до весны 1917 г. [22. С. 9], кроме небольшого промежутка времени с 6 августа 1880 г. по 16 марта 1881 г., когда вторично было создано и опять ликвидировано Министерство почт и телеграфов [25. С. 154].

Реформы связи охватили и Западную Сибирь. В 1866 г. в Омск переместилось Телеграфное отделение из Екатеринбурга. В Омском телеграфном отделении были следующие станции: Омск, Тюкалинск, Ишим, Новозаимка, Тюмень, Еланск, Каинск, Каргатский форпост, Колывань, Дубровино, Томск, Мариинск и Тобольск [26. Л. 3–6]. В 1874 г. в связи с развитием почтово-телеграфных сообщений и расширением сети почтовых учреждений Омское телеграфное отделение было переименовано в управление Омского телеграфного округа [9. С. 6]. В его подчинение вошли телеграфные станции Западной Сибири (Тобольской и Томской губерний) и Степного края (Акмолинской и Семипалатинской областей), а также части Оренбургской губернии.

Дальнейшее увеличение почтового обмена и общее развитие телеграфных сообщений в России в 1870–1890-е гг. потребовали более серьезного изменения системы управления доставкой информации. Была необходима масштабная реформа почтово-телеграфного дела в стране. С 1880-х гг. начался следующий этап в деле объединения почты и телеграфа Российской империи.

В июне 1884 г. высшим центральным органом для почты и телеграфа стало Главное управление почт и телеграфов, вошедшее в состав Министерства внутренних дел и подчинявшееся ему [27. Л. 32]. В середине 1880-х гг. Главное управление почт и телеграфов состояло из 8 отделений: административного, судебно-следственного, инспекторского, хозяйственного, счетно-бухгалтерского, телеграфно-телефонного, телеграфно-эксплуатационного и почтового. В них трудились 120 чиновников [1. С. 14].

До 1885 г. местными почтовыми и телеграфными учреждениями – почтово-телеграфными конторами и их отделениями – ведало Министерство внутренних дел. Согласно мнению Государственного Совета от 28 мая 1885 г. преобразовывались местные почтовые и телеграфные управления [21. С. 239–240]. По данным Я.А Яковлева и Ю.К. Рассамахина, 2 010 почтовых контор и телеграфных станций преобразовывались в 1 329 почтово-телеграфных учреждений [10. С. 333].

Вместо 65 губернских почтовых управлений, Кавказского почтового округа и 18 телеграфных округов в России создавалось 35 почтово-телеграфных округов. На территории Сибири и Дальнего Востока образовалось пять новых округов – Омский, Томский, Иркутский, Забайкальский и Приамурский. Начальники почтово-телеграфных округов подчинялись Главному управлению почт и телеграфов в составе МВД и были ему подотчетны. Местные почтовые и телеграфные учреждения образовали почтово-телеграфные конторы и отделения: почтовые, телеграфные и почтово-телеграфные (производившие обе операции) [6. С. 122]. Министр внутренних дел до повсеместного образования почтово-телеграфных округов подчинял существовавшие в каждой губернии почтовые и телеграфные учреждения управляющему почтовой частью или

начальнику телеграфного округа и поручал в случае надобности последнему заведование технической частью телеграфа [21. С. 239–240].

Одновременно с объединением почты и телеграфа вместо прежнего поясного тарифа, доходившего до 35 коп. за слово, теперь вводился новый удешевленный пословный тариф: по 5 коп. за слово для телеграмм в пределах Сибири и по 10 коп. за слово для телеграмм, обмениваемых с европейской частью Российской империи [4. С. 21].

22 марта 1886 г. начальник Главного управления почт и телеграфов написал из Санкт-Петербурга в Омск о том, что от министра внутренних дел было получено разрешение об образовании Омского почтово-телеграфного округа. Приказом Главного управления почт и телеграфов Министерства внутренних дел от 23 марта 1886 г. были ликвидированы Омский телеграфный округ, управление почтовой части Тобольской губернии и управление почтовой части Акмолинской области (с центром в Омске). На их базе создавался Омский почтово-телеграфный округ первого класса [9. С. 6–7; 28. Л. 1, 2]. Управлению этого округа поручалось решать вопросы связи на территории Тобольской губернии и Акмолинской области [29. С. 144].

Первым начальником Омского округа был назначен коллежский асессор Павлов, его помощником стал Евдокимов [28. Л. 1, 2; 30. Л. 331]. К сожалению, пока не удалось точно установить их имена и отчества. Что касается начальника Омского почтово-телеграфного округа, то, предположительно, это мог быть Василий Павлов, до этого занимавший должность начальника Тюменской телеграфной станции. Согласно архивным данным, с 17 марта 1881 г. Василий Павлов 1-й был произведен императорским указом за выслугу лет в коллежские асессоры [31. Л. 231].

Управление Омского почтово-телеграфного округа состояло из трех отделений: административно-хозяйственное, техническое и следственное. Последнее проводило ревизии и занималось расследованием конфликтов. Официальная дата создания Омского почтово-телеграфного округа – 1 июля 1886 г. [32. Л. 325]

С этого же числа министр внутренних дел разрешил образовать Томский почтово-телеграфный округ, который включал Томскую губернию и Семипалатинскую область. Особое управление почтовой частью в Томской губернии и Омский телеграфный округ упразднялись [33. Л. 1–1 об.; 34. Л. 19–19 об.].

Первым начальником Томского почтово-телеграфного округа был назначен коллежский советник Хрисанф Хрисанфович Петичинский, ранее управлявший почтовой частью в Семиреченской области (г. Верный – ныне Алматы) [33. Л. 1–1 об.; 34. Л. 19–19 об.; 35. Л. 3]. Он возглавлял округ с 1886 по 1890 г. Преемниками Х.Х. Петичинского на посту начальника Томского почтово-телеграфного округа на протяжении 1891–1920 гг. были 9 человек. Из них наиболее продолжительное время эту должность занимал Иван Эрнестович Норенберг – с 1893 по 1904 г. [4. С. 168]. Управление Томского почтово-телеграфного округа в 1886 г. возглавляли начальник и два его помощника. Кроме того, в управление входили чиновники особых поручений, один или два почтово-телеграфных чиновника для ведения делопроизводства, которые должны были предварительно изучить службы и делопроизводство в одном из почтовых учреждений округа [36. Л. 9].

Доложив губернатору о вступлении в должность, Х.Х. Петичинский совместно с помощником – надворным советником Павловым – подробно ознакомился в первую очередь с Томской почтовой конторой, телеграфной станцией, почтовыми отделениями Нарымским и Богородским, состоянием почтовых трактов и конных станций, телеграфных линий и важным в техническом отношении по исключительным местным условиям воздушным переходом телеграфной линии через реку Томь в с. Ярском. Х.Х. Петичинский был широко образованным и компетентным в вопросах почтовой и телеграфной связи человеком. В одном из первых циркуляров он подробно указал на отступления от распоряжений и инструкций бывшего Почтового департамента и Главного управления почт и телеграфов [4. С. 21, 24].

Как видно из таблицы, в первый год существования почтово-телеграфных округов по числу младших механиков Томский округ в два раза превосходил Омский. Согласно архивным данным, оклад старшего механика составлял 1 260 руб., младшего механика с высшим окладом – 900 руб., а младшего механика с низшим окладом – 750 руб. в год [28. Л. 1 об.–2].

Распределение чиновников технического надзора между Омским и Томским почтово-телеграфными округами в 1886 г.

Чиновники технического надзора	Округа	
	Омский	Томский
Старшие механики	2	2
Младшие механики с высшим окладом	1	2
Младшие механики с низшим окладом	1	2
Итого	4	6

В связи с объединением почтового и телеграфного ведомств в ряде населенных пунктов Западной Сибири потребовалось физически объединять почтовые и телеграфные учреждения. Например, такие преобразования проходили в Тобольске в течение 1886–1889 гг. Этому вопросу почти полностью посвящено целое архивное дело, хранящееся в ГИАОО [37]. Зато в Томске эти перемещения не понадобились: телеграфная станция с первого дня своего открытия размещалась в здании губернской почтовой конторы.

Объединение почтовых и телеграфных учреждений окончательно завершилось к 1888 г. По данным К.В. Базилевича, всего в России за это время было объединено 2 334 учреждения. Такое положение существовало вплоть до революционных событий 1917 г. и некоторое время после них [6. С. 123]. Реорганиза-

ция управления почтово-телеграфного ведомства положительно повлияла на развитие почты и электросвязи на местах. Руководство округа получало значительную самостоятельность и средства. В свою очередь, это позволяло расширять перечень почтово-телеграфных услуг, предлагаемых населению, и внедрять новые формы электросвязи [1. С. 14].

Таким образом, в 1860-е гг. встал вопрос о создании единого руководства для родственных по своим функциям почты и телеграфа Российской империи. Реформы в области связи совпали с крупными буржуазными реформами 1860–1880-х гг., проведенными при Александре II, и в какой-то степени стали их составной частью. Процесс реформирования отрасли связи успешно продолжался и при новом императоре – Александре III. По итогам реформ 1860–1880-х гг. телеграф был окончательно объединен с почтой. В частности, в Западной Сибири появились два новых административных образования в сфере связи – Омский и Томский почтово-телеграфные округа, охватившие территории двух губерний (Тобольской и Томской) и двух областей (Акмолинской и Семипалатинской). Эти реформы устраняли путаницу в работе почты и телеграфа и частично снимали ведомственные барьеры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шапошников Г.Н. Времен связующая нить: этапы развития электросвязи на Среднем Урале. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. 272 с.
2. Кузнецов Д. Томск 4 октября // Томские губернские ведомости. 1863. 4 окт.
3. Бурухин А.М. Сибирский телеграф: историко-статистический очерк // Почтово-телеграфный журнал. 1892. № 1. С. 12–34.
4. Разумов О.Н. Этапы развития электрической связи Томской области // История электросвязи Томской области (от прошлого к настоящему). Томск : Спектр, 2000. С. 5–174.
5. Шедлинг М. Телеграфы в Сибири // Почтово-телеграфный журнал. 1899. № 6. С. 621–634.
6. Базилевич К.В. Почта в России в XIX веке. М. : Связь, 1927. Ч. 2. 79 с.
7. Виташевская А.М. Старинная русская почта. М. : Связьиздат, 1969. 80 с.
8. Вигилев А.Н. История отечественной почты. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Радио и связь, 1990. 312 с.
9. Долгушин А.П. Вначале была почта. Омск : Омич, 1997. 67 с.
10. Яковлев Я.А., Рассамахин Ю.К. Рассказы о томской почте. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. 780 с.
11. Шваб Е.В. Почта в западносибирской деревне (на материалах Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX в.) // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. 30–31 марта 2006 г. : в 3 ч. Омск : ОмГАУ, 2006. Ч. 1. С. 242–245.
12. Миркин В.В., Морев В.А. К истории железнодорожной почты Западной Сибири (конец XIX – середина XX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 356, март. С. 79–84.
13. Морев В.А. Первые проекты и начало проведения электрического телеграфа через Сибирь и Дальний Восток (1850–1870-е годы) // Новый исторический вестник. 2015. № 3 (45). С. 8–24.
14. Морев В.А. Реформы почтовой связи Западной Сибири в первой трети XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411, окт. С. 94–97.
15. Морев В.А. Развитие электрической телеграфной связи Западной Сибири в 1880-е гг. // Теоретические и практические аспекты развития научной мысли в современном мире : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (8 сентября 2016 г., г. Новосибирск). Уфа : Омега Сайнс, 2016.
16. Морев В.А. Сибирская телеграфная магистраль: к истории строительства (1860–1890-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 59. С. 203–209.
17. Именной указ, данный Сенату «О передаче Телеграфного Управления из ведомства Главного Управления Путей Сообщения в ведение Главноначальствующего над Почтовым Департаментом» от 17 декабря 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. 1864. СПб., 1873. Т. 43, отд-ние 2. № 41591.
18. Именной указ, объявленный Сенату Главноначальствующим над Почтовым Департаментом «О назначении при Главноначальствующем над Почтовым Департаментом Чиновника особых поручений по телеграфной части» от 13 июня 1865 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. 1865. СПб., 1867. Т. XL, отд-ние 1. № 42190.
19. Именной указ, данный Правительствующему Сенату «О присвоении Главноначальствующему над Почтовым Департаментом, управляющему и телеграфной частью, и Главноуправляющему Путями Сообщения названий: первому – Министра Почт и Телеграфов, а последнему – Министра Путей Сообщения, и о именовании подведомственных им Главных Управлений Министерствами: первого – Почт и Телеграфов, а последнего – Путей Сообщения» от 15 июня 1865 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. 1865. СПб., 1867. Т. XL, отд-ние 1. № 42194.
20. Именной указ, данный Сенату «О причислении Министерства Почт и Телеграфов к Министерству Внутренних Дел» от 9 марта 1868 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. 1868. СПб., 1873. Т. XLIII, отд-ние 1. № 45574.
21. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О преобразовании местных почтовых и телеграфных учреждений» от 28 мая 1885 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. 1885. СПб., 1887. Т. 5. № 2989.
22. Высоков М.С. Из истории государственного управления электросвязью в России // Электросвязь: история и современность. 2006. № 3-4.
23. Высоков М.С. Из истории государственного управления электросвязью в России // Электросвязь: история и современность. 2007. № 3.
24. Ступакова Ю.В. Организация деятельности и реформирование почтово-телеграфной службы в России // Вестник Тамбовского государственного университета. 2009. Вып. 11 (79).
25. Почта и телеграф в XIX столетии. СПб. : Тип. М-ва внутренних дел, 1902. 248 с.
26. Расписание чинов Омского телеграфного отделения на 1866 г. // Исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 120. Оп. 1. Д. 3.
27. Письмо управляющего почтовой частью Томской губернии и Семипалатинской области в Барнаульскую почтовую контору 19.06.1884 г. // Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 102. Оп. 1. Д. 20.
28. Начальник Главного управления почт и телеграфов коллежскому асессору Павлову 22.03.1886 г. // ГИАОО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 36. Т. 1.
29. Энциклопедия города Омска : в 3 т. / Администрация г. Омска; сост. и науч. ред. П.П. Вибе. Омск : Лео, 2009. Т. 1: Омск от прошлого к настоящему (период с 1716-го по 2008 год) / Д.А. Алисов и др. 919 с.
30. ГИАОО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 36. Т. 2.
31. Указ е.и. величества самодержца всероссийского из Правительствующего Сената № 132 от 16.10.1881 г. // ГИАОО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 11.
32. Список механиков Омского телеграфного округа, распределяемых между вновь образуемыми с 1 июля 1886 г. Омским и Томским почтово-телеграфными округами от 30.05.1886 г. // ГИАОО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 36. Т. 2.
33. Уведомление начальника Главного управления почт и телеграфов в Санкт-Петербурге Томскому губернатору 22.03.1886 г. // Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 2491.

34. Циркуляр начальника Томского почтово-телеграфного округа почтово-телеграфным и почтовым учреждениям 01.07.1886 г. // ЦХАФ АК. Ф. 102. Оп. 1. Д. 24.
35. Управляющий почтовой частью в Семиреченской области (г. Верный) Томскому губернатору о снятии копии с географической карты Томской губернии. 23.04.1886 г. // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2491.
36. ГАТО. Ф. 218. Оп. 1. Д. 2.
37. Дело о соединении в г. Тобольске почтовых и телеграфных учреждений и размещении их в здании, занимаемом губернской конторой (1886–1889 гг.) // ГИАОО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 38.

Vladimir A. Morev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: morevv@sibmail.com

POSTAL-TELEGRAPHIC REFORMS IN WESTERN SIBERIA IN 1860–1880S.

Keywords: post; telegraph; postal-telegraphic reforms; Russian Empire; Omsk; Tomsk; Western Siberia.

The development of the communication system is one of the poorly explored themes in the history of economic development of Siberia. Authors such as A.M. Burukhin, M. Shedling, K.V. Bazilevich, A.M. Vitashevskaya, A.N. Vigilev, A.P. Dolgushin, O.N. Razumov, Ya.A. Yakovlev and others dealt with the history of reforming the postal and telegraph communications of Siberia. Some of them touched on the details of the reforms in the field of communications in the territory of Western Siberia in the 19th – early 20th centuries. However, such studies are still few.

The purpose of this article is to identify some of the details of the reforms in the field of communications and their results in Western Siberia. These reforms were an important part of the all-Russian postal and telegraphic transformations of the 1860–1880s.

The sources for this study were published and unpublished materials. The first include registered decrees of the Senate of 1864, 1865 and 1868, as well as the opinion of the State Council of 1885. These documents directly relate to the transformation of postal and telegraph institutions throughout the Russian Empire. The stages of reforms were reflected in them.

In addition, a significant amount of information about local postal and telegraph reforms is contained in unpublished (archived) materials. Archival documents of the Historical Archive of the Omsk Region, the State Archive of Tomsk Region and the Storage Center of the Archival Fund of the Altai Territory were used in this study. Archive materials make it possible to judge the level of reform preparation, contain information about individuals who took a part in the transformation of the postal and telegraph sphere in the center and in the field, and also give an idea of the stages of reforming.

The author believes that the reorganization of the postal and telegraph department has had a positive impact on the development of local postal and telecommunications. The governance of the postal and telegraph districts received considerable independence and funds. This made it possible to expand the list of postal and telegraph services and introduce new forms of telecommunications.

The author comes to the conclusion that the reforms in the field of communications coincided with the major bourgeois reforms of the 1860–1880s carried out under Alexander II, and to some extent became their integral part. The process of reforming of the communications industry continued successfully under the new emperor, Alexander III. The telegraph was finally combined with mail following the reforms of the 1860–1880s. In particular, two new administrative entities in the field of communications – Omsk and Tomsk postal and telegraph districts – appeared in Western Siberia. They covered the territories of two provinces (Tobolsk and Tomsk) and two regions (Akmolinsk and Semipalatinsk). These reforms eliminated the confusion in the work of the post and telegraph and partially removed departmental barriers.

REFERENCES

1. Shaposhnikov, G.N. (2002) *Vremen svyazuyushchaya nit': etapy razvitiya elektrosvyazi na Srednem Urale* [Times connecting thread: stages of development of telecommunications in the Middle Urals]. Ekaterinburg: Ural State University.
2. Kuznetsov, D. (1863) Tomsk 4 oktyabrya [Tomsk, October 4]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 4th October.
3. Burukhin, A.M. (1892) Sibirskiy telegraf: istoriko-statisticheskiy ocherk [Siberian Telegraph: Historical and Statistical Essay]. *Pochtovo-telegrafnyy zhurnal*. 1. pp. 12–34.
4. Razumov, O.N. (2000) Etapy razvitiya elektricheskoy svyazi Tomskoy oblasti [Stages of development of telecommunications in Tomsk region]. In: Desyatsky, V.S. et al. (eds) *Istoriya elektrosvyazi Tomskoy oblasti (ot proshlogo k nastoyashchemu)* [History of telecommunications in Tomsk region (from the past to the present)]. Tomsk: Spektr. pp. 5–174.
5. Shedling, M. (1899) Telegrafy v Sibiri [Telegraphs in Siberia]. *Pochtovo-telegrafnyy zhurnal*. 6. pp. 621–634.
6. Bazilevich, K.V. (1927) *Pochta v Rossii v XIX veke* [Post in Russia in the 19th century]. Moscow: Svyaz'.
7. Vitashevskaya, A.M. (1969) *Starinnaya russkaya pochta* [Old Russian post]. Moscow: Svyaz'izdat.
8. Vigilev, A.N. (1990) *Istoriya otechestvennoy pochty* [The History of Russian Mail]. 2nd ed. Moscow: Radio i svyaz'.
9. Dolgushin, A.P. (1997) *Vnachale byla pochta* [In the beginning was post office]. Omsk: Omich.
10. Yakovlev, Ya.A. & Rassamakhin, Yu.K. (2003) *Rasskazy o tomskoy pochte* [Stories about the Tomsk Post Office]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Shvab, E.V. (2006) [Post office in the West Siberian village (a case study of Tobolsk province in the second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Sibirskaya derevnya: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya* [Siberian Village: History, Current State, Development Prospects]. Proc. of the Sixth International Conference. March 30–31, 2006. Omsk : OSAU. pp. 242–245. (In Russian).
12. Mirkin, V.V. & Morev, V.A. (2012) On history of railway mail in Western Siberia (end of 19th – mid 20th centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 356. pp. 79–84. (In Russian).
13. Morev, V.A. (2015) The First Projects and the Commencement of Installation of the Electric Telegraph through Siberia and the Russian Far East (1850s – 1870s). *Novyy istoricheskiy vestnik – The New Historical Bulletin*. 3(45). pp. 8–24. (In Russian).
14. Morev, V.A. (2016) Reforms of mail service in Western Siberia in the first third of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 411. pp. 94–97. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/411/14
15. Morev, V.A. (2016) [The development of electrical telegraph communication in Western Siberia in the 1880s]. *Teoreticheskie i prakticheskie aspekty razvitiya nauchnoy mysli v sovremennom mire* [Theoretical and Practical Aspects of the Development of Scientific Thought in the Modern World]. Proc. of the International Conference. Novosibirsk, September 8, 2016. Ufa: Omega Sayns. (In Russian).
16. Morev, V.A. (2019) Siberian telegraph line: on history of construction (1860s-1890s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 59. pp. 203–209. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/59/27
17. Russia. (1864) Imennoy ukaz, dannyy Senatu “O peredache Telegrafnogo Upravleniya iz vedomstva Glavnogo Upravleniya Putey Soobshcheniya v vedenie Glavnonachal'stvuyushchego nad Pochtovym Departamentom” ot 17 dekabrya 1864 g. [Imperial Edict to the Senate “On the transfer of the Telegraph Office from the Department of the Main Office of Ways of Communication to the jurisdiction of the Commander-in-Chief over the Post Office” dated December 17, 1864]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 43. St. Petersburg. № 41591.

18. Russia. (1865a) Imennoy ukaz, ob"yavlennyy Senatu Glavnonachal'stvuyushchim nad Pochtovym Departamentom "O naznachenii pri Glavnonachal'stvuyushchem nad Pochtovym Departamentom Chinovnika osobykh porucheniy po telegrafnoy chaste" ot 13 iyunya 1865 g. [Imperial Edict announced to the Senate by the Commander-in-Chief of the Post Department "On the appointment of an Official of special assignments for the telegraph part under the Commander-in-Chief of the Postal Department" dated June 13, 1865]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. XL. № 42190.
19. Rusia. (1865b) Imennoy ukaz, dannyy Pravitel'stvuyushchemu Senatu "O prisvoenii Glavnonachal'stvuyushchemu nad Pochtovym Departamentom, upravlyayushchemu i telegrafnoy chast'yu, i Glavnoupravlyayushchemu Putyami Soobshcheniya nazvaniy: pervomu – Ministra Pocht i Telegrafov, a poslednemu – Ministra Putey Soobshcheniya, i o imenovanii podvedomstvennykh im Glavnykh Upravleniy Ministerstvami: pervogo – Pocht i Telegrafov, a poslednego – Putey Soobshcheniya" ot 15 iyunya 1865 g. [Imperial Edict to the Governing Senate "On the assignment to the Chief Commander of the Post Department, Manager of the Telegraph, and the Chief Commander of Ways of Communication of the titles: the former – Minister of Posts and Telegraphs, and the latter – Minister of Ways of Communication, and on the naming of the Main Departments subordinate Ministries: the former – Mail and Telegraph, and the lastter – Ways of Communication" dated June 15, 1865]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. XL. № 42194.
20. Russia. (1868) Imennoy ukaz, dannyy Senatu "O prichislenii Ministerstva Pocht i Telegrafov k Ministerstvu Vnutrennikh Del" ot 9 marta 1868 g. [Imperial Edict to the Senate "On the assignment of the Ministry of Posts and Telegraphs to the Ministry of Internal Affairs" dated March 9, 1868]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. XLIII. № 45574.
21. Russia. (1885) Vysochayshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo Soveta «O preobrazovanii mestnykh pochtovykh i telegrafnykh uchrezhdeniy» ot 28 maya 1885 g. [The highest approved opinion of the State Council "On the transformation of local postal and telegraph offices" dated May 28, 1885]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 5. № 2989.
22. Vysokov, M.S. (2006) Iz istorii gosudarstvennogo upravleniya elektrosvyaz'yu v Rossii [From the history of state management of Russian telecommunications]. *Elektrosvyaz': istoriya i sovremennost'*. 3-4.
23. Vysokov, M.S. (2007) Iz istorii gosudarstvennogo upravleniya elektrosvyaz'yu v Rossii [From the history of state management of Russian telecommunications]. *Elektrosvyaz': istoriya i sovremennost'*. 3.
24. Stupakova, Yu.V. (2009) Organizatsiya deyatel'nosti i reformirovanie pochtovo-telegrafnoy sluzhby v Rossii [Organization of activities and reforming the postal and telegraph service in Russia]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta – Tambov University Review*. 11(79).
25. Slavinsky, N.E. (1902) *Pochta i telegraf v XIX stoletii* [Post and telegraph in the 19th century]. St. Petersburg: Ministry of internal Affairs.
26. Omsk Region. (1866) *Raspisanie chinov Omskogo telegrafnogo otdeleniya na 1866 g.* [Ranks of the Omsk telegraph office for 1866]. The Historical Archive of Omsk Region (GIAOO). Fund 120. List 1. File 3.
27. Anon. (1884) *Pis'mo upravlyayushchego pochtovoy chast'yu Tomskoy gubernii i Semipalatinskoy oblasti v Barnaul'skuyu pochtovuyu kontoru 19.06.1884 g.* [Letter from the manager of the Tomsk province and Semipalatinsk region post office to the Barnaul post office on June 19, 1884]. The Center for the storage of the archival fund of the Altai Territory (TsKhAF AK). Fund 102. List 1. File 20.
28. Anon. (1886) *Nachal'nik Glavnogo upravleniya pocht i telegrafov kollezhskomu asessoru Pavlovu 22.03.1886 g.* [Head of the Main Department of Posts and Telegraphs to the Collegiate Assessor Pavlov 03/22/1886]. The Historical Archive of Omsk Region (GIAOO). Fund 120. List 1. File 36. Vol. 1.
29. Vibe, P.P. (ed.) (2009) *Entsiklopediya goroda Omska: v 3 t.* [Encyclopedia of Omsk: in 3 volumes]. Vol. 1. Omsk: Leo.
30. The Historical Archive of Omsk Region (GIAOO). Fund 120. List 1. File 36. T. 2.
31. Omsk. (1881) *Ukaz e.i. velichestva samoderzhtsa vserossiyskogo iz Pravitel'stvuyushchego Senata № 132 ot 16.10.1881 g.* [Imperial Edict No. 132 from the Governing Senate dated October 16, 1881]. The Historical Archive of Omsk Region (GIAOO). Fund 120. List 1. File 11.
32. Omsk. (1886) *Spisok mekhanikov Omskogo telegrafnogo okruga, raspredelyaemykh mezhdu vnov' obrazuemymi s 1 iyulya 1886 g. Omskim i Tomskim pochtovo-telegrafnymi okrugami ot 30.05.1886 g.* [List of mechanics of the Omsk telegraph district, distributed between the newly formed Omsk and Tomsk post-telegraph districts from July 30, 1886, 05/30/1886]. The Historical Archive of Omsk Region (GIAOO). Fund 120. List 1. File 36. Vol. 2.
33. Tomsk. (1886a) *Uvedomlenie nachal'nika Glavnogo upravleniya pocht i telegrafov v Sankt-Peterburge Tomskomu gubernatoru 22.03.1886 g.* [Notification of the head of the Main Directorate of Posts and Telegraphs in St. Petersburg to the Tomsk Governor 03/22/1886]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 2. File 2491.
34. Tomsk. (1886b) *Tsirkulyar nachal'nika Tomskogo pochtovo-telegrafnogo okruga pochtovo-telegrafnym i pochtovym uchrezhdeniyam 01.07.1886 g*. [Circular of the head of the Tomsk post-telegraph district to post-telegraph and post offices 01.07.1886]. TsKhAF AK. Fund 102. List 1. File 24.
35. Tomsk. (1886c) *Upravlyayushchiy pochtovoy chast'yu v Semirechenskoy oblasti (g. Vernyy) Tomskomu gubernatoru o snyatii kopii s geograficheskoy karty Tomskoy gubernii. 23.04.1886 g.* [The manager of the post office in the Semirechenskaya region (Verny) to the Tomsk governor about making a copy of the geographical map of the Tomsk province. April 23, 1886]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 2. File 2491.
36. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 218. List 1. File 2.
37. Omsk. (n.d.) *Delo o soedinenii v g. Tobol'ske pochtovykh i telegrafnykh uchrezhdeniy i razmeshchenii ikh v zdanii, zanimaemom gubernskoy kontoroy (1886–1889 gg.)* [On connection of the postal and telegraph offices in Tobolsk in a building occupied by the provincial office (1886–1889)]. The Historical Archive of Omsk Region (GIAOO). Fund 120. List 1. File 38.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 930:329:323.332:622.333(47+57)
DOI: 10.17223/19988613/66/24

О.Т. Лойко

МОНОГРАФИЯ И.С. СОЛОВЕНКО «ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ ШАХТЕРОВ РОССИИ В 1992–1999 гг.» КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07350.

Работа посвящена исследованию доктора исторических наук И.С. Соловенко «Протестное движение шахтеров России в 1992–1999 гг.». В монографии представлены динамика, результаты и противоречия одного из наиболее важных феноменов современной истории – борьбы рабочих угольной промышленности в период перехода к рыночным отношениям.
Ключевые слова: протестное движение; шахтеры; угольная промышленность.

Анализ современности во всей ее противоречивости является предметом особого интереса историков. Именно поэтому работы историков Сибири, направленные на выявление значимости протестных движений шахтеров в так называемые «лихие девяностые» является темой, актуальной как в научном, так и практическом контексте. К числу серьезных исследований протестного движения шахтеров России в 1992–1999 гг. относится рецензируемая монография, выполненная историком Томского политехнического университета Игорем Сергеевичем Соловенко.

Книга является итогом многолетних научных исследований И.С. Соловенко и достаточно полно отражает проблематику современного рабочего движения в угольной промышленности России. Обращает на себя внимание выбранный автором объект исследования – рабочий класс и рабочее движение в постперестроечной России [1. С. 13]. Ученый исследует актуальную тему – анализ рабочего движения шахтеров на фоне серьезных экономических и социальных потрясений российского общества. Тем самым автор продолжает традиции советских и российских историков (В.П. Зиновьева, Т.В. Кисельниковой, Г.Т. Девяткина и др.), в работах которых проблемы становления и развития рабочего класса, пролетарского движения, его истоков, предпосылок и результатов всегда были предметом постоянного научного интереса.

Рецензируемая монография состоит из введения, четырех разделов и заключения, отражающих историю и динамику протестных движений горняков и шахтеров России. Инновационный подход к исследованию заявленной темы автор формулирует исходя из реально существующего противоречия: потребности всестороннего и глубокого анализа современности в исследовании выступлений шахтеров и отсутствия комплексного анализа «протестного движения российских шахтеров во время перехода к рыночным отношениям» [Там же. С. 4]. Сложная комплексная исследовательская траектория определила круг исторических источников, которые автор, исходя из логики научного исследования, объединяет в три категории, отражающие основные периоды протестного движения.

В первой главе подробно анализируется ситуация, существовавшая в угольной промышленности России в девяностые годы, выявляются политические, экономические и социальные причины, сложившиеся в угледобывающей промышленности, которые и привели к взрыву протестных движений шахтеров. Автор на основе научных исследований, многочисленных архивных и статистических данных, примеров из жизни горняков анализирует проблемы, приведшие к кризису в угледобывающей сфере. Главными проблемами угольной промышленности в 1990-е гг. автор называет отсутствие национально ориентированной программы, научного обеспечения, отставание правовой сферы от уровня политических и социально-экономических отношений [Там же. С. 33–34]. Достоинством монографии является тщательное изучение не только объективных, но и субъективных причин кризиса в горнодобывающей промышленности. Автор пишет: «Кадровые работники угольной индустрии сложно адаптировались к условиям работы в других отраслях промышленности и народного хозяйства, труднее обучались новым профессиям» [Там же. С. 85].

В завершении первого раздела автор выделяет и дает авторскую классификацию основным этапам протестного движения шахтеров России. Данная периодизация стала основным методологическим стержнем, определившим логику научного исследования. Подъем протестной активности шахтеров России (1992–1997), пик шахтерских протестов (январь–июль 1998), закономерный спад протестных движений рабочих уголь-

ной промышленности подробно проанализированы в основных разделах монографии. На основе изучения протестного движения автор показывает, как менялось отношение к протестам шахтеров в обществе: от поддержки «советскими трудящимися стачечного движения в 1989–1991 гг.» [1. С. 152] до роста «антишахтерских» настроений в 1992 г. Следуя заданной логике исследования, И.С. Соловенко подчеркивает, что в 1998 г. наблюдался «пик» шахтерских протестов, которые получали поддержку практически всех слоев общества. «Протестные действия горняков, – пишет автор, – реально поддерживали ученые, студенты, работники культуры. Многие акции рабочих и бюджетников имели масштабный характер и позволяли выразить протест всего трудового народа» [Там же. С. 229]. Одновременно, как доказано в исследовании с опорой на источники, отсутствие опыта протестных выступлений и реальной консолидации сил привело к тому, что солидарность проявлялась на словах, а на деле «протестующие горняки не сумели показать себя единой, целостной силой, способной поднять на борьбу широкие слои населения» [Там же. С. 236]. Произошло это потому, что стремительное падение интереса общества к шахтерским протестам сопровождалось общим экономическим и социальным кризисом в стране.

Использование сравнительно-сопоставительного и историко-типологического методов анализа исторических источников позволило автору выстроить логику научного исследования: от выявления динамики протестного движения (разд. 2.2) к его усилению (разд. 3.2) и, как результату, – к снижению динамики протестных выступлений шахтеров (разд. 4.2). В заключительном разделе работы автор анализирует спад протестного движения горняков, его противоречия, закономерные изменения отношения населения страны к характеру и методам действий шахтеров. Описывая результат протестных движений горняков, автор пишет: «Ослабление протестного потенциала шахтеров обусловило существенную трансформацию целеполагающих действий, которые стали вписываться в либерально ориентированную систему общественно-политических отношений» [Там же. С. 271].

Отличительной особенностью исследования И.С. Соловенко является научная добросовестность в анализе сложных социально-экономических процессов в перестроечной трансформационной экономике страны, в которой возникали, развивались, достигали своего пика и постепенно реформировались содержание и форма протестного движения шахтеров. Так, характеризуя заключительный этап протестного движения шахтеров, он пишет: «Важной особенностью третьего этапа стала реализация *ответственной социальной политики* (курсив И. Соловенко) в шахтерских городах и поселках. Как никогда ранее Правительство РФ показывало желание встать на путь социального партнерства с профсоюзами» [Там же. С. 294].

Как серьезный профессиональный историк автор в своей работе не ставит окончательного диагноза событиям «шахтерских войн», завершившихся, но оставивших ряд нерешенных вопросов, которые, по мнению автора, ставят под сомнение перспективы развития угольной промышленности [Там же. С. 300].

В небольшой рецензии сложно раскрыть всю богатую научно-исследовательскую палитру томского ученого, но несомненно одно: работа выполнена на достаточно серьезном источниковедческом базисе, логически структурирована, написана ярким живым языком, что делает чтение этой книги занятием интересным и содержательным. Кроме того, автор поднял тему нашего «настоящего-прошедшего» и тем самым представил события недавнего прошлого в их осмысленном существовании в нашей общей памяти. Фактически монографию И.С. Соловенко можно поставить в ряд таких работ, как исследование немецких историков, которые в коллективной монографии «ГДР – миролюбивое государство, читающая страна, спортивная нация?» [2] на обширном историческом материале, отражающем развитие объединенной Германии, проводят серьезный анализ отношения населения к историческим реалиям «немецкой модели социализма», объективно оценивая представление о ГДР как о «государстве Штази» [Там же. С. 19].

Рецензируемая монография демонстрирует высокий интеллектуальный потенциал автора; она способна занять лидирующее место среди многочисленных советских и российских исследований истории развития протестного движения рабочих. Однако автор, по-видимому, в силу своей увлеченности темой (текст это хорошо показывает) не счел необходимым указать на своих предшественников в изучении проблем протестного движения и его требований, в частности в первые годы Советской власти. Лишь эпизодически он сравнивает требования рабочих, которые выдвигались в протестных выступлениях значительно раньше. «Выбор требований шахтеров в середине 1990-х гг. напоминал тактику рабочих в предыдущие периоды. Еще в 1918 г., замечает известный российский историк Д. Чураков, в своем большинстве акции протеста рабочих были продиктованы необходимостью борьбы за элементарное физическое выживание даже в тех случаях, когда звучали политические лозунги. Шахтеры постсоветской России вернулись к данной позиции» [1. С. 123].

В целом, отмечу, что монография Игоря Сергеевича Соловенко – серьезное историческое исследование актуальных проблем российской истории. Рабочее движение как сложное явление, динамически развивающийся процесс современной России требует постоянного системного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловенко И.С. Протестное движение шахтеров России в 1992–1999 гг. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2019. 343 с.
2. ГДР: миролюбивое государство, читающая страна, спортивная нация? : сб. ст. : пер. с нем. / ред.-сост. Т. Гроссбёльтинг. М. : Мысль, 2017. 384 с.

Olga T. Loiko, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olgaloyko@tpu.ru

I.S. SOLOVENKO'S MONOGRAPH "THE PROTEST MOVEMENT OF RUSSIAN MINERS IN 1992–1999" AS A SOURCE FOR STUDYING THE PROBLEMS OF THE RUSSIAN COAL INDUSTRY IN THE POST-SOVIET PERIOD

Keywords: Protest movement, miners, coal industry.

The work is devoted to the research of doctor of historical sciences I.S. Solovenko "The Protest movement of Russian miners in 1992-1999".

REFERENCES

1. Solovenko, I.S. (2019) *Protestnoe dvizhenie shakhterov Rossii v 1992–1999 gg.* [The protest movement of miners in Russia in 1992–1999]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
2. Grossbölting, T. (ed.) (2017) *GDR: mirolyubivoe gosudarstvo, chitayushchaya strana, sportivnaya natsiya?* [The GDR: a peace-loving state, a reading country, a sports nation?]. Translated from German. Moscow: Mysl'.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНДРЕЕВ Алексей Евгеньевич, соискатель кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций факультета документоведения и технотронных архивов Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Москва). E-mail: aae@list.ru

БАРМИН Александр Вячеславович, доцент кафедры истории и социальных технологий Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург). E-mail: allo-barmin@mail.ru

БЕЗНИН Михаил Алексеевич, доктор исторических наук, проректор по научной работе, заведующий кафедрой отечественной истории Вологодского государственного университета. E-mail: beznin@uni-vologda.ac.ru

БЕЛЯЕВ Леонид Андреевич, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заведующий отделом Московской Руси Института археологии РАН (Москва); ведущий научный сотрудник Лаборатории археолого-этнографических исследований Западной Сибири Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: labeliaev@bk.ru

БЕСКОВ Андрей Анатольевич, кандидат философских наук, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Новые религиозные движения в современной России и странах Европы» Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина. E-mail: beskov_aa@mininuniver.ru

БРУММ Константин Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, политологии и экономики Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул). E-mail: Kas-1294@yandex.ru

ВОВЧУК Людмила Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики Черноморского национального университета им. Петра Могилы (Николаев, Украина)

ВОРОБЕЙ Игорь Евгеньевич, ведущий научный сотрудник Магаданского областного краеведческого музея. E-mail: vorobey.ie@magadanmuseum.ru

ГАРБАРТ Максим Игоревич, аспирант кафедры востоковедения факультета истории и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета; ассистент кафедры всеобщей истории Гуманитарного института Сибирского федерального университета (Красноярск). Email: maxharbart@yandex.ru

ДАВЫДОВ Вячеслав Викторович, старший преподаватель факультета социально-политических наук Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. E-mail: v.davydov@uniyar.ac.ru

ДЁМИН Юрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-экономических дисциплин гуманитарно-эстетического факультета Педагогического института Иркутского государственного университета. E-mail: yademin1980@yandex.ru; ddeminzz@mail.ru

ДИМОНИ Татьяна Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета. E-mail: dimonitm@yandex.ru

ЗАПАРИЙ Владимир Васильевич, доктор исторических наук, и.о. заведующего кафедрой истории и социальных технологий Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург). E-mail: vvzap@mail.ru

ИЕРУСАЛИМСКИЙ Юрий Юрьевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой отечественной средневековой и новой истории, научный руководитель лаборатории военной истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

КОВГАНОВ Сергей Яковлевич, доцент кафедры теории и истории государства и права в/ч 44261 (Новосибирск). E-mail: kovsy@yandex.ru

КОЛЕВ Жеко Митков, кандидат технических наук, доцент кафедры разработки и эксплуатации нефтяных и газовых месторождений института геологии и нефтегазодобычи Тюменского индустриального университета. E-mail: jackkolev@gmail.com

КОЛЕВА Галина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий Института сервиса и отраслевого управления Тюменского индустриального университета. E-mail: gukoleva@gmail.com

КОСКИНА Мария Михайловна, магистрант исторического факультета Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. E-mail: maria14678@yandex.ru

ЛОЙКО Ольга Тимофеевна, доктор философских наук, профессор отделения социально-гуманитарных наук, Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета (Россия). E-mail: olgaloyko@tpu.ru

ЛУКИНА Надежда Васильевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-образовательного центра «Музей и культурное наследие» Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: lunv@mail.ru

ЛУКИНСКИЙ Николай Александрович, магистрант кафедры востоковедения факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: nikolai.lukinsky2015@yandex.ru

МИТЬКО Олег Андреевич, кандидат исторических наук, заведующий сектором археологии лаборатории гуманитарных исследований научно-исследовательской части Новосибирского государственного университета. E-mail: omitis@gf.nsu.ru

МИЦУК Алексей Алексеевич, аспирант факультета исторических и политических наук, лаборант научно-образовательного центра «Музей и культурное наследие» Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск). E-mail: rixalos@mail.ru

МОРЕВ Владимир Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: morevv@sibmail.com

МУНЬКО Анастасия Васильевна, магистрант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: Nastyamun@mail.ru

ПИКОВ Геннадий Геннадьевич, доктор исторических наук, доктор культурологии, заведующий кафедрой всеобщей истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета. E-mail: gennadij-pikov@yandex.ru

РОГАЕВА Ирина Евгеньевна, аспирант кафедры востоковедения факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск). E-mail: irina_rogaeva@mail.ru

САВКОВИЧ Евгений Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: savkovic@sibmail.com

СЕРЕГИН Николай Николаевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая, докторант кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

ТАРАСОВ Роман Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической истории и информационных технологий Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (Саранск). E-mail: 9023060@mail.ru

ТРИГУБ Александр Петрович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики Черноморского национального университета им. Петра Могилы (Николаев, Украина). E-mail: alextrigub@ukr.net

ФЕДОРОВ Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Челябинского государственного университета. E-mail: alex_boss@list.ru

ХАХАЛКИНА Елена Владимировна, доктор исторических наук, и.о. заведующего кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

ХАХОВСКАЯ Людмила Николаевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило ДВО РАН (Магадан). E-mail: hahovskaya@neisri.ru

ЧЕН Анни, PhD, PhD исследователь в Департаменте восточноазиатских языков и цивилизаций Университета Пенсильвании (Филадельфия, США); научный сотрудник гуманитарного факультета Женевского университета. E-mail: annic@sas.upenn.edu

ШОКАРЕВ Сергей Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Москва). E-mail: shokarevs@yandex.ru

ЯКУБ Алексей Валерьевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и теории международных отношений Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: avy59@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2020 № 66

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский
Главный редактор – В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь – Е.А. Федосов

Подписано к печати 24.08.2020 г. Формат 60x84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 25,25. Усл. печ. л. 23,5. Тираж 50 экз. Заказ № 4387. Цена свободная.

Дата выхода в свет 27.08.2020 г.

Редактор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет Е.Г. Шумской
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редакторы-переводчики – А.А. Глущенко, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет
Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: **http://journals.tsu.ru/history**

Founder – Tomsk State University
Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.
Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history.
The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь Е.А. Федосов
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Издательство:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательский Дом ТГУ
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:
TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Egor Fedosov
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Publisher:
Publishing House of Tomsk State University,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru